

**ВЕСТНИК
Томского государственного университета**

2020. № 451. Февраль

- | | |
|-------------------------------|--------------------------------------|
| • ФИЛОЛОГИЯ | • PHILOLOGY |
| • ФИЛОСОФИЯ | • PHILOSOPHY |
| • СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ | • SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE |
| • ИСТОРИЯ | • HISTORY |
| • ПЕДАГОГИКА | • PEDAGOGICS |
| • ПРАВО | • LAW |

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2020. № 451. February

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

Учредитель – Томский государственный университет

Founder – Tomsk State University

НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
И.В. Ивонин, д-р физ.-мат. наук, проф. (зам. председателя);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Д.А. Катунин, канд. филол. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцу, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филол. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, канд. биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р техн. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
Л.С. Гринкевич, д-р экон. наук, проф.; **С.К. Гураль**, д-р
пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол. наук, проф.;
Ю.М. Ершов, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р ист. наук,
проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч. сотр.;
И.Ю. Малкова, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р геол.-
минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательского
Дома Томского государственного университета; **Т.С. Портнова**,
канд. физ.-мат. наук, доц., директор Издательства НТЛ;
А.И. Потехаев, д-р физ.-мат. наук, проф.; **Л.М. Прозументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **В.С. Сумарокова**, директор
Издательства ТГУ; **С.П. Сушенко**, д-р техн. наук, проф.;
П.Ф. Тарасенко, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Г.М. Татьяна**,
канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р юрид. наук,
проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук, проф.;
Э.И. Черняк, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р техн. наук, проф.

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
I. Ivonin, Dr. of Physics and Mathematics, Professor (Vice
Chairman); **V. Demin**, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor (Vice Chairman); **D. Katunin**, PhD in Philology,
Associate Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics
and Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of
Philosophy, Professor; **D. Vorobyov**, PhD in Biology, Associate
Professor; **S. Vorobyov**, PhD in Biology, Senior Researcher;
A. Glazunov, Dr. of Engineering, Professor; **A. Gortsev**, Dr. of
Engineering, Professor; **L. Grinkevitch**, Dr. of Economics,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of Tomsk State University Publishing House;
T. Portnova, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor,
Director of Scientific and Technical Literature Publishing House;
A. Potekaev, Dr. of Physics and Mathematics, Professor;
L. Prozumentov, Dr. of Law, Professor; **Z. Sakharova**, PhD in
Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**, PhD in Chemistry,
Associate Professor; **V. Sumarokova**, Director of TSU Publishing
House; **S. Sushchenko**, Dr. of Engineering, Professor;
P. Tarasenko, PhD in Physics and Mathematics, Associate
Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy, Associate
Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**, Dr.
of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of
History, Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor;
E. Shragr, Dr. of Engineering, Professor

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Главный редактор –
В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Editor-in-Chief
Vasilii P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Заместители главного редактора:
Е.В. Борисов,
д-р филол. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Deputy Editors-in-Chief
Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Ответственный секретарь –
Д.А. Катунин,
канд. филол. наук, доцент

Executive Editor
Dmitry A. Katunin,
PhD in Philology, Associate Professor

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прозументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суворцев,
д-р филол. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

- Агафонова М.П.** Индивидуальные особенности мелодических контуров интонации незавершенности в спонтанной речи (на материале русского языка) 5
- Байдикова Н.Л.** Zeugma в системе стилистических приемов перечисления (типологический анализ на материале английского языка) 16
- Вировец С.В.** Споры о политике Англии и Франции на страницах русских журналов 1860–1862 гг. и позиция журнала братьев Достоевских «Время» 21
- Каплун М.В.** К вопросу о западноевропейских истоках первых русских комедий (по материалам Посольского приказа второй половины XVII в.) 28
- Мисюров Н.Н.** Новелла Э.Т.А. Гофмана «Разбойники» как новое «прочтение» знаменитой драмы Ф. Шиллера 34
- Разина А.С.** Диалектные фитонимы в аспекте этнокультурной информации 40
- Скворцова Н.С.** Градуальность контрастной образности в формировании противоположных значений фразеологических единиц 46
- Сметанина З.В., Иванова Г.А.** Вариантность слова в «Областном словаре вятских говоров» 56

ФИЛОСОФИЯ

- Буллер А., Линченко А.А., Стурова Е.А.** Проблема исторической ответственности в русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX вв. (на примере сборника «Вехи») 69
- Круглова И.Н.** История философии как философия, или Деррида, читающий Платона 77
- Талалаева Е.Ю.** Преодоление границы языка в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера 83

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

- Achkasov V.A., Abalian A.I., Poliakova N.V.** “Region-building”: the specifics of the russian regional identity policy 89
- Подрезов М.В.** История изучения политического популизма и его современное положение в политической науке 96

ИСТОРИЯ

- Бурнаков В.А.** Змея и змей-дракон в религиозно-мифологических представлениях и фольклоре хакасов (конец XIX – середина XX в.) 102
- Головнев И.А.** Традиционные этнокультурные сообщества в этнографическом кино. «Нанук с Севера» Роберта Флаэрти 113
- Келлер А.В.** Петербургский немец. Из истории токарного ремесла на примере повести Н.С. Лескова «Островитяне» 124
- Колесникова С.Ю.** Кеты и их культура. Проблемы исследования в XX–XXI вв. (к постановке вопроса) 132
- Мальцев Я.В.** Недостатки в деятельности Тюменского областного комитета ВКП(б) – КПСС в 1945–1952 гг. глазами делегатов тюменских областных партийных конференций 137

CONTENTS

PHILOLOGY

- Agafonova M.P.** Individual Characteristics of the Incompleteness Intonation Contour in Russian Spontaneous Speech 5
- Baydikova N.L.** Zeugma in the System of Enumeration Stylistic Devices (A Typological Analysis of English Examples) 16
- Virovets S.V.** Disputes About the Politics of England and France on the Pages of Russian Magazines of 1860–1862 and the Position of the Dostoevsky Brothers' Magazine *Vremya* 21
- Kaplun M.V.** On the West European Sources of the First Russian Comedies (Based on the Materials of the Ambassadorial Order of the Second Half of the 17th Century) 28
- Misyurov N.N.** *Die Räuber* by E. T. A. Hoffmann as a New Reading of the Famous Drama by Friedrich Schiller 34
- Razina A.S.** Dialect Phytonyms in Terms of Ethnocultural Information 40
- Skvortsova N.S.** Contrastive Imagery Gradation in Forming Opposite Phraseological Semantics 46
- Smetanina Z.V., Ivanova G.A.** Variations of the Word in the *Regional Dictionary of Vyatka Dialects* 56

PHILOSOPHY

- Buller A., Linchenko A.A., Sturova E.A.** The Problem of Historical Responsibility in the Russian Religious and Philosophical Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Collection *Vekhi*) 69
- Kruglova I.N.** The History of Philosophy as a Philosophy, or Derrida Reading Plato 77
- Talalaeva E.Yu.** Bridging the Boundary of Language in the Philosophies of Ludwig Wittgenstein and Martin Heidegger 83

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

- Achkasov V.A., Abalian A.I., Poliakova N.V.** “Region-Building”: The Specifics of the Russian Regional Identity Policy 89
- Podrezov M.V.** The History of the Study of Political Populism and Its Current Position in Political Science 96

HISTORY

- Burnakov V.A.** The Snake and the Serpent Dragon in the Religious and Mythological Representations and Folklore of the Khakas (Late 19th – Mid-20th Centuries) 102
- Golovnev I.A.** Traditional Ethnocultural Communities in Ethnographic Films. *Nanook of the North* by Robert Flaherty 113
- Keller A.V.** A German From Petersburg. From the History of the Woodcarver Craft on the Example of Nikolai Leskov's *The Islanders* 124
- Kolesnikova S.Yu.** The Kets and Their Culture. Research Problems in the 20th–21st Centuries (The Statement of the Problem) 132
- Maltsev Ya.V.** Disadvantages in the Activities of the Tyumen Regional Committee of the VKP(b)–CPSU in 1945–1952 Through the Eyes of Delegates of Tyumen Regional Party Conferences 137

Мауль В.Я. Народный «Миф о царе»: культурный трансфер от «саесаг» к «венетианскому самозванству» Е.И. Пугачева	147	Maul V.Ya. The Folk “Myth of the Tsar”: A Cultural Transfer From a “Caesar” to the “Venetian Imposture” of Yemelyan Pugachev	147
Родионов В.А., Аюшиева И.Г. Внешнеполитические ориентиры Монголии после президентских выборов 2017 г.	152	Rodionov V.A., Ayushieva I.G. Mongolia’s Foreign Policy Guidelines After the Presidential Election of 2017	152
Соколова Т.Л. Антиалкогольная кампания в СССР в годы перестройки: к историографии проблемы	158	Sokolova T.L. The Anti-Alcohol Campaign in the USSR in the Perestroika Years: The Historiography of the Problem	158
Трубникова Н.В. В поисках новой перспективы: «кризис истории» сквозь призму современных междисциплинарных контекстов	164	Trubnikova N.V. In Search of a New Perspective: The “Crisis of History” Through the Prism of Contemporary Interdisciplinary Contexts	164

ПЕДАГОГИКА

Сауров Ю.А., Перевошчиков Д.В., Уварова М.П. Язык инвариантов как инструмент построения методики в дидактике физики	170	Saurov Yu.A., Perevoshchikov D.V., Uvarova M.P. The Language of Invariants as a Tool for Constructing Methods in the Didactics of Physics	170
Яковлева И.В., Власюк Н.Н. Здоровьесберегающие технологии в режиме учебы, труда и отдыха студентов (ценностные и деятельностные аспекты)	179	Yakovleva I.V., Vlasjuk N.N. Health Care Technologies in Student Life (Value and Activity Aspects)	179

ПРАВО

Брежнев О.В. Развитие института конституционного правосудия в Республике Узбекистан: проблемы теории и практики	185	Brezhnev O.V. The Development of the Institution of Constitutional Justice in the Republic of Uzbekistan: Problems of Theory and Practice	185
Вавилин Е.В., Чекмарева А.В. Некоторые проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей: материальный и процессуальный аспекты	196	Vavilin E.V., Chekmareva A.V. Some Problems of Conscientious Implementation of Rights and Fulfilment of Duties: Material and Procedural Aspects	196
Груздев В.В. Соглашение о предоставлении опциона на заключение договора	203	Gruzdev V.V. Agreements on Providing an Option to Conclude a Contract	203
Грушин Ф.В., Сирыков А.Н. Регламентация исполнения лишения свободы в Испании	207	Grushin F.V., Siryakov A.N. Regulation of Imprisonment in Spain	207
Кванина В.В. Взаимосвязь гражданского и экологического законодательства при возмещении вреда, причиненного окружающей среде	213	Kvanina V.V. The Interconnection of Civil and Environmental Laws in the Compensation of Damage to the Environment	213
Мазур Е.С., Ахмедшин Р.Л., Александрова Я.Д. Криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений	220	Mazur E.S., Akhmedshin R.L., Alexandrova Ya.D. A Forensic Description of Iatrogenic Crimes	220
Смушкин А.Б., Савельева М.В., Желоков Н.В. Об инновационном пути повышения эффективности научной деятельности российского юридического сообщества	226	Smushkin A.B., Savelieva M.V., Zhelokov N.V. On an Innovative Way to Increase the Effectiveness of Research by the Russian Legal Community	226

LAW

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	233	INFORMATION ABOUT THE AUTHORS IN RUSSIAN	233
--	-----	---	-----

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'34

М.П. Агафонова

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕЛОДИЧЕСКИХ КОНТУРОВ ИНТОНАЦИИ НЕЗАВЕРШЕННОСТИ В СПОНТАННОЙ РЕЧИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО ЯЗЫКА)

Представлены результаты слухового и инструментального исследования особенностей реализации контуров частоты основного тона интонации незавершенности в спонтанной речи. Анализируются диапазон, темп речи, средняя частота основного тона и соотношение интонационных моделей в речи дикторов. Доказывается, что анализ супraseгментных характеристик (в частности характеристик мелодического контура) позволяет составить уникальный речевой портрет диктора, так как дикторы обладают индивидуальными особенностями реализации интонации.

Ключевые слова: фонетика; интонация; мелодика; спонтанная речь; речевой портрет.

Определение индивидуальных характеристик речи, составление речевых портретов – одна из важных задач лингвистики в настоящее время. Без знания подобных особенностей речи невозможно синтезировать речь и тем более невозможно идентифицировать человека по его речи, что обуславливает *актуальность* данного исследования. Интересной и сложной темой для изучения являются индивидуальные особенности речи на просодическом уровне.

Комплекс просодических средств русского языка включает в себя несколько компонентов – мелодический тон, интенсивность, паузация, темп, тембр. *Новизна* данного исследования обусловлена тем, что проявление индивидуальных особенностей на супraseгментном уровне в спонтанной речи на материале русского языка изучено недостаточно. В данной статье рассматриваются только характеристики контура частоты основного тона, изучение индивидуальных характеристик остальных компонентов интонации – возможная тема для дальнейших исследовательских работ. Для анализа была выбрана интонация незавершенности, так как существует несколько интонационных конструкций для реализации синтагм с незавершенностью, что предоставляет дикторам свободу выбора, а значит, позволяет в полной мере проявить их индивидуальные особенности. *Цель* данного исследования – выявить, можно ли на основе супraseгментных характеристик составить уникальный речевой портрет диктора. В наши задачи входило проведение слухового и инструментального анализа особенностей реализации мелодических контуров интонации незавершенности.

Индивидуальные характеристики мелодического контура

Проблема взаимодействия индивидуального и общезыкового в интонации отражается в попытках описания речевых портретов в работах лингвистов. Основной принцип выявления индивидуальных признаков речи говорящего – существование «фона», общей системы с общими закономерностями орфоэпической нормы, но при этом возможность выбора в рамках существующего на данный момент общего [1. С. 268; 2. С. 14; 3. С. 5]. А значит, чтобы выявить индивидуальные характеристики, нужно определить, где имен-

но норма допускает возможность выбора. При этом, несомненно, интонационная норма предоставляет более широкий выбор, чем норма произношения звуков [4. С. 371].

Комплекс используемых интонационных конструкций (ИК) является важной индивидуальной чертой личности. Предпочтение какой-то определенной модели или сочетания каких-либо интонационных моделей можно назвать одной из индивидуальных особенностей диктора. «В ряде случаев интонационный комплекс может быть основным автономным признаком говорящего» [5. С. 211].

Иногда диктор использует интонационные конструкции в позициях, где у большинства носителей языка они не встречаются. Эту особенность также необходимо отнести к индивидуальным. В книге В.Я. Труфановой [Там же. С. 200] есть пример такой особенности: склонность И. Смоктуновского к сосредоточенным в одном слоге восходяще-нисходящим движениям тона (ИК-2 или ИК-3). В речи актера подобные движения тона появляются не только при общепринятом использовании этих типов (при смысловом подчеркивании), но и при простой констатации факта, в неконечных семантически незавершенных синтагмах, в разного типа вопросах, в волеизъявлении и даже в обращениях.

Индивидуализированность звучания – это еще и результат предпочтения каких-то интонационных конструкций, более редких у других говорящих (например, переходных типов ИК или каких-либо модальных реализаций). Слушатель воспринимает это как особенность речи, отличающую говорящего. Интонационная норма шире по сравнению со звуковой и имеет большие выразительные возможности.

В данной работе рассмотрены индивидуальные характеристики мелодического контура и проанализированы акустические характеристики частоты основного тона – средняя частота, диапазон изменений, место его изменения.

Таким образом, к индивидуальным особенностям мелодического контура можно отнести:

1) интонационные модели, которые использует диктор. Соотношение интонационных моделей в его речи, их частотность и дистрибуция;

2) среднюю частоту основного тона, диапазон изменений частоты основного тона. Регистр реализации интонационной модели;

3) место изменения частоты основного тона в ИЦ, тайминг (сосредоточен ли ИЦ в одном слоге или охватывает несколько слогов);

4) скорость изменения частоты основного тона.

Особенности мелодического контура в спонтанной речи

В современном языкознании под спонтанной речью понимается свободная и сиюминутно порождаемая устная речь, которая может сочетаться с разной степенью подготовленности ее содержательной стороны и использоваться в различных ситуациях (разговорный диалог, беседа, свободный монолог, доклад, читаемый без опоры на письменный текст) [6. С. 5; 7. С. 12].

Спонтанная речь как нельзя лучше подходит для анализа индивидуальных особенностей диктора, так как диктор чаще использует изблюбленные речевые модели, тогда как при чтении большое влияние на реализацию единиц сегментного и суперсегментного уровней оказывает графика, техника чтения, знакомство с текстом, качество зрения, освещенность и другие факторы. Однако при работе со спонтанной речью необходимо учитывать ряд ее особенностей.

При анализе материала исследования членение текста на синтагмы является важной процедурой, так как интонационная модель определяется именно в границах выделенных единиц.

Синтагма – «фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в потоке речи-мысли» [8. С. 87]. Основными средствами объединения слов в синтагму следует считать отсутствие пауз внутри нее, а самым надежным средством членения на синтагмы является пауза, поддерживаемая обычно мелодическими, темпоральными и динамическими сигналами членения.

В речи диктор просодическими средствами объединяет элементы, тесно связанные по смыслу, и отделяет одни смысловые средства от других. Это обеспечивает успешность коммуникативного акта, позволяет говорящему передавать самые тонкие оттенки смысла, а слушающему – понимать их.

Однако указанные признаки в спонтанной речи часто нарушаются: между смысловыми единствами может отсутствовать пауза (а также и другие средства членения). Отличительной чертой спонтанной речи является необязательность просодического выражения фразовых границ в тех случаях, когда есть отчетливая смысловая обособленность и грамматическая оформленность высказываний – беспазуальное фразовое членение [9. Р. 138].

С другой стороны, характерными признаками любой неподготовленной речи являются фальстарты, добавления, повторы, исправления, которые могут противоречить смысловой цельности высказывания. Выделяются также своего рода «остановки», иногда оформленные специфическими средствами, типа словечек «вот», «так», представляющих собой либо от-

дельные фразы, либо некие добавки, беспазуально присоединенные к высказываниям.

Таким образом, при членении речи на синтагмы возникают проблемы, связанные с недостаточной четкостью фонетических средств членения и с разнородностью вычленяемых отрезков в функциональных отношениях. Наряду с отрезками, действительно характеризующимися единством смысла и фонетической оформленностью, в спонтанном речевом потоке выделяются многочисленные сегменты, не обладающие данными признаками: слова-связки, слова-заполнители, автоматически произносимые повторы целых синтагм и их кусков [9. Р. 132].

Большое количество пауз хезитации также представляет собой характерную особенность спонтанной речи, отражающую ее сиюминутность. Под паузами хезитации подразумеваются остановки в речи, во время которых говорящий осуществляет выбор слова, производя заполнение конкретной лексической единицы позиции в уже сформированной синтаксической схеме высказывания. Они могут быть незаполненными паузами или паузами, заполненными неопределенными звуками, словами-паразитами, повторениями слов [6. С. 149].

Особую сложность при членении на синтагмы представляет отсутствие четкого противопоставления в ней интонационно-смыслового членения и членения паузами хезитации. Некоторые исследователи считают необходимым введение особой единицы, которая соответствовала бы своеобразному членению спонтанной речи. Таковой можно считать «речевой сегмент» – единицу, соответствующую минимальному отрезку речевой цепи, вычленяемую с помощью перелома тона, пауз, усиления акцентных характеристик слова, темпа [10].

Таким образом, выделяется три подхода к членению спонтанной речи на синтагмы [9. Р. 133–134]. Отдельными синтагмами могут считаться:

– только функционально значимые единицы (не выделяют в отдельную синтагму фальстарты, повторы лексических единиц, паузы хезитации);

– функционально значимые единицы, а также фальстарты, повторы (не считают границей синтагм незаполненные паузы хезитации);

– функционально значимые единицы, фальстарты, повторы. Считают границей синтагм незаполненные паузы хезитации.

В данной работе применялся третий подход к членению спонтанной речи на синтагмы, так как предполагалось, что мелодический контур фальстартов, функционально незначимых повторов частей высказывания, слов-«остановок», а также отрезков речи, разделенных паузами хезитации, может обладать индивидуальными свойствами.

В монографии «Русская разговорная речь» есть утверждение о преобладании в разговорной речи отрезков ИК «с более контрастным движением тона, с высокими и резкими подъемами, значительными замедлениями и особенно ускорениями темпа» [11. С. 135]. Однако другими авторами отмечается и большое количество нечетких переходных реализаций с ослабленными дифференциальными признака-

ми, что затрудняет их анализ. Среди восходящих интонаций, наиболее частотных вообще в разговорной речи, отмечаются контуры, совмещающие на разных участках интонационного контура признаки двух или даже трех интонационных типов (это явление называют двух- или многовершинность) [6. С. 153]. В данном анализе речи дикторов рассматривались фразы с двумя интонационными центрами как две отдельные синтагмы.

Одна из характерных черт спонтанной речи – практически отсутствие финального завершения (нисходящего тона – ИК-1, по классификации Е.А. Брызгуновой) даже в конце высказываний с несомненной смысловой законченностью [Там же. С. 154]. Говорящий выражает просодическими средствами некоторую установку на продолжение. Вместо ИК-1 дикторы чаще реализуют ровный тон, который не находит отражения в большинстве классификаций интонационных контуров русского языка. В классификации Н.Б. Вольской этот контур – интонационная модель 1b [12].

В спонтанной речи характерно преобладание ИК-6 для интонации перечисления. Отличительная черта этого типа – общая замедленность темпа, растянутость гласного. Эта особенность позволяет безошибочно отличить ИК-6 от ИК-3 в синтагмах, где ИЦ приходится на последний слог и нет постцентра [13. Р. 71]. ИК-6 при перечислении всегда охватывает все члены перечислительного ряда, включая последний. Употребление ИК-4 при перечислении может передавать эмоциональную окраску удовлетворения. Для этой интонационной конструкции характерно замедление темпа, удлинение главноударного гласного. В предложениях-ответах ИК-4 может иметь дополнительную эмоциональную окраску (самодовольство, хвастовство) [6. С. 154].

Таким образом, при работе с мелодическими контурами спонтанной речи стоит учитывать ряд особенностей:

– возникают сложности, связанные с членением речи ни синтагмы (беспаузальное фразовое членение; фальстарты, добавления, повторы, исправления, слова-«остановки»; паузы хезитации);

– контуры мелодического тона высказываний могут совмещать на разных участках признаки двух-трех интонационных типов (высказывания могут быть двух- или многовершинными);

– большое количество просодических моделей незавершенности, неполной завершенности (редко встречается интонационная конструкция финального завершения).

Интонационные модели незавершенности в классификации Н.Б. Вольской

Предмет данного исследования – интонация незавершенности. В классификации Н.Б. Вольской [12], разработанной для синтеза речи, есть 11 интонационных моделей для интонации незавершенности.

Инвентарь интонационных моделей был основан на системе Е.А. Брызгуновой. Однако живая речь дает такое разнообразие интонационных контуров, что семи ИК оказывается недостаточно, поэтому система

была значительно доработана. Данная классификация представляется наиболее подробной, отражающей интонационные явления в спонтанной речи. Именно она была использована для анализа речи дикторов в экспериментальной части данной работы.

В системе принимаются во внимание локализация тонального максимума, характер движения тона в предцентровой части, тональный уровень начала и завершения синтагмы, характер движения тона в постцентровой части. Отдельно стоит отметить введение в систему моделей, обозначающих ровный тон на участках интонационного центра в незавершенных синтагмах.

Основные мелодические типы для интонации незавершенности:

Модель 1b:

[1b] – неполная завершенность, практически ровный тон – установка на связность текста.

Модель 9:

[09] – нисходящая интонация: слова автора, пояснения. Интонация вводности.

Модель 10:

[10] – нисходящий тон незавершенности при сочинительной связи, при двоеточии, перед причастными и деепричастными оборотами.

Модель 11:

[11] – восходящая интонация по типу ИК-3.

[11a] – со сдвигом синтагматического ударения на следующий слог.

(как в общем вопросе)

[11b] – незавершенность + выделенность

Модель 12:

[12] – незавершенность по типу ИК-6

[12a] – любой ровный тон при перечислении и незавершенности.

Модель 13:

[13] – незавершенность по типу ИК-4. Конечные синтагмы со значением незавершенности, установкой на продолжение и эмоционально-модальными значениями типа сомнение, недоверие, либо, наоборот, протест, возражение, самонадеянность, хвастовство.

Материал исследования

Материалом данного исследования послужили записи спонтанной речи четырех дикторов мужского и женского пола в двух возрастных категориях – от 20 до 30 и от 30 до 40 лет. Объект исследования – синтагмы с интонацией незавершенности.

Материал для эксперимента был взят из корпуса спонтанной речи. Запись проводилась в 2002 г. с января по июль с интервалом в неделю между спонтанной речью и чтением. Использовался микрофон AKGHSC200 SR и миксер Behringer 802A [13. Р. 77]. Корпус включал в себя записи речи 10 носителей языка – 5 мужчин и 5 женщин – представители разных возрастных групп (до 20 лет, 20–30 лет, 30–40 лет, 40–50 лет, старше 50 лет). Все дикторы – представители Санкт-Петербургской произносительной нормы. Записывались диалоги между знакомыми друг с другом дикторами, темами диалогов были дети, отпуск, путешествия. Длительность диалогов ничем не была огра-

ничена. Записывались ответы диктора на вопросы его собеседника. Таким образом были получены записи спонтанной речи, жанр которой можно определить как монолог (поскольку к спонтанным монологам относят и интервью, в которых реплики второго коммуниканта сводятся к минимуму). На основе полученных записей были составлены тексты для чтения. Диктор зачитывал тексты на материале собственной спонтанной речи. Конечный материал корпуса по всем дикторам представлял собой около 100 минут спонтанной речи и чтения с листа (для каждого диктора около 5 минут спонтанной речи и 5 минут чтения).

В ходе работы проводился первичный слуховой анализ и инструментальный акустический анализ. Использовалась программа Wave Assistant (версия для студентов, Copyright 2001–2005 Центр речевых технологий) для построения графиков основного тона. Метки основного тона были проставлены автоматически и исправлены вручную. Метки на звонких шумных согласных были удалены.

Материал для четырех дикторов был разделен на синтагмы. Отдельными единицами речи считались функционально значимые единицы, фальстарты, повторы, за границу синтагм принимались также незапол-

ненные паузы хезитации. Предположили, что мелодический контур фальстартов, не значимых функционально повторов частей высказывания, слов-«остановок», а также отрезков речи, разделенных паузами хезитации, также может обладать индивидуальными свойствами.

На основе слухового и инструментального анализа для каждой синтагмы был определен тип интонационной модели по классификации Н.Б. Вольской. Результаты анализа заносились в протоколы.

Для каждого диктора были получены диаграммы, иллюстрирующие соотношение интонационных моделей в его речи. Данные о средней частоте основного тона, максимуме основного тона, темпе, средней длине паузы были взяты из описания корпуса [9. P. 134–143; 14].

Результаты исследования

Как видно из табл. 1, статистические данные по каждому диктору различаются. У всех свой диапазон, темп речи, средняя частота основного тона. Индивидуальность речи проявляется и в этих характеристиках.

Таблица 1

Статистические данные речи дикторов

Показатель	M1(> 20)	M2(> 30)	F1(> 20)	F2(> 30)
Средняя длительность синтагмы	1,2 с (среднее отклонение – 0,6 с)	1,1 с (среднее отклонение – 0,6 с)	1,2 с (среднее отклонение – 0,5 с)	1,0 с (среднее отклонение – 0,5 с)
Средний диапазон	6,5 пг	6,6 пг	5,8 пг	7,5 пг
Средняя частота основного тона	121 Гц	126 Гц	240 Гц	200 Гц
Средний максимум частоты основного тона	150 Гц	175 Гц	255 Гц	250 Гц
Темп	6,5 слога/с	5,8 слога/с	6 слогов/с	6,8 слога/с
Средняя длина паузы	190 мс	150 мс	300 мс	280 мс

В табл. 2 приводятся процентные соотношения интонационных моделей в речи каждого диктора.

Таблица 2

Процентное соотношение реализаций интонационных моделей (по всем дикторам)

Интонационная модель	M1 > 20	M2 > 30	F1 > 20	F2 > 30
1b	19%	7%	31%	13%
9	0%	4%	0%	0%
9a	4%	0%	3%	0%
9b	2%	0%	0%	0%
10	0%	16%	3%	13%
11	30%	42%	27%	40%
11a	24%	0%	11%	11%
11b	4%	4%	1%	10%
12	4%	8%	13%	0%
12a	11%	6%	3%	13%
13	2%	13%	8%	0%

Анализ речи первого диктора (мужчина, возрастная категория 20–30 лет). Данные, приведённые в табл. 2, иллюстрируют соотношение интонационных моделей в речи первого диктора (мужчина, возрастная

категория 20–30 лет. Далее для диктора вводится условное обозначение M1 > 20).

В конечных синтагмах диктор преимущественно реализует модель 1b (неполную завершенность), тем

самым выражая просодическими средствами установку на продолжение. Такие синтагмы характери-

зуются ровным движением тона (пример изображен на рис. 1).

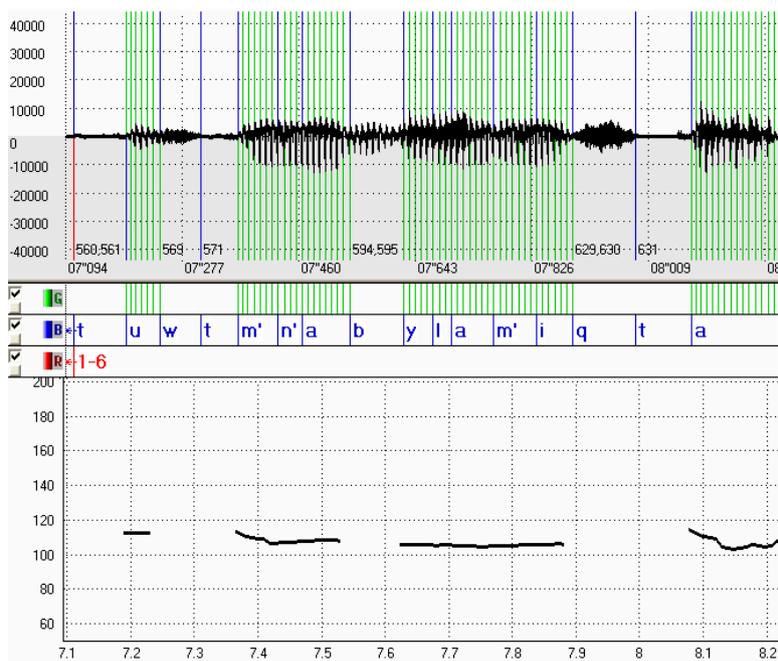


Рис. 1. Реализация синтагмы «Потому что у меня была мечта» (диктор M1 > 20)

В неконечных синтагмах диктор чаще всего использует модель 11 и ее подвиды (ИК-3 в системе Е.А. Брызгуновой). Диапазон подъема основного тона в реализациях 11-й модели в среднем составляет 6 пт.

В речи первого диктора интонационная модель 11a (характеризующаяся сдвигом синтагматического ударения на следующий слог) реализовалась в 46 синтагмах с постцентром (т.е. там, где было возможно). Это

можно объяснить возрастной категорией диктора, так как подобная особенность речи свойственна дикторам до 30–40 лет.

Пример реализации интонационной модели 11b изображен на рис. 2. Диктор растягивает ударный гласный слова с интонационным центром. Этому предшествует ускорение темпа в предцентровой части.

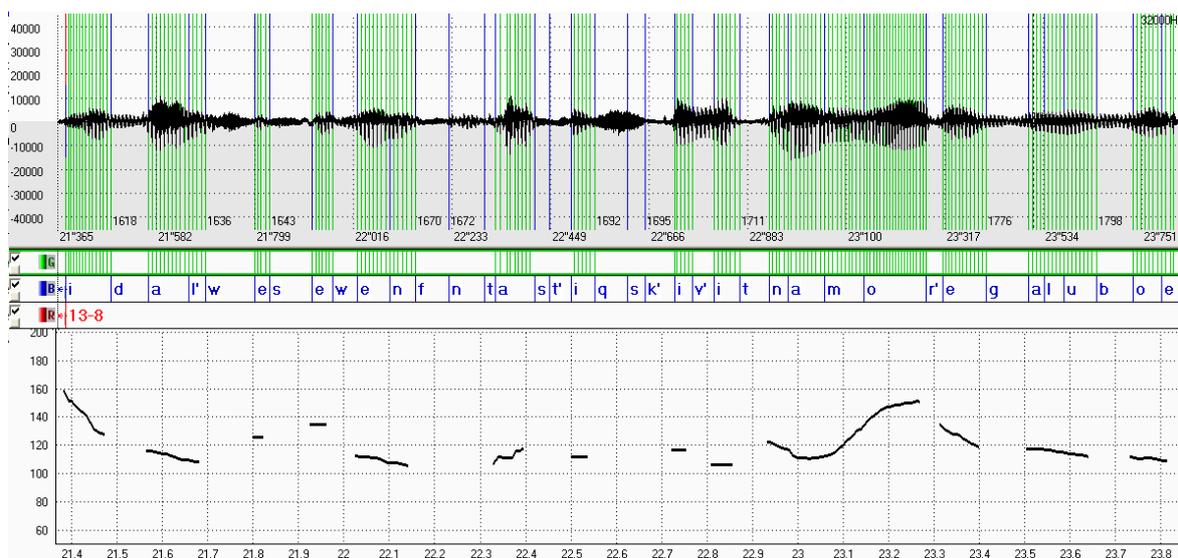


Рис. 2. Реализация синтагмы «И дальше совершенно фантастический вид на море голубое» (диктор M1 > 20)

Интонационная модель 12 (ИК-6) встречается в речи диктора при перечислении. Интонационная модель 13 (ИК-4) встречается в речи диктора реже всех остальных. Диктор использует модели 9a (7 реализаций) и 9b (4 реализации) для пояснений и в вводных конструкциях.

Пример реализации 9b (восходящий тон для слов автора, пояснений, вводных слов) изображен на рис. 3. Диктор произносит фразу с пониженной интенсивностью и реализует подъем тона на 30 Гц (4 пт).

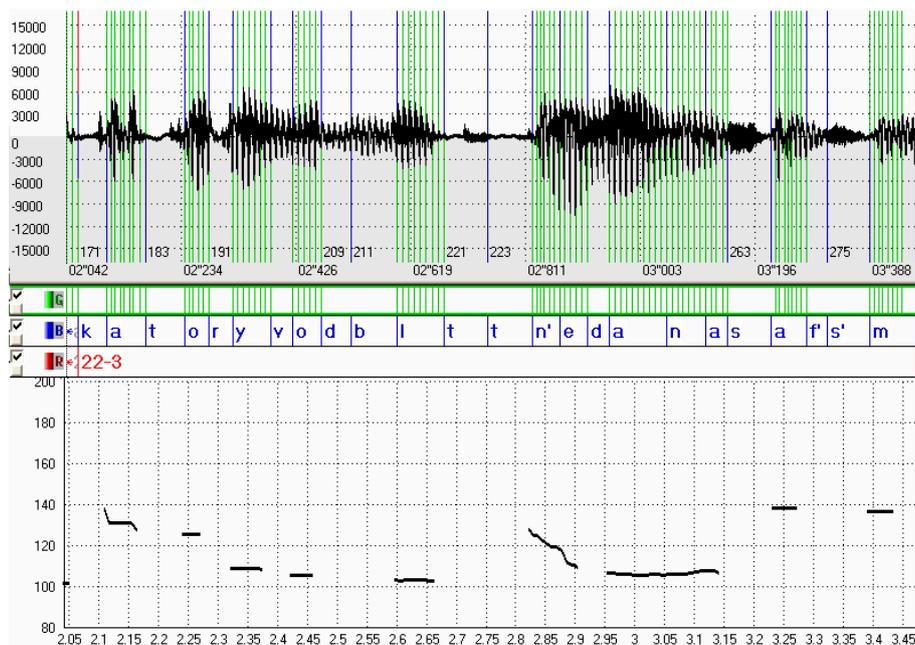


Рис. 3. Реализация синтагмы «Который был тут недавно совсем» (диктор M1 > 20)

Таким образом, отличительными чертами интонационного оформления незавершенных синтагм в речи диктора M1 > 20 являются предпочтение интонационной модели 11b со сдвигом частотного пика в слове под синтагматическим ударением и нарушение тайминга (всего 24% реализаций от числа всех синтагм с интонацией незавершенности), редкие (всего 3, что составляет 2%) реализации 13-й модели, употребление 12-й модели только при перечислении (их количество составляет 4%) и моделей 9a и 9b (4 и 2% соответственно) для пояснений и в вводных конструкциях.

Анализ речи второго диктора (мужчина, возрастная категория 30–40 лет). Данные, приведенные

в табл. 2, иллюстрируют соотношение интонационных моделей в речи второго диктора (мужчина, возрастная категория 30–40 лет). Далее для диктора вводится условное обозначение M2 > 30).

Речь диктора эмоциональна, его яркая особенность – широкий диапазон подъема основного тона, с помощью которого реализуется дополнительная выделенность. На примере, изображенном на рис. 4, подъем основного тона на слове «лет» составляет более 390 Гц (20 пт) и достигает 500 Гц, т.е. диктор фактически переходит на фальцет. В среднем подобный эмоциональный подъем тона составляет 14 пт. Стоит также отметить ларингализацию, которая значительно осложняет анализ контуров основного тона.

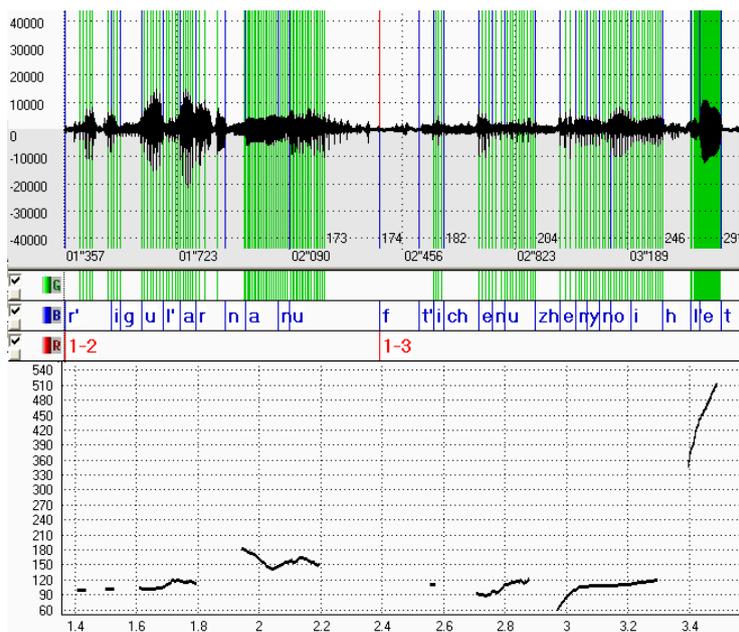


Рис. 4. Реализация фразы «Регулярно, ну, в течение многих лет» (диктор M2 > 30)

В реализованных конечных синтагмах диктор использует и модели 1a (24 реализации) и 1b (14 реализаций). Большой диапазон падения основного тона указывает на завершенность высказывания, тогда как при использовании модели 1b диктор делает установку на продолжение.

Самый частотный контур в речи диктора – реализация 11-й интонационной модели. При этом в его речи полностью отсутствуют реализации интонационной модели 11a со сдвигом синтагматического ударения, что объясняется его возрастной категорией (30–40 лет). ИЦ совпадает с ударным гласным слова.

Интонационную модель 12 диктор использует не только при перечислении, но чтобы подчеркнуть какую-то мысль, выделить ее на фоне остальных, придать речи эмоциональную окраску. Из 16 реализаций 12-й модели только 4 были употреблены при перечислении.

Интонационную модель 13 диктор использует и в конечных и в неконечных фразах.

Для пояснений и вводных конструкций он использует только модель 9 с нисходящим тоном (среди возможных 9, 9a и 9b). В его речи встретилось всего 7 таких реализаций.

В целом диктор обладает рядом ярких особенностей (широкий диапазон, ларингализация, изменения темпа в зависимости от темы монолога), говорит эмоционально (большое количество синтагм с выделенностью). Реализации 11-й модели составляют 42% от числа всех синтагм с незавершенностью, реализации 12-й модели – 8%, 13-й модели – 13%. Для пояснений и вводных конструкций диктор использует только модель 9 (4%).

Анализ речи третьего диктора (женщина, возрастная категория 20–30 лет). Данные, приве-

денные в табл. 2, иллюстрируют соотношение интонационных моделей в речи третьего диктора (женщина, возрастная категория 20–30 лет. Далее для диктора вводится условное обозначение $F1 > 20$). В речи диктора самый частотный контур – 1b (неполная завершенность). Диктор реализует эту интонационную модель в конечных синтагмах (рис. 5).

В неконечных синтагмах диктор чаще всего употребляет 11-ю модель, при этом модель 11a со сдвигом синтагматического ударения на следующий слог встречается там, где это возможно (в синтагмах, где есть постцентр).

Кроме сдвига синтагматического ударения на сонант или следующий слог характерными особенностями диктора являются растягивание конечного гласного и реализация совсем небольшого подъема основного тона (в среднем 1 пт) в постцентральной части. Данная особенность встретилась в реализациях модели 1b (в 14 реализациях из 54), 13 (в 5 реализациях из 14) и реже в 11-й модели и ее подвидах (3 из 67). Пример изображен на рис. 5. При реализации 11-й модели и ее подвидов подъем основного тона в среднем составляет около 6 пт. В отдельных реализациях (5 из 67) он достигает 10 пт.

Еще одна модель, реализованная в речи диктора $F1 > 20$, это модель 12 (ИК-6). Диктор использует ее при перечислении (рис. 6) и в слабых позициях. Всего встретилось 22 реализации данной модели.

13-я интонационная модель составляет всего 8% от числа всех синтагм с интонацией незавершенности. Диктор реализует ее в односложных ответах.

Диктор использует модель 9a (ровный тон) для пояснений (всего 5 реализаций).

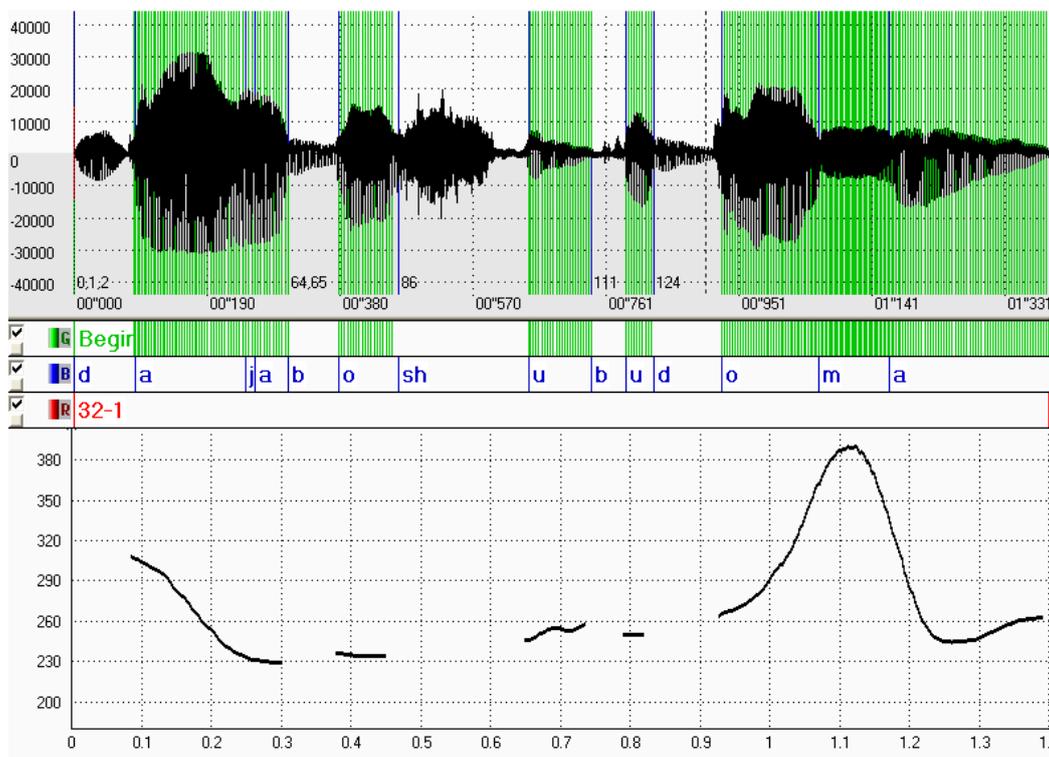


Рис. 5. Реализация синтагмы «Я больше люблю дома» (диктор $F1 > 20$)

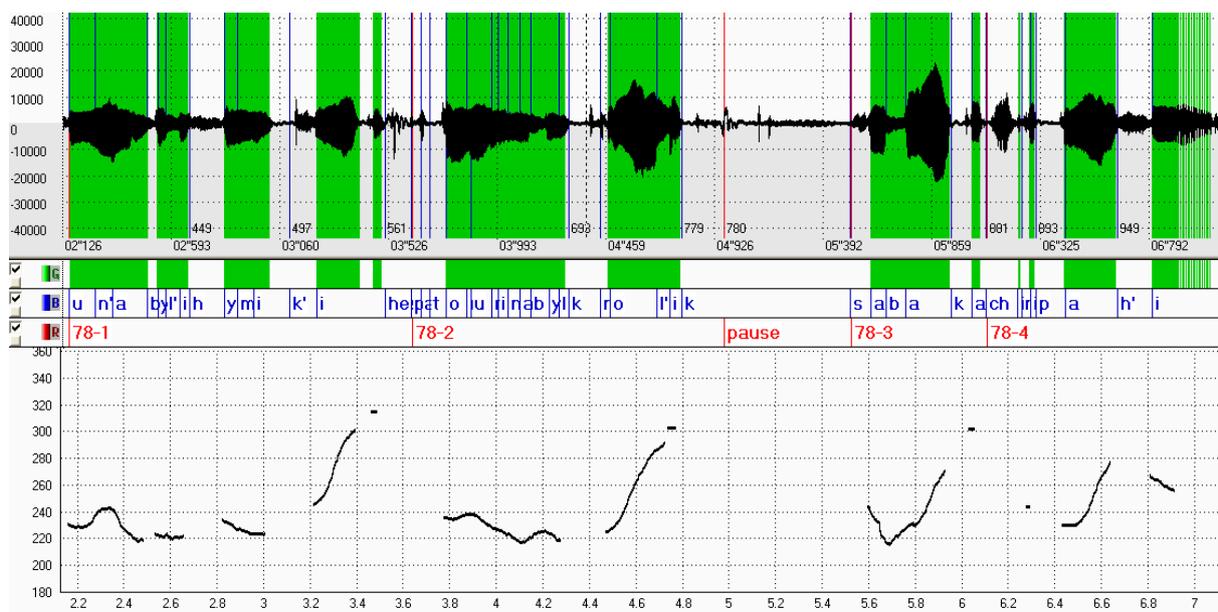


Рис. 6. Реализация фразы «У меня были хомяки, потом был кролик, собаки, черепахи» (диктор F1 > 20)

Таким образом, яркими особенностями речи данного диктора стали большое количество реализаций интонационной модели 1b (31% от числа всех синтагм с интонацией незавершенности), сдвиг синтагматического ударения в реализациях 11-й модели (11%), использование 13-й интонационной модели в односложных ответах (8%) и модель 9a для пояснений и слов автора (3%).

Анализ речи четвертого диктора (женщина, возрастная категория 30–40 лет). Данные, приведенные в табл. 2, иллюстрируют соотношение интонационных моделей в речи четвертого диктора (женщина, возрастная категория 30–40 лет. Далее для диктора вводится условное обозначение F2 > 30).

Интонационная модель 11 (ИК-3) – самая частотная в речи диктора (40% реализаций от числа всех синтагм с интонацией незавершенности). Несмотря на

возрастную категорию, диктор часто использует вариант 11a, который характеризуется сдвигом синтагматического ударения на следующий слог. Средний интервал подъема основного тона – 8 пт. В примере на рис. 7 интервал подъема основного тона составляет 130 Гц (8 пт) в слове «рядом» и 180 Гц (12 пт) в слове «налево». Также стоит обратить внимание на растягивание гласных при выделении ИЦ как на особенность речи диктора.

Кроме того, падение в постцентре завершается практически на минимуме частоты основного тона, в то время как, согласно описанию интонационной конструкции ИК-3, незавершенность отличается от вопросительной мелодики несколько более низким началом, меньшим значением мелодического максимума ударного конечного слога и более высоким положением безударного конца.

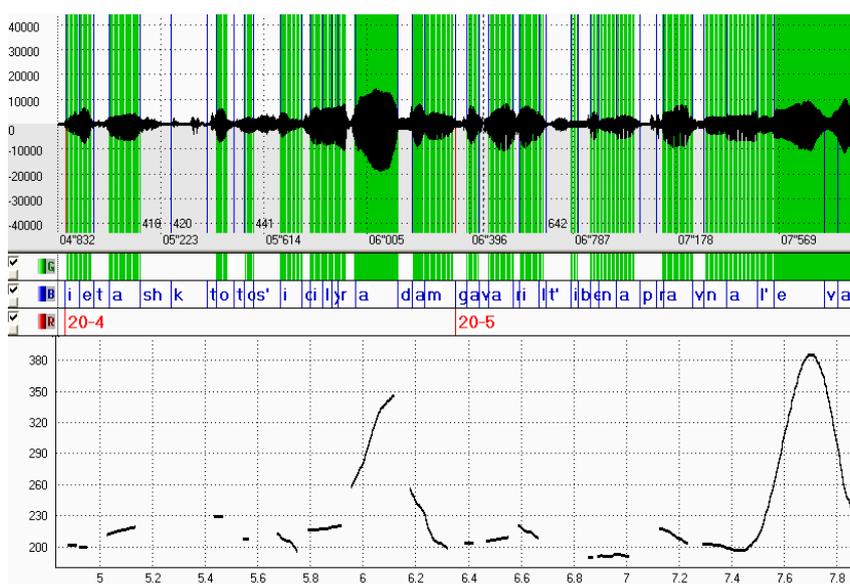


Рис. 7. Реализация фразы «И это нужно, чтобы кто-то сидел рядом, говорил тебе направо-налево» (диктор F2 > 30)

В конечных синтагмах диктор реализует интонационную модель 1b, характеризующуюся практически ровным тоном. При этом речь диктора эмоциональна, отдельные слова получают выделение.

В речи диктора встречается реализация интонационной модели 2b (эмфаза при перечислении). Пример изображен на рис. 8. Падение основного тона выделяет каждый интонационный центр в

синтагмах с перечислением. Однотипные контуры реализуются во всех синтагмах фраз с перечислением.

Интонационные модели 12a и 10 в речи четвертого диктора занимают второе место после реализации 11-й модели. Модель 12a (ровный тон на интонационном центре с высоким предцентром) реализуется при перечислении и незавершенности.

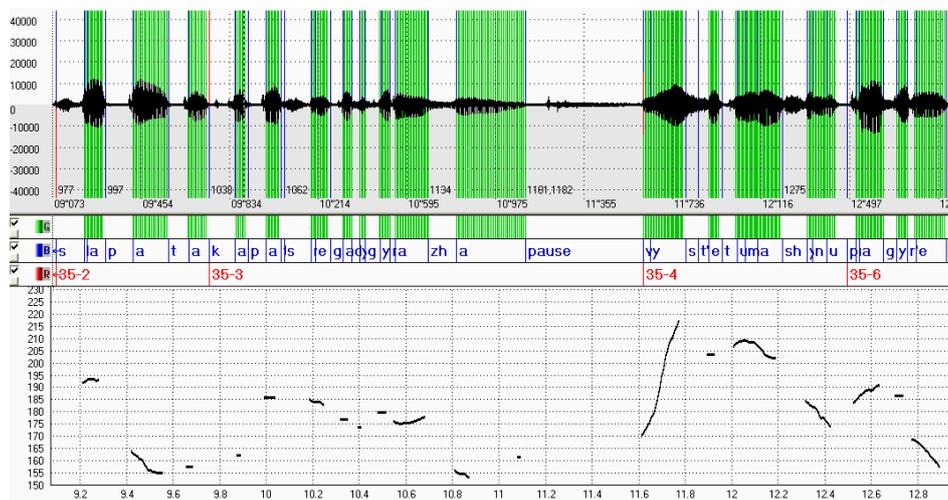


Рис. 8. Реализация фразы «С лопатой, откопать снег от гаража, вывести эту машину, прогреть» (диктор F2 > 30)

Интонационная модель 10 характеризуется нисходящим тоном при сочинительной связи, перед при-

частными и дееспричастными оборотами. Пример реализации представлен на рис. 9.

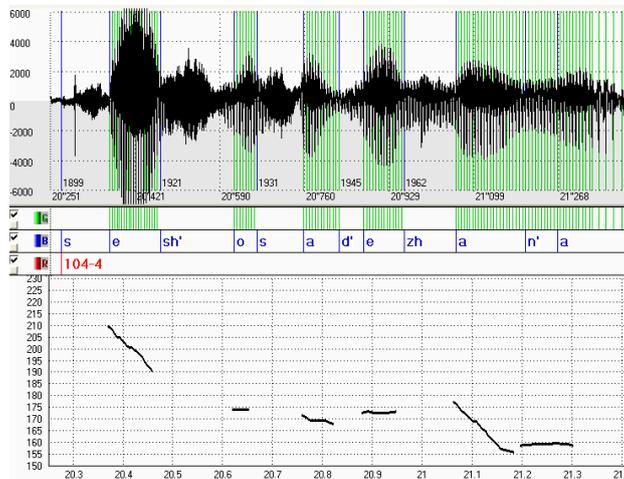


Рис. 9. Реализация синтагмы «Следующего содержания» (диктор F2 > 30)

В речи диктора нет реализаций 9-, 12- и 13-й интонационных моделей. В целом кроме 11-й модели и ее подвидов (в сумме 61% от числа всех синтагм с интонацией незавершенности), в ее речи встречаются 12a (13%) и 10 (13%) для интонации незавершенности и модель неполной завершенности (13%).

Итак, в ходе анализа выяснилось, что в речи диктора M1 > 20 реализации интонационной модели неполной завершенности составляют 19%, а 11-я модель со сдвигом синтагматического ударения составляет 24% от числа всех синтагм с интонацией незавершенности. В его речи немного реализаций 12- и 13-й мо-

делей (4 и 2% соответственно), а для пояснений он использует модели 9a и 9b (4 и 2% соответственно). В то время как у диктора M2 > 30 отсутствует 11-я модель со сдвигом синтагматического ударения, реализации 11-й модели составляют 42% от числа всех синтагм с незавершенностью, реализации 12-й модели – 8%, 13-й модели – 13%, выделенность он выражает с помощью большого интервала подъема основного тона, в конечных синтагмах употребляет модель полной завершенности чаще, чем модель неполной завершенности (24 реализации 1a и 14 реализаций 1b), а для пояснений используется модель 9 (4%). Речь тре-

тьего диктора ($F1 > 20$) насыщена моделями неполной завершенности (31% от числа всех синтагм с интонацией незавершенности), и встречается 11-я модель со сдвигом синтагматического ударения (в 11% синтагм с интонацией незавершенности), для пояснений используется только модель 9а (3%), а реализаций моделей 10 и 12а совсем немного (по 3%). Тогда как у диктора $F2 > 30$ модели 10 и 12а (по 13%) занимают второе место по частоте употребления после 11-й модели и ее подвидов (в сумме 61%), которую она в 11% случаев от общего числа синтагм с интонацией незавершенности реализует со сдвигом синтагматического ударения.

Уникальные сочетания реализаций и их особенностей делают речь дикторов индивидуальной. А значит, нельзя не согласиться со словами А.М. Пешковского, который, считая интонацию «стержнем» стиля, писал: «Если верно, что “человек – это стиль”, то не менее справедливо, что “стиль – это мелодия”» [15. С. 56]. Можно также предположить, что набор особенностей указывает и на социальные характеристики диктора

(профессию, возраст, даже характер). Например, реализация диктором ИК-3 со сдвигом синтагматического ударения может указывать на его молодой возраст, а диктор, предпочитающий ИК-4 (нередко передающую недоумение, возмущение, снисходительность), может показаться заносчивым, надменным, высокомерным.

Из полученных результатов можно сделать вывод, что изначальное предположение подтвердилось: супrasegmentные характеристики (в частности характеристики мелодического контура) позволяют составить уникальный речевой портрет диктора, так как дикторы обладают индивидуальными особенностями реализации интонации.

Наша статья представляет собой ценный материал для практических и теоретических целей. Методика анализа мелодических контуров диктора может быть применена при составлении речевых портретов. Возможно, данная работа повлечет за собой ряд тем для дальнейших исследований (в частности изучение индивидуальных характеристик других компонентов интонации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Зиндер Л.Р. Общая фонетика. М. 1979.
2. Панов М.В. История русского литературного произношения в XVIII–XX вв. М., 1990.
3. Ярцева-Китайгородская М.В. Современная политическая коммуникация / М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциация. М.: Наука, 1995.
4. Торсуев Г.П. Фонетические единицы и структуры предложения (и возможности их варьирования в речи) // Семантическое и формальное варьирование. М., 1979.
5. Труфанова В.Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания: сб. науч. ст. к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. Вып. IX. Аспекты изучения звучащей речи. М.: Изд-во МГУ, 2004.
6. Фонетика спонтанной речи. Л., 1988.
7. Богданова Н.В. Живые фонетические процессы русской речи. СПб., 2001.
8. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
9. Volskaya N. Phonetics of Russian and Finnish // Prosodic features of Russian spontaneous and read-aloud speech. V. de Silva & R. Ullakonoja (eds.). Phonetics of Russian and Finnish. General introduction. Spontaneous and read-aloud speech. Peter Lang, 2009.
10. Скорикова Т.П. Функциональные возможности интонационного оформления словосочетания в потоке речи (на материале атрибутивных словосочетаний в устной научной речи). КДМ., 1982.
11. Русская разговорная речь. М.: Наука, 1973.
12. Вольская Н., Коваль А., Коваль С., Опарин И., Погарева Е., Скредлин П., Смирнова Н., Таланов А. Синтезатор русской речи по тексту нового поколения // Материалы XXI международной конференции Диалог-2005. М., 2005.
13. Cecilia O. Neutralization or truncation? The perception of two Russian pitch accents on utterance-final syllables // Speech Communication. 2005. № 47. P. 71–79.
14. Skrelin P. Russian material and methods // Prosodic features of Russian spontaneous and read-aloud speech / V. de Silva & R. Ullakonoja (eds.). Phonetics of Russian and Finnish. General introduction. Spontaneous and read-aloud speech. Peter Lang, 2009.
15. Пешковский А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы // Арс поэтика. Вып. 1. М., 1927.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 21 ноября 2019 г.

Individual Characteristics of the Incompleteness Intonation Contour in Russian Spontaneous Speech

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 5–15.

DOI: 10.17223/15617793/451/1

Marina P. Agafonova, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: m.p.agafonova@yandex.ru

Keywords: phonetics; intonation; speech melody; spontaneous speech; speech portrait.

The aim of this study was to identify individual features of incompleteness intonation in spontaneous speech on the material of the Russian language. The objectives of this study included the auditory and instrumental analysis of the features of melodic contour implementations. The material of the study was records from the corpus of spontaneous speech of four male and female speakers in two age categories—from 20 to 30 and from 30 to 40 y.o. Wave Assistant was used for melodic contours analysis. The material was divided into speech units. Functionally significant units, false starts, and repetitions were considered to be separate units of speech since it was assumed that their melodic contours could also have individual properties. On the basis of the auditory and instrumental analysis for each unit, the type of an intonation model was determined according to the classification of N.B. Volskaya. The results of the analysis were recorded in the protocols. For each speaker (symbols $M1 > 20$, $M2 > 30$, $F1 > 20$ and $F2 > 30$ were introduced), diagrams illustrating the ratio of intonation models in the speech were obtained. The analysis revealed that in the material of speaker $M1 > 20$, the ratio of non-final completeness implementations is 19% and the ratio of model 11 with a phrase stress shift is 24% of the number of all speech units. In his speech, there are few implementations of model 12 and model 13 (4% and 2% respectively), and, for explanations, he uses models 9a and 9b (4% and 2% respectively). While speaker $M2 > 30$ has no implementations of model 11

with a phrase stress shift, implementations of model 11 account for 42% of all speech units with incompleteness, the ratio of implementations of model 12 is 8%, the ratio of implementations of model 13 is 13%. Prominence is expressed using a large increase of the fundamental frequency. For explanations, model 9 is used (4%). There are a lot of implementations of the model of non-final completion (31% of all speech units) in the speech of the third speaker ($F1 > 20$). The ratio of implementations of model 11 with a phrase stress shift is 11%. For explanations, only model 9a (3%) is used, and there are a few implementations of 10 and 12a models (3%). The most popular intonation model in the speech of $F2 > 30$ is model 11 (the ratio of implementations is 61%; 11% of them with a phrase stress shift). Models 10 and 12a (13%) are second frequent. Unique combinations of implementations and their features make the speech individual. From the results, it can be concluded that the original assumption has been confirmed: suprasegmental characteristics (in particular, characteristics of the melodic contour) allow making a unique speech portrait of the speaker because speakers have individual features of intonation implementation.

REFERENCES

1. Zinder, L.R. (1979) *Obshchaya fonetika* [General Phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola.
2. Panov, M.V. (1990) *Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya v XVIII–XX vv.* [The History of Russian Standard Pronunciation in the 18th–20th Centuries]. Moscow: Nauka.
3. Yartseva-Kitaygorodskaya, M.V. & Rozanova, N.N. (2003) *Sovremennaya politicheskaya kommunikatsiya* [Modern Political Communication]. In: Krysin, L.P. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk. Sotsial'naya i funktsional'naya differentsiatsii* [Modern Russian Language. Social and Functional Differentiation]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
4. Torsuev, G.P. (1979) *Foneticheskie edinitzy i struktury predlozheniya (i vozmozhnosti iz var'irovaniya v rechi)* [Phonetic Units and Sentence Structures (And Possibilities of Variation in Speech)]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Semanticheskoe i formal'noe var'irovanie* [Semantic and Formal Variation]. Moscow: Nauka.
5. Trufanova, V.Ya. (2004) *Rechevoy portret govoryashchego na fone intonatsionnoy sistemy yazyka* [The Speech Portrait of the Speaker in the Intonation System of the Language]. In: *Voprosy russkogo yazykoznanija* [Issues of Russian Linguistics]. Is. IX. Moscow: Moscow State University. pp. 197–213.
6. Svetozarova, N.D. (ed.) (1988) *Fonetika spontannoy rechi* [Phonetics of Spontaneous Speech]. Leningrad: Leningrad State University.
7. Bogdanova, N.V. (2001) *Zhivye foneticheskie protsessy russkoy rechi* [Live Phonetic Processes in Russian Speech]. St. Petersburg: St. Petersburg SU.
8. Shcherba, L.V. (1957) *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow: Uchpedgiz.
9. Volskaya, N. (2009) *Phonetics of Russian and Finnish*. In: De Silva, V. & Ullakonjoja, R. (eds) *Phonetics of Russian and Finnish. General Introduction. Spontaneous and Read-Aloud Speech*. Peter Lang.
10. Skorikova, T.P. (1982) *Funktsional'nye vozmozhnosti intonatsionnogo oformleniya slovosochetaniya v potoke rechi (na materiale atributivnykh slovosochetaniy v ustnoy nauchnoy rechi)* [Functionality of the Intonational Design of a Phrase in a Speech Stream (Based on the Material of Attributive Phrases in Oral Scientific Speech)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
11. Zemskaya, E.A. (ed.) (1973) *Russkaya razgovornaya rech'* [Russian Colloquial Speech]. Moscow: Nauka.
12. Vol'skaya, N. et al. (2005) [Synthesizer of Russian Speech in the Text of a New Generation]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies]. Proceedings of the Dialog-2005 International Conference. Zvenigorod, 1–6 June 2005. Moscow: Nauka. (In Russian).
13. Cecilia Ode (2005) *Neutralization or Truncation? The Perception of Two Russian Pitch Accents on Utterance-Final Syllables*. *Speech Communication*. 47. pp. 71–79.
14. Skrelin, P. (2009) *Russian Material and Methods*. In: De Silva, V. & Ullakonjoja, R. (eds) *Phonetics of Russian and Finnish. General Introduction. Spontaneous and Read-Aloud Speech*. Peter Lang.
15. Peshkovskiy, A.M. (1927) *Printsipy i priemy stilisticheskogo analiza i otsenki khudozhestvennoy prozy* [Principles and Techniques of Stylistic Analysis and Evaluation of Fiction]. *Ars poetika*. 1.

Received: 21 November 2019

Н.Л. Байдикова

ЗЕВГМА В СИСТЕМЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ ПЕРЕЧИСЛЕНИЯ (ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

Автор рассматривает зевгму как стилистический прием перечисления. Типологический анализ позволил классифицировать все приемы перечисления на группы грамматического и семантического силлепса по типу рассогласования в ряду членов перечисления. Зевгма как член семантического силлепса отличается от другого члена этой группы – семантически ложной цепочки – тем, что ее ядерное слово реализует разные значения в отношениях с разными членами перечисления.

Ключевые слова: зевгма; силлепс; семантически ложная цепочка; стилистический прием; перечисление.

Зевгма как стилистический прием ведет свое начало с древних времен греческой риторики. Эта многовековая история, с одной стороны, обеспечила зевгме прочное место в современных лингвистических дисциплинах. С другой стороны, накопившиеся идеи по поводу понимания структуры, механизмов образования и функционирования зевгмы столь многообразны, что в некоторых случаях они не просто отличаются, но и прямо противоречат друг другу. Кроме того, отсутствие единой упорядоченной терминологии приводит к смешению зевгмы и близкого к ней приема силлепса (или силлепсиса).

Цель данной статьи – определить место зевгмы в системе стилистических приемов, отделив ее от родственных явлений. Для этого необходимо сначала раскрыть содержание терминов «зевгма» и «силлепс», а затем установить тип отношений между ними для выстраивания иерархической системы приемов.

Ряд исследователей при изучении зевгмы и силлепса придерживаются древнегреческой риторической традиции. Например, А. Квинн считает, что в основе образования зевгмы и силлепса лежит эллипс. Зевгму он трактует как эллипс глагола в одной из частей сложного предложения и приводит пример из «Ромео и Джульетта» У. Шекспира: «*Passion lends them power, time means, to meet*» (здесь и далее. – Н.Б.) [1. Р. 103].

Силлепс определяется А. Квинном как сочетание зевгмы и лексического повтора и сопровождается примером из стихотворения А. Поупа «Похищение локона»: «*Whether the Nymph shall stain her honour or her new brocade*» [Ibid.].

Иное понимание зевгмы мы находим в «Лингвистической энциклопедии» под редакцией К. Малмкьера. Здесь в составе зевгмы выделяются глагол и управляемые им два или более существительных: «*I saw the horses and sheep*» [2. Р. 602]. Но при таком подходе зевгма не может претендовать на статус стилистического приема, так как приведенный пример представляет собой нормативную конструкцию, состоящую из глагола и однородных дополнений. В дальнейшем мы подобные случаи не рассматриваем.

Пример силлепса в «Лингвистической энциклопедии», по сути, идентичен трактовке А. Квинна, но К. Малмкьер описывает механизм создания этого приема с точки зрения грамматико-семантических отношений компонентов, когда один глагол управляет двумя или более существительными, с одним из которых

он несовместим в своем прямом значении: «*I bought the milk and the idea of going shopping*» [2. Р. 602].

Многие исследователи предлагают обратную интерпретацию зевгмы и силлепса. Например, Р. Смит вкладывает в понятие зевгмы такое же значение, какое А. Квинн и К. Малмкьер вкладывают в понятие силлепса. При этом Р. Смит считает, что зевгма может состоять не только из глагола, управляющего двумя существительными, но и прилагательного, определяющего два существительных [3. Р. 111].

Некоторые лингвисты не разграничивают понятия зевгмы и силлепса. Так, Х. Буссман в своем словаре лингвистических терминов под заголовком «силлепс» делает отсылку к толкованию зевгмы. Он понимает зевгму как согласованные между собой конструкции, в которых общее сказуемое соединяет две синтаксически или семантически неравноценные части предложения. Согласно такому определению Х. Буссман выделяет: а) синтаксически несогласованную зевгму: «*He's drinking beer, we wine*»; б) семантически несогласованную зевгму: «*He travelled with his wife and his umbrella*» [4. Р. 1303].

Как можно заметить, синтаксически несогласованная зевгма в толковании Х. Буссмана совпадает с зевгмой А. Квинна, а семантически несогласованная – с силлепсом А. Квинна и К. Малмкьера и зевгмой Р. Смита.

Отечественные лингвисты Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина включают в понятие силлепса конструкции и с синтаксическими, и с семантическими отклонениями и в качестве примера приводят предложение с нарушением логического ряда: «Силлепсис. Разновидность синтаксической паронимии, паронимическая фигура, характеризуемая тем, что в одном синтаксическом построении объединяются два или более члена, оформленные как однородные (интонация, сочинительные союзы, обобщающие слова), но так или иначе различаемые в семантическом и грамматическом отношении: «*На дворе стояла хорошая погода и девушка в белом платье*» [5. С. 159].

И.В. Арнольд считает зевгму разновидностью силлепса, хотя приводимые ею определения не вполне четко подтверждают их родовые отношения. И.В. Арнольд пишет, что силлепс – это «объединение двух или более однородных членов, так или иначе различающихся в грамматическом отношении» [6. С. 258], а зевгма – это конструкция «с неоднородными связями подчиненных элементов с общим подчиняю-

щим словом (*He lost his hat and his temper*)» [6. С. 259]. Но если зевгма не характеризуется грамматическим рассогласованием, то она не может быть видом силлепса, который определяется И.В. Арнольд именно через этот признак.

И.В. Пекарская описывает силлепс и зевгму как однопорядковые фигуры, которые строятся по одному и тому же принципу контаминации (наложения), но отличаются характером проявления этого принципа: силлепс как синтаксическая фигура отличается грамматическим расподблением, а зевгма как семантическая фигура предполагает контаминацию смыслов [7. С. 75].

Разграничение между силлепсом и зевгмой по линии синтаксической и семантической несогласованности проводится и в англоязычных толковых словарях. Силлепсу (*syllipsis*) даются следующие определения: ‘the use of a word to modify or govern syntactically two or more words with only one of which it formally agrees in gender, number, or case’ [8]; ‘a figure of speech in which a word is applied to two others of which it grammatically suits only one (e.g. *neither they nor it is working*)’ [9]; ‘the use of a single sentence construction in which a verb, adjective, etc is made to cover two syntactical functions, as the verb form *have* in *she and they have promised to come*’ [10]. Во всех приведенных дефинициях силлепса отмечается отсутствие грамматического согласования с одним из членов конструкции.

Все указанные словари вторым значением силлепса фиксируют зевгму (*zeugma*) и приводят ей схожие определения: ‘the use of a word to modify or govern two or more words usually in such a manner that it applies to each in a different sense or makes sense with only one (as in *opened the door and her heart to the homeless boy*)’ [8]; ‘a figure of speech in which a word applies to two others in different senses (e.g. *John and his driving licence expired last week*)’ [9]; ‘a figure of speech in which a word is used to modify or govern two or more words although appropriate to only one of them or making a different sense with each, as in the sentence *Mr. Pickwick took his hat and his leave* (Charles Dickens)’ [10].

Краткий обзор зарубежных и отечественных источников, посвященных силлепсу и зевгме, показал, что эти термины трактуются учеными по-разному, это приводит к путанице в понимании их соотношенности и к неупорядоченности системы стилистических приемов в целом. Для разрешения данной проблемы нам представляется целесообразным применить такой метод исследования, как построение типологии на основе выделенных типовых образцов.

Для этого из разнообразия имеющихся мнений нужно выбрать преобладающие и наиболее последовательные и отобрать или сконструировать образец, который будет их представлять. По отношению к силлепсу преобладающей является точка зрения, согласно которой обязательным признаком этого приема является грамматическое рассогласование. В качестве типового образца для силлепса мы выбрали фразу *neither they nor it is working*. Что касается зевгмы, в большинстве исследований отмечается семантическое

рассогласование ее членов, что демонстрирует ее типовой образец *he took his hat and his leave*.

Следующим шагом на пути к построению типологии является выделение общих и различительных признаков отобранных типовых образцов.

Общие признаки типовых образцов силлепса и зевгмы:

- минимальное количество членов конструкции – три;
- два члена конструкции являются синтаксически однородными;
- однородные члены находятся в разных семантических или грамматических отношениях с третьим членом конструкции.

Различительный признак типового образца силлепса *neither they nor it is working*: однородные члены *they* и *it* находятся в разных грамматических отношениях с третьим членом конструкции *is working*.

Различительный признак типового образца зевгмы *he took his hat and his leave*: однородные члены *hat* и *leave* находятся в разных семантических отношениях с третьим членом конструкции *took*.

Различительные признаки позволяют развести исследуемые явления по двум видовым группам. Так как различительный признак типового образца силлепса связан с грамматическим рассогласованием, то будет логично дать этой группе более узкое название грамматического силлепса. Различительный признак типового образца зевгмы помещает ее в группу семантического силлепса.

Общие признаки типовых образцов силлепса и зевгмы дают нам основание определить для них единое родовое понятие. Так как выделенные видовые группы в соответствии с их различительными признаками получили названия грамматического и семантического силлепса, то родовую группу можно назвать просто силлепсом.

Данная типология разрешает большинство противоречий, проявляемых вышеуказанными толкованиями силлепса и зевгмы. Когда авторы говорят о том, что зевгма – разновидность силлепса, силлепс нужно понимать в обобщенном значении, а когда приводят примеры силлепса с грамматической несогласованностью однородных членов, то речь идет о силлепсе грамматическом.

Перед тем как вывести определение силлепса и зевгмы, необходимо сделать замечание, что понятие однородных членов в отношении к этим стилистическим приемам не вполне применимо, ведь если в конструкции с однородными членами нарушен какой-либо признак однородности, то эти члены уже не могут считаться однородными с точки зрения нормативной грамматики. В плоскости стилистики это явление более корректно обозначить термином *перечисление*.

На основании общих признаков типовых образцов мы определяем **силлепс** как стилистический прием перечисления, представленный конструкцией как минимум из трех компонентов, два из которых являются членами перечисления и образуют с третьим компонентом две пары грамматически или семантически разноплановых подчинительных или предикативных связей.

Зевгма – это стилистический прием семантического силлепса, состоящий по меньшей мере из трех компонентов, два из которых – члены перечисления. При этом образуются две пары грамматически однородных, но семантически разноплановых подчинительных или предикативных связей за счет перечисления семантически разнородных членов.

Грамматический силлепс не является предметом нашего исследования, поэтому мы не будем его подробно рассматривать. Заметим только, что внутри этой группы можно выделить подгруппы, различающиеся по конкретным видам морфолого-синтаксических отклонений. При этом конструкция типа *He's drinking beer, we wine*, которую А. Квинн считает зевгмой, а Х. Буссман – синтаксически несогласованной зевгмой, в нашем понимании вообще не принадлежит силлепсу ни в узком, ни в широком значении. Грамматическое отклонение в такой конструкции вызвано эллипсом сказуемого в одной из частей сложного предложения и действует на уровне параллельных конструкций, а не структур с однородными членами.

Определив суть зевгмы и ее видо-родовые отношения в системе стилистических приемов перечисления, перейдем к непосредственному изучению данного стилистического приема.

Кроме семантического рассогласования как дифференцирующего признака зевгмы многие исследователи отмечают еще одну интересную характеристику этого стилистического приема: компонент зевгмы, который вступает в однородные грамматические отношения с двумя другими компонентами, реализует с одним компонентом свое прямое значение, а с другим – метафорическое [3. Р. 111; 11. Р. 315].

Так, в выбранном нами типовом образце зевгмы *he took his hat and his leave* глагол *took* в словосочетании с существительным *hat* использован в своем прямом значении (брать), а в сочетании с *leave* – в переносном (осуществлять).

В «Энциклопедическом словаре-справочнике» под редакцией А.П. Сковородникова подчеркивается, что в зевгме присутствует двойное нарушение нормы: включение в перечислительный ряд однородных членов логически неоднородных компонентов и реализа-

ция ядерным многозначным словом одновременно нескольких разных значений [12. С. 130].

Факт выявления в зевгме признака двойного нарушения нормы, во-первых, требует дополнить приведенное выше определение зевгмы, а во-вторых, ставит вопрос о статусе конструкций с однократным нарушением нормы, т.е. с наличием неоднородных компонентов перечисления, но без проявления многозначности третьим компонентом. Примером такой конструкции может служить следующий видоизмененный образец зевгмы: *he took his hat, his umbrella and the purse out of the host's pocket*.

Глагол *took* в отношении со всеми членами перечисления использован в одном значении (брать), но последний член перечисления *purse* логически выпадает из семантического ряда вещей, которые человек берет при уходе из гостей. В.А. Кухаренко называет такие конструкции **семантически ложными цепочками** (*semantically false chains*) и считает их разновидностью зевгмы на том основании, что оба типа конструкций создают у реципиента эффект обманутого ожидания [13. С. 43].

Однако выявленное нами различие между зевгмой и семантически ложной цепочкой (проявление одним из членов конструкции многозначности) не позволяет установить между этими приемами родовидовые отношения, а дает основание утверждать, что они являются однопорядковыми членами одной группы стилистических приемов перечисления – семантического силлепса, построенного на перечислении семантически разнородных членов.

В связи с выделением семантически ложной цепочки и зевгмы в отдельные подгруппы стилистического приема семантического силлепса уточним определение зевгмы. **Зевгма** – это стилистический прием семантического силлепса, который состоит по меньшей мере из трех компонентов. Два компонента – семантически разнородные члены перечисления, образующие две пары грамматически однородных, но семантически разноплановых подчинительных или предикативных связей с третьим компонентом, реализующим в этих связях разные значения.

Место зевгмы в системе стилистических приемов перечисления проиллюстрировано в таблице.

Стилистические приемы перечисления

Силлепс		
Перечисление грамматически или семантически разнородных членов		
Грамматический силлепс Перечисление грамматически разнородных членов	Семантический силлепс Перечисление семантически разнородных членов	
	Семантически ложная цепочка Ядерное слово – в одном значении <i>he took his hat, his umbrella and the purse out of the host's pocket</i>	Зевгма Ядерное слово – в разных значениях <i>he took his hat and his leave</i>

Итак, типологический анализ приемов перечисления позволил сделать следующие выводы.

1. Силлепс как стилистический прием перечисления строится на грамматическом или семантическом рассогласовании между членами перечисления или между ядерным словом и некоторыми из связанных с ним членами перечисления.

2. Силлепс в зависимости от типа рассогласования подразделяется на грамматический и семантический силлепсы.

3. Семантический силлепс является стилистическим приемом перечисления семантически разнородных членов и включает такие разновидности, как семантически ложная цепочка и зевгма.

4. Зевгма отличается от семантически ложной цепочки тем, что ядерное слово реализует разные значения в отношениях с разными членами перечисления.

Предложенная классификация стилистических приемов перечисления решает проблему двусмысленности и

противоречивости содержания терминов «зевгма» и «силлепс», что может способствовать упорядочению терминологической системы стилистики в целом. Единое изображение терминологических понятий задает отправную точку для теоретических и прикладных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Quinn A. *Figures of speech: 60 ways to turn a phrase*. Salt Lake City : Gibbs M. Smith Inc, 1982. 103 p.
2. *The Linguistics Encyclopedia* / ed. by Kirsten Malmkjer. London and New York : Routledge, 1995. 795 p.
3. Smith R. A *Glossary of Terms in Grammar, Rhetoric, and Prosody for Readers of Greek and Latin*. Mundelein : Bolchazy Carducci Pub, 2011. 152 p.
4. Bussmann H. *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London; New York : Routledge, 1998. 1303 p.
5. Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. *Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур* : учеб. пособие для вузов / отв. ред. Е.Н. Ширяев. Ростов-на-Д : Изд-во Ростов. ун-та, 1994. 191 с.
6. Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык*. М. : Флинта; Наука, 2002. 384 с.
7. Пекарская И.В. Силлепс, снятие, солецизм, зевгма, анаколуп (к проблеме терминологической точности в системе стилистических фигур) // *Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации* / под ред. А.П. Сквородникова. Вып. 1 (9). Красноярск : Краснояр. гос. ун-т, 2000. С. 67–77.
8. Merriam-Webster dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 19.05.2019).
9. English Oxford Living Dictionaries. URL: <https://en.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 19.05.2019).
10. Collins dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 19.05.2019).
11. Abrams M.H., Harpham G.G. *A Glossary of Literary Terms, Ninth Edition*. Boston : Wadsworth Cengage Learning, 2009. 393 p.
12. *Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты* / под ред. А.П. Сквородникова. 3-е изд., стереотип. М. : ФЛИНТА, 2011. 480 с. URL: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovvari/23.pdf> (дата обращения: 19.05.2019).
13. Кухаренко В.А. *Практикум по стилистике английского языка*. М. : Высш. школа, 1986. 144 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 января 2020 г.

Zeugma in the System of Enumeration Stylistic Devices (A Typological Analysis of English Examples)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 16–20.

DOI: 10.17223/15617793/451/2

Natalia L. Baydikova, National Research University of Electronic Technology (Moscow, Russian Federation). E-mail: natalion22@list.ru

Keywords: zeugma; syllepsis; semantically false chain; stylistic device; enumeration.

The aim of the article is to identify the place of zeugma in the system of stylistic devices differentiating it from related phenomena and determining hierarchical relations between them. A brief review of the scientific sources shows that zeugma is usually studied along with the similar stylistic device of syllepsis. All the views on the correlation between zeugma and syllepsis are of three kinds: zeugma and syllepsis are synonyms, zeugma is a subtype of syllepsis and vice versa. All the researchers point to semantic or grammatical miscoordination in the both devices. To build a typology of enumeration stylistic devices, the article uses the method of model patterns. The model pattern *he took his hat and his leave* is chosen to represent zeugma as the example corresponds to the prevailing point of view on zeugma as a device with semantic discrepancy. The model pattern with grammatical miscoordination *neither they nor it is working* represents syllepsis. Identification of common and differentiating features of the model patterns is the next step on the way to the typology of enumeration stylistic devices. The common features of the model patterns of zeugma and syllepsis are as follows: the minimal number of constituents is three; two of the constituents are syntactically homogeneous; homogeneous constituents are in different either semantic or grammatical relations with the third constituent. The differentiating feature of the zeugma model pattern is the semantic heterogeneity of enumeration members, the differentiating feature of the syllepsis model pattern is a grammatical one. The common features allow identifying generic term for them—syllepsis, and differentiating features give grounds to put them into two different subgroups of grammatical and semantic syllepses. Zeugma as a member of the semantic syllepsis subgroup has one more characteristic: its core constituent realizes different meanings in relations with different enumeration members. This characteristic opposes zeugma to semantically false chains like *he took his hat, his umbrella and the purse out of the host's pocket*, in which enumeration members are semantically heterogeneous, but the core constituent realizes only one meaning in relations with all enumeration members. So the typological analysis allowed classifying all the enumeration stylistic devices (syllepses) on the basis of the heterogeneity type of enumeration members into two groups: grammatical and semantic syllepses. In its turn, semantic syllepsis includes zeugma, with the core component realizing several meanings, and semantically false chains, with the core component realizing one meaning.

REFERENCES

1. Quinn, A. (1982) *Figures of Speech: 60 Ways to Turn a Phrase*. Salt Lake City: Gibbs M. Smith Inc.
2. Malmkjer, K. (ed.) (1995) *The Linguistics Encyclopedia*. London and New York: Routledge.
3. Smith, R.A. (2011) *Glossary of Terms in Grammar, Rhetoric, and Prosody for Readers of Greek and Latin*. Mundelein: Bolchazy Carducci Pub.
4. Bussmann, H. (1998) *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London and New York: Routledge.
5. Shiryayev, E.N. (ed.) (1994) *Obshchaya ritorika: Kurs leksiyy i Slovar' ritoricheskikh figur* [General Rhetoric: Lecture Course and Glossary of Rhetoric Figures]. Rostov-on-Don: Rostov State University.
6. Arnol'd, I.V. (2002) *Stilistika. Sovremennyy anglijskiy yazyk* [Stylistics. Modern English]. Moscow: Flinta: Nauka.
7. Pekarskaya, I.V. (2000) *Routledge Dictionary of Language and Linguistics*. London and New York: Routledge. [Syllepsis, solecism, zeugma, anacoluthon (about the problem of terminological accuracy in the system of stylistic figures)]. *Rechevoe obshchenie: Vestnik Rossiyskoy ritoricheskoy assotsiatsii*. 1(9). pp. 67–77.
8. Merriam-Webster Dictionary. [Online] Available from: <https://www.merriam-webster.com>. (Accessed: 19.05.2019).
9. English Oxford Living Dictionaries. [Online] Available from: <https://en.oxforddictionaries.com> (Accessed: 19.05.2019).
10. Collins Dictionary. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com>. (Accessed: 19.05.2019).

11. Abrams, M.H. & Harpham, G.G. (2009) *A Glossary of Literary Terms*, Ninth Edition. Boston: Wadsworth Cengage Learning.
12. Skovorodnikova, A.P. (ed.) (2011) *Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Vyrazitel'nye sredstva russkogo yazyka i rechevye oshibki i nedochety* [Encyclopedic dictionary and reference guide. Expressive means of the Russian language and speech mistakes and errors]. Moscow: Phlinta. [Online] Available from: <http://uchitel-slovesnosti.ru/slovary/23.pdf>. (Accessed: 19.05.2019).
13. Kuharenko, V.A. (1986) *Praktikum po stilistike anglijskogo yazyka* [Practice on English Stylistics]. Moscow: Vysshaya shkola.

Received: 23 January 2020

С.В. Вировец

СПОРЫ О ПОЛИТИКЕ АНГЛИИ И ФРАНЦИИ НА СТРАНИЦАХ РУССКИХ ЖУРНАЛОВ 1860–1862 гг. И ПОЗИЦИЯ ЖУРНАЛА БРАТЬЕВ ДОСТОЕВСКИХ «ВРЕМЯ»

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-90020\18.

Реконструируется образ Англии и его функции в журнале братьев Достоевских «Время», также он исследуется в контексте английской проблематики журналов «Отечественные записки», «Русский вестник» и «Современник». Показано, что образ Англии во «Времени» становится инструментом в полемике с названными журналами: характерные черты образа, упоминаемые в названных журналах, трансформируются с целью развенчать сложившееся у отечественного читателя представление об Англии и Европе в целом.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; почвенничество; «Время»; «Отечественные записки»; «Русский вестник»; «Современник»; образ Англии; образ Франции; Европа.

Актуальность данного исследования определяется установкой на реконструкцию образа Англии как части общей картины мира Ф.М. Достоевского. На данный момент исследований, посвящённых системному изучению образа Англии в публицистике Достоевского, в частности в журнале «Время», нет. При этом Англия часто упоминается на страницах журнала, а исследователи отмечают, что английская культура, наука и философия, так или иначе, были осмыслены писателем и отразились в его творчестве¹.

Цель данного исследования – реконструировать образ Англии, определить его функции в журнале М.М. и Ф.М. Достоевских «Время» с 1860 по 1862 г. и выявить, как изменился образ Англии по сравнению с уже сложившимся благодаря журналам «Современник», «Отечественные записки» и «Русский вестник» представлением о ней. Хронологические рамки обусловлены тем, что после возвращения из ссылки в 1859 г. Достоевский мог составить своё представление об Англии только из художественной литературы или отечественной публицистики. На страницах «Времени», который Достоевские начинают издавать в 1861 г., Ф.М. Достоевский часто полемизирует с журналами «Отечественные записки», «Русский вестник» и «Современник». Это указывает на то, что Федор Михайлович активно интересовался их содержанием. В рамках полемики образ Англии обретает определённые функции, поэтому данный период (1861–1862 гг.) также нуждается в рассмотрении. После 1862 г. Ф.М. Достоевский, побывав в Европе, меняет свое представление об Англии, соответственно, меняется и функция образа Англии, и сам образ, что должно стать темой для отдельного исследования.

Обращение к образу Англии связано в том числе со специфической позицией журнала «Время». Достоевский, будучи в ссылке, тяжело переживал изоляцию, невозможность следить за новыми тенденциями общественной жизни. Включиться в «сложные общественные отношения и настроения» [6. С. 35] Достоевскому один из первых помогал его старый друг-петрашевец А.Н. Плещеев, а по возвращении в Петербург писатель начинает общаться с А.П. Милюковым. Идеи Плещеева и Милюкова оказали большое влия-

ние на Достоевского и во многом способствовали формированию идеологической позиции писателя – почвенничества. Плещеев в письмах к писателю подчёркивал, что в России в эпоху преобразований действуют две партии: одна, «плантаторская», действует в узких сословных интересах, а другая предлагает исключительно умозрительные решения вопроса, не имеющие ничего общего с реальностью. В свою очередь, кружок, собиравшийся у Милюкова, обсуждал новое положение Европы относительно России: гуманные идеи Западной Европы не оправдали себя, и во всей Европе царит реакция, в то время как в России наконец наступает эпоха перемен. Обе идеи нашли отражение в журнале Достоевских «Время», ставшем печатным органом почвенников [6. С. 35–38].

В объявлении на подписку, написанном Ф.М. Достоевским, подчёркивается, что журнал не имеет ничего общего с западничеством или славянофильством. «Время» призывает к воссоединению образованных слоёв общества и народа и выработке своего собственного, самобытного пути, по которому пойдёт Россия [Там же. С. 40]. Заявив о своей идеологической позиции, журнал включается в полемику с публицистами, считающими необходимым следовать не просто по пути Западной Европы, но Англии как лучшего образца гуманистических европейских идей.

В начале 1860-х гг. Англия оказывается в центре внимания русских публицистов в связи с двумя вопросами: освобождение Италии и вопрос колонизации.

В данный период Россия вступила в полосу революционного кризиса: назрела необходимость реформ во всех сферах общественной жизни, остро встал вопрос крестьянского восстания. В решении данных задач русская общественность возлагала большие надежды на Александра II, однако он их не оправдал. На фоне разочарования в проводимых царём реформах публицисты были сильно впечатлены освободительным движением в Италии и войной Севера и Юга в Америке [7. С. 69].

Движение, направленное на освобождение от иноземных захватчиков и объединение Италии в единое государство, возникло в конце 1859 г. Часть областей, принадлежавших папе, не могла присоединиться к

движению из-за реакции, поддерживаемой в основном войсками Франции, которая, в свою очередь, претендовала на присоединение Савойи. Единственной державой, способной обуздать амбиции Франции, была Англия. Таким образом, в 1861 г. на мировой арене были два крупнейших игрока, от результата противостояния которых зависела судьба Италии. Соответственно, именно они стали главными героями мировой прессы.

В России журналистика конца XIX в. имела свои особенности: многие печатные органы представляли собой кружок единомышленников, придерживающихся определённой политической позиции. Единомышленники, объединённые журналами, были, как правило, либо западниками (либералами), либо славянофилами. Третью позицию обозначили в своих журналах братья Достоевские – почвенничество. Каждый из журналов транслировал своё видение путей развития России. Вторая особенность журналистики второй половины XIX в. была обусловлена жёсткой цензурной политикой. Журналы, названные выше, считая невозможным не занимать какую-либо политическую позицию и опасаясь при этом цензуры, часто использовали примеры из современной общественной жизни других стран, а также из их истории, чтобы критиковать или, наоборот, косвенно выразить одобрение действиям правительства.

Данные особенности публицистики оказали влияние на представление об Англии, которое сформировалось в сознании Достоевского, в том числе под влиянием данных журналов.

Противостояние Англии и Франции отразилось в русской публицистике в статьях, посвящённых политическим новостям, по принципу контраста: «Русский вестник», «Современник» и «Отечественные записки» сравнивают Англию и Францию.

Настаивающая на либеральном курсе для России редакция журнала показывает Англию как страну, где индивидуальная свобода человека ценится превыше всего. В январе 1860 г. становится известно о запрете во Франции католической газеты l'Univers. «Русский вестник», освещая данный факт, отмечает, что редакция l'Univers была вынуждена «перенести свои станки в ненавистную протестантскую Англию <...> и уже оттуда метать ватиканские перуны в союзе с ирландскими ультрамонтанами, которые пользуются *совершенной безопасностью и полной свободой изрыгать свои хулы на свободу* (курсив мой. – С.В.)» [8. С. 84].

Францию «Русский вестник» представляет, напротив, негуманной и беспринципной. Стремление Франции получить власть над частью территорий Италии расценивается и некоторыми французами, и «Русским вестником» как предательство гуманистических идеалов ради выгоды. Редакция приводит в статье слова французского публициста: «Прилично ли Франции с её преданностью абсолютным принципам, теории человеческих прав, равенству, утверждать, что в одном месте народ имеет право устанавливать себе правительство, а в другом, в нескольких шагах от прежнего, он теряет это право ради интересов большинства и исторических преданий?» [Там же. С. 88].

Одной из лучших черт Англии в рамках итальянского вопроса редакция «Русского вестника» считает

приверженность своим принципам: «<...> Но и без объяснения всякому очевидно, что Англия не только не последовала за другой державой, но, напротив, заставила свою союзницу следовать за собой и действовать в духе её начал. Она доказала ясно, что готова защищать эти начала всей своей силой, и что, следовательно, они непобедимы» [8. С. 107].

«Современник», которому удавалось выдерживать революционно-демократическое направление, так же, как и «Русский вестник», противопоставляет Англию и Францию. В февральском политическом обзоре 1860 г. [9. С. 303–322] указывается на лицемерие Франции, которая согласилась не вмешиваться в дела Италии только для того, чтобы выказать уважение своей более сильной сопернице – Англии. В то же время редакция сообщает, что степень вмешательства самой Англии в дела итальянского народа оказалась достаточно велика: итальянцы могут рассчитывать на успех благодаря Кавуру, который возглавил министерство с его помощью. «Современник» поддерживает политику Англии, потому что Кавур, по мнению редакции, способен привести освободительное народное движение к победе, и таким образом Англия оказывает услугу будущей объединённой Италии. В «Современнике» Англия – страна, сочувствующая угнетённому народу, а также ставящая благо своего народа превыше всего. Редакция одобряет нежелание Англии, несмотря на сочувствие жителям Савойи, вступать из-за неё в войну: «Конечно, одна только Англия имела бы теперь силу остановить французские притязания на Савойю вооружённой рукой. Но английские министры положительно объявили, что не намерены жертвовать деньгами и кровью англичан по этому делу, которое не касается прямых интересов Англии. Они будут протестовать, выразят своё неудовольствие, но больше этого не захотят ничего сделать, если сам Пьемонт не имеет решимости мешать насильственному присоединению Савойи к Франции. <...> Итак, спор собственно идёт между Сардинией и Францией. <...> Поэтому английские государственные люди полагают, что присоединение Савойи к Франции неизбежно» [Там же. С. 308].

«Отечественные записки» – это журнал, по сути, либеральный. В основе политики Англии «Отечественные записки», так же, как и «Русский вестник», склонны видеть далёкие от меркантильных мотивов побуждения. Так, горячо поддерживается стремление Англии следовать принципу невмешательства несмотря на осуждение на европейской арене.

В целом в «Русском вестнике», «Отечественных записках» и «Современнике» формируется образ Англии как либеральной гуманной державы, для которой главную ценность представляют народ и индивидуальные права каждого человека. Данные качества являются в контрасте с беспринципной, беззастенчиво пользующейся своей силой Францией. Наиболее ценным качеством Англии, по мнению отечественных публицистов, является рациональный гуманизм.

В мае 1860 г. итальянский вопрос был временно забыт из-за разгоревшегося в то время восстания в Сицилии. Это восстание, говорит редакция «Отечественных записок», Англия пыталась предотвратить, однако французские публицисты вновь Англию, из-

вестную, по их мнению, своей «зажигательной» политикой, виновницей произошедшего.

Редакция журнала не допускает мысли о правдивости данных предположений. В качестве оправдания Англии выдвигается всем известное английское благоразумие: англичане не будут спонсировать разжигание мятежа, если *он не принесёт им пользы* [10. С. 56]. Становится ясно, что Англия готова оберегать свои ценности лишь в том случае, если не потерпит от этого убытки. Тот же принцип державы прослеживается в вопросе колонизации.

Автор февральской статьи «Современника» 1860 г. «Леность грубого простонародья» критикует доводы в пользу эксплуатации крепостного труда [11. С. 227]. Для их опровержения «Современник» приводит перевод статьи из журнала *Edinburgh Review*.

Она начинается с описания нравственных и физических страданий работников плантаций. Автор даёт подробную статистику наказаний, смертности и рождаемости среди рабов, а также уровень продуктивности труда и прибыли. Делается вывод, что по всем показателям рабовладение, прежде всего, невыгодно. В этом позиция автора английского журнала и автора статьи «Современника» совпадает: и тот, и другой делают акценты на выгоде и экономической прибыли. Подробно описываются и плоды освобождения; с отменой рабства афроамериканцы начинают превращаться в «цивилизованный» народ: они строят каменные дома со спальнями и гостиными, «передней части участка дают вид европейского сада» [Там же. С. 260], мужчины ходят в чистых опрятных костюмах, а женщины в платьях.

Статья англичанина заканчивается словами: «Вместо того, чтобы быть мучением государственных людей, позором Англии – Вест-Индия теперь становится бесценным сокровищем британской короны. Великое дело освобождения доказало, что поступать справедливо *есть высшая степень расчётливости* (курсив мой. – С.В.)» [Там же. С. 262]. Принципиально важно, что факт освобождения рабов с целью обогатиться, а не из человеческого сочувствия, редакция «Современника» полностью одобряет и считает нужным освободить крестьян в России на тех же основаниях.

«Отечественные записки» также придерживаются данной позиции. В майском номере журнала в обзоре повести, посвящённой Новой Зеландии, подчёркивается, что именно англичане первые перестали обращать в рабов жителей земель, которые покоряли. Подобная политика понравилась далеко не всем: многие европейцы претендовали на эти земли, однако англичане дали понять, что попытки обмануть туземцев будут дорогого стоить державам [12. С. 40–42]. «Отечественные записки» также предлагают читателям в рамках политического обозрения перевод статьи из одного из английских еженедельных изданий, посвящённую поездке принца Валлийского в Канаду, где говорится: «Мы давно отказались не только от покушений, но даже и от желания подчинить наши колонии мелочным интересам торговой монополии. Мы теперь смотрим на них так, как следует смотреть, – как на частицы величия англо-саксонской расы...» [13. С. 85–86].

При этом редакция «Отечественных записок» воздерживается от оценки известных примеров излишней жестокости англичан по отношению к коренному населению колоний в условиях военного конфликта.

В одном из обзоров иностранной литературы исследуется «Мой дневник в Индии» Уильяма Росселя, в котором он описывает «безрассудную и нехристианскую мстительность» англичан по отношению к индийцам во время подавления восстания сипаев [14. С. 4]. Россель испытывает симпатию к туземцам и жёстко критикует соотечественников за дискриминацию из-за цвета кожи и культурных различий. Он говорит о том, что англичане страшные деспоты, когда находятся на большом расстоянии от дома, а значит, от «бича общественного мнения и гласности» [Там же. С. 11].

«Отечественные записки», используя данный материал, акцентируют внимание читателя на том, что английская пресса, обладающая полной свободой слова, становится совестью английской нации и одним из столпов гуманистического, развитого государства.

При этом английские исследователи XIX в., а вслед за ними «Отечественные записки», отмечали признаки нравственного упадка в английском обществе. В разделе, посвящённом иностранной литературе, в переводе работы «О свободе» Стюарта Милля [15. С. 1–9] говорится, что отсутствие личности – главный порок европейского (в том числе английского) общества. Уравнение всех во всём считается высшей целью развития, главным достижением человечества.

Милль указывает на то, что стремление к стандартизации лишает людей индивидуальности, оригинальности мышления, подчас даже самой способности мыслить. Автор называет это «тиранией большинства». По его мнению, настроениями массы, которая как раз является продуктом усреднения и представляет из себя посредственность в чистом виде, управляют не книги или достойные люди, а личности во всём на неё (массу) похожие. Единственным «лекарством» от этой «болезни» является способность людей, стоящих у власти, прислушиваться к более талантливым и оригинальным советникам. Милль подчёркивает: «Все благородные начинания идут от отдельных лиц, по большей части от одного лица» [Там же. С. 3].

Живой интерес русских публицистов к политической и общественной жизни европейских держав, их государственному устройству был вызван необходимостью решить, по какому принципу будет проводить свои реформы Россия: пойдёт ли она по европейскому пути или найдёт собственный. Благодаря итальянскому вопросу кумиром русского передового общества стала Англия. Публицисты, стремясь указать царю «правильный» путь реформирования, создали на страницах журналов образ гуманной страны, в которой человек и в целом народ являются высшей ценностью. Также Англия, согласно видению журналов, сочетает гуманность с рациональностью: жизнь и достаток англичанина для неё приоритетны. Статьи, в которых обнажаются пороки английского общества, комментариями редакции не сопровождалась и, по

всей видимости, были опубликованы с исключительно ознакомительной целью.

Ф.М. Достоевский считал, что нельзя полагаться на опыт Англии и любой другой европейской державы в вопросах реформирования. Главной опасностью, по его мнению, является принятие идеи рационального гуманизма. Аргументация данной позиции становится ключевой задачей первого номера журнала М.М. и Ф.М. Достоевских «Время».

В первой части программного произведения «Ряд статей о русской литературе. Введение» Ф.М. Достоевский отмечает, что задача России – это синтез европейских идей и поиск своего пути развития. Для того, чтобы донести данную мысль до читателя, Достоевский в том числе использует уже знакомую читательской публике оппозицию Англия – Франция.

Русские публицисты утверждали принципиальную разницу между двумя нациями. Достоевский преследует цель развенчать данное убеждение, поэтому разрушает оппозицию, утверждая мысль о том, что обе страны схожи между собой больше, чем кажется: «Англичанин до сих пор еще не в состоянии допустить разумности существования Француза; Француз платит ему совершенно той же монетой, даже с процентами, несмотря ни на какие союзы, ententes cordiales и проч. и проч. А между тем и тот, и другой – европейцы, настоящие, главные европейцы, представители европейцев» [16. С. 6].

Главное свойство всех европейцев – стремление к национальному индивидуализму. Желание отделиться настолько сильно, что порождает агрессию, которая делает невозможным гуманное отношение к другим народам. В первом «Политическом обзоре» январского номера об Англии говорится: «С вершины Гибралтарской скалы она давно ревниво надзирает за проливом: из двух сторон его она *снисходительно* соглашается владеть только одной, но никак не хочет допустить мысли, чтобы другая сторона принадлежала какой-нибудь другой европейской державе. Французский ли флот явится перед Тангером, как это было 15 лет назад, – Англия негодует. Испания ли хочет наказать разбойников – Англия начинает её стращать... (курсив мой. – С.В.)» [17. С. 2]. Так Англия Достоевского, в отличие от Англии, образ которой был создан в других журналах, антигуманна.

Показной, приносящий выгоду гуманизм также оказывается порождением индивидуализма и, по мнению «Времени», направлен исключительно на извлечение выгоды из чужого страдания. Для утверждения данной идеи Англия, имевшая славу заступницы слабых народов, приравнивается к всегда агрессивно настроенной Франции.

Англия и Франция вновь сталкиваются в рамках сирийского вопроса, который возник из-за массового убийства христиан. На европейском совете было решено ввести в Сирию французские войска для обеспечения безопасности христианского населения. Согласившись с данным решением, Англия делает все возможное, чтобы Франция не имела влияния в Сирии, несмотря на то, что христиане, там живущие, возлагают на французов большие надежды. Морская держава игнорирует данный факт, так как имеют место прагмати-

ческие мотивы: Сирия лежит на пути в Индию, и здесь же создается Суэцкий перешеек. Франция также не заботится об оставляемых ими христианах: «Но отступление из Сирии нисколько не сконфузит французов. Они сочинят по этому поводу несколько песен, устроят торжественный приём для возвращающихся войск и потом взапуски будут прославлять свои подвиги на Востоке <...> Между тем в Сирии слух скором выступлении французов навел уныние на всё тамошнее европейское и христианское население, а турки, напротив, очень рады» [18. С. 3]. Так редакция, сравнив державы с точки зрения следования гуманным идеалам, нивелирует разницу между ними в данном аспекте. Более того, при помощи откровенной иронии рационализм англичан, одобряемый русским прогрессивным обществом, доводится до абсурда.

В «Политическом обозрении» майского номера приводится упоминание о прениях в английских палатах. Говорится, что иногда поднимаются интересные вопросы, вроде того, сколько военных сил у французов и сколько у англичан. Редакция подчеркивает, что после многочисленных подсчетов англичане успокаиваются, однако потом вновь начинают считать, испугавшись слухов о том, что у Франции есть броненосцы. Заканчивается данная часть обозрения фразой: «...но вместо того, чтобы так непроизводительно тратить громадные капиталы, не лучше ли было бы обратить серьезное внимание на причину столь разорительных издержек и стараться истребить ее?» [Там же. С. 81].

Индивидуализм Англии и Европы в целом, с точки зрения редакции «Времени», разрушителен для личности и неминуемо ведёт к нравственному разложению общества на всех уровнях. Англия и Европа представляются очагом идеи современности о богатстве и накоплении, которая развращает человека.

К предисловию переведённого романа Мери Бартон «Повесть о манчестерских тружениках» даётся примечание: «Печатаем этот интересный роман потому, что в нём живо очерчены быт и страдания рабочего класса в Англии. Из всех европейских государств одна только Россия может смотреть с братским участием на все эти бедствия, на всю эту сословную ненависть, благодаря Богу ей самой вовсе неизвестные. Надел крестьян наших землею спасает нас навсегда от этой страшной, повсюду зияющей теперь язвы, которая называется “пауперизмом” или “*пролетариатом*”» [19. С. 523].

Пауперизм свойствен странам с развитой промышленностью. Это объясняется, с одной стороны, тем, что у любого человека есть потребности низшего порядка, которые он способен удовлетворить, отдавая взамен свой труд. Чем больше людей нуждаются в благе, тем мощнее производство, однако увеличение производительности за счёт количества трудящихся неэффективно и имеет свои последствия: чем больше людей населяет регион, тем больше рабочих мест они занимают, количество мест растёт, но и людей становится больше, соответственно, всё больше становится нищих.

С другой стороны, чем выше образование работника, тем труднее ему существовать в промышленном обществе. По мнению писателя, если человек развит

духовно, материальные блага не будут для него столь привлекательны, соответственно, не будет необходимости в производстве промышленного масштаба, а значит, и бедноты.

Отмечается также, что уровень жизни в России значительно упал в связи с тем, что средний и высший классы российского общества стали недостаточно развиты духовно. В стремлении достичь большего было введено много технических преобразований, непосильных для России. Между тем добиться изобилия можно было бы исключительно путём возделывания земли. Другими словами, «Время» считает, что необходимы твёрдые нравственные основания и аскетизм. В этом случае общество будет сбалансировано [20. С. 33–49].

Редакция «Времени» отмечает, что принципиальная в своих убеждениях Англия, для которой главной ценностью является её народ, готова идти на преступления против своего народа, если это сулит выгоду.

В январском «Политическом обзоре» 1862 г. подводятся итоги прошедшего года. В это время конфликт между Севером и Югом в Штатах уже разгорелся, и предполагалось, что Англия вступит в войну. Американцы не хотели войны с Англией, однако виконт Пальмерстон и лорд Россель скрыли данную информацию и продолжили мобилизацию, заставляя тем самым народ нести огромные потери. «Время» жёстко осуждает поведение английских политиков: «Мирные намерения вашингтонского кабинета были несомненны; но их лордства продолжали делать военные приготовления, отправлять войска в Канаду и в своём величии равнодушно изволили взирать на упадок курсов <...>. Неизвестно, в какой мере их лордства восполновились упадком, но теперь, когда дело разъярилось, оказывается несомненным, что игра была выгодная и очень крупная» [21. С. 7]. «Время» также подчеркивает, что во время хлопкового кризиса часть английских рабочих не получали зарплату, а хлеб при этом значительно подорожал. В то же время правительство

устраивает всемирную выставку, оставляя «бедных рабочих» умирать от голода [21. С. 17].

Таким образом, в 1860–1861 гг. в крупных либеральных журналах XIX в. Англия представлена как мощная, развитая держава, которая считает нужным при помощи силы навязывать другим странам свои ценностные установки. Главная ценность для англичан – человеческие права, поэтому Англию можно назвать гуманной страной, и она готова бороться за свои принципы. Данный образ державы выстраивается публицистами в сравнении с Францией, которая обладает противоположными характеристиками: беспринципная, жестокая и меркантильная.

В связи со спецификой внутренней политической обстановки в России образ Англии на страницах либеральных журналов обретает назидательную функцию: исследуя прошлую и современную жизнь общества в Англии, его устройство, политическую систему державы, устройство университетов и многое другое, публицисты «намекали» российскому правительству, каким путём должна идти Россия.

Достоевский на страницах «Времени», выдерживая почвенническую позицию, последовательно критикует Запад, используя для этого выразителя, по мнению либеральных журналов, всей старой европейской культуры – Англию. Образ, представленный на страницах «Времени», противоположен образу «Современника», «Русского вестника» и «Отечественных записок»: Англия негуманна, непоследовательна, английский рационализм абсурден, а правительство ради выгоды допускает массовые смерти подданных. Писатель также разрушает оппозицию Англии – Франция и подводит их под общий знаменатель – «европейцы», выводя тем самым образ гуманной Англии на новый философский уровень. Достоевский и его единомышленники очерчивают связь между «математическим» гуманизмом, индивидуализмом и нравственным разложением европейского общества.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Так, И. Зограб указывала на то, что Ф.М. Достоевский интересовался идеями английского философа-эмпирика Джона Стюарта Милля и, осмыслив, отчасти вкладывал их в уста героев своих художественных произведений [1. С. 37–52]. А.В. Денисова описала функции Лондона в формировании хронотопа «Зимних заметок о летних впечатлениях» [2. С. 64–74], о смысле образа Лондона в контексте этого произведения Достоевского пишет Е. Г. Новикова [3. С. 160–162]. В.Ю. Меринов на материале того же произведения и «Ряда статей о русской литературе» указал на особенности изображения Лондона в связи с формированием концептов «мы» – «они» [4. С. 107–118]. В.И. Габдуллина, в свою очередь, отметила, что в «Зимних заметках о летних впечатлениях», описывая Лондон как символ погибающей Европы, Ф.М. Достоевский актуализирует библейские апокалиптические коннотации [5. С. 13].

ЛИТЕРАТУРА

1. Зограб И. «Европейские гипотезы» и «Русские аксиомы»: Достоевский и Джон Стюарт Милль // Русская литература. 2000. № 3. С. 37–52.
2. Денисова А.В. Функция хронотопа в «Зимних заметках о летних впечатлениях» Ф.М. Достоевского // Культура и текст. 2016. № 1 (24). С. 64–74.
3. Новикова Е.Г. «Nous serons avec le Christ». Роман Ф.М. Достоевского «Идиот». Томск : Изд-во Том. ун-та, 2016. С. 160–162.
4. Меринов В.Ю. Приёмы создания концепта «другие» в философской публицистике Ф.М. Достоевского // Научные ведомости [Гуманитарные науки]. Белгород : Издательский дом «Белгород», 2010. № 12 (83), вып. 6. С. 107–118.
5. Габдуллина В.И. Искусшение Европой: роман Ф.М. Достоевского «Игрок» // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 314. С. 13–17.
6. Нечаева В.С. Журнал Достоевских «Время» 1861–1863. М. : Наука, 1972. 323 с.
7. Плоткин Л.А., Березина В.Г., Дементьев А.Г. Очерки по истории русской журналистики и критики. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та им. Жданова, 1965. Т. 2. 516 с.
8. Политическое обозрение. Современная летопись // Русский вестник. М. : Издание М. Каткова, 1860. Т. 25, кн. 1 и 2. С. 83–111.
9. Политика // Современник. СПб. : Типография Карла Вульфа, 1860. Т. LXXIX (№ 2). С. 303–322.
10. Политическое обозрение // Отечественные записки. СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. Т. CXXX. С. 44–60.

11. Лениность грубого простонародья. Современное обозрение // Современник. СПб. : Типография Карла Вульфа, 1860. Т. LXXIX. (№ 2). С. 227–264.
12. Повесть о Новой Зеландии. Иностранная литература // Отечественные записки. СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. Т. CXXX. С. 40–42.
13. Политическое обозрение // Отечественные записки. СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. Т. CXXXI. С. 41–86.
14. Мой дневник в Индии. Иностранная литература // Отечественные записки. СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. Т. CXXXIX. С. 1–18.
15. О свободе. Иностранная литература // Отечественные записки. СПб. : Типография И.И. Глазунова и компании, 1860. Т. CXXVIII. С. 1–9.
16. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе [Введение]. Критическое обозрение // Время. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. Т. 1. С. 1–34.
17. Политическое обозрение // Время. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. Т. 1. С. 1–48.
18. Политическое обозрение // Время. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. Т. 3. С. 1–23.
19. Повесть о манчестерских тружениках. // Время. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. Т. 2. С. 522–583.
20. Общее положение. Политическое обозрение // Время. СПб. : Типография Эдуарда Праца, 1861. Т. 5. С. 33–49.
21. Англо-американские дела. Политическое обозрение // Время. СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1862. Т. 7. С. 6–18.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 25 февраля 2019 г.

Disputes About the Politics of England and France on the Pages of Russian Magazines of 1860–1862 and the Position of the Dostoevsky Brothers' Magazine *Vremya*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 21–27.

DOI: 10.17223/15617793/451/3

Sofia V. Virovets, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: lizkakorejkina@gmail.com

Keywords: Dostoevsky; Pochvenichestvo; *Vremya*; *Russkiy vestnik*; *Sovremennik*; *Otechestvennyye zapiski*; image of England; image of France; Europe.

The aim of this study is to reconstruct the image of England, to determine its functions in the magazine *Vremya* in 1860 to 1862, and to identify how the image of England changed compared with the one that had already been established in the above-mentioned magazines. England played a major role in the events that took place in Europe in the 1860s. This attracted the attention of Russian periodicals (*Russkiy vestnik*, *Sovremennik*, *Otechestvennyye zapiski*). Numerous publications about England together with the aggravated political situation in Russia made England a cult for the Russian intellectuals. A certain image of the country was formed. Dostoevsky, being a supporter of Pochvenichestvo (a movement closely tied with the ideology of the Slavophiles), saw danger in this trend. While approving of the reformation of the old way of life, Dostoevsky believed that Russia should work out a separate development path, different from the European one. At the time, England was making a great success in the foreign policy. A number of the largest Russian magazines indicated the need for reforms in Russia according to the English model. Dostoevsky considered this idea disastrous for the country. According to the controversy arising in this context, the image of England on the pages of *Vremya* performs certain functions and acquires a philosophical interpretation. In the early 1860s, England became the spotlight of Russian journalists due to the liberation movement in Italy and the issue of colonization. The current study is based on the articles connected with these topics. In the study, a comparative method is used to identify common and distinctive features of the image of England in magazines. The analysis of *Russkiy vestnik*, *Sovremennik*, *Otechestvennyye zapiski* showed the following features of the image. (1) In 1860–61, the major liberal magazines of the 19th century present England as a powerful, developed state, which considers it necessary to impose its values on other countries by force. (2) England is a country with a humanist ideology. It is ready to fight for its principles, but its humanism can be called rational: it puts its own interests above all and shows humanity if it sees benefit in it. (3) This image of England is built on a comparison with France, which is endowed with opposite characteristics. In the *Vremya* magazine, these characteristics are reinterpreted. The reconstruction of the image of England in the magazine and its comparison with the image in other magazines gave the following results. (1) England and France are equalled to Europe, thereby losing their national traits (the England–France opposition is destroyed). (2) England is not really a humane country since humanity cannot be dictated by the passion for profit. (3) European humanism, including the English one, is considered as a threat to the moral state of society and to every single person.

REFERENCES

1. Zokhrab, I. (2000) “Evropeyskie gipotezy” i “Russkie aksiomy”: Dostoevskiy i Dzhon Styuart Mill’ [“European Hypotheses” and “Russian Axioms”]: Dostoevsky and John Stuart Mill]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 37–52.
2. Denisova, A.V. (2016) The Functions of Chronotop in “Winter Notes on Summer Impressions” by Fedor M. Dostoevsky. *Kul'tura i tekst*. 1 (24). pp. 64–74. (In Russian).
3. Novikova, E.G. (2016) “*Nous serons avec le Christ*”. *Roman F.M. Dostoevskogo “Idiot”* [“*Nous Serons avec le Christ*.” F.M. Dostoevsky’s Novel “*Idiot*”]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 160–162.
4. Merinov, V.Yu. (2010) Reception of the Concept “Others” in Philosophical Publicism of F.M. Dostoevsky. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Belgorod State University Scientific Bulletin*. 12 (83):6. pp. 107–118. (In Russian).
5. Gabdullina, V.I. (2008) Temptation by Europe: The Novel “*Gambler*” by F.M. Dostoevsky. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 314. pp. 13–17. (In Russian).
6. Nechaeva, V.S. (1972) *Zhurnal Dostoevskikh “Vremya” 1861–1863* [The Dostoevsky Brothers’ Magazine *Vremya*. 1861–1863]. Moscow: Nauka.
7. Plotkin, L.A., Berezina, V.G. & Dement’ev, A.G. (1965) *Ocherki po istorii russkoy zhurnalistiky i kritiki* [Essays on the History of Russian Journalism and Criticism]. Vol. 2. Leningrad: Leningrad State University.
8. *Russkiy vestnik*. (1860) Politicheskoe obozrenie. *Sovremennaya letopis’* [Political Review. Modern Chronicle]. 25:1–2. pp. 83–111.
9. *Sovremennik*. (1860) Politika [Politics]. LXXIX(2). pp. 303–322.
10. *Otechestvennyye zapiski*. (1860) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. CXXX. pp. 44–60.
11. *Sovremennik*. (1860) Lenost’ grubogo prostonarod’ya. *Sovremennoe obozrenie* [Laziness of the Rude Common People. Contemporary Review]. LXXIX.(2). pp. 227–264.
12. *Otechestvennyye zapiski*. (1860) Povest’ o Novoy Zelandii. Inostrannaya literatura [A Story of New Zealand. Foreign Literature]. CXXX. pp. 40–42.
13. *Otechestvennyye zapiski*. (1860) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. CXXXI. pp. 41–86.
14. *Otechestvennyye zapiski*. (1860) Moy dnevnik v Indii. Inostrannaya literatura [My Diary in India. Foreign Literature]. CXXXIX. pp. 1–18.

15. *Otechestvennyye zapiski*. (1860) O svobode. Inostrannaya literatura [On Freedom. Foreign Literature]. CXXXVIII. pp. 1–9.
16. Dostoevskiy, F.M. (1861) Ryad statey o russkoy literature [Vvedenie]. Kriticheskoe obozrenie [A Series of Articles on Russian Literature [Introduction]. Critical Review]. *Vremya*. 1. pp. 1–34.
17. *Vremya*. (1861) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. 1. pp. 1–48.
18. *Vremya*. (1861) Politicheskoe obozrenie [Political Review]. 3. pp. 1–23.
19. *Vremya*. (1861) Povest' o manchesterskikh truzhenikakh [A Story of Manchester Workers]. 2. pp. 522–583.
20. *Vremya*. (1861) Obshchee polozhenie. Politicheskoe obozrenie [General Situation. Political Review]. 5. pp. 33–49.
21. *Vremya*. (1862) Anglo-amerikanskije dela. Politicheskoe obozrenie [Anglo-American Affairs. Political Review]. 7. pp. 6–18.

Received: 25 February 2019

М.В. Каплун

К ВОПРОСУ О ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОКАХ ПЕРВЫХ РУССКИХ КОМЕДИЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII в.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-00014) в ИМЛИ РАН.

Рассматриваются западноевропейские истоки первых русских комедий. Материалом анализа являются статейные списки Посольского приказа второй половины XVII в. из Италии, Испании и Франции. Документальные описания западных спектаклей дают возможность говорить о театральной традиции Западной Европы на русской сцене последней трети XVII в. Влияние западноевропейской драмы на формирование ранних русских комедий прослеживается на уровне поэтики, театрально-декорационного искусства и придворных церемониальных форм.

Ключевые слова: Посольский приказ; статейные списки; комедия; первый русский театр; западноевропейская драма; придворный театр; Италия; Испания; Франция; XVII в.

В 1672 г. по указу царя Алексея Михайловича на Руси появился русский придворный театр. Пьесы на библейские и античные сюжеты стали первыми комедиями, поставленными при русском дворе и вобравшими в себя черты драматической традиции Западной Европы. В этом контексте особого внимания заслуживает история появления и формирования комедии на русской сцене, тесно связанная с деятельностью Посольского приказа второй половины XVII в.

Прежде чем рассматривать особенности ранней русской придворной комедии, стоит обратить внимание на то, что отношение русского государя к театральным забавам претерпело значительные изменения от полного неприятия к официальному признанию. В 1648 г. на Руси стал действовать указ об ограничении любых разыгрываемых зрелищ, когда царь Алексей Михайлович, усмотревший в уличных позорищах угрозу православным ценностям, разослал по всем городам грамоту, предписывающую «в домах, на улицах и в полях песен не петь, в хороводы не играть, загадок не загадывать, “небылых” сказок не сказывать, на святках в бесовское сонмище не сходиться, скоморохам не быть <...> ослушников наказывать строго, до ссылки в дальние города» [1. С. 9–10]. Но в 1660 г. ситуация начинает меняться, о чем свидетельствует поручение Алексея Михайловича «иноземцу Ивану Гебдону», которому вменялось в обязанность «призвать в Московское государство из Немецких земель¹... мастеров комедию делать» [2. С. 46–49]². Это один из первых документов, в котором театральное действие получает обозначение *комедия*. До этого любое представление на Руси именовалось *зрелищем*, *позорищем* или *игрищем*, т.е. имело неодобрительное значение как выставление на всеобщий позор (обозрение)³.

Неожиданное, на первый взгляд, обращение Алексея Михайловича на Запад в поисках «комедийных мастеров» имело под собой реальные культурно-исторические основания, связанные с расцветом русской дипломатической миссии на Западе. Ко второй половине XVII в. и на Западе, и на Руси достаточно много знали друг о друге, о чем свидетельствует хорошая осведомленность обеих сторон о дипломатическом церемониале тех лет. В частности, речь идет о

придворных «забавах» западноевропейских королей, неизменной частью которых был театр. В 1659 г. из Москвы во Флоренцию было направлено специальное посольство, возглавляемое заместителем Боровским Василием Богдановичем Лихачевым и дьяком И. Фоминым, для установления дипломатических и торговых сношений с Великим герцогством Тосканским и с поручением от царя Алексея Михайловича поблагодарить «флорентинского дука Фердинандуса» за гостеприимный прием Чемоданова и Посникова. Считается, что это была повторная попытка укрепления русско-итальянских связей после неудачного посольства Ивана Ивановича Чемоданова и Алексея Посникова к дожу Венеции в 1656–1657 гг. [4. С. 95–96; 5].

Статьейный список Василия Лихачева примечателен тем, что помимо каждодневных описаний путешествия во Флоренцию и собственно посольских дел в нем содержится подробный обзор театральных представлений, принятых при итальянском дворе, более того, «театральный очерк» выделен в отдельную главу под названием «О комидиях» [6]⁴. Из описаний представлений видно, что русские послы, видимо, не понимая итальянского, были сосредоточены исключительно на внешних эффектах спектакля, декорациях и бутафории, а сама пьеса, скорее всего, основывалась на мифологическом сюжете, о чем можно судить по началу описания спектакля: *Князь приказал играть: объявились палаты, и быв палата и вниз уйдет, и того было шесть перемен; да в тех же палатах объявилось море колеблемо волнами, а в море рыбы, а на рыбах люди ездят; а в верху палаты небо, а на облаках сидят люди: и почали облака и с людьми на низ опускаться, подхватя с земли человека под руки, опять в верхе же пошли; а те люди, которые сидели на рыбах, туда же поднялись в верх, за теми на небо. Да спуцался с неба же на облаке седе человек в корете, да против его в другой корете прекрасная девица, а аргамачки под коретами как быть живы, ногами подрягивают; а Князь сказал, что одно солнце, а другое месяц* [6; 7. С. 282].

Из приведенного отрывка хорошо видно, что русские послы стали свидетелями особенностей театрально-декорационного искусства тех лет, в котором применялась доступная на тот момент театральная

машинерия и бутафория, включая богато оформленные итальянские перспективные декорации, позволяющие быструю смену («перемену») действия. Отметим также, что это первое подробное упоминание в статейных списках западных комедий, из чего можно сделать предположение, что В.Б. Лихачеву, помимо налаживания дипломатических связей, было поручено как можно подробнее ознакомиться с театральным делом в Италии. На это косвенно указывает тот факт, что в предыдущих и последующих статейных списках информация о западных придворных спектаклях практически отсутствует, а о присутствии на подобных представлениях русских послов можно узнать из документов принимающей стороны, что говорит о том, что перед русской дипломатической миссией задачи дать подробное описание западных спектаклей ни до, ни после 1659 г. не стояло.

Исходя из статейного списка В.Б. Лихачева, можно сделать выводы о том, что русские послы не просто слышали о западных придворных зрелищах, но и имели возможность наблюдать разыгрываемые представления во время официальных аудиенций. В 1667–1668 г. русское посольство во главе с русским дипломатом и военачальником Петром Ивановичем Потемкиным (1617–1700) отправляется в габсбургскую Испанию и Францию. Цель данного посольства состояла в передаче испанскому и французскому двору известия о заключении мирного договора между Россией и Речью Посполитой с выражением надежды на укрепление союза христианских государств против Османской империи, а также по торговым причинам [8. С. 21–69; 9; 10]. Известно, что в Испании П.И. Потемкина принимали в королевской резиденции Мадридском Алькасаре (Real Alcázar de Madrid), в котором помимо придворных приемов игрались спектакли [9]. Судя по описаниям, русское посольство было удостоено аудиенции в Салоне зеркал (Salón de los Espejos; Salón Nuevo). Затем посольство «пошли смотреть Королевских палат и саду» и, скорее всего, было приглашено в Салон Комедий (Salón de Comedias; Salón Dorado), который иногда заменял официальный королевский придворный театр «Буэн Ретиро» (Buen Retiro)⁵. В Салоне комедий часто разыгрывались театральные и танцевальные постановки для зарубежных делегаций. Во Франции П.И. Потемкин был удостоен дипломатического приема, частью которого являлись два придворных спектакля. Речь идет об «Ударах судьбы» Жана Демаре и «Амфитрионе» Мольера.

16 сентября после возвращения из Версаля и Сен-Клу П.И. Потемкин отправился во дворец французских королей Тюильри, где для посла, его сына, дьяка и всей свиты труппа придворного драматурга и поэта Жана Демаре представляла комедию «Удары судьбы». А 18 сентября в Тюильри труппа Мольера разыграла перед русским посольством «Амфитриона». Судя по впечатлениям от спектаклей, французские комедии «с превращениями и танцами» весьма понравились послу и его сыну, о чем свидетельствует запись в дневнике кавалерийского полковника и придворного дворянина господина Като (Catheux) о московитах, прибывших во Францию в 1668 г. [11; 12. С. 80].

Като отмечает, что представление Демаре «чрезвычайно забавляло всех, и Потемкин спросил вина, которое было подано». Спектакль Мольера также был принят благосклонно и «весьма понравился послу и его сыну», которые после представления «не ели, а пили и благодарили актеров» [11]. Добавим к этому, что показанные русскому посольству спектакли в полной мере соответствовали придворному церемониалу тех лет и отражали события, разыгрываемые при дворе. Например, в «Амфитрионе» на сюжет из древнегреческой мифологии угадывалась история тайной связи короля Людовика XIV и маркизы де Монтеспан. Подобные отсылки к реальным историческим лицам можно обнаружить в одной из первых русских пьес «Артаксерсово действо» (1672 г.). На Руси история кроткой Есфири могла соотноситься с женитьбой царя Алексея Михайловича на Наталье Кирилловне Нарышкиной. Образ Мардохея, скорее всего, ассоциировался с воспитателем Нарышкиной, Артамоном Сергеевичем Матвеевым, который занял при дворе и в государственном управлении главенствующее положение, сменив ставшего неугодным царю А.Л. Ордина-Нащокина (т.е. Амана).

4 июня 1672 г., т.е. через четыре года после приезда П.И. Потемкина в Московию, на Руси появляется официальный документ об учреждении театра, который предписывал «иноземцу Ягану Готфриду учинить *комидию*, а на *комидии* действовать из библии книгу Есфирь, а для того действа устроить хоромину вновь, а на строение той хоромины и что на нее надобно покупать из указа володимирской чети. И по тому великого государя указу *комедийная хоромина* построена в селе Преображенском со всем нарядом, что в тое хоромину надобно» [13. С. 8].

Здесь стоит оговориться, что, исходя из новейших исследований, первое представление на Руси состоялось гораздо раньше официального указа и относилось к февралю 1672 г., ознаменовав начало русского театра, которое позже было закреплено документально. Речь идет о постановке балета «Орфей», о чем свидетельствуют заметка в немецкой газете «Nordischer Mercurius» («Северный Меркурий») за март 1672 г. и дипломатические донесения из Москвы от февраля 1672 г. [14. С. 32–81]. Появление на русской сцене именно балета как первого пробного спектакля вполне соответствовало привезенным из Италии и Франции впечатлениям русского посольства от комедий, сопровождавшихся танцами и балетом. Из дошедших до нас описаний шведского автора (предположительно Адольфа Эбершильда) отчетливо видно, что ко времени постановки «Орфея» и до строительства Комедийной хоромины на Руси не только имели представление о перспективных декорациях, именуемых «воплощенной перспективой», но и использовали их в ранней постановке.

Приведем отрывок из описания февральского «Орфея»: «Начался показ этого самого балета с представления воплощенной перспективы, в которой восседавший на кресле сын врача в роскошнейших одеждах узрел вдруг Меркурия, крыльями на голове и на ногах, причем тот стоял перед горой, замечательно сооруженной из ветвей, и из-за нее взмыл

вперед ярко освещенный, алого цвета двуглавый орел. Вслед за этим тут же показались две пирамидальные горы, это было чудесное зрелище» [14. С. 63–64]. Возможно, выбор мифологического сюжета и акцент на внешней составляющей спектакля были продиктованы желанием создателей спектакля соответствовать «итальянскому образцу», исходя из донесений посольства 1659 г.

Вернемся к указу от 4 июня, из которого видно, что Алексей Михайлович продолжает именовать будущие придворные представления комедиями, как и в документе 1660 г., т.е. уподобляет их развлекательному действию. В данном случае понятие «делать комедию» означает давать театральные представления, что больше соответствует обозначению действия или состояния, чем жанровому определению. На комедию как форму действия указывает предисловие к «Темир-Аксакову действию», в котором содержатся размышления, ради чего представляется комедия: «Ваше царское величество милостию своею изволите от нас подданных и покорных младенцов послушать про все действия сей комидии, как вначале благочестие служило, а после и печальное время наступило, занеже комедия человека увеселити может и всю кручину человеческую в радость превратить <...> И для того комедия нарицаетца мастерством, потому что она не токмо живых персон в речении и ризах показывати, но многие потешные и разумительные дела, паче действия приводит, чтоб всего злодейства отстать и ко всему благому приставать» [15. С. 59]. О развлекательном предназначении русского театра говорит и название первого театрального здания на Руси *Комедийная хоромина*. Причем хоромина в определении тех лет имела значение «дом, жилое строение», но с шутивным оттенком [3. С. 1386].

Здесь стоит отметить, что ранние русские пьесы были написаны на библейские сюжеты, которые сами по себе не всегда имели развлекательный характер. С одной стороны, подобная концепция комедии не вполне отвечала европейскому пониманию жанра (например, теории испанской комедии), с другой стороны, такая ограниченная трактовка комедии, как любого представления в целом, могла быть связана с отсутствием необходимости жанрового деления русских придворных драм, которые современниками воспринимались исключительно как царская потеха. Как видно из статейного списка В. Лихачева, в котором западные спектакли впервые в посольских документах начали именоваться «комидиями», придворные представления воспринимались русской стороной как обычные зрелища, не нуждающиеся в жанровом разделении.

О большом влиянии дипломатических миссий на зарождение ранней русской драматургии указывает тот факт, что первые русские пьесы создавались под пристальным оком деятелей Посольского приказа и Немецкой слободы в Москве. Таким подвижником у истоков русского театра оказался государственный деятель, влиятельный боярин, приближенный царя и один из первых «западников» Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682), который с 1671 по 1676 г. возглавлял Посольский приказ [4. С. 84]. Именно этот

период характеризуется вторым витком укрепления дипломатических связей с Западной Европой, связанных с посольством московского дворянина, думного дьяка Андрея Андреевича Винуса (1641–1717) для создания союза против турецкого султана [4. С. 122–123; 16. С. 353]. Посольство в Англию, Францию и Испанию, предпринятое в 1672–1674 гг., по хронологии совпало с началом театральной жизни в Москве. Известно, что во время пребывания русской дипломатической миссии в Испании при дворе играли пьесу Педро Кальдерона де ла Барки «Жизнь есть сон», которая активно исполнялась при дворе Карла II начиная с 5 февраля 1673 г. вплоть до ноября 1684 г. [17. Р. 85].

Во время посольства А.А. Винуса на Руси появляется первое театральное здание, устройство которого стало возможно благодаря усилиям А.С. Матвеева и его сподвижников⁶. По воспоминаниям современников, к моменту открытия (октябрь 1672 г.) театральная хоромина в селе Преображенском представляла собой не слишком большое помещение с хорошо продуманной театральной бутафорией, включая перспективные декорации или «рамы перспективного письма», увиденные русскими послами на Западе, устройством которых занимался голландский живописец Петер Энгельс (Инглис), в русских документах именовавшийся «мастером перспективного дела» [18. С. 34]. Существует предположение, что в последнем явлении (сени) «Жалобной комедии об Адаме и Еве», где происходило так называемое райское прение за судьбу первых согрешивших людей, сцена, скорее всего, имела верхнюю площадку, изображавшую «небо», откуда к Адаму и Еве сходили ангелы и стоял трон «верховного судии», что напоминает «небесные» описания флорентийского спектакля 1659 г. [19. С. 16]. В этом ключе можно сделать предположение, что настойчивое желание Алексея Михайловича завести у себя театр в 1670-х гг. и активная подготовка театрального здания именно в разгар русских дипломатических миссий могли быть связаны с необходимостью в дальнейшем «развлекать» западных послов придворными спектаклями, без которых не обходились дипломатические церемонии в Западной Европе⁷.

Поскольку любое представление, исполнявшееся при европейском дворе, являлось частью придворного церемониала тех лет, то каждый спектакль сопровождался неизменным поклоном государю или влиятельному придворному. Что касается раннего русского придворного театра, то обращение к царю Алексею Михайловичу всегда располагалось в начале представления и имело почтительный, если не благоговейный, характер. Об этом свидетельствуют прологи всех дошедших до нас пьес последней трети XVII в. В прологе «Артаксерксова действия», «Иудифи», «Малой прохладной комедии об Иосифе» И.Г. Грегори можно найти характеристику царя, владельца многих земель (стран) [15. С. 93; 19. С. 103, 351]. В предисловии «Темир-Аксакова действия» предположительно Ю.М. Гивнера и «Жалобной комедии об Адаме и Еве» И.Г. Грегори присутствуют придворные формулировки восхваления действующего монарха с просьбой о снисхождении и милости к показываемому действию

[15. С. 59, 116]. Помимо прямых обращений к царю в первых русских пьесах можно обнаружить и символические (иногда аллегорические) характеристики действующего монарха (например, символику солнца) [20]. Подобные формулировки являлись частью придворного церемониала второй половины XVII в. и содержались во многих произведениях, в которых упоминался Алексей Михайлович. Особое место в этом ряду занимают дипломатические документы между Россией и западными странами тех лет, в которых можно найти стихотворения, посвященные царю Алексею Михайловичу. Например, автор первых русских пьес, пастор лютеранской кирхи Немецкой слободы в Москве Иоганн Готфрид Грегори в 1667 г. участвовал в русском посольстве в Германию с рядом поручений от русского государя [4. С. 199–200]. О дипломатической миссии И.Г. Грегори свидетельствует дошедшее до нас стихотворение пастора о Руси, написанное в Штутгарте, где присутствуют хва-

лебные характеристики Алексея Михайловича, впоследствии получившие свое развитие в прологах первых русских комедий [21].

Первый русский театр создавался в эпоху царствования Алексея Михайловича в период установления дипломатических связей с западноевропейскими государствами усилиями деятелей Посольского приказа, этот театр учинивших. Фактически Посольский приказ стал центром зарождения театральных представлений на Руси, и не последнюю роль в этом сыграла русская дипломатическая миссия, благодаря деятельности которой на Русь стали проникать описания придворных «забав» западноевропейских государей, включая театр. Рассмотрение ранних русских придворных комедий в контексте статейных списков русского посольства тех лет позволяет выявить закономерности в формировании и развитии придворного театра на Руси, зародившегося в последней трети XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Под «немецкими землями» следует понимать зарубежные страны в целом, поскольку «немцами» в то время называли любых иностранцев, не знавших русского языка, т.е. «говорящих неясно, непонятно» [3. С. 486].
- ² Речь идет о документальной черновой «росписи» 1660 г., найденной И. Я. Гурляндом, занимавшимся историей Приказа тайных дел. «Роспись» содержит собственноручные поправки и вставки царя Алексея Михайловича.
- ³ Позорище – зрелище, представление, сборище, собрание [3. С. 1090]. Игрище – забава, зрелище, место игры, зрелища [3. С. 1021].
- ⁴ В списке В.Б. Лихачева находим указание на то, что русское посольство было свидетелем целых трех представлений: «А комидий было при нас во Флоренске три игры разных» [6].
- ⁵ В данном случае это всего лишь предположение, поскольку прямых свидетельств о том, что русское посольство при испанском дворе смотрело представления, не сохранилось.
- ⁶ Под сподвижниками подразумеваются деятели Немецкой слободы: пастор лютеранской кирхи в Москве Иоганн Готфрид Грегори, переводчик Посольского приказа Юрий Михайлович Гивнер, придворный врач Лаврентий Рингубер (старший).
- ⁷ Несмотря на настойчивое желание русского царя видеть у себя при дворе западных послов и заверения в скором посольстве в Московию со стороны европейских королей, ответного посольства во время царствования Алексея Михайловича так и не последовало.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гуревич Л.Я. История русского театрального быта: от середины XVII до начала XIX века. 2-е изд. М.: URSS, 2012. 302 с.
2. Гурлянд И. Иван Гебдон. Комиссариус и резидент (материалы по истории администрации Московского государства второй половины XVII века). Ярославль, 1903. С. 46–49.
3. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1890–1912. URL: <http://oldrusdict.ru/dict.html> (дата обращения: 23.09.2019).
4. Беляков А.В. Служащие Посольского приказа 1645–1682 гг. СПб.: Нестор-История, 2017. 368 с.
5. Статьиной список Посольства Стольника и Наместника Переславского, Ивана Ивановича Чемоданова, в Венецию, в 7164 (1656) годе // Древняя российская вивлиофика, Ч. IV. М. 1788. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/4/text1.htm (дата обращения: 23.09.2019).
6. Статьиной список Посольства Дворянина и Боровского Наместника, Василья Лихачева, во Флоренцию, в 7167 (1659) годе // Древняя российская вивлиофика, Часть IV. М. 1788. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/5/text1.htm (дата обращения: 23.09.2019).
7. Казакова Н.А. Статьиные списки русских послов в Италию как памятники литературы путешествий (середины XVII в.) // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 268–288.
8. Посольство П.И. Потемкина в Испанию в 1667–1668 годах: Документы и материалы / отв. ред. В.А. Ведюшкин. М.: Индрик, 2018. 424 с.
9. Статьиной список Посольства Стольника и Наместника Боровского Петра Ивановича Потемкина в Испанию в 7175 (1667) годе // Древняя российская вивлиофика, Часть IV. М. 1788. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/6/text1.htm (дата обращения: 05.09.2019).
10. Статьиной список Посольства Стольника и Наместника Боровского, Петра Ивановича Потемкина, во Францию, в 7175 (1667) годе // Древняя российская вивлиофика, Часть IV. М. 1788. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/7/text2.htm (дата обращения: 20.09.2019).
11. Полуденский М. Русское посольство при дворе Лудовика XIV // Русский вестник. 1863. № 10. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVII/1660-1680/Kate/text.htm> (дата обращения: 20.09.2019).
12. Володина Т.В. Русский человек в Западной Европе (по материалам «Статьейного списка» П.И. Потемкина и «Журнала» Като) // Вестник Новгородского государственного университета. 2003. № 24. С. 75–81.
13. Богоявленский С.К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1914. XXII, 192 с.
14. Дженсен К., Майер И. Придворный театр в России XVII века. Новые источники. М.: Индрик, 2016. 200 с.
15. Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в.: в 5 т. М.: Наука, 1972. Т. 2: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. 367 с.
16. Казакова Н.А. Винниус А.А. и статейный список его посольства в Англию, Францию и Испанию в 1672–1674 гг. // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 161–178.
17. Vega Garcia-Luengos G. Sobre la publicacion impresa de fiestas teatrales en la corte de Felipe IV y Carlos II: modelos y funciones // Teatro y poder en la época de Carlos II. Fiestas en torno a reyes y virreyes / Judith Farré Vidal, ed. Navarra: Iberamericana Vervuert, 2007. P. 69–101.

18. Варнеке Б.В. История русского театра. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1908. Часть первая : XVII–XVIII век. 367 с.
19. Ранняя русская драматургия XVII – первая половина XVIII в. : в 5 т. М. : Наука, 1972. Т. 1. Первые пьесы русского театра. 508 с.
20. Каплун М.В. Символика солнца в пьесах Иоганна Готфрида Грегори // Вестник славянских культур. М. : Государственная академия славянской культуры, 2018. Т. 47. С. 169–177.
21. Каплун М.В. Об одном стихотворении Иоганна Готфрида Грегори // *Studia Litterarum*. М. : ИМЛИ РАН, 2017. Т. 2, № 4. С. 170–181.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 29 ноября 2019 г.

On the West European Sources of the First Russian Comedies (Based on the Materials of the Ambassadorial Order of the Second Half of the 17th Century)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 28–33.

DOI: 10.17223/15617793/451/4

Marianna V. Kaplun, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: tangosha86@mail.ru

Keywords: Ambassadorial Order; ambassadorial lists; comedy; first Russian theater; Western European drama; court theater; Italy; Spain; France; 17th century.

The work was completed at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences with the support of the Russian Science Foundation, Project No. 19-78-00014.

The aim of the article is to consider the origins of the first Russian comedies on the basis of ambassadorial lists of the Ambassadorial Order of the second half of the 17th century. The first attempts of Tsar Alexei Mikhailovich to start a theatre in Russia date back to 1660. The year before, in 1659, the Russian mission headed by V.B. Likhachev brought an ambassadorial list containing, in addition to diplomatic affairs, a chapter on performances seen in Italy, called *comedies (komidii)*. From that moment on, any performances were called comedies in all official Russian documents, not *igrishcha (games)* or *pozorishcha (shows with a shameful shade)* as it was customary earlier, and referred to any performance regardless of the genre division. In 1667–1668, the Russian mission in Spain and France headed by P.I. Potemkin received an audience in the Tuileries Palace, where the Russian diplomats saw French comedies (Desmarests' *Blows of Fate* and Moliere's *Amphitryon*). In June 1672, i.e., in the midst of another diplomatic mission headed by A.A. Vinus, the decree of Tsar Alexei Mikhailovich on the establishment of the first Russian theatre was issued. Nevertheless, according to new studies, the first performance in Russia was the ballet *Orpheus*, staged in February 1672 and incorporating the features of a Western European staging tradition (for example, features of the use of perspective scenery), including the one known from the ambassadorial reports. Since then, the Ambassadorial Order, run by the boyar Artamon Matveyev and his associates, activists of the German Quarter in Moscow, the pastor of the Lutheran church in Moscow Johann Gottfried Gregory, the translator of the Ambassadorial Order Yuri Givner, the court's chief physician Laurent Ringuber Snr, becomes the main institution symbolizing the beginning of theatrical life in Russia. Thus, the first Russian theatre was created during the reign of Alexei Mikhailovich, when diplomatic relations were being established with Western European states, through the efforts of the members of the Ambassadorial Order. In fact, the Ambassadorial Order became the centre of theatrical performances in Russia, and the Russian diplomatic mission played an important role in this regard: descriptions of “amusements” at the courts of Western European sovereigns, including the theatre, began to appear in Russia. The analysis of early Russian court comedies in the context of the ambassadorial lists of Russian missions of those years reveals patterns in the formation and development of the court theatre in Russia, which emerged in the last third of the 17th century.

REFERENCES

1. Gurevich, L.Ya. (2012) *Istoriya russkogo teatral'nogo byta: ot serediny XVII do nachala XIX veka* [The History of Russian Theater Life: From the Middle of the 17th to the Beginning of the 19th Century]. 2nd ed. Moscow: URSS.
2. Gurlyand, I. (1903) *Ivan Gebdon. Komissarius i rezident (materialy po istorii administratsii Moskovskogo gosudarstva vtoroy poloviny XVII veka)* [Ivan Gebdon. Commissar and Resident (Materials on the History of the Administration of the Moscow State in the Second Half of the 17th Century)]. Yaroslavl: [s.n.]. pp. 46–49.
3. Sreznevskiy, I.I. (1890–1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language by Written Monuments]. [Online] Available from: <http://oldrusdict.ru/dict.html>. (Accessed: 23.09.2019).
4. Belyakov, A.V. (2017) *Sluzhashchie Posol'skogo prikaza 1645–1682 gg.* [Employees of the Ambassadorial Order 1645–1682]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Novikov, N.I. (1788) *Stateynoy spisok Posol'stva Stol'nika i Namestnika Pereslavskogo, Ivana Ivanovicha Chemodanova, v Venetsiyu, v 7164 (1656) gode* [The Ambassadorial List of the Mission of Ivan Chemodanov, the Stolnik and Viceroy of Pereslavskoe, to Venice, Year 7164 (1656)]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/4/text1.htm. (Accessed: 23.09.2019).
6. Novikov, N.I. (1788) *Stateynoy spisok Posol'stva Dvoryanina i Borovskogo Namestnika, Vasil'ya Likhacheva, vo Florentsiyu, v 7167 (1659) gode* [The Ambassadorial List of the Mission of Vasily Likhachev, a Nobleman and Viceroy of Borovskoe, to Florence, Year 7167 (1659)]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/5/text1.htm. (Accessed: 23.09.2019).
7. Kazakova, N.A. (1988) *Stateynye spiski russkikh poslov v Italiyu kak pamyatniki literatury puteshestviy (seredina XVII v.)* [Ambassadorial Lists of Russian Ambassadors to Italy as Monuments of Travel Literature (Mid-17th Century)]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 41. Leningrad: Nauka. pp. 268–288.
8. Vedyushkin, V.A. (ed.) (2018) *Posol'stvo P.I. Potemkina v Ispaniyu v 1667–1668 godakh: Dokumenty i materialy* [The Mission of P.I. Potemkin to Spain in 1667–1668: Documents and Materials]. Moscow: Indrik.
9. Novikov, N.I. (1788) *Stateynoy spisok Posol'stva Stol'nika i Namestnika Borovskogo Petra Ivanovicha Potemkina v Ispaniyu v 7175 (1667) gode* [The Ambassadorial List of the Mission of Petr Potemkin, Stolnik and Viceroy of Borovskoe, to Spain, Year 7175 (1667)]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/6/text1.htm. (Accessed: 05.09.2019).
10. Novikov, N.I. (1788) *Stateynoy spisok Posol'stva Stol'nika i Namestnika Borovskogo, Petra Ivanovicha Potemkina, vo Frantsiyu, v 7175 (1667) gode* [The Ambassadorial List of the Mission of Petr Potemkin, Stolnik and Viceroy of Borovskoe, to France, Year 7175 (1667)]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XIII/DRV_IV/7/text2.htm. (Accessed: 20.09.2019).
11. Poludenskiy, M. (1863) *Russkoe posol'stvo pri dvore Ludovika XIV* [Russian Mission at the Court of Louis XIV]. *Russkiy vestnik*. 10. [Online] Available from: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/France/XVII/1660–1680/Kate/text.htm>. (Accessed: 20.09.2019).

12. Volodina, T.V. (2003) Russkiy chelovek v Zapadnoy Evrope (po materialam "Stateynogo spiska" P.I. Potemkina i "Zhurnala" Kato) [Russian Man in Western Europe (Based on the Materials of the "Ambassadorial List" of P.I. Potemkin and Catheux's "Journal")]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta – Vestnik NovSU*. 24. pp. 75–81.
13. Bogoyavlenskiy, S.K. (1914) *Moskovskiy teatr pri tsaryakh Aleksee i Petre* [Moscow Theater Under Tsars Alexei and Peter]. Moscow: O-vo istorii i drevnostey ros. pri Mosk. un-te.
14. Jensen, C. & Maier, I. (2016) *Pridvornyy teatr v Rossii XVII veka. Nove istochniki* [The Russian Court Theater in the Late 17th Century and its Context in Trans-national Information Exchange]. Translated from English. Moscow: Indrik.
15. Derzhavina, O.A. (ed.) (1972) *Rannyya russkaya dramaturgiya XVII – pervaya polovina XVIII v.: v 5 t.* [Early Russian Drama of the 17th – First Half of the 18th Centuries: In 5 Vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
16. Kazakova, N.A. (1985) Vinius A.A. i stateynyy spisok ego posol'stva v Angliyu, Frantsiyu i Ispaniyu v 1672–1674 gg. [A.A. Vinius and the Ambassadorial List of His Mission in England, France and Spain in 1672–1674]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 39. Leningrad: Nauka. pp. 161–178.
17. Vega Garcia-Luengos, G. (2007) Sobre la publicacion impresa de fiestas teatrales en la corte de Felipe IV y Carlos II: modelos y funciones. In: Farré Vidal, J. (ed.) *Teatro y poder en la época de Carlos II. Fiestas en torno a reyes y virreyes*. Navarra: Iberamericana Vervuert. pp. 69–101.
18. Varneke, B.V. (1908) *Istoriya russkogo teatra* [History of Russian Theater]. Pt. 1. Kazan: Tipo-litografiya Imperatorskogo universiteta.
19. Robinson, A.N. (ed.) (1972) *Rannyya russkaya dramaturgiya XVII – pervaya polovina XVIII v.: v 5 t.* [Early Russian Drama of the 17th – First Half of the 18th Centuries: In 5 Vols]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
20. Kaplun, M.V. (2018) The Symbolism of the Sun in Johann Gottfried Gregory's Plays. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*. 47. pp. 169–177. (In Russian).
21. Kaplun, M.V. (2017) On a Poem by Johann Gottfried Gregory. *Studia Litterarum*. 2(4). pp. 170–181. (In Russian).

Received: 29 November 2019

Н.Н. Мисюров

НОВЕЛЛА Э.Т.А. ГОФМАНА «РАЗБОЙНИКИ» КАК НОВОЕ «ПРОЧТЕНИЕ» ЗНАМЕНИТОЙ ДРАМЫ Ф. ШИЛЛЕРА

Рассматривается проблема «многоуровневых» отношений между литературным произведением, автором и читателем. Малоизвестная новелла Э.Т.А. Гофмана, сюжетно повторяющая знаменитую драму Ф. Шиллера, интерпретируется как «ремейк» классического шедевра. Констатируется, что жанровая трансформация создает особый «универсум текста». Новаторское освоение традиции модифицирует романтическое единство «философии жизни» и «поэзии» (в духе Шлегеля и Шеллинга). «Ключевые знаки» текста выявляют «экзистенциальный» подтекст.

Ключевые слова: литературное произведение; жанровая трансформация; сюжет; текст; художественное восприятие.

Литературные явления «переходного» периода многосложностью и неоднозначностью не установившегося окончательно единства формы и содержания нарушают сложившиеся эстетические каноны, меняют представление о господствующем методе творчества и доминирующих направлениях, типологиях стиливого развития.

Публикация и постановка (в Мангейме, в театре барона фон Дальберга в начале 1782 г.) бунтарской драмы Ф. Шиллера «Разбойники» – знаковое событие эпохи «бури и натиска». Идеалы республиканизма в духе Руссо, тема сопротивления тирании увлекли современников, ставших вскоре очевидцами грандиозных революционных потрясений; немецкий гений решением Конвента был удостоен почётного звания гражданина Французской республики. Трагедия «Коварство и любовь» (1783), закрепившая за ним титул первого драматурга всей Германии, была написана в жанре «мещанской драмы». Последние его драмы – «Дон Карлос» (1787) и трудно дававшаяся ему «Мария Стюарт» (1799–1800), а также незавершенная героическая трилогия о Валленштейне – создавались в контексте программы «новой классики». Эти хрестоматийные факты подчеркивают актуальность исследуемой проблемы: речь идет не только об этапах творческой эволюции художника, но и об изменениях в эстетических представлениях современников (сопратников, соперников и критиков), вкусах читательской и зрительской аудитории. Какова их природа?

Малоизвестная новелла Э.Т.А. Гофмана «Разбойники». Приключение двух друзей в одном богемском замке» (1820) обойдена вниманием исследователей творчества «короля романтиков», что вполне объяснимо: нарочитая «подражательность» ее иного рода, нежели «ученический» *der Kunstgriff*, это оригинальное творение зрелого мастера (по объему – повесть). Как самостоятельное – в идейно-художественном контексте новеллистического цикла «Серрапионовых братьев» (новелла не вошла ни в третий, ни в четвертый том) – одно из поздних произведений писателя анализируется впервые. Всякий «истинный поэт» должен обладать способностью «понимать различие между собой и внешним миром, чем единственно и обуславливается земное самосознание». В предисловии к роману (собранию повествований) говорится следующее: «Напрасен будет труд поэта заставить нас верить тому, чему он сам не верит, да и не может ве-

рить, потому что ничего не видал. Такой поэт никогда не будет пророком, и образы его останутся всегда призрачными куклами, кропотливо склеенными из чужого материала!» [1. С. 44].

Молодые герои новеллы – отнюдь не «призрачные куклы», они – из крови и плоти, с честью служат своему отечеству, с достоинством несут «тяжелые служебные обязанности», стойко и храбро выносят выпавшие на их долю испытания. Автор помещает их – в качестве жизненного эксперимента (романтический вариант мифологической инициации) – в центр насыщенного нешуточными приключениями пространства, «склеенного из чужого материала». Интересен вопрос, зачем Гофману, увлекавшемуся театром, более знакомому с берлинской сценой, симпатизировавшему драматургии А. фон Коцебу¹, а также «мистическим фантазиям» З. Вернера² и «готическим» драмам Ф. Грильпарцера, нужна была эта «переделка» из Шиллера?

Отмечая противоречия в развитии национальной литературы, Гёте признавал, что не существует единства духа немецких писателей, они пребывают «каждый в своей сфере». Его собственные драматургические опыты позднего периода носят экспериментальный характер, по-иному «прочитываются» прежние творения: «Стелла», в которой он строго придерживался «французской драматической техники», переделана им в «пьесу для любящих» – в угоду новым читательским вкусам; написанную в «неистовой поэтике» драму «Клавиго» (1779) он называет «инсценировкой рассказа» (источник – «Отрывок из моего путешествия в Испанию» Бомарше). Шиллер не дожил до этого разброда мнений.

Во всех случаях речь идет о своеобразном «перетекании» возвышенного драматического содержания в содержание «прозаическое». Закрепленная эстетическим канонами и литературной практикой «классики» драматургическая модель преобразуется в более востребованную временем модель повествовательную (романтическую).

Процесс перехода от Просвещения к романтизму в западноевропейской литературе на рубеже XVIII–XIX вв. обстоятельно рассматривался в известной работе советского периода; авторами утверждалось, что в основе этого перелома в эстетике и творчестве лежали социально-политические и идеологические сдвиги в обществе, происшедшие под влиянием

Французской революции [2]. Серьезные изменения концепции личности, породившие «проблему героя», потребовали соответствующих перемен в выборе форм художественного отображения действительности. Жанры повествовательной прозы оказались предпочтительнее традиционной линейки драматургических жанров (трагедия, драма, комедия), они были ближе и доступнее рядовому массовому читателю, полнее раскрывали «правду жизни». Однако вопрос о трансформации жанровых форм в немецкой литературе «эстетического периода» не получил окончательного решения.

Советская наука о литературе сконцентрировалась на «закономерностях общественного бытия», которыми далеко не всегда можно объяснить сознание художника, его видение мира и героя времени. Буржуазная «стилистическая критика» фактически подменила творческую биографию автора «господством литературного текста». «Рецептивная эстетика», настаивавшая на необходимости пересмотра истории литературы, в качестве основного критерия оценки литературного процесса выдвинула «модерность», новизну авторских решений [3]³. Несмотря на угасший интерес исследователей к романтизму, обаяние романтического искусства побуждает по-новому оценить вклад романтиков в массовую культуру («тривиальная» литература – явно недооцененный феномен). Попытаемся найти компромиссное решение, учитывая разные суждения по интересующему нас вопросу.

Литературное произведение рассматривается в качестве структуры, определяющей восприятие художественного феномена. «Ключевые знаки» текста, усваиваемые элементы и структуры интерпретируются с точки зрения их возможностей пробуждать «продуктивную активность» (термин Э. Фромма) воспринимающего. Читатель является «конечным пунктом» литературной коммуникации; «суггестивно заряженный» художественным произведением он в свою очередь оказывает определенное обратное воздействие на саму метафорически и концептуально «заново структурированную» реальность текста. Реалистическому или же романтическому мировидению следуют автор и его читатель, современники они или же разделены во времени обстоятельствами «роковой» судьбы литературного произведения – не суть важно.

Характер художественного восприятия обусловлен художественным текстом и «рецептивным настроением», порождаемым всякого рода «предупреждениями», которые сопровождают заглавие литературного произведения. Это могут быть различные по характеру и функциям композиционные «рамочные обрамления»: именно по такой схеме строятся «Серапионовы братья».

Рассматриваемая новелла точно так же предполагает собственное необходимое «предупреждение»: это – «приключение двух друзей в одном богемском замке»; оба друга напоминают благожелательно встреченных критикой «друзей-серапионов», узнаваемый феодальный замок отсылает читателя к событийной канве и живописным «декорациям» ставших к тому времени национальной классикой шиллеровских

«Разбойников». Эта «предваряющая» информация о жанре, слагаемых авторского замысла, обозначенные фабулой «координаты» освоения художественного пространства текста предопределяет «уровень ожидания» читателя и задает когнитивную и эмоциональную установку читательской рецепции.

Основной код художественного текста складывается в нем самом. Смысловая нагрузка отдельного «ключевого знака» – слова и образа – определяется текстом как целым [5. С. 180]. «Приращение смысла» системой текста (в процессе его прочтения и интерпретации) означает генерирование фактически нового содержания. Читательская версия текста является самостоятельной вариативной моделью данного литературного произведения (пространства и времени текста). Для понимания художественного текста важно опосредованное языковыми формами содержание произведения, отражающее «содержание действительности»; эту основу литературного изображения Гёте называл «вторая природа». Художественный текст может быть интерпретирован как специфическая (метафорическая по природе) модель субъективных и объективных отношений и процессов. Любое субъективное прочтение основано на достаточном самостоятельном понимании текста читателем.

Определенные жанровые трансформации, а именно «романные» формы организации новеллистического повествования, отдельные элементы и сюжетно-смысловые конструкции одного жанрового феномена в другом (приемы «тривиальной» литературы и элементы «романа воспитания», доставшиеся романтикам в наследство от культуртрегеров) не являются случайными, но обусловлены метафизикой авторской картины мира. Романтический герой уподобляется «культурному герою» мифа, проходит своеобразный обряд инициации, сталкиваясь с враждебными ему имманентными силами. Читатель, осваивая пространство изображаемой жизни, совокупность «путей» героя, приходит к пониманию «устойчивой определенности мира» [6. С. 8]. Художественный текст является результатом культурной коммуникации.

Литературное произведение как «форма» есть органическое целое, рождающееся из слияния различных уровней предшествующего опыта (идея, ценностные установки, тема, сюжет, стилевые приемы). Подлинной «структурой» произведения является то, что объединяет его с другими произведениями, что выявляется в процессе рецепции как «модель». Форма поддается описанию только в той мере, в какой она порождает «порядок собственных истолкований» [7. С. 34].

Переименованная Гофманом шиллеровская драма «провоцирует» читателя на самостоятельное истолкование исходного текста и предложенного автором нового оригинального его прочтения. Это переводка по принципу современного кинематографического ремейка: увлеченный поклонник решается на дерзкое «улучшение» полюбившегося творения признанного мастера, дополняет его новыми мотивами и чертами, развивающими чужой первоначальный замысел. «Разбойники» Гофмана – жанровая трансформация «драмы для чтения» в «разбойничий» роман. Новый

текст образует новую органическую форму (как и новый «коммуникативный замысел»), обогащает содержание литературного шедевра.

В тогдашней немецкой литературе «романы о разбойниках» были невероятно популярны; известная «фабрика романов» берлинского издателя и литератора Ф. Николаи производила немислимое количество подобной продукции. Культовым текстом принято считать анонимно вышедший и разошедшийся в широких читательских кругах, в том числе и многочисленными «пиратскими» переизданиями, роман «Ринальдо Ринальдини» (популярнейший в то время и в Германии, и в России). Гораздо ближе Гофману «бестселлеры» успешного литератора, человека публичного и запросто общавшегося с высокопоставленными особами (подозревали в нем даже русского шпиона) А. Коцебу, они, к тому же, были знакомы. Как прусский прокурор Гофман и сам принадлежал к этим кругам, у них были общие друзья среди русских литераторов и общественных деятелей. Царствующие Романовы состояли в родстве с немецкими династиями, русская армия участвовала в освобождении страны от Наполеона, у литературных сообществ России и Германии был один «добрый гений» – Жуковский. Немудрено, что в романтических фантазиях Гофмана зримо присутствует жестокая реальность и героика окончившейся войны и много русских благородных героев, большей частью офицеров и аристократов. «Разбойничью» роману отдаст определенную дань уважения и сам Пушкин (почему-то игнорируют эту узнаваемую жанровую природу «Дубровского», подчеркивается «обличительный» подтекст пушкинского замысла).

Мастерство Гофмана заключается в том, что два его главных героя волею обстоятельств оказываются в ситуации, моментально ими «прочитываемой»: они с любопытством, иронией и ужасом наблюдают, как сквозь приметы окружающей их реальности все более отчетливо проступают узнаваемые элементы «действительности», созданной художественным вымыслом классика; уже не ясно, какой набор жизненно-правдивых картин виртуален, события развиваются настолько прихотливо и вместе с тем столь определенным образом, что ни о какой «параллельности» нет и речи, все выстраивается в одну-единственную «линейность». Эта исходная мистически окрашенная и философски внятная посылка существенно повышает значимость авторского замысла: уже не интригой следует назвать сюжетную канву повествования, но своего рода доказательством некоего религиозного тезиса катехизиса художника (тема романтического рока осложняется философскими размышлениями о «темной» стороне субъективно воспринимаемого нами мира и воле божественного Провидения).

Двое молодых людей, «с детства связанных тесной дружбой», «жизнерадостные по своей природе» берлинцы, в надежде «освободиться хотя бы на короткое время от лежавших на них тяжелых служебных обязанностей», отважились на небольшое совместное путешествие. Время действия – между двумя войнами (вскоре после «национального унижения» 1806 г., оккупации Германии наполеоновскими войсками, и

накануне Освободительной войны 1815 г., один из героев потом вступит в действующую армию). Едва проехав Прагу, они попадают в весьма неприятную историю, в результате ночного нападения шайки разбойников один из них оказывается раненым. Они так мечтали посетить Италию, возжеленную для романтиков «родину искусств». Теперь же приходится прервать ставшее опасным паломничество, чтобы позаботиться о жизни и здоровье одного из них, между прочим, жизнелюбца и оптимиста. Мир не без добрых людей, проявив христианское сострадание, гостеприимство оказывает местный магнат, предоставляя «путешествующим энтузиастам» кров и пищу, крайне необходимую помощь лекаря.

Реалии тогдашней немецкой жизни очерчены Гофманом ровно настолько, насколько они не входят в противоречие с политическими и бытовыми реалиями 1790-х гг., времен молодости Шиллера. Происходящее не стеснено драматургическими условностями, как в драме классика, но художественное пространство новеллы Гофмана остроумным образом обыгрывается в духе сценических «декораций». Когда один из друзей обращает внимание другого на удивительные совпадения, разговор принимает любопытный характер: «Разве ты не понял, что мы попали как раз к шиллеровским “Разбойникам”. Место действия – старый богемский замок; значит, декорация соответствует трагедии. Действующие лица: Максимилиан, владетельный граф; его сын Франц; его племянница Амалия. Ну а Карл, вероятно, состоит атаманом разбойников, которые на нас напали. Я очень рад, что наконец-то в действительной жизни вижу приключение, давшее сюжет для трагедии Шиллера. Теперь я могу узнать на деле, что станется с Карлом Мором, убьют ли его швейцарцы, или он отдался в руки правосудия. Интересно только знать, позволим ли мы, в качестве случайно присутствующего хора, графу Францу запереть старого отца в башню, возвышающуюся, как ты можешь видеть, в конце парка; особенно, когда у нас нет ворона Германа, который бы приносил ему пищу» [8. С. 312].

Друзьям становится совсем не до шуток, когда дальнейшие события начинают стремительно развиваться куда драматичней, нежели в классическом произведении, они уже не в силах предугадать того, что ждет их впереди. «Скептик» безнадежно, а главное – безрассудно влюбится, едва уцелеет в самой настоящей «пляске смерти». «Энтузиаст» получит необходимый жизненный опыт, что заставит его сделаться невыносимо разумным (с точки зрения его прежнего). Друзья как бы поменяются местами. Судьба роковой красотки, бедной Амалии будет иной, куда более печальной в силу своей банальности, нежели в знаменитой пьесе (она сойдет с ума). Франц окажется совсем не тем злодеем, нежели его литературный тезка, Карл – не столь благородным, как у Шиллера, но трагизм судьбы придаст его облику некую притягательность, за ним есть определенная правда, пусть и вопиюще противоречащая «правде мира сего». Примерно с середины повествования Гофман решительно не придерживается канвы событий у Шиллера; решаются совсем другие художе-

ственные задачи, поскольку ставятся совсем иные вопросы «бытия человеческого».

По-иному выстраивается «структура открытого произведения», новеллистическое повествование усложняется эпистолярными вставками, то проясняющими историю, то запутывающую, предоставляя читателю внести собственные необходимые коррективы в «универсум текста», право выбора одного из возможных разрешений сюжетной коллизии. Полноценной трансформации новеллы в роман, увы, не происходит! Какими соображениями обусловлена такая «авторская программа», необходимо выяснять куда подробнее, с привлечением разнообразных, в том числе и биографических материалов. Пока же хотелось указать на этот любопытный историко-литературный факт и обозначить возможную теоретическую базу его исследования.

Однозначно можно сказать следующее: жанровые рамки «разбойничьего» романа позволяют Гофману наметить контуры жанровой модификации драматургического текста, переосмысленного как «драма для чтения»; новеллистический характер повествования закрепляет романтические «ценностные установки»; элементы эпистолярного жанра углубляют психологическую проработку характеров (невозможную настолько в драме и поверхностную в тривиальном романе). Замечу, что Гофман в чем-то превосходит Шиллера [9] в разработке схожего художественного замысла, в чем-то уступает великому предшественнику. «Органическое целое» вторичного текста намного интересней исходного текста, если не по результату, то по возможностям (разумеется, речь идет о возможных последующей интерпретации)⁴.

Дисгармония между мечтой и действительностью – основополагающий тезис романтического творчества; земная жизнь недостойна поэта, жалка и убога, но крепко держит его, оттого фантазии художника в романтическом искусстве зачастую принимают изломанный, гротескный характер. Возможности искусства безграничны, но художник не знает ответа на мучительный вопрос: «какого рода и какой степени знания человек способен достичь о том, что пребывает вне его и над ним, и в какой мере такое знание мыслимо и возможно» [11. С. 34].

В творениях Гофмана фантазия и реальность не только смешиваются причудливым образом, но как бы переставлены местами: «фантазия оказывается злой, как реальность, а реальность становится фантастической, как кошмар». Если он и похож на других романтиков, то его отличает от них невозможность «легких решений» возникших трагических коллизий человеческого существования. Гофман, справедливо заметил один из лучших его исследователей, «как будто приговорен пожизненно к действительности, к реальной земной жизни, как бы жестока и трагична она ни была» [12. С. 279]. В данной новелле он не

прибегает, как это часто делает в других своих фантазмагорических рассказах, к вмешательству чудесных, сверхъестественных сил в судьбу «маленького человека», его героям предстоит самим спасать себя и попытаться спасти близких и любимых. Жестокий парадокс заключается в том, что романтическое начало, которое заложено в характерах главных героев, им мешает, только усугубляет трагизм их положения и судеб других действующих лиц истории. Виллибальд упрекает себя в том, что «неразумно поддался минутному увлечению пробудившейся чувствительности» (вспыхнувшему глубокому чувству к Амалии). Гартман, мечтатель, впоследствии «повысившийся по своей дипломатической службе», вспоминает о приключении как о досадном происшествии; уверяет в письме друга, что «случай нашей жизни» нужно трактовать как ошибку высших сил. Он называет теперь «преступным безумием» любовь Амалии к Карлу, разбойники лишены даже намека на благородство, они – закоренелые и одновременно банальные «злодеи». Один из главных героев рад тому обстоятельству, что Франц передал по дарственной записи свое владение «одному бедному, подававшему надежды юноше», и новый замок выстроен теперь на другом месте. Воспоминания друзей печальны, им не хочется «говорить о каких-либо других вещах» в связи с этой «ужасной трагедией». Спасительной сказки не получилось, грубая реальность торжествует в этой странной истории.

Отметим два существенных момента: действие разворачивается в романтических «декорациях» и почти в соответствии с драматургическими законами, герои словно бы присутствуют на некоем таинственном спектакле (мифологема «театра жизни»), статус зрителей не позволяет им напрямую вмешаться в происходящее, но они не в силах остаться в стороне, они должны действовать; новелла, осложненная чертами драмы, разрастается до романа, но словно какая-то неведомая сила заставляет самого автора отступить от задуманного и оборвать нить повествования, поскольку ему недоступен замысел самого Провидения, не ему определять дальнейшие судьбы его героев. «Душевные крайности» – предмет пристального анализа романиста, новеллист придерживается «идеального равновесия» вымысла и правдоподобия. Фантазии Гофмана достигают опасной грани, за которой фантазия и реальность сливаются в нераздельное целое совершенно нового «универсума текста».

Вывод об «экзистенциальном» (философским и символическим) подтексте «прочтения» романтиком чужого авторского замысла классика основывается на результатах декодирования определенных «текстовых кодов». Общий контекст восприятия литературного произведения определяется «общественной практикой», эстетической парадигмой романтической эпохи и творческими принципами самого художника.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одна из известнейших пьес Коцебу – трагедия «Ненависть к людям и раскаяние» (1789) – чем-то близка гофманическому прочтению шиллеровской коллизии раскаяния «благородного разбойника» и его противостояния разоблаченному злодею под маской «образцового сына» и праведника.

² «Выдающимся характерам» сочинений З. Вернера посвящена особая глава седьмого раздела четвертого тома сборника; «серапионовы братья» сходятся во мнении, что всюду у него к «подлинно великому», трагическому примешивается «что-то странное», авантюрное, а часто и «низменное».

³ Материалы дискуссий 1960–1970-х гг. недавно только получили рецепцию в отечественной науке. См. одну из таких работ [4].

⁴ Главная цель литературы состоит не в «отражении» действительности, утверждал Н. Фрай, а в «продуцировании» ее художественного подобия [10]. В созданной «новой критикой» 1960-х гг. теории творчества особое внимание уделялось «дескриптивному символизму» и роли мифологических архетипов в трансформации традиционных жанровых форм. Заметим, что многое в гофмановском эксперименте поддается объяснению в этом ключе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья. Минск : Navia morionum, 1994. Т. 1. 592 с.
2. Тураев С.В., Чавчанидзе Е.Д. От Просвещения к романтизму. Трансформация героя и изменение жанровых структур в западноевропейской литературе конца XVIII – начала XIX века. М. : Наука, 1983. 256 с.
3. Яусс Г.-Р. История литературы как вызов теории литературы // Современная литературная теория. Антология. М. : Флинта, 2004. С. 192–200.
4. Фомин К.А. Концепция рецептивной эстетики Ханса Яусса как принцип конституирования и динамики литературной традиции // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 2 (30). С. 169–176.
5. Лукин В.А. Художественный текст: Основы лингвистической теории. М. : Ось-89, 2005. 560 с.
6. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М. : Сов. писатель, 1979. 418 с.
7. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределенность в современной поэтике. СПб. : Академический проект, 2004. 384 с.
8. Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья. Минск : Navia morionum, 1994. Т. 2. 454 с.
9. Шиллер Ф. Собрание сочинений. М. : Худ. лит., 1955–1957. Т. 1. 784 с.
10. Фрай Н. Анатомия критики. М. : Директ-Медиа, 2007. 82 с.
11. Шлегель Ф.В. Сочинения. СПб. : Quadrivium, 2015. Т. 1: Философия жизни. 816 с.
12. Карельский А.В. Немецкий Орфей: Беседы по истории западных литератур. М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2007. 608 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 января 2020 г.

Die Räuber by E. T. A. Hoffmann as a New Reading of the Famous Drama by Friedrich Schiller

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 34–39.

DOI: 10.17223/15617793/451/5

Nikolay N. Misyurov, Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: journalist-omgu@yandex.ru

Keywords: literary work; genre transformation; plot; text; artistic perception.

The problem of “recreating” the new space of a literary work as an “open” structure that determines the perception of an artistic phenomenon (a romantic “reading” of a classical masterpiece) is solved. The “multi-level” relationship between a literary work, author and reader on the material of E. T. A. Hoffmann’s little-known novel *Die Räuber* [The Robbers] is analysed. It is proved that the “key signs” of the text, its elements and structures awaken the “productive activity” of the reader (the reader is the “ultimate point” of literary communication). It is claimed that the nature of “emotional” perception is due to the peculiarities of the text and the “receptive mood” of the reader. The “preliminary” information about the genre, the author’s idea, and “coordinates” of the artistic space of the text designated by the plot set the cognitive and emotional orientation of the reader’s reception. The literary analysis of the text, reinforced by the receptive-hermeneutic approach, revealed certain “mythological structures” designed for the reader’s interactive participation in the joint “creation” of the new text content. The romantic hero is likened to the “cultural hero” of the myth: he undergoes the rite of initiation, faces immanent forces hostile to him. The text of the literary work is mythologized. The literary work as a “form” acquires purpose in the convergence of various heterogeneous products of “previous experience”. It is concluded that Hoffmann’s novel is a detailed genre transformation of a “drama for reading” into a “robbery” novel (popular in German literature at the time): the remade text has an organic form, a new “communicative idea” that enriches the content of the literary masterpiece. Thus, Hoffmann’s skill lies in combining his own plot with the plot of the famous drama by Schiller; the mix of one artistic space with the other creates an intrigue in the narrative. It is emphasized that the original philosophical idea (the theme of romantic doom) increases the significance of the author’s idea: Hoffmann’s fantasies and reality merge into an inseparable whole of the new “universe of the text”. Readers perceive the author’s idea, motivated by the author’s “hints”, and reveal the semantic subtext (philosophical, symbolic) of the literary work while reading and interpreting it. Thus, the general context of perception of the analysed work is determined by the aesthetic paradigm of the romantic era and the creative principles of the artist (innovator and experimenter) and creates a kind of an “existential” subtext of this story.

REFERENCES

1. Hoffmann, E.T.A. (1994) *Serapionovy brat'ya* [The Serapion Brethren]. Translated from German. Vol. 1. Minsk: Navia morionum.
2. Turaev, S.V. & Chavchaniidze, E.D. (1983) *Ot Prosveshcheniya k romantizmu. Transformatsiya geroya i izmenenie zhanrovyykh struktur v zapadnoevropeyskoy literature kontsa XVIII – nachala XIX veka* [From Enlightenment to Romanticism. The Transformation of the Hero and the Change of Genre Structures in Western European Literature of the Late 18th – Early 19th Centuries]. Moscow: Nauka.
3. Yauss, G.-R. (2004) *Istoriya literatury kak vyzov teorii literatury* [The History of Literature as a Challenge to the Theory of Literature]. In: Kabanova, I.V. (ed.) *Sovremennaya literaturnaya teoriya. Antologiya* [Modern Literary Theory. Anthology]. Moscow: Flinta. pp. 192–200.
4. Fomin, K.A. (2015) Hans Robert Jauss’ Reader-Response Criticism as the Principle of Constitution and Development of the Literary Tradition. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2 (30). pp. 169–176. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/30/19
5. Lukin, V.A. (2005) *Khudozhestvennyy tekst: Osnovy lingvisticheskoy teorii* [Literary Text: Fundamentals of Linguistic Theory]. Moscow: Os’-89.
6. Bakhtin, M.M. (1979) *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creativity]. Moscow: Sovetskiy pisatel’.
7. Eco, U. (2004) *Otkrytoe proizvedenie: Forma i neopredelennost' v sovremennoy poetike* [The Open Work]. Translated from Spanish. St. Petersburg: Akademicheskiiy projekt.
8. Hoffmann, E.T.A. (1994) *Serapionovy brat'ya* [The Serapion Brethren]. Translated from German. Vol. 2. Minsk: Navia morionum.
9. Schiller, F. (1955–1957) *Sobranie sochineniy* [Works]. Translated from German. Vol. 1. Moscow: Khudozh. lit.

10. Frye, N. (2007) *Anatomiya kritiki* [Anatomy of Criticism]. Translated from English. Moscow: Direkt-Media.
11. Schlegel, F.W. (2015) *Sochineniya* [Works]. Translated from German. Vol. 1. St. Petersburg: Quadrivium.
12. Karel'skiy, A.V. (2007) *Nemetskiy Orfey: Besedy po istorii zapadnykh literatur* [A German Orpheus: Conversations on the History of Western Literature]. Moscow: RSUH.

Received: 23 January 2020

А.С. Разина

ДИАЛЕКТНЫЕ ФИТОНИМЫ В АСПЕКТЕ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Исследуются особенности содержания и структуры этнокультурной информации, аккумулированной в среднеобских наименованиях растений. Представлена система координат, которые позволяют описать членение окружающего мира носителями диалекта посредством фиксации в фитонимах того или иного признака. Рассматриваются базовые и маргинальные этнокультурные сведения, репрезентированные в прямых и метафорических номинациях реалий мира флоры, сквозь призму которых становится видна избирательность лингвокультуры.

Ключевые слова: фитонимы; этнолингвистика; диалект; этнокультурная информация.

В настоящее время фитонимы являются одной из наиболее изученных тематических групп русского языка. Начало активного исследования наименований растений приходится на последнюю треть XX в. В эти годы выходит ряд крупных работ, посвященных описанию растительной лексики в структурно-семантическом (В.Г. Арьянова), ономазиологическом (Н.Д. Голев, В.В. Копчева), этимологическом (В.А. Меркулова), мотивологическом (О.И. Блинова, А.Д. Жакупова, В.А. Иванов, А.С. Савенко) аспектах. В XXI столетии все большее внимание ученых сосредоточивается на вопросах репрезентации в названиях растений различных когнитивных (А.Г. Дементьева, И.В. Лукьянова, Н.И. Панасенко, З.И. Резанова) и культурных (О.И. Блинова, Т.Н. Бурмистрова, В.Б. Колосова, Н.И. Коновалова, А.М. Летова, Е.Ю. Моисеева) феноменов.

Данная статья продолжает линию исследований, предметом которых является отражение материальной и духовной культуры в диалектной лексике, номинирующей реалии мира флоры. Проблема изучения взаимоотношений языка и культуры занимает одно из ключевых мест в современной российской лингвистике. Методы исследования корреляции языковых и культурных особенностей этноса разрабатываются многими лингвистическими направлениями, однако ведущая роль в этом вопросе принадлежит этнолингвистике. Восходя к трудам А.А. Потебни, Ф.И. Булаева, А.Н. Афанасьева, отечественная этнолингвистика фокусируется главным образом на взаимосвязи языка (диалекта) и народной культуры.

Реалии мира флоры – одна из древнейших сфер «жизненного мира» этноса. Бытовое использование растений связано с занятиями земледелием, животноводством, промысловой деятельностью, народной медициной. Растения как составляющие духовной культуры широко задействованы в обрядовой сфере. Их образы впитаны в произведения фольклора – приметы, загадки, песни, поговорки и предания. Поскольку растения в течение многих веков становились объектами многогранной познавательной деятельности, фитонимы зафиксировали в своей внутренней форме особенности культуры и менталитета русской нации.

Несмотря на очевидность наличия у диалектных фитонимов этнокультурного своеобразия, они остаются малоизученными в аспекте актуализуемой ими этнокультурной информации. Как правило, исполь-

зуя этот термин, ученые не очерчивают четких границ явлений, относящихся к кодируемым в лексике сведениям о народной культуре и ментальности. Представляется, что одной из самых проработанных является концепция Е.Л. Березович, которая акцентирует внимание на таких моментах, как: «(1) содержание и отбор, структура сведений о культуре этноса, (2) их когнитивный генезис, (3) сфера бытования, (4) способ репрезентации, (5) семиозис (источники и условия трансляции)» [1. С. 12]. Цель данной статьи – описание содержания и структуры этнокультурных сведений, заключенных в фитонимической лексике Среднего Приобья.

Для исследования из словаря В.Г. Арьяновой [2], достаточно полно лексикографирующего фитонимы указанного диалектного ареала, были выбраны 1 300 номинаций. Полученное подмножество состоит из разноструктурных лексических единиц – универбов (*желтушка* ‘лисичка обыкновенная’, *масляник* ‘масленок’, *сумка* ‘сумочник пастуший’), двусловных номинаций (*ветреница лесная* ‘ветреница лесная’, *горицвет кукушкин* ‘горицвет кукушкин’, *свинячье ухо* ‘колеус Блюма’) и сложных слов, компоненты которых соединены дефисом (*зима-лето* ‘бегония всегдацветущая’, *капуста-толстомятка* ‘капуста кольраби’, *мать-и-мачеха* ‘мать-и-мачеха обыкновенная’).

В соответствии с работами О.И. Блиновой, Е.А. Юриной и др., выделенные структурные типы фитонимов могут быть отнесены как к прямым, немтафорическим номинациям, у которых нет сопоставления денотата с какой-либо реалией (*желтушка* ‘желтого цвета’, *ветреница лесная* ‘растущая на ветру’, *зима-лето* ‘цветущая зимой и летом’), так и «собственно образным языковым единицам, появившимся в процессе номинации с метафорическими составляющими» [3. С. 8] (*масляник* ‘точно покрытый маслом’, *горицвет кукушкин* ‘словно горящий / словно кукушкин’, *капуста-толстомятка* ‘будто с толстой пяткой’) и «языковым метафорам – вторичным образованиям, возникшим посредством метафоризации на основе уже существующих языковых единиц» [Там же. С. 8] (*сумка* ‘будто сумка’, *свинячье ухо* ‘подобно уху свиньи’, *мать-и-мачеха* ‘гладкая сторона листа похожа на мать, шершавая – на мачеху’).

Как известно, достигнутое лингвокультурой того или иного этноса понимание окружающей действительности отражается в языковых единицах через

призму различных координат. Какие же из них «работают» в фитонимическом поле?

1. Прежде всего следует обратиться к пространственным координатам, амбивалентным по своей сути. Пространственную сферу бытия люди издавна осмысливают через расстояние, порождающее базовую семиотическую оппозицию «далекое / близкое», однако в прямом выражении для фитонимической лексики семантика дистанции оказывается нерелевантной. Вместе с тем пространство трактуется и через его онтологические качества и освоенность. Именно «обжитость» местности обуславливает оппозицию **культурное, цивилизованное, возделанное, обустроенное, благоуженное, улучшенное / дикое, природное, нетронутое, незнакомое с человеком**. «Свое» пространство выступает как зависящее от человека, который защищает его и одновременно находится под его защитой. На данном уровне интерпретации можно заметить и рефлекс семантики расстояния.

Так, в традиционной культуре средоточием своего пространства выступает дом (домашний доктор ‘алоэ древовидное’), и затем оно представлено «периферийными» локусами, т.е. тем, что крестьянский дом окружает, – огородом (огородный желтняк ‘лютик едкий’), садом (малина садовая ‘малина обыкновенная культурная’, мята садовая ‘мята перечная’, садовая ромашка ‘нивянка обыкновенная садовая’).

Удаленная от дома «чужая», дикая, не знающая заботы человека местность нередко враждебна ему. И степень этой антагонистичности нарастает по мере удаления от дома. Народные фитонимы отсылают и к этим локусам – к полю (полевой лук ‘лук дикорастущий’), лугу (дуговая душица ‘душица обыкновенная’), болоту (болотная лилия ‘кувшинка белая’), воде (водяной перец ‘горец перечный’) и лесу (гвоздика лесная ‘гвоздика пышная’). Однако особенно часто принадлежность к «чужому» пространству выражается с помощью определения *дикий*, ‘растущий на свободе, в отличие от садового, огородного’ (*дикая гвоздика* ‘гвоздика-травянка’, *дикая морковка* ‘всё ядовитый’, *дикий огурец* ‘эхиноцистис лопастный’, *дикая сирень* ‘таволга розовая’). Во всех подобных фитонимах лингвокультурой маркируется не столько среда обитания растений сама по себе, сколько ее оценка как не зависящей от человека и, соответственно, покрытой никем не культивируемой растительностью.

2. Прагматические координаты в диалектных наименованиях растений, по нашим наблюдениям, оказываются представленными дискретно и, следовательно, выстраиваются в более разнообразные оппозиции.

Оппозиция **полезное / вредное** связана со свойствами растений излечивать / вызывать болезнь. В большинстве случаев принадлежность к тому или иному полюсу эксплицируется посредством отсылки к номинационному признаку фитонима, поскольку во внутренней форме лексемы в обоих случаях заключено название определенного недуга. Они хорошо соотносятся носителями говоров. Приведем характерные контексты, взятые из словаря В.Г. Арьяновой [2], который увенчал пять десятилетий поиска и сбора среднеобской фитонимики. Записи свидетельствуют

об актуальности для носителей говоров внутренней формы слов: *бородавник* ‘чистотел большой’ – *бородавки сводит* [2. Т. 3. С. 51]; *геморройная трава* ‘горец почечуйный’ – *применяется при геморрое* [Там же. Т. 1. С. 61]; *грыжная трава* ‘звездчатка-мокрица’ – *если прикладывать к больному месту – грыжа проходит* [Там же. С. 89]. Полюс «полезное» может быть также представлен метафорическими наименованиями: *богородская трава* ‘тимьян обыкновенный’, *дохтур* ‘алоэ древовидное’. Другой полюс проявлен в основании номинации *болиголовка* ‘болиголов пятнистый’ – *если ее много нюхать будешь, то голова разболится* [Там же. С. 37].

Если в фитониме *дохтур* метафора прозрачна, то функционирующие в говорах варианты метафорического названия *богородская трава*, *богородная трава*, *богородица* следует прокомментировать подробнее. В народной культуре Мать Божия выступает защитницей людей и животных от разного рода напастей. В крестьянских представлениях, в отличие от трактовки церкви, Богородица оказывается более земной фигурой, включенной в бытовую жизнь человека [4]. Рассказывая о богородской траве, носители диалекта акцентируют лекарственные свойства растения: оно способно исцелять, словно заступница рода человеческого: *Это богородская трава. Эта трава лечебная. Рвут ее в июне, но можно и в июле. Из нее делают отвар и прикладывают на больное место;* [2. Т. 2. С. 144]. *Богородская трава – когда оммороки бывают. Она сиреневым цветом на склонах. Пахнет церковным ладаном* [Там же]. Данное растение применяют и для лечения скота, облегчения отела: *А богородская трава, она сильно хороша, она от нервов успокаивает, эта сама богородская трава. А раньше рвали, знаешь, по-христьянски, корова телится, подкуривали корову* [Там же]. Красноречив тот факт, что синонимическими названием тимьяна обыкновенного являются фитонимы *земляной ладан*, *земной ладан* (*Земной ладан, привяжешь его, тоже легче становится* [Там же]). И здесь номинационный признак вновь отсылает к известным полезным свойствам и связанному с религиозным культом объекту.

Оппозиция более низкого ранга **съедобное / несъедобное** может актуализоваться универбами типа *сыроежка* ‘сыроежка’. Вместе с тем чаще всего ее воплощает определение в двусловных фитонимах. Оно способно прямо отсылать к пищевому назначению растения (*борщевая крапива* ‘крапива обыкновенная’), однако преимущественно в данной роли выступает оценочное прилагательное *настоящий*₄ в значении ‘подлинный, истинный’, которое косвенно характеризует полюс «съедобное»: *лисички настоящие* ‘лисичка обыкновенная’, *настоящий опенок* ‘опенок настоящий’. Противопоставляемый признак *ложный* (*опенок*, *лисичка*) уравнивается с признаками *ядовитый* (*опенок*), *поганый* (*гриб*), свидетельствуя о принадлежности растения к несъедобным объектам.

На этом фоне оппозиция **опасное / безопасное** отличается некоторой спецификой. Если описанные выше противопоставляемые полюса маркированы лингвокультурой практически равномерно, то в данном случае языковое воплощение чаще получает один

из них. Как правило, фитонимы, отражающие семантику опасного, вербализуют прямые последствия контактов живых существ с именуемой реалией (*бешеная трава* ‘белена черная’, *дурман-трава* ‘дурман обыкновенный’) или связывают растение с потенциальной угрозой, исходящей от нечистой силы (*чертовы полоски* ‘рогоз широколистный’), а также от представителей фауны, символизирующих в народной культуре враждебный человеку мир, напасти, болезни, дурные вести, смерть (*волчья ягода* ‘волчник обыкновенный’, *воронья ягода* ‘вороний глаз’) [4, 5].

Здесь вновь необходимо отметить важность обращения к метаязыковому сознанию носителей диалекта, поскольку прилагательное *чертов* может актуализоваться как ЛСВ₁ ‘обладающий свойствами нечистой силы’: *чертовы палочки* ‘рогоз широколистный’ (*Рябятишки камыш принесли домой, так ведь мама его выкинула. «Нельзя, – говорит, – домой чертовы палочки приносить, темная сила возьмет власть над нами, и дома одни несчастья будут». А мы любили его на пух тереть* [2. Т. 2. С. 108].), так и ЛСВ₂ ‘прогоняющий черта’: *чертова трава* ‘лопух войлочный’ (*Раньше его называли чертова трава. Потому что... против черта как бы использовался. В стайке ложили, чтобы черт не заводился, чтобы скотина велась* [Там же. С. 34]). В последнем случае номинация отражает уже полюс «полезное».

Очевидно, что представленное выше разделение прагматических координат не свободно от некоторой доли условности, поскольку категория прагматизма весьма широка: польза усматривается человеком не только в помощи при лечении недугов, но и в пищевой пригодности («съедобное»), и в надежности или безвредности («безопасное»). Таким образом, полюс «вредное» не может не пересекаться с полюсами «несъедобное», «опасное». Подобные «наложения» полюсов, впрочем, допускают объединение не трех, а двух семантических компонентов. Так, диалектное название плюща обыкновенного *мужегон* порождено поверьем о магических свойствах растения, его способности выгонять, выживать из дома мужей: *Мужегон, это вьюнок такой, листья как кленовые, только меньше, говорят, мужиков из дома гонит, дома его держать нельзя. А мне все равно: мужика-то нету* [Там же. С. 84]. Следовательно, перед нами пример номинации, объединяющей полюса «вредное» и «опасное».

3. Эстетические координаты. В данном случае речь идет о об оппозиции **красивое, привлекательное, прекрасное / некрасивое, уродливое, безобразное.**

Народные представления о красивом воплощаются в фитонимах довольно часто. Несмотря на, казалось бы, регулярное прагматическое использование растений в хозяйственной сфере, медицине, диалект в равной степени отражает и утилитарный, и эстетический взгляд на мир флоры. Положительный полюс рассматриваемой оппозиции вербализован посредством разноструктурных лексических единиц. Так, представление о красоте наряда вступающей в брак девушки воплощено в универбе *невеста* ‘колокольчик ломкий’.

Двусловные фитонимы позволяют говорить о трех вариантах экспликации эстетического восприятия

растения. Иногда ее способен нести только один словесный компонент. Так, например, в фитониме *ночная красавица* ‘ночная красавица’ эстетическое начало отражено в слове *красавица*, а определение *ночная* является фактом темпоральной привязки. В другом двусоставном наименовании характеризуемый полюс репрезентирован в ключевом определении: *календула-красота* ‘календула лекарственная’. В номинации *казак-трава* ‘горечавка крупнолистная’ компонент *трава* оказывается всего лишь обозначением таксономического ранга, а представление о внешней привлекательности, стати сосредоточено в компоненте *казак*. В ряде же случаев народное представление о прекрасном отражают обе части фитонима: *девичья красота* ‘колокольчик ломкий’, *девичьи щечки* ‘травянистое растение?’, *царевы очи* ‘подсолнечник обыкновенный’.

В дискурсивной практике носители диалекта подчеркивают свое эстетическое восприятие растений, насыщая их описание различными образными средствами: *Цветочек есть у меня еще невеста. Эти цветочки у меня в горшочках подвешены. И вот невеста. Небольшие листочки. И все усыпано белыми цветочками. Действительно, как нарядная невеста. Как вот моя внучка на свадьбе была. Это невеста* [2. Т. 1. С. 128]. Зачастую контексты актуализации раскрывают народно-поэтическое видение даже тех растений, в названиях которых семантика эстетического отсутствует: *Гвоздика бывает еще, растет у нас на полях, полевая <...>. Она такая высокая, листочки у нее такие узенькие-узенькие. Цветочки у нее такие бывают розовенькие, мохнатенькие-мохнатенькие по краям, очень такой пушистый-пушистый, такой красивый он бывает* [Там же. С. 57]. Безусловно, некоторые высказывания, включая эстетически маркированные фитонимы, выявляют лишь прагматическое отношение к растению: *Казак-трава лечебная* [Там же. С. 61].

Что касается полюса некрасивого, то он вербализован примерами типа *чертова борода* ‘папоротник мужской’, которые настолько редки, что могут считаться единичными. Такое положение дел прокомментируем особо: еще Р.О. Якобсон отметил, что система языка основана «на противопоставлении некоторого факта ничему», т.е. маркированный языковой знак указывает на наличие некоего признака, а немаркированный (нулевой) не указывает ни на наличие признака, ни на его отсутствие [6]. Иными словами, языковое воплощение получает положительный признак (привлекательность), и неотмеченным остается ее отсутствие.

Кроме описанных координат, можно выделить те **базовые** сведения об объектах растительного мира, которые чаще всего интересуют лингвокультуру, и она обращает на них пристальное внимание. К ним следует причислить: (а) место произрастания: *подберезовик* ‘подберезовик обыкновенный’, *полевая польнь* ‘польнь горькая’; (б) внешний вид: *аленький цветочек* ‘адонис весенний’, *тролист* ‘вахта трехлистная’; (в) особенностях жизнедеятельности: *зима-лето* ‘бегония всегдацветущая’, *ползунец* ‘подмаренник цепкий’; (г) запах: *вонючка* ‘вонючка обыкновен-

ная', *душистая ромашка* 'ромашка дисковидная'; (д) вкус: *кислятник* 'щавель малый', *сладкая трава* 'астрагал датский'. Подобные сведения могут оязыковаться двумя способами – через прямые и метафорические наименования. Например, номинационный признак горького вкуса в диалектных синонимичных фитонимах выражен и прямо (*попынь горькая*), и опосредованно (*вдовья трава*) (последнее название приравнивает вкус растения к горькой участи потерявшей мужа женщины). Вполне очевидно, что более ценными в аспекте изучения ментальности этноса оказываются метафоры, актуализующие ассоциативный слой, который и раскрывает своеобразие народного мирозидения.

Метафорические наименования растений включают в себя информацию не только о флоре (через номинационный признак), но и о других сферах (через ассоциативное опосредование). Это сведения о человеке и его «жизненном мире» (*анютины глазки* 'фиалка трехцветная', *лук-семейка* 'лук-шалот', *солдатик* 'подберезовик обыкновенный'); религиозной сфере (*адамов корень* 'пион уклоняющийся', *ангеловы крылышки* 'бегония королевская', *богородица* 'тимьян обыкновенный'); фауне (*гусынка* 'чина весенняя', *клоповник* 'клоповник обыкновенный', *собачьи ротки* 'ленник обыкновенный'); неорганической природе (*дымка* 'аспарагус перистый', *звезданка* 'вербейник обыкновенный', *снежинка* 'колокольчик ломкий'); артефактах (*граммофончик* 'гloxиния', *матрешка* 'свинушка тонкая', *сережки* 'фуксия') и т.д.¹ Е.Л. Березович относит сведения, связанные со сферой-источником, к **небазовым**, маргинальным [1. С. 14], поскольку они не могут описать ту или иную область мироздания во всей ее полноте. Тем не менее небазовая информация представляется нам иногда даже более интересной с исследовательской точки зрения, так как сама ее передача посредством многочисленных информационных каналов подчеркивает ее ценность для лингвокультуры.

Каждая из перечисленных выше сфер мироустройства, с объектами и явлениями которой сопоставляются реалии растительного мира, сегментирована лингвокультурой на более узкие предметные области. Так, небазовая для фитонимических единиц информация, описывающая человека, характеризует его с самых разных сторон.

Например, в среднеобских говорах широко распространены номинации растений с соматизмами в качестве образных источников: *бордоголовка* 'кровохлебка лекарственная', *красноножка* 'травянистое растение ширица колосистая', *рука-трава* 'ятрышник шлемовидный', *синеглазка* 'сорт картофеля', *язык* 'монстера превосходная' и т.д. Такие фитонимы обнаруживают наш «антропометричный» взгляд на окружающий мир, уравнивающий представления о строении растений и человеческого тела.

Другой устойчивой сферой-донором для метафорических названий растений выступают имена собственные: *аверьянова трава* 'купальница азиатская', *анютка* 'фиалка трехцветная', *алёнка* 'барвинок малый', *иван болотин* 'лабазник вязолистный', *маланья* 'свинушка тонкая', *timoфей* 'timoфеевка луговая'.

Использование в качестве образного источника антропонима вновь свидетельствуют об «очеловеченности» растительного мира в сознании носителей диалекта. Взгляд на растения как на сущность, обладающую сходным с человеком началом, подтверждается и другими фактами народной культуры. Так, Н.И. Толстой [7] описал некоторые хороводные песни, загадки, тексты, сопровождающие народные игры, масленичные гуляния, а также охранительные ритуалы, которые включают мотивы «жития» культурных растений и злаков (ржи, льна, конопли, мака) и изображение полноты их жизненного пути, увенчанного «муками» и «страданиями» при переработке.

Одной из отличительных черт русского менталитета, регулярно проявляющихся в языке, называют эмоциональность. По мнению А. Вежбицкой, для русской лингвокультуры характерны «активные» [8. С. 42], несдерживаемые эмоции. Народная фитонимическая традиция подтверждает данное наблюдение. В приведенных ниже номинациях мы встречаемся с разнообразием образных отсылок к сфере человеческих эмоций: *зимолубка* 'зимолубка зонтичная', *зюлча крапива* 'крапива малая', *кручина* 'ива козья', *мамины слезы* 'ирис (касатик-узик)', *недотрога* 'бальзамин не-тронь-меня', *неженка* 'скабиоза бледно-желтая', *плакун-трава* 'дербенник иволистный', *потоскуйка* 'смолёвка поникшая'.

В ряде номинаций отражено стереотипное представление культуры о женской разговорчивости, переходящей в болтливость, злоязычные пересуды и сплетни: *бабий язык* 'эпифиллум', *тёщин язык* 'зигоактус', *бабски сплетни* 'традесканция'.

Образные фитонимы и фитоморфнимы содержат языковое воплощение сведений о традиционных для крестьянской жизни занятиях или знакомой профессиональной деятельности (*ворожейка* 'нивянка обыкновенная', *пастушок* 'хвощ полевой', *попы* 'маслята', *солдатик* 'продолговатый колос – соцветие подорожника'), некоторых званиях (*майор* 'цинния изящная', *ченцион* 'шампиньон обыкновенный') и сословиях (*княгиня* 'смородина белая', *царь-трава* 'чертополох курчавый'), в том числе культурно-исторически специфичных (*боярышница* 'боярышник кроваво-красный', *казачок* 'горечавка крупнолистная', *купчиха* 'бальзамин железконосный'), системе родственных отношений (*брат с сестрой* 'зопник клубненосный', *женых* 'колокольчик равнолистный', *дружная семейка* 'аспидистра', *мать-и-мачеха* 'мать-и-мачеха', *невеста* 'колокольчик ломкий', *холостяцкая трава* 'ковыль перистый), гендерных и возрастных характеристиках (*женский тысячелистник* 'тысячелистник обыкновенный', *мужской тысячелистник* 'тысячелистник обыкновенный', *девичья красота* 'колокольчик ломкий', *дед* 'татарник обыкновенный', *бабка* 'белый гриб'), других народах (*африканка* 'картофеля сорт', *татарин* 'чертополох курчавый', *цыганка* 'картофеля сорт').

В фитонимах метафорически закрепляются такие важные с бытийной точки зрения понятия, как смерть и сон: *бессмертник* 'кошачья лапка двудомная', *сон-трава* 'прострел широкоцветный'.

Отметим, что показательной является не только идеографическая классификация образных источни-

ков сама по себе, но и неравномерность реализации в рамках этой классификации однопорядковых ассоциативных признаков. Выбор в качестве источника метафорической номинации того или иного отсылочно-образного, несомненно, свидетельствует о его весомости в данной лингвокультуре.

Положение Р.О. Якобсона о важности не только наличия знака, но и его отсутствия оказывается применимым и к метафорической лексике. Так, если рассматривать модель метафорического переноса «обряд → растение», то в номинациях растений в качестве образисточника востребован лишь один – самый значимый для любой традиционной культуры ритуал перехода, который узаконивает появление новой семьи. Это – вступление в брак, которое называется в диалектах *свадьбой, венчанием, женитьбой*. Данный ритуал является источником метафоризации для известных в среднеобских говорах названий колокольчика ломкого – *венчальный цвет* и *бабья свадьба*. Вместе с тем отсутствуют названия растений, связанные с другими обрядами перехода – рождением, крещением, погребением и т.д.

Асимметрия культурных кодов, шифрующих тематически однородные данные, по отношению к знакам-носителям отмечена в работах Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.В. Цивьян, Е.Л. Березович, В.А. Плунгяна, Е.В. Рахилиной. Рассмотрим избирательность лингвокультуры в тех сферах мироустройства, с объектами которых сравниваются растения.

Например, распространенными единицами-источниками зооморфных фитонимов выступают названия ряда млекопитающих животных: баран (*баранчики* ‘козлотородник восточный’, *бараны рожки* ‘козлотородник сибирский’), волк (*волчий глаз* ‘вороний глаз’, *волчья дудка* ‘дудник лесной’), заяц (*заячьи ушки* ‘медуница мягчайшая’, *заячья банька* ‘дождевик’), коза (*козелец* ‘козлотородник сибирский’, *козьи рожки* ‘череда трехраздельная’), корова (*коровий грудь* ‘свинюшка тонкая’, *коровьи хвосты* ‘скерда сибирская’), кошка (*кошачьи лапки* ‘кошачья лапка двудомная’, *кошка* ‘подмаренник Вайланта’), медведь (*медвежье мыло* ‘горицвет татарское мыло’, *медвежье ухо* ‘толокнянка обыкновенная’), мышь (*мышья репка* ‘астрагал датский’, *клевер мышьяный* ‘клевер белый’), свинья (*свинка* ‘свинюшка тонкая’, *свиньячье ухо* ‘колеус Блюма’), собака (*собачки* ‘подмаренник цепкий’, *собачья старость* ‘свидина белая’). Перечисленные зооморфные образы привлекаются регулярно. Единично встречаются наименования растений, закрепляющие сравнение с байбаком (*байбаков колодец* ‘ленник обыкновенный’), быком (*бычок* ‘валуй’), ежом (*ежиха* ‘ежа сборная’), конем (*конский чай* ‘щавель конский’), лисой (*лисохвостка* ‘лисохвост луговой’). В нулевой позиции находится соот-

несение растений с барсуком, белкой, бобром, кабаном, лосем, рысью, соболем, хорьком, также обитающими в ареале бытования исследуемого диалекта.

Избирательность лингвокультуры – иными словами, ее направленность или своеобразие – можно проследить в выборе не только метафорического источника, но и номинационного признака. Например, среди образных названий аспидистры в говорах Среднего Приобья встречаются варианты *дружная семейка, дружная семья* и *папироса, папироска*. Обратимся к основаниям этих синонимических наименований. Для первой пары фитонимов номинационным признаком является хорошая способность разрастаться: *Цветок дружная семейка растет, он корнем размножается, не очень высокое растение, но очень густо разрастается* [2. Т. 1. С. 23]. Вторая пара названий базируется на признаках длины листьев и окраски цветка: *Папироса еще была красная, как огонек, как точно как папироса расцветает. Длиненька, хорошая* [Там же]. Как видим, динамическая характеристика, связанная с разрастанием ползучего корневища, остается без внимания. При этом «ползучесть» приписана названиями ряду других растений: *ползун* ‘горошек однопарный’, *ползунец* ‘подмаренник цепкий’, *ползунок* ‘люцерна серповидная’, *поползунчик* ‘гороха сорт’, *поползуха* ‘плаун-зеленица’.

В то же время и один номинационный признак может получать вариативную реализацию с точки зрения его образного воплощения. Все диалектные среднеобские названия башмачка настоящего по-разному репрезентируют один и тот же признак формы цветка: *башмачок, баранчик, бараны мудишки, бараны яйца, кошачьи мудишки, мудишки, кукушкин рукомоинчик, кукушкин умывальничек*.

Итак, структура этнокультурной информации в фитонимах задается, во-первых, в виде системы оппозитивных координат, отражающих специфику рационального, эмоционально-эстетического, ценностного, образного восприятия растений носителями диалекта. Во-вторых, этнокультурные данные, зашифрованные в фитонимах, могут быть разделены на базовые, описывающие мир флоры в его основополагающих параметрах, и небазовые, аккумулирующие представления о других сферах мироустройства. Как прямые, так и метафорические номинации реалий мира флоры демонстрируют наличие в ряду однородных и противопоставленных признаков культурно отмеченных явлений и определенных лакун. Перспектива дальнейшего исследования видится в более детальном анализе асимметричной избирательности лингвокультуры в отношении оязыкования тематически близких сведений, а также в изучении более широкого круга параметров, описывающих этнокультурную информацию.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹В фитонимах, в которых одно растение уподобляется другому (*гороховое дерево* ‘акация желтая’, *елочка* ‘спаржа обыкновенная’, *свекольник* ‘ширица колосистая’), и номинационный признак, и отсылочный образ связаны с миром флоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березович Е.Л. Топонимия Русского Севера: Этнолингвистические исследования. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1988. 338 с.
2. Арьянова В.Г. Словарь фитонимов Среднего Приобья : в 3 т. Томск : Изд-во Том. пед. ун-та, 2006–2008. Т. 1–3.

3. Блинова О.И., Разина А.С. Двусловные фитонимы в лингвокультурологическом освещении // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 5–10.
4. Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / отв. ред. Н.И. Толстой. М. : Междунар. отношения, 1995. Т. 1. 578 с.
5. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов : в 3 т. 2-е изд. М. : Академический проект, 2015. Т. 1. 479 с.
6. Якобсон Р.О. Нулевой знак // Избранные работы. М. : Прогресс, 1985. С. 222–230.
7. Толстой Н.И. Vita herbae et vita rei в славянской народной традиции // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / отв. ред. Н.И. Толстой. М. : Наука, 1994. С. 139–168.
8. Вежицкая А. Русский язык // Язык. Культура. Познание. М. : Русские словари, 1997. С. 33–88.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 1 июля 2019 г.

Dialect Phytonyms in Terms of Ethnocultural Information

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 40–45.

DOI: 10.17223/15617793/451/6

Anastasiya S. Razina, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

Keywords: phytonyms; ethnolinguistics; dialect; ethnocultural information

The article discusses the folk phytonymic tradition represented in the lexis of the Middle-Ob dialect. The material includes plant names, which are different in structure: one-word nominations, two-word nominations, and compound words spelled with a hyphen. There are direct non-metaphorical names, figurative names proper, and language metaphors within each type of lexical units. The aim of the study is to reveal structural and content-related features of the ethnocultural information actualized by dialect phytonyms. The analysis allowed revealing the system of semantic coordinates representing features of the plant world perception by speakers of the national linguaculture. These coordinates are arranged in the form of semantic oppositions. As for the spatial coordinate, the most important opposition is the “familiarity” or “foreignness” of a place where certain flora objects grow. Places and plants growing in them are considered to be cultural and cultivated or wild and natural. The pragmatic coordinate is connected with several oppositions. Phytonyms express the ability of a plant to heal or cause ailments (“helpful”/“harmful”); to threaten, to be a guide of the world hostile to people or not to carry any threat (“dangerous”/“safe”); to be suitable for eating or not (“edible” / “inedible”). The aesthetic coordinate is represented by the opposition “beautiful”/“ugly”. The analysis found out an uneven verbalization of the opposition poles. For instance, the pole “dangerous” has a linguistic expression in the dialect phytonyms, while the pole “safe” remains unmarked, although the similar pole “edible” is represented in plant names. “Beautiful” is represented by a wide range of names, whereas “ugly”, as a rule, remains unnoticed. The ethnocultural information, which is basic for the phytonymic field, is identified and described in the article. The information concerns the place of vegetation, physical appearance, characteristics of vital activities, smell, and taste. These features can be reflected in both direct and metaphorical names of plants. Most of dialect phytonym metaphors embody the donor sphere “human”. The information encoded in them covers almost all facets of human existence: the structure of the organism, social characteristics (professions, estates, kinship relationships, sex, age), emotions, names, etc. The study of anthropomorphic names of plants showed that the linguaculture is also selective with regard to fixing thematically homogeneous data in the internal form of phytonyms. It is manifested in (1) the choice of the nominative sign from a number of equivalent properties of the plant and (2) the filling of metaphorical models with specific reference images, some of which are used frequently, others occur rarely or never. Thus, elements of the phytonymic field accumulate important features of national mentality.

REFERENCES

1. Berezovich, E.L. (1988) *Toponimiya Russkogo Severa: Etnolingvisticheskie issledovaniya* [Toponymy of the Russian North: Ethnolinguistic Studies]. Yekaterinburg: Ural State University.
2. Ar'yanova, V.G. (2006–2008) *Slovar' fitonimov Srednego Priob'ya: v 3 t.* [Dictionary of Phytonyms of the Middle Ob Region: In 3 Vols]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
3. Blinova, O.I. & Razina, A.S. (2011) Two-Word Phytonyms in Linguacultural Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1. pp. 5–10. (In Russian).
4. Tolstoy, N.I. (ed.) (1995) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
5. Afanas'ev, A.N. (2015) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: Opyt sravnitel'nogo izucheniya slavyanskikh predaniy i verovaniy v svyazi s mificheskimi skazaniyami drugih rodstvennykh narodov: v 3 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: The Experience of a Comparative Study of Slavic Traditions and Beliefs in Connection With the Mythical Legends of Other Kindred Peoples: In 3 Vols]. 2nd ed. Vol. 1. Moscow: Akademicheskij proekt.
6. Jacobson, R.O. (1985) *Izbrannye raboty* [Selected Works]. Moscow: Progress. pp. 222–230.
7. Tolstoy, N.I. (1994) Vita herbae et vita rei v slavyanskoy narodnoy traditsii [Vita Herbae et Vita Rei in the Slavic Folk Tradition]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor: Verovaniya. Tekst. Ritual* [Slavic and Balkan Folklore: Beliefs. Text. Ritual]. Moscow: Nauka. pp. 139–168.
8. Wierzbicka, A. (1997) *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [Language. Culture. Cognition]. Moscow: Russkie slovari. pp. 33–88.

Received: 01 July 2019

Н.С. Скворцова

ГРАДУАЛЬНОСТЬ КОНТРАСТНОЙ ОБРАЗНОСТИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОТИВОПОЛОЖНЫХ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Рассматриваются глубинные основания формирования антонимических отношений между фразеологическими единицами в рамках оппозиционных концептов *success – failure*. С помощью разработанной методики анализа контрастной образности автор рассматривает взаимодействие довербального и вербального уровней образной структуры антонимичных фразеологических единиц. В результате проведенного анализа обосновывается положение о наличии механизма образного сцепления при установлении антонимических отношений.

Ключевые слова: контрастная образность; оппозиционные концепты; когнитивная лингвистика; оппозиционная концептуальная схема; синонимико-антонимические группы.

Введение

Фразеология как наука об устойчивых сочетаниях слов начала активно развиваться во второй половине предыдущего века. На сегодняшний день решены важнейшие для становления любой науки проблемы: определены предмет и материал исследования, выделена основная единица научного анализа – фразеологическая (ФЕ); разработаны методы и процедура анализа единиц; проведено разделение ФЕ по структурным и семантическим параметрам; рассмотрены прагматический и стилистический потенциалы ФЕ; затронуты вопросы синтагматических и парадигматических отношений во фразеологической системе.

Обращаясь к исследованиям парадигматического аспекта, стоит отметить, что вопросы антонимических отношений во фразеологии нуждаются в дальнейшей разработке. В начале и середине XX в. шло активное изучение вопросов лексической антонимии, в то время как к проблемам собственно фразеологической антонимии ученые обратились ближе к концу века. Это объясняется тем, что на протяжении длительного времени ФЕ не изучались отдельно, так как рассматривались как неотъемлемая часть лексического состава языка. Данное обстоятельство позволило лингвистам перенести разработанные научные теории из области лексикологии во фразеологию с соответствующими уточнениями и дополнениями.

На сегодняшний день существуют работы, в которых рассматривается сущность фразеологической антонимии, разрабатываются определения фразеологических антонимов и их классификации, критерии для установления наличия антонимических отношений между ФЕ, а также методы их изучения в различных языках [1–9]. Необходимо, однако, отметить, что несмотря на то что образность ФЕ является одной из их главных особенностей, исследователи, изучающие антонимию, почти не обращаются к образному компоненту значений фразеологических антонимов. В отдельных работах сложность формирования внутренней составляющей ФЕ – их семантики и образного наполнения – выделяется в качестве препятствия для установления антонимических отношений между ФЕ [10, 11]. В основном исследователи обращаются к изучению внешней стороны фразеологических знаков, т.е. их лексического состава. При этом единственная

семантическая классификация фразеологических антонимов (ФА), предполагающая наличие контрарных, контрадикторных, конверсивных и векторных антонимов [1, 5–7, 9], отражает лишь логические основы противоположности, а не механизмы ее формирования.

В конце XX в. обозначился переход от структурной к когнитивной парадигме лингвистических исследований, в рамках которой изучаются проблемы соотношения языка и сознания. Лингвисты пришли к пониманию того, что способность творческого применения языковых форм является лишь внешним проявлением глубинных процессов на уровне сознания. В связи с этим рассмотрение связей лингвокреативности со знаниями о мире и повседневной деятельностью человека является наиболее актуальным на сегодняшний день [12].

Относительно фразеологии изучение таких связей как раз и заключается в моделировании основных принципов и механизмов формирования фразеологической образности, включающих отбор релевантных для социума образов и языковых знаков для передачи отдельных смыслов. Ученые подчеркивают, что экспликация образов, запечатленных во фразеологической системе, дает возможность раскрыть не только механизмы образного мышления, но и закономерности, отвечающие за внутреннюю организацию фразеологии [13].

Одним из значимых в этой связи представляется вопрос разработки методов лингвистического анализа ФЕ в рамках когнитивной научной парадигмы, помогающих раскрыть динамику семантических процессов во фразеологии и выявить механизмы фразеологизации. В зависимости от техники анализа и приемов можно получить различные результаты и описания сущности фразеологических единиц.

С учетом выбранного аспекта изучения семантики ФЕ цель настоящего исследования – разработать и применить метод когнитивного анализа глубинных оснований формирования противоположных значений ФЕ для изучения особенностей их контрастной образности. Поставленная цель предполагает решение следующих задач: 1) рассмотреть возможности применения методов когнитивной лингвистики при исследовании фразеологической антонимии и предложить пути анализа контрастной фразеологической образности.

сти; 2) описать исследуемый материал и основные этапы работы с фразеологическими антонимами; 3) рассмотреть особенности взаимодействия оппозиционных концептуальных схем, образов и лексических единиц – репрезентантов образов – при формировании противоположных значений ФЕ; 4) проанализировать общие закономерности формирования антонимической образности.

Подходы к исследованию фразеологической образности

Для когнитивной науки идея связи языка и мышления первостепенна. Согласно общеизвестному постулату, все то, что «схвачено знаком», т.е. прошло через процесс вербализации, обладает особой значимостью для человека и поэтому играет большую роль в мыслительных процессах [14. С. 305]. В процессе категоризации придается упорядоченный характер воспринятому миру, систематизируется поступающая информация и выявляются сходства и различия одних явлений в противовес другим. В итоге такие схематизированные знания находят отражение в языке. Признавая язык хранилищем сведений об объективной реальности, можно предположить, что именно организующая знания человека о мире система концептов и их признаков предопределяет определенные закономерности формирования объемной и многослойной семантики ФЕ.

В то же время мир определенным образом структурирован в силу черт сходства и различия составляющих его элементов, и именно антонимичность выступает в качестве особой характеристики значения языковых единиц как «специфически языковое отражение различий и противоречий предметов и явлений объективного мира» [15. С. 250]. Из этого следует, что концептуальная и языковая картины мира сходятся в одном из основных принципов организации – «принципе бинарной оппозитивности» [16. С. 66], понятийную основу которой составляют семантически пересекающиеся пространства, т.е. сопряженные концепты, противопоставляемые друг другу. Так, «один из этих концептов является антиконцептом другого» [17. С. 40]. В силу данного дополнения и специфики области исследования видится необходимым обратиться к концептуальной оппозиции, отражающей дуальное восприятие мира.

Описывая процессы обработки знания, Н.Н. Болдырев подчеркивает, что особая роль человека в процессе познания проявляется в том, что в основе процесса категоризации как мысленного соотнесения объекта с конкретной категорией и присвоения этому объекту имени данной категории лежит «сравнение объектов с определенным эталоном – наилучшим образом категории или соответствующим концептом» [18. С. 106]. Следовательно, вхождение объектов и событий в жизнь человека приводит к их сравнению и оценке.

Образы, являясь одними из таких эталонов, играют важную роль в ментальной обработке информации об окружающем человека мире. Отмечается, что истоки языковой образности лежат не в семантике, а в «тезау-

урсе, в системе знаний». Распаковывая образную оболочку, можно раскрыть гносеологические истоки, установить переходы от одного поля в тезаурусе к другому. При этом такие переходы не принадлежат вербально-ассоциативному уровню, а являются порождением знаний [19. С. 176]. Познание основывается на транслируемых в сознание и накапливаемых в нем ощущениях, формирующих представления (определенные ментальные структуры), которые отражают мысли об абстрактных и реальных объектах и явлениях и их основных характеристиках. В результате, когда накопленные данные систематизируются, образ принимает свою окончательную форму и фиксируется в памяти.

Значения ФЕ в большинстве случаев отличаются своей образностью, создаваемой за счет совмещения нескольких картин. Языковой образ является своеобразной конструкцией, состоящей из нескольких относительно простых образных представлений: «...образ формируется из отдельных “кусочков” чувственного восприятия, поступающих от сенсорных рецепторов человека. Дальнейший синтез предполагает “сопряжение” отдельных “квантов” чувственной информации, воспринимаемой в процессе познания» [20. С. 25–26]. Таким образом в сознании формируется схематизированное знание, некая редуцированная картина, отображающая познаваемый объект и хранящаяся в памяти. Основной для нашего исследования момент – возможность разложения образа на составляющие: он не является размытой ментальной картиной и поэтому может быть схематически представлен. Соответственно, на основании выделения отдельных элементов обработки информации, полученной в ходе восприятия окружающего мира, можно проследить базовые закономерности их синтеза и противопоставления при формировании противоположной семантики ФЕ.

К одному из основных механизмов формирования значений образных языковых единиц относится концептуальная метафора. Теория концептуальной метафоры, впервые описанная в труде Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [21], основывается на идее о корреляции между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания (например, физический и культурный опыт). Данная теория сыграла значительную роль в развитии методов исследования как лингвистики в целом, так и фразеологии, позволив ученым по-новому рассмотреть архитектуру человеческого сознания через данные языка. Р. Гиббс подчеркивает, что несмотря на критику теории концептуальной метафоры в связи с зачастую интуитивным подходом исследователей к анализу метафорических оснований языковых единиц и высказываний, концептуальная метафора не является редким или частным языковым явлением, а, наоборот, проявляет себя в качестве фундаментальной схемы, выполняющей когнитивные и социально-идеологические функции и способствующей пониманию концептуальных связей между физическим опытом, культурой, мышлением и языком [22].

Мы придерживаемся мнения Н.А. Стебельковой о том, что «концептуальная метафора выделяется на

глубинном уровне взаимодействия семантических и когнитивных структур и по сути представляет собой некую модель или абстрактную концептуальную схему» [23. С. 163]. Такие схемы могут обладать разной степенью абстракции и иметь разный вид (например, «инварианта-схемы» или «инварианта-образа», т.е. прототипичного образного представления) [24. С. 74–78]. При анализе образности фразеологических антонимов мы выделяли оппозиционные концептуальные схемы (ОКС), понимаемые в качестве контрастных типовых форм переноса признаков одной понятийной сферы на другую понятийную сферу, продуцирующих метафорические смыслы.

Одновременно с этим положение Н.Д. Арутюновой о ключевых и частных метафорах (ключевые метафоры задают аналогии и ассоциации между разными системами понятий и порождают более частные метафоры) [25] указывает на то, что концептуальные метафоры образуются различными уровнями абстракции, т.е. наименее абстрактные фрагменты объективной реальности составляют фрагменты более абстрактных. Принимая во внимание данное положение, в нашей работе выделяются общие и частные ОКС.

Анализ контрастной фразеологической образности только на базовом (глубинном) уровне, тем не менее, нельзя считать законченным: для полного анализа роли фразеологической образности при установлении антонимических отношений видится необходимым проследить весь путь трансформации образа. И.В. Зыкова, анализируя процессы формирования фразеологической семантики, обращается к понятию «межсемиотическая транспозиция» и описывает его как «перевод концептуального содержания знаков различных семиотических областей культуры в знаковое пространство естественного языка, в пространство фразеологических знаков в частности», в результате которого возникает глубинный уровень содержания ФЕ, т.е. концептуальное основание заложенного в семантику ФЕ образа, и, соответственно, поверхностный (семантический) уровень [26. С. 82]. Данное положение указывает на то, что процесс фразеологизации является поэтапной операцией, включающей трансформацию образа на довербальном уровне: когнитивном и семантическом.

Более того, для рассмотрения процесса формирования противоположной семантики ФЕ немаловажно также обращаться и к вербальному кодированию образов, т.е. лексическим единицам, структурным компонентам ФЕ, репрезентирующим контрастные образы. М.Л. Ковшова пишет, что именно анализ слов-компонентов дает завершенность описанию ФЕ как знаку культуры и языка [27]. Мы в свою очередь считаем, что данная ступень анализа – обращение к словам-компонентам ФЕ как репрезентантам идей – необходима для понимания, всегда ли контрастный образ находит отражение на вербальном уровне в лексических антонимах.

Принимая во внимание все вышесказанное и базирываясь на положениях об уровневой структуре метафоры, выдвинутых Э. Маккормаком [28], фразеологическая образность в настоящем исследовании соотносится с метафорическими структурами на когнитив-

ном, семантическом и языковом уровнях. Для нас когнитивный уровень представлен концептуальными схемами, семантический – образами, заимствованными из определенных понятийных областей, являющимися репрезентантами абстрактных понятий, а вербальный – собственно языковыми средствами, репрезентирующими отдельные образы. Так, данные уровни отражают разную степень абстракции и не являются взаимоисключающими, ибо в основе процесса вербализации идей лежат семантический и когнитивный процессы. Особое внимание в анализе формирования противоположных значений ФЕ уделялось механизмам взаимодействия когнитивного и семантического уровней и их отражению на вербальном уровне. Подобный метод поуровневого «расщепления» контрастной образности способствует пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе формирования противоположных значений ФЕ.

Ход исследования

Исследование проводилось на материале 1376 ФЕ, репрезентирующем полярные концепты «success – failure». ФЕ отбирались методом сплошной выборки из англо-английских идиоматических словарей издательств Bloomsbury [29], Cambridge [30], Collins [31, 32], Longman [33], Oxford [34, 35] и Penguin [36]. В процессе работы с отобранными ФЕ использовались также данные электронных словарей издательств Cambridge [37], Collins [38], Longman [39], Macmillan [40], Oxford [41] и словаря The Free Dictionary by Farlex [42]. Опираясь на постулат З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что концепты внутренние организованы по полемому признаку [43], отобранные ФЕ с помощью метода компонентного анализа их значений группировались в оппозиционные тематические группы, отражающие противоположные концептуальные признаки оппозиционных концептов. В рамках данных групп выявлялись общие и частные ОКС, лежащие в основе формирования противоположных значений ФЕ. Всего было выделено восемь общих ОКС: *Success / Failure is (Positioning in) Space and Orientation (Direction)*; *Success / Failure is Movement*; *Success / Failure is Field of Activity*; *Success / Failure is Existence*; *Success / Failure is Time*; *Success / Failure is Physical Influence*; *A Successful Person / An Unsuccessful Person is An Animal (Bird)*; *Success / Failure is Physical Characteristics*. Данные общие ОКС указывают на принадлежность рассматриваемых концептов к общему концептуальному полю – системе концептов, признаки которых упорядочены в определенной иерархии. Отдельные общие ОКС имеют сложную структуру и делятся не только на частные ОКС, но и оппозиционные концептуальные подсхемы (например, одной из частных ОКС, выделяемых в составе общей ОКС *Success / Failure is Field of Activity*, является частная ОКС *Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition*, подразделяющаяся на ряд оппозиционных концептуальных подсхем: *Success is Winning a Game / Failure is Losing a Game*, *Success is Winning a Battle / Failure is Losing a Battle* и др.). Подобное деление ОКС отражает разные уровни абстракции: об-

щие ОКС проявляют наиболее высокий характер абстракции, а оппозиционные концептуальные подсхемы – наименьший. В зависимости от разветвленности общей ОКС частные схемы и подсхемы могут указывать либо на различные области-источники, т.е. понятийные сферы, откуда заимствуются образы при формировании значений ФЕ, либо на контрастный образ, формирующий противоположные значения ФЕ. Сложная структура общих ОКС может говорить и о базовом характере ОКС: они не являются уникальными для изучаемых ФЕ.

Придерживаясь широкого понимания антонимии, мы опирались на идеи Е.Н. Миллера [7], считающего, что основным критерием выделения антонимических отношений между ФЕ является семантический, т.е. наличие общих и противоположных сем в значениях ФЕ. Особенности взаимодействия оппозиционных концептуальных схем и коррелирующих с ними образов и лексических единиц при формировании противоположных значений ФЕ анализировались на двух уровнях: помимо традиционно выделяемых бинарных оппозиций, включающих в себя противопоставление двух антонимичных ФЕ, указывались синонимико-антонимические группы (САГ), которые, напротив, представляют собой противопоставление двух рядов синонимичных ФЕ, члены которых образуют одну или более антонимичную пару [44]. И.А. Поддячая подчеркивает, что именно такие синонимико-антонимические группы проявляют системную организацию номинативных единиц в языке [9]. Мы в свою очередь считаем, что через такие группы ФЕ в большей степени прослеживается системное формирование контрастного образа, лежащего в основе противоположных отношений ФЕ.

Для верификации надежности разработанного метода когнитивного анализа противоположных значений ФЕ и обоснованности его использования антонимические оппозиции на материале отобранных ФЕ выделялись двумя способами: на основе ОКС, участвующих в формировании противоположных значений ФЕ, и на основе только тематической принадлежности ФЕ (внутри оппозиционных тематических групп) без учета концептуальных оснований формирования значений.

Результаты исследования

1. Градация степени абстрактности контрастной образности у ФА, выделенных на основе ОКС. В результате анализа оппозиций, выделенных на основе ОКС, выявлено, что контрастный образ может проходить через различные уровни абстракции. Наиболее ярко контрастный образ проявляется, если он лежит на поверхностном вербальном уровне и выражается через лексические антонимы в компонентном составе противопоставляемых ФЕ. Примером может служить бинарная оппозиция *to be on the boil* (to be performing very successfully [32. P. 28] ‘быть успешным на данный момент’) – *to be off the boil* (to be less successful than in the past [Ibid. P. 29] ‘быть менее успешным, чем в прошлом’). В основе противоположных значений лежит температурная метафора:

контрастный образ «кипение – отсутствие кипения (снижение температуры после достижения точки кипения при отключении источника нагрева)». В компонентном составе ФЕ выделяются антонимичные элементы *on – off*. Данная бинарная оппозиция была выделена на основе единой частной ОКС *Success is Hot / Failure is Cold* (общая ОКС *Success / Failure is Physical Characteristics*). В качестве второго примера рассмотрим противопоставление ФЕ, в основе значений которых лежит другой симметричный контрастный образ «захватить территорию – потерять территорию», заимствованный из понятийной области военного дела и выраженный антонимичными глаголами *to gain – to lose*: *to gain ground* (to become more popular or successful [42] ‘стать более популярным и успешным’) – *to lose ground* (to fail to hold one's position; to lose some of the power or advantage that you had previously [42] ‘не удержать позиции, потерять власть и преимущество’). Бинарная оппозиция выделена на основе единой частной оппозиционной концептуальной подсхемы *Success is Winning a Battle / Failure is Losing a Battle* (частная ОКС *Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition* общей ОКС *Success / Failure is Field of Activity*). Представленные оппозиции с антонимичными компонентами в составе ФЕ в виде служебных и самостоятельных частей речи можно отнести к полным антонимам (термин М.Р. Львова [45]). Необходимо отметить, что на материале исследуемых ФЕ антонимия в точном смысле в большинстве случаев представлена на уровне бинарных оппозиций.

При отсутствии симметрично противопоставленных лексических антонимов в компонентном составе ФЕ контрастный образ может быть в *небольшой степени* расфокусирован, однако четкость его границ сохраняется при условии, что все образы, лежащие в основе значений противопоставляемых ФЕ, заимствованы из одной понятийной области. Рассмотрим пример САГ (значения ФЕ, входящих в САГ, рассматриваемые в статье, представлены в виде суммарной дефиниции и нашим переводом данной дефиниции, что позволяет наиболее четко отразить противопоставляемые элементы значений):

– *to play your cards right / to play your ace / to stack the deck* (to do what is necessary and correct (or not fair) to succeed or gain an advantage ‘предпринять необходимые и правильные (или нечестные) действия для достижения успеха или получения преимущества’);

– *to play a (the) wrong card / to play into someone's hands / to overplay your hand* (to make a mistake; to spoil your chance of success by judging your position to be stronger than it really is; to try to get more advantages from a situation than you are likely to get ‘сделать неверный ход, сделать неправильную ставку; подорвать свои шансы на успех, переоценив свое положение; пытаться получить больше преимуществ, чем это возможно’).

Противоположные значения «совершать нужные действия для достижения успеха – совершить ошибку» соотносятся с контрастным образом «хорошо играть в карты – плохо играть в карты»: *to play your cards right* (букв. «правильно использовать свои кар-

ты»), *to play your ace* (букв. «сделать ход козырем»), *to stack the deck* (букв. «подтасовать колоду карт»), *to play a (the) wrong card* (букв. «пустить в ход неверную карту»), *to play into someone's hands* (букв. «сыграть кому-то в карты»), элемент *hand* ранее употреблялся в значении «игровая карта»), *to overplay your hand* (букв. «переоценить свои карты»). В компонентном составе ФЕ *to play your cards right* и *to play a (the) wrong card* выделяются антонимичные элементы *right* – *wrong*, однако данные ФЕ не имеют симметрично противопоставленную структуру. В компонентном составе других ФЕ отсутствуют лексические антонимы, но в формировании противоположных значений участвует единый образ «карты» (понятийная область «карточные игры»). Данный образ становится смыслообразующим центром, развивающим фразообразовательный процесс, в результате которого появляется модель взаимодействия определенного смысла с глубинной схемой, а именно частной оппозиционной концептуальной подсхемой ***Success is Winning a Game / Failure is Losing a Game*** (частная ОКС ***Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition*** общей ОКС ***Success / Failure is Field of Activity***).

Средняя степень размытости границ контрастного образа наблюдается при его формировании на основе языковых репрезентант, заимствованных из разных понятийных областей:

– *to strike gold (oil) / to hit (strike) pay dirt / to strike it rich* (to become very rich or successful; to find, do, or produce something that brings you a lot of money or success ‘стать очень богатым и успешным; найти, сделать или производить что-то, что приносит много денег’);

– *to kill the golden goose (the goose that lays the golden egg / eggs)* (to destroy something that makes you rich, successful, etc. ‘разрушить или испортить то, что приносит деньги и успех’).

В основе противоположных значений лежит контрастный образ «найти золотую жилу – потерять золотую жилу», вербализующийся следующим образом: *to strike gold* (образ относится к периоду золотой лихорадки, во время которого велся поиск золотых месторождений), *to strike oil* (обнаружение залежей нефти), *to hit (strike) pay dirt* (обнаружение пласта земли с содержанием золотых частиц), *to strike it rich* (компонент *to strike* имеет значение «to find», как в ФЕ *to strike gold / oil* и *to strike pay dirt*, отсюда *to strike it rich*, т.е. букв. «найти богатство»), *to kill the golden goose* (образ заимствован из басни Эзопа: человек, имея гусыню, несущую каждый день золотые яйца, решил ее убить, думая, что внутри птицы обнаружит золотой слиток, но в результате человек лишился малого, но ежедневного дохода). На примере данной САГ видно, что более общий образ («золотая жила») может распадаться на более конкретные образы («месторождение различных ископаемых, используемых в отдельных индустриях» и «золотая гусыня»), имеющие не связанное между собой происхождение. В основе значений лежит частная ОКС ***Success is Having (Gaining) Money / Failure is Losing Money*** общей ОКС ***Success / Failure is Field of Activity***.

Помимо структурирования контрастного образа лексическими единицами, заимствованными из разных понятийных областей, его диффузии также может способствовать наличие нескольких общих ОКС в основе значений отдельных ФЕ – членов оппозиций:

– *kiss of life / a new (another, fresh, second) lease off (on) life* (something that helps an activity to continue or succeed when it was going to fail or after being unsuccessful ‘что-то, что стабилизирует ситуацию или возвращает былой успех’);

– *the kiss of death / a death blow* (something is certain to cause something else to fail ‘что-то, что приводит к неуспеху’).

Противоположные значения ФЕ формируются при помощи контрастного образа «жизнь – смерть». Примечательно, что несмотря на то, что ФЕ *the kiss of life – the kiss of death* (букв. «поцелуй жизни – поцелуй смерти») являются одноструктурными и односоставными, образы, выраженные лексическими антонимами *life – death* и передающие противоположные значения, имеют разные источники происхождения: значение ФЕ *the kiss of life* берет истоки из практики «дыхание рот-в-рот» – процедуры, проводимой для спасения человеческой жизни, а образ, формирующий значение ФЕ *the kiss of death*, имеет библейское происхождение, так как подразумевается предательство Иуды: поцеловав Иисуса в Гефсиманском саду, он идентифицировал его перед палачами. Наличие таких примеров ставит под вопрос обоснованность опоры на вербальный уровень, а не на семантический при выделении антонимических отношений между ФЕ. Значение ФЕ *a new (another, fresh, second) lease off (on) life* формируется при помощи значения лексической единицы *lease* «договор, контракт об аренде, о найме», т.е. букв. «подписать новый договор об аренде жизни», здесь проводится сравнение между сроком аренды помещения и сроком жизни: на все отведен определенный период времени. Значение ФЕ *a death blow*, в свою очередь, формируется при помощи образа «смертельный удар». В основе всех значений ФЕ лежит частная ОКС ***Success is Life / Failure is Death*** (общая ОКС ***Success / Failure is Existence***), в основе значения последней ФЕ лежит также второй элемент частной ОКС ***Success is Using Physical Force / Failure is Being Unable To Use Physical Force or Being Exposed To Physical Force*** (общая ОКС ***Success is Physical Influence / Failure is Physical Influence***).

Высокая степень расфокусировки (диффузия) контрастного образа в оппозициях, выделенных на основе ОКС, наблюдается, когда в основе значений противопоставляемых единиц лежат разные частные ОКС одной общей ОКС (такая тенденция особенно характерна для объемных САГ, включающих большое количество ФЕ):

– *to be on the right track (lines) / to be on track / to be on the fast track (to something) / to make headway / to be on a roll / to make great (rapid) strides (in something / in doing something) / to be in the groove (in a groove) / to be on the rails* (to be acting or progressing in a way that is likely to result in success; having a lot of success ‘стоять на правильном пути, делать прогресс, который приведет к успеху; иметь успех’);

– *to go (run) around (round) in circles / to go back to the drawing board / to spin your wheels / to run around like a headless chicken / to be chasing your tail / to be in the doldrums / to tread water (not to be achieving very much because they keep coming back to the same point or problem over and over again; failing to do or achieve anything satisfactory* ‘не достигать каких-либо результатов, не прогрессировать из-за необходимости возврата к одной и той же задаче или проблеме; быть неспособным достичь чего-либо’).

В основе противоположных значений лежит абстрактный контрастный образ «наличие (облегченного / прямолинейного) движения – отсутствие движения или затрудненное / круговое движение», вербализующийся при помощи следующих более конкретных образов: 1) *to be on the right track (lines), to be on track, to be on the fast track* (образ верного пути или короткой дороги); 2) *to make headway* (образ продвижения вперед), *to be in the groove* (образ облегченного движения путем попадания в колею), *to make great (rapid) strides (in something / in doing something)* (образ быстрого или широкого шага); 3) *to be on a roll* (образ легкого вращательного движения или движения вперед путем вращения вокруг оси); 4) *to be in the doldrums* (образ штилевой зоны), *to tread water* (образ затрудненного и медленного движения в воде, букв. «ходить или передвигаться в воде»); 5) *to go (run) around (round) in circles* (образ движения по кругу), *to go back to the drawing board* (образ возвращения к чертежной доске, чтобы исправить ошибки в исходных чертежах), *to spin your wheels* (образ вращающегося на месте колеса), *to run around like a headless chicken* (образ обезглавленной курицы, бегающей по кругу), *to be chasing your tail* (образ бегающего за своим хвостом kota в процессе игры). Следует отметить, что рассмотренные образы не позволяют выделить единую понятийную область-источник. В компонентном составе ФЕ не выделяются лексические антонимы, поэтому на противоположность значений указывают контрастные образы, взаимодействующие с частными ОКС *Success is Movement / Failure is Little or No Movement* и *Success is a Linear Movement (Movement Straight Ahead) / Failure is a Circular Movement* одной общей ОКС *Success / Failure is Movement*.

Когнитивный анализ глубинных механизмов процесса формирования противоположных значений ФЕ дал возможность рассмотреть поуровневое конструирование контрастных фразеологических образов. Результаты анализа также позволили установить наличие разной степени «образного сцепления» при установлении антонимических отношений. В качестве *образного сцепления* понимается степень схожести образов, формирующих противоположные значения ФЕ, т.е. образная «спаянность» ФА, проявляющаяся при наличии четких границ (очертаний) контрастного образа, подающегося визуализации. Чем выше абстрактность контрастного образа, тем больше степень его расфокусировки и размытости его границ: такие контрастные образы проявляются не на вербальном уровне через лексические антонимы или лексические единицы, номинирующие один и тот же предмет или явление, а на когнитивном уровне через ОКС. При

этом чем меньше задействовано частных ОКС одной общей ОКС и понятийных сфер – источников образов, тем ярче проявляются границы контрастного образа. Фактически разнообразие образного наполнения может на самом деле являться результатом сложной многоэтапной когнитивной обработки эмпирических данных. Наличие общих прототипических концептуальных структур в основе достаточно многочисленной группы ФЕ говорит о том, что формирование противоположных значений ФЕ не является полностью спонтанным процессом, оно может находиться под воздействием определенных механизмов фразеологической системы.

2. Условность механизмов формирования контрастной образности. Сравнение разных подходов к выделению ФА. Прогнозирующая сила механизмов фразеологической системы, тем не менее, довольно относительна. При применении иных подходов к выделению антонимических оппозиций, например, на основании принадлежности ФЕ к одной и той же оппозиционной тематической группе, а не к одной и той же общей ОКС, детерминирующей семантические механизмы, в основе значений противопоставляемых ФЕ может наблюдаться отсутствие контрастного образа. Такая тенденция наиболее отчетливо просматривается при сравнении фразеологических оппозиций, выделенных двумя разными способами. В качестве примера рассмотрим ранее проанализированную САГ *to play your cards right / to play your ace / to stack the deck – to play a (the) wrong card / to overplay your hand / to play into someone's hands*, выделенную на основе общей ОКС *Success / Failure is Field of Activity* (общий образ «карта / карточная игра»). При рассмотрении в оппозиционной тематической группе других ФЕ со значением «выбрать правильную стратегию для достижения успеха или получения преимущества – выбрать неверную стратегию, подрывающую шансы на успех» данную САГ можно дополнить и объединить со следующими единицами:

– *a step in the right direction / to press the right buttons / to box clever / to use(try) every trick in the book / to get in there (to deal with the situation in an intelligent way, to do things that you know will bring you success; to manipulate* ‘умело владеть ситуацией, делать то, что приведет к успеху; манипулировать’);

– *to be your own worst enemy / to cramp one's style / to dig your own grave (to do something or behave in a way that damages your own interests or chances of success and causes problems)* ‘делать что-то или вести себя таким образом, что это подрывает ваши интересы или шансы на успех и приносит проблемы’).

В данном случае нельзя говорить о наличии общего контрастного образа, формирующего значения и выражающегося в вербальной форме в качестве лексических единиц, заимствованных из единой понятийной области, или в качестве единой общей ОКС. Например, ФЕ *a step in the right direction* (букв. «шаг в нужном направлении»), *to get in there* (букв. «добраться») имеют в основе значений образы передвигания (частная ОКС *Success is Movement / Failure is Little or No Movement* общей ОКС *Success / Failure is Movement*), значение ФЕ *to box clever* (букв. «правильно

боксировать») формируется на основе спортивного образа (частная оппозиционная концептуальная под-схема *Success is Winning a Sports Competition / Failure is Losing a Sports Competition* частной ОКС *Success is Winning Competition / Failure is Losing Competition* общей ОКС *Success / Failure is Field of Activity*), а в основе противоположной по значению ФЕ *to dig your own grave* (букв. «копать себе могилу») лежит образ «атрибута» смерти (частная ОКС *Success is Life / Failure is Death* общей ОКС *Success / Failure is Existence*). Глубинные основания образного сцепления ФЕ в данной САГ размыты и труднообъяснимы. Такая особенность указывает на то, что одно и то же понятие может вербализовываться разными способами через несвязанные между собой ассоциации. Такая слабая степень образного сцепления может свидетельствовать о нелинейности мышления при отборе фрагментов объективной реальности и представляющего их языкового материала для передачи отдельных смыслов и идей.

Заключение

В качестве заключения необходимо подчеркнуть важную роль расширения границ антонимии. Рассмотрение антонимических отношений только сквозь призму языка и фокусировка внимания исследователей лишь на внешней стороне языковых знаков значительно ограничивает их не только в материале исследования, но также не дает возможности проникнуть вглубь языкового явления. Обращение к внутренней стороне языкового знака, к его значению дает возможность получить доступ к способам структурирования информации в сознании через языковой инструментарий и рассматривать языковые оппозиции как проявление более общей способности человека противопоставлять объекты и их свойства по какому-либо признаку в ходе познания действительности.

Представленный в работе когнитивный подход к изучению специфики формирования противоположных значений позволяет учесть роль когнитивных факторов в процессах образования ФЕ и способствует нахождению новых путей изучения глубинной сущности фразеологической антонимии, в определенной степени расширяя представление о ней. Когнитивный анализ контрастной образности ФЕ дополняет существующие представления о создании фразеологической образности в целом и позволяет провести более полную реконструкцию общих процессов фразеологизации.

Восприятие фразеологических антонимов в качестве реализации антонимических концептов дало возможность выделить ментальные схемы, сформиро-

вавшие систему антонимов в изучаемом сегменте фразеологического фонда. Рассмотрение образной составляющей ФЕ как взаимопроникающей системы в свою очередь обусловило выявление определенных уровней абстракции, на которых происходит ментальная обработка контрастного образа, прежде чем он найдет свое вербальное воплощение. Такие уровни являются взаимопроникающими и взаимозависящими друг от друга. Контрастный образ при этом является абстрактным конструктом, формирующимся при взаимодействии всех трех уровней: когнитивного, семантического и языкового.

Результаты когнитивного анализа противоположных значений ФЕ показали, что контрастные образы имеют различную степень выраженности, которая зависит, с нашей точки зрения, от целого ряда условий. Важным обстоятельством являются особенности лексического состава антонимичных фразеологических единиц. Так, присутствие в составе ФЕ антонимичных лексем или лексем, указывающих на один и тот же предмет, предопределяет характер образа: четкость его границ и выраженную фокусировку. В случае отсутствия лексических указателей на антонимические отношения в поверхностной структуре противопоставляемых ФЕ наблюдается в определенной степени расфокусировка контрастной образности. Четкость контрастного образа и возможность его визуализации в данном случае определяется несколькими факторами: от количества ОКС, лежащих в основе противоположных значений, от количества и схожести образов, заимствованных из определенных понятийных областей, и от лексических единиц, репрезентирующих данные образы. При этом контрастный образ наилучшим образом сфокусирован и симметричен при наименьшем количестве задействованных ОКС и при наиболее схожих образах.

Такая градация позволяет говорить о наличии образного сцепления между противопоставляемыми ФЕ, отражающего степень схожести образов, формирующих противоположные значения ФЕ. Чем отчетливее проявляется контрастный образ, тем сильнее образное сцепление между фразеологическими антонимами. Отсутствие образного сцепления говорит о нелинейности мышления при выборе внеязыковых данных для передачи отдельных смыслов, что присуще оценочной категоризации, носящей интерпретирующий, антропоцентрический характер.

Изучаемый фразеологический материал свидетельствует о том, что внеязыковая культурно-значимая информация встраивается и организует систему антонимических отношений, которые в свою очередь выступают как одна из форм репрезентации дуальности мировосприятия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алехина А.И. Фразеологическая антонимия в современном английском языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1968. 247 с.
2. Варфоломеева Н.С. Сравнительно-сопоставительный анализ фразеологической антонимии (на материале английского, китайского и русского языков) : дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 129 с.
3. Gontscharowa N.A. Untersuchungen zur phraseologischen Antonymie in der deutschen Gegenwartssprache: Dis. A. Leipzig, 1981. 181 s.
4. Марданова Г.Б. Сопоставительный анализ фразеологических антонимов в английском и татарском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998. 21 с.
5. Мардиева Э.Р. Принципы составления словаря фразеологических антонимов русского языка : дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 319 с.

6. Медведева Т.С. Антонимия основных лексико-фразеологических полей в семантической области «деятельность» (на материале современного немецкого языка) : дис. ... канд. филол. наук. М., 1990. 150 с.
7. Миллер Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1990. 222 с.
8. Муташева Г.Р. Антонимы и антонимические отношения в лексике и фразеологии кумыкского и русского языков : дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2010. 173 с.
9. Подъячая И.А. Парадигматические отношения фразеологических единиц качественно-обстоятельственного класса в русском и английском языках : дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2009. 276 с.
10. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Основы фразеологии (краткий курс) : учеб. пособие. М. : ФЛИНТА; Наука, 2013. 312 с.
11. Сидоренко М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке : учеб. пособие к спецкурсу. Ленинград : Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1982. 168 с.
12. Ирисханова О.К. Лингвокреативные основания теории номинализации : дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 332 с.
13. Добровольский Д.О. Основы структурно-типологического анализа фразеологии современных германских языков (на материале немецкого, английского и нидерландского языков) : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1990. 441 с.
14. Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка и познания мира. М. : Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
15. Новиков Л.А. Семантика русского языка : учеб. пособие. М. : Высш. шк., 1982. 272 с.
16. Оганян Н.Б. Антонимия как признак идиостиля (на материале текстов произведений Дэна Брауна) : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2017. 170 с.
17. Боева-Омелечко Н.Б. Концепт и антиконцепт как диалектическое единство // Когнитивные исследования языка. М. : Ин-т языкознания РАН, 2014. Вып. XVIII. С. 39–41
18. Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр. Москва; Воронеж, 2002. С. 103–114.
19. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М. : Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
20. Беляевская Е.Г. К проблеме конструирования языковых образов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2011. № 21 (627). С. 24–32
21. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
22. Gibbs R.W. Why do some people dislike conceptual metaphor theory? // *Journal of cognitive semiotics* Vol. 5, № 1–2. P. 14–36. URL: https://www.pure.au.dk/ws/files/56399444/issue_5.1_2_final.pdf (дата обращения: 29.05.2019).
23. Стебелькова Н.А. Механизмы метафоризации первичных пространственных значений // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2012. № 21 (654). С. 163–175
24. Стебелькова Н.А. Фразеологическая образность и базовые метафоры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание. 2009. № 572. С. 73–81
25. Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры : сборник / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 5–32
26. Зыкова И.В. Разновидности процесса фразеологизации с позиции лингвокультурологического подхода // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Языкознание и литературоведение. 2015. № 22 (733). С. 79–91
27. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 456 с.
28. Маккормак Э. Когнитивная теория метафоры / пер. с англ. А.Д. Шмелева // Теория метафоры : сб. / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой, М.А. Журиной. М. : Прогресс, 1990. С. 358–385
29. *Bloomsbury Dictionary of Idioms*. Gordon Jarvie. London : A & C Black, 2009. 372 p.
30. *Cambridge Idioms Dictionary*. 6th printing. Cambridge; N.Y. : Cambridge University Press, 2013. 505 p.
31. *Collins Cobuild Idioms Dictionary*. Glasgow : Harper Collins Publishers, 2011. 496 p.
32. *Collins Easy Learning English Idioms*. Glasgow : Harper Collins Publishers, 2010. 315 p.
33. *Longman Idioms Dictionary*. Harlow : Pearson Longman, 1998. 398 p.
34. *Oxford Idioms Dictionary for Learners of English*. Oxford; N.Y. : Oxford University Press, 2006. 461 p.
35. *Oxford Dictionary of English Idioms / by John Ayto*. Oxford : Oxford University Press, 2010. 408 p.
36. *The Penguin Dictionary of English Idioms*. England : Penguin Books, 2002. 378 p.
37. *Cambridge Dictionary*. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 29.05.2019).
38. *Collins English Dictionary*. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 29.05.2019).
39. *Longman Dictionary of Contemporary English*. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 29.05.2019).
40. *Macmillan Dictionary*. URL: <http://www.macmillandictionary.com> (дата обращения: 29.05.2019).
41. *Oxford Dictionaries*. URL: <https://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 29.05.2019).
42. *Idioms and Phrases // The Free Dictionary by Farlex*. URL: <http://idioms.thefreedictionary.com> (дата обращения: 29.05.2019).
43. Попова З.Д., Стернин И.А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Волгоград : Парадигма, 2005. Т. 1. С. 7–13.
44. Джалашева Л.Ю. Синонимико-антонимические парадигмы в системе знаменательных частей речи современного английского языка и реализация их конститuentов в речи : дис. ... канд. филол. наук. Ростов-н/Д, 2004. 201 с.
45. Львов М.Р. Словарь антонимов русского языка: более 2000 антоним. пар / под ред. Л.А. Новикова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Рус. яз., 1984. 384 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 августа 2019 г.

Contrastive Imagery Gradation in Forming Opposite Phraseological Semantics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 46–55.

DOI: 10.17223/15617793/451/7

Natalia S. Skvortsova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nskvortsova18@gmail.com

Keywords: contrastive imagery; oppositional concepts; cognitive linguistics; oppositional conceptual scheme; synonym-antonym groups.

The article focuses on the research conducted in the frames of a cognitive approach to studying linguistic phenomena. The main aim of the research is to devise and apply a method of cognitive analysis of mechanisms underlying opposite phraseological meaning creation in order to investigate the peculiarities of contrastive imagery. Phraseological units possess quite an extensive meaning and represent both language and cognition. The traditional division of contrastive phraseological imagery into incomparable and comparable does not reflect the complexity of meaning structuring. The investigation into semantic formation mechanisms of antonymic phraseological units can reveal the characteristics of contrastive perception of English language speakers and the features of the transposition of the opposition phenomenon into the language. The analysis was based on the opposition of concepts ‘success–

failure' and phraseological units representing them. The phraseological units were selected through a continuous sampling method from idiomatic dictionaries. During the systematisation of the selected material through the semantic field approach, the phraseological units were distributed into oppositional thematic groups that stand for oppositional conceptual features of concepts under analysis. The author develops a method of cognitive analysis of opposite phraseological semantics formation basis. Through the schematic division, contrastive phraseological imagery is considered as a multilayer formation including: (1) oppositional conceptual schemes that represent conceptual models of source and target domain transitions producing metaphorical meanings; (2) images borrowed from particular conceptual domains; (3) verbal means representing these images. Special attention is paid to the layer intercorrelation process in forming contrastive imagery underlying opposite meanings. The peculiarities of contrastive imagery are illustrated by examples of binary oppositions which include only two opposing elements and synonymic-antonymic groups which consist of two opposing synonymic groupings the members of which form one or more antonymic pairs. The main criterion of determining the antonymic relationship between the phraseological units was the presence of common and opposing elements in their meanings. Phraseological antonyms were identified in two ways: on the basis of oppositional conceptual schemes and on the basis of thematic groups without considering the conceptual schemes of phraseological units. The results of the research reveal that opposite meaning formation incorporates multiple abstract layers that structure and shape the mental processing of contrastive image before it finds its verbal embodiment. Besides, the analysis shows the presence of contrastive image gradation, namely its level of vividness that depends on the complexity and the number of elements involved in opposite meaning formation.

REFERENCES

- Alekhina, A.I. (1968) *Frazeologicheskaya antonimiya v sovremennom angliyskom yazyke* [Phraseological Antonymy in Modern English]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Varfolomeeva, N.S. (2001) *Sravnitel'no-sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskoy antonimii (na materiale angliyskogo, kitayskogo i russkogo yazykov)* [A Comparative Analysis of Phraseological Antonymy (Based on English, Chinese and Russian)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Gontsharova, N.A. (1981) *Untersuchungen zur phraseologischen Antonymie in der deutschen Gegenwartssprache*: Dis. A. Leipzig.
- Mardanov, G.B. (1998) *Sopostavitel'nyy analiz frazeologicheskikh antonimov v angliyskom i tatarskom yazykakh* [A Comparative Analysis of Phraseological Antonyms in English and Tatar]. Abstract of Philology Cand. Diss. Kazan.
- Mardiya, E.R. (2003) *Printsipy sostavleniya slovarya frazeologicheskikh antonimov russkogo yazyka* [The Principles of Compiling a Dictionary of Phraseological Antonyms of Russian]. Philology Cand. Diss. Ufa.
- Medvedeva, T.S. (1990) *Antonimiya osnovnykh leksiko-frazeologicheskikh poley v semanticheskoy oblasti "deyatel'nost'" (na materiale sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Antonymy of the Main Lexical and Phraseological Fields in the Semantic Field "Activity" (Based on the Material of Modern German)]. Philology Cand. Diss. Moscow.
- Miller, E.N. (1990) *Priroda leksicheskoy i frazeologicheskoy antonimii* [The Nature of Lexical and Phraseological Antonymy]. Saratov: Saratov State University.
- Mutasheva, G.R. (2010) *Antonimy i antonimicheskie otnosheniya v leksike i frazeologii kumyjskogo i russkogo yazykov* [Antonyms and Antonymic Relations in Vocabulary and Phraseology of Kumyk and Russian]. Philology Cand. Diss. Makhachkala.
- Poddyachaya, I.A. (2009) *Paradigmatische otosheniya frazeologicheskikh edinit kachestvenno-obstoyatel'stvennogo klassa v russkom i angliyskom yazykakh* [Paradigmatic Relations of Phraseological Units of a Qualitatively-Circumstantial Class in Russian and English]. Philology Cand. Diss. Chelyabinsk.
- Baranov, A.N. & Dobrovolskiy, D.O. (2013) *Osnovy frazeologii (kratkiy kurs)* [Fundamentals of Phraseology (Short Course)]. Moscow: FLINTA; Nauka.
- Sidorenko, M.I. (1982) *Paradigmatische otosheniya frazeologicheskikh edinit v sovremennom russkom yazyke* [Paradigmatic Relations of Phraseological Units in Modern Russian]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical University.
- Iriskhanova, O.K. (2004) *Lingvokreativnye osnovaniya teorii nominalizatsii* [Linguistic and Creative Foundations of the Theory of Nominalization]. Philology Dr. Diss. Moscow.
- Dobrovolskiy, D.O. (1990) *Osnovy strukturno-tipologicheskogo analiza frazeologii sovremennykh germanskikh yazykov (na materiale nemetskogo, angliyskogo i niderlandskogo yazykov)* [Fundamentals of the Structural-Typological Analysis of the Phraseology of Modern Germanic Languages (Based on German, English and Dutch)]. Philology Dr. Diss. Moscow.
- Kubryakova, E.S. (2004) *Yazyk i znanie. Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka i poznaniya mira* [Language and Knowledge. Towards Gaining Knowledge of the Language: Parts of Speech From a Cognitive Point of View. The Role of Language and Knowledge of the World]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
- Novikov, L.A. (1982) *Semantika russkogo yazyka* [Semantics of the Russian Language]. Moscow: Vyssh. shkola.
- Oganyan, N.B. (2017) *Antonimiya kak priznak idiosilya (na materiale tekstov proizvedeniy Dena Brauna)* [Antonymy as a Feature of an Idiostyle (Based on the Texts of Dan Brown's Works)]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
- Boeva-Omelechko, N.B. (2014) Kontsept i antikontsept kak dialekticheskoe edinstvo [Concept and Anticoncept as a Dialectical Unity]. In: Boldyrev, N.N. (ed.) *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language]. Is. 18. Moscow: Institute of Linguistics, RAS. pp. 39–41
- Boldyrev, N.N. (2002) Struktura i printsipy formirovaniya otsennoy kategorii [The Structure and Principles of the Formation of Evaluation Categories]. In: Bondarko, A.V. et al. *S lyubov'yu k yazyku* [With Love of Language]. Moscow: Institute of Linguistics, RAS; Voronezh: Voronezh State University. pp. 103–114.
- Karaulov, Yu.N. (2010) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Language Personality]. 7th ed. Moscow: Izd-vo LKI.
- Belyaevskaya, E.G. (2011) Language Images as Divisible Mental Structures. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 21 (627). pp. 24–32. (In Russian).
- Lakoff, G. & Johnson, M. (1980) *Metaphors We Live By*. Chicago; London: The University of Chicago Press.
- Gibbs, R.W. (2009) Why Do Some People Dislike Conceptual Metaphor Theory? *Journal of Cognitive Semiotics*. 5:1–2. pp. 14–36. [Online] Available from: https://www.pure.au.dk/ws/files/56399444/issue_5_1_2_final.pdf. (Accessed: 29.05.2019).
- Stebel'kova, N.A. (2012) Mechanisms of Metaphoric Transformations of Primary Space Meanings. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 21 (654). pp. 163–175. (In Russian).
- Stebel'kova, N.A. (2009) Frazeologicheskaya obraznost' i bazovye metafory [Phraseological Imagery and Basic Metaphors]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 572. pp. 73–81.
- Arutyunova, N.D. (1990) Metafora i diskurs [Metaphor and Discourse]. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskay, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 5–32
- Zykova, I.V. (2015) Types of the Process of Phraseologism-Formation in a Linguoculturological Perspective. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta – Vestnik of Moscow State Linguistic University*. 22 (733). pp. 79–91. (In Russian).
- Kovshova, M.L. (2012) *Lingvokul'turologicheskii metod vo frazeologii: Kody kul'tury* [A Linguoculturological Method in Phraseology: Codes of Culture]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".

28. MacCormack, E. (1990) Kognitivnaya teoriya metafory [A Cognitive Theory of Metaphor]. Translated from English by A.D. Shmelev. In: Arutyunova, N.D. & Zhurinskay, M.A. (eds) *Teoriya metafory* [Theory of Metaphor]. Moscow: Progress. pp. 358–385
29. Jarvie, G. (2009) *Bloomsbury Dictionary of Idioms*. London: A & C Black.
30. Walter, E. (ed.) (2013) *Cambridge Idioms Dictionary*. 6th ed. Cambridge; NY: Cambridge University Press.
31. Seaton, M., & Macaulay, A. (eds) (2011) *Collins Cobuild Idioms Dictionary*. Glasgow: Harper Collins Publishers.
32. Collins. (2010) *Collins Easy Learning English Idioms*. Glasgow: Harper Collins Publishers.
33. Longman. (1998) *Longman Idioms Dictionary*. Harlow: Pearson Education.
34. Parkinson, D. (ed.) (2006) *Oxford Idioms Dictionary for Learners of English*. Oxford; NY: Oxford University Press.
35. Ayto, J. (ed.) (2010) *Oxford Dictionary of English Idioms*. Oxford: Oxford University Press.
36. Hinds-Howell, D. & Gulland, D.M. (eds) (2002) *The Penguin Dictionary of English Idioms*. 2nd ed. England: Penguin Books.
37. *Cambridge Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.dictionary.cambridge.org>. (Accessed: 29.05.2019).
38. *Collins English Dictionary*. [Online] Available from: <https://www.collinsdictionary.com>. (Accessed: 29.05.2019).
39. *Longman Dictionary of Contemporary English*. [Online] Available from: <http://www.ldoceonline.com>. (Accessed: 29.05.2019).
40. *Macmillan Dictionary*. [Online] Available from: <http://www.macmillandictionary.com>. (Accessed: 29.05.2019).
41. *Oxford Dictionaries*. [Online] Available from: <https://www.oxforddictionaries.com>. (Accessed: 29.05.2019).
42. The Free Dictionary by Farlex. (n.d.) *Idioms and Phrases*. [Online] Available from: <http://idioms.thefreedictionary.com>. (Accessed: 29.05.2019).
43. Popova, Z.D. & Sternin, I.A. (2005) Osnovnye cherty semantiko-kognitivnogo podkhoda k yazyku [The Main Features of the Semantic-Cognitive Approach to Language]. In: Karasik, V.I. & Sternin, I.A. (eds) *Antologiya kontseptov* [Anthology of Concepts]. Vol. 1. Volgograd: Paradigma. pp. 7–13
44. Dzhalasheva, L.Yu. (2004) *Sinonimiko-antonimicheskie paradigmy v sisteme znamenatel'nykh chastey rechi sovremennogo angliyskogo yazyka i realizatsiya ikh konstituentov v rechi* [Synonymic-Antonymic Paradigms in the System of Notional Parts of Speech in Modern English and the Implementation of Their Constituents in Speech]. Philology Cand. Diss. Rostov-on-Don.
45. L'vov, M.R. (1984) *Slovar' antonimov russkogo yazyka: bolee 2000 antonim. par* [Dictionary of Antonyms of the Russian Language: More Than 2000 Antonymic Pairs]. 2nd ed. Moscow: Rus. yaz.

Received: 10 August 2019

З.В. Сметанина, Г.А. Иванова

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА В «ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ ВЯТСКИХ ГОВОРОВ»

Статья посвящена проблеме лексикографического представления вариантов слова в «Областном словаре вятских говоров». Осуществлен анализ вариантов диалектного слова, их классификация; определяются критерии разграничения фонематических и словообразовательных вариантов, словообразовательных вариантов и словообразовательных синонимов. Особое внимание уделяется вопросу о морфемном статусе малоупотребительных словообразовательных элементов, функционирующих в составе диалектных глаголов.

Ключевые слова: диалектная лексика; вариантность; лексикография; экспрессивная деривация; вятские говоры.

Диалектная лексика была и остается объектом пристального внимания составителей словарей, языковедов в нашей стране и за рубежом (см., например, ежегодные сборники «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования» [1], материалы международных конференций по актуальным проблемам русской диалектологии» в Москве [2, 3] и Вологде [4], а также материалы международной конференции по проблемам диалектологии и геолингвистики в Австрии [5]). Тем не менее ее вариантнологический аспект, несмотря на посвященные вариантности диалектного слова работы [6–11 и др.], еще не исчерпал своей проблематики. Дискуссионным является вопрос о формальной, семантической и формально-семантической вариантности диалектных слов, ее границах; нет ясности в вопросе об отграничении вариантов слова от однокоренных синонимов; не решена проблема лексикографирования вариантов и др.

Вариативность (вариантность) как всеобъемлющее, фундаментальное свойство языковой системы проявляется в существовании и функционировании единиц языка разных уровней языковой системы (ср. вариантность фонем, морфем, слов, словосочетаний и предложений). Сущность вариантности заключается в неустойчивом равновесии языкового знака, его «асимметричном дуализме» [12. С. 48], т.е. в стремлении означающего и означаемого обладать иными функциями и средствами, нежели их собственные, что является главным фактором эволюции языковой системы.

Вариативность (вариантность) характерна не только для лексики общелитературного языка, но и для современного диалекта, для его лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса.

Специфика диалектного словоупотребления заключается в «богато разветвленных синонимических рядах, в наличии дублетов, в развитии большого количества вариантов слов» [6. С. 12], требующих системного описания и последующего лексикографирования.

В статье речь пойдет о вариантности диалектного слова, которая представлена разными типами его варьирования: формальным, семантическим и формально-семантическим.

Под формальными вариантами слова в работе понимаются различные видоизменения (модификации) внешней стороны слова, не приводящие к нарушению его тождества [13. С. 9]. Вслед за В.Н. Немченко, в

зависимости от уровневой принадлежности варьирующих лексических единиц, нами различаются фонетические (фонематические, орфоэпические, акцентологические) и грамматические варианты слова [14]. На наш взгляд, следует признать в качестве особой разновидности вариантов слов и словообразовательные варианты – тождественные по значению однокоренные образования, различающиеся словообразовательными аффиксами (вопрос о словообразовательных вариантах в современной русистике относится к числу дискуссионных).

Цель данной статьи – описать особенности лексикографического представления вариантов диалектного слова в «Областном словаре вятских говоров» (далее – ОСВГ), а также обозначить проблемы, с которыми столкнулся авторский коллектив ОСВГ.

В лексикографической практике известен опыт словарной работы, который нередко побуждает составителей словарей обращаться к описанию лексикологических проблем. Так, лингвисты томской лексикографической школы являются составителями разноаспектных словарей, представляющих лексические подсистемы территориального варианта общенародного языка, и авторами научных работ в области лексикологии по проблемам вариантности, мотивированности, образности, словообразования; см., например, [15–17].

В статье ставится задача осветить проблему разграничения фонематических и словообразовательных вариантов, словообразовательных вариантов и синонимов, а также вопрос о наличии в вятских говорах экспрессивных суффиксов.

Двенадцать выпусков ОСВГ (А–Я) представляют диалектную лексику и фразеологию всей территории Кировской области разных временных срезов, следовательно, «Областной словарь вятских говоров» является полидиалектным сводным толковым словарем, представляющим по возможности все особенности функционирования слова. В ОСВГ использовались письменные источники конца XIX – начала XX в., материалы экспедиций Кировского педагогического института (в дальнейшем Вятского государственного гуманитарного университета и Вятского государственного университета), проводимых в период с 40-х гг. XX в. по настоящее время; рукописные словари и словники добровольных собирателей, так называемых наивных лексикографов [18. С. 197–211]. Начало создания «Областного словаря вятских говоров» было

положено Л.И. Горевой. Первые два выпуска ОСВГ были опубликованы В.Г. Долгушевым; последующие создавались новым коллективом авторов под руководством З.В. Сметаниной.

Возникает вопрос, целесообразно ли рассматривать проблемы вариантности на базе полидиалектного словаря, поскольку территория Кировской области является территорией вторичного заселения славян и, соответственно, гетерогенной зоной разнородных и смешанных говоров? Ответ на поставленный вопрос может быть утвердительным в силу того, что учет ареальных характеристик каждой словарной единицы позволяет определить широкоупотребительные – общесистемные – варианты и варианты, распространенные в пределах одного говора. Принимая во внимание длительность языковых контактов и внутренних миграций носителей разных групп говоров, мы рассматриваем диалектную лексику, представленную в ОСВГ, как единую диалектную систему, включающую в себя различные подсистемы (говоры), не нарушающие целостности и своеобразия вятского диалекта.

ОСВГ относится к такому типу словарей, в котором все варианты диалектных слов со значительной материальной общностью корневой морфемы представлены в одной словарной статье. Как справедливо отмечает В.А. Козырев в статье «Тождество слова как проблема диалектной лексикографии», «установка на сведение вариантов в одной словарной статье» представлена меньшим количеством словарей» [8. С. 5]. В качестве заголовочного слова словарной статьи используется основной вариант (доминанта) вариантного ряда, определяемый в соответствии с критерием наибольшей распространенности на территории области. Трудность выбранного пути заключалась не только в том, чтобы собрать все варианты в одной словарной статье, нужно было отразить их и в отдельных словарных статьях с учетом индивидуальной ареальной характеристики. Толкование значения (значений) дается только к первому слову, возглавляющему этот вариантный ряд. Значение других вариантов раскрывается с помощью отсылочных определений: для фонетических вариантов – через отсылку *см.*; словообразовательные варианты толкуются при помощи типовой формулы *то же, что...* (*Кугрины*, только во мн. *См. куглины*; *Галямина*, ж. То же, что галема.). Отсылки осуществляются, во-первых, в направлении от более распространенного варианта к менее распространенному; во-вторых, в пределах одной буквы словаря. Заметим попутно, что с 8-го выпуска в ОСВГ кроме отсылочного определения к вариантам давалось и толкование (это изменение было продиктовано желанием сделать словарь более удобным в использовании).

Принцип подачи в одной словарной статье всех равнозначных однокоренных слов вызывал определенные трудности в семантизации вариантов, так как все отсылки должны даваться к первому компоненту вариантного ряда, который далеко не с каждым вариантом состоит в отношениях двучленной оппозиции. Так, например, оппозиция связывает фонематические варианты *картозы* и *картосы*, но в соответствии с

данным принципом для определения значения каждой вариантной единицы ряда следует обратиться к первому репрезентанту ряда *картофка*, *картофки*, *картофь*, *картофи*, *картофия*, *картофья*, *карфета*, *карфеты*, *картозы*, *картосы*, *картыши*, то есть к варианту *картофка*. Следовательно, отсылки *см.* и *то же, что...* в некоторых случаях отражают лишь опосредованные связи между указанными вариантами [19. С. 3–5].

Наш опыт подтверждает справедливость утверждений В.А. Козырева о том, что «многие исходные установки, сложившиеся на начальном этапе, в процессе длительного периода словарной работы оказались недостаточными в силу причин как теоретического, так и практического характера. По мере продолжения работы над словарями становился всё более очевидным тот факт, что конкретный языковой материал оказался значительно сложнее и разнообразнее, чем это представлялось вначале и предусматривалось в проектах, инструкциях, сколь бы глубокими и детальными они ни были» [8. С. 5]. По мнению редакторов «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ) Ф.П. Сороколетова и О.Д. Кузнецовой, «принципы разработки вариантов не могли быть определены до начала работы над словарём: для этого необходимо было выявить и проанализировать всё многообразие материальных вариантов слов в русских диалектах. Это стало возможным в процессе лексикографической обработки лексики русских народных говоров в СРНГ» [7. С. 4].

Лексикографическая практика показывает, что не только в традиционных толковых, но даже и в аспектных словарях вариантной лексики присутствует неоднозначная оценка вариантных отношений. Так, например, автор «Словаря вариантной лексики сибирского говора» З.М. Богословская, выделяя среди семантически идентичных образований собственно варианты слова, вариантоиды (единицы, занимающие промежуточное положение между формами одного слова и разными словами) и разные слова, отмечает, что границы между ними не являются чёткими и постоянными и «значительные колебания морфем, особенно префиксальных и корневых, процессы ремотивации и демотивации, появление новых рядов, создающих регулярность однокорневых образований, и т.п. могут привести к переводу единиц из одного разряда в другой» [20. С. 10].

Главная проблема, с которой столкнулись составители ОСВГ, – это проблема разграничения фонематических и словообразовательных вариантов. От решения этой проблемы зависит способ лексикографического описания слова, выбор отсылочного определения.

Какие явления можно отнести к фонетическим процессам в говорах, а какие к словообразовательным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего описать все разнообразие фонематических вариантов слов в вятских говорах, систематизировать примеры формального фонематического варьирования слов по степени регулярности. Какие явления можно отнести к фонетическим процессам в говорах, а какие к словообразовательным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего опи-

сать все разнообразие фонематических вариантов слов в вятских говорах, систематизировать примеры формального фонематического варьирования слов по степени регулярности.

Под фонематическими вариантами слова нами понимаются формальные модификации слов, частично различающиеся фонемным составом корневых или аффиксальных морфем при условии сохранения морфемного тождества, совпадения лексических и грамматических значений [21. С. 6; 22. С. 59].

Вопрос о границах фонематического варьирования слова является дискуссионным и связан с различной трактовкой фонематической вариантности, с узким или широким ее пониманием. В число проблемных, в частности, входят вопросы об отграничении фонематических вариантов от вариантов орфоэпических, акцентологических, словообразовательных и грамматических (морфологических), а также вопрос о количестве варьирующихся фонем в слове. По мнению К.С. Горбачевича [23. С. 14], только незначительные изменения фонемного состава слова (одна-две варьирующиеся фонемы) не нарушают формального тождества слова; другие исследователи, например, В.Н. Немченко, опираясь на более широкое определение фонематической вариантности, считают, что число варьирующихся фонем может увеличиваться до трех и более [14. С. 19].

Фонематические варианты надо отличать также от акцентологических и произносительных вариантов. Нередко различие в ударении и (или) произношении сопровождается частичным изменением фонемного состава слова и образуется смешанный тип вариантов слова – акцентолого-фонематический.

Проблема вариантности в диалекте требует особого подхода, не полностью идентичного тому, который установился применительно к литературному языку. Это связано с такими особенностями диалекта, как устная форма его существования, специфика диалектной нормы (стихийность, недостаточная осознанность, отсутствие кодификации), воздействие со стороны литературного языка (ср., например: [9. С. 31]).

Обратимся к анализу фонематических вариантов в ОСВГ. В основу описания данного вида вариантов нами положена классификация О.И. Блиновой [6. С. 97–124].

Фонематическая вариантность в вятских говорах представлена двумя основными разновидностями – качественной и количественной, как в области гласных, так и в области согласных.

Качественная фонематическая вариантность. Под качественной фонематической вариантностью понимается вариантность, обусловленная качественным составом фонем.

В области гласных выделяется два вида вариантности: 1) вариантность, вызванная фонетически не обусловленной меной фонем (позиция под ударением), и 2) вариантность, проявляемая в безударной позиции.

В первой группе вариантов, обусловленных меной сильных фонем (в ударной позиции), выделяется несколько подгрупп:

o/a видок–видак, вилóшки–вилáшки, легостóй–легостáй, пожóмкать–пожámкать; смотрóк–смотрáк, шалобóлка–шалобáлка;

o/y воднóрядь–воднúрядь, кутéшник–кутúшник, лутóзить–лутúзить, мутóзить–мутúзить, сдóндить–сдúндить, пожóмкать–пожúмкать, шишóля–шишúля, ярóшник–ярúшник;

o/ы воднóрядь–воднúрядь, голдóбина–голдýбина, копёр–копырь, сдóндить–сдýндить, ярóшник–ярýшник; закомúристо–закомýристо, клубóк–клубык, сдúндить–сдýндить, сутúрица–сутýрица;

e/o мерéжа–мерёжа, остерéк–остерёк, паздéра–паздёра, пелéда–пелёда, сдёрнóться–сдёрнуться, сэдни–сэдни, сэдне–сэдне, сосунéшник–сосунóшник;

y/u дерю́га–дерúга, синóшник–синúшник;

a/ы сгрáбать–сгрýбать;

e/y опихтéй–опихтúй;

e/и набёрка–набúрка, синéшник–синúшник.

Особенности произношения гласных в ударных позициях, характерные для различных групп вятских говоров, отражались лишь в иллюстративной части словарных статей. Но в редких случаях в ОСВГ вслед за различными источниками включался вариант, отражающий чередования гласных звуков в ударной позиции. Он получал статус заголовочного слова, при этом другие структурные части словарной статьи – иллюстративный материал и ареальная характеристика – отсутствовали. Подобный вариант содержал лишь отсылку, напр.: *сúвериха*, ж. См. *сéвериха*. Варианты, относящиеся ко второй группе с произношением гласных в безударных слогах, проявляют закономерности, свойственные разным группам вятских говоров, напр., <o> произносится закрыто и имеет склонность к [y.] Многие из таких вариантов становятся лексикализованными:

o/y болтыхáть–бултыхáть, бочáг–бучáг, дожнáха–дужнáха, колыбáться–кулыбáться, сборóвить–сбурóвить, моргослéпый–мургослéпый;

o/e грездúстый–гроздúстый, обобéнькиваться–обебéнькиваться, стрекá–строкá, шорóм–шерóм, шолы́га–шелыга.

Особую группу составляют варианты диалектного слова, в которых графическая запись отражает лишь особенности его произношения (оканье или аканье) или особенности восприятия слова собирателем диалектной лексики, а не фонемное чередование:

o/a бобу́ха–бабу́ха, валту́зить–валтузить, варóвинный–варавинный, голáнка–галáнка, гомонóк–гаманóк, коля́бать–каля́бать, морокóсить–маракóсить, обломбéрить–обламбéрить, обобéнькиваться–обабéнькиваться, поназы́рь–паназы́рь, сокéрка–сакéрка, солóмат–салóмат, самполáт–сампалáт, слокóсить–слокасítь, шолы́га–шалы́га.

Существование произносительных вариантов с чередованием *o/a* в безударных позициях диалектных слов объясняется наличием в Кировской области окающих говоров, говоров с неполной редукцией гласных в безударных слогах, а также акающих островков (с. Буйское Уржумского района, с. Залазна Омутнинского района). Аналогично объясняется и вариантность пар с чередованием *e/и* в корневой морфеме *седу́лка–сиду́лка, седу́шка–сиду́шка*.

В области согласных выделяются фонематические варианты с менами, которые не обусловлены позиционно:

б//п алябушка–аляпушка, баздырнуть–паздырнуть, кўльбик–кўльпик, олябыш–оляпыш;

г//к гомзўля–комзўля, кочедыг–кочедык, бастриг–бастрик, вольшняг–вольхняк, мявгать–мявкать, пига́н–пика́н, фуга́ть–фукать, отпенэга́ться–отпенэка́ться, пови́лига–пови́лика;

д//т бадог–батог, болдыха́ть–болтыха́ть, отудо́беть–отуто́беть, ошпéндить–ошпéнтить;

ж//ш вертужо́к–вертушо́к, синéшник–синéжник;

з//с кута́з–кута́с, све́сь–све́зь;

в//ф вы́пик–фы́пик, карто́вница–карто́фница;

г//д//ж бра́згаться–бра́здаться, во́глый–во́длый, са́рги–са́рды; смо́гный–смо́жный; свередíть–сверéжить, сседáться–ссежа́ться, осёрдка–осёржка;

к//ч//ц ста́рка–ста́рча; пови́лика–пови́лица, солени́ки–солени́цы;

т//ч молотéщик–молочéщик, отковéтить–отковéчить, стюну́ть–счуну́ть;

ск//ш сомуска́ть–сомуца́ть;

ст//ш//ч постюва́ть–пощюва́ть; бесстю́вный–бесчу́вный;

ч//щ ссы́пчина–ссы́пщина;

с//ч му́сник–му́чник, сэселяница–сэчельница, сэселица–сэчелица, вы́муснить–вы́мучнить, пелени́сный–пелени́чный; сбáхсить–сбáхчить;

с//ш//т бру́сница–бру́шница, вэ́сница–вэ́шница, метлесíть–метлешíть, мэска–мэшка; моршэ́сник–моршэ́тник.

В вариантах типа кочедыг–кочедык, бастриг–бастрик, вольшняг–вольхняк, кута́з–кута́с варьирование конечной согласной выявляется в диалектной речи по сильной позиции. При отсутствии сильной позиции оба варианта включаются в словарь, поскольку их запись подтверждается многими авторитетными собирателями, напр., *свезь–свесь*. [ОСВГ 10: 38].

Регулярно наблюдаются в вятских говорах также мены согласных **сонорных** фонем:

р//л выму́ривать–выму́ливать, кугри́ны–кугли́ны, кутерня́–кутельня́, смерéхтить–смелéхтить, вихре́ц–вихле́ц, переройный–перелойный, са́гра́ть–са́гла́ть;

н//р манакóсить–маракóсить, сманакóсить–смаракóсить, натютю́ниться–натютю́риться;

л//н' белебéлить–белебéнить, белíльница–белíнница, кремлíна–кремлíна, ломáльница–ломáнница, мётальци́к–мётани́к, о́кольница–о́конница, отря́холье–отря́хонье, пёсельник–пёсенник, самока́льник–самотка́нник, ссежа́лка–ссежа́нка, сши́ельница–снош́енница, солноворо́т–сонноворо́т, со́стали–со́стани, спóмлить–спóмнить, топта́льчик–топта́нчик, шишо́ля–шишо́ня;

м//н бо́мбовица–бо́нбовица, нагишо́мный–нагишо́нный, самопря́ха–санопря́ха, самопря́дка–санопря́дка, симпа́тья–синпа́тья.

В группе вариантов с меной **согласных по твердости / мягкости** выделяются следующие подгруппы:

Твердые / мягкие сонорные:

л/л' белу́шка–белю́шка, вила́шки–виля́шки;

р/р' бру́шница–брю́шница, бастри́к–бастрýк;

н/н' коно́к–конéк, сновáльна–сновáльня, ста́енка–ста́енька, лубовiна–любовiна, вирунда́ть–вирю́ндать, вирунда́ться–вирю́ндаться, натютру́ниться–натютрю́ниться, имуры́гать–имури́гать, сглу́здить–сглю́здить;

Твердые / мягкие зубные: ви́скирь–вы́скирь, вы́зудить–вы́зудить, студено́–стюдено́, су́зём–сю́зём.

Реже наблюдаются мены:

губных согласных (губно-губных и губно-зубных): б//м волбеница–волменица, сбарабошить–сбарамошить; **б//в** отубо́беть–отубо́веть; **м//в** жамка́ть–жавка́ть;

взрывных//фрикативных: во́лбеница–во́лвеница, во́лденица–во́лвеница, карто́пница–карто́фница, окíтить–охíтить, панады́рь–паназы́рь, подчепрё́ниться–подчепрё́ниться, тру́пный–тру́хлый;

щелевых//сонорных: ково́дни–коло́дни, судо́й–судо́ль, ветви́на–ветли́на, скаму́шка–скаму́рка, сбурóвить–сбурóвить, тукма́шка–тукма́нка.

В вятских говорах нами зафиксированы случаи морфологического фонемного чередования:

д//жд ле́дина–лежде́дина;

з//зд угомо́зиться–угомозди́ться.

В вятской речи наблюдается также вариантное произношение шипящих, которое объясняется закономерными особенностями в разных группах вятских говоров: одним свойственно твердое произношение мягких шипящих, другим – напротив, мягкое произношение твёрдых шипящих. В ОСВГ представлены лексикализованные в отдельных говорах варианты, например: *шерба́–щерба́, бо́ршень–бо́рщень, мо́ришень–мо́рщень, покато́шить–покато́щить, холи́бвица–холи́бовица*.

В отдельных случаях в ОСВГ включены также варианты с разным произношением звуков [ц] и [ч], например: *ци́вера* и *чиве́ра*.

Регулярность процессов, проявляемых в вятских диалектах, во многом соотносится с фонетическими закономерностями, описанными О.Г. Гецовой на материале архангельских говоров [24].

Количественная фонематическая вариантность в области гласных и согласных.

Наличие / отсутствие гласных фонем: *выколдо́бина–вы́колдобина, подо́пéчник–подпéчник, вара́ганить–варга́ннить, ве́перь–ве́прь, чивика́ть–чи́вкать, подо́пéчек–подпéчек, ве́чёршый–вечё́ршный, возго́ловах–взго́ловах, мехо́рнуть–мэхри́ть, мизега́–мизе́га, княже́ница–княжни́ца, сверебё́ха–свербё́ха, сверебе́я–свербе́я, сверебу́чий–свербу́чий, сколяно́–скля́но, соло́гонка–солго́нка*.

Наличие / отсутствие согласных фонем: *базды́рнуть–базы́рнуть, бы́тность–бы́тость, вры́знуть–вары́знуть, вы́зудить–вы́зудить, завихто́ривать–завихо́ривать, ма́льтявка–маля́вка, мерчу́хловáтый–мерчу́ховáтый, морзгли́вый–моргли́вый, мурго́слéный–мурослё́ный, набу́ткать–набу́тать, отё́ртыши–отё́рыши, начибу́рчить–начибу́рить, сва́лынга–сва́лыга, цено́вница–цено́вица, то́ркнуться–то́рнуться, оклейма́читься–оклема́читься, остобры́ндеть–остобры́деть, отчебу́лчить–отчебу́чить, нагу́хмырится–нагу́мырится, наджа́брить–наджа́бить, натютрю́ниться–натютю́ниться, немто́вать–немо́*

в́ать, отковре́тить–откове́тить, сдвереди́ть–свереди́ть, свине́шник–сине́шник, сирби́рьянка–сирби́янка, скля́но–сля́но, совмуца́ть–сомуца́ть, стерлю́га–стелю́га, стреже́ь–стеже́ь, упе́т–кате́ься–упе́таться, фу́ркнуть–фу́кнуть.

В группе количественных фонематических вариантов можно выделить вариантные пары типа *труби́ца–трубни́ца, снежи́ца–снежни́ца, бшевни–бше́вни*, в которых наблюдается варьирование фонемного состава суффиксальной и префиксальной морфемы: *-иц (-ниц), о- (об-)* (см.: [21. С. 6]).

Явления **позиционной вариантности** (метатеза) в вятских говорах наблюдается редко: *баралу́жина–балару́жина, мельтеси́ть–метлеси́ть, оскорпо́тки–оскропо́тки, понорови́ть–поронови́ть, скричи́гать–скырчи́гать.*

Встречаются также случаи перестановки фонем и их сочетаний, осложненные качественной вариантностью: *шамшу́ра и шоимбо́ра, манокоси́ть–маколоси́ть.*

Комбинированная фонематическая вариантность. Фонематическая вариантность в области гласных и согласных в вятских говорах может сочетать количественную и качественную разновидности (*сгулемэ́стить–скулемэ́стить*), совмещаться с акцентологической (*ворови́на–варови́на, сайга́–съя́га, сляки́ша–сля́кша*); грамматической (*сэленка–сэленцы; слы́кнуть–слы́ндить; шмури́гать–шмуры́жить, сакáть–сáчить, мерэ́кать–мере́чить*); словообразовательной вариантностью (*выбузга́ть–выбузды́рять, побу́лына́живать–пбу́лынды́вать, набронта́ть–набро́тяться*).

В случаях, когда формальные различия влекут за собой изменения грамматических характеристик при тождестве лексического значения, варианты признаются нами грамматическими (морфологическими) и при семантизации их используется формула «то же, что», например: *сэленка*, ж. То же, что *сэленцы*; *накулька́ть*, сов. То же, что *накульти́ть*.

При описании диалектного материала встает вопрос о границах фонематического варьирования. В некоторых случаях бывает сложно квалифицировать тип вариантных отношений, объединяющий члены вариантного ряда. Один из аспектов этой проблемы – определение статуса равнозначных однокоренных лексических единиц с разными аффиксами.

Вопрос о лингвистическом статусе равнозначных однокоренных слов с разной аффиксальной частью в аспекте системных отношений в языке остается открытым. Можно ли считать соотносительные тождественные по значению однокоренные единицы, различающиеся словообразовательными аффиксами, разными – синонимичными – словами или они являются вариантами одного слова? На этот вопрос в науке нет однозначного ответа.

Ряд исследователей рассматривает семантически близкие или тождественные однокоренные слова, различающиеся словообразовательными аффиксами, как синонимичные единицы, называя их однокоренными (однокорневыми) или словообразовательными синонимами [14. С. 104; 23. С. 18; 25. С. 152–163; 26. С. 94–103]. Основанием для отнесения равнозначных

однокоренных образований к синонимам является их разная морфолого-словообразовательная структура, семантическая близость (или тождество значений), стилистические и функциональные различия.

Но в современном языкознании все более утверждается тенденция к признанию понятия «словообразовательные варианты» и выделению словообразовательных вариантов среди других вариантов слов [27. С. 214–215; 28. С. 99; 29. С. 140–141; 30. С. 131; 31 С. 10].

Примечателен также и тот факт, что даже те исследователи, которые квалифицируют однокоренные образования как словообразовательные синонимы, подчеркивают их особый (переходный) характер и отмечают близость данных слов к вариантам; см., например, [14. С. 24–25; 26. С. 103].

Общий принцип разграничения словообразовательных (морфологических) вариантов одного слова и разных слов-синонимов, по О.С. Ахмановой, заключается в выявлении семантических различий между однокоренными разноаффиксальными образованиями. Ср.: «...Если изучение фактов современного русского языка позволяет установить достаточно определенные семантические различия между такими «дублетными» или «параллельными» производными от одной основы..., то это разные слова... Если...невозможно для современного русского языка обнаружить какое бы то ни было предметно-семантическое различие между данными «дублетами», то их придется признать вариантами...» [27. С. 216]. Экспрессивно-эмоциональные различия могут характеризовать как разные слова-синонимы, так и варианты одного слова, поскольку первые существуют «не сами по себе, а при каких-либо других различиях – фонетических, морфологических или лексико-семантических» [Там же. С. 217].

Отождествление равнозначных лексических единиц с разными аффиксальными морфемами и признание их вариантами одного и того же слова правомерно на том основании, что корень является центральной частью слова, носителем основного значения; именно он «выражает идею тождества слова самому себе» [32. С. 242].

С нашей точки зрения, сочетающиеся с корнем аффиксы в составе подобных образований идентичны друг другу в семантическом отношении и образуют формальные варианты одной и той же основы.

Выявление семантического сходства (тождества) и семантических различий однокоренных единиц предполагает: 1) установление видов отношений однокоренных слов в словообразовательном гнезде и анализ мотивационных отношений; 2) определение словообразовательной структуры однокоренных слов; 3) определение семантических свойств словообразовательных формантов в составе этих слов.

Рассмотрим, например, соотносительные по значению и форме однокоренные прилагательные *маловы́тый–маловы́тный*.

Нулевая суффиксация (*маловы́тый*) и суффиксальный способ образования (*маловы́тный*), не приводят к образованию разных, находящихся в отношениях словообразовательной производности единиц. Это семантически тождественные формальные вари-

анты одной основы, на основании чего их можно отнести к словообразовательным вариантам.

Таким образом, к словообразовательным вариантам мы относим однокоренные лексические единицы с разной аффиксальной частью, которые характеризуются лексическим и грамматическим тождеством, и не находятся в отношениях словообразовательной производности [33. С. 321].

При решении вопроса о разграничении фонематических и словообразовательных вариантных отношений требуется обращение к вопросам экспрессивной деривации.

Практическая словарная работа показала, что в диалектных лексемах в лексикографическом плане наиболее сложными для описания представляются глагольные пары, различающиеся редкими словообразовательными элементами, например: *набазиться-набаз/ан/иться*, *тигать-тиг/ос/ить*, *упёткаться-упет/юш/каться*. Как рассматривать подобные элементы в диалектных глаголах? Какой статус они имеют? Какую функцию выполняют данные фонемные сочетания: являются асемантическими элементами (интерфиксами) или имеют морфемный статус, т.е. выражают определенное значение?

Словообразовательная подсистема языка представляет, как правило, несколько возможностей для выражения одного и того же смысла, несколько вариантов «моделирования отдельной номинативной единицы» [28. С. 99]. Под «вариантами моделирования» понимаются равнозначные однокоренные лексические единицы с разной аффиксальной частью.

В научной литературе существуют разные мнения при оценке такого явления в морфологии, морфемике и словообразовании, как интерфиксация. Интерфиксами называются асемантические части слов, соединяющие их основы со служебными морфемами и лишённые (в отличие от других видов морфем) значения. Подобные элементы употребляются в современном русском языке чаще всего в составе производных суффиксальных слов (чаще всего в составе существительных и прилагательных, реже – в глаголах и наречиях) и носят регулярный характер; ср.: *плут/ов/ств/о*, *орл/ов/ец*; *лент/оч/н/ый*, *мольер/ов/ск/ий*, *сестр/ин/ск/ий*, *завтра/ш/н/ий*; *фамильярн/ич/а/ть*, *лентяй/нич/а/ть*, *самовар/нич/а/ть* (см.: [14. С. 23–24; 34. С. 125–127]).

С точки зрения Е.А. Земской, интерфиксы нельзя включать в один ряд с суффиксальными морфемами – это разрушает определение морфемы как наименьшего значимого элемента в составе слова. Она также ставит вопрос о правомерности употребления термина «алломорф» по отношению к сочетанию «интерфикс + суффикс». Действительно, термином «алломорф» принято называть тождественные по значению единицы, находящиеся в позиции дополнительного распределения (типа *-чик/щик*, *ец/и*, *-рук/руч*, *лоб/лб*, *от/ото*) [35. С. 335–344].

В целом разделяя точку зрения Е.А. Земской, В.Н. Немченко алломорфами считает морфы определенной морфемы, при этом внешнее отличие от других морфов той же морфемы («собственно вариантов морфем», не обусловленных позиционно) связано с

качеством соседних морфов (они неспособны заменять друг друга в той же позиции), например: *учитель/ств/о* и *студенч/еств/о*; *брат/ск/ий* и *друж/еск/ий* [14. С. 23–24].

Подобное мнение выражает ряд авторитетных ученых: интерфиксы должны рассматриваться как части морфем, или морфов (В.В. Лопатин); как компоненты варьирующихся морфов одной морфемы (Е.С. Кубрякова); как функциональные элементы, тяготеющие к форманту (Г.А. Пастушенков). Иначе, интерфиксы являются частью морфем и обычно включаются в состав словообразовательных суффиксов, следующих за ними.

Во многих исследованиях по диалектному словообразованию также вычленяются варианты морфем. Например, А.Г. Антипов описывает 60 формантных вариантов к суффиксу *-ник* на материале русских говоров. Рассматривая вопрос о функционировании формантной подсистемы деривационной морфемике русских говоров в аспекте её морфонологической структуры, автор пишет об алломорфировании формантов и выделяет суперморфемные структуры, которые «впоследствии могут выступить в качестве самостоятельных формантов» [36. С. 31].

Проанализируем ряд специфичных диалектных глагольных формантов (именно они представляют наибольшую трудность при квалификации отношений в глагольных парах), привлекая для анализа материалы не только вятских говоров, но и слова с аналогичными формантами из «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ). Рассмотрим функцию элемента *-ен-* в структуре следующих глагольных вариантов пар в вятских говорах: *сумёрничать-сумерённичать* ‘сидеть, отдыхать, разговаривать, общаться в сумерках, не зажигая света’; *отутюветь-отутювенеть* ‘выздороветь, прийти в себя после болезни’; *остаметь-остаменеть* ‘утратить чувствительность, гибкость, онеметь (от усталости, болезни и т.п.); окоченеть (от холода, после смерти и т.п.)’; *фузить-фузэнить* ‘дуть, сквозить (о ветре, холодном воздухе)’. Анализ функции данного элемента показывает, что, во-первых, он является варьирующейся частью разных глагольных суффиксов: *-нича(ича)* – (*сумёрничать-сумер/ён/нича/ть*); *-е* (*отутюветь-отутюв/ене/ть*; *остаметь-оста/мене/ть*); *-и-* (*фузить-фуз/эни/ть*); во-вторых, присутствует в приставочных глаголах (*залубенеть* ‘заиндеветь’; стать твёрдым, жёстким) и бесприставочных глаголах (*сумёрничать-сумерённичать*, *фузить-фузэнить*). Регулярность и частотность *-ен-* в структуре глаголов подтверждают материалы «Инверсионного индекса к словарю русских народных говоров» (далее – «Инверсионный индекс») и «Словаря русских народных говоров» (далее СРНГ). Данные глаголы могут быть мотивированы именами существительными, они имеют значение ‘покрываться тем, что названо мотивирующим существительным’: *залубенеть* (*залубенеть*) 1. ‘покрыться лубом, лубяным слоем. Даль (без указ. места); 2. ‘затвердеть, стать жёстким, твёрдым’ (Влад., Ряз., Том.); 3. ‘зарастить травой, покрыться дёрном’ (Тул., Ряз.); 4. ‘покрыться сверху льдом’ (Костром.); 5. ‘покрыться коркой грязи’ (Ряз.); 6. ‘одере-

венеть, стать нечувствительным (о человеке)' (Сиб.) // окоченеть (Смол.) [СРНГ 10: 222]; *затравенеть* – 'покрыться травой' (Калуж., Смол., Олон.) [СРНГ 11:104]; *обводенеть* – 'покрыться водой поверх льда (о реке, озере)' (Арх.) [СРНГ 22: 9]; *обу́тревенеть* 1. 'рассвести (о наступлении рассвета)' (Пск., Твер.); 2. 'потеплеть после ночи' (Пск., Твер.) [СРНГ 22: 255]; при мотивированности именами прилагательными имеют значение 'приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным': *закоженеть* 'сделаться твёрдым, жёстким' (Курск., Орл., Пск.) [СРНГ 10: 139]; *пожиденеть* 'сделаться жидким' (Пск., Твер.) [СРНГ 28: 293]; [Ср.: 34. С. 379]. Ср. лит.: *оде-ревенеть*. Глагольная пара *фузѝть-фузѝнуть* (оба варианта употребляются в Лузском районе Кировской области) характеризуется фонетической мотивированностью. Список глаголов с формантом *-ен-* в «Инверсионном индексе» представлен значительно: *забуженеть, залобенеть (залубенеть), задербенеть, задервенеть, замеженеть, закоженеть, залуженеть, запсивенеть, запаршивенеть, затравенеть; обводенеть, обу́тревенеть, одубенеть, огрубенеть; по-жиденеть, погуценеть, помасленеть, постуденеть, послабенеть, посмышленеть; разжиденеть; фу-зенеть, черственеть, смысленеть, крупенеть*. Но следует заметить отсутствие некоторых глаголов из «Инверсионного индекса» в СРНГ.

Не свидетельствуют ли эти характеристики о самостоятельном характере форманта *-ен-* в русских народных говорах и приобретении им статуса экспрессивного суффикса?

Вопрос об экспрессивности специфичных диалектных суффиксов и наделении их статусом морфемы рассматривается Е.Н. Шабровой в [37, 38]. Анализ вологодского диалектного материала привел автора к выводу о том, что большинство аффиксальных морфем в структуре основ диалектных глаголов относится к общерусскому аффиксальному фонду, но в то же время ею выявлено около 20 аффиксальных морфов, неизвестных литературному языку. Кроме суффиксов, выполняющих функцию словообразования, различения способов действия, ею выделяются экспрессивные суффиксальные «модификаты» (в нашем понимании – словообразовательные варианты) диалектных глаголов, например: *будѝться-будѝс/ѝтьсѝ, ломѝть-ломѝс/ѝть, бу́здать-бузд/ѝр/ѝть*. Е.Н. Шаброва приводит доказательства в пользу морфемности выделенных экспрессивных суффиксов. Во-первых, они могут быть представлены в различном морфемном окружении: *лун/ѝч/ить, короб/ѝч/ить*; во-вторых, регулярно воспроизводятся в глаголах, значение которых содержит семы экспрессивности, интенсивности действия [37. С. 125–146].

Наличие словообразовательных экспрессивов подтверждается в лингвистических исследованиях на базе общенародного языка [39–43].

В статье «Экспрессивность в системе, словаре и речи» Н.А. Лукьянова обращает внимание на экспрессивы с затемненной образностью и экспрессивные лексические единицы со связанными основами, «у которых основную экспрессивную нагрузку выполняют префиксы, а корни семантически пусты»

[39. С. 162]. Исследователем выделены два класса экспрессивных единиц: с формально выраженной и формально не выраженной экспрессивностью.

Обратимся к материалам вятских говоров. Представим ряд глагольных вариантов, один из которых имеет редкий элемент (интерфикс vs экспрессивный суффикс?), для подтверждения частотности формантов подобного типа дополним этот вариантный ряд примерами из СРНГ. Частотность суффиксов проверялась по «Инверсионному индексу». Толкование значений слов дается по материалам ОСВГ и СРНГ (примеры из других говоров, преимущественно севернорусского наречия).

суффикс *-ыр-*, ср.: *бу́здать-бузд/ѝр/ѝть* 'бить, ударять' [ОСВГ 1: 111], *вѝбузгать-вѝбузд/ѝр/ѝть* 'жадно съесть' [ОСВГ 2: 209], *набу́здать-набузд/ѝр/ѝть* 'ударить, побить' [ОСВГ 6: 126], *отбу́здать-отбузд/ѝр/ѝть* 'высечь, побить кого-нибудь' [ОСВГ 7: 136]; *нама-стѝчѝться-намаст/ѝр/ѝться* 'приобрести опыт, навык в чем-нибудь' [ОСВГ 6: 166] и *гвозд/ѝр/ѝть* 1. 'торопливо и жадно есть, хлебать что-либо' (Яросл.); 2. 'бить, колотить' (Перм.) [СРНГ 6: 161]; *косм/ѝр/ѝть* 'бить, колотить; таскать за волосы' (Калуж., Перм.) [СРНГ 15: 57].

Вариант *немтьѝрѝть* 'говорить невнятно, неразборчиво' [ОСВГ 6: 230] характеризуется двоякой мотивацией: возможно, он образован от имени существительного *немтьѝрь* или от глагола *немовать* с помощью суффикса *-ыр'*, заимствованного диалектоносителями из словообразовательных ресурсов общелитературного языка;

суффикс *-ач-*, ср.: *струнѝть-струн/ѝч/ить* 'журить, бранить' [ОСВГ 10: 232], *охминѝть-охмин/ѝч/ив/ать* 'много и быстро есть' [ОСВГ 7: 172], *толмѝть-толм/ѝч/ить* 1. 'разъяснять, растолковывать что-либо'; 2. 'твердить своё, убеждая кого-нибудь; говорить одно и то же' [ОСВГ 11: 55] и *кроп/ѝч/ить* 'мастерить что-либо на досуге' (Перм.) [СРНГ 15: 279], *намасл/ѝч/ить* 'густо намазать чем-либо' (Перм.) [СРНГ 20: 30], *нашлеп/ѝч/ить* 'побить, нашлёпать' (Прионеж. КАССР) (ср. пермское: *нашлепашиить* 'побить, нашлёпать') [СРНГ 20: 300], *скыри/ѝч/ить* 'скрежетать' (Иркут.) [СРНГ 38: 205], *смухл/ѝч/ить* 'сжувничать, смошенничать' (Олон., Арх.) [СРНГ 39: 65], *смухн/ѝч/ить* 'сжувничать, смошенничать' (Олон.) [Там же], *урган/ѝч/ить* 'искать органы (мышинные припасы); то же, что урганиить' (Иркут., Забайкалье) [СРНГ 47: 322];

суффикс *-ан-*, ср.: *базлѝть-базл/ѝн/ить* 'громко плакать; громко кричать' [ОСВГ 1: 36], *набазѝтьсѝ-набаз/ѝн/итьсѝ* 'наплакаться' [ОСВГ 6: 119], *забазѝть-забазл/ѝн/ить* 'начать громко кричать, говорить' [ОСВГ 4: 60], *согрубѝть-согрубѝ/ѝн/ить* 'сказать грубость, нагрубить' [ОСВГ 10: 159] и *грибанѝтьсѝ* 'хмуриться, становится угрюмым' (Арх.) [СРНГ 7: 140], *загрибанѝть* 'стать стать пасмурным, сумрачным (о погоде)' (Арх.) [СРНГ 10: 31], *зидикѝнѝтьсѝ* 'начать неистовствовать, беситься' (Свердл.) [СРНГ 10: 54], *зубѝнѝть* 1. 'есть, жевать что-либо медлительно, еле-еле пережёвывая, с расстановкой' (Пск.); 2. 'смеяться, острить, зубоскалить' (Волог.) [СРНГ 11: 356], *коробѝнѝть* 'коробить' (Арх.) [СРНГ 14: 344], *кру-*

жа́ниться ‘кружиться в хороводе’ (Ср. Урал) [СРНГ 15: 308], *наклу́бани́ть* ‘сделаться пасмурным (о погоде)’ (Яросл.) [СРНГ 19: 330], *обжигáниться* ‘избаловаться, стать непутёвым’ (Иркут.) [СРНГ 22: 45], *плугáниться* ‘медленно идти, ехать, тащиться за кем-либо’ (Южн. Даль, Брян.) [СРНГ 27: 163], *прикоба́нить* ‘притащить, приволочь что-либо тяжёлое или громоздкое’ (Сиб.) [СРНГ 31: 251], *сбузыка́ниться* ‘рано встать’ (Новг.) [СРНГ 36: 192];

суффикс **-як-**, ср.: *пому́слять-помусл/як/ать* ‘смотить слегка слюной’ [ОСВГ 8: 142] и *козля́кать* ‘резвиться, бегать, прыгать, как козы’ (Ворон.) [СРНГ 14: 70], *берля́кать* ‘блеять’ (Сверд.) [СРНГ 2: 260], *путля́кать* ‘путать, спутывать нитки, волокна’ (Моск.) // ‘путать петли, нитки при вязанье’ (Пенз., Р.Урал) [СРНГ 33: 153], *комя́кать* ‘сильно сминать, комкать’ (Яросл., Костром., Ср. Урал) [СРНГ 14: 242], *стебуня́кать* ‘плохо шить’ (Нижегор., Влад.) [СРНГ 41: 110], *мастеря́кать* ‘делать что-либо неумело, небрежно или наспех’ (Яросл., Курск) [СРНГ 18: 17].

суффикс **-ош-**, ср.: *смя́кать-смяк/ош/ить* ‘смять, скомкать что-либо’ [ОСВГ 10: 148] и *балаб/ош/ить* ‘быстро и невнятно говорить, бормотать’ (Арх., Новг.) [СРНГ 2: 68], *дуб/ош/ить* ‘сильно быть, дубасить’ (Пск.) [СРНГ 8: 240], *раздряб/ош/ить* ‘разбить, раздробить какую-либо часть тела’ (Ульян.) [СРНГ 33: 333]. Ср.: *облапо́шить*.

суффикс **-уч-**, ср.: *ошле́ить-ошле/уч/ить* ‘ударить’ [ОСВГ 7: 179] и *нагорбу́чить* ‘взвалить на спину’ (Иркут.) [СРНГ 19: 210], *тарамбу́чить* ‘с усилием тянуть, тащить что-л.’ (Олон.) [СРНГ 43: 275], *поддержу́чить* 1. ‘надеть одно платье на другое’ (Р. Урал); 2. ‘поддержать высоко платье’ (Р. Урал) [СРНГ 27: 389].

Продуктивен в говорах суффикс **-ых-**, встречающийся и в разговорном литературном языке (ср. разг. *громыха́ть*): *набу́здать-набузд/ых/ать* ‘ударить, побить; наказать физически’ [ОСВГ 6: 126] и *жемыха́ть-жимыха́ть* ‘класть под пресс для отжимания’ (Вост.); ‘тереть, жать бельё при стирке’ (Симб., Твер., Нижегор.) [СРНГ 9:124], *жерыха́ть* ‘есть; есть с жадностью или быстро’ (Пск., Твер.) [СРНГ 9: 145], *горды́хать* ‘дрожать’ (Брян.) [СРНГ 7: 30], *сгонныха́ть* ‘сделать, изготовить что-либо’ (Пск., Твер.) [СРНГ 37: 36], *свертыха́ть* 1. ‘получить вывих, вывихнуть руку, ногу’ (Пск., Твер.); 2. ‘сделать что-либо небрежно, кое-как’ (Пск., Твер.) [СРНГ 36: 245], *глотыха́ть* ‘жадно глотать’ (Пск.) [СРНГ 6: 203].

Для внутриглагольного экспрессивного словообразования в вятских говорах используются также суффиксы, известные литературному языку, ср., напр., пары: *изварлы́житься-изварлы́ж/нич/аться* ‘излениваться, привыкнуть к праздности’ // ‘избаловаться’ [ОСВГ 4: 218], *четы́ржить-четы́рж/нич/ать* ‘прекословить, перечить, спорить, возражать кому-нибудь’ [ОСВГ 12: 55], *янды́жить-янды́ж/нич/ать* 1. ‘выпрашивать что-нибудь’; 2. ‘плакать, капризничать’ [ОСВГ 12: 179], *фуга́ть-фуг/ова/ть* ‘дуть, сквозить (о ветре, холодном воздухе)’ [ОСВГ 11: 211], *побрында́ть-побрынд/ев/еть* 1. ‘покраснеть от смущения, возмущения или злости’; 2. ‘посинеть от холода, покрыться инеем’ [ОСВГ 8: 21], *пожубри́ть-пожубр/ёнк/ать* ‘поесть, пожевать чего-

нибудь’ [ОСВГ 8: 98]. Они также могут служить средством выражения эмотивности (см., например: [41. С. 114–115]).

Рассмотренные выше примеры подтверждают мысль, высказанную Б.Я. Шарифуллиным о том, что словообразовательная модель может работать в разных по семантике экспрессивных гнездах [43. С. 26–28].

Таким образом, факт существования в говорах экспрессивных формантов, неизвестных литературному языку, подтверждается проанализированными нами примерами из вятских и других – севернорусских, среднерусских и (реже) южнорусских говоров, а также мнением ученых-диалектологов, опирающихся на анализ диалектного материала. Регулярный характер различных формантов, выявленных нами в говорах и служащих, на наш взгляд, выражением экспрессивности или её усилением, позволяет отнести проанализированные выше глаголы к словообразовательным вариантам с экспрессивными аффиксами. При семантизации они должны иметь отсылочное определение *то же, что*.

Критерий регулярности, т.е. регулярного несовпадения грамматической формы, выдвинут в качестве основного авторами стилистического словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л.К. Граудиной, В.А. Ицковичем и Л.П. Катлинской наряду с требованиями грамматической системности, регулярной взаимозаменяемости, функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородности сравниваемых грамматических структур [31. С. 12]. Словообразовательные варианты относятся авторами стилистического словаря к грамматическим вариантам.

Глагольные видовые пары, отличающиеся двумя или несколькими редкими фонемными сочетаниями, регулярность которых не подтверждается материалами ОСВГ и «Инверсионным индексом», квалифицируются нами как фонематические варианты, например: *наку́льп/ес/ить-наку́льп/ин/ить* ‘сделать что-нибудь неправильно; плохо выполнить какую-нибудь работу’ [ОСВГ 6: 161], *скорч/уж/иться-скор/ыж/иться* ‘согнуться, сгорбиться’ [ОСВГ 10: 116], *скы́ркать-скыр/лы/кать* 1. ‘скрести, царапать по какой-нибудь поверхности чем-нибудь острым’; 2. Производить шум, издавать какие-либо звуки (трением предметов, царапанием, шуршаньем и т.п.) [ОСВГ 10: 126], *упе́ткаться-упет/юш/каться* ‘устать, утомиться, выбиться из сил’ [ОСВГ 11: 163], *фуркнуть-фур/тыз/нуть* ‘кинуть, бросить’ [ОСВГ 11: 212]; *ходи́ться-ходи/ли/ться* ‘ходить круг к другу в гости, водить знакомство, дружить’ [ОСВГ 11: 238], *очунéть-очун/ар/éть* ‘потерять соображение’ [ОСВГ 7: 177].

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что состав вариантных парадигм может быть квалифицирован более точно при анализе всего массива лексического материала говоров.

Сходство вариантов не всегда свидетельствует о наличии вариантных отношений. В процессе словарной работы возникают вопросы разграничения вариантов и синонимов. Тождество слова устанавливается

при совпадении лексического, словообразовательного и грамматического значения. Так, лексические единицы *ошалабáнить* и *ошалабóнить* относятся к фонематическим вариантам, поскольку характеризуются общностью корневой морфемы *шалабáн/шалабóн* ('голова'), морфемным тождеством, не связаны отношениями словообразовательной производности, т.е. формально и семантически не мотивированы, и различаются лишь одной корневой гласной фонемой (*a/o*) в сильной позиции. Несущественно формально отличается от вышеприведенных единиц и глагол *ошалабéрнуть*, но он входит в другое словообразовательное гнездо (ср. диалектный глагол *шалабéрничать* ('ничего не делать, без толку проводить время'), зафиксированный с соответствующим значением в 12 выпуске ОСВГ). Следовательно, глаголы *ошалабóнить* (*ошалабáнить*) и *ошалабéрнуть*, несмотря на сходство звучания и общее значение 'сильно ударить; поразить, удивить, озадачить; лишиться ясности сознания, отнять память' должны квалифицироваться как синонимы.

Синонимами или вариантами являются глаголы с семей экспрессивности *накулемéсить*, *накулевéрнуть*, *накульпесить*, *накульпíнить*, объединённые значением 'сделать что-нибудь неправильно; плохо выполнить какую-нибудь работу'? Корень *-кул-* в вятских говорах в имени существительном *куль* имеет значение 'котомка с продернутой верхней частью верёвкой или шнурком'. О некой бесформенности этого предмета свидетельствуют сравнительные обороты, употребляемые в вятских говорах: *как (ровно) куль*, *как куль с мукой* 'о неповоротливом, медлительном человеке' и *как куль в отрепьях* 'о неряшливо одетом человеке'. Глаголы *накулемéсить*, *накулевéрнуть* имеют сложную, двухкорневую структуру с соединительной гласной *-e-*. Вторая часть первого сложного слова включает в себя глагол *месить*. Глагол *кулемéсить* имеет в вятских говорах первичные значения 'мять, давить, комкать; месить, смешивать что-либо' и переносные 'небрежно выполнять какую-либо работу; бить кого-либо; убивать, растерзывать; шалить баловаться; говорить вздор' [ОСВГ 5: 145]. (Ср.: [44. С. 409]): *куламеситься*: *прокуламеситься* 'провести всё время в суете, в споре', смол. (Добровольский); *кулемесить* 'молоть чепуху, устраивать беспорядок, бить, колотить'. Неясно. Возм., месить?). Мы можем предположить, что во время акта номинации человек как носитель разнообразных эмоций мог соединить два корня и в глаголе *кулевéрнуть*. Возможно, что в качестве второго корня использовалась часть глагола *верюхáть* (*вируюхáть*) 'ломать что-нибудь'. Учитывая, что пара *накулемéсить*–*накулевéрнуть* имеет в своем составе части разных словообразовательных гнезд, разные ареальные характеристики, мы квалифицируем их как синонимы. Сходные им варианты *накульпесить*–*накульпíнить* употребляются в одном говоре, имеют отличия в нескольких фонемах, имеют в своём составе нерегулярные фонемные сочетания, поэтому являются фонематическими вариантами, по отношению же к глаголу *накулемéсить* – словообразовательными. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что рассмотренные примеры имеют общую экс-

прессивную характеристику и общую словообразовательную модель {НА-...ТЬ}. В любом случае состав каждого из данных глаголов уникален.

Проблемы вариантности в диалектном языке и речи связаны с трудностью, а часто и невозможностью установить этимон, определить границы морфем, как корневых, так и спорадических аффиксальных, поэтому интерпретация многих примеров является дискуссионной.

Рассматривая экспрессивный фонд русского языка в единстве его составных частей (литературный язык, диалекты, просторечие и т.д.), Б.Я. Шарифуллин отмечает: «Этимологическое описание экспрессивного фонда языка является наименее разработанным и слабо представленным в теории и практике этимологического исследования» [42. С. 18].

Процедуры анализа вариантных отношений в структуре многозначного слова требуют внимания не только к формальному, но и формально-семантическому варьированию слова.

В третьем выпуске ОСВГ была предпринята попытка разграничить формальное и формально-семантическое варьирование: некоторые значения многозначного слова были представлены в отдельных словарных статьях. Цифровой индекс в правом нижнем углу указывал на то, что рядом стоящие заголовочные слова являются не омонимами, а представляют разные значения одного и того же слова. Указанный способ позволил представить ряды формальных вариантов, относящиеся к разным лексико-семантическим вариантам слова. Например: *дупель*, *дупляк*, *дуплятник*, *дуплё́1*, ср., *дупля́нка1* и *дупли́на* со значением 'дупло'; *дуплё́2* и *дуплё́нка2* с общим значением 'скворечник'; *дупло́*, *дуплё́2* и *дуплё́лок3* – 'выдолбленная в цельном дереве скамеечка для маленького ребенка'. Данный пример подтверждает наличие в говорах лексико-семантических, формальных и формально-семантических вариантов слов [ср.: 18. С. 57–60]. Но уже в 4-м выпуске ОСВГ авторский коллектив словаря принял решение вернуться к традиции лексикографического представления всех значений многозначного слова в одной словарной статье.

Исследование лексического материала дает основания утверждать, что в вятских говорах, как и в литературном языке, существуют следующие видоизменения слов: а) в плане выражения при сохранении плана содержания (формальные варианты слова); б) в плане содержания при сохранении плана выражения (семантические, или лексико-семантические, варианты слова); в) одновременно в плане выражения и в плане содержания при сохранении семантической связи (формально-семантические варианты слова). Наиболее широко распространено формальное фонематическое варьирование в области согласных, связанное с чередованием сонорных, в том числе твердых/ мягких, а также варьирование звонких / глухих заднеязычных. В зоне активного варьирования находятся ударные гласные фонемы: *a/o*, *a/э*, *o/э* и безударные *o/y*. Вариантное произношение безударных *a/o* связано с миграционными процессами и географией носителя говора.

Вятские говоры богаты не только формальными фонематическими модификациями слов, но и разнообразными словообразовательными вариантами – семантически соотносительными разносуффиксальными однокоренными номинациями, позволяющими носителю говора выразить мысль образно, экспрессивно.

При разработке ОСВГ вопросы лексикографического описания словообразовательных вариантов и других вариантов слов имели первостепенное теоретическое и практическое значение.

Лексикографирование вариантов в ОСВГ производилось с применением выработанных критериев оценки вариантных / синонимических отношений в диалектной системе вятских говоров, а также критериев разграничения разных видов лексической вариантности, прежде всего фонематической и словообразовательной.

В соответствии с принятой составителями ОСВГ концепцией к фонематическим вариантам слова относились все формальные модификации слова, характеризующиеся: а) семантическим тождеством (лексическим и грамматическим); б) морфемным тождеством (тождеством морфемной структуры); в) частичным различием фонемного состава (гласных, согласных или тех и других одновременно).

В качестве критерия разграничения словообразовательных вариантов и словообразовательных синонимов использовался прежде всего семантический критерий, предполагающий установление семантического сходства и семантических различий однокоренных единиц. Процедура установления семантического тождества и семантических различий включала: а)

определение видов отношений однокоренных слов в словообразовательном гнезде и анализ мотивационных отношений; б) определение словообразовательной структуры лексикографируемых слов; в) определение семантических свойств словообразовательных формантов в составе этих слов. Если однокоренные диалектные слова характеризовались отношениями словообразовательной мотивации, а следовательно, и отношениями словообразовательной производности (формальной и семантической), то они относились в словообразовательным синонимам; при отсутствии отношений словообразовательной производности – получали квалификацию словообразовательных вариантов.

Одним из сложнейших – в силу своей неразработанности в лексикографическом плане – являлся вопрос о статусе малоупотребительных словообразовательных элементов в составе диалектных глагольных образований (экспрессивные суффиксы или интерфиксы?). Критерий регулярности, выдвинутый авторами ОСВГ в качестве основного, семантический анализ, а также мнение авторитетных диалектологов позволили считать подобные элементы экспрессивными суффиксами, выражающими значение усиления интенсивности совершаемого действия.

Лексикографирование вариантов разного типа может быть осуществлено не только в толковом диалектном словаре, каким является ОСВГ, но и в аспектном словаре вариантной лексики (см., например: [20]). Начало теоретической разработки такого типа словаря на материале вятских говоров положено Э.Д. Головиной [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015–2018. СПб. : ИЛИ РАН, 2015–2018.
2. Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : тез. докл. Междунар. конф. 30 октября – 01 ноября 2015 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. 232 с.
3. Актуальные проблемы русской диалектологии : Материалы междунар. конф. 26–28 октября 2018 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. 272 с.
4. Диалектное словообразование, морфемика и морфонология : исследования и материалы. Вологда : ВГПУ, 2008. 160 с.
5. Dialekt / dialect 2.0 & wboe 100 kurzfassungen 7. Kongress der Internationalen Gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik (SIDG) 100 Jahre dialektlexikographische Forschung in Osterreich im internationalen Kontext / Hgg.von Eveline Wandl-Vogt, Stefan Winterstein, Christina Schrod, Andrea Singer. Wien, Praesans Verlag, 2012. 230 s.
6. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.
7. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Принципы разработки вариантов слова в словаре русских народных говоров (СРНГ) // Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1987. Вып. 22. С. 4–8.
8. Козырев В.А. Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 3–15.
9. Козырев В.А. Вариантность диалектного слова // Диалектная лексикология и лексикография : брянские говоры. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 31–60.
10. Богословская З.М. Диалектная вариантология. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 271 с.
11. Головина Э.Д. Формальная вариантность в речи диалектного типа. Киров : КГПИ, 1991. 102 с.
12. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение : хрестоматия / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 45–48.
13. Иванова Г.А. Вариантность синтаксических единиц : проблемы изучения. Киров : Изд-во ВГПУ, 1999. 62 с.
14. Немченко В.Н. Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 184 с.
15. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. 2-е изд. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
16. Богословская З.М. Существует ли формально-семантическое варьирование слова? // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin), 2011. Вып. 9 (111). С. 57–60.
17. Резанова З.И. Проблемы диалектного словообразования в работах томских лингвистов // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / под ред. Е.Н. Шабровой. СПб. : Наука; Вологда : ВГПУ, 2007. 304 с.
18. Сметанина З.В. Непрофессиональная диалектная лексикография как источник для «Областного словаря вятских говоров» // Семантика. Функционирование : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 197–211.
19. Сметанина З.В. Предисловие к 5 выпуску // Областной словарь вятских говоров / под ред. З.В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2008. Вып. 5. С. 3–5.
20. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Т. I: А–К / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 304 с.

21. Немченко В.Н. Вариантность слова в русском языке. Фонематические варианты. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1992. 223 с.
22. Иванова Г.А. Фонематическое варьирование терминов языкознания // Acta Rossica Turnaviensis. Zbornik studii Katedry rusistiky Filologickej fakulty Univerzity sv.Cyryla a Metoda v Trnave. BRNO TRIBUN EU 2014. С. 58–66.
23. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка / отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. М : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
24. Гецова О.Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.
25. Рогожников Р.П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М. : Наука, 1967. С. 152–163.
26. Гречко В.А. Лексическая синонимика современного русского литературного языка. Саратов : Изд-во СГУ, 1987. 153 с.
27. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
28. Миськевич Г.И. Из наблюдений над словообразовательными вариантами // Литературная норма и вариантность. М. : Наука, 1981. С. 99–107.
29. Лейчик В.М. Лексическая вариантность и ее разрешение в системе, норме и речи (на материале научно-технических и общественно-политических терминов) // Вариантность как свойство языковой системы. М. : АН СССР, Ин-т Востоковедения, 1982. Ч. 1. С. 140–141.
30. Шведова Н.Ю. Вариантность как всепроникающее явление (на примере лексического множества) // Вариантность как свойство языковой системы. М. : АН СССР, Ин-т востоковедения, 1982. Ч. 2. С. 131–132.
31. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стереотип. М. : Астрель; АСТ, 2004. 555, [5] с.
32. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Корень // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., стереотип. / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 242–243.
33. Иванова Г.А. Словообразовательная синонимия и словообразовательная вариантность в терминологии лингвистики // Терминология и знание. Материалы IV Междунар. симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М. : Вест-Консалтинг, 2014. Вып. IV. С. С. 313–323.
34. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. I. 783 с.
35. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 286–442.
36. Антипов А.Г. Формантная подсистема деривационной морфемки русских говоров в морфонологическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 26–36.
37. Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола / отв. ред. С.И. Богданов. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 220 с.
38. Шаброва Е.Н. Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах. Вологда : ВГПУ, 2004. 98 с.
39. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 157–178.
40. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигме современной русистики // Русистика : сб. науч. тр. Киев : Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко, 2012. Вып. 12. С. 3–12.
41. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глаголов, обозначающих поведение // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 114–136.
42. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1998. 466 с.
43. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1998. 44 с.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 3 изд., стереотип. СПб.: Терра-Азбука, 1996. Т. 2. 672 с.

СЛОВАРИ

1. Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / под ред. Ф. Гледни. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. 574 с.
2. Областной словарь вятских говоров. А–В. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика, 2012. Вып. 2. 242 с.
3. Областной словарь вятских говоров / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : ВятГУ, 2004. Вып. 3. 199 с.
4. Областной словарь вятских говоров / под ред. З.В. Сметаниной. Киров : ВятГУ и ВятГУ, 2006–2018. Вып. 4–12.
5. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб. : Наука, 1966–2014. Вып. 1–47.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 сентября 2019 г.

Variations of the Word in the *Regional Dictionary of Vyatka Dialects*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 56–68.

DOI: 10.17223/15617793/451/8

Zoya V. Smetanina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: zoyasmetanina@gmail.com

Galina A. Ivanova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: ivanova-kirov@mail.ru

Keywords: variation; phonemic variants; word-formation variants; dialect variants; lexicography; expressive derivation; Vyatka dialects.

The article discusses the problem of the lexicographic representation of word variants in the *Regional Dictionary of Vyatka Dialects*. The analysis of variants of the dialect word, their classification, criteria for distinguishing phonemic and derivational variants, derivational variants and derivational synonyms are determined. The article gives a classification of phonemic variants, describes different cases of their variation. The formal phonemic variation of dialect words is systematized according to the degree of regularity. The phonemic variation both in the field of vowels and in the field of consonants is represented by two varieties: qualitative and quantitative. Particular attention is paid to the question of the morphemic status of less common word-forming elements (interfixes vs expressive suffixes) that function as part of dialect verbs. The use of descriptive and statistical methods has led to the conclusion that there are expressive suffixes in the dialect vocabulary of Vyatka dialects (often dialects of other territories) that participate in intra-verb word formation, for example: -yr- (*buzdat'–buzdyryat'*); -an(yan)- (*sogrubit'–sogrub'yanit'*); -ach- (*strunit'–strunachit'*); -osh- (*smyakat'–smyakoshit'*); -uch- (*oshleit'–oshleuchit'*); -en- (*otutovet'–otutovenet'*). The regularity criterion, put forward by the dictionary authors as the main one, and the semantic analysis made it possible to consider such elements as expressive suffixes rendering the meaning of enhancing the intensity of the performed action and to refer such variants to derivational. Same-aspect pairs of verbs corresponding in form and content and differing in two or more phonemes, if their regularity is not confirmed by the dictionary materials and the *Inversion Index to the Dictionary of Russian Folk Dialects*, qualify as phonemic variants, for example: *skirkat'–*

skyrlykat', khodit'sya–khodilit'sya, upetkat'sya–upyetyushkat'sya. The semantic criterion was used for distinguishing derivational variants and derivational synonyms; it primarily implies the establishment of semantic similarities and differences of cognate units. The specificity of the variation of Vyatka speech is revealed, the basic principles of the lexicography of variants are determined.

REFERENCES

1. Myznikov, S.A. (ed.) (2015–2018) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015–2018* [The Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Research), 2015–2018]. St. Petersburg: ILS RAS.
2. Karmakova, O.E. (ed.) (2015) *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope* [Topical Issues of Russian Dialectology. On the 100th Anniversary of the Publication of the Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Abstracts of the International Conference, 30 October – 01 November 2015 Moscow: Institute of Russian Language, RAS.
3. Karmakova, O.E. (ed.) (2015) *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. 26–28 October 2018. Moscow: Institute of Russian Language, RAS.
4. Shabrova, E.N. (ed.) (2008) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya: issledovaniya i materialy* [Dialect Word Formation, Morphemics and Morphology: Research and Materials]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
5. Wandl-Vogt, E. von, Winterstein, S., Schrodli, C. & Singer, A. (Hgg.) (2012) *Dialekt / dialect 2.0 & wboe 100 kurzfassungen 7. Kongress der Internationalen Gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik (SIDG) 100 Jahre dialektlexikographische Forschung in Osterreich im internationalen Kontext*. Wien: Praesans Verlag.
6. Blinova, O.I. (1975) *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu* [Introduction to Modern Regional Lexicology]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kuznetsova, O.D. & Sorokoletov, F.P. (1987) *Printsipy razrabotki variantov slova v slovare russkikh narodnykh govorov (SRNG)* [Principles of Developing Variants of the Word in the Dictionary of Russian Dialects]. In: Sorokoletov, F.P. (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Is. 22. Leningrad: Nauka. pp. 4–8.
8. Kozyrev, V.A. (1986) *Tozhdestvo slova kak problema dialektnoy leksikografii* [Word Identity as a Problem of Dialect Lexicography]. In: Il'enko, S.G., Kovalevskaya, E.G. & Kozyrev, V.A. (eds) *Dialektnoe slovo v leksikograficheskom aspekte* [Dialect Word in the Lexicographic Aspect]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 3–15.
9. Kozyrev, V.A. (1999) *Variantnost' dialektного slova* [Variation of the Dialect Word]. In: *Dialektная лексикология и лексикография: брянские говоры* [Dialect Lexicology and Lexicography: Bryansk Dialects]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. pp. 31–60.
10. Bogoslovskaya, Z.M. (2005) *Dialektная вариантология* [Dialect Variantology]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Golovina, E.D. (1991) *Formal'naya variantnost' v rechi dialektного типа* [Formal Variation in Speech of the Dialect Type]. Kirov: Kirov State Pedagogical Institute.
12. Kartsevskiy, S.O. (2000) *Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka* [On the Asymmetric Dualism of a Linguistic Sign]. In: Blinov, A.V. et al. *Vvedenie v yazykovedenie: khrestomatiya* [Introduction to Linguistics: Anthology]. Moscow: Aspekt Press. pp. 45–48.
13. Ivanova, G.A. (1999) *Variantnost' sintaksicheskikh edinit: problemy izucheniya* [Variation of Syntactic Units: Problems of Study]. Kirov: Vyatka State Pedagogical University.
14. Nemchenko, V.N. (1990) *Variantnost' yazykovykh edinit. Tipologiya variantov v sovremennom russkom yazyke* [Variation of Language Units. Typology of Variants in Modern Russian]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
15. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and Its Aspects]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
16. Bogoslovskaya, Z.M. (2011) *Is There the Formal-Semantic Word Variation? Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 9 (111). pp. 57–60. (In Russian).
17. Rezanova, Z.I. (2007) *Problemy dialektного slovoobrazovaniya v rabotakh tomskikh lingvistov* [Problems of Dialect Word Formation in the Works of Tomsk Linguists]. In: Shabrova, E.N. (ed.) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* [Dialect Word Formation, Morphemics and Morphology]. St. Petersburg: Nauka; Vologda: Vologda State Pedagogical University.
18. Smetanina, Z.V. (2016) *Neprofessional'naya dialektная лексикография как источник для "Областного словаря выатских говоров"* [Non-Professional Dialect Lexicography as a Source for the "Regional Dictionary of Vyatka Dialects"]. In: Chernova, S.V. (ed.) *Semantika. Funktsionirovanie* [Semantics. Functioning]. Kirov: Raduga-PRESS. pp. 197–211.
19. Smetanina, Z.V. (2008) *Predislovie k 5 vypusku* [Preface to Issue 5]. In: Smetanina, Z.V. (ed.) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Is. 5. Kirov: Vyatka State University of Humanities. pp. 3–5.
20. Bogoslovskaya, Z.M. (2000) *Slovar' variantnoy leksiki sibirskogo govora* [Dictionary of Variant Vocabulary of the Siberian Dialect]. Vol. I. Tomsk: Tomsk State University.
21. Nemchenko, V.N. (1992) *Variantnost' slova v russkom yazyke. Fonematische varianty* [Variation of the Word in Russian. Phonematic Options]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
22. Ivanova, G.A. (2014) *Fonematische var'irovanie terminov yazykoznanija* [Phonematic Variation of Linguistic Terms]. In: *Acta Rossica Tyrnaviensis. Zbornik studii Katedry rusistiky Filosofickej fakulty Univerzity sv.Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno: TRIBUN EU. pp. 58–66.
23. Gorbachevich, K.S. (2009) *Variantnost' slova i yazykovaya norma. Na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Variation of the Word and Language Norm. On the Material of Modern Russian]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
24. Getsova, O.G. (1997) *Dialektnye razlichiya russkikh arkhangel'skikh govorov i ikh lingvogeograficheskaya kharakteristika* [Dialect Differences of Russian Arkhangelsk Dialects and Their Linguo-Geographical Characteristics]. In: Gorshkova, K.V. & Remneva, M.L. (eds) *Voprosy russkogo yazykoznanija* [Issues of Russian Linguistics]. Is. VII. Moscow: Moscow State University. pp. 138–197.
25. Rogozhnikova, R.P. (1967) *Sootnoshenie variantov slov, odnokorennykh slov i sinonimov* [The Correlation of Word Variants, Root Words and Synonyms]. In: Barkhudarov, S.G. (ed.) *Leksicheskaya sinonimiya* [Lexical Synonymy]. Moscow: Nauka. pp. 152–163.
26. Grechko, V.A. (1987) *Leksicheskaya sinonimika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Lexical Synonymy of Modern Russian Literary Language]. Saratov: Saratov State University.
27. Akhmanova, O.S. (2004) *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
28. Mis'kevich, G.I. (1981) *Iz nablyudeniya nad slovoobrazovatel'nymi variantami* [From Observations of Word-Building Variants]. In: Skvortsov, L.I. (ed.) *Literaturnaya norma i variantnost'* [Literary Norm and Variation]. Moscow: Nauka. pp. 99–107.
29. Leychik, V.M. (1982) *Leksicheskaya variantnost' i ee razreshenie v sisteme, norme i rechi (na materiale nauchno-tekhnicheskikh i obshchestvenno politicheskikh terminov)* [Lexical Variation and Its Resolution in the System, Norm and Speech (Based on the Material of Scientific, Technical and Socio-Political Terms)]. In: Solntsev, V.M. (ed.) *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy* [Variation as a Property of the Language System]. Pt. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, USSR AS. pp. 140–141.
30. Shvedova, N.Yu. (1982) *Variantnost' kak vsepronikayushcheye yavlenie (na primere leksicheskogo mnozhestva)* [Variation as an All-Pervasive Phenomenon (Using the Example of a Lexical Set)]. In: Solntsev, V.M. (ed.) *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy* [Variation as a Property of the Language System]. Pt. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies, USSR AS. pp. 131–132.
31. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (2004) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Stilisticheskii slovar' variantov* [The Grammatical Correctness of Russian Speech. Stylistic Dictionary of Variants]. 3rd ed. Moscow: Astrel'; AST.
32. Kubryakova, E.S. & Pankrats, Yu.G. (1998) *Koren' [Root]*. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 242–243.

33. Ivanova, G.A. (2014) [Word-Forming Synonymy and Word-Forming Variation in the Terminology of Linguistics]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Proceedings of the IV International Symposium. Is. IV. pp. 313–323. (In Russian).
34. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
35. Zemskaya, E.A. (1999) Slovoobrazovanie [Word Formation]. In: Beloshapkova, V.A. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik. pp. 286–442.
36. Antipov, A.G. (2015) Formant Subsystem of Derivational Morphemics of Russian Dialects in the Morphological Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 26–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/2
37. Shabrova, E.N. (2003) *Morfemika dialektного glagola* [Morphemics of the Dialect Verb]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
38. Shabrova, E.N. (2004) *Morfemnyy i slovobrazovatel'nyy analiz slova v russkikh narodnykh govorakh* [Morphemic and Word-Formation Analysis of the Word in Russian Dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
39. Luk'yanova, N.A. (1991) Ekspressivnost' v sisteme, slovare i rechi [Expressivity in the System, Dictionary and Speech]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language: Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 157–178.
40. Luk'yanova, N.A. (2012) Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v paradigme sovremennoy rusistiki [Expressive Vocabulary of Colloquial Use in the Paradigm of Modern Russian Studies]. *Rusistika*. 12. pp. 3–12.
41. Sandomirskaya, I.I. (1991) Emotivnyy komponent v znachenii glagolov, oboznachayushchikh povedenie [The Emotive Component in the Meaning of Verbs Denoting Behavior]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language: Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 114–136.
42. Sharifullin, B.Ya. (1998) *Problemy etimologicheskogo izucheniya russkoy leksiki Sibiri (ekspressivnyy fond yazyka)* [Problems of the Etymological Study of Russian Vocabulary of Siberia (Expressive Language Fund)]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
43. Sharifullin, B.Ya. (1998) *Problemy etimologicheskogo izucheniya russkoy leksiki Sibiri (ekspressivnyy fond yazyka)* [Problems of the Etymological Study of Russian Vocabulary of Siberia (Expressive Language Fund)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
44. Vasmer, M. (1996) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Translated from German. 3rd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Terra-Azbuka.

DICTIONARIES

1. Gledni, F. (ed.) (2000) *Inverzionnyy indeks k slovaryu russkikh narodnykh govorov* [Inversion Index to the Dictionary of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (2012) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. 2nd ed. Is. 2. Kirov: Konnektika.
3. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (2004) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. 2nd ed. Is. 3. Kirov: Konnektika.
4. Smetanina, Z.V. (ed.) (2006–2018) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Is. 4–12. Kirov: Vyatka State University of Humanities, Vyatka State University.
5. Sorokoletov, F.P. et al. (eds) (1966–2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Is. 1–47. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

Received: 10 September 2019

ФИЛОСОФИЯ

УДК 930:01, 930:02

А. Буллер, А.А. Линченко, Е.А. Стурова

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в. (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКА «ВЕХИ»)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках гранта № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации».

Обосновывается точка зрения, что проблемы интеллигенции и революции осмысливаются авторами сборника «Вехи» в контексте широкой критики морально-исторического сознания русской революционной интеллигенции. Проблемы исторической ответственности рассматриваются авторами сборника в рамках трех контекстов: обсуждение революции как нарушения естественного хода исторического процесса, тема ответственности интеллигенции как важнейшего субъекта исторического сознания и темы личности как важнейшего условия выработки исторической ответственности.

Ключевые слова: Вехи; русская религиозная философия истории; русская революция; историческая ответственность.

Чувство ответственности является экзистенциальным человеческим чувством. «Никто не в состоянии избежать ответственности... Жизнь в обществе, не неся ответственности и не отвечая ни за что, невозможно. Ответственность является конституирующим моментом человеческой экзистенции» [1. С. 14], считает немецкий профессор Бернхард Шлинк. В нашем случае речь идет, однако, об ответственности особого рода, а именно об исторической ответственности или же ответственности за прошлое. Последнее, как известно, не позволяет себя ни поправить, ни изменить. Но нет ли здесь противоречия? Как можно нести или чувствовать ответственность за то, что не позволяет себя, поправить и изменить? Историческая ответственность, действительно, не может изменить прошлое, но она может изменить настоящее. В этом и заключается ее смысл и ее цель. Однако само настоящее, формулируя для себя определенную теоретическую и практическую модель исторической ответственности, вынуждено, в свою очередь, обращаться к наследию прошлого, актуализируя наиболее оригинальные его ходы мысли и интерпретации.

В начале XXI в. прошлое продолжает оставаться ареной борьбы между государствами на международном уровне, а также между различными социально-политическими движениями и группами внутри России. Можно с уверенностью констатировать факт того, что, несмотря на почти три десятилетия своего существования, современная российская государственность так и не выработала единого и в то же время многомерного отношения к своему историческому опыту. Это в первую очередь касается опыта революций и социальных катастроф XX в. Вместе с тем выработка сознательного отношения к историческому опыту включает в себя широкую постановку проблемы исторической ответственности в качестве важнейшего условия переоценки прошлого. В этой связи особую актуальность приобретает наследие русской религиозно-философской мысли конца XIX – начала XX в., стремившейся осмыслить рево-

люционные события начала XX в. сквозь призму этических категорий и понятий. Вместе с тем само наследие русской религиозно-философской мысли указанного периода представляет собой огромный пласт российской культуры, осветить который в одной статье не представляется возможным. В силу этого, в данной статье мы сосредоточим внимание на проблеме исторической ответственности и способов ее осмысления в сборнике «Вехи», подведем итог рассуждений целого поколения русских мыслителей относительно революции, интеллигенции и дальнейшего будущего России.

Несмотря на то, что все авторы сборника «Вехи», вышедшего в 1909 г., уже имели значительный опыт критики марксизма и его философских идеалов [2–4], в нашей статье мы будем преимущественно ориентироваться именно на этот сборник [5]. Это связано с тем, что, несмотря на огромное значение философии истории для русской общественной мысли XVIII–XIX вв. [6], проблема исторической ответственности не выступала в качестве доминирующей, равно как и проблема исторической памяти вообще. Своеобразным катализатором интереса к данной проблематике стала Первая русская революция 1905–1907 гг., обозначившая целый ряд «болевых точек» российского общества. Мы сознательно не касались работ указанных мыслителей после 1914 г. и в первую очередь после 1917 г., поскольку в данном случае имеет место принципиально иной характер философско-исторических взглядов.

Интерпретация сборника «Вехи» предполагает несколько уровней анализа. Во-первых, сборник может быть рассмотрен в рамках общественно-политического контекста. Данный контекст долгое время являлся определяющим в оценках большинства современников. Во-вторых, сборник может рассматривать исключительно как феномен прошлого, как памятник истории русской мысли, интересующий историков русской философии и религиозной мысли. В-третьих, входящие в сборник работы авторов могут

быть рассмотрены как важная часть продолжающейся и сегодня полемики о статусе русской интеллигенции и ее роли в процессе выработки культуры исторической ответственности.

В этой связи перспективной представляется философская герменевтика, которая может быть рассмотрена не только как методология социально-гуманитарных наук вообще, но и как набор практик работы с текстами по истории мысли. Продуктивность герменевтического метода в нашем случае продиктована, прежде всего, многомерностью текстов сборника «Вехи», которые являясь частью прошлого, продолжают оставаться частью российского настоящего. «Историк отделен от своего предмета бесконечным опосредованием традиции. С другой стороны, эта отдаленность есть как раз близость. Историк связан со своим предметом» [7. С. 266]. По мнению Х.Г. Гадамера в структуру понимания органично вплетена интерпретация, которая понималась им не как «нахождение», а как «привнесение смысла», т.е. не в качестве воссоздания первичного смысла текста, а в создании смысла заново. Речь шла о том, что в зависимости от уровня герменевтического опыта историк должен задавать правильные вопросы тексту и минувшей исторической традиции. Диалектика вопроса и ответа раскрывалась Гадамером в образе герменевтического круга – специфика понимания целого на основании частей, и частей на основании целого.

В соответствии с указанной герменевтической методологией мы будем ориентироваться не только на анализ текстов сборника «Вехи» с точки зрения понимания их как этапа в истории религиозно-философской мысли России, но и на анализ применимости данных идей в современном дискурсе исторической ответственности. В этой связи дальнейший анализ будет связан с двумя направлениями. Во-первых, речь будет идти о той системе понятий, с помощью которых авторы сборника анализировали тему исторической ответственности. Во-вторых, наш анализ также будет связан с теми контекстами, в рамках которых авторы сборника обсуждают вопросы исторической ответственности.

С самого момента своего появления сборник «Вехи» подвергся существенной критике как со стороны марксистской интеллигенции, так и со стороны крайне правых сил, а также части виднейших представителей русской религиозной философии [8]. Поскольку подробный анализ критики сборника «Вехи» в современной им и последующей литературе уже предпринимался [9], сосредоточим внимание только на основных этапах осмысления наследия данного сборника.

Первый этап связан с оценкой сборника в период 1909–1917 гг. В данном случае можно выделить стремление большинства авторов рассматривать сборник «Вехи» преимущественно с политических позиций. Таковы, в частности, оценки сборника в работах В.И. Ленина как «энциклопедии либерального ренегатства» [10. С. 168], а также критические оценки сборника в среде русских либеральных кругов [8]. Попытку выявления философского измерения интер-

претации сборника предприняли В.В. Розанов, А. Белый и Е.Н. Трубецкой.

Второй этап полностью связан с периодом существования Советского государства и может быть датирован 1917–1991 гг. В данном случае оценки сборника воспроизводили ленинские тезисы, что превратило любые упоминания о нем в стремление рассматривать его исключительно как проявление «реакционно-буржуазной мысли» в сугубо политическом измерении. Вместе с тем анализ зарубежных работ показывает, что и на Западе оценки сборника в 50–60-е гг. были связаны со стремлением рассматривать его в русле либерально-консервативных традиций [11, 12], в контексте политического самосознания русской интеллигенции [13, 14], в контексте анализа феномена русской интеллигенции в целом [15, 16]. Единственной попыткой анализа сборника в философском измерении являлась работа эмигрантского философа и священника В.В. Зеньковского [17], увидевшая свет в конце 40-х гг. в Париже.

Третий этап в оценках сборника связан с периодом 1991 г. и по настоящее время. В данном случае демократизация общественной жизни в новой России и острая критика марксизма и советской идеологии способствовали появлению «обратного эффекта» и росту внимания к наследию русской религиозной философии и общественной мысли дореволюционного периода и периода эмиграции. Сборники «Вехи» и «Из глубины» вновь появляются в печати, а также оказываются предметом внимания многочисленных российских исследователей. Для современного этапа характерно изучение статей сборника как памятника религиозной философской мысли [18, 19], так и яркого явления общественно-политической публицистики [9, 20].

Сборник «Вехи» являлся не только попыткой осмысления революционного опыта интеллигенции, но и критикой ее морально-исторического самосознания. Развивая данную основную мысль авторов сборника, можно было бы сказать, что для проявления исторической ответственности необходимы два условия – память и мораль. Не имея исторического знания, человек не смог бы проявить чувства ответственности. Другой важной предпосылкой для проявления этого чувства является наличие морали. Любая конкретная ответственность имеет под собой, в качестве своего фундамента, определенную моральную позицию. По этой причине различные виды морали, как правило, порождают различные представления об ответственности. Авторы «Вех» указывали, что на базе христианской морали возникло чувство христианской ответственности, а на основе революционной морали – чувство революционной ответственности. Однако чувство ответственности воспринималось и проявляло себя в различные периоды и эпохи человеческой истории по-разному. Более того, иногда оно принимало искаженные, т.е. «безответственные» формы (например, расистская или классовая «ответственность»). Однако во всех тех случаях, когда чувство ответственности лишалось под собой нравственной базы, оно немедленно превращалось в свою противоположность, а именно в чувство «безответствен-

ности». Также гитлеровские идеологи говорили об «ответственности арийского солдата», однако подобное понимание «ответственности» не имеет ничего общего с морально обоснованным чувством ответственности. Ответственность, не основывающаяся на универсальных нравственных принципах и нормах, может перейти в свою противоположность и стать «безответственностью». Заметим, что эмоциональная реакция веховцев в этом случае никоим образом не противоречила чувству ответственности, ибо это чувство с необходимостью включает в себя эмоции. Чувство ответственности является своего рода эмоциональной реакцией на совершенную или возможную несправедливость. Какой бы статус это чувство не имело, цель его лежит в преодолении совершенной или же в недопущении возможной несправедливости. Поэтому мы вправе сказать, что там, где нет места чувствам, там нет и не может быть ответственности. Ответственное действие нацелено прежде всего на то, чтобы избежать несправедливости или же на то, чтобы восстановить ее. Однако человек может проявлять чувство ответственности и для того, чтобы не допустить повторения совершенной в прошлом несправедливости. Именно в этом случае ответственность принимает форму исторической ответственности. Последняя с необходимостью включает в себя как «негативный опыт», так и представление о «должном состоянии». Феномен исторической ответственности конституируется именно в рамках этих двух категорий. Свое яркое отражение этот феномен нашел в широко употребляемых фразах-заклинаниях: «Никогда больше не допустим!», «Не забывать уроки истории!» или «Не повторить преступлений прошлого!».

Несмотря на то, что авторы сборника не используют понятие «историческая ответственность» как таковое, они обращаются к нему в контексте близких по смыслу понятий и категорий. Так, Н.А. Бердяев писал, что «в данный час истории интеллигенция нуждается не в самовосхвалении, а в самокритике. К новому сознанию мы можем прийти лишь через покаяние и самообличение» [5. С. 30]. Однако наиболее интересные понятия и категории аналитики проблемы исторической ответственности предложили С.Л. Франк и С.Н. Булгаков. Первый из указанных мыслителей, показывая противоречия нравственного мировоззрения русской интеллигенции, указывал на недостаток «интеллектуальной совести» и отмечал: «...на смену старой интеллигенции... грядет “интеллигенция новая”, которая очистит это имя от накопившихся в нем исторических грехов» [Там же. С. 184]. Оригинальную концептуализацию этой же темы развивает С.Н. Булгаков, который пишет об «историческом опыте революции» и ее «исторических уроках» [Там же. С. 43], «готовности и способности учиться у истории», «историческом суде» над интеллигенцией и «исторической драме» [Там же. С. 43]. На страницах своей статьи он обвиняет интеллигенцию в «недостатке чувства исторической действительности» [Там же. С. 59], призывая ее к «историческому оправданию» и «смирению» перед историей [Там же. С. 66]. С.Н. Булгаков указывает на такие оригинальные понятия, как «историческая нетерпели-

вость» и «недостаток исторической трезвости» [5. С. 71], которые подтверждают отсутствие чувства ответственности у русской интеллигенции.

Следует особо отметить, что оригинальность трактовки проблемы исторической ответственности в анализируемом нами сборнике связана также и с теми контекстами, в рамках которых ведут обсуждение проблемы русские мыслители. Важнейшее значение для нас в данном случае имеет контекст интерпретации русской революции 1905–1907 гг. Об ответственности русской интеллигенции авторы сборника писали в первую очередь в контексте революционной тематики: «революция есть духовное детище интеллигенции, а следовательно, ее история есть исторический суд над этой интеллигенцией» [Там же. С. 45]. Чувство ответственности люди проявляют, как правило, в проблематичных – кризисных, переломных и опасных – ситуациях. Авторы сборника подчеркивали, что острые социальные и политические конфликты Российской империи начала XX в. привели российское государство к революционному взрыву 1905 г. Этот взрыв сопровождался небывалой вспышкой насилия – стихийными восстаниями, хаотичными погромами и жестокими политическими убийствами. «Русская революция развила огромную разрушительную энергию, уподобилась гигантскому землетрясению, но ее созидательные силы оказались далеко слабее разрушительных», констатировал в этой связи Сергей Булгаков [Там же. С. 41].

Авторы сборника также особо указывают на тот факт, что в русской революции акты насилия, в которых интеллигенция не только непосредственно участвовала, но и которые она активно организовывала и инициировала, приняли необычайно жестокие формы. «Как могло случиться», – задает свой вопрос Семен Франк, «что столь, казалось, устойчивые и крепкие нравственные основы интеллигенции так быстро и радикально расшатались?» [Там же. С. 154]. И, действительно, в XX столетии насилие перестало быть неконтролируемым и хаотичным действием, а оно приняло организованные формы. Революционное насилие, в отличие от всех других видов насилия, было обосновано как идеологически, так и теоретически. Кроме того, оно было легитимировано и в моральном отношении. Сергей Булгаков прямо говорит о «духовно оформленном» насилии. Подобное теоретическое и моральное «оформление» насилия не могло обойтись без помощи образованной интеллигенции. И «мы все-таки настаиваем», пишет Булгаков, что весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции» [Там же. С. 42].

После неудавшейся революции 1905 г. авторы сборника последовательно проводят мысль о необходимости основательно разобраться с революционными идеалами русской интеллигенции. Острая необходимость основательного историософского анализа революционной идеологии интеллигенции была

настоятельно необходимой еще и по той причине, что ее радикальное крыло не собиралось и в будущем отказываться от применения насилия и избегать жертв. Так, например, большевики в лице их лидера открыто называли события 1905 г. «генеральной репетицией» будущей победоносной революции и активно готовились к новым актам насилия, приветствуя их. Этот факт свидетельствовал, что в интеллигентской среде глубоко укоренилась убеждение в том, что насилие не только легитимно, но и неизбежно. В этих условиях веховцы видели свою центральную задачу в том, чтобы «разминировать» те опасные идеи и убеждения, которыми была наполнена революционная идеология русской интеллигенции. Веховцы пытались пробудить в среде русской революционной интеллигенции чувство ответственности за свои действия и будущее своей страны. Их общей мыслью являлась идея о том, что только широкие социальные реформы не противоречат объективному ходу исторического процесса. С этой точки зрения, все авторы сборника сходились во мнении, что революция противоречит естественному ходу исторического процесса. Это во многом продолжает линию их размышлений, направленную на критику социалистического идеала и социального прогресса вообще [2, 3].

Несмотря на то, что веховцы четко отделяли себя от революционной интеллигенции, они продолжали быть частью русской дореволюционной интеллигенции. В этом смысле организованная веховцами критика идеалов, мыслей и убеждений революционной интеллигенции являлась в какой-то степени и самокритикой. Это позволяет нам согласиться с точкой зрения целого ряда исследователей, указывавших на то, что сама революция явилась в большей мере поводом, чем фундаментальной причиной концепции «Вех», которые необходимо рассматривать как реакцию на заметные сдвиги в жизни российского общества начала XX в. [20. С. 218; 21. С. 8].

Второй аспект анализа проблемы исторической ответственности связан непосредственно с темой ответственности русской интеллигенции. В данном случае важно отметить, что веховцы обратились не только к анализу теоретических основ интеллигентской идеологии, но и к анализу генеалогии ее морали, которая включала в себя определенное представление об ответственности интеллигенции за исторические судьбы народа. На этом пути авторы «Вех» изображают развитие русской интеллигенции именно в контексте исторической эволюции ее морального сознания. И этот нравственный анализ показал им, что именно революционная мораль образовывала тот нравственный фундамент, на котором базировались убеждения и представления русской интеллигенции начала XX в.

Чувство ответственности является в первую очередь нравственным чувством. По этой причине безответственным мы называем такого человека, который, отказываясь следовать общепринятым законам, нормам и принципам морали, открыто нарушает их. Русская революционная интеллигенция отказалась следовать общепринятым нормам и принципам морали, потому что считала ее «продуктом» классового

общества и «орудием» господствующего класса. Интеллигенция, на что особо указывают и что особо подчеркивают авторы сборника «Вехи», отрицала существование универсальных общечеловеческих ценностей. Русский интеллигент «не знает никаких абсолютных ценностей, никаких критериев, никакой ориентировки в жизни, кроме морального разграничения людей, поступков, состояний на хорошие и дурные, добрые и злые», – пишет Семён Франк [5. С. 156]. На этот же момент указывает и Николай Бердяев, который замечает, что «интеллигенция готова принять на веру всякую философию под тем условием, чтобы она санкционировала ее социальные идеалы, и без критики отвергнет всякую самую глубокую истинную философию, если она будет заподозрена в неблагоприятном или просто критическом отношении к этим традиционным настроениям и идеалам» [Там же. С. 28–29].

Революционная мораль исходила только из одного прагматичного принципа «полезности» тех или иных идей для достижения революционных целей и была лишена универсальной и объективной основы. Но любая мораль, утерявшая связь с универсальными нравственными принципами и нормам, немедленно подвергает себя опасности стать аморальной. Именно это и произошло с революционной моралью, которая, по мнению Франка, перестала быть в классическом смысле моралью, а превратилась в «морализм». В основе последнего лежит крайний нигилизм, считает Франк. Под последним он понимает полное «отрицание и непризнание абсолютных (объективных) ценностей» [Там же. С. 156]. Однако русская интеллигенция никогда не стремилась к объективному знанию. Абсолютной ценностью для русского интеллигента являлась «не цель или идеал, а само служение им» [Там же. С. 160]. Но кому или чему служила интеллигенция? Что являлось ее высшей целью или ее идеалом? Свою цель интеллигенция видела в безграничном служении народу, т.е. «в удовлетворении нужд большинства». Поэтому в мышлении интеллигенции, как считает Бердяев, всегда господствовал «общественный утилитаризм в оценках всего, поклонение “народу”, – то крестьянству, то пролетариату» [Там же. С. 129]. Именно из этой, ничем и никем не ограниченной, беспредельной готовности интеллигенции служить своему народу у нее зародилось особое, можно сказать, фанатичное чувство ответственности за него [Там же. С. 49]. Именно стремление «спасти народ», искупить вину и восстановить утраченную историческую справедливость, породило в среде русской интеллигенции такой феномен как революционный героизм.

Характерной чертой героизма является тот момент, что тот, кто идет на героизм, уверен в своей абсолютной правоте и в своей абсолютной непогрешимости. Герой испытывает чувство ответственности за других – народ, пролетариат или партию. Именно такое чувство и испытывал русский интеллигент. Но его представление о «народе» включало в себя, конечно, не весь народ. Из категории «народ» здесь были исключены правящие классы, элита, священнослужители, юристы и госслужащие, а также высоко-

образованные люди. Революционный интеллигент, фактически, испытывал историческую ответственность только за определенную часть народа, но не за весь народ. И здесь лежала существенная проблема интеллигентской морали, которая, по существу, являлась одной из форм групповой, но не универсальной морали. Ведь одно дело испытывать ответственность за судьбы всего человечества и совершенно другое – испытывать ее за какие-то группы людей (класс или расу). Авторы «Вех» не сомневаются в том, что русский интеллигент испытывал, хотя и ложно понятое, но чувство ответственности, без которого не было бы и героизма: «...его мечта – быть спасителем человечества или, по крайней мере, русского народа», – пишет Булгаков [5. С. 57]. Близкие мысли высказывались авторами в их ранних работах [2, 4].

Однако чувство ответственности революционной интеллигенции, согласно представлениям авторов сборника, основывалось не на «объективных» и «абсолютных» ценностях, а на субъективных интересах. Революционная интеллигенция чувствовала себя ответственной за уничтожение «враждебных классов» и разрушение «старого порядка». И это примечательный факт, ибо человек стал чувствовать себя ответственным за разрушение и уничтожение. Не прошло и 10 лет после издания сборника «Вехи», как в стране действительно появились «ответственные» за разрушение старых порядков и уничтожение враждебных классов люди, которые считали свои преступные действия героизмом.

Этот героизм, без всякого сомнения, был реакцией интеллигента на несправедливую ситуацию. Но с другой стороны, пишет Булгаков, и сам «герой есть до некоторой степени свехчеловек, становящийся по отношению к ближним своим в горделивую и вызывающую позу спасителя...» [5. С. 59]. Герой «творит историю по своему плану, он как бы начинает из себя историю, рассматривая существующее как материал или пассивный объект для воздействия» [Там же. С. 71]. Русский интеллигент свято верил в свое особое предназначение и свою великую миссию «спасителя народа». В этом смысле авторы «Вех» подчеркивали, что революционное учение интеллигенции напоминало собой веру, а не научно обоснованную теорию. Революционную веру невозможно было ставить под вопрос, ее нельзя было критиковать и в ней нельзя было сомневаться. Идеи и убеждения русской интеллигенции ставить под вопрос могли только «враги революции», пришли позже к выводу, например, большевики. Свою тоталитарную модель восприятия мира они позже успешно распространили в стране «победившего социализма». Однако истоки большевистского мышления и большевистской веры надо искать в идеологии русской революционной интеллигенции, которая еще до возникновения большевизма в большей или меньшей степени, но была уже большевистской.

Русские мыслители ставят проблему интеллигенции как ключевого субъекта морально-исторического сознания. Именно сообщество интеллектуалов и их экспертные культуры призваны теоретически формулировать и практически воплощать соответствующую модель исторической ответственности. Заслуга ве-

ховцев в данном случае не только в поставке проблемы, но и в обосновании необходимости формирования основополагающей модели исторической ответственности для общества в целом. Призыв веховцев к преодолению партикулярных версий общественного сознания интеллигенции и оценки социальных изменений является чрезвычайно актуальной и в современной России.

Еще одним аспектом, который на страницах сборника «Вехи» развертывает тему исторической ответственности, является проблема утраты революционной интеллигенции чувства личности. Ранее отмечалось, что в основе историософской концепции сборника «лежит понимание культуры как творческой реализации вовне внутренних духовных ценностей» [6. С. 293]. Однако стоит за этой культурой именно свободная творческая личность? По мысли анализируемых нами мыслителей, русский интеллигент был прежде всего марксистом. Он верил в то, что человеческая жизнь, как выразился Франк, определяется одними только «материальными потребностями». Франк метко замечает по этому поводу, что одно лишь абстрактное стремление к всеобщему благу никогда еще не делало интеллигента человеколюбивым, а, скорее наоборот, обесценивало альтруизм. Ведь интеллигент «упоен идеалом радикального и универсального осуществления народного счастья – идеалом, по сравнению с которым простая личная помощь человека человеку, простое облегчение горестей и волнений текущего дня не только бледнеет и теряет моральную привлекательность, но кажется даже вредной растратой сил и времени на мелкие и бесполезные заботы, изменой, ради немногих ближайших людей, всему человечеству и его вечному спасению» [5. С. 168].

Это парадокс, но, стремясь к общему благу и всеобщей справедливости, революционер в реальности перестал быть альтруистом. «Он также стремится к человеческому счастью, но он любит уже не живых людей, а лишь свою идею – именно идею всечеловеческого счастья», – констатирует Франк [Там же]. Самое опасное состоит, однако, в том, что «жертвуя ради этой идеи самим собой, он не колеблется принести ей в жертву и других людей» [Там же]. Поэтому «гуманная идея» у него превращается в свою противоположность и «из великой любви к грядущему человечеству рождается великая ненависть к людям, страсть к устройению земного рая становится страстью к разрушению, и верующий народник-социалист становится революционером» [Там же. С. 169].

Но корни этого парадоксального противоречия между фанатичным стремлением к «общему благу», с одной стороны, и абсолютным равнодушием к жизни конкретной личности – с другой, надо искать в нравственной теории Маркса, который видел источник морали не в человеке, а в общественных отношениях. Прямым следствием подобного восприятия морали, считает Булгаков, явилась абсолютная утеря чувства личной ответственности: «Так как все зло объясняется внешним неустройством человеческого общежития, и потому нет ни личной вины, ни личной ответственности, то вся задача общественного устройства заключа-

ется в преодолении этих внешних неустойчивостей, конечно, внешними реформами» [5. С. 54]. И, действительно, в среде русской интеллигенции, «понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования, выработки личности» были крайне непопулярны [Там же. С. 64]. По этой причине «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем загоне» [Там же. С. 110]. В данном случае для нас важно, что Б.А. Кистяковский говорит о традиции русской интеллигенции, предлагая нам очерки эволюции историко-правового сознания.

Авторы сборника «Вехи» убеждены в том, что чувство ответственности может быть порождено только автономным сознанием. Ведь к ответственности человека нельзя принудить, он должен сам ее проявить, причем проявить добровольно. Однако добровольным может быть не только ответственное, но и безответственное действие. Для Михаила Гершензона следует отсюда вывод, что «автономность сознания – наше величайшее благо и вместе величайшая опасность для нас» [5. С. 88]. Последней она становится тогда, когда она принимает ложные формы. Это происходит, например, в такие моменты, когда человек стремится изменить не себя, а «условия». Именно таким образом и поступает русская интеллигенция, считает Гершензон. Ее стремление изменить не себя, а «условия» является ее общей и характерной чертой: «Что делала наша интеллигентская мысль последние полвека?.. Дома – грязь, нищета, беспорядок, но хозяину не до этого. Он на людях, он спасает народ, – да оно, легче и занятнее, нежели черная работа дома» [Там же. С. 94].

Подобный тип интеллигента нисколько не сомневается в абсолютной правоте своей высшей цели. Более того, его высшая цель определяет не только направление его действий, но и смысл его индивидуального существования, которое, в его представлении, должно быть подчинено одной только этой цели. Таким образом, интеллигент снимает с себя ответственность за индивидуальное и независимое определение смысла своей собственной жизни. Поэтому в России возникла такая духовная ситуация, когда «юношу на пороге жизни встречало строгое общественное мнение и сразу указывало ему на высокую и простую и ясную цель. Смысл жизни был заранее установлен общий для всех, без всяких индивидуальных различий <...>. Таким образом, юноше не приходилось на собственный риск определять идеальную цель жизни: он находил ее готовую. Это было первое большое удобство для толпы. Другое заключалось в снятии всякой нравственной ответственности с отдельного человека» [Там же. С. 104].

Именно такой, данной свыше и лишённой индивидуальности ответственностью и была революционная ответственность, которая превращала человека в винтик анонимной машины, имя которой «общественный процесс» или «общественный прогресс». Революционный человек чувствовал себя ответственным за реализацию общественных законов (осуществление революции, установление диктатуры пролетариата и уничтожение враждебных классов), но он не чувство-

вал себя ответственным за повседневную и обыкновенную созидательную работу по улучшению общественной жизни. Поэтому с точки зрения революционного человека «за всю грязь и неурядицу личной и общественной жизни вину несло самодержавие, – личность признавалась безответственной», – пишет Гершензон [5. С. 103].

В начале XX столетия Гершензон, однако, открывает и другую, положительную тенденцию в развитии человеческой личности, которая стремится самостоятельно определить цели и смысл своей жизни, а вместе с ними и свою ответственность за свои действия: «Настает время», пишет Гершензон, «когда юношу на пороге жизни уже не встретит готовый идеал, а каждому придется самому определять для себя смысл и направление своей жизни, когда каждый будет чувствовать себя ответственным за все, что он делает, и за все, чего он не делает» [Там же. С. 105]. Ответственный человек «будет собственной личностью отвечать за каждый свой шаг, и ничто ни рази в течении всей жизни не снимет с него этой свободно-сознательной ответственности» [Там же. С. 106]. Гершензон, таким образом, понимает под ответственностью человеческую способность определять автономно и индивидуально смысл и цели своей жизни. Такую ответственность он называет «свободно-сознательной». Близкого мнения придерживается и Бердяев [Там же. С. 42].

Тема личной исторической ответственности русского интеллигента оказывается созвучной современным исследованиям в области этики ответственности, представленным в работах П. Рикера [22] и Х. Йонаса [23]. Речь идет об отказе от ухода от ответственности путем передачи ее на вышестоящий уровень авторитарной иерархии. Данный подход также актуализирует идею личной вовлеченности и причастности человека за конкретные действия и за собственный моральный выбор, в том числе и в отношении своего прошлого. Данный подход к этической интерпретации истории получил существенное развитие в зарубежной литературе в контексте использования этики гуманизма для преодоления этноцентризма исторического мышления [24. С. 207].

Вместе с тем в своих работах русские мыслители указывают на важное значение христианских ценностей как той отсылки к трансцендентному, обосновывающему их проект этики исторической ответственности. Данная позиция, апеллирующая к традиционной для христианской философии этики убеждения, явно конфликтует с их идеями о важнейшей роли «свободно-сознательной» личности. Как известно, этика убеждения основывается, прежде всего, на исключительной вере в авторитет, в чем и состоит ее сила. Она – догматична и обращена к долгу. Даже если данная этика основана на предшествовавшей аналитической работе, после завершения таковой все равно предполагается окончательное и бесповоротное признание некоего авторитета. Все это означает, что сборник «Вехи» обозначил особый этап трансформации русской религиозно-философской мысли начала XX в. и европейской философской мысли от классической этики убеждения к элементам этики ответ-

ственности. В этом и заключается его непреходящее значение для нашей современности.

Таким образом, герменевтический анализ сборника «Вехи» позволяет говорить о его особой роли в формировании философско-исторических взглядов представителей русской религиозно-философской мысли начала XX в. Это связано с тем, что проблемы интеллигенции и революции осмысливаются авторами сборника в контексте широкой критики морально-исторического сознания русской революционной интеллигенции. Тема ответственности, проходящая сквозной нитью через все работы сборника является своеобразной постановкой именно проблемы исторической ответственности. Вместе с тем, не используя понятие исторической ответственности напрямую, авторы сборника по сути работают именно в этом дискурсе. Это показывает анализ понятий и категорий, которые они используют для критики революционной интеллигенции. Все статьи авторов сборника

являются тесно взаимосвязанными и дают основания говорить о выработке ими в рамках сборника единой историософской модели исторической ответственности, основанной, с одной стороны, на универсальных ценностях христианского сознания, а с другой – традиционных ценностях славянофильской традиции. Предпринятый анализ показывает, что проблемы исторической ответственности осмысливаются авторами сборника в рамках трех контекстов: обсуждение революции как нарушения естественного хода исторического процесса, тема ответственности интеллигенции как важнейшего субъекта исторического сознания и темы личности как важнейшего условия выработки исторической ответственности. Это позволяет рассматривать сборник «Вехи» как особый этап трансформации русской религиозно-философской мысли начала XX в. и европейской этической мысли от классической этики убеждения к этике ответственности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Schlink B. Wofür tragen wir Verantwortung? // DIE ZEIT. 2019. № 8. S. 10–21. URL: <https://www.zeit.de/2019/08/moral-verantwortung-menschen-pflicht-verhalten/komplettansicht>
2. Проблемы идеализма. М.: Московское психологическое общество, 1902. 521 с.
3. Булгаков С.Н. От марксизма к идеализму: сборник статей (1896–1903). СПб.: Товарищество «Общественная польза», 1903. 348 с.
4. Бердяев Н.А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К. Михайловском. СПб.: О.Н. Попова, 1901. 267 с.
5. Вехи; Интеллигенция в России: сб. ст. 1909–1910. М.: Мол. гвардия, 1991. 462 с.
6. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Русская философия истории: курс лекций. М.: Аспект Пресс, 1999. 399 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Вехи: pro et contra. СПб.: РХГИ, 1998. 856 с.
9. Багдасарян В.Э., Реснянский С.И. Сборник «Вехи» в контексте общественной полемики о путях развития России: опыт интроспективного анализа // Вестник РУДН. 2015. № 1. Сер. История России. С. 21–42.
10. Ленин В.И. О Вехах // Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1968. Т. 19. С. 167–175.
11. Келли А. Самоцензура и русская интеллигенция // Вопросы философии. 1990. № 10. С. 52–66.
12. Read C. Religion, revolution and the Russian intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi debate and its intellectual background. London: Macmillan, 1979. 221 p.
13. Oberländer G. Die Vekhi-Diskussion. Köln: Photostelle der Universität Köln, 1965. 101 s.
14. Pipes R. Struve. Liberal on the right. 1905–1944. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980. 142 p.
15. Schapiro L.B. The Vekhi group and the mystique of the revolution // Slavonic and East European Review. 1955. Vol. 34, № 82. P. 5676.
16. Tompkins S. The Russian intelligentsia. Makers of the revolutionary state. Norman: University of Oklahoma Press, 1957. 282 p.
17. Зеньковский В.В. История русской философии. Харьков: ФОЛИО, М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001. 896 с.
18. Шевченко В.Н. Почему «Вехи» вновь стали актуальными? // Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования. М., 1992. Вып. VII. С. 7–25.
19. Лазарева А.Н. Интеллигенция и религия (К историческому осмыслению проблематики «Вех»). М.: ИФ РАН, 1996. 85 с.
20. Ширинянец С.А. «Вехи» и модель политической культуры интеллигенции // Вестник МГУ. Социально-политические исследования. 1994. № 6. С. 32–45.
21. Фурсеев Е.О. Сборники «Вехи» и интеллигенция в России: контент-анализ с целью изучения некоторых аспектов менталитета российской интеллигенции начала XX века // Русский сборник: сб. науч. тр. посв. 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского. Брянск: Изд-во Брян. ун-та, 2002. С. 214–219.
22. Исаев И.А. От «Вех» к «Смене вех» // В поисках пути. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992. С. 3–20.
23. Рикер П. Справедливое. М.: Гнозис Логос, 2005. 304 с.
24. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-Пресс, 2004. 480 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 17 октября 2019 г.

The Problem of Historical Responsibility in the Russian Religious and Philosophical Thought of the Late 19th – Early 20th Centuries (Based on the Collection *Vekhi*)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 69–76.

DOI: 10.17223/15617793/451/9

Andreas Buller, Ministry of Social Affairs and Integration of Baden-Württemberg (Stuttgart, Germany); Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreas.buller@gmail.com.

Andrei A. Linchenko, Financial University under the Government of the Russian Federation, Lipetsk Branch (Lipetsk, Russian Federation); Lipetsk State Technical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: AALinchenko@fa.ru

Elena A. Sturova, Lipetsk State Pedagogical University (Lipetsk, Russian Federation). E-mail: lena_sturova@mail.ru

Keywords: *Vekhi*; Russian religious philosophy of history; Russian revolution; historical responsibility.

The article attempts to study the problem of historical responsibility in the works of the authors of the collection *Vekhi* (lit. Landmarks). The political, historical-philosophical and philosophical-historical levels of interpretation of the collection are revealed.

The important role of hermeneutical methodology for the analysis of the topic of historical responsibility in the collection is substantiated. The hermeneutical analysis of *Vekhi* suggests and shows its special role in shaping the philosophical and historical views of representatives of Russian religious and philosophical thought in the early 20th century. The conclusion is drawn, that within the framework of the collection, a unified historiosophical model of historical responsibility is developed based on the values of Christian consciousness and the values of the Slavophile tradition. Without using the concept of historical responsibility directly, the authors of the collection essentially work in this particular discourse, which the analysis of the concepts and categories that they use to criticize the revolutionary intelligentsia shows. The authors of the collection comprehend the problems of the intelligentsia and revolution in the context of the widespread criticism of the moral and historical consciousness of the Russian revolutionary intelligentsia. The authors analyze the problems of historical responsibility in three contexts: (1) the discussion of revolution as a violation of the natural course of the historical process, (2) the topic of responsibility of the intelligentsia as the most important subject of historical consciousness, and (3) the theme of the individual as the most important condition for the development of historical responsibility. This allows considering the collection *Vekhi* as a special stage in the transformation of Russian religious and philosophical thought of the early 20th century and European ethical thought from the classical ethics of persuasion to the ethics of responsibility. The topic of personal historical responsibility of a Russian intellectual is consonant with modern research in the field of ethics of responsibility presented in the works of Paul Ricoeur and Hans Jonas: the rejection of responsibility by transferring it to a higher level of the authoritarian hierarchy. This approach also actualizes the idea of personal involvement in specific actions and personal responsibility for one's own moral choice, including in relation to one's past.

REFERENCES

- Schlink, B. (2019) Wofür tragen wir Verantwortung? *DIE ZEIT*. 8. pp. 10–21. [Online] Available from: <https://www.zeit.de/2019/08/moral-verantwortung-menschen-pflicht-verhalten/komplettansicht>.
- Bulgakov, S.N. et al. (1902) *Problemy idealizma* [The Problems of Idealism]. Moscow: Moskovskoe psikhologicheskoe obshchestvo.
- Bulgakov, S.N. (1903) *Ot marksizma k idealizmu: sbornik statey (1896–1903)* [From Marxism to Idealism: A Collection of Articles (1896–1903)]. St. Petersburg: Tovarishchestvo “Obshchestvennaya pol’za”.
- Berdyayev, N.A. (1901) *Sub’ektivizm i individualizm v obshchestvennoy filosofii. Kriticheskiy etyud o N.K. Mikhaylovskom* [Subjectivism and Individualism in Social Philosophy. A Critical Essay on N.K. Mikhailovsky]. St. Petersburg: O.N. Popova.
- Gershenzon, M.O. et al. (1991) *Vekhi; Intelligentsiya v Rossii: sb. st. 1909–1910* [Vekhi; The Intelligentsia in Russia: Articles of 1909–1910]. Moscow: Mol. gvardiya.
- Novikova, L.I. & Sizemskaya, I.N. (1999) *Russkaya filosofiya istorii: kurs lektsiy* [Russian Philosophy of History: A Course of Lectures]. Moscow: Aspekt Press.
- Gadamer, H.-G. (1988) *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and Method]. Translated from German. Moscow: Progress.
- Sapov, V.V. (ed.) (1998) *Vekhi: pro et contra* [Vekhi: Pro et Contra]. St. Petersburg: Russian Christian Humanities Institute.
- Bagdasaryan, V.E. & Resnyanskiy, S.I. (2015) Miscellany “Vekhi” in the Context of Public Debate on Ways of Russia’s Development: Experience of Introspective Analysis. *Vestnik RUDN. Ser. Istoriya Rossii – RUDN Journal of Russian History*. 1. pp. 21–42. (In Russian).
- Lenin, V.I. (1968) *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. Vol. 19. Moscow: Politizdat. pp. 167–175.
- Kelli, A. (1990) Samotsenzura i russkaya intelligentsiya [Self-Censorship and the Russian Intelligentsia]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 10. pp. 52–66.
- Read, C. (1979) *Religion, Revolution and the Russian Intelligentsia, 1900–1912: The Vekhi Debate and Its Intellectual Background*. London: Macmillan.
- Oberländer, G. (1965) *Die Vekhi-Diskussion*. Köln: Photostelle der Universität Köln.
- Pipes, R. (1980) *Struve. Liberal on the Right. 1905–1944*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Schapiro, L.B. (1955) The Vekhi Group and the Mystique of the Revolution. *Slavonic and East European Review*. 34(82). p. 5676.
- Tompkins, S. (1957) *The Russian Intelligentsia. Makers of the Revolutionary State*. Norman: University of Oklahoma Press.
- Zen’kovskiy, V.V. (2001) *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy]. Kharkov: FOLIO; Moscow: Izd-vo EKSMO-Press.
- Shevchenko, V.N. (1992) Pochemu “Vekhi” vnov’ stali aktual’nymi? [Why Have “Vekhi” Become Relevant Again?]. In: *Otechestvennaya filosofiya: opyt, problemy, orientiry issledovaniya* [Domestic Philosophy: Experience, Problems, Research Guidelines]. Is. 7. Moscow: AON. pp. 7–25.
- Lazareva, A.N. (1996) *Intelligentsiya i religiya (K istoricheskoyu osmysleniyu problematiki “Vekh”)* [The Intelligentsia and Religion (Toward a Historical Understanding of the Issues Raised in “Vekhi”)]. Moscow: Institute of Philosophy, RAS.
- Shirinyants, S.A. (1994) “Vekhi” i model’ politicheskoy kul’tury intelligentsii [“Vekhi” and a Model of the Political Culture of the Intelligentsia]. *Vestnik MGU. Sotsial’no-politicheskie issledovaniya*. 6. pp. 32–45.
- Furseev, E.O. (2002) Sborniki “Vekhi” i intelligentsiya v Rossii: kontent-analiz s tsel’yu izucheniya nekotorykh aspektov mentaliteta rossiyskoy intelligentsii nachala XX veka [The Vekhi Collection and the Intelligentsia in Russia: A Content Analysis for Studying Some Aspects of the Mentality of the Russian Intelligentsia at the Beginning of the 20th Century]. In: *Russkiy sbornik* [Russian Collection]. Bryansk: Bryansk State University. pp. 214–219.
- Isaev, I.A. (1992) Ot “Vekh” k “Smene vekh” [From “Vekhi” to “Change of Vekhi”]. In: Isaev, I.A. (ed.) *V poiskakh puti. Russkaya intelligentsiya i sud’by Rossii* [In Search of a Way. Russian Intelligentsia and the Fate of Russia]. Moscow: Russkaya kniga. pp. 3–20.
- Ricoeur, P. (2005) *Spravedlivoe* [The Just]. Translated from French by B. Skuratov. Moscow: Gnozis Logos.
- Jonas, H. (2004) *Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoy tsivilizatsii* [The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age]. Translated from German by I.I. Makhan’kov. Moscow: Ayris-Press.

Received: 17 October 2019

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ КАК ФИЛОСОФИЯ, ИЛИ ДЕРРИДА, ЧИТАЮЩИЙ ПЛАТОНА

Рассмотрены две методологические установки в отечественных историко-философских исследованиях: презентизм и антикваризм, соотношенные с субстанциальным и не-субстанциальным пониманием истории. Предложено переформатировать данную методологическую дилемму в «третий путь»: в «философскую текстологию», совмещающую философскую метапозицию и историческую дистанцию по отношению к мыслителям прошлого. Примером «третьего пути» представлена работа Ж. Деррида «Фармация Платона».

Ключевые слова: история философии; презентизм; антикваризм; Платон; Деррида.

Постановка проблемы. Разграничив «науки о душе» и «науки о природе», мы время от времени задаемся вопросом: как правильно читать / воспринимать философские тексты прошлого? В современном отечественном философском знании этот вопрос получил форму следующей дилеммы: «история философии – это история или философия?». Для решения поставленной проблемы мы определили две задачи: во-первых, переформатировать методологическую коллизию в иную понятийную конфигурацию для работы историка философии, так, чтобы не приходилось делать выбор в пользу истории или философии. Во-вторых, в качестве примера такой позиции предложить прочтение платоновского диалога «Федр» Ж. Деррида.

В российских историко-философских исследованиях довольно распространены две методологические установки: так называемые *презентизм* и *антикваризм*. Если первая стремится представить идеи прошлых эпох как вариации современных философских тем, не занимаясь, так сказать, проблемами адаптации как минимум двух совершенно разных дискурсов, то вторая пытается делать акцент на реконструкции особенностей исторических нюансов в осмыслении той или иной проблемы. Пример второй позиции – антикваризма – можно найти в рассуждениях отечественной исследовательницы Н.И. Кузнецовой, следующей принципам Р.Д. Коллингвуда, считающего, что вопрос, заданный оригинальным философом, «можно реконструировать лишь исторически» [1. С. 344]. Отвечая на вопрос, можно ли «вопросать» прошлое с целью ответа на современные проблемы, Н.И. Кузнецова считает, что «вопрос, коренящийся в историческом прошлом, нам никогда не дан» [2. С. 14], поэтому в первую очередь необходимо реконструировать интеллектуальный контекст той или иной проблемы. Отечественная исследовательница настаивает на необходимости высокой методологической культуры (с чем трудно не согласиться!) в отношении способности вести такие диалоги вне временных границ [3].

На наш взгляд, жесткое разведение презентизма и антикваризма само является следствием методологической установки, а именно наследием гегелевского понимания философии как тождества истории философии и логики развития всеобщего разума. В целом Гегель был первый, кто осуществил, по выражению В.С. Библера, «идею “истории философии как философии” и “философии как истории философии”» [4. С. 42]. Осо-

бенность этой идеи, в ее гегелевском развороте, заключается в том, что логика развития самопознающего разума, несмотря на свое воплощение в истории (случайном и ограниченном временными рамками процессе), имеет самодовлеющее значение. История философии – объективный, линейный процесс, подчиненный логике самопознания абсолютного духа, где конкретные философские мнения играют роль исторической поверхности, на которую проецируется движение истины [5. С. 69]. Таким образом, перед нами – вариант презентизма, в данном случае соединившегося с *субстанциальным* пониманием истории: исследователь находится как бы «поверх» истории и соотносится с некой всеобщей логикой развития человеческого духа.

В исследовательской литературе гегелевскому подходу очень часто противопоставляют подход К. Ясперса, предложившего *не-субстанциальное* истолкование историко-философского процесса, которое не аккумулирует в своем содержании к финальной сцене постижения истины. Отечественный исследователь О.В. Зарапин определяет ясперсовскую концепцию как *коммуникативную*. Отталкиваясь от тезиса немецкого мыслителя «философствование есть экзистенциальное философствование, оно осуществляется в усвоении и столкновении с мышлением экзистенций прошлого» [6. С. 114], О.В. Зарапин формулирует принцип коммуникативного подхода: «...экзистенциальная коммуникация и есть источник, воспроизводящий историю философии как «реальность вечного настоящего», в котором личности различных эпох и культур встречаются друг с другом как бесконечно разнообразные отражения человеческих лиц в одном и том же зеркале трансценденции» [7. С. 19]. В таком случае подход Ясперса – это все тот же вариант презентизма (вместо логики абсолютного духа – логика я-экзистенции), соединившейся с коммуникативным пониманием истории: человеческое бытие имеет общее основание – стремление к трансценденции; последняя же способна осуществиться только как акт коммуникации «от самости к самости», как коммуникативное взаимодействие мыслящих личностей, где и происходит подлинная встреча двух разных исторических времен.

Возможность «третьего пути». Надо полагать, что презентизм как установка на «свободный» диалог между философами и антикваризм как акцент на историческое воспроизведение контекста – это сугубо *методологические* установки по отношению к *содер-*

жанию исторического наследия, которые в то же самое время могут совмещаться с разными мировоззренческими принципами. В этом плане субстанциальное и не-субстанциальное понимание истории как различные мировоззренческие принципы некоторые исследователи предлагают объединить. К примеру, О.В. Зарапин справедливо отмечает очевидную «взаимоуязвимость» этих двух позиций. Гегелевский путь «упускает из поля зрения философствование как личный акт человеческого самосознания» [7. С. 19], ясперсовская исследовательская программа – объективный процесс развития человеческой мысли. Отечественный философ предлагает не просто объединить преимущества гегелевского субстанциализма и ясперсовского экзистенциализма, но найти такой язык, который бы представлял историю философии в понятиях, не допускающих самого противопоставления и выбора между ними. Речь идет о возможности «третьего пути», который предлагается определить, например, как *философскую текстологию* [8], когда сам текст рассматривается одновременно и как конкретное интеллектуальное содержание, и как вмещательное тех контекстуальных предпосылок (социальных, культурных, онтологических и пр.), которые делают это содержание возможным для выражения и понимания: «...создать или воспринять текст – означает действовать по шву, скрепляющему и сводящему в одно субстанциальный и экзистенциальный планы истории философии» [7. С. 21].

По тому же пути предлагает идти, например, В.С. Библер в своем тезисе: «...философ является действительно *философом* в уникальной неповторимости философского отношения к миру, когда он реализует свои способности как *историк философии*» [4. С. 40]. Если рассматривать движение философии после Гегеля как движение все того же абсолютного разума в истории XX в., то очевидно его превращение из разума *самопознающего* в разум *самообобщающийся*, общающийся с иными разумами, эпохами и людьми: «общающийся, но не могущий быть обобщенным» [Там же. С. 47]. *Логика*, считает Библер, здесь не отрицает, не снимает *историю*, наоборот, усиливает ее уникальность, становясь *логикой культуры*. Экзистенциальный философский акт свершается *между* системами, идеями, концептами: в точке их превращения друг в друга, с одной стороны, возвращаясь к началам бытия и мышления, с другой – находя бесконечные резервы для развития в актуализации еще неиспользованных возможностей уже существующих философских ответов.

Но остается вопрос: допустимо ли объединение презентизма и антикваризма как методологических установок? Думается, что – да. Ведь, в целом, мы по-прежнему остаемся в рамках постгегелевской и постхайдеггеровской парадигмы понимания историко-философского процесса как тотальности, заданной самой природой философской мысли как предельного философского акта, выражающего некоторое состояние абсолютного и само являющееся абсолютным. Историческое и логическое здесь – моменты разворачивающегося в модусе настоящего абсолютного опыта философской мысли, в результате чего историче-

ское сливается в своей сущности с историей философии [9].

Способность относиться к философскому тексту как автономному акту творящей мысли, сохраненному на определенной исторической дистанции, дает некоторый ресурс для освоения «третьего пути» в работе историка философии. В философии XX в. (как впрочем, и во всей культуре XX в.) существует довольно стойкая тенденция к современной «озвучке» классических философских проблем, стремящаяся как раз перенести и сохранить исторический стиль «звучания», потому что в этой разнице «звучаний» проявляется новый текст – недоговоренный самим автором, оставшийся в тени у своих современников. На наш взгляд, одним из таких примеров философской текстологии является работа Жака Деррида «Фармация Платона», несомненно, принадлежащая к числу тех работ, которые заново обучают благу читать и перечитывать философские произведения. *Читать и перечитывать* таким образом, чтобы сохранить объективную философскую логику, существующую *между* философскими системами и открывающую «ничейную» территорию мысли, но при этом не утратить живую связь – историческую дистанцию – с конкретным философом, мысль которого всегда «замыкается на себя», на свое время, географию, национальность и пр.

Деконструкция и диссеминация как историко-философские стратегии. Невозможно начать обсуждать Платона в интерпретации Деррида, не упомянув определяющего для всей системы мысли последнего понятия «деконструкция». Как известно, оно стало для французского философа не только его идеей *par excellence*, но и стилем философствования – тем способом работы с мыслью, по которому мы, собственно, и опознаем специфику этой идеи, открывающей нам новые мыслительные возможности в процессе чтения-письма. Развивая деконструкцию как способ мыслить о мире, Деррида создает различные формы-конструкты: «след», «грамма», «*differance*» [10] и т.д. Но, возможно, наиболее наглядно и эффективно деконструкция «работает» как *историко-философское «перепрочтение» текстов*. Скорее, даже так: без этой своей, основополагающей, способности – перепрочитывать метафизические тексты, понятия и концепты – деконструкция, в принципе невозможна.

Предложив деконструкцию в качестве историко-философской стратегии, Деррида предостерегает: необходимо приучить себя к особому восприятию написанного текста и быть готовым к переворачиванию привычного для этого текста концептуального порядка. Зачем это нужно? Чтобы выявить те неразрешимые слова и термины, двойной смысл которых невозможно преодолеть, но вокруг которых и плетется ткань текста. Другими словами, в тексте всегда есть нечто, обо что он все время «запинаятся» – некая основная смысловая неразрешимость, акцентирование которой как чрезмерностей метафизического мышления и позволяет возникнуть тексту второму. Задача второго текста – размыть рамки тотальности значений первого текста и включить последний во множество других текстов. Деррида использует образ прораста-

ния семени: собранные в одну смесь смысловые возможности оплодотворяют первоначальные «смыслы» в «семена», способные дать новый «побег» – самых неожиданных значений в самом неожиданном месте. Такая операция, являясь неотъемлемой частью деконструкции, получило название «диссеминации». *Диссеминация*, говорит Деррида, это процедура «рассеивания сем» (анаграмматическое сближение слов «знак» – *signe* – и «семя» – *semence*), имеющая своей целью отметить некую складку, некий порог, о который запинаясь «сказанность» текста.

Все дело в том, что в тексте сталкиваются как минимум два текста, два дискурса – *дискурс знания и дискурс желания* – тот самый, которого, по слову Платона, «все люди зовут Эротом» [11. С. 87] и который никогда не говорит напрямую. Чтобы к нему подобраться, необходимы окольные пути. В данном случае речь идет о желании мысли быть именно метафизической мыслью – мыслью, знающей о себе самой. Но действительно ли эта мысль знает себя? Сталкиваясь с тем, что делает ее возможной, не затушевывает ли она собственные основания, чтобы быть красивой, стройной подделкой, скрывающей невидимые нити невидимого кукловода, у которого, как учит Деррида, «не существует даже имени» [12. С. 156]?

Такая стратегия больше напоминает расследование – детективный сюжет с хитроумным преступником, путающим следы и неожиданно выскакивающим из-за угла. Пример такой игры, захватывающей в распутывании скрытых следов желаний и мастерской в поиске их связей с подрывающим систему преступным «различием», предлагает Деррида в «Фармации Платона», посвященном... и тут уже начинается проблема. Кого все-таки в этом тексте больше: Платона или самого Деррида? В любом случае перед нами – Деррида, читающий Платона, исследующий и раздвигающий привычные смыслы «платонизма» и парадоксальным образом – пишущий заново платоновский текст – текст «бесписьменного Платона».

Фармация и фармакон: конфликт и соблазн. Что же такое «фармация»? Для Деррида это – следствие диссеминации, в основе которой лежит принцип дуализма. Другими словами, работа с текстом начинается с выявления *конфликтного поля*, которое имеет первичную природу по отношению к любому диалектическому единству – синтезу, искусственного и вторичного для работы разума. В результате такого выявления игра разворачивается по двум направлениям: в направлении Сократа, разыгрывающему обвинительные речи в отношении письма и мифа, и самого Деррида, деконструирующего и диссеминирующего сократовские речи. В результате одна из важнейших идей дерридианской философии воссоздается, точнее сказать, *возвращается* из далекого прошлого в современность: письмо как исток всех генеалогий и знания.

«Федр» Платона, считает Деррида, – это произведение, посвященное судебному процессу над письмом, в результате которого выясняются происхождение, история и ценность письма. Платоновский текст ставит своей целью ответить на вопрос, почему свободные люди – добропорядочные граждане полиса – испытывают стыд, записывая речи и оставляя после

себя сочинения? По мнению Сократа, потому что *написанное и истинное* не сходятся между собой. Напомним, что во времена Платона «публикация» своих мнений состояла, прежде всего, в устном исполнении, в публичном произношении своей речи перед слушателями; записанный текст играл служебную роль хранения «для памяти» [13. С. 115]. Беседуя с Федром, Сократ сравнивает написанные тексты с зельем – с «фармаконом» – снадобьем, одновременно служащим и лекарством, и ядом. Действует фармакон (или письмо) как соблазн, заставляя свернуть с естественных путей живого знания логоса и диалектики, застывая в графемах, превращаясь в басню, миф, рецепт, номенклатуру – согласно Сократу – в не-истину, в повторение без знания, в отсроченный *logos*.

Фиксируя сцену мифа и его персонажей во второй речи Сократа, Деррида выстраивает следующую схему: *logos* всегда соотносится с отцовской позицией, точнее, с отцом как Началом *logos'a*. Поэтому *logos* – это живая речь, существующая благодаря поручительству отца. Суть же письма состоит в отсутствии отца, в подрыве живой связи с ним. Другими словами, письмо – это *logos*, преданный забвению в отцеубийственном жесте.

В пространстве этой конфликтности – между живым *логосом-речью*, насыщенным памятью и истиной, и *письмом*, доверившим истину знакам, отпечаткам, оттискам и штампам, Деррида производит главное свое смещение оппозиций платоновского текста. Здесь мы как раз сталкиваемся с тем типично дерридианским анализом, как он сам признает, «отделенным от общепризнанных моделей комментария» [12. С. 128], суть которого в динамическом смещении в системе понятий / оппозиций с целью выявления возможности самой системы оппозиций.

Такой возможностью серийности понятий, считает Деррида, и является фармакон. Именно он задает главное различие между добром и злом, между истиной и ложью, сущностью и явлением: это оппозиция *внутри / снаружи* или *внутреннее / внешнее*. Канвой платоновского текста является конфликт между письмом как *pharmakon'ом* и речью, как живой памятью присутствующего в ней *eidos'a*.

Mimesis и диалектика: разоблачение фармакона. Отношения, завязывающиеся между моделями и *eidos'ами*, – отношения *mimesis'a*. Но *eidos* – не только чистая сущность, прообраз вещи, это еще и *образец желания для подражания*, вследствие чего Сократ в своем движении к знанию никак не мог обойтись без Эрота. Процедура диссеминации как раз и дает подход к анализу взаимоотношений знания и того, что дает возможности этому знанию состояться в качестве желания этого знания. Откуда проистекает желание? Желание – это подрывное движение замещения, благодаря которому происходит чистая игра следов и дополнений, длящих возможность присутствия отсутствующего отца.

Деррида подчеркивает, особенность платоновского *mimesis'a* в том, что он стремится к памяти без знака, без фармакона. Поэтому письмо для Платона представляет собой дополнение к порядку бытия, на самом деле ничего не дополняющее. Письмо лишь

гипнотизирует память изнутри ее самой; оно – не сущее и не не-сущее; оно – возможность повторения, возможность подражания тождественного самому себе – «роковое увлечение удвоением» [12. С. 137], которое позволяет оттискам выглядеть как оригинал. Отсюда происходят два самых больших зла по Платону: оцепенение памяти и забвение живого бытия и знания.

Деррида переходит к обсуждению новой фигуры: собственно, кто такой *pharmakeus*? Маг, волшебник, очаровывающий, в том числе, и своими речами. Очевидно, что в текстах Платона Сократ именно так и выглядит. Недаром Диотима сравнивает Сократа с Эротом [14. С. 87–127; 15. С. 22]. Отличие Сократа от других *pharmakeus* состоит в том, что его фармакон сталкивается с другим фармаконом, заставляя как бы вывернуться его наизнанку, делая прозрачным в этом жесте само пространство игры, где разворачиваются любые оппозиции. Сократ разоблачает, иллюзорную природу фармакона. «Амнезийная диалектика как повторение *eidōs* 'a» [12. С. 153] – это и есть сократовский фармакон – искусство знания (*epistēmē*) и самообладания, лучшее лекарство против всех видов шарлатанства и чародейства, включая софистов, целебный настой против всех заблуждений, мнений и человеческих страхов. В этом и состоит секрет сократовской диалектики – в способности оставаться в промежулке между различиями: нельзя застревать на какой-либо стороне оппозиции, нужно все время нейтрализовать оппозицию, держать дистанцию, соблюдать пробелы и не позволять сливаться с образцами для подражания. Сократовская диалектика – это способ разоблачить *pharmakon*, приостановив – насколько возможно – умножение *mimesis* 'a. Подражая эйдосу, мы всего лишь множим наготу и пустоту жизни.

Фармакон как искусство умирания. Есть и цена у этого искусства самообладания: цена жизни. Здесь, предупреждает нас Деррида, мы вступаем в область наиболее скрытых значений фармакона, связанных с риском человеческого существования, с его предназначением как такового. Неудивительно, что фармакон все время приближается к смерти и есть искусство умирания. Это цена за истину и знание: только при условии отказа от прибылей, от знания как власти над людьми, от страсти как наслаждения мы сможем избавиться от страха, от беспамятства, от неистовства жизни.

Деррида снова отсылает нас к тем правилам игры, определенные им как практики диссеминации. Платоновский текст, как и всякий другой текст, не существует замкнутой системой, не нагруженной теми смыслами, которые были свойственны греческой культуре того времени [Там же. С. 65]. Новый смысл, не употребленный Платоном, однако отсылающий к нему в контексте греческой культуры, Деррида определяет как *«pharmacos»* (козел отпущения) – жертвенная фигура ритуальных практик, которые мы находим повсеместно в греческих полисах в V в. до Р.Х. Назначение этих ритуалов состоит в изгнании некоего зла за пределы города – в коллективном предании смерти. Чтобы восстановить единство города, поверженное в кризис, необходимо ««внутреннее»

пространство слегка инфицировать («человек-катарма» всегда живет внутри города), чтобы затем выдворить его за пределы города». То есть «церемония *pharmacos* 'a разыгрывается на границе внутреннего и внешнего, причем ее функция как раз и заключается в том, чтобы постоянно проводить и подтверждать эту границу» [12. С. 167]. Именно поэтому *pharmacos* одновременно освящен и проклят: он берет зло на себя и тем самым от зла освобождает других. Желая подчеркнуть драматизм сократовской фигуры в греческом полисе, Деррида озвучивает следующую деталь: «...как пишет Диоген Лаэртский о дате рождения Сократа: “Он родился шестого фаргелиона, когда афиняне очищали город”» [Там же. С. 168].

Однако, спрашивает Деррида, почему же в конечном итоге «Федр» заканчивается не осуждением письма во имя живой речи, «сколько предпочтением одного письма другому» [Там же. С. 189]? Философ поясняет: истинная, законная речь тоже записывается (по утверждению Сократа, в душе человека). Между живой, присутствующей речью и лживым, непристойным письмом – бесконечное поле метаморфоз, дополнений и отсылок, зеркальных повторений, перверсий и преступлений – всех способов перерождения, существующих как неисчерпаемый запас, бездонный колодец, суть которого – слово отца, однажды сказанное. Письмо – отцеубийца, без которого, однако, не состоится речь *logos* 'a. Философское мастерство фармации, – делает вывод Деррида, – состоит в правильном, размеренном доступе к истине: к замещению отца законнорожденным сыном, одновременно обрывающему доступ к отцу и образующему бесконечно длящейся переход к нему.

Древние источники сообщают, что в стенах Академии Платон вел курсы под общим названием «Вокруг блага», не стремясь к тому, чтобы их записывали. Платон считал, что последние истины, касающиеся первоисточников бытия, не могут быть выражены письменной речью. Деррида вновь возвращает нас к пониманию значения и роли устной диалектики в платоновском дискурсе, выявляя те конфликтные «точки», где знание граничит с мифом, жизнью, желанием, где ассимиляция живой мысли – *logos* 'a – и написанного текста невозможна и где жест умолчания необходим, чтобы знание имело доступ к преобразованию души в благо.

Выводы. В отношении платоновского наследия диссеминация и фармация как историко-философские стратегии открывают доступ к платонизму, еще нами вполне не освоенному. К платонизму *постметафизическому*, который в движении мысли схватывает судьбу человеческого существа, приговоренного к постоянной и всегда решающей схватке с собственным образом, архетипом, умноженным речью, памятью, письмом. Деррида продолжает генеалогический проект, начатый Ницше, суть которого в разоблачении исторического смысла ценностей, в контексте которого французский исследователь пытается, своего рода, узаконить «недоговоренность» платоновских текстов. Деррида движется в контексте общего нарратологического поворота в платоноведении, присущего в целом методологии гуманитарных наук второй половины XX сто-

летия, приближаясь, на наш взгляд, к так называемому *драматическому* прочтению Платона, противопоставленному догматическому подходу с его классическим набором платоновских «сумм». На это указывает дерридианский акцент на полилоге и сценичности платоновского текста, его концептуальной открытости, но при этом – и некой драматической завершенности самой мысли, которую Платон и стремился показать. На наш взгляд, деконструкция Деррида прошла испытание на состоятельность, сделав некоторым образом до-

ступным понимание «Платона бесписьменного»: проблема генеалогии письма и сократовский способ майевтического рождения истины оказались связанными в одно целое. Читая текст Деррида, читающего текст Платона, нельзя не удостовериться и в том, что философия не состоит в поиске новых слов; новые слова, изобретенные Деррида, – лишь средство, чтобы испытать мысль в ее способности быть мыслью в том пространстве, которое открыл и про-играл Платон: от мифа к *logos* 'у и от *logos* 'а к мифу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллингвуд Р.Дж. *Идея истории. Автобиография*. М., 1980. 486 с.
2. Кузнецова Н.И. История философии contra философия // История философии: история или философия? Алешинские чтения – 2015: материалы междунар. конф. Москва, 10–11 декабря 2015 г. / отв. ред. Т.А. Шиян. М. : РГГУ, 2015. С. 11–16. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/ff/aleshinskie_chneniya_-2015.pdf.
3. Кузнецова Н.И. «Презентизм» и «антикваризм» – две картины прошлого // *Arbor mundi*. 2009. Вып. 15. С. 164–197.
4. Библер В.С. История философии как философия (К началам логики культуры) // Историко-философский ежегодник ' 89. М. : Наука, 1989. С. 39–55.
5. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб., 1993. 349 с.
6. Ясперс К. *Всемирная история философии. Введение*. СПб., 2000. 272 с.
7. Зарапин О.В. О смысле выбора между историей и философией. // История философии: история или философия? Алешинские чтения – 2015: материалы междунар. конф. Москва, 10–11 декабря 2015 г. / отв. ред. Т.А. Шиян. М. : РГГУ, 2015. С. 16–21. URL: https://www.rsuh.ru/upload/main/ff/aleshinskie_chneniya_-2015.pdf, свободный.
8. Рыскельдиева С.Т. О философской текстологии, или чему должна учить история философии // *Вопросы философии*. 2015. № 1. С. 106–115.
9. Авксентьевский И.И. Тотальность историко-философского процесса : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1995. URL: <https://www.plato2005.platoakademeia.ru>
10. Деррида Ж. *Differance* // Гурко Е. *Тексты деконструкции. Деррида Ж. Differance*. Томск : Водолей, 1999. С. 124–158.
11. Платон. *Пир* // Платон. *Собрание сочинений в 4 т.* М. : Мысль, 1993. Т. 2. С. 85–134.
12. Деррида Ж. *Фармация Платона* // Деррида Ж. *Диссеминация* / пер. с франц. Д. Кралечкина. Екатеринбург : У-Фактория, 2007. С. 71–219.
13. Шичалин Ю.А. Платон и *Soprus Platonicum*: константы новой парадигмы // *Вопросы философии*. 2015. № 8. С. 112–124.
14. Адо П. *Сократ* // Адо П. *Духовные упражнения и античная философия*. М.; СПб. : Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2005. 448 с.
15. Круглов В.Л., Круглова И.Н. *Культы судьбы и судьбы культуры (опыт герменевтико-антропологического прочтения)*. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. 269 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 6 декабря 2018 г.

The History of Philosophy as a Philosophy, or Derrida Reading Plato

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 77–82.

DOI: 10.17223/15617793/451/10

Inna N. Kruglova, Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: inna_krug@mail.ru

Keywords: history of philosophy; presentism; antiquarian; Plato, Derrida.

The article aims to answer the question of whether the history of philosophy is a philosophy or a history. Two methodological guidelines in modern historical and philosophical studies are considered: presentism as a position of seeing a variation of modern philosophical discourse in the ideas of the past and antiquarianism as a desire to reconstruct historical contexts. The juxtaposition of presentism and antiquarianism is presented as a consequence of Hegel's understanding of philosophy as the identity of the history of philosophy and the logic of the development of universal reason and is correlated with the substantial and non-substantial understanding of history. It is proposed to reformat the methodological dilemma of presentism and antiquarianism in a "third way": in the "philosophical textology" or "logic of culture". The third way tries to eliminate the dilemma of presentism and antiquarianism and to combine philosophical metaposition and historical distance in relation to the thinkers of the past. The centre of this position is the text itself, which connects the substantial and existential planes of the philosophy of history. An example of such a way is *Plato's Pharmacy* by Derrida. "Dissemination" and "pharmacy" as historical and philosophical strategies used by the French philosopher for the analysis of Plato's texts are proposed for analysis. The peculiarity of dissemination and pharmacy as methods revealing the dynamics between the discourse of desire and the discourse of knowledge is revealed. Dissemination is aimed at dispersing the meanings of the "explicit" text. Pharmacy is aimed at revealing the desire of thought to be a metaphysical thought. The focus is on writing as a source of genealogies and knowledge. Writing ("pharmakon") is understood as a parricidal gesture towards logos. The conflict between the discourse of desire and the discourse of knowledge can be interpreted as a sacrificial substitution of living speech by writing. This substitution is based on Platonic dynamics of the form and the model. The basis of Socratic dialectics as an art of self-control is the prohibition on imitation, on the multiplication of models. The connection of "pharmakon" as a philosophical strategy with sacrificial practices of the Greek polis is emphasized. Ultimately, the relationship between living speech and writing is interpreted as the fate of a human being doomed to repetition. Philosophical mastery is presented as a correct, deliberate access to the replacement of the father. As a result, Derrida shows Plato hidden from Plato himself: Plato in the format of post-metaphysical thinking. Derrida's historical and philosophical reading of Plato's text demonstrates the ability of modern philosophers to return to the origins of thought, to preserve the specificity of historical figures and at the same time to be successors of Socratic philosophical mania.

REFERENCES

1. Collingwood, R.G. (1980) *Ideya istorii. Avtobiografiya* [The Idea of History. An Autobiography]. Translated from English by Yu.A. Aseev. Moscow: Nauka.

2. Kuznetsova, N.I. (2015) The History of Philosophy Contra Philosophy. *Istoriya filosofii: istoriya ili filosofiya? Aleshinskie Chteniya – 2015* [History of Philosophy: History or Philosophy? Alyoshin Readings–2015]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 10–11 December 2015. Moscow: RSUH. pp. 11–16. (In Russian).
3. Kuznetsova, N.I. (2009) “Prezentizm” i “antikvarizm” – dve kartiny proshlogo [“Presentism” and “Antiquarism”: Two Pictures of the Past]. *Arbor mundi*. 15. pp. 164–197.
4. Bibler, V.S. (1989) Istoriya filosofii kak filosofiya (K nachalam logiki kul'tury) [The History of Philosophy as a Philosophy (Toward the Beginning of the Logic of Culture)]. *Istoriko-filosofskiy ezhegodnik '89 – History of Philosophy Yearbook '89*. pp. 39–55.
5. Hegel, G.W.F. (1993) *Lektsii po istorii filosofii* [Lectures on the History of Philosophy]. Translated from German. Book One. St. Petersburg: Nauka.
6. Jaspers, K. (2000) *Vsemirnaya istoriya filosofii. Vvedenie* [A World History of Philosophy. An Introduction]. Translated from German by K. Loshchevskiy. St. Petersburg: Nauka.
7. Zarapin, O.V. (2015) About the Sense of Choosing Between Philosophy and History. *Istoriya filosofii: istoriya ili filosofiya? Aleshinskie Chteniya – 2015* [History of Philosophy: History or Philosophy? Alyoshin Readings–2015]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 10–11 December 2015. Moscow: RSUH. pp. 16–21. (In Russian).
8. Ryskel'dieva, S.T. (2015) O filosofskoy tekstologii, ili chemu dolzhna uchit' istoriya filosofii [On Philosophical Textology, or What the History of Philosophy Should Teach]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 1. pp. 106–115.
9. Avksent'evskiy, I.I. (1995) *Total'nost' istoriko-filosofskogo protsessa* [The Totality of the Historical-Philosophical Process]. Abstract of Philosophy Cand. Diss. St. Petersburg. [Online] Available from: <https://www.plato2005.platoakademeia.ru>.
10. Derrida, J. (1999) Differance. In: Gurko, E. *Teksty dekonstruktsii. Derrida Zh. Differance* [Texts of Deconstruction. Differance by J. Derrida]. Tomsk: Vodoley. pp. 124–158.
11. Plato. (1993) Pir [Feast]. In: Losev, A.F., Asmus, V.F. & Takho-Godi, A.A. (eds) *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected Works in 4 Vols]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'. pp. 85–134.
12. Derrida, J. (2007) Farmatsiya Platona [Plato's Pharmacy]. In: Kuznetsov, V. (ed.) *Disseminatsiya* [Dissemination]. Translated from French by D. Kralechkin. Yekaterinburg: U-Faktoriya. pp. 71–219.
13. Shichalin, Yu.A. (2015) Platon i Corpus Platonicum: konstanty novoy paradigmy [Plato and Corpus Platonicum: Constants of the New Paradigm]. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 112–124.
14. Hadot, P. (2005) *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual Exercises and Ancient Philosophy]. Translated from French. Moscow; St. Petersburg: Izd-vo “Stepnoy veter”; ID “Kolo”.
15. Kruglov, V.L. & Kruglova, I.N. (2010) *Kul'ty sud'by i sud'by kul'tury (opyt germenevtiko-antropologicheskogo prochteniya)* [Cults of Fate and the Fate of Culture (Experience of A Hermeneutic-Anthropological Reading)]. Tomsk: Tomsk State University.

Received: 06 December 2018

Е.Ю. Талалаева

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГРАНИЦЫ ЯЗЫКА В ФИЛОСОФИИ Л. ВИТГЕНШТЕЙНА И М. ХАЙДЕГГЕРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-311-00123 «Язык и мир в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера: философско-компаративный анализ».

В исследовании реконструируются подходы к решению онтологической проблемы границы языка и мира в философии Л. Витгенштейна и М. Хайдеггера. Компаративный анализ ключевых положений философских воззрений обоих мыслителей на природу соотношения языка, мира и мистической сферы жизни человека позволил установить основной способ преодоления границы обыденного языка, осуществляющийся через «показывание» при помощи молчания в философии раннего Витгенштейна или поэтического языка у позднего Хайдеггера.

Ключевые слова: Витгенштейн; Хайдеггер; язык; мир; молчание; граница языка; мышление; поэзия; сказ.

Следствием лингвистического поворота, ставшего переломным событием в философской науке прошлого столетия, явилась постановка принципиально новых проблем в области языкознания. В частности, свою актуальность и в наше время сохраняет поиск путей решения вопроса о правомерности установления границы языка и поиска возможностей её преодоления.

Данная тема стала одним из ключевых аспектов современных дискуссий среди западнофилософских академических кругов, обращающих свои научные устремления в область философии языка. В этой связи наибольший интерес вызывает анализ представленной проблемы в рамках двух ведущих западноевропейских философских традиций: аналитической и феноменолого-герменевтической. Для этого наиболее продуктивным представляется сопоставление идей Людвиг Витгенштейна и Мартина Хайдеггера как наиболее ярких и влиятельных мыслителей данных традиций. Несмотря на очевидные существенные различия в их философских программах, весьма показательно, что В.В. Библихин представил Витгенштейна и Хайдеггера как «действующих непохожим до почти полной противоположности образом, как движения правой и левой руки бывают до противоположности непохожими именно тогда, когда они делают одно и то же дело» [1. С. 145].

Исходя из данного суждения российского исследователя, отчетливо иллюстрирующего схожий по своей значимости вклад Витгенштейна и Хайдеггера в философию языка, мы предполагаем, что оба мыслителя сформулировали аналогичные философские установки о соотношении между языком, бытием и миром, несмотря на то, что они принадлежали к разным философским традициям. Особо следует отметить, что подходы этих философов к исследованию природы языка находят много общего на противоположных этапах философствования. В подтверждение последнему тезису можно привести суждение Р. Рорти, изложенное в его исследовании о гипостазировании языка: «...эти два философа встретились на половине пути, направляясь в разные стороны» [2. С. 122].

Таким образом, прагматический и во многом социально ориентированный подход раннего Хайдегге-

ра во многом согласуется с представлениями о деятельности природы языка позднего Витгенштейна, тогда как двойственное восприятие мира ранним Витгенштейном, различающим фактуальный мир и область, где обретаются мистические сущности, находит любопытную параллель с дуалистическим видением мира поздним Хайдеггером, связывающим воедино понятия «мир» и «земля». Следовательно, обращаясь к интеллектуальному наследию Витгенштейна на раннем этапе его творческой деятельности и поздним суждениям Хайдеггера после *поворота* в его философствовании, можно сконструировать подход к решению проблемы преодоления границы языка.

Витгенштейн: молчание за границей языка и мира

Языковая проблематика красной нитью пронизывает всю философию Витгенштейна. На разных этапах своей интеллектуальной деятельности философ акцентировал научный интерес на различных аспектах соотношения языка и мира, постепенно трансформируя собственные представления о природе этой взаимосвязи. Уже в начале своего философского пути Витгенштейн поставил вопрос о возможности репрезентации мира в языке. Из рукописей *Дневников* (1914–1916) [3], претворяющих создание раннего фундаментального труда Витгенштейна – *Логико-философского трактата* [4], становится очевидным, что основополагающая идея австрийского философа заключается в положении, согласно которому структура мира проецируется в логической структуре языка. Данная возможность осуществляется благодаря тому, что язык и мир разделяют общую для них логическую форму.

Подобная репрезентация мира на языке открывает перспективу для конструирования картины реального положения дел в мире при помощи предложений, в своей совокупности составляющих язык в целом. В этом отношении Витгенштейн наделял предложения особым онтологическим значением, выраженным метафорой «логические строительные леса» картины мира [Там же. С. 18]. При этом философ существенно ограничил изобразительный горизонт языковых средств условием, что на языке могут быть отображе-

ны лишь *факты*. В своей основе такая позиция располагала суждением, что мир определяется фактами и составлен совокупностью фактов [4. С. 5]. Факты, находя своё логическое отражение в языке, существуют объективно вне зависимости от знания человека о них. В этом плане предложения языка являются своеобразными моделями возможных в действительности ситуаций: только в таком случае предложение обладает смыслом. Следовательно, если предложение не отображает в своей структуре определённого положения дел в мире, к примеру, когда речь заходит о феноменах этического или мистического характера, нам остаётся лишь констатировать его бессмысленность. Таким образом, согласно ранним представлениям Витгенштейна, смыслом обладает всё, что потенциально может произойти в фактуальном мире и найти своё отображение в логической структуре языка. Но насколько правомерно утверждение, что границы языка соответствуют границам мира?

Витгенштейн заявил: «*Границы моего языка означают границы моего мира*» [Там же. С. 56]. Тем не менее совершенно очевидно, что рассуждения о метафизических сущностях и понятиях, среди которых смысл жизни, представления о Боге, этические ценности и пр., в значительной мере присутствуют на страницах *Дневников* Витгенштейна и фактически завершают его *Трактат*. Однако философ умышленно оставляет их вне досягаемости *осмысленных* высказываний и за границей фактуального мира. Витгенштейн рассуждал: «Верить в Бога – значит понимать, что факты мира – это не всё» [3. С. 127]. Следовательно, существует нечто невыразимое формально-логическим языком. Преимущественно уклоняясь от прямых рассуждений о невыразимом, Витгенштейн утверждает, что оно *показывает* себя, и именует это понятием *мистического* [4. С. 72]. В сущности, разница между тем, что может быть сказано, и тем, что может только показать себя, заложена в основу всего раннего периода философствования Витгенштейна. Иллюстрацией к такому подходу может послужить представление философа о «я» как глубоко мистическом понятии, согласно которому «я» это не тело или душа человека, но некий метафизический субъект: не часть мира, но его граница [3. С. 137]. В рукописях Витгенштейна мы находим подтверждение тому, что подобные трансцендентные сущности некоторым образом связаны с миром фактов. К примеру, этика, изначально не принадлежа миру, входит в него через «я», т.е. проникает сквозь границу. Внимательное изучение ранних материалов Витгенштейна приводит нас к выводу, что традиционные философские проблемы добра и зла, существования Бога и т.д. могут считаться тем, «что образовывало, если и не фон всех размышлений Витгенштейна, то, как минимум, равноправную часть его ранней философии» [5. С. 280]. Это исключает крайне позитивистский подход к трактовке ранних суждений философа о *мистическом* как о попытке очертить границу языка, за которой всё лишено смысла и не заслуживает исследовательского интереса.

Но если любая попытка выйти за границу языка и привести описание реальности, лежащей вне границ мира, обречена на появление лишённых смысла выска-

зываний, то закономерно возникает вопрос: где располагаются невыразимые мистические сущности и каким образом они проявляют себя в мире? В *Трактате* Витгенштейн пишет: «Переживание мира как ограниченного целого – вот что такое мистическое» [4. С. 72]. Исходя из невыразимости средствами языка *мистического*, мы приходим к выводу о невозможности выразить и сам факт существования мира, хотя это и не опровергает его бытийствования. Кроме того, мы лишены возможности рассуждать и о смысле мира как целостной конструкции, так как подобные размышления не доступны для осмысленного высказывания их на формально-логическом языке и, соответственно, принадлежат особой *сфере мистического*. Сам философ в этом отношении однозначно утверждал: «Смысл мира должен находиться вне мира. <...> в нем нет ценности – а если бы она и была, то не имела бы ценности» [Там же. С. 70].

Если обобщить разрозненные витгенштейновские идеи о значении *мистического* феномена для человека, то мы можем составить представление об этом понятии как о смысле жизни, который также невыразим на языке, но включает в себя все ценности. Витгенштейн утверждал: «Высшее не выразить предложениями» [Там же]. Таким образом, все вопросы о смысле жизни, природе добра и зла и пр., традиционно занимающие умы философов на протяжении тысячелетий, были отринуты Витгенштейном в качестве бессмысленных и основанных на «непонимании логики нашего языка» [Там же. С. 3]. Они не могут быть выражены предложениями языка, так как по своей сути не являются логически верным отображением факта в предложении языка, стало быть «...большинство предложений и вопросов, трактуемых как философские, не ложны, а бессмысленны. Вот почему на вопросы такого рода вообще невозможно давать ответы, можно лишь установить их бессмысленность» [Там же. С. 18]. Когда мы не располагаем возможностью дать ответ на вопрос вследствие его бессмысленности, нам лишь остаётся вслед за Витгенштейном согласиться, что это вовсе и не проблема по своей сути. Если мы не можем ничего сказать о проблеме на фактуальном языке, то нам следует хранить о ней *молчание*. Именно в молчании, согласно Витгенштейну, таится ключ к преодолению границы языка. Но перед более подробным рассмотрением данного феномена как способа избежать бессмыслицы, необходимо прояснить, что собой представляет *мысль*.

В отношении бессмыслицы Витгенштейн занимал двойственную позицию. С одной стороны, он был настроен категорически против лишённой смысла болтовни. В биографическом исследовании Рея Монка мы встречаем упоминание о значимости *Исповеди* Св. Августина для Витгенштейна и особо трепетное отношение австрийского философа к цитате из *Книги I*: «Но горе тем, которые молчат о Тебе, ибо и речистые онемели» [6. С. 7]. Позже эта фраза в вольном переводе Витгенштейна стала трансформироваться в: «И горе тем, кто ничего не говорит о Тебе только потому, что пустомели несут околесицу» [7. С. 292] и далее в дискуссиях с представителями Венского кружка она прозвучала как: «Что ты скотина не хочешь молоть чепуху! Скажи хоть чепуху, сойдет!» [8. С. 55]. Подобным

образом Витгенштейн указывал на необходимость сведения к минимуму бесплодной чепухи болтунов. Однако мы видим: философ не отказывался от бессмыслицы полностью. Само желание сказать что-то, что на языке выразить нельзя – это попытка выйти за границу языка. Но возможно ли реализовать такую потребность духовной сферы жизни человека как «говорить бессмыслицу» в действительности? Согласно Витгенштейну, мысль – это «логическая картина факта» [4. С. 10]. Мир, как установлено ранее, составляют факты, изображаемые в логическом пространстве при помощи мысленных картин или *образов*. Из этого утверждения вытекает вопрос: возможно ли поместить мысль за границей языка? Вероятно, подсказку для разгадки поставленного вопроса можно обнаружить в работе финского исследователя Х. Аппелквист, предположившей существование двух видов фактов: «...факты, которые выразимы в осмысленном языке, и факты, которые следует обходить молчанием» [9. Р. 44]. Изначальная убежденность Витгенштейна в том, что *мысль* строго логически соотносится с предложением как моделью ситуации в мире, была поколеблена сомнениями философа в обоснованности собственной изобразительной теории предложений, которую он впоследствии подверг критике в своих поздних рассуждениях. В частности, границы языка были преодолены в пользу молчания [10. Р. 84]. Такой вывод исходит из утверждения, что хотя язык имеет границу, мысль не ограничивается языком.

Доказывая в *Трактате* суждение о наличии границы языка, Витгенштейн ничем не опровергал безграничность мышления. В случае, когда язык утрачивает возможность выразить мысль, она переходит в сферу молчания. В знаменитом седьмом тезисе, завершающем *Трактат*, Витгенштейн заявил: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать» [4. С. 73]. Монк заметил, что это предложение «выражает и логико-философскую истину, и этическую заповедь. <...> Бессмыслица, которая происходит из-за попытки сказать то, что можно только показать, не только не приемлема, но и этически нежелательна» [7. С. 170]. Преодолеть преграду для мышления, выставленную с одной стороны логикой, а с другой – этикой, позволяет молчание. Молчание, наравне с языком, позволяет мысли выразить себя в полной мере. Витгенштейн настаивал, что гипотетически очертить границу мышления возможно было бы лишь в языке [4. С. 3]. Но для проведения такой границы необходимым условием являлась бы способность мыслить не только на языке, но и по ту сторону границы, т.е. способность «мыслить немислимое». Абсурдность подобного высказывания исключает возможность установления языковой границы мышления. Человек способен мыслить и «по ту сторону» языка, когда мысль пребывает в молчании. Пожалуй, именно молчание становится залогом осмысленного говорения, так как оно обеспечивает необходимое условие мышления за границей языка.

Хайдеггер: сказ как выражение трансцендентного

В то время как Витгенштейн постепенно отказался в пользу прагматической концепции языковых игр от

жестких логических рамок применительно к языку, создавших предпосылку для формирования дуалистической картины мира в его ранней философии, в мировоззрении Хайдеггера произошёл противоположный поворот. Представления немецкого мыслителя о мире и его соотношении с языком претерпели значительные изменения с включением в его философскую концепцию мистического феномена, прежде отсутствовавшего в *Бытии и времени* [11]. Вследствие этого мир обретает свою оборотную сторону – *землю* [12. С. 153], а повседневный язык отчётливо обособляется от поэзии, выражающей язык в своём чистом виде. Тем не менее сущностная значимость языка остаётся прежней: он неразрывно связан с бытием и является залогом бытийствования *Dasein'a* в мире. Сущность языка как целостного феномена проистекает из его изначальной взаимосвязи с бытием: «...язык есть язык бытия, как облака – облака в небе» [13. С. 220]. Если рассматривать *Dasein* с позиции человеческого бытия-в-мире, как это было предложено немецким философом и учеником Хайдеггера В. Бимелем [14. Р. 69], то язык по-прежнему является для человека гарантом бытийствования в мире. Хайдеггер утверждал, что «сущность человека покоится в языке. Мы существуем прежде всего в языке и при языке» [15. С. 259]. Согласно знаменитой аллегории немецкого философа: «язык – дом бытия», войти в который человек может лишь будучи лингвистической личностью. В своём раннем философствовании Хайдеггер предполагал, что только через язык человек соприкасается с миром и осуществляет своё здесь-бытие с другими людьми в едином социальном пространстве. При этом язык вовсе не рассматривался с позиции коммуникативного инструмента, скорее это «событие, которое распоряжается высшей возможностью человеческого существования» [16. С. 12]. Язык не являет собой специфической деятельностью человека, именно язык говорит (*Sprache spricht*) через человека, позволяя ему реализовать через *речь* своё бытие.

Однако если в ранних философских представлениях Хайдеггера именно *речь* как ключевой экзистенциал *Dasein'a* позволяла человеку разомкнуть мир и войти в его бытие, то в поздних размышлениях немецкого мыслителя схожую по сущностной значимости позицию занимает *сказ*. В отличие от многих принципиально новых категорий позднего периода интеллектуальной деятельности Хайдеггера, понятие *сказ* встречается в лекциях философа уже в 1926 г. [17. С. 302]. Изначальное этимологическое значение данного слова, характеризующее некое эпическое повествование о выходящем за рамки повседневности событии, просматривается даже после его семантической трансформации вследствие включения в хайдеггеровский терминологический аппарат. Тем не менее данное понятие является одной из наименее используемых категорий философом в его рукописях и публичных выступлениях. Мы можем предположить, что причина, по которой Хайдеггер избегал непосредственно использовать слово *сказ* в своём философствовании, кроется в желании «уберечь его от применения в качестве расхожей рубрики и от подделки в обозначение какого-либо понятия» [15. С. 298]. Сле-

довательно, философ наделяет его особым значением, возвышающим данное понятие над остальным языком. Изначально в немецком языке глагол *sagen* – ‘сказывать’, ‘говорить’ был связан с глаголом *sehen* – ‘видеть’ и применялся в значении «позволить увидеть, показать» [18. Р. 190]. В этом можно провести параллель с витгенштейнианским подходом к проблеме невыразимого: если что-то нельзя сказать на языке, это должно быть *показано*. Но если Витгенштейн преимущественно хранит молчание о том, что не подвластно формально-логическому языку, то Хайдеггер нашёл решение этой проблемы в обращении к *сказу*. *Сказ*, с точки зрения немецкого философа, своими сущностными характеристиками соответствует поэтическому языку в том плане, что также способен приоткрыть для человека истину вещей, недоступную для выражения средствами повседневного языка. Подобное сопоставление *сказа* и поэзии стало возможным благодаря тому, что они оба выражают себя через поэта. В сущности, поэзия и является *сказом*, она содержит в себе скорее намёки, *показывающие* истинное положение дел, чем прямую отсылку к фактам. Особенно важно отметить при этом, что именно сокрытый язык поэзии говорит через поэта, а не поэт выражает свой жизненный опыт или собственные идеи.

Пожалуй, главенствующая позиция поэтического языка в отношении поэта создаёт наибольшее количество сложностей при интерпретации философской задумки Хайдеггера. Для философа несущественно *кто* создал стихотворное произведение, главное – чтобы оно было выражено *чистым* языком. Такой подход отличается от привычного мировоззрения большинства людей, тем не менее, в нем заложен глубокий онтологический смысл. Хайдеггер не опровергает заслуги поэта в том, что его дар изначально способствует трансформации обыденного языка в поэзию. Тем не менее мастерство поэта, согласно представлениям немецкого философа, состоит преимущественно в том, что стихотворное произведение не утратит своей истинной ценности, если отречётся от имени творца. Следовательно, поэт в сравнении со своей поэмой обладает существенно меньшей значимостью, его жизненный опыт не отражается на восприятии поэзии слушателями, а личные человеческие качества ничем не искажают «чистоты» поэтического языка. Но что же делает поэзию *чистым* языком? Важнейшее качество языка заключается в том, что он «впервые именуется сущее, и благодаря такому именованию впервые воплощает сущее в слове и явлении» [19. С. 71]. В процессе *именования* сущего язык реализует свою способность входить в мир и проявить в нём то, что прежде было сокрыто. Таким образом, язык выступает в качестве «просветляющего наброска»: слово языка, именуя какое-либо сущее в мире, «высветляет» его для человека, позволяя увидеть его истинный облик. В этом плане поэзия представляет собой «набрасывающий» *сказ*, способный привнести в мир то, что невозможно выразить на языке повседневности. Преимущество поэзии заключается в том, что «она делает язык непривычным, сверхъестественным или несокрытым, так что мы становимся способ-

ными осознать саму его близость и сущность этой близости. Таким образом, поэтический язык вступает за границы того, что может быть сказано» [20. Р. 193]. Являясь языком в чистом виде, поэзия способна показать *невыразимое* – то, что в философских представлениях Витгенштейна составляло сферу *мистического*, недоступного высказыванию словами фактуального языка.

Поэзия преодолевает границу повседневного языка, позволяя человеку соприкоснуться с истиной. Истина составляет сущность поэзии, поэтому поэтический язык нельзя рассматривать односложно, просто как форму литературного творчества. Хайдеггер никогда не проводил различия между поэзией и прозой как жанрами языка. Философ полагал, что «чистая проза никогда не прозаична. Она поэтична и, следовательно, также редка, как и поэзия» [19. С. 205]. Более того, Хайдеггер полагал, что поэзия – это не что иное, как *празык* [16. С. 18], который не только стал основой бытия и привнесения его в мир, но и является залогом существования языка вообще. Для обоснования поэзии в качестве *празыка* Хайдеггер вводит в свой философский категориальный аппарат новое понятие, которое он выразил словом *боги*. В *празыке* возможно обнаружить следы скрывшихся из современного мира и олицетворяющих собой сокрытую сущность языка *богов*, которых поэзия изначально именовала.

Как уже было отмечено выше, понятие *боги* отсутствует в ранней философии Хайдеггера. Они редко упоминаются и в более поздних его работах. *Боги* непосредственно появляются в философии Хайдеггера лишь под дальнейшим влиянием на его интеллектуальную деятельность творчества немецкого поэта Фридриха Гельдерлина, для разъяснения которого необходимо обуславливать двойственную взаимозависимость таких категорий как *боги* и *люди*. В рукописях 1936–1938 гг. Хайдеггер говорит о *богах* исходя из своего тяготения к Древней Греции и природе, некогда считавшейся жилищем богов, но теперь уничтожающейся технологией [21. Р. 27]. В то же время он уклоняется от предоставления каких-либо сведений о *богах* или хотя бы намеков о численности их пантеона. Понятие *боги* в его поздней философии тесно связано с его представлениями о человеке. Если бы человек не осознавал, что он обладает особым предназначением и *конечностью* (*Endlichkeit*), а просто воспринимал бы себя как биологическую особь среди таких же подобных ему, то боги ему и вовсе были бы не нужны. Но Хайдеггер настаивает на том, что «люди и боги вместе возникли из бытия (*Sein*), подобно отмели, возникшей между волнами реки» [Ibid. Р. 476]. Рассуждая в своих работах о *богах*, Хайдеггер нигде не оставляет упоминаний об их онтологическом статусе. Он указывает на то, что они умерли вместе с древнегреческими городами-государствами, покровителями которых являлись, хотя поэты способны периодически оживлять их в своих произведениях [18. Р. 82]. Тем не менее люди нуждаются в *богах*, чтобы выжить в современном мире. И только поэзия как чистый язык способна провести связующую нить между богами и людьми через дар поэта, наполнив бытие человека смыслом. Исходя из онтологической сущности поэзии, позволяющей

приоткрыть невыразимую на повседневном языке истину, можно констатировать, что постулируемая Хайдеггером *чистота* поэтического языка заключается не в отдельных словах и образах, но в *сказе* в целом.

Заключение

Граница языка, очерчивающая фактуальный мир, но оставляющая вне досягаемости для средств языкового выражения духовную жизнь человека, стала объектом пристального внимания со стороны Витгенштейна и Хайдеггера. Оба философа в те периоды интеллектуальной деятельности, когда в их философские установки включилось положение о невыразимых трансцендентных сущностях, стремились выявить способы преодолеть границу повседневного обыденного языка, чтобы раскрыть бытие человека во всей его полноте.

Витгенштейн в ранний период философствования разработал оригинальную изобразительную теорию языка, согласно которой факты мира находят своё логическое отображение в предложениях языка как своеобразных моделях действительности. Однако в подобном фактуальном мире не осталось места для *мистического*, так или иначе присутствующего в жизни человека. *Мистическое* является неотъемлемой частью духовной сферы жизни и подразумевает под собой совокупность всех ценностей. Оно невыразимо средствами языка, следовательно, находится вне его границ и лишь *показывает* себя в мире. Согласно Витгенштейну, мы можем лишь молчать об этом,

иначе все наши рассуждения будут бессмысленны. Молчание – это единственный способ преодолеть бессмыслицу и вывести мышление за границу языка.

Хайдеггер в поздний период творчества, подобно раннему Витгенштейну, исходил из дуалистических представлений о мире. Но если Витгенштейн разделял фактуальный мир и сферу невыразимого языком *мистического*, то Хайдеггер обособлял взаимосвязанные понятия «мир» и «земля» на почве творческой деятельности человека. Кроме того, он создал многоуровневую языковую систему: обыденный язык, ограниченный выражением повседневности, был восполнен концепцией «чистого языка», позволяющего приоткрыть истину сущего и *показать* её в поэзии. Равно как и Витгенштейн, немецкий философ полагал, что метафизические сущности и понятия можно лишь *показать*, и осуществить это можно при помощи языка намёков, которые составляют поэзию. Поэтический язык, который по своей природе сродни основывающему бытие *сказу*, показывает скрытую в языке истину и через особый дар поэта приобщает к этой тайне людей.

Таким образом, оба философа приблизились к решению проблемы преодоления границы обыденного языка посредством *показывания* в мире невыразимого на языке. Однако если Витгенштейн обосновал безграничность мышления при помощи молчания, то Хайдеггер продвинулся на шаг дальше, сконструировав принципиально новый языковой уровень, позволяющий если не напрямую выразить неподвластное языку повседневности, то намекнуть подсказку к выявлению истины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библихин В.В. Мир. Язык философии. СПб. : Азбука, 2016. 448 с.
2. Рорти Р. Витгенштейн, Хайдеггер и гипостазирование языка // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М., 1991. С. 121–133.
3. Витгенштейн Л. Дневники 1914–1916 / под общ. ред. В.А. Суровцева. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. 415 с.
4. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Философские работы / пер. с нем. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. М. : Гнозис, 1994. Ч. I. С. 1–74.
5. Витгенштейн Л. Тайные дневники 1914–1916 гг. / предисл. и пер. В.А. Суровцева и И.А. Эннс // Логос, 2004. № 3–4 (43). С. 279–322.
6. Блаженный Августин А. Исповедь. М.: Дар, 2005. 544 с.
7. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения. М. : Дело, 2018. 624 с.
8. Вайсмани Ф. Людвиг Витгенштейн и Венский кружок // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология) / пер. с англ., нем. М. : «Дом интеллектуальной книги»; «Прогресс-Традиция», 1998. С. 44–68.
9. Appelqvist H. Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same? // Wittgenstein's Tractatus: History and Interpretation. Oxford : Oxford University Press, 2013. P. 40–59.
10. Vlăduțescu Ș. Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence // International Letters of Social and Humanistic Sciences, 2014. № 5. P. 81–86.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. М. : Академический проект, 2013. 460 с.
12. Хайдеггер М. Исток художественного творения / пер. с нем. Михайлова А.В. М. : Академический проект, 2008. 528 с.
13. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 192–220.
14. Biemel W. Poetry and Language in Heidegger // Kockelmans J.J. On Heidegger and Language. Evanston : Northwestern University Press, 1980. 380 p.
15. Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления : пер. с нем. М. : Республика, 1993. С. 273–301.
16. Хайдеггер М. О поэтах и поэзии: Гёльдерлин. Рильке. Трагль / сост., пер. с нем. и посл. Н. Болдырева. М. : Водолей, 2017. 240 с.
17. Хайдеггер М. К чему поэты? // Дугин А. Г. Мартин Хайдеггер: философия другого Начала. М. : Академический проект; Фонд «Мир», 2010. С. 299–346.
18. Inwood M. A Heidegger Dictionary. Blackwell Philosopher Dictionaries. Hoboken : Wiley, 1999.
19. Heidegger M. Poetry, Language, Thought. N.Y. : Harper Collins, 2001.
20. Gosetti-Ferencei J. The world and image of poetic language: Heidegger and Blanchot // Continental Philosophy Review. 2012. Vol. 45. P. 189–212.
21. Heidegger M. Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). Vol. 65 of the Gesamtausgabe. Ed. F.-W. von Herrmann. Frankfurt am Main : Vittorio Klostermann, 1989.

Статья представлена научной редакцией «Философия» 18 сентября 2019 г.

Bridging the Boundary of Language in the Philosophies of Ludwig Wittgenstein and Martin Heidegger

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 83–88.

DOI: 10.17223/15617793/451/11

Ekaterina Yu. Talalaeva, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: aikatarin@mail.ru

Keywords: Ludwig Wittgenstein; Martin Heidegger; language; world; silence; boundary of language; thought; poetry; saing.

The study reconstructs approaches to solving the ontological problem of the boundary of language and the world in the philosophy of Ludwig Wittgenstein and Martin Heidegger. These philosophers are the most authoritative thinkers of the twentieth century and their intellectual heritage has greatly influenced the formation and development of modern philosophical science. A comparative analysis of the key philosophical attitudes of both thinkers on the nature of the relationship between language, world and the mystical sphere of human life allows us to establish the basic method to bridge the boundary of formal-logical and everyday languages: it is “showing”. According to the early Wittgenstein and the late Heidegger, “showing” is possible by the phenomenon of silence and by poetry as a pure language, respectively. Despite significant differences in the philosophical attitudes of both thinkers, the results of the comparative analysis of their linguistic and philosophical ideas at opposite stages of intellectual activity allows us to draw profound conclusions. Both philosophers shared the idea of the dualistic nature of the world because of its separation into actual (physical) and mystical (spiritual-metaphysical) components. The problem of the inexpressibility of mystical entities and concepts in everyday language actualizes the search for ways out of this situation when language is not able to reflect the entirety of the world. At an early stage of his intellectual activity, Wittgenstein believed that sentences of language strictly correspond to certain situations in reality while mystical phenomena can only “show” themselves in the world. Since transcendental metaphysical entities are present in one way or another in human life, silence about them has become an exceptional way to avoid meaningless discourse that goes beyond a formal-logical language. Heidegger shared the position according to which the truth of any being can only be “shown” but not expressed in everyday language. However, he took a step forward in comparison with Wittgenstein’s the judgments and revealed a fundamentally new level of “pure” language that is essentially different from the formal-logical and everyday languages. Heidegger proposes poetry as a pure language, which is ontologically close to “saying” (sage). “Saying” is a proto-language laid down as the basis for the substantiation of being. According to Heidegger, only a poetic language, through a special gift of a poet, can bring a person closer to the disclosure of the hidden nature of things and suggest a way to transcendental things that are inexpressible by means of everyday language.

REFERENCES

1. Bibikhin, V.V. (2016) *Mir. Yazyk filosofii* [The World. The Language of Philosophy]. St. Petersburg: Azbuka.
2. Rorty, R. (1991) Wittgenstein, Khaydegger i gipostazirovanie yazyka [Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language]. Translated from English. In: Motroshilova, N.V. (ed.) *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'* [Martin Heidegger's Philosophy and Modernity]. Moscow: Nauka. pp. 121–133.
3. Wittgenstein, L. (2015) *Dnevniky 1914–1916* [Diaries of 1914–1916]. Translated from English. Moscow: “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiya”.
4. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Translated from German by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev. Pt. 1. Moscow: Gnozis. pp. 1–74.
5. Wittgenstein, L. (2004) *Taynye dnevniki 1914–1916 gg.* [The Secret Diaries of 1914–1916]. Translated from English by V.A. Surovtsev, I.A. Enns. *Logos*. 3–4 (43). pp. 279–322.
6. Augustine. (2005) *Ispoved'* [Confessions]. Translated from Latin. Moscow: Dar.
7. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English by A. Vasil'eva. Moscow: Delo.
8. Waissmann, F. (1998) *Lyudvig Vitgenshteyn i Venskiy kruzhok* [Ludwig Wittgenstein and the Vienna Circle]. Translated from English. In: Gryznov, A.F. (ed.) *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitiye (antologiya)* [Analytic Philosophy: Formation and Development (Anthology)]. Translated from English and German. Moscow: “Dom intellektual'noy knigi”; “Progress-Traditsiya”. pp. 44–68.
9. Appelqvist, H. (2013) Why does Wittgenstein say that ethics and aesthetics are one and the same? In: Sullivan, P.M. & Potter, M.D. (eds) *Wittgenstein's Tractatus: History and Interpretation*. Oxford: Oxford University Press. pp. 40–59.
10. Vlăduțescu, S. (2014) Communication of Silence at Ludwig Wittgenstein: Linguistic Silence. *International Letters of Social and Humanistic Sciences*. 5. pp. 81–86.
11. Heidegger, M. (2013) *Bytie i vremya* [Being and Time]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Akademicheskii proekt.
12. Heidegger, M. (2008) *Istok khudozhestvennogo tvoreniya* [The Origin of the Work of Art]. Translated from German by A.V. Mikhaylov. Moscow: Akademicheskii proekt.
13. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. 192–220.
14. Biemel, W. (1980) Poetry and Language in Heidegger. In: Kockelmans, J.J. (ed.) *On Heidegger and Language*. Evanston: Northwestern University Press.
15. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German. Moscow: Respublika. pp. pp. 273–301.
16. Heidegger, M. (2017) *O poetakh i poezii: Gel'derlin. Ril'ke. Trakl'* [About Poets and Poetry: Hölderlin. Rilke. Trakl']. Translated from German by N. Boldyrev. Moscow: Vodoley.
17. Heidegger, M. (2010) K chemu poety? [What Are Poets For?]. In: Dugin, A.G. *Martin Khaydegger: filosofiya drugogo Nachala* [Martin Heidegger: The Philosophy of a Different Principle]. Moscow: Akademicheskii proekt; Fond “Mir”. pp. 299–346.
18. Inwood, M. (1999) *A Heidegger Dictionary*. Blackwell Philosopher Dictionaries. Hoboken: Wiley.
19. Heidegger, M. (2001) *Poetry, Language, Thought*. N.Y.: Harper Collins.
20. Gosetti-Ferencei, J. (2012) The World and Image of Poetic Language: Heidegger and Blanchot. *Continental Philosophy Review*. 45. pp. 189–212.
21. Heidegger, M. (1989) Beiträge zur Philosophie (Vom Ereignis). In: von Herrmann, F.-W. (ed.) *Gesamtausgabe*. Vol. 65. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann.

Received: 18 September 2019

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

UDC 323.2

V.A. Achkasov, A.I. Abalian, N.V. Poliakova

“REGION-BUILDING”: THE SPECIFICS OF THE RUSSIAN REGIONAL IDENTITY POLICY

This article is devoted to the study of the regional identity policy in post-Soviet Russia based on the concept of “region-building” by the Norwegian political scientist Iver Neumann. Traditional concepts explained the existence of a region mainly in terms of cultural, linguistic, socio-economic, and other similarities, emphasizing the isolation of the region with the existing distribution of political forces and clearly established leadership. However, along with this understanding of region models, one question has always remained unrevealed, namely, which factors are “external” and which are “internal” in the formation and functioning of regional structures if, according to B. Anderson, a nation appears as an “open” and “closed” (sovereign) community simultaneously, the region in its turn is an “open” community. Thus, according to Neumann’s concept, regions can also be regarded as “imaginary communities”, but their identities come usually as a result of deliberate political actors’ efforts both “from within the region” and “from the outside”, or as a reaction and outcome of the emergence and spread of local nationalisms. The authors of the article analyze the similarities and differences in the regional identity policy in the 1990s and in modern Russia, primarily on the following grounds: which social forces or groups control the attribution of regional identities in modern Russia, on what basis these identities are built, how these ideas are proliferated in the regional society, what potential for conflict or coexistence they contain. At the same time, it is obvious for the authors that the specifics of the regional identity policy are due to the peculiarities of the region status as an integral part of Russia. The activity of regional political elites in the formation and implementation of identity policy is inevitably associated with the need to solve the problem of combining regional identity with national identity. Therefore, a regional identity policy can be aimed at the formation of two types of identity: exclusive and inclusive. Exclusive identity involves the formation of ideas about the regional “we-community”, which is opposed to the national community. Inclusive identity, on the contrary, is aimed at harmonizing ideas about regional and national communities, the region is considered as an organic part of a larger community. As a result, the authors conclude that, in a transforming Russian society, regional identities are extremely mobile and depend on the nature of emerging social relations, political alliances and their goals. However, the formation of a regional identity policy in Russia has been largely influenced by the type of the relationship between the federal center and the regions, as well as the activities of the central authorities (or their absence) in the formation of a nationwide civic identity.

Keywords: center and regions; regional identity; identity policy; nation building; political elites.

The modern man is the bearer of a variety of identities. He could be characterized by the so-called divided loyalty, i.e., the multiplicity of forms of self-identification. As a result, in his mind, there is a hierarchy of “peoples”, with whom he classifies himself: “the people” of his village or city, “the people” of the region, finally, the people of his native country. However, the question is what place each of those “peoples” occupies in the hierarchy of the identities of a particular person. In addition, it is well known that different identification, the bearer of which is a separate individual or a group, can reinforce each other or, conversely, to conflict with one another. Thus, Edmund Burke noted that the main principle (the germ) of social behavior is attachment to the small, to the fragment of the territorial society which we belong to. At the same time, “love to the whole is not eliminated by that attachment to the small” [1. P. 60]. The individual’s relationship with the territory appears to be twofold: on the one hand, it manifests itself in the form of assignment (this is my home, my homeland, my country), on the other, in the form of identification (I am “local”).

Indeed, the historical development of our country with its huge space has always been inextricably linked to the formation of not only ethnic, religious, but also territorial communities, significantly variable, with its sociocultural specificities that can be defined as “regional identity”. Moreover, this regional identification was determined for ethnic Russians by its territorial belonging rather than ethnic one, giving in their own eyes and the eyes of others its immanent socially, psychologically and culturally significant signs of the “we-group”.

Thus, according to Pitirim Sorokin, “of all the ties that unite people, location ties are the strongest. The same residence gives people the commonality of aspirations and interests. Similarity in lifestyle, family relationship, peer relations, developed since childhood, give them a common character, creating a live connection . . . And the result is the formation of the group, marked by the peculiarities of the place” [2. P. 21, 213].

At the same time, one should emphasize the distinction between “identity” and an attribution/imposition of identity. Belonging to one group or another is heavily determined by the others: relatives, compatriots, co-religionists, the elites, etc., either considering the person as a member of a certain community, or rejecting him as an outsider. Hence, a constructivist vision of public life evolves to emphasize the phenomenon of social construction of reality. In this approach, the Norwegian political scientist Iver Neumann convincingly showed that the regions, both domestic and transnational, “are imagined” in accordance with the same mechanisms, as in a well-known theory by Benedict Anderson, the nations “are imagined”. This idea became the basis for the concept of “regional construction”. As in the process of national states building, the regional authorities design a certain spatio-temporal identity in accordance with their interests, using certain cultural traits and differences as a construction material. According to the Norwegian researcher, “. . . identity can exist only when it is constructed as ‘difference’, and < . . . > any social objectivity is constructed through the acts of the authorities” [3. P. 271].

On this basis, the establishment of any region (both domestic and transnational) can be considered as a ra-

tional political process associated primarily with the construction of regional identity by the elites, designed to consolidate the regional society. A special role is played by the “historical narratives of unity”, which perform an integrative function, allowing members of the regional community to recognize themselves as belonging to a “collective I” and smooth over the inevitable differences. It is no coincidence that Neumann stresses the importance of such “stories in the subjunctive mood” (which constitute the “collective I”) and their carrying out of the function of representation in the political space. Those who move away from participation in any representation of history on the collective “I”, immediately lose political space [3. P. 277–278]. In its turn, clashes over historical narratives often do not occur to determine historical truths, a comprehensive and unbiased description of past events, but are rather a struggle for political domination through the symbolic interpretation of “the history of the region”. Thus, regional identity as any other form of social identity is not created by nature but is the result of a political construction based on the choice of certain markers and events of historic and cultural past of the territory. Therefore, regional identity appears to be the “key” to region-building as a political, social and institutional space. It works as a basis of the authority legitimation and a necessary condition of a regional institutional order consolidation.

In this case, the condition of membership in the regional community are often not “objectively” existing differences but socially defined ones based on the phenomenon of categorical attribution. By giving importance to the categories on the basis of which the identification is exercised, the system of domination and subordination, and group stratification is fixed and maintained. As noted by Pierre Bourdieu, “. . . the transition from practice groups to formalized group involves the construction of classifier foundations, which are able to produce a set of distinctive traits that are typical of all members of this group; and simultaneously to cancel the set of insignificant features, which otherwise some or all of its members have and which could serve as the basis for alternative structures” [4].

Thus, the basis of the process of legitimation in this case is the struggle for “classifier foundations construction”, which would ensure the loyalty of the regional community. The issues of the hallmarks and characteristics that need to be actualized, or to be removed from the agenda, constitute the essence of identity policy.

In this regard, the main research tasks include the study of following issues: what social forces or groups are in control of the attribution of identities, what basis these identities are constructed on, how these ideas spread in regional society, what potential for the conflict or coexistence they contain. In other words, it is necessary to examine “. . . the ways of exercising of discourse moves in the formation of a pan-European, regional and national identities” [3. P. 267].

At the same time, in contrast to the process of nation-building, “region-building” does not always aim at transforming it into a sovereign state. The author of the concept believes that the main role in region-building is played by the motivated political activity of the elites that

aim to extract old and create new regional symbols and images, and signs of differences. These are to be introduced into mass consciousness (through the media, speeches of politicians and intellectuals) in order to create fundamentally new challenges in the designing of the political space inside the national one.

This understanding of the methods and objectives of region-building is directly related to attempts of theoretical reflection of a new structure of the world community and international relations that emerged in the last decade of the twentieth century. The traditional concepts used to explain the existence of the region mainly in terms of cultural, linguistic, socioeconomic and other similarities, emphasizing, thus, the “isolation” of the region. However, this interpretation of traditional models of the regions has always remained an open question: which factors are “external” and which are “internal” in the formation and functioning of the regional structures. If the nation, according to Anderson, appears as both open and closed (sovereign) community, the region is an open community. Thus, regions, according to this concept, can also be seen as an “imagined community”, but their identity usually comes as a result of deliberate political efforts both “inside” and “outside” the region or as a reaction and result of the emergence and spread of local nationalisms.

Thus, there is no doubt that the specificity of regional identity policy related to the region’s status as a part of the national state. The activities of the regional political elites in the formation and implementation of the policy of identity is largely due to the necessity to combine regional identities with national ones. Therefore, the ongoing regional identity policy exercised by the political elites is “a game on two levels”, which are closely related. On the one hand, it is addressed to the actors outside the region (the federal center, economic agents, foreign and international organizations) and aims at attracting resources from outside in various forms (from attracting of new investments to receiving tax benefits or electoral support from powerful politicians of the center). On the other hand, it is addressed inside the region (both towards intra-regional political and economic actors, and to voters) and aims at maximizing the power to legitimize the status quo (for the ruling groups) or undermine its legitimacy (for the counter-elites) [5. P. 35].

However, the regional identity policy can be aimed at forming two types of regional identity: an inclusive and an exclusive one. An exclusive identity involves the formation of ideas about the regional “we-community”, which is opposed to the national community. An inclusive identity, in contrast, aims at harmonization of views in the regional and national communities; here the region is considered as a part of a larger community. A Norwegian researcher Bo Strath notes that the problem of identity arose either when the identity did not exist or in situations of crisis and instability [6. P. 64]. Indeed, the identity, making an impact on the processes of social integration and legitimation of power, is a vital part of a socio-cultural system, in the regulation of which the political elites are extremely interested during the crises when the notion that “culture matters” is particularly relevant, as confirmed by various manifestations of social tension. At

the same time, in transforming societies, the identities are highly mobile and depend on the nature of new social relations and political alliances, including those at the regional level. However, the formation of the regional identity policy in Russia has always been heavily influenced by the nature of the relationship between the center and the regions and the central government activity (or lack thereof) on the designing of all-national identity. As might be expected, “the multinational people of the Russian Federation”, which is “the bearer and the only source of power in the Russian Federation” (article 3), sooner or later, appears to be a potential stumbling block. Thus, inevitable questions are arising: who “the multinational people of the Russian Federation” is, and what the Russian Federation is.

At the same time, “it is the shortage of design activity (of the state–V.A.) on “building” of a new (Russian–V.A.) identity that most clearly reveals the fundamental fact that a society, as if provided by itself, needs power, seeks it” [7. P. 65]. The regional myths and identities formation in the 1990s in Russia, as noted by many researchers, reflected the “narrowing” and the actualization of regional identity of citizens (including ethnic-based) in the acute crisis of national identity. Not by chance, surveys show that, in the 1990s, the majority of respondents had more trust in the regional authorities than in the federal ones.

Among the factors that determined the choice of a particular strategy by the regional elites, the following can be outlined: the status of the region, the share of the so-called “titular nation” in the population of the “national” region, the proximity or remoteness from the center, the presence of external borders, the economic characteristics of the region and the type of political regime, the activity of ethnic entrepreneurs, etc. In the 1990s, an exclusive identity was a characteristic, to a greater extent, of the national republics and geographically remote regions, while the “Russian” regions often showed the formation of an inclusive identity. However, occasionally almost all regions resorted to “Moscowclasm” rhetoric.

As noted by many analysts, in the post-Soviet period, the institutions of the state identity policy were formed largely spontaneously, which was partly determined by the difficult economic and social situation in the country as a whole and in its regions, in particular, and the need to respond promptly to the emerging political challenges. As other reasons, we can highlight an evident lack of a proper understanding of the goals and objectives of these institutions, as well as the pressure from ethnically oriented regional politicians and ethnic organizations that tried to impose their vision of the state national policy institutions. It should be recognized that the regional identity policy has always been strongly influenced by ethnic entrepreneurs, whose interests and intentions did not always coincide with the interests of the society and the state. Ethnic entrepreneurs in general are the preachers of alarmist ideas as they consider the ethnocultural processes on the territory of residence of their peoples not as a natural cross-cultural interaction, whose objectives are to be increasingly standardized forms of behavior and cultural consumption, but often as a cultural Apocalypse, the result of which will become/is becoming an “extinction” of peoples [8]. According to other alarmist scenarios, there

are attempts to present ethnic communities, which are objectively not in danger of assimilation, as “victim peoples” in respect of whom a historical injustice was committed, and, for that, they should receive their economic, political and cultural “compensation” [9].

“The vagueness of the civil national (Russian–V.A.) identity makes one look closely at alternative forms—ethnic, religious, and various local identities, as well as at the history of the country,” state the researchers of the RAS Institute of Sociology [10. P. 92].

It is recognized that “. . . the Russians < . . . > have a rather amorphous identity. Cultural distances between geographical groups of the Russians (for example, living in Pomor region, in the European North, and in the Caucasus) can be greater than the cultural distance between them and the peoples with whom they have had a long period of cultural contact” [11. P. 133]. The Russian territorial space makes obstacles to the formation of a solid Russian identity. In the 1990s, it prevented an ethno-political mobilization of the Russians, yet simultaneously created favorable conditions for the construction of new “national” identities by the regional intellectual and political elites. This could also be explained by a high degree of the institutionalization of ethnicity in our country and by the existence of the link between ethnicity and economic, political, cultural benefits and status preferences, which, in the 1990s, were directed mainly to the Russian national minorities. Besides, the Russian experience demonstrates that a collective identity, constructed and described in one case as an “ethnic” and in another as a “regional” one, can be mobilized to achieve similar goals and supported by almost identical arguments.

As a result, already in the 1990s, plenty of PhD theses devoted to special “Cossack”, “Siberian”, “Pomor”, and other sub-ethnic identities appeared in Russia. There appeared political movements called for the recognition of these regional identities as ethnic or “national” identities; besides, all of them possessed a reactive and rebellious character. So, Terek, Don and Kuban Cossacks in the 1990s required the recognition of the Cossacks as a special “ethnos” and pushed for the creation of the Cossack republics, while various options were discussed (separated Cossack Republics—the Don, the Kuban, Zelenchuk-Urupsky, etc. or the Union of the Cossack Republics of the South of Russia with the rights of the subject of the Russian Federation) [12]. It was supplied by the relevant “historical” foundation. As a result, the term “Cossack”, from an estate title, turned into an ethnic category because, during the last two censuses, tens of thousands of the Cossack movement members indicated a “Cossack” in the column “Nationality” of the questionnaires, taking a former class name as an ethnonym [13].

A similar transformation has occurred with the Siberian regional movement and regional name “the Siberian”. Recently “the Siberians” have largely been presented as a separate ethnic group. The experts state that “the growth of regional consciousness, which in recent years had been observed in the Siberian region, had a significant component of the protest < . . . > and led to a clear differentiation and contrast between Moscow and Siberia, the center and the regions” [14. P. 66]. Therefore, it is no coincidence that the Russian nationalists, who tried

to speculate on the slighted feelings of social justice by protesting under the slogan “Stop feeding the Caucasus!” in Moscow, suddenly heard a response from the Russian regions: “Stop feeding Moscow!” (but not “Stop feeding Siberia, the Far East, the Ural, the Volga region, the Moscow suburbs . . .,” as noted Vladimir Putin in his pre-election article—approx. ed.), as well as the proposals to create the Siberian Republic within the Federation and cease to pay taxes (except the 5% allocated for the maintenance of the army) or totally separate [15. P. 30]. At the same time, the formed regional myths often lurk an “inferiority complex” with regard to the federal center. As noted by Mikhail Ilyin, “the Siberian and Ural regional ‘pride’ may indicates not so much the weakening of the historical, ethnic and cultural ties with its Russian or East Slavic origin, but a perception of themselves as the Russians in the square, twice the Russians, the representatives of a more distant and, therefore, more significant expansion of the primordial Rus’ ” [16]. The same complex seems to be manifested in the widely used regional mythmaking stereotype of the “victim region”. This is evidenced in particular by the example of the Pomor movement.

A damage to the areas of traditional nature management and limitation of the Pomor fishing activities as a result of pressure from the state, industrial and mining companies, and neighboring ethnic communities has not only created a conflict situation and jeopardized the very existence of the group, but also led to the fact that the Pomors became more aware of the difference of their interests from those of neighboring cultural groups and large-sized companies operating in the region. This situation has stimulated the processes of people’s self-organization and enables its leaders to search for symbolic resources that can be mobilized to fight for the interests of local communities. The most effective form of struggle was the Pomor movement that emerged in the early 2000s, and the most important symbolic resource became the cultural distinctiveness of the Pomors, their traditions and the way of life. As a result, the ideologists of the Pomor movement have recently announced that the Pomors were not an ethnographic group, but an independent “ethnos”, and not of Slavic, but of Finno-Ugric origin. As noted by Leonid Ionin, “The ‘Pomor revival’ scheme, if you clear away the talking rubbish, is quite simple: 1. The Pomors are not Russians. 2. The Pomors are a numerically small indigenous people “of the Russian North”. 3. The Pomors have a lot in common with the Norwegians, the same indigenous people of the North. 4. The Pomors should revive and strengthen ties with the Norwegians, which formerly existed in the 18th–19th centuries” [17. P. 191].

Thus, the Russian political practice shows that the ideology of regionalism, the regionalist protest movement can successfully be transformed into an ideology of ethnic nationalism and generate an ethnopolitical movement. In turn, the mobilization of the resource movements from the positions of ethnic nationalism by the local authorities often resulted in the formation of ethno-regional identities, ideologies or their surrogates on this basis. However, today, in the conditions of a highly centralized state, “regions, which gained its “face” do not always know and

understand what to do with it” [18. P. 148], but new hard times may make these identities relevant again. The following conclusions by Yuriy Shabaev seem to be absolutely true: “first of all, a lack of consolidation of the Russian society; secondly, an apparent lack of integration of many Russian regions and their populations in national political and cultural space; and, thirdly, an obvious lack of any consistent, resource-wealthy and conceptualized policy of nation building” [19. P. 71].

The adoption of the Russian National Policy Strategy Until 2025 at the end of 2012 did not bring any fundamental changes in the solution of these problems because the officials responsible for the “national policy” in the regions understand it very narrowly: just as an official support to the permanent demonstration of the cultural distinctiveness of groups (in this context, integration policy just falls out of their field of vision) and the cultural diversity in the region. Obvious partners in this activity are ethnic entrepreneurs that are not only included in the expert councils, but also incorporated in the institutions of ethnic politics, regional authority structures. This situation is related to the sustainable stereotype of perception of the state national policy, as one oriented exclusively towards the needs of minority cultural groups or “titular ethnic groups”, on whose behalf one or another republic is titled.

As a consequence, regional authorities find themselves trapped in a simulation of ethnopolitics. On the one hand, an alliance with ethnic entrepreneurs provides a dependence of ethnic leaders and their organizations from regional authorities and their loyalty, but, on the other hand, the administrative and financial support of the government makes ethnic organizations an organic part of the political designs of the Russian regions, and the very ethnic policy instead of the unambiguous orientation on the interests of the society and the state (and, consequently, the aim to strengthen the all-Russian identity), to a greater extent, focuses on the interests of particular ethnic groups and their leaders (i.e., essentially, it reinforces the reproduction of cultural distinctiveness and the weakening of integration tendencies in the Russian society). The result of the chosen tactics is not so much the political curbing of radical ethno-nationalism, but the regional policy ethnicization and the increasing insensitivity of the political leaders to ethnic nationalism and cultural racism, to the practice of cultural boundaries construction within the Russian society.

As a result, it can be argued that the strengthening of the central government in the 2000s has not led to the overcoming of the pathologies of the Russian state system due to the persistence of the redistributive model of relations between the center and the regions. Despite the apparent reconciliation and submission of the regional elites, the governmental regional policy is characterized by double standards: in some regions, direct representatives of the Kremlin gained key offices; in others, there occurred a complete incorporation of clan ethnocracies formed in the 1990s into the presidential power-management vertical (Tatarstan, Bashkortostan, Chechnya, etc.).

Overall, this policy is to ensure that strong regional groups (regardless of their history and actual views on the political issues important for the federal government) remain inviolable and politically powerful, while the weak and the dependent suffer defeat and are to be replaced by

technical managers acting in the interest of the Kremlin. The costs of this approach to the development of the federative relations are clear: the redistributive model reproduces the situation of bargaining between the center and the federal subjects, in which the necessity of promoting interests of strong regional clans forces to make decisions that often fundamentally contradict the “general line” of the federal government. A classic example of this kind is an agreement with Tatarstan on the division of subjects of governance and authority, despite the policy of refusing bilateral agreements and the adoption of the constitutional bases of federalism that acted for almost two decades.

Thus, the strength of social cohesion provided by Vladimir Putin during his presidency and premiership should not mislead; fundamental problems of the country, including the “center–regions” relations are solved unsatisfactorily. The causes of regional separatism are not resolved; the problem just tired “inside”, and/or the source of conflict was “flooded” with money, but, with a worsening of the socioeconomic situation, the threat of Russia’s disintegration, first of all, on ethnic grounds can become extremely relevant again. The governors have significantly degraded after the cancellation of the elections, “the regional authorities are not capable of finding adequate management solutions to optimize the budget spending and keep the support of the population in the worsening economic conditions. <...> Contrary to expectations, the return of the elections has not changed the situation. The harsh legislative filter requiring signatures of 5% of municipal deputies of the region is almost an insurmountable obstacle to alternative candidates. In the coming years, governor elections are unlikely to be an instrument of change of the elites and a rise of more trained politicians and businessmen to power. The renewal of regional elites

through the elections is possible only with the weakening of the federal center and the reduction of control over the situation in the regions” [20. P. 119–120]. However, one of the consequences of this process can become so familiar by the 1990s, the “renewal of the federative bargain, the effectiveness of which is closely linked to the strength of democracy; in a totally non-democratic environment it can cause serious shocks, the consequences of which are unpredictable” [21. P. 120]. The most serious outcome could be the question of the preservation of Russia’s territorial integrity and even its existence. “It is possible to predict,” says Vladimir Mukomel, “the growth (of significance–ed.) of regional and local identity, a counterposition of national and regional interests, a consolidation of the political actors on ethnic and sectarian basis, growth of fundamentalism, and radicalization of the political forces” [22. P. 210].

In this respect, one needs to pay attention to the answers to the question (not quite correct in its wording): “Who would be called a Russian?” (a poll in September 2013): 35% of respondents allocate an accommodation in Russia and upbringing in the traditions of the Russian culture as an identification criteria; for 16% ethnicity appears to be a key point, for 14% the most significant attribute is Russian as their mother tongue, 11% consider a person “who honestly works for the benefit of Russia” to be Russian, 10% name a person “who considers oneself a Russian”, religion and traditions of the Russian Orthodox Church are the determining factor for 6%, 5% associate the identity with the territory of residence, 2% of respondents found it difficult to answer [23. P. 5]. It is significant, however, that none of the respondents has ranked the Russian citizenship as a criterion.

REFERENCES

- Huntington, S. (2004) *Kto my? Vyzovy amerikanskoj natsional'noj identichnosti* [Who Are We? The Challenges to America’s National Identity]. Translated from English by A. Bashkirov. Moscow: AST.
- Sorokin, P. (1993) *Sistema sotsiologii: v 2 t.* [The System of Sociology: In 2 Vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.
- Neumann, I. (2004) *Ispol'zovanie Drugogo: Obrazy Vostoka v formirovanii evropejskikh identichnostey* [Uses of the Other: “The East” in European Identity Formation]. Translated from English by V.B. Litvinov, I.A. Pil'shchikov. Moscow: Novoe izdatel'stvo.
- Bourdieu, P. (2003) Opisyyvat' i predpisyvat' Zametka ob usloviyakh vozmozhnosti i granitsakh politicheskoy deystvennosti [Description and Prescription: The Conditions of Possibility and the Limits of Political Effectiveness]. Translated from French by A. Bibikov. *Logos*. 5 (39). pp. 33–41.
- Gel'man, V. (2003) Strategii regional'noj identichnosti i rol' politicheskikh elit (na primere Novgorodskoy oblasti) [Strategies for Regional Identity and the Role of Political Elites (By Example of Novgorod Oblast)]. In: Lapina, N.Yu. (ed.) *Regional'nye protsessy v sovremennoy Rossii: ekonomika, politika, vlast'* [Regional Processes in Modern Russia: Economics, Politics, Power]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. pp. 44–55.
- Strath, B.A. (2002) European Identity: To the Historical Limits of a Concept. *European Journal of Social Theory*. 5 (4). pp. 387–401.
- Efremenko, D.V. (2010) Pereizobresti Evropu – perevoobrazit' Rossiyu [Re-Invent Europe, Re-Transform Russia]. In: Ilyin, M.V. et al. (eds) *METOD: Moskovskiy ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin* [METHOD: Moscow Yearbook of Works in Social Sciences]. Moscow: Institute of Scientific Information on Social Sciences, RAS. pp. 54–78.
- Shabaev, Yu.P. (2013) Cultural Apocalypse or Civic Cohesion? *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 3. pp. 28–36. (In Russian).
- Mukhametshina, N.S. (2003) *Transformatsii natsionalizma i “simvol'naya elita”: rossiyskiy opyt* [Transformations of Nationalism and the “Symbolic Elite”]. Samara: Samara State University.
- Working Group of the Institute of Sociology, RAS. (2007) *Rossiyskaya identichnost' v sotsiologicheskoy izmerenii. Analiticheskiy doklad* [Russian Identity in the Sociological Dimension. Analytical Report]. [Online] Available from: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf.
- Gorshkov, M.K., Chepurenko, A.Yu. & Sherega, F.E. (eds) (1998) *Oseniy krizis 1998 goda: Rossiyskoe obshchestvo do i posle. (Analiticheskie doklady RNISiNP)* [The Autumn Crisis of 1998: Russian Society Before and After. (Analytical Reports of the Russian Independent Institute of Social and National Problems)]. Moscow: ROSSPEN; RNISiNP.
- Kharchenko, V.A. & Khoperskaya, L.L. (1998) Sostoyaniye kazach'ego dvizheniya v respublikakh Severnogo Kavkaza [The State of the Cossack Movement in the Republics of the North Caucasus]. In: Vitkovskaya, G. & Malashenko, A. (eds) *Vozrozhdeniye kazachestva: nadezhdy i opaseniya* [Revival of the Cossacks: Hopes and Fears]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 87–104.
- Russian Federal State Statistics Service. (2004) *Itogi Vserossiyskoy perepisi naseleniya 2002 goda* [Results of the All-Russian Population Census of 2002]. Vol. 4. Moscow: IITs; Statistika Rossii.
- Anisimova, A. & Echevskaya, O. (2012) Regional Identity of Siberia as a Factor of the Siberian Stable Development. *Pro et Contra*. 3 (55). May–June. pp. 62–75. (In Russian).

15. Allenova, O. (2011) Chto dlya Moskvy Kavkaz, to dlya Sibiri – Moskva [The Caucasus for Moscow is Moscow for Siberia]. *Kommersant* – *Vlast*. 42 (946). pp. 28–32.
16. Ilyin, M.V. (1999) [Geochronopolitical Divisions of the Cultural and Political Space of Europe and Eurasia: Similarities and Differences]. *Regional'noe samosoznanie kak faktor formirovaniya politicheskoy kul'tury Rossii* [Regional Identity as a Factor in the Formation of the Political Culture of Russia]. Proceedings of the Seminar. Tver. 5–7 March 1999. Moscow: MONF. pp. 46–79. (In Russian).
17. Ionin, L.G. (2013) *Vosstanie men'shinstv* [Rise of the Minorities]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
18. Makarychev, A. (2010) Regionalizm glazami konstruktivizma: agenty, struktury, identichnosti [Regionalism Through the Eyes of Constructivism: Agents, Structures, Identities]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 3. pp. 137–150.
19. Shabaev, Yu.P. (2011) Etnicheskiy natsionalizm i grazhdanskaya natsiya v sovremennoy Rossii [Ethnic Nationalism and the Civil Nation in Modern Russia]. In: Tishkov, V. & Stepanov, V. (eds) *Etnopoliticheskaya situatsiya v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh v 2010 godu. Ezhegodnyy doklad* [Ethnopolitical Situation in Russia and Neighboring States in 2010. Annual Report]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS. pp. 69–84.
20. Zubareva, N. (2014) Prostranstvo Rossii posle Kryma i na fone krizisa [The Space of Russia After the Crimea and in the Crisis]. *Pro et Contra*. 3–4. May–August. pp. 118–128.
21. Zakharov, A. (2010) Rossiyskiy federalizm kak “spyashchiy” institut [Russian Federalism as a “Sleeping” Institution]. *Neprikosnovenny zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 3. pp. 113–122.
22. Mukomel', V. (2013) Rol' gosudarstva i obshchestva v produksirovani diskriminatsiy [The Role of the State and Society in the Production of Discrimination]. In: Demintseva, E. (ed.) *Rasizm, ksenofobiya, diskriminatsiya. Kakimi my ikh uvideli...* [Racism, Xenophobia, Discrimination. How We Saw Them . . .]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 195–211.
23. Russian Public Opinion Research Center. (2013) *Sovremennaya rossiyskaya identichnost': izmereniya, vyzovy, otvety. Rezul'taty sotsiologicheskogo oprosa VTsIOM po zakazu Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba “Valdai”* [Modern Russian Identity: Dimensions, Challenges, Answers. The Results of a Russian Public Opinion Research Center Opinion Poll Commissioned by the Valdai International Discussion Club]. [Online] Available from: http://vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf.

Received: 30 October 2019

УДК 323.2

«СТРОИТЕЛЬСТВО РЕГИОНОВ»: СПЕЦИФИКА РОССИЙСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Вестник Томского государственного университета. 2020. № 451. С. 89–95.

DOI: 10.17223/15617793/451/12

Ачкасов В.А., Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: val-achkasov@yandex.ru

Абалиян А.И., Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: anna.abalyan@spbu.ru

Полякова Н.В., Санкт-Петербургский государственный университет. E-mail: belnata70@yandex.ru

Ключевые слова: центр и регионы; региональная идентичность; политика идентичности; нациестроительство; политические элиты.

Данная статья посвящена исследованию политики региональной идентичности в постсоветской России с опорой на концепт «строительство регионов» норвежского политолога Ивара Нойманна. Традиционные концепции объясняли существование региона главным образом в терминах культурных, лингвистических, социально-экономических и иных подобий, подчеркивая замкнутость региона со сложившейся в нем расстановкой политических сил и четко закрепленным лидерством. Однако при таком понимании моделей регионов всегда оставался открытым вопрос, какие факторы являются «внешними», а какие «внутренними» в формировании и функционировании региональных структур, если нация, по Б. Андерсону, предстает одновременно как «открытое» и «закрытое» (суверенное) сообщество, то регион сообщество «открытое». Таким образом, регионы, согласно концепции И. Нойманна, могут также рассматриваться как «воображаемые общности», однако их идентичности, как правило, это результат преднамеренных политических усилий акторов как «изнутри региона», так и «извне», или как реакция и результат возникновения и распространения локальных национализмов. Авторы анализируют сходства и различия в региональной политике идентичности в 1990-е гг. и в современной России, прежде всего, по следующим основаниям: какие социальные силы или группы контролируют приписывание региональных идентичностей в современной России, на какой основе эти идентичности строятся, как эти идеи распространяются в региональном социуме, какой потенциал для конфликта или сосуществования они содержат? При этом для авторов несомненно, что специфика региональной политики идентичности обусловлена особенностями статуса региона как составной части России. Деятельность региональных политических элит по формированию и реализации политики идентичности неизбежно связана с необходимостью решения проблемы сочетания региональной идентичности с общегосударственной. Поэтому региональная политика идентичности может быть направлена на формирование двух типов идентичности: эксклюзивной и инклюзивной. Эксклюзивная идентичность предполагает формирование представлений о региональном «мы-сообществе», которое противопоставляется национальному сообществу. Инклюзивная идентичность, напротив, направлена на гармонизацию представлений о региональном и национальном сообществах, регион рассматривается как органичная часть более крупного сообщества.

В результате авторы приходят к заключению, что в трансформирующемся российском обществе региональные идентичности крайне подвижны и зависят от характера складывающихся общественных отношений, возникающих политических альянсов и их целей. Однако на формирование региональной политики идентичности в России наибольшее влияние оказывает и оказывает характер взаимоотношений между федеральным Центром и регионами, а также деятельность центральных органов власти (либо ее отсутствие) по формированию общенациональной гражданской идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М. : АСТ, 2004. 635 с.
2. Сорокин П. Система социологии : в 2 т. М. : Наука, 1993. Т. 2. 688 с.
3. Нойманн И. Использование Другого: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М. : Новое издательство, 2004. 336 с.
4. Бурдые П. Описывать и предписывать Заметка об условиях возможности и границах политической действенности // Логос. 2003. № 5 (39). С. 33–41.

5. Гельман В. Стратегии региональной идентичности и роль политических элит (на примере Новгородской области) // Региональные процессы в современной России: экономика, политика, власть : сб. статей / отв. ред. Н.Ю. Лапина. М. : ИНИОН РАН, 2003. С. 44–55.
6. Strath V.A European Identity: To the Historical Limits of a Concept // European Journal of Social Theory. 2002. № 5 (4). P. 387–401.
7. Ефременко Д.В. Переизобрести Европу – переобразить Россию // МЕТОД : Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин : сб. науч. тр. / ред. Ильин М.В. (гл. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2010. С. 54–78.
8. Шабаетв Ю.П. Культурный апокалипсис или гражданская консолидация? // Социологические исследования. 2013. № 3. С. 28–36.
9. Мухаметшина Н.С. Трансформации национализма и «символьная элита»: российский опыт. Самара : Самар. ун-т, 2003. 290, [1] с.
10. Российская идентичность в социологическом измерении. Аналитический доклад. Подготовлен Институтом социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2007. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/IS_RAN_2008_1.pdf
11. Осенний кризис 1998 года: Российское общество до и после (Аналитические доклады РНИСиНП). М. : РОССПЭН; РНИСиНП, 1998. 264 с.
12. Харченко В.А., Хоперская Л.Л. Состояние казачьего движения в республиках Северного Кавказа // Возрождение казачества: надежды и опасения. М. : ИЭА РАН, 1998. С. 87–104.
13. Национальный состав и владение языками, гражданство. Кн. 2. Итоги Всероссийской переписи населения 2002 года. Официальное издание. М. : ИИЦ; Статистика, России, 2004. Т. 4. 2076 с.
14. Анисимова А., Ечевская О. Сибирская идентичность как политическое высказывание // Pro et Contra. 2012. № 3 (55), май–июнь. С. 62–75.
15. Алленова О. Что для Москвы Кавказ, то для Сибири – Москва // Коммерсантъ – Власть : аналитический еженедельник. 2011. № 42 (946). С. 28–32.
16. Ильин М.В. Геохронополитические членения культурно-политического пространства Европы и Евразии: сходства и различия // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры России : материалы семинара (Тверь, 5–7 марта 1999 г.). М. : МОНФ, 1999. С. 46–79.
17. Ионин Л.Г. Восстание меньшинств. М.; СПб. : Университетская книга, 2013. 237 с.
18. Макарычев А. Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. С. 137–150.
19. Шабаетв Ю.П. Этнический национализм и гражданская нация в современной России // Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах в 2010 году. Ежегодный доклад / под ред. В. Тишкова и В. Степанова. М. : ИЭА РАН, 2011. С. 69–84.
20. Зубарева Н. Пространство России после Крыма и на фоне кризиса // Pro et Contra. 2014. № 3–4, май–август. С. 118–128.
21. Захаров А. Российский федерализм как «спящий» институт // Неприкосновенный запас. 2010. № 3. С. 113–122.
22. Мукомель В. Роль государства и общества в продуцировании дискриминаций // Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... : сб. ст. / сост. и отв. ред. Е. Деминцева. М. : Новое литературное обозрение, 2013. С. 195–211.
23. Современная российская идентичность: измерения, вызовы ответы. Результаты социологического опроса ВЦИОМ по заказу Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2013. URL: http://www.vid-1.rian.ru/ig/valdai/Russian_Identity_2013_rus.pdf

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 30 октября 2019 г.

М.В. Подрезов

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОПУЛИЗМА И ЕГО СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

*Статья выполнена по гранту на реализацию научного проекта РФФИ № 19-011-31231
«Политическая социализация молодежи в университетских городах».*

Рассматривается феномен политического популизма через призму исследований, начавшихся во второй половине 1960-х гг. и активно продолжающихся по настоящее время. В работе представлено разнообразие подходов к пониманию популизма. Делается акцент на неоднородности феномена в силу его исторических и региональных особенностей. Особое место занимает современный взгляд на популизм в контексте развития цифровой эпохи в целом и социальных сетей в частности, в рамках которого в политической науке приобрел приставку 2.0, обозначающую диджитализацию феномена.

Ключевые слова: популизм; популизм 2.0; цифровой популизм; постдемократия; постправда; политическое движение; политическая идеология; политический стиль.

На протяжении последних пятидесяти лет к популизму приковано внимание исследователей по всему миру. Несмотря на это, до сих пор остаются нерешенными многие проблемы, в частности дефиниции данного феномена, выработки общей теории, что порождает методологические сложности оценивания многих работ и т.д. Вместе с тем за указанный период произошла наглядная эволюция в восприятии учеными популизма, что в конечном счете позволило говорить о «новом популизме» или о «популизме 2.0».

В настоящей работе нами были проанализированы подходы к рассмотрению и пониманию популизма, а также поставлены исследовательские задачи, вытекающие из современного положения дел. Обращаясь к российской действительности, мы можем с уверенностью судить, что использование популистских приемов, тактик и стратегий приносит успех, выражающийся в повышении политической активности молодежи, росте протестных настроений.

При обращении к истокам изучения популизма, отметим, что традиционно принято считать родоначальниками исследования данного феномена участников конференции в Лондонской школе экономики, состоявшейся в 1967 г., на полях которой популизм был обозначен как разнородное явление, присущее в первую очередь новым независимым государствам того времени, но одновременно проявляющееся как в демократических плюралистических политических системах, так и в коммунистических режимах. Данный факт нашел отражение в сборнике материалов конференции, вышедшем в свет в 1969 г. под общей редакцией британского политолога Гиты Йонеску и британского философа и социального антрополога Эрнеста Геллнера [1]. Несмотря на ряд достоинств данной работы, ее важным недостатком стало отсутствие обобщения разнородных выводов в единую концепцию, например, в выработку определения популизма. Вместе с тем профессор Центрально-Европейского университета Такис Паппас справедливо заметил, что данная конференция и вышедший по ее итогам сборник обозначили важность популизма для изучения, но при этом никому не ясно, что это такое [2. Р. 2].

В 1970-х гг. зародился формально-дискурсивный подход к изучению популизма, одним из основоположников которого можно назвать известного аргентинского и испанского политолога-постмарксиста Эрнесто Лаклау [3, 4]. Его теория популизма выстраивается следующим образом: когда некоторые социальные требования не могут быть абсорбированы различными институциональными каналами, они объединяются и кристаллизуются вокруг общих символов. В последующем вокруг данных требований лидеры начинают объединять расстроенные массы, то есть идет процесс народной идентификации, который приводит к созданию коллективного субъекта («народа»), противостоящего существующему политическому режиму и требующего проведения изменений [Там же].

В начале 1980-х гг. получил развитие структурный подход к исследованию популизма, который в первую очередь связывается с именем британского политолога Маргарет Кэнован. В своей ранней работе, посвященной данной теме [5], она предложила широкое толкование феномена, включив в его проявления максимально разнородное количество случаев: от методов прямой демократии в Швейцарии до аграрных движений в Соединенных Штатах и авторитарных режимов Латинской Америки, т.е., несмотря на разность исторических эпох, все они рассматривались как единый феномен. Во многом этим объясняется концептуальная растяжимость понятия популизма и эмпирическая путаница, присущая исследованиям и по сей день.

Несколько позже теоретизирование популизма стало осуществляться посредством и идеологического подхода, чему способствовали главным образом работы голландского и американского политолога Каса Мудде, чилийского политолога Христобаля Кальтвассера [6] и их сторонников, например Т. Аккерман [7]. Среди современных отечественных исследователей, прибегающих к данному подходу, прежде всего, стоит выделить Г.И. Мусихина и Г.И. Вайнштейна. Мусихин рассматривает популизм с точки зрения «фрагментарной» идеологии (по аналогии с западным вариантом «узкой» идеологии) через призму «столкнове-

ния антагонистических дискурсов элиты и общества» [8. С. 40]. Вайнштейн также обращает внимание на идеологическую составляющую популистских партий, в частности, предлагает собственные классификации «левых» и «правых» популистских партий в современной Европе [9. С. 26–28; 10. С. 72–74].

Долгое время главным исследовательским полем для изучения рассматриваемого феномена оставалась Латинская Америка, которая в послевоенный период дала миру целый ряд ярких политиков, исповедующих принципы популизма, поэтому неудивительно, что начиная с 1970-х гг. и до начала 2000-х гг. основные работы опираются на материалы этих стран. Вместе с тем проведенные исследования очень неоднородны. Так, можно выделить по меньшей мере два основных подхода, посредством которого объяснялся популизм, и два этапа его развития.

В основу первого подхода легла теория модернизации, в рамках которой популизм – это средство включения в политику городских рабочих и среднего класса, появившихся после послевоенного перехода стран Латинской Америки к капитализму и современности (Давид Кольтер [11], Пол Дрейк [12], Джинио Германи [13]). Второй подход основывается на марксизме и теории зависимости, в рамках которых популизм – это мультиклассовое политическое движение, соответствующее стадии импортозамещающей индустриализации, характерной для многих стран Латинской Америки 1950 – 1980-х гг. (Фернандо Кардосо и Энцо Фалетто [14], Гильермо О’Доннэлл [15]). Несмотря на конфликт между представителями теории модернизации и зависимости, оба подхода объединяет увязка популизма с социально-экономической составляющей массовых политических движений, где рассматриваемый феномен выступает средством мобилизации в определенных исторических и политических обстоятельствах. В то же время характерной особенностью данных исследований является ее слабый компаративистский потенциал за пределами авторитарных режимов Латинской Америки того периода.

По мере перехода ряда государств Латинской Америки к неолиберальной модели, исследователи констатировали в них и изменение характера популизма, отличными чертами которого выступили: 1) иная социальная основа (представители городского неформального сектора и сельская беднота); 2) противопоставление популизма и неолиберализма, который заменил в данном амплуа импортозамещающий индустриализм. В силу этого авторы даже стали прибегать к использованию понятия «неопопулизм». На подобных идеях основываются многие работы, в частности Кеннета Робертса [16] и Курта Вейленда [17]. При этом Вейленд довольно оригинально определяет популизм как политическую стратегию, основываясь на которой, лидер добивается или осуществляет власть, опираясь на прямую, непосредственную и неинституционализированную поддержку большого числа последователей, значительная часть из которых не являются организованной силой [18. Р. 14].

По мере поступательного и победного шествия популистских практик по западным демократиям, фокус внимания с Латинской Америки стал все боль-

ше смещаться на европейский континент и США. Еще в 2004 г. Кас Мудде провозгласил начало эпохи «популистского духа» («The populist Zeitgeist») [19], при этом исследовательские акценты стали смещаться на поиск причин случившегося, а также на выявление последствий влияния популизма на демократические режимы. В то же время благодаря развитию концепций «постправды», «постдемократии», «постполитики» популизм все чаще стал видеться как продукт этой эпохи, но в то же время все прекрасно осознавали, что его исторические формы и корни уходят в глубокое прошлое. В силу этого в современные научные работы прочно вошли в обиход понятия «нового популизма», «популизма 2.0» или «постпопулизма», которые характерны именно для настоящего времени. Подобный подход позволяет объяснить отличия ранних форм политического популизма, например, римских популяров, народников времен Российской империи, американских трудящихся конца XIX – начала XX в. от современных форм, выраженных политикой и риторикой Д. Трампа, В. Орбана, Р. Дутерте, «новых» правых и левых европейских партий и т.д. Характерные условия современной эпохи выразил известный британский социолог и политолог Колин Крауч [20. С. 6–7], отметив, что данные различия в первую очередь заключаются в трансформации самой среды, где коммуникация и информация стали играть ведущую роль, при этом политические режимы развитых государств трансформировались в «постдемократии», а сама эпоха именуется эпохой «постправды». Тесную взаимосвязь между эпохой «постправды» и популизмом переняли в том числе и российские исследователи, что вылилось в появление одноименной коллективной монографии [21].

Несмотря на изменение условий, многие авторы продолжили сосредоточивать свое внимание на взаимосвязи между уровнем популизма и социально-экономическим кризисом (Алан Найт [22], Пол Таггарт [23], Карлос де ла Торре [24]). Данная традиция сложилась из особенностей восприятия исследователями рассматриваемого феномена на латиноамериканском материале в рамках теорий модернизации и зависимости, а впоследствии «перекочевала» и на европейское поле. Но парадокс популизма заключается в его разнообразии как во внешнем, так и в сущностном проявлении. Одним из первых, кто перенес данную традицию на европейский материал, выступил Ф. Декер, считавший, что популизм – это продукт общественной модернизации, проводя параллели между латиноамериканским популизмом, фермерскими движениями в США в XIX в., Национальным фронтом Ле Пен и Свободной партией Австрии [25. С. 60–62], что, на наш взгляд, весьма некорректно в силу большой региональной и исторической специфики. Более того, современные практические исследования, полученные при сравнительном анализе результатов европейских выборов в период 2005–2013 гг., показали, что корреляции между уровнем социально-экономического кризиса в обществе и уровнем электоральной поддержки популистов нет или она слишком незначительна [26]. В противовес поискам социально-экономических подоплек в успешности попу-

лизма, многие современные авторы указывают и на другие аспекты, в частности на социокультурные [27. Р. 51–52].

По мере осознания трансформационных процессов в западных демократиях, которые в конечном счете были обозначены как «постдемократия», о чем мы уже говорили ранее, все острее встал вопрос о сущностном противостоянии между популизмом и демократией. Исследователи видят сложную связь между двумя данными категориями: с одной стороны, популизм может нести разрушительное воздействие на демократические процессы и институты, с другой – он выступает как непосредственное проявление демократии, видя в ней более глубокое участие народных масс в политике и учет их интересов при принятии решений. Ф. Декер считает, что «появление популистских партий и движений – это еще не показатель нестабильности демократии. Даже движения с однозначно враждебными намерениями могут принести вклад в консолидацию системы – если причины протеста станут предметом обсуждения и действия со стороны официальных политических структур и тем самым установится новый политический баланс» [25. С. 65].

Существуют, разумеется, и более радикальные позиции. Так, Торберн Тэнсье считает популизм чистой формой демократии [28], в то же время Надя Урбинати видела в популизме потенциально тиранический и разрушительный для некоторых элементов демократического режима феномен [29]. Более того, даже обобщение всей современной научной литературы, посвященной противостоянию популизма и демократии, показывает, что согласия по этому вопросу не существует, да и вряд ли оно появится, так как авторы по-разному воспринимают как саму демократию, так и популизм. Вместе с тем некоторые исследователи справедливо отмечают подвижки в сторону принятия популизма в качестве демократического феномена. Так, Т. Аккерман заключает, что популизм больше не отождествляется исключительно с правыми радикалами, а эмпирический анализ и исторические исследования показывают, что данный феномен может иметь и прогрессивное значение [7. Р. 158]. Среди других подходов также, безусловно, стоит отметить утверждение Т. Паппаса, который выделяет особую форму политического режима как «популистская демократия» со всей ее соответствующей уникальностью. При этом исследователь полагает, что это одна из форм современной представительной демократии, которая находится в оппозиции у политического либерализма [2. Р. 12]. Иными словами, используется формула, что популизм не чужд демократии, он чужд либерализму.

Несмотря на обилие исследовательской литературы, затрагивающей разные аспекты популизма, более чем полувековой пристальный взгляд со стороны ученого сообщества, концептуализация данного феномена все дальше и дальше расходится от единства понимания к многообразию. Виной тому сложность концепта и многообразие форм его проявлений в разных исторических контекстах. Именно поэтому в настоящее время популизм рассматривается как политическое движение, политический стиль, политическая

идеология, политический дискурс, политическая стратегия, политическая культура и т.д. При этом каждая из данных позиций имеет право на существование, что доказывается временем.

Изменение среды еще в 2009 г. позволило исследователям С. Коулмэну и Й.Г. Блумлеру констатировать, что за последние несколько лет почти все, что связано с политическим общением, приобрело новый вид: социальные формации и образ жизни, стратегии убеждения, отношения политиков и журналистов, медиа-технологии, организация и финансы и т.д. [30]. Ранее об этом много рассуждал и видный испанский социолог-постмарксист Мануэль Кастельс. Поэтому неудивительно, что ряд современных политологических исследований, посвященных популизму, содержат любопытную концепцию «популизма 2.0». Сразу оговоримся, что, на наш взгляд, она имеет целый ряд существенных недостатков, которые в первую очередь возникают вследствие неопределенности дефиниции «популизм 1.0», т.е. мы вводим новое понятие, не имея консенсуса по базовому определению. В то же время у «популизма 2.0» есть важная отличительная особенность, позволяющая легко его идентифицировать – коммуникационные процессы происходят главным образом в цифровой среде. То есть, говоря о «популизме 2.0» (по аналогии с Web 2.0), речь в первую очередь ведется о цифровом популизме и сетевом сообществе.

Одним из ключевых вопросов, связанных с изучением «популизма 2.0», стал политический активизм в новых условиях, в частности, в какой степени новые медиа служат общественной сфере, позволяя ей обсуждения в интернете, и, следовательно, какой потенциал имеется для расширения возможностей людей? [31. Р. 4]. Развивая данную идею, доцент Тильбургского университета Ико Мали разработал концепцию «алгоритмического популизма», представляющего собой порождение цифровизации, для понимания которого необходимо знать социальный, политический, экономический контексты, а также «алгоритмический активизм» [32]. По мнению Мали, в эпоху цифровых технологий политические дискурсы лишь в незначительной степени производятся самими политиками, они создаются миллионами граждан, активистов, ботов или алгоритмов. Соответственно, «алгоритмический активизм» нужно понимать как тип активизма, который способствует распространению послания политического деятеля или движения, взаимодействуя с постом, чтобы запустить алгоритм среды, дабы повысить рейтинг популярности данного сообщения [Там же].

По мнению социолога Джарерда Дюваля, рассматриваемая социальная трансформация привела к тому, что поколению миллениалов стала свойственна формула жить и любить так, как они этого хотят. Согласно его взглядам, целый ряд ценностей и принципов, вытекающих из этой формулы, тесно связывают миллениалов с «популизмом 2.0». Среди прочего Дюваль выделил: возможность открытого участия; децентрализацию сетей; прозрачность; склонность к кооперации и коллаборации; глобальность кругозора, открытость и терпимость к различиям; оперирование цифровыми коммуникационными средствами; поиск об-

щего языка и отсутствие множества культурных противоречий; предпочтение более активного и совместного правительства; политическую активность и высокий уровень волонтерства и т.д. [33]. При этом создание «подлинного» кандидата или «верной» позиции в социальных сетях осуществляется, преимущественно, популистскими методами, которые основываются на трех принципах: поляризация, упрощение и эмоциональность [31].

Таким образом, «популизм 2.0» представляет собой яркий пример продукта эпохи постмодерна: с одной стороны, передовая технологичность, основанная на математических алгоритмах и таргетинге; с другой – элемент архаичной политической культуры, так как работает на принципах универсального деления на «своих» и «чужих», «добро» и «зло» [34. С. 127], выражая радикализацию и поляризацию идей, а мемы и твиты порождают новых политических героев и антигероев, превнося упрощение и эмоциональность.

Заключая, хотелось бы отметить, что популизм за годы внимания к нему понимался и как угроза, и как нормальное проявление демократического политического процесса. Вместе с тем до сих пор остается неясным, как коррелируют между собой уровень восприятия популистских практик с уровнем развития политической культуры общества, а также какое место в этом процессе занимает политическая социализация и политическое образование? Видя в современном популизме двойкий продукт эпохи постмодерна, гармонично сочетающий в себе передовые цифровые практики с архаикой, представляется весьма уместным рассматривать данный феномен в качестве инструмента, позволяющего добиваться политических целей, основываясь на поляризации позиций и радикализации основных идей, упрощения представлений о политике и политических проблемах, а также обращаясь к эмоциональному сопереживанию и раздражению со стороны потенциальной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Populism: Its meanings and national characteristics / Ed. by G. Ionescu, E. Gellner. London : Weidenfeld and Nicolson, 1969. 263 p.
2. Pappas T.S. Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls, and the Minimal Definition // *Politics Oxford Research Encyclopedia*. 2016. P. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.17.
3. Laclau E. *Politics and ideology in Marxist Theory: capitalism-fascism-populism*. London : Verso, 1977. 203 p.
4. Laclau E. *On populist reason*. London : Verso, 2005. 276 p.
5. Canovan M. *Populism*. London : Junction Books, 1981. 351 p.
6. Mudde C., Kaltwasser C.R. Populism: Corrective and threat to democracy // *Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy?* / Ed. by C. Mudde, C.R. Kaltwasser. Cambridge : Cambridge University Press, 2012. P. 205–222. DOI: 10.1017/CBO9781139152365.
7. Akkerman T. Populism and Democracy: Challenge or Pathology? // *Acta Politica*. 2003. Vol. 38, № 2. P. 147–159. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500021.
8. Мусихин Г.И. Популизм: структурная характеристика политики или «ущербная идеология»? // *Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз»*. 2009. № 4 (55). С. 40–53.
9. Вайнштейн Г.И. Популизм в современной Европе: новые тенденции // *Мировая экономика и международные отношения*. 2013. № 12. С. 24–33.
10. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа // *Полис. Политические исследования*. 2017. № 4. С. 69–89. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06.
11. Collier D. The bureaucratic-authoritarian model: Synthesis and priorities for future research // *The new authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1979. P. 19–33.
12. Drake P. Conclusion: Requiem for populism? // *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque : University of New Mexico Press, 1982. P. 217–247.
13. Germani G. *Authoritarianism, fascism, and national populism*. New Brunswick, NJ : Transaction Books, 1978. 292 p.
14. Cardoso F.H., Faletto E. *Dependency and development in Latin America*. Berkeley : University of California Press, 1979. 227 p.
15. O'Donnell G. *Modernization and bureaucratic authoritarianism*. Studies in South American politics. Berkeley : University of California Press, 1979. 219 p.
16. Roberts K. Neoliberalism and the transformation of populism in Latin America: The Peruvian case // *World Politics*. 1995. Vol. 48. № 1. P. 82–116. DOI: 10.1353/wp.1995.0004.
17. Weyland K. Neoliberal populism in Latin America and Eastern Europe // *Comparative Politics*. 1999. Vol. 31, № 3. P. 379–401. DOI: 10.2307/422236.
18. Weyland K. Clarifying a contested concept: Populism in the study of Latin American politics // *Comparative Politics*. 2001. Vol. 34, № 1. P. 1–22. DOI: 10.2307/422412.
19. Mudde C. The populist Zeitgeist // *Government and Opposition*. 2004. Vol. 39, № 4. P. 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x.
20. Крауч К. *Постдемократия* / пер. с англ. Н.В. Эдельмана. М. : Изд. дом гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010. 192 с.
21. «Политика постправды» и популизм / под ред. О.В. Поповой. СПб. : ООО «Скифия-принт», 2018. 216 с.
22. Knight A. Populism and neo-populism in Latin America, especially Mexico // *Journal of Latin American Studies*. 1998. Vol 30, № 2. P. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
23. Taggart R. *Populism*. Buckingham : Open University Press, 2000. 128 p.
24. De la Torre C. *Populist seduction in Latin America*. Athens : Ohio University Press, 2000. 259 p.
25. Декер Ф. Популизм как вызов либеральным демократиям // *Актуальные проблемы Европы*. 2004. № 2. С. 56–73.
26. Mudde C. Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? // *European Journal of Political Research*. 2013. Vol. 52, № 1. P. 1–19. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x.
27. Goodhart D. *The road to somewhere: The new tribes shaping British politics*. London : Penguin, 2017. 278 p.
28. Tånnsjö T. *Populist Democracy: A Defence*. London : Routledge, 1992. 139 p.
29. Urbinati N. Democracy and Populism // *Constellations*. 1998. Vol. 5, № 1. P. 110–124. DOI: 10.1111/1467-8675.00080.
30. Coleman S., Blumler J.G. *The Internet and democratic citizenship: Theory, practice and policy*. Cambridge : Cambridge University Press, 2009. 220 p.
31. Enli G. New Media and Politics // *Annals of International Communication Association*. 2017. P. 1–8. DOI: 10.1080/23808985.2017.1392251.
32. Maly I. Algorithmic populism and algorithmic activism // *Diggit Magazine*. 08.11.2018. URL: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism> (дата обращения: 15.09.2019).
33. Duval J. *Next generation democracy: What the open-source revolution means for power, politics, and change*. New York : Bloomsbury Publishing, 2010. 272 p.
34. Щербинина Н.Г. Архаика в российской политической культуре // *Полис. Политические исследования*. 1997. № 5. С. 127–139.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 17 октября 2019 г.

The History of the Study of Political Populism and Its Current Position in Political Science

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 96–101.

DOI: 10.17223/15617793/451/13

Mikhail V. Podrezov, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mvpodrezov@gmail.com

Keywords: populism; populism 2.0; digital populism; postdemocracy; posttruth; political movement; political ideology; political style.

The article considers the phenomenon of political populism, which is complex and multifaceted. Despite more than fifty years of interest in this issue, political science has still not developed a unified concept and common understanding of populism. In this regard, in the framework of this study, the aim was set to analyze the evolution of approaches to understanding populism, highlight their specific features, and also note their current state. This seems very important and relevant in the context of the “victorious advance” of populist practices and ideas around the world: from the “new” European right and left parties to Donald Trump and Rodrigo Duterte. At the same time, in Russian realities, this phenomenon has practical consequences, expressed in the increase of political activity and protest moods among young people, which is associated with the dominance of populist practices in virtual space in general, and in social networks in particular. The study is based on the works of prominent foreign researchers of political populism, who proposed their own vision of this phenomenon and had a significant influence on their followers: the Argentine and Spanish post-Marxist political scientist E. Laclau (formal-discursive approach), the British political scientist M. Canovan (structural approach), the Dutch and American political scientist C. Mudde (ideological approach). Based on the methods of comparative and diachronic analysis, the author identifies the advantages and disadvantages of the concepts under consideration. At the same time, special attention is paid to the modern manifestations of populism and their theoretical explanations by researchers, which led to the emergence of the concepts “digital populism”, “populism 2.0” (similar to Web 2.0). In the course of the research, the author made several important conclusions. The conceptual vagueness of the notion of political populism originates at the first conference (at the London School of Economics) and continues to the present. The explanation of this fact is both the various theoretical foundations that the researchers resorted to, and the attempt to explain the heterogeneous manifestations of the phenomenon under consideration using one model without taking into account historical, political and socio-economic contexts. At the same time, the author notes that nowadays an understanding of the close relationship between populism and the phenomena of post-truth, post-politics and post-democracy has emerged, which, coupled with the growing influence of new information and communication channels, allows us to speak of a “new populism”. Developing this idea, the author comes to the conclusion that populism itself should be perceived as a twofold product of the postmodern era, combining advanced digital practices with archaic elements; as a tool to achieve political goals based on the polarization and radicalization of positions and ideas, simplification of politics and political problems, as well as appeal to emotional empathy and irritation.

REFERENCES

1. Ionescu, G. & Gellner, E. (eds) (1969) *Populism: Its Meanings and National Characteristics*. London: Weidenfeld and Nicolson.
2. Pappas, T.S. (2016) Modern Populism: Research Advances, Conceptual and Methodological Pitfalls, and the Minimal Definition. In: Thompson, W.R. (ed.) *Politics Oxford Research Encyclopedia*. Oxford University Press. pp. 1–24. DOI: 10.1093/acrefore/9780190228637.013.17
3. Laclau, E. (1977) *Politics and Ideology in Marxist Theory: Capitalism, Fascism, Populism*. London: Verso.
4. Laclau, E. (2005) *On Populist Reason*. London: Verso.
5. Canovan, M. (1981) *Populism*. London: Junction Books.
6. Mudde, C. & Kaltwasser, C.R. (2012) Populism: Corrective and threat to democracy. In: Kaltwasser, C.R. & Mudde, C. (eds) *Populism in Europe and the Americas: Threat or corrective for democracy?* Cambridge: Cambridge University Press. pp. 205–222. DOI: 10.1017/CBO9781139152365
7. Akkerman, T. (2003) Populism and Democracy: Challenge or Pathology? *Acta Politica*. 38 (2). pp. 147–159. DOI: 10.1057/palgrave.ap.5500021
8. Musikhin, G.I. (2009) Populizm: strukturnaya kharakteristika politiki ili “ushcherbnaya ideologiya”? [Populism: A Structural Characteristic of Politics or a “Flawed Ideology”?]. *Politiya. Analiz. Khronika. Prognoz – Politeia*. 4 (55). pp. 40–53.
9. Vaynshteyn, G.I. (2013) Populism in Contemporary Europe: New Trends. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya – World Economy and International Relations*. 12. pp. 24–33. (In Russian).
10. Vaynshteyn, G.I. (2017) Modern Populism as a Subject of Political Science. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 4. pp. 69–89. (In Russian). DOI: 10.17976/jpps/2017.04.06
11. Collier, D. (1979) The Bureaucratic-Authoritarian Model: Synthesis and Priorities for Future Research. In: Collier, D. (ed.) *The New Authoritarianism in Latin America*. Princeton, NJ: Princeton University Press. pp. 19–33.
12. Drake, P. (1982) Conclusion: Requiem for populism? In: Conniff, M.L. (ed.) *Latin American Populism in Comparative Perspective*. Albuquerque: University of New Mexico Press. pp. 217–247.
13. Germani, G. (1978) *Authoritarianism, Fascism, and National Populism*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
14. Cardoso, F.H. & Faletto, E. (1979) *Dependency and Development in Latin America*. Berkeley: University of California Press.
15. O’Donnell, G. (1979) *Modernization and Bureaucratic Authoritarianism. Studies in South American Politics*. Berkeley: University of California Press.
16. Roberts, K. (1995) Neoliberalism and the Transformation of Populism in Latin America: The Peruvian Case. *World Politics*. 48 (1). pp. 82–116. DOI: 10.1353/wp.1995.0004
17. Weyland, K. (1999) Neoliberal Populism in Latin America and Eastern Europe. *Comparative Politics*. 31 (3). pp. 379–401. DOI: 10.2307/422236
18. Weyland, K. (2001) Clarifying a Contested Concept: Populism in the Study of Latin American Politics. *Comparative Politics*. 34 (1). pp. 1–22. DOI: 10.2307/422412
19. Mudde, C. (2004) The Populist Zeitgeist. *Government and Opposition*. 39 (4). pp. 542–563. DOI: 10.1111/j.1477-7053.2004.00135.x
20. Crouch, C. (2010) *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Translated from English by N.V. Edel’man. Moscow: HSE.
21. Popova, O.V. (ed.) (2018) *“Politika postpravdy” i populizm* [Post-Truth Politics and Populism]. St. Petersburg: OOO “Skifiya-print”.
22. Knight, A. (1998) Populism and Neo-Populism in Latin America, Especially Mexico. *Journal of Latin American Studies*. 30 (2). pp. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033
23. Taggart, R. (2000) *Populism*. Buckingham: Open University Press.
24. De la Torre, C. (2000) *Populist Seduction in Latin America*. Athens: Ohio University Press.
25. Decker, F. (2004) Populism as a Challenge to Liberal Democracies. Translated from German by S.V. Pogorel’skaya. *Aktual’nye problemy Evropy – Current Problems of Europe*. 2. pp. 56–73. (In Russian).

26. Mudde, C. (2013) Three Decades of Populist Radical Right Parties in Western Europe: So What? *European Journal of Political Research*. 52 (1). pp. 1–19. DOI: 10.1111/j.1475-6765.2012.02065.x
27. Goodhart, D. (2017) *The Road to Somewhere: The New Tribes Shaping British Politics*. London: Penguin.
28. Tännsjö, T. (1992) *Populist Democracy: A Defence*. London: Routledge.
29. Urbinati, N. (1998) Democracy and Populism. *Constellations*. 5 (1). pp. 110–124. DOI: 10.1111/1467-8675.00080
30. Coleman, S. & Blumler, J.G. (2009) *The Internet and Democratic Citizenship: Theory, Practice and Policy*. Cambridge: Cambridge University Press.
31. Enli, G. (2017) New Media and Politics. *Annals of International Communication Association*. pp. 1–8. DOI: 10.1080/23808985.2017.1392251
32. Maly, I. (2018) Algorithmic Populism and Algorithmic Activism. *Diggit Magazine*. 08.11.2018. [Online] Available from: <https://www.diggitmagazine.com/articles/algorithmic-populism-activism>. (Accessed: 15.09.2019).
33. Duval, J. (2010) *Next generation democracy: What the open-source revolution means for power, politics, and change*. New York: Bloomsbury Publishing.
34. Shcherbinina, N.G. (1997) Arkhaika v rossiyskoy politicheskoy kul'ture [The Archaic in the Russian Political Culture]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 5. pp. 127–139.

Received: 17 October 2019

ИСТОРИЯ

УДК 393+395+397

В.А. Бурнаков

ЗМЕЯ И ЗМЕЙ-ДРАКОН В РЕЛИГИОЗНО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ И ФОЛЬКЛОРЕ ХАКАСОВ (КОНЕЦ XIX – СЕРЕДИНА XX в.)

На основе фольклорно-этнографических материалов впервые проанализирован образ сыр чылан'а – 'змея-дракона' в традиционном устном народном творчестве хакасов. Большинство из используемых в статье фольклорных источников – отрывков из героических сказаний (алпытгыг нымахтар) в авторском переводе на русский язык, также впервые вводятся в научный оборот. В ходе исследования автор приходит к выводу о том, что в религиозно-мифологическом сознании народа это фантастическое существо наделяется многообразной символикой.

Ключевые слова: хакасы; культура; верования; шаманизм; фольклор; эпос; змея; змей-дракон; сыр чылан.

Народные воззрения о животных выступают в качестве ключевых элементов традиционного мировоззрения. В отечественной науке исследователи зоологии (С.А. Токарев, В.Я. Пропп, З.П. Соколова, Н.А. Криничная, А.В. Гура, И.Ю. Винокурова и др.) реконструировали «зоологический» код культуры некоторых народов России. В процессе исследования они уделили внимание изучению образа змеи / змея, а также определили место и роль этой рептилии в архаической мифо-ритуальной сфере. К сожалению, вопросам выявления и изучения мировоззренческого комплекса, имеющего отношение к обозначенному животному, а также связанному с ним фантастическому образу змея-дракона до сих пор не уделено должного внимания в хакасской этнографии и фольклористике.

Целью нашей работы является характеристика образа змеи и змея-дракона в традиционных верованиях и фольклоре хакасов. Исходя из цели, были поставлены следующие задачи: систематизировать и проанализировать фольклорно-этнографические сведения этого народа и выявить ключевые составляющие элементы данного мифологического существа, обнаружить семантические связи его образа с природными объектами и стихиями, а также с военной тематикой.

Источниковую базу исследования составили письменные источники, главным образом фольклорные произведения – сказки, героические сказания и загадки. Следует отметить, что приводимые в тексте отрывки из эпосов впервые вводятся в научный оборот на русском языке в авторском переводе.

Хронологические рамки работы охватывают конец XIX – середину XX в. Выбор таких временных границ вызван, прежде всего, состоянием источниковой базы по теме исследования. Работа базируется на комплексном, системно-историческом подходе к изучению прошлого. Методика исследования основана на историко-этнографических методах – научного описания, конкретно-исторического анализа, структурно-семантического и реликта.

В традиционной культуре жизнь человека была тесно связана с миром природы. Животные, как пред-

ставители мира природы, во все времена занимали важное место в жизнедеятельности человека. Общеизвестно, что животные обеспечивают людей пищей и сырьем, помогают в хозяйстве, являются источником дохода, широко используются в медицине и т.д. Обозначенная реальность способствовала сакрализации и включению многих из них в пандемониум. Вместе с тем глубокое символическое значение отдельных представителей фауны и их включенность в мифо-ритуальный комплекс далеко не всегда были обусловлены их хозяйственной значимостью и утилитарной ценностью. В большей степени это касается диких животных. Исходя из чего М.Ф. Альбедиль совершенно верно отмечает, что указанное обстоятельство обозначает следующее: «...зооморфный символизм уже исходно был связан с особенностями структуры мировосприятия конкретного социума» [1. С. 153]. У хакасов к числу таких животных, подвергшихся общей сакрализации, но при этом совершенно далеких от факта их хозяйственного использования, относится змея / змей.

В фольклорно-этнографической литературе, посвященной изучению различных этнических культур, представлены неоднозначные мнения относительно разделения образа на ипостаси змеи и змея. Подобные суждения во многом были обусловлены культурно-историческими особенностями восприятиями этого существа. Они были запечатлены в верованиях и фольклоре изучаемых народов. Так, некоторые исследователи, преимущественно востоковеды-индологи, полагают, что дифференциация понятий «змея» и «змей» в традиционных верованиях не является актуальной, ввиду того, что они, как правило, сливаются в едином образе [1. С. 153; 2. С. 3–10]. Известный фольклорист В.Я. Пропп при изучении этих персонажей в русском и мировом фольклоре также не делал существенных различий между ними. При этом в текстах своих произведений он все же предпочитал использовать термин «змей» [3. С. 183–241]. А.В. Гура, проанализировав образ змеи и змея в верованиях славян, приходит к выводу о том, что символика змея происходит из змеиной. В связи с чем исследователь констатирует факт того, что «змей может пониматься

иногда или как просто змея, или как большая змея, как мужская ее разновидность, иногда как обычная змея, у которой выросли крылья» [4. С. 278]. Признавая тождественность рассматриваемых образов и символики, он, тем не менее, их дифференцирует. Главное отличие, по его мнению, состоит в том, что в традиционной культуре змей – это, как правило, существо вымышленное и обладающее фантастическим обликом, не имеющим реального соответствия в природе. В то время как змея – это конкретный биологический вид рептилий, хотя и наделяемый демоническими признаками [Там же]. С данным суждением ученого трудно не согласиться.

В верованиях хакасов змея – *чылан* и змей – *чылан / сыр чылан* имеют единую мистическую природу и семантическое тождество. Эти ползучие в одинаковой мере наделялись сакральным статусом. В мифологическом мышлении данное обстоятельство зачастую способствовало слиянию их образа. Отметим и то, что в представлениях хакасов самый главный змей – *Чылан хан* ('Царь змей') чаще описывается как обычная змея черного цвета, но только выделяющаяся своими масштабами и умением летать.

В традиционном мировосприятии отношение к змее / змею было крайне неоднозначным и во многом противоречивым. Оно варьировалось от чувства трепетного страха и глубокой почтительности до тотального отвращения и безудержной ненависти. Образ этой рептилии олицетворял собой благодетельное священное животное, наделенное таинственной магической силой и одновременно с этим – вредоносное существо, обладающее демоническими и разрушительными свойствами. В этой связи уместным является привести справедливые слова В.Я. Проппа о том, что «змеи вообще не поддаются никакому единому объяснению. Его значение многообразно и разносложно» [3. С. 221]. Широкое распространение образ змеи / змея получил в хакасском фольклоре. Отметим и то, что в литературе вместе с термином «змеи» в качестве его синонима нередко используется и слово дракон. В данной работе также будем придерживаться этого подхода.

Змей-дракон и его синкретический образ

В языке и устном народном творчестве хакасов змея и змей-дракон лексически не различаются и обозначаются общим словом *чылан*. При этом в отношении последнего нередко используется еще и такой уточняющий термин, как *сыр чылан* – 'гремучая / шипящая змея', акцентирующий внимание на его акустическом признаке. Несмотря на единые корни происхождения их мифических образов и семантическую общность, змей-дракон все же выделяется специфическими чертами.

В хакасском, как и в целом в мировом фольклоре, змей-дракон – это, как правило, рептилия, имеющая крылья. По сути, этот фантастический образ объединяет в себе элементы тел нескольких реальных животных, прежде всего, пресмыкающихся и птиц. В эпических произведениях рассматриваемого народа характерные птичьи черты *сыр чылан*'а подчеркива-

ются наличием у него крыльев, клюва и когтей, а также его умением летать.

*«Алты ханаттыг ала чылан
Сүрүс килпін одыр.
Молат тыргахтыг.
Ханат табызы хаалабысхан,
Хургуун табызы көглебіскен»*

[5. С. 12].

'Пестрый шестикрылый дракон-змей
Догоняет.
Со стальным клювом,
Шум крыльев послышался,
Шум от взмаха крыльев раздался'

Обращает на себя внимание многокрылость змея / дракона. В героических сказаниях, он чаще изображается шестикрылым:

*«Хайзы-хайзы чирде,
Тигір паарында
Алты ханаттыг ала чылан
Тынныг кибіс – алты хыйлаглыг,
Пора Нинчі алты хыйлаан
Толган парчададыр»*

'Где-то на земле,
Под небесами
Шестикрылый пестрый змей [летит]
[Это] живой ковер с шестью винтами,
Пора Нинчі [на нём – эти] шесть винтов
Крутит'

[6. С. 120. Перевод наш. – В.Б.].

В мифологическом сознании множественность крыльев олицетворяет собой особые динамические характеристики его движения – вземную скорость и предельную высоту полета. Поэтому его полет неизбежно вызывает такие атмосферные явления, как сильный ветер, а иногда и гром. Данное обстоятельство представлено и в фольклорных текстах: «Идет он [герой. – В.Б.] туда, к медному дому. Вошел быстро в него. В том доме ходит одна девица: "Кто хозяин этого дома?" – "Крылатый, семиглавый черный змей!", – отвечает она. "Куда он отправился?" – "Ловить зверей и птиц!" – "Скоро ли он вернется?" – "Вернется он скоро. Когда он будет возвращаться сюда, будет ветер... Как только он вошёл, поднялся сильный ветер. Та девица – стряпка говорит: "Теперь он летит!". Не прошло много времени, как на улице грохнулся крылатый, девятиглавый чёрный змей» [7. С. 400, 402].

Следует отметить, что крылья *сыр чылан*'а, по своей природе существа чужеродного и инакового, имеют собственную специфику. В хакасском фольклоре не обнаруживаем сведений об оперении его крыльев. Однако имеется упоминание о том, что они медные. Обозначенная деталь портретной характеристики змея недвусмысленно подчеркивает его демоническую сущность и тесную связь с подземным миром, символом и атрибутом которого наряду с другими может выступать и медь, как естественный элемент этого пространства.

*«Хайзы-хайзы ыраххы чирде
Ах айастың алтынаң.
Көк пулттың үстүнең
Алты хулас сунныг,
Алты хат пагыр ханаттыг,
Молат настыг сыр чылан,
Олтырых чирні көре,
Сиип, халайып одыр».*

‘Где-то [в] далекой земле
Белого света ниже
Синего облака выше
[В] шесть саженей величиной
[С] шестью складными красно-медными крыльями,
[С] булатной головой дракон,
Островную землю оглядев,
Подтянулся [и] уменьшившись, сел [на нее]’
[8. С. 67. Перевод наш. – В.Б.]

Перечисленными признаками все же не ограничивается семантическая соотнесенность змея и птицы. Важнейшим объединяющим их фактором выступает еще и такой реальный биологический феномен, как откладывание яиц, из которых на свет появляется их потомство. В этой связи реликты представлений о глубинной связи змеи / змея с птицей обнаруживаются в одной из народных загадок: «Кто докатится до конца моего длинного катка? Кто найдет яйца моего золотогоглавого кобчика? (Нора и яйца змеи)» [7. С. 371].

В традиционном мышлении образ змея-дракона не просто аккумулировал в себе черты змеи и птицы. Он еще и символически воссоединил и воплотил идею двух противоположных и отличных друг от друга миров – нижнего (подземного) и верхнего (небесного). В архаических воззрениях эти сферы мироздания ассоциировались с потусторонним пространством – странной смерти, которая могла локализоваться высоко над землей, далеко за горизонтом, или же, наоборот, под землей. В этой связи змей / дракон мог выступать еще и олицетворением души. Как известно, на ранних этапах религиозно-мифологического сознания получила развитие идея о том, что после своей смерти человек мог превращаться в любое животное. Как верно отмечал В.Я. Пропп, «для далеких царств создаются птицы, для царства подземного – змеи, черви и пресмыкающиеся, между которыми, по-видимому, особой разницы не делают. Птица и змея – самые обычные, самые распространенные животные, представляющие душу. В лице дракона они слились» [3. С. 211]. Справедливости ради отметим, что данную мысль все же одним из первых выдвинул знаменитый психолог В. Вундт, констатирующий то, что в религиозно-мифологическом сознании «в крылатой фигуре (змея) скрыто – правда, давно уже забытое – представление о птице, представляющей душу, а в змеином туловище дракона – представление о черве, представляющем душу» (Цит. по: [3. С. 211]).

В хакасском фольклоре душа отдельных персонажей, изображаемая в виде змеи / змея, – часто встречаемое явление. С.Д. Майнагашев по этому поводу писал: «Начну с терминов для понятий “души”. Их несколько. Один из этих терминов “тын” значит и

душа и жизнь. Говорят “тын үзүлдү”, прервалась его жизнь. Тын многих героев богатырских поэм бывает заключен в какой-нибудь вещи, – в складном ножичке, иголке или даже животном, напр., змее, которые в свою очередь бывают скрыты в особенно недоступном месте. Нельзя убить героя, прежде чем не будет уничтожена, разломана вещь или убито животное, где заключен был тын. Вместе со смертью человека уничтожается и тын, или, вернее, оттого и умирает человек, что уничтожается его тын» [9. С. 278].

В устном народном творчестве хакасов обладание душой-тын в виде змеи / змея была свойственно как положительным, так и отрицательным персонажам. Так, в эпосе «Хан Орба» добрая богатырка Алтын Чачах, передавая в помощь герою Хан Миргену крылатого черного змея для борьбы с нечистой силой, подробно инструктируя его, предупреждает о необходимости правильного и бережного отношения к нему, так как он является ее душой-тын:

*«Хан Мирген, хара чыланни,
Аймах чирінде тастабин,
Ада чиримзер нандырарзың.
Аны нандырбин салзаң,
Алып поэым Алтын Чачах
Анда сынап азып-өлем.
Азыр ханаттыг хара чылан
Артых күзім, тыным полча»*

‘Хан Мирген, черного змея,
[В] разных землях не бросая,
[В] отцовскую землю [мою] возвратишь,
[Если] его не возвратив, оставишь,
[Я] богатырка [сама] Алтын Чачах
Тогда воистину погибну [я].
[С] раздвоенными крыльями черный змей
[Моей] чудесной силой, душой является’
[10. С. 62. Перевод наш. – В.Б.]

Между тем в фольклоре наличие души-тын в виде змея, все же, в большой мере было характерно для представителей демонического мира. В связи с чем Н.Ф. Катанов обратил внимание на то, что «душа злого дьявола (айна), превращающегося для борьбы с людьми, бывает иногда спрятана внутри многоглавого змея» [7. С. 215]. Обладание негативными персонажами душой-тын в образе вредоносного змея является довольно распространенным сюжетом героических сказаний хакасов:

*«”Синің арыг тынын хайда полчаң?”»
“Өдүгүмнүң ултіның аразында
Четті настыг сыр чылан полар”
Ах-ой аттыг оолак
Молат хылызын алыб-алды,
Ултін сөкту,
Четті настыг сыр чыланни алды,
Четті пазын кизе сапты,
Өрөкөнның арыг тыны үзүлдү»*

‘– Твоя чистая душа, где находится?
[В моей] обуви [в] подошве между [ее слоями]

Семиголовый дракон находится.
[На] бело-буланном коне [ездящий] парень
Булатный меч [свой], выхватив,
Подошву разрубил по шву [вдоль сшитых слоёв],
Семиголового дракона добыл,
Семь голов [ему] напрочь отрубил,
[И тут же] старухи чистая душа оборвалась'
[11. С. 233–234. Перевод наш. – В.Б.];

«*Пу хыс сөйлөчә:
“Тиді ереленча өдір сал!”
“Арыг тының хайда?”, – тидір.
“Минің арыг тыным
Палгачаң ада сарчынның істінде
Четті пастыг сыр чылан полар.
Ах ой аттыг оолах
Ала сарчын талаза чүзүрді,
Ала сарчынны чара тутту,
Четті пастыг сыр чыланны
Кеп-алып четті пазын кизе сапты,
Четті хулактыг хыстың,
Четті сыргалыг хыстың
Арыг тыны үзүлдү»*

‘Эта девица говорит:
– Чем так мучить, [лучше] убей [меня]!
– [Твоя] чистая душа, где [находиться]? – молвит
[он ей в ответ].
– Моя чистая душа [расположена]
[В] отцовской коновязи – внутри
Семиголовый дракон [там] будет.
[На] бело-буланом коне [ездящий] парень
[К] пестрой коновязи [тотчас] побежал
Пеструю коновязь пополам расколол,
Семиголового дракона
Схватив, семь голов [его] отрубил
[И у] семиухой девицы,
[С] семью сережками девицы
[Тут же] чистая душа оборвалась’.
[11. С. 235. Перевод наш. – В.Б.].

Характерной особенностью змея-дракона выступает наличие множества голов. В фольклоре хакасов встречаются персонажи с тремя, семью, девятью, двенадцатью, четырнадцатью, девятнадцатью и девяноста головами [7. С. 399, 402, 459; 12 и др.]. Данный признак красной нитью проходит в эпическом творчестве народа:

«*Хара хайаның төзінде
Тогыс пастыг сыр чылан
Хан тигірге наари өскен
Хара хайаның үстүнзер,
Соосхан чілі сөблініп,
Час хайыс чілі түріліп,
Киш Хара хустың палаларын*

‘[У] черной скалы [у] основания
Девятиглавый дракон
[До самого] царственного неба доросший
[К] черной скалы вершине,
Дождевому червю [подобно] вытягиваясь,

[Словно] сырой [кожаный] ремень извиваясь,
Воздуха птицы – Орла – птенцов *Чирге сыхчатхан
полар»*
[Он] пожирать поднимается, однако’
[13. С. 7. Перевод наш. – В.Б.];

«*Тогызон там чир алтынзар түссөң,
Хара талайның хазында
Тогыс хырлыг хара хайаа кірерзің.
Хара хайаның істінде
Тогызон пастыг сыр чылан полар.
Алып сапчаң молат хылыснаң
Аның тогызон пазын үзе сабарзын.
Хуруг көгізі, аар-пеер сабылып,
Тогыс хырлыг хайаны
Ун чілі саңай унат салар.
Алып позың, тизерге маңнанмазаң,
Хуруг көгіске саптырып,
Азып-өліп халарзың»*

‘[В] девяностый ярус подземелья спустившись,
[На] черного моря берегу
[В] девятигранную черную скалу войдешь.
[В] черной скале внутри
Девяностоголовый дракон будет [находиться].
[Только] богатырям посильным булатным мечом
Его девяносто голов напрочь отрубишь.
Оставшееся тело [его] в конвульсии бьющееся,

Девятигранную скалу
[В] муку совсем [всю] измельчит.
[А, ты сам] богатырь, [если] убежать не успеешь,
[От] оставшегося тела [дракона], получишь удар,
[И] умерев останешься [там]’
[13. С. 240–241. Перевод наш. – В.Б.]

В религиозно-мифологическом мышлении многоголовость змея-дракона олицетворяет его хищническую, всепоглощающую и пожирающую сущность. Как совершенно точно заметил В.Я. Пропп, «многократность пасти – гипертрофированный образ пожирания. Усиление идет здесь по линии усиления числа, выражения качества через множество» [3. С. 212]. Наряду с этим гиперболизированный образ змея-пожирателя мог передаваться не только посредством большого количества его голов, но и сквозь призму увеличения размеров тела и, соответственно, пасти [Там же]. В мифопоэтическом сознании хакасов *сыр чылан* нередко изображается еще и чудовищем гигантских размеров, и огромной пастью, поглощающей все, что встречается на его пути:

«*Ай Арыг көр киліп одырза,
Хайдар-хайдар сыр чылан
Ооп-сиріпчадыр.
Мустагы чілі күўлеп, саалап киледір.
Хызыл пагыр тыт агаиты
Ходыр тарт парыбысханнар,
Сыр чыланның ахсына тастааннар.
Сыр чылан хызыл пагыр тыт
Агаиты
Унада тайнабысхан.*

‘Ай Арыг замечает:
Очень большой дракон-змея
Все на ходу пожирает.
Шумя, подобно реву быка, идет,
Красно-шершавую листовницу,
Выдернув, потащили [Ай Арыг и ее конь],
В пасть дракона-змея бросили.
Дракон-змея красно-шершавую
листовницу
Разжевав, проглотил’.

[5. С. 12].

Архаические суждения о масштабности и мощи змея способствовали формированию представлений о его непосредственной связи со стихийными природными силами.

Змей-дракон и его связь с природными объектами и стихиями

В хакасском фольклоре змей-дракон – это существо, которое имеет непосредственную связь с горами. Согласно повествованию, одним из основных мест его обитания выступают горы / скалы и расположенные в них пещеры. Он же является и хозяином этих ландшафтных объектов. В сказках и эпических произведениях в качестве его владений чаще называются: «*Алтын хайа* – ‘Золотая скала’, «*Тогыс хырлыг хара хайа*» – ‘Десятигранная / девятиобручная черная скала» или просто «*Хара хайа*» – ‘Черная скала» [7. С. 399–402; 13. С. 7, 241 и др.]. Связь с земными возвышенностями и пещерами опять-таки указывает на то, что *сыр чылан* воплощает собой еще и хтоническое начало. Это определяет его прямую соотнесенность с подземным миром мертвых. Собственно, сама пожирающая природа змея-дракона семантически связана с идеей смерти.

Следует отметить и то, что в хакасских сказках герои нередко попадают в змеиное царство на корабле [7. С. 458–460]. Помимо того, в некоторых произведениях размер змея характеризуется такими репрезентативными внешними параметрами, как «величиною с лодку» [Там же. С. 482]. Обозначенные детали свидетельствуют об определенном отношении *сыр чылан*’а к воде. А.В. Гура в этой связи совершенно точно подмечает, что «одна из важнейших мифологических особенностей змеи, а соответственно, и змея – их связь с земной и небесной влагой» [4. С. 289]. Действительно, еще одним, не менее известным местообитанием змеи / змея в фольклоре выступает водная стихия. В устном народном творчестве хакасов владения змея-дракона нередко располагаются на дне мифических «Белого или Черного морей» (*Ах / Хара талай*) либо «Черного озера, на берегах которого произрастает камыш» (*Хамыстыг хара көл*) [14. С. 11; 15. С. 76–77]. В богатырских сказаниях представлен сюжет, согласно которому, богатыря, решившему жениться на царской дочери, предстоит выдержать испытание. Оно состоит в том, чтобы убить двух *сыр чылан*’ов, живущих на дне водного источника:

«*Күн Хан апсах, арға мөрий иттир.*
Күн Хан апсах чоннаң мойнап полбаңых,
Арға мөрий итчедір:
– *Мыннаң арғалыг сынға сығыңар,*
Аннаң андар ырах ниместе
Хамыстыг хара көл пар.
Хара көлнең түбінде
Хара сундук сині тас пар,
Тастың істінде ікі сыр чылан пар,
Арғалыг сынның үстүнең атыңар
Хамыстыг хара көлнең түбіне кире,
Аннаң парып, уғы хара сундук
Улинча хара тасты чара сапсын.
Ікі сыр чыланни үзе атсын.
Ана ол алыпха пирербіс Хан Арыгны».

[15. С. 76–77. Перевод наш. – В.Б.].

‘Күн Хан старик, состязание проводил.
[Иначе] Күн Хан старик народ [свой] усмирить
[бы] не смог,
[Поэтому] состязание проводит:
– Отсюда на горный хребет поднимайтесь,
Затем там же не вдалеке
Камышовое черное озеро есть.
[В] чёрном озере на дне
[С] черный сундук величиной камень имеется,
[В] камне внутри два дракона находятся,
[С] горного хребта [с] вершины стреляйте
[В] камышовое черное озеро [прямо] до самого дна,
Оттуда выпущенная, стрела [пусть] с черным сундук
Величиною черный камень пополам расколет.
Двух драконов [пусть] пополам отстрелит.
Вот за этого богатыря [и] отдадим [свою дочь] *Хан Арыг*’.

[15. С. 76–77. Перевод наш. – В.Б.].

Змея / змей, таким образом, выступает в качестве повелителя водной стихии. Любое его активное движение непременно сопровождается поднятием воды, и ее бурлением. При этом, как уточняет В.Я. Пропп, «охранитель вод более прочно связан с обликом сперва змеи, а потом змея-дракона» [3. С. 17]. Связь этого существа с водой прослеживается и в убеждениях хакасов в том, что укусившая человека змея, стремится напиться воды, чтобы восстановить свои силы и восполнить яд. Н. Попов по этому поводу писал: «Змея жалит; она прокалывает кожу острием жала и отравляет рану, а потом ползет к воде, чтобы пополнить израсходованный яд» [16. С. 650].

В религиозно-мифологических представлениях сама вода является субстанцией, связывающей человека с потусторонним пространством, а нередко и ее олицетворяющей. Поэтому, очевидно, не случайно то обстоятельство, что эпические герои «солнечного мира», одержав победу над демоническими существами из подземного мира, бросают их в водоемы. Тем самым окончательно и безвозвратно отправляют поверженных духов в их родную стихию. Именно так в богатырском сказании «*Албынчи*» одноименный герой поступает с демоницей «*Ўзүт Арыг*, имеющей косички в виде змей»:

«Албынчы сарығ хайысты ізебнең сығар тастап,
Ўзүт Арығ ічезінің хол-азағың тартып,
палғабысхан.

Албынчы Ўзүт Арығ ічезін хаап,
Сөзіріп сығар парыбысхан.
Хулатай изірігі улуғ – көрбин-халған.
Албынчы Ўзүт Арығ ічезін
Хара талай суғны көре сөзір-кили;
Ўзүт Арығ ічезі орлап, сыхтап турадыр:
“Иркем-кинчем, Албынчы,
Ўзүт Арығ ічезні өдірібізерзің ме?
Хара талай суға читтір киліп,
Сарығ хайызын систіп алды, –
– Ўзүт Арығ ічезінің азах-холына
Інек улиинча хара тасты палғап,
Хара талай суғның түбіне түзірібіскен»

‘Албынчы желтой [кожи] ремень из кармана до-
став,

Ўзүт Арығ матери [своей] руки-ноги подтянув, свя-
зал.

Албынчы Ўзүт Арығ мать [свою] схватив,
Волоча [ее] выгацил.

Хулатай [будучи] в опьянении глубококом – не ви-
дел [этого всего].

Албынчы Ўзүт Арығ [свою] мать
[В] Черного моря воды глядя, волочет [и] идет;

Ўзүт Арығ мать [его] ревет [и] причитает:

“Милый-дорогой [мой], Албынчы,

Ўзүт Арығ [свою] мать убьешь ли?

Черного моря вод достигнув,

Желтой [кожи] ремень [свой] развязал, –

Ўзүт Арығ матери [своей] к рукам-ногам

[С] корову размером чёрный камень привязав,

[В] Черного моря воды [на самое] дно спустил’

[17. С. 94. Перевод наш. – В.Б.].

Вызывает интерес тот факт, что в традиционном мышлении открывающийся с горных высот вид на текущие реки естественным образом вызывал невольные ассоциации – «река змеится». Она своими многочисленными изгибами русла в поразительном сходстве воспроизводит образ ползущей по земле огромной змеи. Указанное визуальное восприятие нашло свое отражение и в хакасской мифопоэтике, где в отношении реки используются типичные эпитеты, часто применяемые и для описания змея-дракона: «Тогыс азыр пастыг, Хара талай суғ агып-чадыр» – ‘С девятью разветвленными головами-русами, Великая черная река течет’ [18. С. 86. Перевод наш. – В.Б.].

В архаическом сознании море или река могли ассоциироваться еще и с границей между бытием и инобытием. Вместе с тем, наиболее ярким знаковым объектом, усиливающим эту идею и, имеющим прямое отношение к водным источникам, является мост. Полагали, что он не только осуществляет практическую функцию связи между двумя берегами реки, но еще и выступает в качестве символического канала связи, соединяющего между собой профанный и сакральный миры. Поэтому в мифологическом мышлении змей-дракон, обитающий в воде, воплощает со-

бой идею еще и охранителя границ между мирами. В.Я. Пропп, отмечая данные суждения, писал: «Водяной змей мыслился сидящим в прудах и водоемах, в реках, морях и на земле. Но эти водоемы одновременно служат входом в иное царство. Дорога в иное царство лежит через пасть змея и через воду – как сквозь воду, так, позднее – и по воде. Это приводит нас к сторожевой роли змея. Сторожевая роль водяного змея ясна. Сидя у воды или в воде, он сторожит ее» [3. С. 226–227]. Обозначенные воззрения нашли свое отражение в фольклоре хакасов. Так, например, в одной из сказок героя по имени Иркюлес предупреждают о потенциальной опасности обозначенного места: «У моста хозяева есть – стерегущие его змеи-ханы. Никому не позволяют по тому мосту переходить: как ночь наступает, туда придя, до зари его стерегут, змей с семью головами стережет, и змей с девятью головами стережет, да еще змей с двенадцатью головами стережет» [12. С. 217].

В мифологических воззрениях хакасов сопричастность змея-дракона водной стихии отнюдь не исключала его связи с огнем. Более того, данная особенность выступала одним из ключевых признаков рассматриваемого существа. В архаическом сознании дракон осмыслялся в качестве существа огненного. При этом извергаемый из его нутра и пасти огонь, как правило, имел не созидательное, а деструктивное воздействие на окружающих. Данная особенность, опять-таки, характеризует его как агрессора-разрушителя и поглотителя, приносящего смерть. Указанная черта нашла свое яркое выражение в устном народном творчестве: «Немного погодя, на сопку Хуба-тигей очень-очень большой змей с открытой пастью ползет. Выходящий из его пасти яд, в огонь, превращаясь, вокруг него расходится» [19. С. 381];

«Тогыс пастыг сыр чылан
Чылып, сойлап, сыгып тур.
Хара хайаның үстүнзер,
Соосхан чили сөблiнiп,
Час хайыс чили түрiлiп,
Киш Хара хустың палаларын
Пис палазын көрiп,
Харагында хан ойнатхан,
От, көйгiзiп, сыгарган...
Алып төреен Ах Хан,
Хайди саптым тiп көрчетсе,
Тогыс пастыг сыр чыланның
Тогыс пазы, үзе сабылып,
Тогыс чара чачырап,
Хара чирде анда-мында
Чаплада түскен полтыр.
Хуруг көгiзi сыр чыланның,
Хара хайадаң сыбырылып,
Хара чирге чалбайта түскен,
Хызыл чалынның отнаң
Хабылып, көйiбiскен.
Хара хыбын халганда,
Чил-хуюн көдiрiлiп,
Ойнап, хайнабысхан,
Хара пулут опып турыбысхан».

Девятиглавый дракон
 Ползя, извиваясь, поднимается.
 [К] Черной скалы вершине,
 Дождевому червю [подобно] вытягиваясь,
 [Словно] сырой [кожаный] ремень извиваясь,
 Воздуха птицы – Орла – птенцов
 Пять птенцов, [когда] заметил,
 [В] глазах [его] кровь заиграла
 [Из] пасти белой молнией
 Огонь, горящий, выпустил...
 Богатырем рожденный Ах Хан,
 Как [же я его] рубанул [сам себя] вопрошая, смотрит,
 Девятиголового дракона
 Девять голов, напрочь отсечены,
 Девять [голов] разлетевшись
 [По] черной землей там-сям
 [С] шлепками упавши лежат.
 Оставшееся тело [дракона],
 [С] черной скалы, сползшее,
 [На] черную землю плашмя упало,
 [От] красной молнии огонь
 Вспыхнув, загорелся.
 [Когда только] черный пепел, остался,
 Ветер-смерч поднявшись,
 Играючи, закружил,
 [И] черным облаком став остановился’.

[13. С. 11–12. Перевод наш. – В.Б.];

*«Иледе полганда ах талай тасча,
 Идизинең азыгып тохтапча.
 Аннаң сүрүниң сыр-чылан сыгып,
 Тогыс пазын кӧдирче.
 Ахсыларын улуг ачынып,
 Тиллерин тың чалбыратча.
 Кӧбиктиг талай хазында
 Кӧлбейин ӧскен кӧк от
 Тогыс пастыг сыр-чыланның
 Чииркестиг, изиг тынызына
 Чыырылып, тооза хуур-парды.
 Ол чыланның толганганына
 Ах талай кӧбиктенип ахча»*

‘Много [времени] прошло, белое море [стало] разли-
 ваться,

[Свои] границы преодолев [оно] остановилось.
 [И] оттуда [с] душой-сүрүн дракон выходит,
 Девять [своих] голов поднимает.
 Пасти огромные [и] хищные [открывает],
 Языки [свои] сильно раздувает.
 [У] пенящегося морского берега
 Плавающая росла зеленая трава
 [От] девятиглавого дракона
 [Его] омерзительного, горячего дыхания
 [Она] сморщилась, [и] вся выцвела.
 [От] того змея вращения
 Белое море, вспенившись, течет’.

[14. С. 11. Перевод наш. – В.Б.].

В традиционном мышлении змей, обладая неисто-
 вой мощью и разрушительной силой, невольно отожд-
 ествлялся со смертоносной борьбой и воссоздавал
 собой образ вражеского воина.

В фольклоре многих народов, и хакасов в том чис-
 ле, образ змея-дракона был неразрывно связан с идеей
 непримиримой борьбы и противостояния двух сто-
 рон – добра и зла. Одну из них, как правило, пред-
 ставляют положительные герои – богатыри и пр. Дру-
 гую же – отрицательные персонажи в лице всевоз-
 можных демонов и чудовищ. Особое место в их ряду
 отводится дракону, обладающему неодолимым ковар-
 ством и незаурядными воинскими качествами, а так-
 же демонической мощью. Итак, в устном народном
 творчестве он предстает в образе опасного и противоб-
 борствующего воина. Наделение этого мифического
 существа соответствующим статусом, очевидно, не
 случайно и во многом детерминировано биологией
 его реального прототипа.

На формирование образа воинствующего змея, ве-
 роятно, оказали определяющее влияние зоологиче-
 ские особенности и поведенческая специфика рас-
 сматриваемой рептилии. В частности, следует выде-
 лить ее манеру охоты и способы самозащиты. Прису-
 щая ей прирожденная хитрость хищника и смерто-
 носная атака делают змею чрезвычайно опасным и
 могущественным противником. Она подобно искус-
 ному воину превосходно владеет навыками мимикри-
 ровать под окружающее пространство, способна за-
 мереть перед броском и умело использует проникаю-
 щее оружие – зубы, отравленные ядом, не оставляя
 своим жертвам шансы на спасение. Добавим и то, что
 сама змеиная шкура своей чешуйчатой структурой
 обнаруживает глубокие аналогии с воинскими доспе-
 хами. Подобные суждения и ассоциации нашли отра-
 жение в религиозно-мифологических представлениях
 и фольклоре хакасов.

Символическое изображение змей-драконов было
 широко представлено на костюмах хакасских шама-
 нов. Они имели вид длинных наспинных матерчатых
 лент. Некоторые из них состояли из кусков черного и
 красного сукна и оканчивались бахромчатым хвостом.
 На туловище животного в нескольких местах нашиты
 кусочки сукна с бахромой. У других драконов отме-
 чены две пары ног и сердцевидный хвост. У боль-
 шинства подобных фигур голова отсутствует, но в
 отдельных случаях на ее месте пришит кусок сукна
 подтреугольной формы [20. С. 134].

Как известно, каждая сакральная часть шаманско-
 го костюма была связана с глубокой верой в духов-
 помощников шамана, которые выполняли активную и
 незаменимую роль в его камланиях. Следует заме-
 тить, что этнограф С.В. Иванов сумел убедительно
 показать, что отдельные детали ритуальной шаман-
 ской одежды собою воспроизводят элементы реально-
 го защитного доспеха и рассматривались как броня
 [21. С. 136–168]. По материалам В.Я. Бутанаева, од-
 ним из распространенных названий шаманских обла-
 чений у хакасов было «хам тириш» – ‘букв. шаман-
 ское вооружение’ или просто «тириг» – ‘снаряжение’,
 а также «хух киби» – ‘броня, кольчуга’, осмысляемое
 в качестве его мистических защитных доспехов [22.
 С. 75]. Указанное обстоятельство позволяет утвер-
 ждать, что в определенных ситуациях, главным обра-

зом в шаманских мистериях кам, наряду с другими, мог перевоплощаться и в образ змея / дракона. Это позволяло ему в полной мере использовать его боевые качества в беспощадной борьбе с другими шаманами и всевозможными представителями «мира невидимых». Реликты представлений о связи змеинообразного с военным делом обнаруживаются и в хакасском фольклоре. В нем некоторые богатыри-демоны наделяются соответствующей териоморфной внешностью:

*«Аны көрген пайагы хара алып,
Хара чир алтынзар хара чылан полып, түс пари»*

‘Это видевший, тот черный богатырь,

[Под] чёрную землю вниз [в] черного змея обратившись, спускается’

[23. АМАЭ РАН. Ф. 3. Оп. 3. Д. 119. Л. 45. Перевод наш. – В.Б.];

*«Тогыс хулас сунныг,
Ой сарааттыг
Изеби чох От Хан.
Аннаң андар удур-соондых
Килески чиллектиг,
Чылан оорхалыг»*

‘[В] девять саженей ростом
[Ездящий] на буланом коне
Могучий От Хан.
Туда-сюда, вперед-назад [ходящий]

[С] ящерным хвостом (?!),
[С] змеиным позвоночником’

[8. С. 96. Перевод наш. – В.Б.];

Во многих эпических произведениях змей изображается с металлической головой, а если быть точнее – из такого материала, как булатная сталь. Указанная черта, очевидно, не случайна. В традиционном сознании она могла устойчиво отождествляться с воинским головным убором – шлемом, надежно защищающим обозначенную часть тела во время боевых действий:

*«Алты хулас сунныг,
Алты хат пагыр ханаттыг,
Молат пастыг сыр чылан
Ах айастың алтынаң,
Ах пулуттың үстүнең,
Ырда-көгде учугып одыр»*

‘[В] шесть саженей ростом,
[В] шесть рядов красно-медными крыльями,
[С] булатной головой дракон
Белого ясного неба пониже,
Белого облака повыше,
[С] песнями-музыкой, летит’

[8. С. 63. Перевод наш. – В.Б.];

*«Алтон аргалыг, айна чабаллыг
Ўзүм Молат, читон сүмеліг,
Хара чирге читкенде,
Чаза хаап, чаза тудыбысхан,
Чирниң алтына,*

*Молат пастыг сыр чылан полып,
Сом салыбысхан»*

‘[С] шестьдесятю приемами, [с] чертовской злобой

Ўзүм Молат, [владеющий] семьюдесятью уловками,
Черной земли достигнув,
Мимо схватив, [и] не правильно удержав,
Под землю,
[С] булатной головой [в] дракона обратившись,
Нырнул’

[24. С. 80. Перевод наш. – В.Б.].

Помимо того, в героических сказаниях хакасов само тело змея нередко описывается как медное (из медной чешуи) [8. С. 70]. Данный признак может свидетельствовать о том, что в мифологическом мышлении шкура дракона выполняет функцию боевого доспеха. Поэтому совершенно не случайно то, что многие богатыри подземного мира используют в качестве кольчуги именно змеиную шкуру:

*«Тогыс хулас сынныг,
Харыс түктіг аба хара атха алтан салган,
Иңні мойны харыс,
Арга мойны алтон харыс.
Алып кізі удур сыххан;
Аргазына кис салган кибі –
Ала чылан терізі полтыр.»*

‘[В] девять саженей ростом,
[С] пядень [длиной] шерстью медведь черного коня оседлал,

Плечи [и] шея [размером] в пядень,
Спина [и] шея – шестьдесят пядей.
Богатырь-муж навстречу [ему] вышел;
[На] спину одетое одеяние –
Пестрой змеи шкурой было.

[25. С. 31. Перевод наш. – В.Б.];

*«Тогыс хулас сынныг,
Чылтыс чохыр аттыг
Чылбазын Молат тiп алып кізі,
Ала чылан теерізі хуях кип кис салган»*

‘[В] девять саженей ростом,
[Со] звездно-пестрым конём
Чылбазын Молат`ом называемый богатырь-муж,
[Из] пестрой змеиной шкуры [в] доспех [он] облачен’
[24. С. 70. Перевод наш. – В.Б.].

Рудименты архаических представлений о металлических доспехах змеи и его связи с водой, вероятно, представлены и в одной из народных загадок: «Чылбыр көгістіг, чылан аастыг» – ‘С блестящей грудью, со змеиным ртом (чайник)’ [26. С. 310, 328].

В традиционном мышлении образ змеи / змея устойчиво связывался с отдельными видами оружия. В хакасских сказках имеются упоминания о том, что из мифических рогов змеи изготавливали копья [27. С. 513]. В религиозно-мифологических представлениях змея своей специфической формой тела и смерто-

носной опасностью, исходящей от нее, устойчиво отождествлялась еще и с таким распространенным метательным предметом, как стрела. В этой связи в фольклоре нередко упоминается «*сыр чөбө / сыр чыла*» – ‘трехгранная стрела с отверстием’, которая в полете издает громкий визг или шипение, подобно змее – *сыр чылан*. Как отмечает филолог О.В. Субракова, «слово *сыр* восходит к глаголу *сырла* – ‘шипеть’, ‘визжать, пронзительно кричать (о ребенке)’, отсюда и *сыр чылан* ‘сказочная змея – чудовище, летящее с шипением» [28. С. 43].

Обратим внимание на то, что в устном народном творчестве хакасов летящая «змея-стрела» – это широко распространенный образ. Приведем фольклорные сведения об этом: «Табанах-Матыр... немного постояв, Чылан-Хану боевой клич бросил. Видит: тут же змей, шипя-свистя, из того места, откуда пар поднимается, стали выходить. Некоторые как стрелы вылетают. Табанах-Матыр ту летящую змею выстрелом на землю сбивает. Сколько идет он – столько змей и падает» [19. С. 381]; «Богатырь-Пламя чёрный сундук отворил. Из сундука выползли синий змей и щука. “Что прикажешь, богатырь-Пламя?” – спрашивали они. – “Ты, змей, иди под землю; узнай, что там делается и скажи мне; а ты, щука, иди в море; узнай, что там происходит и скажи мне”. Змей исчез в земле, как стрела» [29. С. 192];

*«Алтын Арыг хыс кизи
Икі азыр пастыг тынныг пүгде
Оң ниине төдир тартыныбысхан.
Алты частыг Хара Нинчи
Илгер агыллыг чылан угын
Алтын Арыга поэдыбысхан.
Ол хыс чаксызы поэдыр поэтпастаң,
Алтын Арыг
Азыр пастыг тынныг пүгдезин
Хара Нинчее поэдыбысхан.
Илгер агыллыг чылан ух
Алтын Арыга чидерінең,
Алтын Арыг хыс күлүгі
Ах тубан полып чайылыбысхан.
Ат полбаан Хара Нинчи.
Азыр пастыг тынныг пүгде
Хара Нинчее чидерінең,
Алты частыг Хара Нинчи
Хара тубан полып чайылыбысхан»*

‘Алтын Арыг дева
[Свой с] раздвоенным концом живой кинжал
[В] правый рукав остриём к себе вложила.
[А,] шестилетняя Хара Нинчи
[Направив] вперед [с] зубринами змею-стрелу
[свою]
[в] Алтын Арыг [её] выпустила.
Та [которая] из дев лучшая, [умеющая] преодолеть
неодолимое,
Алтын Арыг [в ответ ей]
[С] раздвоенным концом живой кинжал
[В] Хара Нинчи метнула.
[Направленная] вперед [с] зубринами змея-
стрела

Алтын Арыга [почти] достигла
[Но,] Алтын Арыг, из дев ловкая [самая]
Белым туманом став растворилась.
Подстрелить [ее] не сумела Хара Нинчи.
[С] раздвоенным концом живой кинжал
Хара Нинчи [тоже почти] достигает
Шестилетняя Хара Нинчи [в свою очередь]
Черным туманом став рассеялась’.
[25. С. 52. Перевод наш. – В.Б.]

В известном среди хакасов мифе «об аринцах / аринах, истребленных змеями» эти рептилии в процессе их войны с людьми отождествляются со стрелами, пробивающими насквозь стены жилища, а вместе с ними и людей, тем самым их убивающими [7. С. 534–535]. Следует заметить, что представления о змее, разящей подобно стреле, встречаются и среди монголов. Так, по материалам Г.Н. Потанина, «есть в Гоби такие змеи, которые, если на них падет тень, бросаются и пробивают насквозь не только человека, но даже верблюда и два места чаю» [30. С. 187].

Таким образом, представленный материал и произведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что: 1) в культуре хакасов имел широкое распространение образ змеи / змея. Более того, в фольклоре этого народа особое развитие получил образ *сыр чылан’а* – ‘змея-дракона’;

2) в мифологическом мышлении указанное фантастическое существо наделяется обширной и многообразной символикой. Его основной характеристикой является ярко выраженная синкретическая природа, объединяющая в себе образы рептилии и птицы. Соответствующее символическое значение во многом определялось его морфологическими признаками, способами перемещения в пространстве и др. В архаическом сознании дракон, как существо динамичное, и, вместе с тем, сакральное, воплощал собой образ души мифических персонажей;

3) в устном народном творчестве само местообитание, образ жизни и сущностные характеристики змея-дракона свидетельствуют о его тесной связи с такими природными объектами и стихиями, как гора / скала, вода и огонь;

4) в мифологическом мышлении из-за своих специфических мифологических черт *сыр чылан* отождествляется с заклятым врагом людей, имеющим образ воина с присущей ему атрибутикой – доспехами и вооружением.

Многовековое наблюдение хакасов за змеей – реальным прототипом дракона – способствовало формированию огромного фонда народных знаний об этом ползучем животном, в том числе о его морфологических особенностях, местах обитания, образе жизни, повадках и т.д. Все это содействовало глубокому проникновению образа змеи / змея в религиозно-мифологическое сознание человека и его обрядовую практику, в том числе и в шаманизм. В свою очередь это приводило к тому, что посредством подобной символизации человек с архаическим типом мышления пытался объяснить и упорядочить окружающий его мир, сделать его умопостигаемым и доступным, а значит комфортным и безопасным для себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбедиль М.Ф. Змея в индийской традиционной культуре: совпадение противоположностей // Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб. : МАЭ РАН, 2012. С. 152–164.
2. Маретина С.А. Змея в индустской мифологии (На материалах МАЭ). СПб. : МАЭ РАН, 2005. 140 с.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. М. : Лабиринт, 2009. 332 с.
4. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М. : Изд-во «Индрик», 1997. 912 с.
5. Чистобаева Н.С. Героический эпос хакасов: Тематика и поэтика. Абакан : Бригантина, 2015. 170 с.
6. Алтын Арыг // Алтын Арыг. Алыптыг ныхмах. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1958. С. 3–125.
7. Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: (Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым). СПб., 1907. Т. 9. 640 с.
8. Курбижекова А.В. Сибен Арыг (героическое сказание). На хакас. яз. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2011. 324 с.
9. Майнагашев С.Д. Загробная жизнь по представлению турецких племён Минусинского края // Живая старина. 1916. Т. XXIV, вып. 3. С. 277–292.
10. Хан Орба. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева Абакан : Хакас. издат, 1989. 208 с.
11. Кара Паар // Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, собранные В.В. Радловым. Часть II. Поднаречия абаканские (сагайское, койбальское, качинское, кызыльское и чулымское (кюэрик)). СПб. : Императорская Академия наук, 1868. С. 220–250.
12. Милый Иркюлес // Хакассие народные сказки (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33). Новосибирск : Омега принт, 2014. С. 205–233.
13. Ах Хан на бело буланном коне. Ах пора аттыг алып Ах Хан. Богатырское сказание, записанное от С.И. Шулбаева. На хакасском языке. Абакан: Хакас. книж. изд-во, 2007. – 276 с.
14. Аран-чула ах ой аттыг алып Айдолайданар // Хакасский фольклор. Абакан: Хакас. обл. нац. изд-во, 1946. С. 3–72.
15. Хан позырах аттыг Хан Мирген // Хан Мирген (на хакас. яз.). Абакан: ХО Краснояр. кн. изд-ва, 1969. С. 9–114.
16. Попов Н. Поверья и некоторые обычаи качинских татар // Известия Императорского русского географического общества. СПб., 1884. Т. 20, вып. 6. С. 645–659.
17. Албынчи (алыптыг ныхмах) // Алыптыг ныхмахтар (На хакас. яз.). Абакан : Хакас. обл. книж. изд-во, 1951. С. 13–98.
18. Ах Чибек Арыг. Алыптыг ныхмах (На хакас. яз.). Абакан : ХО Краснояр. книж. изд-ва, 1968. 180 с.
19. Табанах матыр // Хакассие народные сказки (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33). Новосибирск : Омега принт, 2014. С. 375–383.
20. Иванов С.В. Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар (XVIII – первая четверть XX в.). Л. : Наука, 1979. 195 с.
21. Иванов С.В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. Новосибирск : Наука, 1978. С. 136–168.
22. Бутанаев В.Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. Абакан : Изд-во ХГУ, 2006. 254 с.
23. Архив Музея антропологии и этнографии РАН (АМАЭ РАН). Ф. 3. Оп. 3. Д. 119 «Мондан пор аттыг Пул Талай. Эпическое сказание. Хакасская автономная область (1939–1940). 149 л.».
24. Айдолай. Алыптыг ныхмах. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1963. 192 с.
25. Ай Мирген. Героическое сказание, записанное от П.И. Сулекова (на хакас. яз.). Абакан : Хакас. книж. изд-во, 1959. 135 с.
26. Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. Абакан : Изд-во ХГУ, 2008. 376 с.
27. Дочь старика // Хакассие народные сказки (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 33). Новосибирск : Омега принт, 2014. С. 513–515.
28. Субракова О.В. Язык хакасского героического эпоса. Абакан : Хакас. книж. изд-во, 2007. 164 с.
29. Титов В. Богатырские поэмы минусинских татар // Вестник Иркутского отделения Русского географического общества. СПб., 1856. Ч. 15. С. 187–200.
30. Потанин Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. 2-е изд. Горно-Алтайск : Изд-во «Ак Чечек», 2005. 1026 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2018 г.

The Snake and the Serpent Dragon in the Religious and Mythological Representations and Folklore of the Khakas (Late 19th – Mid-20th Centuries)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 102–112.

DOI: 10.17223/15617793/451/14

Venariy A. Burnakov, Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: venariy@ngs.ru

Keywords: Khakas; culture; beliefs; shamanism; folklore; epic; snake; serpent dragon; syr chylan.

The aim of the work is to characterize the image of the *syr chylan*, a serpent dragon, in the oral folk art of the Khakas. Proceeding from the aim, the objectives of the study are to analyse the folklore and ethnographic information of this people and to reveal the key constituent elements of this mythological being, to discover the semantic links of its image with natural objects and elements, as well as with military themes. The chronological scope of the work covers the late 19th to mid-20th centuries. The choice of such time limits is caused, first of all, by the state of the source database on the research topic. The work is based on an integrated system-historical approach to the study of the past. The research methodology includes historical and ethnographic methods: scientific description, concrete historical analysis, structural-semantic and relict methods. As a result of the analysis, the following conclusions can be drawn. (1) The image of the snake/serpent was widespread in the Khakas culture. Moreover, the Khakas folklore developed this image as the *syr chylan*, a serpent dragon. In mythological thinking, this fantastic creature is endowed with a vast and diverse symbolism. (2) The creature's main characteristic is a pronounced syncretic nature, combining the images of a reptile and a bird. The corresponding symbolic meaning was largely determined by its morphological features, ways of moving in space, etc. In the archaic consciousness, the dragon as a dynamic and, at the same time, sacred creature embodied the image of the soul of mythical characters. (3) In oral folklore, the habitat itself, the way of life and the essential characteristics of the serpent dragon testify to its close connection with such natural objects and elements as mountain/rock, water and fire. (4) In mythological thinking, because of its specific features, the serpent dragon is identified with people's sworn enemy that has the image of a warrior with his paraphernalia: armor and weapons. The Khakas centuries-old observation of the snake—the real prototype of the dragon—helped to form a huge fund of folk knowledge about this reptile, including its morphological features, habitats, lifestyle, habits, etc. All this contributed to a deep penetration of the image of the snake/serpent into people's religious-mythological consciousness and ritual practice, including shaman-

ism. In turn, this led to the fact that, through this symbolization, people with an archaic type of thinking tried to explain and order the world around them, make it intelligible and accessible, and thus comfortable and safe.

REFERENCES

1. Al'bedil', M.F. (2012) Zmeya v indijskoy traditsionnoy kul'ture: soyvadenie protivopolozhnostey [The Snake in Indian Traditional Culture: A Match of Opposites]. In: Rodionov, M.A. et al. *Bestiaryi II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni* [Bestiary II. Zoomorphisms of Asia: Movement in Time]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS. pp. 152–164.
2. Maretina, S.A. (2005) *Zmeya v induistkoy mifologii (Na materialakh MAE)* [The Snake in Hindu Mythology (Based on Mae Materials)]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, RAS.
3. Propp, V.Ya. (2009) *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [The Historical Roots of the Fairy Tale]. Moscow: Labirint.
4. Gura, A.V. (1997) *Simvolika zivotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [The Symbolism of Animals in the Slavic Folk Tradition]. Moscow: Izd-vo "Indrik".
5. Chistobaeva, N.S. (2015) *Geroicheskiy epos khakasov: Tematika i poetika* [The Heroic Epos of the Khakas: Themes and Poetics]. Abakan: Brigantina.
6. Domozhakov, N.G. & Kokov, I.F. (1958) Altyn Aryg. In: *Altyn Aryg. Alyptyg nymakh* [Altyn Aryg: A Collection of Heroic Tales]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo. pp. 3–125. (In Khakas).
7. Katanov, N.F. (1907) *Narechiya uryankhaytsev (soyotov), abakanskikh tatar i karagasov: (Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym)* [Dialects of the Uryankhays (Soyots), the Abakan Tatars and the Karagas: (Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Published by V.V. Radlov)]. St. Petersburg: [s.n.].
8. Kurbizhekova, A.V. (2011) *Siben Aryg (geroicheskoe skazanie)* [Siben Aryg (A Heroic Legend)]. Abakan: Khakas. knizh. Izd-vo. (In Khakas).
9. Maynagashev, S.D. (1916) Zagrobnaya zhizn' po predstavleniyu turetskikh plemen Minusinskogo kraja [The Afterlife According to the Representations of the Turkish Tribes of the Minusinsk Region]. *Zhivaya starina*. XXIV (3). pp. 277–292.
10. Khan Orba. (1989) *Bogatyrskoe skazanie, zapisannoe ot S.I. Shulbaeva* [A Heroic Legend Recorded from S.I. Shulbaev] Abakan: Khak. izdat.
11. Radlov, V.V. (1868) Kara Paar. In: *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzungarskoy stepi* [Samples of Folk Literature of Turkic Tribes Living in Southern Siberia and the Dzungar Steppe]. Pt. 2. St. Petersburg: Imperatorskaya Akademiya nauk. pp. 220–250.
12. Torokova, E.S. & Sychenko, G.B. (eds) (2014) Milyy Irkules [Sweet Irkules]. In: *Khakasskie narodnye skazki (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 33* [Khakas Folk Tales (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 33)]. Novosibirsk: Omega print. pp. 205–233.
13. Shulbaev, S.I. (2007) *Akh Khan na belo bulannom kone. Akh pora attyg alyp Akh Khan. Bogatyrskoe skazanie* [Ah Khan on a White-Buckskin Horse. A Heroic Legend]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo. (In Khakas).
14. Domozhakov, N.G. & Manargin, A.K. (eds) (1946) Aran-chula akh oy attyg alyp Aydolaydanar. In: *Khakasskiy fol'klor* [Khakas Folklore]. Abakan: Khakas. obl. nats. izd-vo. pp. 3–72. (In Khakas).
15. Dobrov, M.K. (1969) Khan pozyrakh attyg Khan Mirgen [Khan Mirgen on a Blood-Red Horse]. In: *Khan Mirgen*. Abakan: KhO Krasnoyarsk. kn. izd-va. pp. 9–114. (In Khakas).
16. Popov, N. (1884) Pover'ya i nekotorye obychai kachinskikh tatar [Beliefs and Some Customs of the Kachin Tatars]. *Izvestiya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. 20 (6). pp. 645–659.
17. Domozhakov, N.G. & Kokov, I.F. (1951) Albynchi. In: *Alyptyg nymakhtar* [A Collection of Heroic Tales]. Abakan: Khakas. obl. knizh. izd-vo. pp. 13–98. (In Khakas).
18. Tacheeva, T.G. (ed.) (1968) *Akh Chibek Aryg. Alyptyg nymakh* [Akh Chibek Aryg. A Heroic Legend]. Abakan: KhO Krasnoyarsk. knizh. izd-va.
19. Torokova, E.S. & Sychenko, G.B. (eds) (2014) Tabanakh matyr. In: *Khakasskie narodnye skazki (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 33* [Khakas Folk Tales (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 33)]. Novosibirsk: Omega print. pp. 375–383.
20. Ivanov, S.V. (1979) *Skul'ptura altaytsev, khakasov i sibirskikh tatar (XVIII – pervaya chetvert' XX v.)* [The Sculpture of the Altai, Khakass and Siberian Tatars (18th – First Quarter of the 20th Centuries)]. Leningrad: Nauka.
21. Ivanov, S.V. (1978) Elementy zashchitnogo dospekha v shamanskoj odezhde narodov Zapadnoy i Yuzhnoy Sibiri [Elements of Protective Armor in Shaman Clothing of the Peoples of Western and Southern Siberia]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Etnoografiya narodov Altaya i Zapadnoy Sibiri* [Ethnography of the Peoples of Altai and Western Siberia]. Novosibirsk: Nauka. pp. 136–168.
22. Butanaev, V.Ya. (2006) *Traditsionnyy shamanizm Khongoraya* [Khongorai Traditional Shamanism]. Abakan: Khakas State University.
23. Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences. Fund 3. List 3. File 119. *Mondan por attyg Pul Talay. Epicheskoe skazanie. Khakasskaya avtonomnaya oblast' (1939–1940). 149 l.* [Mondan por attyg Pul Talay. An Epic Legend. Khakas Autonomous Okrug (1939–1940). 149 P.].
24. Tacheeva, T.G. (ed.) (1963) *Aidolay. Alyptyg nymakh* [Aidolay: A Heroic Legend]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo. (In Khakas).
25. Kokov, I.F. (ed.) (1959) *Ay Mirgen. Geroicheskoe skazanie, zapisannoe ot P.I. Sulekova* [Ay Mirgen. A Heroic Legend Recorded From P.I. Sulekov]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo. (In Khakas).
26. Butanaev, V.Ya. & Butanaeva, I.I. (2008) *Mir khongorskogo fol'klora* [The World of Khongor Folklore]. Abakan: Khakas State University.
27. Torokova, E.S. & Sychenko, G.B. (eds) (2014) Doch' starika [The Daughter of an Old Man]. In: *Khakasskie narodnye skazki (Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka. T. 33* [Khakas Folk Tales (Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East. Vol. 33)]. Novosibirsk: Omega print. pp. 513–515.
28. Subrakova, O.V. (2007) *Yazyk khakasskogo geroicheskogo eposa* [The Language of the Khakas Heroic Epic]. Abakan: Khakas. knizh. izd-vo.
29. Titov, V. (1856) Bogatyrskie poemy minusinskikh tatar [The Heroic Poems of the Minusinsk Tatars]. *Vestnik Irkutskogo otdeleniya Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 15. pp. 187–200.
30. Potanin, G.N. (2005) *Ocherki Severo-Zapadnoy Mongolii* [Essays on Northwest Mongolia]. 2nd ed. Gorno-Altaysk: Izd-vo "Ak Chechek".

Received: 08 November 2018

И.А. Головнев

ТРАДИЦИОННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СООБЩЕСТВА
В ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ КИНО.
«НАНУК С СЕВЕРА» РОБЕРТА ФЛАЭРТИ

*Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00076
«Традиционные этнокультурные сообщества Севера в этнографическом кино» (рук. И.А. Головнев).*

На примере классического этнографического фильма «Нанук с Севера» Роберта Флаэрти рассматривается кинообраз культуры эскимосов Севера Канады. Методом анализа фильма как визуально-текстового произведения явилась его исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат содержания кадров и титров фильма. Изучается потенциал кино как формы исследовательского познания. Делается вывод о феномене этнографического фильма как многокомпонентного исторического источника.

Ключевые слова: визуальная антропология; этнографическое кино; Роберт Флаэрти; эскимосы.

Открытие мира, изучение его –
самая волнующая сторона жизни кинематографиста.
Открытие страны и нравов ее обитателей
толкнуло меня на создание фильма об эскимосах.

Роберт Флаэрти [1. С. 99]

Каждый исследователь – отчасти режиссер, сочиняющий сценарий своей работы на образном уровне и воплощающий его в процессе научного творчества. Каждый режиссер – по-своему исследователь, изучающий реальные факты и информационные материалы для перевода их в визуальные (кинематографические) образы. И особенно значимую роль это обстоятельство имеет для деятельности в междисциплинарной сфере этнографического кино – направления на стыке науки и искусства.

В мировой кинотеории первопроходцем направления этнографического кино по праву считают американского кинематографиста Роберта Флаэрти (1884–1951), а точкой отсчета в истории этнокино – его фильм «Нанук с Севера» (1922). Время Флаэрти характеризовалось повсеместной модой на экзотику – открытие неведомых фронтальных земель и культур одинаково вдохновляло деятелей науки и искусства, в народе особой популярностью пользовались приключенческие романы, полупостановочные мелодрамы на этно-географическом материале становились хитами кинопроката¹. Роберта Флаэрти, заложившего в кинематографе методологию, основанную для длительного кинонаблюдения, небезосновательно называют «отцом документалистики» [2. С. 3], однако пришел он в кино именно тропой исследователя.

Еще в ранней юности Р. Флаэрти регулярно участвовал в геолого-разведочных экспедициях, с отцом или его сослуживцами, часто месяцами путешествуя по неизведанным районам Северного Онтарио [1. С. 72]. Непосредственно же съемкам его дебютного этнографического фильма «Нанук с Севера» предшествовали геологические изыскания будущего режиссера в заливе Гудзон на Севере Канады. За время четырех экспедиций, охвативших период более шести лет, он дважды пересек малоизвестные на тот период земли, обследовал острова Гудзонского залива, один из которых был назван его именем, и стал, по-выражению П. Фречена,

«крупным именем в Канадских субарктических исследованиях» [3. С. 12], заняв заслуженное место в ряду первопроходцев изучения края. Не случайно и известный исследователь-северовед профессор Вильямур Стефанссон, подчеркивая суровость условий, в которых приходилось работать Р. Флаэрти, отдавал особую дань уважения «поэту суровой Арктики» [1. С. 88]. Эти годы северных изысканий, сопровождавшиеся постоянным взаимодействием с эскимосами, стали вполне основательным подготовительным периодом для последующих съемок «Нанука с Севера», своеобразной этнокиношколой для Р. Флаэрти.

Сама идея создания фильма возникла случайно – по воспоминаниям Р. Флаэрти, во время третьей по счету экспедиции в Гудзонов залив его начальник, Уильям Маккензи, просто сказал ему: «Почему бы тебе не взять с собой одну из этих новомодных штук под названием кинокамера?» [3. С. 13]. И Р. Флаэрти с интересом взялся за реализацию этой идеи – приобрел камеру, прошел кратковременное обучение на кинокурсах. По воспоминаниям Френсис Флаэрти, жены и сподвижницы режиссера, он был воодушевлен новой перспективой: «Почему нет, действительно? Он мог бы сделать фильм об этих замечательных людях, об эскимосах. Если он покажет их на экране такими какие они есть, возможно и другие воспримут их также как он их чувствовал, увидят их прекрасную сущность как он это видел» [Там же. С. 14].

С таким эмоциональным «любительским» энтузиазмом рождался так называемый Нанук Первый [4. С. 4]. Флаэрти отснял в экспедициях около 70 тыс. футов киноплёнки – в основном, это были бессистемные кадры из быта эскимосов, которые он делал попутно основным исследовательским работам. Режиссер привез их в Торонто и лишь успел смонтировать черновой вариант фильма, как случилось непредвиденное – все материалы погибли в пожаре, произошедшем от случайного брошенной сигареты. Однако Р. Флаэрти не отча-

ялся. Как набирающий профессиональный опыт кинематографист, он признавал, что к тому времени вполне понимал и любил свой предмет, но еще не представлял в достаточной мере возможностей кинокамеры как инструмента: «Это было плохое кино, оно было скучным, не многим более, чем травелог. Я научился исследовать, но не научился снимать» [3. С. 12]. А потому был твердо настроен возвратиться к друзьям-эскимосам [5. С. 19] для пересъемки фильма. Имея на руках чудом уцелевшую после пожара единственную позитивную копию первого фильма, Р. Флаэрти два года посвятил поискам финансирования для организации повторной киноэкспедиции. Наконец, ему удалось заинтересовать кинопроектном руководством «Revillon Freres» – фирмы по заготовке мехов, имевшей свои интересы в регионе съемок фильма. «Решил снова ехать на Север, на этот раз с единственной целью – снять народ, который так любил. М-р Джон Ревильон и капитан Терри Маллет из “Ревильон Фрезер” берут на себя финансирование» [1. С. 173] – вспоминал Р. Флаэрти. Так, в августе 1920 г. в районе залива Гудзона на Севере Канады стартовали продолжавшиеся календарный год съемки «Нанука Второго», ставшего впоследствии классическим этнофильмом «Нанук с Севера».

В силу специфики немного кино, итоговая картина «Нанук с Севера»² представляет собой своеобразный кинотекст, состоящий из примерно равнозначного количества перемежающихся в повествовании кинокадров и текстовых титров. В этой связи эффективным методом для анализа данного фильма является его исследовательская расшифровка – «перевод» в текстовый формат. Так, ниже в статье приводится изложение содержания титров (*курсивом*) и кадров (обычным шрифтом) из данного фильма.

«Нанук с Севера» как кинотекст

Титр 1. Предисловие Роберта Флаэрти. Этот фильм вырос из длинного ряда исследований на Севере, которые я выполнял от имени сэра Уильяма Маккензи с 1910 до 1916 г. Большая часть этих исследований выполнялась в поездках, длившихся месяцы, во время которых только два или три эскимоса были моими компаньонами. Этот опыт подарил мне глубокое понимание их жизни и особое отношение к ним.

Титр 2. В 1913 г. я поехал на Север с кинооборудованием. Мы зимовали на Баффиновой Земле, и когда я не был серьезно занят исследовательской работой, то снимал эскимосов, которые жили с нами. У меня не было опыта создания кино, и, естественно, результаты были посредственные.

Титр 3. В промежутках между исследованиями я продолжал работу над картиной. После большого количества трудностей, которые включали поломку нашей лодки, мы завершили съемки упомянутого фильма. В итоге после годовой зимовки на острове Белчер мы вышли к цивилизации вместе с моими записями, картами и пленками.

Титр 4. Как только я завершил монтаж фильма в Торонто, негатив сгорел, и я потерял все. В то же

время монтажная копия уцелела и была показана несколько раз. Этого мне было достаточно, чтобы понять, что фильм был не достаточно хорош. И в то же время я увидел, что если бы я сосредоточился на съемке одного персонажа, олицетворяющего эскимосов (ведь я знал их достаточно хорошо), то результаты были бы гораздо лучше, чем теперь.

Титр 5. И я снова отправился на Север, на этот раз с единственной целью – создать фильм. Я взял с собой не только камеры, но и аппаратуру для печати и проекции моих съемок на месте. Таким образом, мой киногерой и его семья смогли понять и оценить то, что я делал. По мере того как шла работа, я показывал им некоторые первичные результаты, и с точки зрения воздействия их на Нанука³ и его окружение это было безусловно выигрышно.

Титр 6. Наконец, в 1920 году, я понял, что у меня снято достаточно сцен для того, чтобы сделать фильм, и засобирался домой. Бедный Нанук слонялся вокруг моего домика и говорил о сценах, которые мы могли бы снять, пожелай я остаться еще на год. Он никак не мог до конца понять, зачем я потратил столько сил, чтобы снять «большой агги (фильм)» о нем.

Титр 7. Менее чем два года спустя я получил известие, что Нанук рискнул отправиться в тундру в одиночестве в поисках оленей, и не найдя, умер там с голоду. Но наш большой фильм, ставший «Нануком с Севера», обошел почти все самые заветные уголки мира, и люди, которых больше чем камней на родном побережье Нанука, увидели доброго, смелого, простого эскимоса.

Комбинированный кадр. Текст: «Нанук с Севера. История жизни и любви в современной Арктике». Изображение – Нанук учит сына стрельбе из лука.

Титр 8. Таинственные бесплодные земли – пустынные, усыпанные валунами, незащищенные от ветра – бескрайние пространства...

Фильм открывается видами ледяных просторов прибрежной полосы острова – вид с движущейся лодки.

Титр 9. Бесплодие почвы и суровость климата. Никакой другой народ не смог бы выжить здесь. И все же всецело зависящие от жизни животных, которые являются их единственным источником еды, живут здесь самые веселые люди во всем мире – бесстрашные, привлекательные, беспечные эскимосы.

Титр 10. Эта картина из жизни Нанука, его семьи и небольшой группы соплеменников, Инуитов из местности Хоупвелл на Севере Канады, благодаря доброте, верности и терпению которых был сделан этот фильм.

На экране – карта Северной Америки, с указанием Чикаго, Нью-Йорка и других известных городов. Анимированная стрелка обозначает далекую от цивилизации местность Унгава и залив Гудзона на севере Канады, как место действия фильма.

Титр 11. Территория охотничьих угодий Нанука и его соплеменников – размером с небольшое королевство – почти такое же как Англия, при этом занятая меньше чем тремястами душами.

Географическая карта: укрупненная местность вокруг залива Гудзона, с обозначением зоны съемок.



Рис. 1. Нанук. Кадр из фильма «Нанук с Севера» Р. Флаэрти

Титр 12. Вождь Инуитов, известный как великий охотник, знаменитый во всей Унгаве – Нанук. По прозвищу Медведь.

На экране – Нанук. Крупным планом. Он смотрит в камеру.

Титр 13. Нила – «Улыбающаяся».

Средний план женщины в меховой одежде. Она улыбается.

Титр 14. Нанук готовится к летней поездке по реке к торговому посту белого человека и к промысловым угодьям моржа в на побережье моря.

К берегу на лодке подплывает Нанук.

Титр 15. Нанук...

Нанук выходит из лодки и выносит на руках маленького мальчика.

Титр 16. Алее...

Ребенок ступает на берег.

Титр 17. Нила...

Из каяка высовывается голова, затем появляется Нила, выбирается при помощи Нанука наружу, затем Нанук достает изнутри каяка младенца, передает его Ниле, они сходят на берег.

Титр 18. Кунаю...

Из каяка вновь высовывается голова, постепенно вылезает еще одна женская фигура, выбегает на берег.

Титр 19. Комок...

Нанук достает из каяка щенка, бережно ставит его на берег, щенок неуверенно шагает.

Титр 20. Внутренний район пустыни, если охота на оленей терпит неудачу, оказывается страной смерти – там нет никакой еды (привести параллель с официальной версией о последующей смерти Нанука от голода в силу неудачной охоты на оленей). Даже мох, от которого зависят олени и который эскимосы используют для топлива, лишь местами произрастает там.

Нанук достает вырезанный брусок мха.

Титр 21. Это пример того, как Нанук использует мох для топлива.

Нанук сидит у костровища, подкладывает мох в огонь, раздувает огонь. Вся семья – вокруг костра.

Титр 22. Тонкий корпус каяка должен быть обтянут нерпичьей кожей перед началом путешествия.

Общий план: Нанук обтягивает каяк нерпичьей кожей, крепит кожу на борт каяка. Крупный план: Нила сшивает края кожи на носу каяка.

Титр 23. Длинный переход к реке.

Общий план. По пустынной местности идет группа людей с вещами в сопровождении собак. Группа несет на себе каяк по наклонному утесу.

Титр 24. Основа лодки – из сплавленного леса, покрытая шкурами нерпы и моржа.

В кадре – лодка на воде, внутри – группа людей, гребут веслами, по бортам лодки – гарпуны.

Титр 25. На гарпунах – обувь из нерпичьей кожи, сушащаяся на солнце.

Лодка бороздит водные просторы бухты, видна обувь, надетая на верхушки гарпунов.

Титр 26. Прибытие к большому иглу белого человека – торговому посту.

Лодка, управляемая гребцами, на веслах подходит к берегу. Причаливает. Люди сходят на берег.

Общий план фактории, ряды сушащихся на ветру шкурок.

Титр 27. Годовые охотничьи трофеи Нанука, помимо лисы, нерпы и моржа, насчитывали семь больших белых медведей, которых он добыл в прямом противоборстве, не имея ничего, кроме гарпуна.

Меховые ряды фактории. Спутники Нанука приносят и раскладывают свои привезенные трофеи.

Титр 28. Шкуры песца и белого медведя Нанук обменивает на ножи и бусины, а также – на разноцветные сладости в магазине торговца.

Показывается сдача песцовых шкурок в обмен на магазинные товары.

Титр 29. Нанук с гордостью демонстрирует щенков породы «хаски» – лучших особей во всей округе.

Торговец рассматривает и гладит породистых щенков.

Титр 30. Нила, в свою очередь, также демонстрирует своего «хаски» – ребенка по имени Радуга, менее чем четырех месяцев от роду.

Маленький ребенок голышом возится со щенками под присмотром Нилы.



Рис. 2. Нила и ребенок. Кадр из фильма «Нанук с Севера» Р. Флаэрти

Титр 31. Торговец пытается развлечь Нанука, – демонстрирует принцип работы граммофона – как белый человек записывает свой голос.

Нанук изучает устройство, Нила с ребенком сидит рядом, торговец ставит пластинку и заводит ручкой граммофон. Чудо граммофона вызывает бурную эмоциональную реакцию Нанука, он заглядывает в разные места устройства, прислушивается к звукам, восторженно смеется, даже пробует пластинку на зуб.

Титр 32. Продавец угощает детей Нанука булочкой и салом!

Дети с аппетитом жуют угощение.

Титр 33. Но Аллегу переел, и торговец прибегает к помощи касторового масла!

Взрослые успокаивают ребенка, гладят по животу. Наливают касторку в столовую ложку. Дают ребенку выпить. Он принимает, улыбается, смотрит в камеру.

Титр 34. Блуждающие пласты льда дрейфуют в море, запирая побережье. И хотя семья Нанука пребывает в длительной голодовки, находясь уже на грани выживания, Нанук как великий охотник спасает ситуацию.

Лодка петляет среди льдин. Нанук выбирается на льдину, подтаскивает лодку на поверхность.

Титр 35. От его умения в пересечении опасных плавающих льдин зависит успех дела.

Нанук бежит по льдинам, в опасных местах проверяет лед посохом, перепрыгивает с одной льдины на другую.

Титр 36. Высматривает хорошие места для промысла.

Нанук снова преодолевает ледяные преграды. Затем находит открытое место. Берет острогу и ложится на лед, всматриваясь в воду.

Титр 37. Никакой приманки...

Нанук рыбачит, приподнимая и погружая лесу снова в воду. Композиция – полкадра Нанука на льдине, полкадра – его отражение в воде. Наконец, попадает добыча, и Нанук мгновенно поражает рыбину острогой. Достает из воды, перекусывает хребет.

Титр 38. Нанук, вне себя от радости при виде еды, умерщвляет рыбину своими зубами.

Продолжение рыбалки. Длительный план – Нанук рыбачит, приподнимая и погружая лесу в воду. Течет время, нарастает ожидание. Снова добыча – крупная рыба.

Титр 39. Это – его дневной улов.

Нанук глушит рыбину, снимает с остроги. Доволен уловом, показывает рыбу, смотрит в камеру. Складывает снасти, улов, садится в каяк.

Титр 40. Нанук дает брату возможность сесть в каяк с берега.

Нанук и его брат уплывают на каяке через льдины.

Титр 41. Море медленно освобождается ото льда. Днями нет никакой еды. Затем одно из наблюдений наталкивает Нанука на мысль о моржах на далеком острове. Идея моржовой охоты приводит всех в возбуждение.

Вид стойбища на побережье. Ожидающая собака. Бежит Нанук. Подбегает к жилищу, зовет соплеменников. Они выходят, берут лодку и несут ее к морю. Нанук садится в каяк и уплывает. Каяк борется с крупными волнами. На общем плане видны несколько каяков в море. Они движутся к берегу. Уже на берегу – мужчины смотрят в бинокль. В море – голыши моржей.

Титр 42. После обнаружения группы спящих моржей на побережье, наступает всеобщее волнение.

Титр 43. Часовой всегда на посту, поскольку в то время как моржи сильны в воде, они беспомощны на земле.

Нанук медленно подползает к стаду моржей. Моржи замечают его и бросаются в воду. Нанук гарпунит ближнего к нему моржа. Другие охотники спешат на помощь. Они тянут за веревку от вонзившегося в моржа гарпуна, пытаясь вытащить зверя на берег. Следует длительное противоборство.

Титр 44. Весом около двух тонн и с почти непроницаемой шкурой, морж во время борьбы мерцал клыками, сопровождая ее боевым кличем «Ук-Ук», за что и был прозван «тигром Севера».

Головы других моржей в прибрежной полосе.

Титр 45. В то время как возмущенное стадо переживало вызов, подруга загарпуненного моржа пошла на риск – попыталась, скрестив с самцом клыки, потянуть его в сторону и освободить.

Морж борется за жизнь у самой береговой линии.

Титр 46. Конец сопротивления жертвы.

Охотники достают моржа из моря. Перекатывают тело по берегу. Нанук точит нож. Разделяет моржа.

Титр 47. Они не ждут до момента транспортировки добычи в стойбище, поскольку они не могут терпеть муки голода.

Охотники разделяют тушу моржа на берегу. Нанук лакомится свежей моржатиной, делая ножом отрезы мяса в опасной близости от рта. Бегло оглядывается на камеру. Слизирует кровь с ножа языком. Морские волны.

Титр 48. Зима...

Небольшие постройки посреди суровой снежной пустыни на фоне низких темных облаков.

Титр 49. Длинные ночи. Вой ветра. Короткие горькие дни. Снежные клубы на морской равнине. Латунный шар солнца в небе. Так течет время там дни, дни... и дни напролет.

Поселение в пурге. Бредет человеческая фигура.

Титр 50. Нанук, в поисках тюленей, преодолевает гигантские пространства по шероховатому льду замерзшего моря.

Ледяные торосы, превышающие высоту человеческого роста. Нанук и другие охотники передвигаются среди них.

Титр 51. Во время яростных зимних штормов блуждающие ледяные поля в море сталкиваются с неподвижными ледяными пластами побережья. Массовые скопления гигантских блоков поднимаются высоко.

Нанук с гарпуном на вершине скопления торосов осматривает местность. Спутники Нанука и собаки поднимаются по скоплениям ледяных торосов. Нанук указывает им направление, в котором необходимо двигаться.

Титр 52. Дорога среди этих хаотически расположенных торосов длиной в две мили часто занимает удивительный день пути на санях.

Спутники Нанука, люди и собаки, с трудом, метр за метром преодолевают огромные пространства нагромождений льдов и снегов.

Титр 53. Увидев, как песец приближается к одной из его ловушек, Нанук сигнализирует семье об обходе.

Нанук снова на вершине скопища торосов, подает условные сигналы группе его спутников. А сам крадется по снегу в сторону ловушки. Останавливается, разрывает снег – делает отверстие, похожее на нору, погружается туда. И достает из-под снега песка. Демонстрирует своим спутникам. Все радуются. Еще живую добычу укладывают в мешок, мешок – на нарты. Уезжают далее в снежную пустыню.

Титр 54. Краткий день близится к концу, и Нанук ищет место для установки лагеря.

Группа Нанука движется по снежному плато. Нанук исследует местность своим посохом, протыкая снег на глубину около метра. Начинает вырезать снежные блоки.

Титр 55. Глубокий снег, спрессованный ветром, образует хорошую основу для строительства иглу – снежного жилища эскимосов.

Нанук призывает своих спутников подниматься с привала и помогать ему работать. Все вместе они начинают вырезать ровные блоки из спрессованного снега.

Титр 56. Чтобы легче было резать, Нанук облизывает свой нож из моржовой кости, который мгновенно «застекляется» льдом.

Нанук облизывает свой нож с обеих сторон.

Титр 57. Пока отец работает...

Дети катаются со снежной горы друг на друге. Нанук начинает укладку первых блоков в основание иглу. Подгоняет блоки друг к другу. Умело ровняет поверхность блоков ножом для установки следующего яруса. А дети продолжают кататься с горы.

Титр 58. Чтобы не допустить внутрь жилища пронзительный холод, Нила и Кунайу заканпачивают снегом щели в стенах иглу.

Нила с ребенком в заспинном мешке ровняет швы стен иглу.

Титр 59. Для детей строительство иглу – это скука.

Дети катаются на санях, запрягают щенков в детские нарты, заглядывают в камеру. Нанук и старшие члены семьи заканчивают возведение иглу. Младенец спит за спиной у Нилы. Устанавливается последняя потолочная плита. На крыше Нанук закачивает шлифование плит снежного жилища.

Титр 60. Готово за час.

Нанук изнутри иглу вырезает плиту для входа, высовывается наружу, весело улыбается, глядя в камеру.

Титр 61. Только одна деталь осталась...

Нанук гарпуном протыкает поверхность льда. Вырезает круглую ледяную плиту. Несет к жилищу. Устанавливает ледяную линзу как окно.

Титр 62. Чтобы отразить свет...

Сбоку от окна Нанук устанавливает снежный блок как рефлектор.

Титр 63. Изнутри Нила чистит свое новое ледяное окно.

Нанук заносит в иглу нерпу.

Титр 64. Эта маленькая нерпа, до того момента как Нанук принесет новую добычу, становится единственной пищей для всех.

Титр 65. Шкуры медведя и оленя, каменный горшок и каменные светильники – это перечень всех домашних вещей семьи Нанука.

Нанук и его спутники заносят свои вещи в иглу.
Титр 66. Есть время для работы, а есть время – для игры.

Нанук играет с сыном – учит стрельбе из лука. В руках мальчика игрушечный лучок со стрелкой. Он стреляет в сторону камеры.



Рис. 3. Нанук с сыном. Кадр из фильма «Нанук с Севера», Р. Флаэрти

Титр 67. Чтобы быть великим охотником, как его отец...

Они мастерят из снега зверей, стреляют в них из игрушечного лука.

Титр 68. Это холодный спорт для голых рук маленького мальчика. Потирая их о щеки, Нанук согревает руки ребенка.

Отец согревает руки сына.

Титр 69. Жир и мох для топлива. Каменная посуда для растопки снега. Температура внутри иглу должна быть ниже нуля, чтобы предотвратить оплавления купола и стен жилища.

Внутри иглу. На снежном полу стоит каменная тарелка, на небольшом огне от горящего жира топится снег.

Титр 70. Утром...

Жители иглу, спящие под шкурами, постепенно просыпаются. Обнаженные фигуры появляются из-под шкур. Взрослые и дети надевают свои меховые одежды на голое тело.

Титр 71. Нила жуует ботинки Нанука, чтобы смягчить их, – самая важная операция для того, чтобы обувь из тюленьей кожи стала крепкой в одночасье.

Быт внутри иглу. Члены семьи сидят на шкурах, все заняты своим делом. Старшая дочь у очага растапливает снег, готовит еду. Нила жуует обувь Нанука. Нанук обувается. Затем Нанук начинает резать мясо нерпы, трапезничает сырым мысом, отсекая кусок у самой своей губы, смотрит в камеру, улыбается. Нила достает малыша, закрепленного у ней на спине сзади, играет с ним. Они трутся носами.

Титр 72. Потирание носами – эскимосский поцелуй.

Нила держит голеню ребенка на руках в ледяном иглу – мать и дитя «целуются». Затем она обтирает ребенку лицо и тело.

Титр 73. Покинув лагерь, Нанук и его семья, как всегда в поисках пищи, готовятся к началу сезона охоты на нерп.

Собаки возле иглу. Отодвигается входной блок, изнутри иглу показывается Нанук. Он выходит на улицу, определяет силу и направление ветра рукой.

Титр 74. Если Нанук не поставит свои сани на вершину иглу на ночь, собаки съедят детали из нерпичьей кожи, которые связывают части вместе.

Нанук снимает с крыши иглу свои сани.

Титр 75. Поскольку арктический снег сухой как песок, сани должны быть покрыты льдом, чтобы они легко скользили.

Нанук обрабатывает лыжи саней – набирает в рот воду из котла и прыскает ее на полозья саней, а затем проводит по ним рукой. Руки мерзнут, он греет их дыханием.

Члены семья Нанука – люди и собаки – собираются в дорогу.

Титр 76. Крошечное иглу Нанук сделал и для щенков – чтобы сохранить их в тепле в течение ночи и обезопасить от посягательства больших голодных собратьев. Сборы в дорогу. Ребенок достает щенка из маленького снежного иглу.

Титр 77. Щенок ездит в капюшоне Канаю в течение дня.

Девушка садит щенка в капюшон. Сборы продолжают укладкой вещей на нарты.

Титр 78. Место главной собакой Нанука постоянно оспаривается...

Нанук с кнутом разнимает дерущихся собак. Собаки разгоняются, и нарта с пассажирами трогается в дорогу.

Титр 79. На огромных ледяных полях замерзшего моря.

Упряжка движется по ледяной пустыне.

Титр 80. Как Нанук охотится на «Огюка» – большого моржа.

Титр 81. Будучи млекопитающим, тюлень должен часто дышать, поэтому с момента образования льда в бухте, каждое животное использует по крайней

мере одно отверстие, открывающее доступ к поверхности, куда оно может подниматься за воздухом каждые двадцать минут.

Нанук идет по льду. Останавливается. Присаживается. Обнаруживает лунку. Подползает к ней. Всматривается вглубь. Заносит гарпун. Наносит удар жертве. На веревке удерживает невидимого на поверхности зверя, сопротивляющегося подо льдом. Удерживая веревку, Нанук принимает самые разные положения: лежа, сидя, стоя. Постепенно человек одерживает верх в этом противоборстве со зверем. На помощь Нануку спешат соплеменники. Поддержка приходит вовремя. Сообща – дело выходит успешнее: кто продолжает удерживать зверя на веревке, кто освобождает лунку ото льда, расширяя отверстие. И вот, наконец, люди вытаскивают добычу на поверхность.

Титр 82. От запаха плоти и крови в собаке пробуждается кровавая похоть «волка» – ее предка.

Кадры собак с дикими оскалами. Люди совместными усилиями затаскивают тюленя на лед. Проводят свежевание туши. Собаки скалят пасти пока их хозяева подкрепляются свежим мясом.

Титр 83. Тюлень является самой желанной добычей. Он обеспечивает максимум тепла и пропитания. То, что эскимосы жироеды – это заблуждение. Жир они используют, как мы используем топливо.

Спутники Нанука поедают мясо тюленя.

Титр 84. Алегу и его компаньон играют в перетягивание каната.

Дети играют в перетягивание куска шкуры жертвы зубами.

Титр 85. «Ikee! Ikee!» (на эскимосском) – «Очень холодно!»

Дети согревают руки дыханием.

Возбужденным оскалившимся собакам кидают остатки трапезы. Собаки ловят куски на лету. Дерутся из-за мяса. Люди разнимают сцепившихся собак.

Титр 86. Темнеет. Семья находится далеко от стойбища, а собаки вызывают опасную задержку.

Свора дерущихся собак. Люди разнимают собак, с трудом собирают их в упряжку. Наконец, нарта трогается в обратный путь.

Титр 87. К тому времени, когда упряжка собак выравнивается и трогается, угрожающая пурга идет с Севера.

Группа людей и собак словно маленькие точки на лоне огромной ледяной пустыни. Темное небо нависает над ними. Начинается пурга.

Титр 88. Сгибающаяся от ледяного ветра и неспособная добраться до своего собственного стойбища, семья вынуждена укрыться в пустой чужой иглу.

Путники добираются до стойбища. Размещаются в пустой иглу на ночлег. Собаки остаются на улице, их заносит снегом. Нанук тщательно закладывает шкурами вход в иглу.

Титр 89. Пронзительный гул ветра, раскалывание и шипение растапливаемого для получения воды снега, скорбный вой вожака собачьей стаи – типичное меланхоличное звучание Севера.

Собаки воют на улице. Иглу в полумраке. Люди, сгрудившиеся на нарах снежного жилища. Семейство

Нанука готовится ко сну. Взрослые и дети снимают свои меховые одежды, укладываются на шкуры, укрываются шкурами. Собаки зябнут, их заносит снегом. Камера панорамирует по ледяной полутьме вслед за движением снежной пурги. Стойбище погружается в темноту, снег, сон. Спит Нанук – средний план спящего героя.

Титр 90. «Tia Mak» (на эскимосском) – «Конец».

Метод Флаэрти

Роберт Флаэрти не оставил обстоятельного теоретического наследия, его методологические «послания» заложены в фильмах режиссера, начиная с «Нанука с Севера». Вышеприведенный кинотекст во многом «говорит» сам за себя – он вполне позволяет выявить и проанализировать как черты экранного образа эскимосской культуры начала XX в., так и основы специфического творческого метода режиссера-исследователя.

Так, немой черно-белый кинофильм «Нанук с Севера» представляет собой последовательность эпизодов, повествующих о годовом хозяйственном цикле в этнокультурном сообществе эскимосов Залива Гудзон: охота на морского зверя, строительство и обустройство жилища, игры и воспитание детей, средства передвижения и т.п. Несмотря на ограниченность средств и экстремальные погодные условия, Р. Флаэрти удалось проникнуть в самую глубь Северной Канады и зафиксировать весьма ценные этнографические материалы, многие из которых сохранились до наших дней лишь благодаря этой кинолентке. При этом все экранные сцены сопровождаются эскимскими поясняющими комментариями автора, отлично знающего свой предмет.

Очевидно, режиссура для Р. Флаэрти была неотделима от исследования – базовой чертой его метода является долговременное кинонаблюдение за жизнью отдельной семьи, которое постепенно складывается в фильме в полноценный экранный образ эскимосской культуры. По этому поводу Р. Флаэрти вспоминал: «Предметом документального фильма, как я его понимаю, является жизнь в том виде, в каком ее проживают. Это отнюдь не означает, как многие могут подумать, что задачей режиссера-документалиста является неотобранная съемка серого и монотонного потока жизни. Выбор остается и, возможно, в более строгих формах, чем в художественных фильмах. Никто не может, не принося этим вреда, снимать и воспроизводить что угодно, а если бы он этого и захотел, то получилась бы сумма фрагментов, лишенных взаимосвязи и значения, и это было бы не фильмом, а сочетанием кадров» [1. С. 191]. Данное высказывание свидетельствует о том, что режиссер искал творческий ключ к воплощению экранного образа снимаемой культуры не во внешней авторской концепции, а внутри самой реальности. В этой же связи Д. Гирсон замечал: «Утверждая, что материал можно освоить только на месте и только в тесном контакте с ним, Флаэрти посвящает его изучению год, а то и два. Он живет среди своих персонажей до тех пор, пока из объективного наблюдателя не превращается в соучастника, пока рассказ об их жизни не становится

для него как бы рассказом о себе самом» [6. С. 41].

Основная визуально-антропологическая ценность работы Р. Флаэрти состоит не только в демонстрации этнографических подробностей, но и в киноописании этнического сообщества через «крупный план». Фильм «Нанук с Севера» выделяется из общей массы «безгеройных» обзорных киноочерков своего времени и является ярким примером киноработы, сфокусированной на одном ведущем персонаже и его окружении. Для него крупный план киногероя, его взгляды в диафрагму киноаппарата – не столько операторский прием, сколько определяющий режиссерский акцент. Именно через крупные планы персонажей Р. Флаэрти знакомит зрителя с культурой, представляя возможность посмотреть прямо в глаза ее представителям.

Синтез научно-художественных элементов пронизывает все этапы творчества Р. Флаэрти: от подготовительного периода до итогового монтажа фильма. Съёмкам фильма «Нанук с Севера» предшествовал более чем десятилетний опыт «погружения» Р. Флаэрти в культурную среду эскимосов Северной Канады как в полевых экспедиционных условиях, так и в «кабинетных». В архиве Р. Флаэрти содержатся многочисленные тому свидетельства: дневниковые заметки, фольклорные записи, образцы косторезного искусства, научные тексты и прочие материалы по эскимосской культуре, собранные режиссером до начала съёмок фильма [7]. Но, пожалуй, главным методологическим достижением Р. Флаэрти было то, что он внедрил свою кинолабораторию внутрь жизни этнокультурного сообщества, сделал кинопроцесс его «общим» с эскимосами делом. Съёмки происходили в непосредственном взаимодействии с местными жителями – все основные сюжеты для новелл фильма подсказывались, обсуждались и реализовывались ими. Они же были и первыми зрителями будущего фильма. На съёмках «Нанука» Р. Флаэрти создал на месте киностудию, обеспечивающую основные звенья кинопроцесса – съёмочный, проявочный, печатный и проекционный. По воспоминаниям Френсис, жены Флаэрти, ассистентами режиссера на фильме «Нанук с Севера» были местные жители – эскимосы Нанук, Веталтук, Тукалук и малыш Томми: «Они приносили воду для проявки пленки, для чего требовалось долбить речной лед на шесть футов вглубь, и приносили воду, вперемежку со льдом и волосами оленя, которые падали туда из их меховой одежды. Они построили барабан для сушки пленки, прочесывая береговую линию на несколько миль, чтобы подобрать достаточное количество древесины... Когда небольшая электрическая фабрика Боба перестала давать устойчивый свет, достаточный для печати пленки, они затемнили окно, но не все, оставив часть размером с одну рамку для кинопленки, и через этот слот Флаэрти печатал свою пленку, кадр за кадром, под светом низкого арктического солнца» [3. С. 14].

В начале съёмки эскимосы не могли понять, для чего они все это делали, и вообще смысл работы Р. Флаэрти, ведь они никогда не видели кино. Тогда режиссер организовал для морских охотников первый в их жизни киносеанс – «достал свой портативный проектор, растянул покрывало на стене, и созвал их всех – мужчин, женщин

и детей. Это была пленка, как Нанук охотится на моржа... Огни прожектора зажглись. В хижине воцарилась полная тишина. Они видели Нанука, хотя Нанук был здесь, в хижине рядом с ними... Затем они увидели моржа, и тут же, по воспоминаниям Флаэрти, толпа закричала: “Держи его!”. С этими криками они подталкивали друг друга, стремясь подобраться поближе к экрану и помочь Нануку удержать этого моржа. С тех пор все говорили только об этих охотничьих сценах “Агги” (*ag-gie*), как они прозвали фильм» [3. С. 15].

По мере возможности, понимая, что такое кино, эскимосы уже сами предлагали режиссеру сцены для фильма, развивая методологический принцип Р. Флаэрти о том, что «сюжет фильма должен происходить из жизни народа, а не из вымысла постановщика» [1. С. 46]. Флаэрти не ориентировался на заранее сконструированный сценарий, организуя работу над фильмом путем постепенного эмпирического отбора материалов, пользуясь создаваемым на месте лишь сценарным планом со «слегка намеченным сюжетом» [8], который редактировался совместно с эскимосами в процессе съёмок. По мнению известного режиссера этнографического кино Ж. Руша, метод киносъёмки у Р. Флаэрти – «это метод камеры-соучастницы... Камера находится среди персонажей, они привыкают к ней» [9. С. 12]. А потому в фильме «Нанук с Севера» нет случайных, «туристических» сцен, все действия всех героев в кадре – внутренне обоснованы. Большинство эпизодов фильма выглядят как главы этнографической книги. Например, сцена игры в охоту – демонстрация своеобразного варианта естественной педагогики – ключ к системе воспитания у народов Севера или столь активное внимание режиссера к отношениям людей и собак. Не случайно этнолог К. Расмуссен характеризовал формулу эскимосского отношения к жизни как девиз: «Дай мне зиму и собачью упряжку, а остальное возьми себе» [10. С. 65].

Использование приемов постановочного кино – составной части метода Флаэрти – являлось распространенной практикой в тот период. С одной стороны, использование постановочных методов в документальном кино диктовалось техническими причинами – сложностью работы с кинопленкой, особенно в условиях экспедиции, размерами и шумностью киноаппаратуры – остаться «невидимым» в процессе съёмки было невозможно технически, а записывать производные сюжеты на пленку с надеждой на последующий отбор материала было затратно экономически. С другой стороны, были и творческие обоснования такого подхода. Вот, к примеру, что Р. Флаэрти рассказывал о работе над фильмом «Нанук с Севера»: «Мы не пользуемся профессиональными актерами, и нам необходимо выбрать людей, способных “жить” в своей роли. И если вы найдете такого человека и заставите его “представить” то, что он делает каждый день, он сыграет лучше профессионала» [1. С. 189]. К примеру, Р. Флаэрти вынужден был прибегнуть к постановочным методам съёмки во время работы над эпизодом «Охота на моржей». По воспоминаниям режиссера, только заранее согласовав с эскимосами специфические правила игры, ему удалось снять непростой

эпизод: «Допустим, мы пойдем туда, – сказал я, – тебе и твоим людям придется охотиться, если это понадобится мне для фильма. Ты будешь помнить, что мне нужна картина того, как вы охотитесь на моржей, а не их мясо? Да, да, *агги* (фильм) на первом месте, – честно, с серьезным лицом заверил он меня. Никто не шелохнется, ни один гарпун не будет брошен, пока ты не подашь к тому знак. Это – мое слово. Мы пожали друг другу руки и решили начать со следующего же дня... Никогда еще нам так не везло: Нануку – на охоте, а мне – на съемках» [1. С. 174].

Если другой известный современник Р. Флаэрти, классик советского документального кино Д. Вертов, *конструировал* документальность авторским «киноглазом» [12], то Р. Флаэрти ее *реконструировал*. В общем виде архитектура творчества Р. Флаэрти выглядит как последовательное воплощение следующих принципов: основательное антропологическое исследование, предшествующее съемке; съемочные работы, охватывающие годичный этнокультурный цикл, основанные на сочетании кинонаблюдений и вынужденно-реконструируемых сцен; тщательный отбор материала, максимально раскрывающего «дух» снимаемой культуры – на этапе монтажа. Кинокритик А. Базен метко подчеркивал принципиально простые монтажные приемы в фильме «Нанук с Севера»: «У Флаэрти мы сталкиваемся с таким пренебрежением к техническим приемам, которое просто поражает. Флаэрти дает камере чистый материал. Камера является основным рабочим инструментом творца» [13. С. 128]. Можно говорить о так называемом внутрикадровом монтаже в фильме Р. Флаэрти, когда вся сцена развивается внутри длительного кадра, а не разбита на монтажные фрагменты. И особое значение этот принцип имеет для документального кино. По воспоминаниям монтажера Д. Голдман, «Флаэрти интуитивно определял, когда жизнь в кадре – живой кадр. Ритм монтажа шел от жизни в кадре, а не наоборот» [1. С. 135]. Продолжая данную логику, можно сказать, что из живых кадров Р. Флаэрти монтировал живые эпизоды, из живых эпизодов – живой фильм, таким образом пытаясь достичь творческого эффекта уравнения фильма и жизни. И главным камертоном в этой связи для Р. Флаэрти было «открытие»: «Удивительно! Исключительное свойство кино: когда человек вооружен камерой, он видит мир как бы впервые. Мир становится богаче, полнее. Испытываешь особое чувство восторга» [Там же. С. 191]. Как видно, метод Флаэрти, открытый режиссером в фильме «Нанук с Севера», заключается в соединении исследовательских, документальных и художественных элементов в кино, благодаря чему в фильме удалось передать не только информацию о событиях, но и их образно-эмоциональный контекст, – столь важное «ощущение» Севера. В этой связи исследователь Э. Карпенгер относительно фильма Р. Флаэрти пишет: «Нигде нет более тяжелой жизни, чем в Арктике, ибо нет более пустынных и бесплодных просторов, чем здесь, и само бесплодие – сущность этой земли» [14. С. 64].

При всем вышесказанном следует особо отметить то факт, что Р. Флаэрти использовал кино как особый

способ познания культуры. Съемка длинными планами, внимание к деталям, состоянию – есть прямое проявления исследовательского акцента в флаэртианском киноязыке. Не случайно известный кинооператор С.Е. Медынский называл фильм «Нанук с Севера» «документальной этнографией»: «Пристально следит Флаэрти за действиями героев. Почти все планы – статика. Камера, а значит и зритель, просто стоят и наблюдают, открывая неведомую жизнь» [11. С. 50]. Режиссер принципиально настаивал: «Документальный фильм действует на месте, которое хотя бы воспроизвести вместе с живыми существами, находящимися там. Целью должно быть верное правде изображение, которое включает в себя атрибуты окружающего мира и связывает драматическое с истинным» [1. С. 191]. И еще одним методологическим принципом, выдающим в Р. Флаэрти исследователя, является импульс сохранения культуры средствами кино: «Не упадок примитивной культуры интересовал меня, а наоборот, я хотел создать портрет врожденных качеств народа, пока это еще возможно, пока еще не уничтожена совсем их культура» [5. С. 147]. Он стремился создать визуальную летопись снимаемого народа, декларируя что «дело режиссера – отыскать крупницу величия в каждом народе, найти хотя бы один жест, который бы ясно выразил это» [1. С. 191]. И потому вполне закономерно, что фильм «Нанук с Севера» стал кинодокументом, зафиксировавшим быт эскимосов с полнотой и точностью, недоступной никаким иным средствам описания этнографических фактов.

По мнению К.Э. Разлогова, «Нанук с Севера» заложил основы принципиально пограничной аудиовизуальной антропологии, «находящейся на границе не только между документальным и игровым, но и наукой и искусством» [15. С. 420]. С одной стороны, благодаря этнографическому содержанию, основанному на долговременном кинонаблюдении, «Нанук» стал вкладом в антропологию, – одним из первых киносвидетельств о культуре эскимосов северной Канады. С другой – в сюжетах торговой тематики – он запечатлел историю экономической колонизации Северной Канады. Художественная же составляющая обеспечила фильму успех у широкой зрительской аудитории – фильм имел экстраординарный успех в кинопрокате разных стран мира, снискав заслуженное лидерство в рейтингах мировой киноклассики. На волне зрительского признания в США и Европе появились даже конфеты с изображением храброго эскимоса и мороженное «Нанук». Именем Флаэрти называют киностудии и кинофестивали, в том числе и в России (пермская «Флаэртиана» и др.). Примечательно, что и первопроходец этнографического кино в России Александр Литвинов получил в кинообществе прозвище «русский Флаэрти», а его фильм «Лесные люди» (1929) соотечественники с гордостью называли «Наш Нанук» [16].

Таким образом, фильм «Нанук с Севера» является многослойным документом своего времени. Преодолев рамки сугубо информационного этнографического повествования, стал он выдающимся явлением в как в науке, так и в искусстве, заложив методологические основы направления этнографического кино в

мире. В то же время фильм стал многослойным историческим источником, а также классическим образчиком комплексной научно-творческой деятельности,

не потерявшей своей актуальности для реализации в современном исследовательско-кинематографическом процессе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Имеются ввиду, прежде всего, исследования Ф. Боаса, Б. Малиновского, А. Рэдклифф-Брауна, литература Д. Лондона, Р. Кента, Э. Хэмингуэя и кинофильмы Мартина Е. Джонсона, оказавшие непосредственное влияние на творчество Р. Флаэрти.

² «Нанук с Севера» (*Nanook of the North*), немой, черно-белый, документальный фильм. Режиссер Р. Флаэрти. Revillon Freres, США, 1922, 78 мин. Премьера фильма состоялась 11 июня 1922 г.

³ Настоящее эскимосское имя главного героя фильма – *Аллакарьялак*, а *Нанук* (эскимос. «медведь») – прозвище.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флаэрти Р. Статьи. Свидетельства. Интервью. М. : Искусство, 1980.
2. Dongen H. Van. Robert Flaherty. 1884–1951. *Film Quarterly*. Vol. 18, № 4. Summer 1965. P. 3–14.
3. Flaherty F. *The Odyssey of a film-maker: Robert Flaherty's Story*. New York : Arno Press, 1972.
4. Calder-Marchall A. *The Innocent Eye. The Life of Robert Flaherty*. New York : Harcourt, Brace and World Inc., 1963.
5. Flaherty R. *My Eskimo friends*. New York : Doubleday, 1924.
6. Griffith R. *The World of Robert Flaherty*. New York : Duell Sloane & Pearce, 1953.
7. Robert Flaherty Papers. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University.
8. Rotha P. *The Film Till Now*. London : Vision Press, 1949.
9. Rouch J. *Cine-ethnography*. London : University of Minnesota Press, 2003.
10. Rasmussen K. *Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos*. Copenhagen, 1929.
11. Медынский С.Е. Мастерство кинооператора хроникально-документальных фильмов. М. : Искусство, 1984.
12. Вертов Д. Из наследия. М. : Эйзенштейн-центр, 2008. Т. 2.
13. Bazin A. *Qu'est-ce-que le cinema?* Paris : Editions du Cerf, 1985.
14. Carpenter E., Varley F., Flaherty R. *Eskimo*. Toronto : University of Toronto Press, 1961.
15. Разлогов К.Э. Кинопроцесс XX – начала XXI века: искусство экрана в социодинамике культуры. Теория и практика. М. : Академический проект; Трикта, 2016.
16. Головнев И.А. «Лесные люди» – феномен советского этнографического кино // *Этнографическое обозрение*. 2016. № 2. С. 81–96.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2020 г.

Traditional Ethnocultural Communities in Ethnographic Films. *Nanook of the North* by Robert Flaherty

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 113–123.

DOI: 10.17223/15617793/451/15

Ivan A. Golovnev, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg, Russian Federation). E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

Keywords: visual anthropology; ethnographic cinema; Robert Flaherty; Eskimos.

The article, using the classical ethnographic film *Nanook of the North* (1922) by the pioneer of world visual anthropology Robert Flaherty, examines the properties and content of a film document about the culture of the Eskimos of Northern Canada at the beginning of the 20th century. Due to the specifics of silent films, *Nanook of the North* is a kind of a film text consisting of an approximately equal number of film frames and text captions alternating in the narrative. In this regard, an effective method the author used for the analysis of this film was its decoding: “translation” into textual format. The obtained film text allowed identifying and analysing the features of the screen image of the evolution of the traditional Inuit Eskimo lifestyle in the studied period and the foundations of the specific creative method of the director-researcher. The design of *Nanook of the North* is a sequence of episodes narrating about the annual economic cycle in the ethnocultural community of the Eskimos of the Hudson Bay accompanied by extensive textual comments by the author. Based on the analysis of thematic visual, textual and archival materials, the article substantiates that, for Flaherty, directing is inseparable from research, and the basic feature of his method is a long-term motion-picture observation of the life of an individual family, which gradually develops into a full-fledged screen image of the Eskimo culture in the film. As a result of the analysis of Flaherty’s creative method, the following composite stages in the work of the director were revealed: a thorough anthropological study preceding the shooting; filming that covered the annual ethnocultural cycle based on a combination of motion-picture observations and forcedly reconstructed scenes; a careful selection of material that maximally revealed the “spirit” of the culture at the editing stage. This method, first tested by the director in the film *Nanook of the North*, consists in combining research, documentary and artistic elements in the film, thanks to which the film managed to convey not only information about the events, but also their figurative and emotional context: the so-important “sensation” of the North. Using Flaherty’s work as an example, the article explores the potential of a film as a form of research and presentation of scientific knowledge and draws a conclusion about the phenomenon of an ethnographic film as a historical source. It is concluded that the film *Nanook of the North* became an outstanding phenomenon in the culture of its time, laid the methodological foundations of the ethnographic film field in the world, became a multilayer film document and a model of a comprehensive scientific and creative methodology that has not lost its relevance for use in the works of modern researchers.

REFERENCES

1. Flaherty, R. (1980) *Stat'i. Svidetel'stva. Interv'y'u* [Articles. Testimonies. Interviews]. Translated from English. Moscow: Iskusstvo.
2. Dongen, H. Van. (1965) Robert Flaherty. 1884–1951. *Film Quarterly*. 18 (4). Summer pp. 3–14.
3. Flaherty, F. (1972) *The Odyssey of a Film-Maker: Robert Flaherty's Story*. New York: Arno Press.
4. Calder-Marchall, A. (1963) *The Innocent Eye. The Life of Robert Flaherty*. New York: Harcourt, Brace and World Inc.
5. Flaherty, R. (1924) *My Eskimo Friends*. New York: Doubleday.

6. Griffith, R. (1953) *The World of Robert Flaherty*. New York: Duell Sloane & Pearce.
7. Rare Book and Manuscript Library. Columbia University. *Robert Flaherty Papers*.
8. Rotha, P. (1949) *The Film Till Now*. London: Vision Press.
9. Rouch, J. (2003) *Cine-Ethnography*. London: University of Minnesota Press.
10. Rasmussen, K. (1929) *Intellectual Culture of the Iglulik Eskimos*. Copenhagen: Gyldendalske Boghandel.
11. Medynskiy, S.E. (1984) *Masterstvo kinooperatora khronikal'no-dokumental'nykh fil'mov* [The Skill of the Cameraman of Chronicle and Documentary Films]. Moscow: Iskusstvo.
12. Vertov, D. (2008) *Iz naslediya* [From the Heritage]. Vol. 2. Moscow: Eyzenshteyn-tsentr.
13. Bazin, A. (1985) *Qu'est-ce-que le cinema?* Paris: Editions du Cerf.
14. Carpenter, E., Varley, F. & Flaherty, R. (1961) *Eskimo*. Toronto: University of Toronto Press.
15. Razlogov, K.E. (2016) *Kinoprotsess XX – nachala XXI veka: iskusstvo ekrana v sotsiodinamike kul'tury. Teoriya i praktika* [The Film Process of the 20th – Early 21st Centuries: The Art of the Screen in the Sociodynamics of Culture. Theory and Practice]. Moscow: Akademicheskii proekt; Triksa.
16. Golovnev, I.A. (2016) “Forest People” – the Phenomenon of the Soviet Ethnographic Cinema. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 81–96. (In Russian).

Received: 23 January 2020

А.В. Келлер

ПЕТЕРБУРГСКИЙ НЕМЕЦ. ИЗ ИСТОРИИ ТОКАРНОГО ремесла НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ Н.С. ЛЕСКОВА «ОСТРОВИТЯНЕ»

*Исследование подготовлено в рамках государственного задания
Министерства образования и науки РФ № 33.8064.2017/8.9.*

Анализируется историческая составляющая повести Н.С. Лескова «Островитяне». Н.С. Лесков создает образы немецких предпринимателей и ремесленников. В данной статье под иностранным предпринимателем понимается, как правило, немец: купец, ремесленник, заводчик. Статья написана на стыке истории и литературоведения, что создает «новую оптику» в рассмотрении истории токарного ремесла и межкультурных отношений в коммуникативном поле Петербурга имперского периода.

Ключевые слова: Н.С. Лесков; Санкт-Петербург; Васильевский остров; иностранный предприниматель; иностранный ремесленник; токарное ремесло.

Лев Толстой назвал Лескова писателем будущего [1. С. 3]. Почему – мнения исследователей расходятся. Одни говорят, что он, как «истинно русский писатель», как никто другой глубоко понял «русского человека». Другие считают, что «неукротимый ересиарх» всегда шел «против течений», а значит говорил на не совсем понятном его современникам языке, интонацию которого смогут услышать лишь грядущие поколения [2. С. 5]. Отметим, что Лесков сам применил выражение «неукротимый ересиарх» в статьях «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи (Религия страха и религия любви)» [3]. Непонятным же был его наднациональный и межкультурный посыл, который Л.А. Аннинский назвал «межнациональным взаимодействием» [4. С. 217]. Изображение немцев в русской литературе имеет давние традиции. Неоднозначное отношение к ним, череду как отрицательных, так и положительных героев находим в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова и многих других писателей. Развитие образа немца прошло длинный путь – от глупого и «самого смешного» фонвизинского Адама Адамовича Вральмана (1781) – «чухонская сова» и «филин треклятый», до доброго толстовского Карла Ивановича Маурера (1852) – первого положительного образа немца в повести-трилогии Л.Н. Толстого «Детство. Отрочество. Юность» (1852, 1854). Карл Иванович состоял более шести лет в учении у сапожного мастера. Попав в Россию, он, как и Вральман, становится учителем. Им последовали Андрей Штольц в романе И.А. Гончарова «Обломов» (1859) и целый ряд героев в «Островитянах» (1866) Н.С. Лескова.

Раскрытию темы иностранцев в России посвящено большое количество специальной литературы, поэтому ограничимся описанием образов немецких предпринимателей и ремесленников в «Островитянах». Отметим, что возможны обращения и к другим европейским национальностям, которые в России долго обозначались собирательным словом «немцы». Находясь именно в этой традиции, автор физиологического очерка «Петербургский немец» (1847 г.) причисляет всех жителей Петербурга иностранного происхождения к разряду петербургских немцев [5. С. 67–71].

Не противореча справедливости такого подхода, автор данной работы под иностранным предпринимателем понимает прежде всего немца: купца, ремесленника, заводчика. Истории немцев Петербурга, переживающей с начала 1990-х гг. бурное развитие, посвящено множество сборников статей и монографий [6–8]. Мы остановимся на специфике токарного ремесла в столице в различных его аспектах – как модного и полезного препровождения времени в высших кругах общества, и как ремесла, доставляющего мастеру и его семье средства к существованию.

История петербургского ремесла и личность Петра I, настоящей страстью которого были ремесла, неразрывны. Образ царя-ремесленника или царя-работника тесно связан со строительством Санкт-Петербурга, армии и военно-морского флота, жизнь и существование которых непосредственно зависели от развития ремесел [9. С. 13, 44–45, 74–146, 262–290]. Став сыном эпохи Просвещения, Петр Великий не был исключением среди европейских монархов. Он освоил такие ремесленные профессии, как плотник, кораблестроитель, кузнец, слесарь, столяр, токарь, изучил часовое, граверное, кожевенное дело, пробовал изготавливать бумагу [10; 11. С. 27]. Французский король Людовик XIII (1601–1643) также владел большим количеством ремесел, был неплохим каретником, а кроме того мог управлять лошадьми на месте кучера и был отменным кулинаром [12. С. 77–78; 13].

Не стесняясь учиться «художествам и ремеслам», Петр I охотно брал на себя роль «ученика». Речь идет не только об исторических штампах и политических инсценировках власти и «потентата». Известна крайняя непосредственность Петра I, за которой в данном случае ничего не скрывалось (кроме живого интереса и желания получить практические знания). Задokumentированы факты, по которым можно довольно полно реконструировать личные пристрастия царя, не оставшиеся всего лишь видом свободного времяпрепровождения. Современник царя, Жак Савари де Брюлон (1657–1716), писал о нем: «А понеже намерен был сам мастером и учителем у них быть, во всяких работах и мануфактурах; то для сего высокого намерения сам всему учился, и к мастерам всякого художества собственно особою ходить изволил. С кузне-

цами молотом трудился; с плотниками бревна, брусья, и доски тесал; с кожевниками кожи строгал и, одним словом, все то с неописанным усердием своими Монаршими руками делал» [11. С. 27; 14. С. 21–22; 15. С. 14, 23]. Логично, что и ремесленники Петербурга – чьими руками был создан город – удостоились пристального внимания историков [16; 17; 18. С. 226–242; 19; 20].

С начала XVIII в. статус иностранцев в России резко меняется. Их массивное присутствие, а также радикальный отход Петра I от «русской старины» оставили заметный след в народном сознании, повлияли на образ его восприятия. Согласно широко распространенному мнению современников Петра, его «подменили немцы», конечно же, «на немца». Но кроме отрицательно коннотированных и бытовавших среди населения образов «царя-немца» или «царя-антихриста», позже в литературе утвердился и образ царя-ремесленника, воплощенного в памятнике, установленном в Петербурге на берегу Невы напротив Главного Адмиралтейства. Монарх изображен с засученными рукавами, работающим топором при постройке корабля. Здесь же у подножия можно увидеть другие ремесленные инструменты: циркуль, угол и киянку¹. Этот памятник служит буквальной иллюстрацией выражения А.С. Пушкина о том, что «Россия вошла в Европу, как спущенный корабль, при стуке топора и при громе пушек» [21. С. 408]. Мотив царя-плотника также использовал художник А. Толандер в 1874 г., изобразивший с топором в руке на фоне остова строящегося корабля.

При строительстве города на Неве в «финских болотах», царь-реформатор имел ясное представление о новой столице как о цветущем городе ремесленников: «Желание мое – насадить в столице сей рукомерслие, науки и художества вообще» [22. С. 46]. В связке «наук и художеств» преобладали последние, так как имели прежде всего прикладное значение и отвечали практическим интересам Петра I. Кроме того, к «художествам» относили как технические науки, так «и сложные ремесла, требовавшие больших навыков и длительного обучения» [23. С. 28]. Можно сомневаться в достоверности и точности записок Андрея Нартова, но важен его посыл, не способный исказить главный смысл петровских начинаний и черт характера самого государя. Нартов упомянул слова царя во время работы на токарном станке: «Я должен у моего механика и токарнаго мастера урок свой кончить» [22. С. 91]². Царский мастер токарных дел – Нартов пишет о том, что, во время своего путешествия по Европе в 1697 г., царь «посещал ремесленников, осматривал работу и рукоделие их» в Кёнигсберге, а в Саардаме «обучался <...> корабельному строению, здесь работал, яко простой плотник, <...> здесь имел знакомство с лучшими рукодельщиками и в часы отдохновения учился токарному искусству» [Там же. С. 2–3]. Токарное мастерство было не только способом зарабатывать себе на жизнь, но и излюбленным занятием многих представителей дворянства, вплоть до императоров и королей. Для любимого занятия Петра I в Летнем дворце был устроен специальный «токарный кабинет» с 27 токарными станками. Первоначально

царь работал на станках из Амстердама и из Франции, позже коллекция пополнялась изделиями собственных мастеров. Петр I особенно любил вырезать предметы из слоновой кости и дерева – именно те предметы, которые изготавливал токарный подмастерье Герман Верман в «Островитянах».

Для Петра I как практика было естественным сравнивать воспитание «нового человека» с обработкой материала на токарном станке: «Таково-то, Андрей, кости точку я долотом изрядно, а не могу обточить дубиною упрямец» [22. С. 34]. Таким образом, царева токарня была не просто производственным помещением, но являлась экспериментальной лабораторией, важным жизненным пространством царя, где он кроме непосредственной работы на токарных станках, размышлял о новых проектах, обедал и принимал членов правительства с докладами, обсуждал решение государственных проблем, в том числе вопросы «регулярного» ремесленного образования и введения цехов [Там же. С. 35, 53–54]. Известно, что в петровской библиотеке имелось одиннадцать иностранных произведений по токарному искусству. Характерно, что во время месячного пребывания Петра I, конечно, со своим токарным станком и с Нартовым на Истецких железных заводах Миллера в 1724 г., царь собственноручно выковал 18 пудов железа, за что и потребовал платы с заводчика в 18 алтын. На эти деньги он приобрел себе в московских торговых рядах башмаки, «которые, подлинно купя и нося, показывал многим и рассказывал, что выработал он их сам своими руками» [Там же. С. 54–55, 115]. Вероятнее всего, это была обувь голландского производства, которую царь охотно носил.

В начале XVIII в. резьба по кости вошла в моду в Европе, где при многих европейских дворах имелись токарные мастерские: «В этом отношении токарня при дворе [Петра I] придавала личности монарха оттенок рачительного хозяина государства и человека высокой европейской культуры» [23. С. 11–12]. Известно, что царь, находясь в дружеских отношениях с прусским королем Фридрихом-Вильгельмом I, подарил ему в октябре 1718 г. кубок, изготовленный им лично, и доставленный в Берлин «любимым токарем» Петра Андреем Нартовым вместе с токарным или «медальерным» станком, на котором Нартов обучал короля токарному делу [22. С. 60, 123]. Еще один токарно-копировальный станок для «медальерных» работ, подаренный Петром французскому двору в 1720 г., был изготовлен, по-видимому, специально для несовершеннолетнего Людовика XV. Эти станки разных конструкций, разработанные «царскими токарями» Иоганном Блюхером (Еган Блеер), Ф. Зингером, А. Нартовым, Г. Занепенсом, С. Яковлевым, можно увидеть сегодня в Государственном Эрмитаже (12 станков), Летнем дворце Петра I и в Меншиковском дворце в Санкт-Петербурге [24. С. 93–94]. О том, что пристрастие Петра к токарному ремеслу стало традицией в семье Романовых, свидетельствует учебная комната сыновей Николая I, Николая и Михаила в Эрмитаже. Основу экспозиции в ней составляют станки из придворной токарной мастерской царя-ремесленника: три боковых токарно-копировальных

станка, два медальерных и станок для нарезания зубчатых колес, созданные за период с 1712 по 1729 г. мастерами «токарни». Во времена Анны Иоанновны токарные станки вместе с учениками и мастерскими были переданы в ведение Академии наук [22. С. XIX].

Образ петербургского немца запечатлен во многих литературных произведениях. В Санкт-Петербурге – любимом детище Петра I – иностранцы чувствовали себя наиболее комфортно (несмотря на всю относительность этого понятия), чем где бы то ни было в России. В «Невском проспекте» Н.В. Гоголь высказался о Петербурге как о «городе, где всё или чиновники, или купцы, или мастеровые немцы». Основная масса иностранных и немецких ремесленников проживала в центральных районах Петербурга: в Адмиралтейской, Литейной и Казанской частях, на Васильевском острове, где жили их потенциальные клиенты из высших и средних городских слоев [25. С. 56–65; 26]. Самой многочисленной среди иностранцев на протяжении всего рассматриваемого времени являлась этническая германская группа. В конце XVIII в. в Петербурге проживало около 19 тыс. немцев³. Эта цифра превосходила население многих немецких резиденций и важных городов того времени, к примеру, Карлсруэ (3 800), Веймара (6 500), Дессау (7 000) или Дармштадта (9 000) и была сопоставима с населением Дюссельдорфа [27. С. 95]. На протяжении всего XIX в. количество немецкого населения Петербурга постоянно росло: с 23 612 в 1816 г. до 45 600 немецко- и русскоговорящих в 1869 г. и превысило 50 тыс. человек в 1900 г. [25. С. 182; 28. С. 194], что соответствовало населению среднего города в Германии. В XX в. прусский миф позволил сформировать наиболее яркий образ немца как Чужого-Врага в сознании советских людей во время Великой Отечественной войны [29]. В XIX же веке великое разнообразие немецкоязычных государств в Германии накладывало свой отпечаток на гетерогенности немецкой диаспоры в России. Наличие балтийских немцев, поволжских и иных колонистов, как российских подданных, так и имперских, прусских и других немцев осложняло их восприятие как единого этноса [30. С. 11]. В Петербурге в XIX в. находилось множество немецких консульств и торговых представительств [31. С. 258].

Иностранные и немецкие ремесленники, проживавшие в основном в центральных районах города, действительно часто бросались в глаза. В 1825 г. среди 965 мастеров иностранной ремесленной управы примерно одну треть составляли немцы. Самыми многочисленными были булочники (112), портные (165), ювелиры (106), столяры (75), шорники (65), кузнецы (48), сапожники (45), колесники (36) и часовщики (30) [32. С. 237; 33]. В немецких цехах Петербурга в 1832 г. насчитывалось 3 605 мастеров, среди них 761 прусских подданных, 1 365 немецких подданных из других государств и 217 австрийцев, или 65% немецкоязычных ремесленников среди иностранцев. Им следовали шведы (349), датчане (268), швейцарцы (179), англичане (172), французы (143), поляки (75), итальянцы (39), голландцы (34), четыре испанца и два грека [34].

Уже задолго до Лескова наиболее часто встречающимся образом иностранца в русской литературе, если речь заходила о Петербурге, был образ немца. А.С. Пушкин в рассказе «Гробовщик» показывает сапожника Готлиба Шульца и его друзей, немецких булочника и портного, в «Пиковой даме» – Германа. В романе в стихах «Евгений Онегин» аккуратный немецкий хлебник в бумажном колпаке отворяет свой васисдас⁴. «Невский проспект» Н.В. Гоголя населен рядом немецких персонажей. Это и столяр Кунц, и сапожник Гофман, и жестяных дел мастер «благородный» Шиллер, желавший, чтобы ему отрезали нос, так как ввиду своей скупости он не хотел тратиться даже на дешевый русский табак. Но эти герои существуют в жестко заданных рамках, которые они не покидают, следуя своим шаблонам, в противном же случае погибают, так как нарушают границы, прописанные культурным кодом. Это анекдотичные, курьезные, «комические» персонажи, комичность которых находит высшую точку в образе пьяного немца, как в «Невском проспекте», или во множестве театральных пьес XIX в.

Первым писателем, обратившим пристальное внимание на этнокультурные аспекты инаковости и создавшим образ немецкого предпринимателя в многочисленных сюжетах своих произведений, стал Н.С. Лесков. Это его «Островитяне» (1866), «Железная воля» (1876), «Левша» (1881), «Кольванский муж» (1888) и др. Новизна взгляда писателя заключалась в отказе от жестко заданных шаблонов, смене перспектив между автором произведения, фигурой рассказчика и его остальными героями, за счет чего создается размытая граница между «своим» и «чужим». За счет производимого эффекта, «свое» и «чужое» могут поменяться местами или характерными признаками, благодаря чему создается особая диалоговая культура с коммуникативным полем в поликультурном пространстве [35. С. 5–28].

Л.А. Аннинский относит особенность текстов раннего периода писателя, их «общеευропейский», «общечеловеческий» формат, к недостаткам: «в этих романах нет ощущения... “русскости”. “Иностранности” много». Автор считает, что это нечто промежуточное на пути к истинно «русским» темам, а в «Островитянах» «намечена, конечно, будущая коллизия “Железной воли” – очень отдаленно» [4. С. 114]. «Да», если рассматривать главным внутренним движением Лескова поиск «русскости» и «русского начала». «Нет», если главным в его исканиях мы признаем прежде всего сократовское вопрошание к мудрости и человечности: познай самого себя – смотрясь в зеркало русского, немца, татарина. Именно в этом контексте становится понятным, почему же Лесков ищет и находит праведников не только среди русских, но и среди немцев, англичан... Это и есть главная особенность романов Лескова, контрапункт его исканий: «русскость», приобретающая глобальные масштабы в своей общечеловечности и вбирающая в себя и немца, и итальянца, и француза.

Как далеки были эти искания от того, что настоящему волновало общественность в те годы, доказывает следующий факт: «...и молодые, и старые

участники событий готовились решить между собою *практический вопрос*» [4. С. 22–23]. И если «немцы – предмет постоянных раздумий Лескова. Всю жизнь» [Там же. С. 217], то это не только о них. И не столько высмеивание, сколько попытка выстроить множество контекстов и личностных типов – от смешных до трагических. «Самый русский» писатель, являясь еще и русским европейцем, пытается решить неразрешимую для своего времени задачу: соединить европейское и русское, понять, сколько «европейского» и сколько «русского» в «русском человеке». Для этого создается коммуникативное поле, в котором он экспериментирует и *сводит* русских и немцев (англичан, поляков, татар, французов, чехов и т.д.), чтобы посмотреть, как они уживаются, что происходит с «национальными чертами», характерами, поведением, культурой. Он пытается нащупать и определить сущность «европейскости» и «русскости», чем они характеризуются и что с ними происходит при межкультурной интеракции. Растворяется ли последнее, преобразуется, деформируется, модифицируется? Не противопоставляя как в «Железной воле» два несовместимых начала: немецкое и русское, железное и мягкое – топор в тесте, а смешивая и пробуя как средневековый алхимик: в европейский коктейль – щепотку русского, в русский квас – европейских специй. Но даже не это главное. Лейтмотивом через все произведения Лескова проходит образ философа, вопрошающего и ищущего Человека и общечеловеческое в людях любой национальности. Поэтому Лесков одновременно и свой, и чужой для его современников, искавший русское в общечеловеческом, и общечеловеческое в русском.

После катастрофы с романом «Некуда», где Лесков критикует «прогрессивную молодежь» в образе нигилистов, и объявленного Д.И. Писаревым весной 1865 г. бойкота [4. С. 110, 118], писатель продолжает искать *европейскую* альтернативу нигилизму. В «Островитянах» Лесков остается в столичном пространстве «чиновного, беспочвенного Петербурга», из которого «вот-вот хлынут “нигилистические” идеи...» [Там же. С. 119]. Но и здесь он показывает на примере василеостровских немцев, что есть иная «культурная, цивилизованная» Европа, показывающая пути постепенного (отсюда *постепенчество*) эволюционного развития, альтернативного революционному и насильственному.

Действие в повести «Островитяне», в котором участвуют немецкие ремесленники и «негоцианты», разворачивается на Васильевском острове в Санкт-Петербурге в 1862–1866 гг., где находилось одно из первых средоточий поселения первых немецких эмигрантов в городе [36]. Тем самым наблюдения Лескова, хорошо знавшего эту среду, важны и как наблюдения квазиэтнографа-культуролога, живо интересовавшегося не столкновением, но встречей культур. Писатель запечатлел срез жизни семьи петербургских немцев, оставив своим литературным произведением точный слепок их духовно-эмоциональной, повседневной жизни. Для семьи российских немцев Норк, насчитывающей по меньшей мере три поколения, российская столица стала домом уже много десятилетий назад. Но в отличие от прежних героев-немцев,

здесь у Лескова присутствует целая портретная галерея как петербургских, так и «немецких» немцев в Пруссии. Причем первые обладают полными личностными характеристиками и ко многим из них чувствуется симпатия автора как к «своим» немцам, в то время как прусские немцы скорее отталкивают и наделены стандартными негативными качествами, в том числе нелюбовью и высокомерием по отношению к русским и России.

Среди «островитян» автором выделены немецкие персонажи с «особым выражением лица», в судьбе и характере которых сказывается влияние русской культуры. Это «интегрированный» негоциант Фридрих Шульц, сознательно стремящийся во всем «руситься», и его жена Берта Норк. Билингвальная «ассимилированная» Маничка Норк, страстно любящая русскую литературу, которую в Германии называют «русской», и «маргинализованная» Ида Норк, напоминающая повествователю дочь русского сельского священника. Эти персонажи в различной степени вобрали в себя «код» русской культуры. Также здесь присутствуют русский художник Роман Прокофьевич Истомина в роли искусителя Мани, рассказчик с Украины в роли друга семьи Норков и прусский кузнец-гернгутер (Богемские братья) Роберт Бер, ставший первым в ряду лесковских праведников. Почему, объясняет сам Лесков: «Если без трех праведных <...> не стоит ни один город, то как же устоять целой земле с одной дрянью, которая живет в моей и твоей душе, мой читатель? <...> и пошел я искать праведных <...>» [2. С. 160–161]⁵. То есть центр всех исканий писателя лежит не в «русскости» или «немецкости», а в душе каждого.

Одним из решающих критериев для Лескова является отношение к труду, причем в описании главы семейства Норков писатель собирает весь «букет немецких качеств». Иоганн-Христиан Норк – отец семейства, умерший много лет назад, «был по ремеслу токарь, а по происхождению петербургский немец. Он был пунктуально верный, неутомимо трудолюбивый и безукоризненно честный» [37. С. 9]. После сорока лет «неусыпного труда» немец-ремесленник оставил Софии Карловне Норк «три тысячи рублей серебром государственными кредитными билетами и новенькое токарное заведение». Не менее предприимчивая София Норк, обладавшая удивительной неутомимостью, кроме продажи и приема заказов на токарные изделия в магазине, занималась починкой зонтов [Там же. С. 9].

Примечательно, что перечисленные черты характера мастера Норка и его жены становятся воспитательным канонем складывающейся российской педагогики. На примере «Тарантаса» (1840, 1845) графа В.А. Соллогуба видно, как «в задачи воспитания начинало входить формирование таких качеств, как трудолюбие, целеустремленность, системность в приобретении полезных знаний», приписывавшиеся ранее исключительно немцам. Такие «протестантские добродетели», как «вечная настойчивость, вечный терпеливый труд с самого младенчества, в течение целой жизни», основательность и последовательность начинают входить в этический канон россиянина средней руки [38]. Лесков

следует в «Островитянах» национальной традиции в описании типичных черт немецкого характера: трудолюбие, честность, добропорядочность. Но в поиске новых форм у Лескова эти непреодолимые границы в характерах если не исчезают, то стираются до незначительных размеров, превращающиеся в среднестатистическую величину. Напрашивается сам собой вывод, что в каждом «народном характере» есть и черты трудолюбия, и храбрости, и честности, и лени, только распределены они в разной пропорции и могут проявляться по-разному. Благодаря этому «непреодолимые культурные границы» между «Россией и Европой», продекларированные, к примеру, Ф.М. Достоевским [39. С. 287], диалектически преодолеваются у Лескова в одновременно созданном и отображенном коммуникативном пространстве Петербурга. Немцы и «чужое», защитой от которого раньше служила ирония, становятся серьезным и полноценным партнером в диалоге [40].

Особый интерес среди героев представляет подмастерье умершего Иоганна-Христиана Норка – Герман Верман, ставший для Манички практически вторым отцом. Среди немецких ремесленников был распространен обычай, когда после смерти мастера его подмастерье женился на вдове и перенимал ведение мастерской. В данном случае этого не произошло, но мы видим, как по-отечески тепло и с любовью как к своей дочке, относится Верман к Маничке. Он как полноценный член семьи дарит ей на день рождения игрушечный «необыкновенно искусно сделанный швейцарский домик, с слюдовыми окнами, балкончиками, дверьми, загородами и камнями на крыше» [37. С. 46]. Это дает нам ключ к пониманию того, на каких продуктах, возможно, специализировалась мастерская Норков – на изготовлении так называемых нюрнбергских игрушек: свистулек, дудок и барабанов, кеглей, колясочек, ружей и многого другого одной из области производства токарей по дереву [41. С. 30]. Кроме того, к основным изделиям данной ремесленной профессии относились прялки, катушки, краники для винных и пивных бочек, ножки для столов и стульев, предметы декора, кегли и кегельные шары, мундштуки для табачных трубок и кальянов, трости, вплоть до шахтных машин спуска-подъема груза с использованием цилиндра для навивки каната [Там же. С. 30].

Образ Германа Вермана заставляет рассказчика вспомнить «коренасто[го], малоросло[го] германско[го] дикар[я], который въ венскомъ музее стоит перед долговязым римлянином» [37. С. 134]. Заметим, что Верман – это не немецкий манекен на ходулях, а человек, живущий в мультикультурной среде. Он не чужд долгих загулов и русской бесшабашности. Во время майских Екатерингофских гуляний Верман имел обыкновение переплыть Неву на Васильевский остров в ее устье, что было занятием самоубийственным, если учесть ширину реки в этом месте, достигающую до 1 200 метров, ледяную воду и быстрое течение. Это «увлечение» стало в конечном итоге причиной его гибели.

Вышедшая в 1866 г. в свет повесть-роман «Островитяне» остался полузамеченным и непонятым современниками. Этой несозвучности времени противостоит попытка создания этнокультурной полифонии.

Время Лескова «глухо» к ней, так как не выработалось еще глоссария для этого явления. Слишком категорична эпоха, в которой он живет, требующая бескомпромиссной определенности и окончательного решения наболевшего *практического социального вопроса*. Новое качество этого произведения заключается в том, что петербургский немец, это уже не «чисто» русский и не «чисто» немецкий культурный тип. Именно такое видение Лесковым «немецкой» темы сильно контрастировало с интеллектуальным мейнстримом второй половины XIX в., в отличие от которого у писателя преобладает неполитизированное и гуманистическое обращение к читателю, если он апеллирует к диалогу как к форме сосуществования культур. Писатель не ослеплен идолом национальной идеи. Его главная духовная потребность – «единство рода человеческого» [42. С. 331].

Поэтому Лесков ищет пути мирного сосуществования различных культур, выступая в роли коммуникатора [39. С. 287], убирающего межкультурные границы и создающего поликультурное пространство, в котором социокультурные поля накладываются друг на друга, рождая оригинальные типы петербургской повседневности. Островитяне, пожалуй, первый и последний опыт такого рода, где наиболее многогранно выстраивается многослойное поликультурное коммуникативное поле. Лесков, критически наблюдающий человека в его «русскости», «немецкости» и иных этнокультурных контекстах, любит Россию и человечество (Европу). Не давая однозначных ответов, Лесков признавался: «...в моих рассказах действительно трудно различать между добром и злом» [43. С. 352]. А по поводу сюжета «Левши» ответил критикам, что «принизить русский народ или польстить ему» никак не входило в его намерения [44. С. 503]. То же с полным правом можно сказать о сюжете с василеостровскими немцами, где Лесков не ставит себе задачи высмеять немцев, как это подчеркивается в большинстве исследований, посвященных его творчеству.

Лесков, выражаясь современным языком, разрабатывает концепцию мультикультурного коммуникативного пространства, а заодно и его язык. Он не столько отражает действительность, сколько показывает идеально-типическую модель взаимодействия культур и различные жизненные сценарии, находящиеся в меж или даже в наднациональном пространстве. Микро-разломы и тектонические сдвиги в русской жизни, выражавшиеся в настроениях умов, улавливались писателем как сейсмографом эпохи и трансформировались в литературных текстах и героях. Панславизм, пангерманизм, пантюркизм – эти супранациональные идейные концепты вели к столкновению цивилизаций, описываемому Самюэлем Хантингтоном, к великим потрясениям XX в., начавшимся с Первой мировой войной⁶. «Тревожно вслушивается Лесков в этот шум, в этот рев, в этот глас народного чрева – в буйное веселье московских крепких домов, где обитают “люди древнего письма”, откуда-то из древней Московии проросшие в эту жизнь сквозь петровский свежесвежий плащ» [4. С. 68]. Вслушиваясь в этот гул, писатель интуитивно нащупывал путь к разрешению данной наци-

ональной теоремы, основополагающим принципом которой в отношении России можно назвать единство в многообразии культур.

Петровские преобразования и строительство Санкт-Петербурга создали ту уникальную среду, то коммуникативное пространство, в которых происходил интенсивный обмен между различными формами опыта. Работа русских и иностранных ремесленников зачастую бок о бок в мастерских, а предпринимателей в совместных проектах, привели к появлению новых социальных практик, практик труда и новых техноло-

гий. Немецкие ремесленники и предприниматели попадали в российской столице, связанной тысячами нитей с их исторической родиной, в привычную им среду крупного европейского города, позволявшую при благоприятных обстоятельствах быстро адаптироваться в новых условиях. Расцвет ремесленного и токарного искусства в северной столице не случаен. Ведь таким благоприятным условием было покровительство самого императора, которому остались верны все последующие поколения вестернизированной элиты имперского периода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Первоначально установлен в 1910 г. Скульптор Леопольд Адольфович Бернштам. Повторно – в 1996 г. Этот памятник подарен городу Санкт-Петербургу Королевством Нидерландов и открыт Его Королевским Высочеством Принцем Оранским.
- ² Нартов проходил до 1712 г. первоначальное обучение в токарной мастерской в Сухаревой башне у Иоганна Блюхера. В 1712 г., когда старший токарь, конструктор и строитель токарных станков Блюхер умер, станки были переданы его ученику, переведенному в этом же году в Петербург [23. С. 10–11].
- ³ Это немцы евангелическо-лютеранского и римско-католического вероисповедания. Кроме того, имелось большое число обрусевших немцев, живших в смешанных браках.
- ⁴ Вопрос на нем.: Was ist das? Что это?; Небольшое окно, встроенное в раму, открывавшееся на улицу для продажи хлебобулочных изделий.
- ⁵ Из предисловия сборника «Праведники», вышедшего 2-м томом собрания сочинений в 1889 г.
- ⁶ О формировании образа врага-немца во время Первой мировой войны (см.: [45]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Семенов В.С. Николай Лесков. Время и книги. М. : Современник, 1981. 302 с.
2. Дыханова Б.С. «Запечатленный ангел» и «Очарованный странник» Н. С. Лескова. М. : Худ. лит., 1980. 174 с.
3. Новости и Биржевая газета. 1883. № 1 (1 апреля); № 3 (3 апреля).
4. Аннинский Л.А. Лесковское ожерелье. 2-е изд., дополненное. М. : Книга, 1986. 302 с.
5. Петербургский немец. Физиологический очерк // Иллюстрация. 1847. Т. 5, № 29. 9.8.1847. С. 67–71.
6. Дальманн Д. Петербургские немцы в XVIII столетии: крестьяне, ремесленники, предприниматели // Немцы в России: петербургские немцы = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche : сб. ст. / РАН; С.-Петерб. науч. центр; Ин-т истории естествознания и техники; С.-Петерб. фил. и др.; отв. ред. Г. И. Смагина. СПб. : Изд-во Дмитрий Буланин, 1999. С. 156–163.
7. Юхнева Н.В. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: люди и судьбы / отв. ред. Л.В. Славгородская; ред.-сост. Г.И. Смагина. СПб., 1998. С. 56–68.
8. Busch M. Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration. Essen, 1995. 288 s.
9. Анисимов Е.В. Юный град. Петербург времен Петра Великого. СПб. : Д. Буланин, 2003. 363 с.
10. Binney M. Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 2. С. 385–405.
11. Анисимов Е.В. Петр Великий. Личность и реформы. СПб. : Питер, 2009. 446 с.
12. Глаголева Е. Повседневная жизнь Франции в эпоху Ришелье и Людовика XIII. М. : Молодая гвардия, 2007. 332 с.
13. Петрухинцев Н. Раннее европейское влияние на Петра I: Патрик Гордон и Франц Лефорт в конце XVII в. // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 1. С. 198–218.
14. Савари де Брюлон Ж. Экстракт Савариева лексикона о коммерции / пер. с фр. С. Волочков. [СПб.]: [Тип. Акад. наук], [1747]. 58, 937, 52 с.
15. Кошелева О.Е. Государство как наставник: воспитательные образцы для просвещенного россиянина XVIII в. // Вопросы воспитания. Январь–март 2011. С. 78–90.
16. Гайсинович А.И. Цехи в России в XVIII в. — Известия Академии наук СССР. Отд. общественных наук. 1931. VII серия. С. 523–568.
17. Копанев А.И. Ремесленники Петербурга в первой половине XIX века // Ремесло и мануфактура в России, Финляндии и Прибалтике : материалы II Сов.-фин. симпозиума по соц.-экон. истории, 13–14 дек. 1972 г. / ред. коллегия: Н.Е. Носов (отв. ред.) [и др.] Л., 1975. С. 78–89.
18. Кошелева О. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М. : ОГИ, 2004. 486 с.
19. Полянский Ф.Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII века. М., 1960. 200 с.
20. Keller A. Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914. Frankfurt a. M. u.a., 2002. 601 s.
21. Пушкин А.С. О ничтожестве литературы русской // Полное собрание сочинений : в 10 т. Т. 6: Критика и публицистика. М. : ГИХЛ, 1959–1962. 589 с.
22. Нартов А.К. Достопамятные повествования и речи Петра Великого / предисл. и коммент. Л.Н. Майкова // Записки Императорской Академии наук, 1891. Т. 67. 138 с.
23. Загорский Ф.Н. Андрей Константинович Нартов, 1693–1756. Л. : Наука, 1969. 166 с.
24. Борисов В.П. Токарные искусства Петра Великого // Природа. 2004. № 7. С. 93–94.
25. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга. Л., 1984. 223 с.
26. Петербург и губерния. Историко-этнографические исследования / ред. Н.В. Юхнева. Л., 1989. 160 с.
27. Bosse H. Die Etablierung des deutschen Theaters in den russischen Ostseeprovinzen um 1800 // Unerkannt und (un)bekannt. Deutsche Literatur in Mittel- und Ost-Europa (Beiträge zur deutschen und vergleichenden Literaturwissenschaft 5). Tübingen 1991. 387 s.
28. Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920. Wiesbaden 1986. (Veröffentlichungen des Osteuropa Instituts München, Reihe: Geschichte, Bd. 54). 307 s.
29. Приказчикова Е. Политические и национально-культурные аспекты прусского мифа в контексте российско-германских отношений XX в. // Quaestio Rossica. 2015. № 2. С. 172–198.
30. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 383 с.
31. Amburger E. Die Konsulate der Freien Stadt Frankfurt, Kurhessens, Hessen-Darmstadts und Nassaus im Russischen Reich // Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußlands. Wiesbaden, 1982. 326 s.
32. Шредер Ф.А. Новейший путеводитель по С.-Петербургу». СПб., 1819. 245 с.

33. Российский государственный исторический архив. Ф. 18. Оп. 2. Д. 435. Л. 5: Список Московской ремесленной управы.
34. Заблочный-Десятковский А.П. Статистические сведения о Санктпетербурге. Т. 1–2. СПб., 1836. Т. 2, таблица 25, 26. 79 л.
35. Заварзина (Данилова) Н.Ю. Диалог культур и диалог книг в повести Лескова «Островитяне» // Лесков Н.С. Островитяне: Повесть. СПб.: Издательский дом «Азбука-классика», 2009. С. 5–28.
36. Маркаде Ж.-К. Творчество Н.С. Лескова. Роман и хроники / пер. с фр. А.И. Поповой, Е.Н. Березиной, Л.Н. Ефимова, М.Г. Сальман. СПб.: Академический проект, 2006. 477 с.
37. Лесков Н.С. Островитяне // Полное собрание сочинений. 3-е изд. СПб.: Изд. А.Ф. Маркса, 1902. Т. 12. 194 с.
38. Редин Д.А. Как воспитывали Ивана Васильевича (повесть В. А. Соллогуба «Тарнатас» и проблемы дворянского воспитания в русской художественной прозе первой половины XIX в.). – Доклад, сделанный на конференции в Страсбурге 28–29 сентября 2016 г.: «Interpreting Modernism in Literary Texts».
39. Оболенская С.В. Русские и европейцы. Поиски русской национальной идентичности у Достоевского // Одиссей. Человек в истории. Личность и общество: проблемы самоидентификации, 1998 / отв. ред. Арон Я. Гуревич. М.: Наука, 1999.
40. Данилова Н.Ю. Диалог «своего» и «чужого» в художественном мире Н.С. Лескова (на материале произведений 1860–1880-х гг. об иностранцах и инородцах): ... автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011.
41. 48 Werkstätten von Handwerkern und Künstlern oder Schauplatz des bürgerlichen Gewerbetriebs. 2. Aufl. Zürich: Verlag von F. Däniker, 1853. 168 s.
42. Зенкевич С.И. Немцы в изображении Н. С. Лескова: повесть «Островитяне» // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование [сб. ст.] / [отв. ред. Г.И. Смагина]. СПб.: Изд. Росток, 2005. С. 331–338, 637 с.
43. Новь. 1886. № 7.
44. Бухштаб Б.Я. Примечания // Н.С. Лесков. Собрание сочинений в одиннадцати томах. М., 1958. Т. 7.
45. Porshneva O. Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. С. 79–93.

Статья представлена научной редакцией «История» 2 декабря 2019 г.

A German From Petersburg. From the History of the Woodcarver Craft on the Example of Nikolai Leskov's *The Islanders*
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 124–131.

DOI: 10.17223/15617793/451/16

Andrei V. Keller, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: keller26000@gmail.com

Keywords: Nikolai Leskov; Saint Petersburg; Vasilyevsky Island; foreign entrepreneur; foreign craftsmen; woodcarver craft, rRussification.

Literary works can be considered to be the “pulse of an epoch”, the measure by which we can judge about the “social opinion” or even the “intensity of emotion” surrounding certain issues, such as foreigners in Russia. Nikolai Leskov’s work offers us a rich material for research into the subject of foreign entrepreneurs in Russia in the second half of the 19th century. Stories such as *The Islanders* and many others make clear the multi-sided and contradictory relationship which the author had with the themes of intercultural communication and adaptation to new cultural and social practices. The aim of this article is to show the development of turning as a craft in St Petersburg in the eighteenth and nineteenth centuries. In order to achieve this aim, the author considers the position of this craft in Russia via the example of Andrei Nartov, a turner who worked during the reign of Peter the Great, and the social status of a German turner in Petersburg in the middle of the 19th century. The methodology of the article is based on the comparative analysis of various historical sources, such as contemporary testimony and literature. The analysis of the story *The Islanders* can help determine more precisely the national question in Leskov’s oeuvre and thus reach a deeper understanding of the social position of German turners in St. Petersburg. The problems of this research field are the following. There is an extremely limited number of sources on the history of turning in St. Petersburg, as a result of which researchers are compelled to turn to indirect sources from related spheres of knowledge. As such, turning in the Russian capital is considered in its various aspects, both as a fashionable and useful “hobby” for aristocrats in Russia and Western Europe and as a professional craft skill used by craftsmen to support themselves. The source base of this research is constituted by documents kept in the Russian State Historical Archive (Fund 18, List 2, File 435, Page 5). These include a list created by the Moscow Trades Board which contains statistical data about Petersburg craftsmen, Nartov’s notes, and the evidence of the contemporaries. In the course of this research, the author has reached the following conclusions. (1) With the modernising reforms of Peter I, turning reached a new level of quality. It not only maintained its utilitarian character, but also became a technical art. (2) This process occurred with the active cooperation of foreign craftsmen. This is clearly visible both in the selection of turners for Peter the Great’s lathing workshop and also in the mixed composition of Russian workshops, in which a large number of foreigners worked: they were mostly Western European by descent. (3) A side conclusion of this article regards Leskov’s intensive axiological search as seen in the descriptions in *The Islanders*. The axioms the author discovered relate not to the “Germanness” and “Russianness” of this story’s characters, but rather to the definition and realisation of general human qualities, constructive intercultural exchange, and the peaceful co-existence of different cultures.

REFERENCES

1. Semenov, V.S. (1981) *Nikolai Leskov. Vremya i knigi* [Nikolai Leskov. Time and Books]. Moscow: Sovremennik.
2. Dykhanova, B.S. (1980) “*Zapechatlenny angel*” i “*Ocharovanny strannik*” N.S. Leskova [“The Sealed Angel” and “the Enchanted Wanderer” by N.S. Leskov]. Moscow: Khud. lit.
3. *Novosti i Birzhevaya gazeta*. (1883) 1 (1 April); 3 (3 April).
4. Anninskiy, L.A. (1986) *Leskovskoe ozherel'e* [Leskov’s Necklace]. 2nd ed. Moscow: Kniga.
5. *Illyustratsiya*. (1847) Peterburgskiy nemets. Fiziologicheskii ocherk [A Petersburg German. Physiological Essay]. 5 (29). 9 August. pp. 67–71.
6. Dal'mann, D. (1999) Peterburgskie nemtsy v XVIII stoletii: krest'yane, remeslenniki, predprinimateli [Petersburg Germans in the 18th Century: Peasants, Artisans, Entrepreneurs]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy v Rossii: peterburgskie nemtsy = Die Deutschen in Russland: Petersburger deutsche* [Germans in Russia: Petersburg Germans]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 156–163.
7. Yukhneva, N.V. (1998) Nemtsy v mnogonatsional'nom Peterburge [Germans in the Multinational Petersburg]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Destinies]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 56–68.
8. Busch, M. (1995) *Deutsche in St. Petersburg 1865–1914: Identität und Integration*. Essen: Klartext Verlag.
9. Anisimov, E.V. (2003) *Yunyy grad. Peterburg vremen Petra Velikogo* [A Young City. Petersburg Since the Time of Peter the Great]. St. Petersburg: D. Bulanin.

10. Binney, M. (2017) Empire, Spectacle and the Patriot King: British Responses to the Eighteenth-Century Russian Empire. *Quaestio Rossica*. 5 (2). pp. 385–405.
11. Anisimov, E.V. (2009) *Petr Velikiy. Lichnost' i reformy* [Peter the Great. Personality and Reforms]. St. Petersburg: Piter.
12. Glagoleva, E. (2007) *Povsednevnyaya zhizn' Frantsii v epokhu Rishel'e i Lyudovika XIII* [Everyday Life in France in the Era of Richelieu and Louis XIII]. Moscow: Molodaya gvardiya.
13. Petrukhintsev, N. (2017) Early European Influences on Peter the Great: Patrick Gordon and Franz Lefort at the End of the 17th Century. *Quaestio Rossica*. 5 (1). pp. 198–218. (In Russian).
14. Savary des Brulons, J. (c. 1747) *Ekstrakt Savariyeva leksikona o komertsii* [Extract of Savary's Lexicon on Commerce]. Translated from French by S. Volochkov. [St. Petersburg]: [Tip. Akad. nauk].
15. Kosheleva, O.E. (2011) Gosudarstvo kak nastavnik: vospitatel'nye obraztsy dlya prosveshchennogo rossiyana XVIII v. [The State as a Mentor: Educational Models for the Enlightened Russian of the 18th Century]. *Voprosy vospitaniya*. January–March. pp. 78–90.
16. Gaysinovich, A.I. (1931) Tsekhii v Rossii v XVIII v. [Workshops in Russia in the 18th Century]. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Otd. Obshchestvennykh nauk*. VII. pp. 523–568.
17. Kopanov, A.I. (1975) [Artisans of St. Petersburg in the First Half of the 19th Century]. Nosov, N.E. et al. (eds) *Remeslo i manufaktura v Rossii, Finlyandii i Pribaltike* [Craft and Manufactory in Russia, Finland and the Baltic States]. Proceedings of the II Soviet.-Finnish Symposium on Socioeconomic History. 13–14 December 1972. Leningrad: Nauka. pp. 78–89. (In Russian).
18. Kosheleva, O. (2004) *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of the St. Petersburg Island of Peter's Time]. Moscow: OGI.
19. Polyanskiy, F.Ya. (1960) *Gorodskoe remeslo i manufaktura v Rossii XVIII veka* [Urban Craft and Manufactory in Russia in the 18th Century]. Moscow: Moscow State University.
20. Keller, A. (2002) *Die Handwerker in St. Petersburg von der Mitte des 19. Jahrhunderts bis zum Ausbruch des Ersten Weltkrieges 1914*. Frankfurt a. M. u.a.: Peter Lang.
21. Pushkin, A.S. (1959–1962) O nichtozhestve literatury russkoy [On the Insignificance of Russian Literature]. In: *Polnoe sobranie sochineniy: v 10 t.* [Complete Works: In 10 Vols]. Vol. 6. Moscow: GIKhL.
22. Nartov, A.K. (1891) Dostopamyatnye povestvovaniya i rechi Petra Velikogo [Memorable Narratives and Speeches of Peter the Great]. *Zapiski Imperatorskoy Akademii nauk*. 67.
23. Zagorskiy, F.N. (1969) *Andrey Konstantinovich Nartov, 1693–1756*. Leningrad: Nauka. (In Russian).
24. Borisov, V.P. (2004) Tokarnye khudozhestva Petra Velikogo [Turning Art of Peter the Great]. *Priroda*. 7. pp. 93–94.
25. Yukhneva, N.V. (1984) *Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga* [The Ethnic Composition and Ethnosocial Structure of the Population of St. Petersburg]. Leningrad: Nauka.
26. Yukhneva, N.V. (ed.) (1989) *Peterburg i guberniya. Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and the Province. Historical and Ethnographic Studies]. Leningrad: Nauka.
27. Bosse, H. (1991) Die Etablierung des deutschen Theaters in den russischen Ostseeprovinzen um 1800. In: Gottzmann, Carola L. (Hg.) *Unerkannt und (un)bekannt. Deutsche Literatur in Mittel- und Ost-Europa*. Beiträge zur deutschen und vergleichenden Literaturwissenschaft 5. Tübingen: Francken.
28. Amburger, E. (1986) *Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands: Die Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920*. Veröffentlichungen des Osteuropa Instituts München, Reihe: Geschichte, Bd. 54. Wiesbaden: Otto Harrassowitz.
29. Prikazchikova, E. (2015) Political and National-Cultural Aspects of the Prussian Myth in the Context of Russia-Germany Relations of the 20th Century. *Quaestio Rossica*. 2. pp. 172–198.
30. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th–17th Centuries. Essays on Historical Biography and Genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
31. Amburger, E. (1982) Die Konsulate der Freien Stadt Frankfurt, Kurhessens, Hessen-Darmstadts und Nassaus im Russischen Reich. In: Zernak, K. (Hg.) *Fremde und Einheimische im Wirtschafts- und Kulturleben des neuzeitlichen Rußlands*. Wiesbaden: Franz Steiner.
32. Schroder, F.E. (1819) *Noveyshiyy putevoditel' po S.-Peterburgu* [The Latest Guide to ST. Petersburg]. St. Petersburg: pech. pri 1-m Kadetskom korpuse.
33. Russian State Historical Archive. Fund 18. List 2. File 435. Page 5. *Spisok Moskovskoy remeslennoy upravly* [List of the Moscow Craft Council].
34. Zablotskiy-Desyatovskiy, A.P. (1836) *Statisticheskie svedeniya o Sanktpeterburge* [Statistical Information About St. Petersburg]. Vol. 2. St. Petersburg: v Guttenbergovoy tip.
35. Zavarzina (Danilova), N.Yu. (2009) Dialog kul'tur i dialog knig v povesti Leskova "Ostrovityane" [Dialogue of Cultures and Dialogue of Books in Leskov's Story "The Islanders"]. In: Leskov, N.S. *Ostrovityane: Povest'* [The Islanders: A Story]. St. Petersburg: Izdatel'skiy dom "Azbukaklassika". pp. 5–28.
36. Marcade, J.-C. (2006) *Tvorchestvo N.S. Leskova. Roman i khroniki* [N.S. Leskov's Oeuvre. Novel and Chronicles]. Translated from French by A.I. Popova, E.N. Berezina, L.N. Efimov, M.G. Sal'man. St. Petersburg: Akademicheskii proekt.
37. Leskov, N.S. (1902) Ostrovityane [The Islanders]. In: *Polnoe sobranie sochineniy* [Complete Works]. 3rd ed. Vol. 12. St. Petersburg: Izd. A.F. Marksa.
38. Redin, D.A. (2016) Kak vospityvali Ivana Vasil'evicha (povest' V. A. Solloguba "Tarnatas" i problemy dvoryanskogo vospitaniya v russkoy khudozhestvennoy proze pervoy poloviny XIX v.) [How They Brought up Ivan Vasilyevich (V.A. Sollogub's "The Tarnatas" and the Problems of Noble Education in Russian Fiction in the First Half of the 19th Century)]. Report Made at the Conference *Interpreting Modernism in Literary Texts*. 28–29 September 2016.
39. Obolenskaya, S.V. (1999) Russkie i evropeytsy. Poiski russkoy natsional'noy identichnosti u Dostoevskogo [Russians and Europeans. The Search for Russian National Identity in Dostoevsky]. In: Gurevich, A.Ya. (ed.) *Odissey. Chelovek v istorii. Lichnost' i obshchestvo: problemy samoidentifikatsii, 1998* [Odysseus: Man in History. Personality and Society: Problems of Self-Identification, 1998]. Moscow: Nauka.
40. Danilova, N.Yu. (2011) *Dialog "svoego" i "chuzhogo" v khudozhestvennom mire N.S. Leskova (na materiale proizvedeniy 1860–1880-kh gg. ob inostrantsakh i inorodtsakh)* [Dialogue of "Us" and "Them" in the Artistic World of N.S. Leskov (Based on the Works of 1860s–1880s About Foreigners and Non-Russians)]. Abstract of Philology Cand. Diss. St. Petersburg.
41. Verlag von F. Däniker. (1853) *48 Werkstätten von Handwerkern und Künstlern oder Schauplatz des bürgerlichen Gewerbefleißes*. 2. Aufl. Zürich: Verlag von F. Däniker.
42. Zenkevich, S.I. (2005) Nemtsy v izobrazhenii N.S. Leskova: povest' "Ostrovityane" [The Germans by N.S. Leskov: The Story "The Islanders"]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [The Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Izd. Rostok. pp. 331–338.
43. *Nov'*. (1886) 7.
44. Bukhshtab, B.Ya. (1958) Primechaniya [Notes]. In: Leskov, N.S. *Sobranie sochineniy v odimadsati tomakh* [Collected Works in Eleven Volumes]. Vol. 7. Moscow: GIKhL.
45. Porshneva, O. (2014) Image of the German Enemy as Perceived by Russian Army Soldiers during World War I. *Quaestio Rossica*. 1. pp. 79–93.

Received: 02 December 2019

С.Ю. Колесникова

КЕТЫ И ИХ КУЛЬТУРА. ПРОБЛЕМЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В XX–XXI вв. (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Рассматриваются проблемы изучения кетов на современном этапе (XX–XXI вв.). Автором обозначены три основные проблемы: 1. Идентификация информанта 2. Методика работы с информантами. 3. Теоретические обобщения. Отмечается, что в настоящее время необходимо существенно скорректировать методику проведения полевых исследований и работу с информантами, критически переосмыслить собранные ранее материалы. Указанные проблемы являются общими для изучения большинства исчезающих культур Сибири и Севера.

Ключевые слова: кеты; исчезающая культура; проблемы изучения.

Кеты являются одним из коренных народов Сибири, культуру которого изучают многие отечественные и зарубежные ученые на протяжении многих десятилетий. В настоящее время можно констатировать, что четкого представления о происхождении и этногенезе кетов нет. В частности, есть предположения лингвистов о связи кетов и североамериканских индейцев, кетов и китайцев, кетов и гуннов [1. С. 137–138, 142]. Кетов считали потомками тибетцев, родственными по языку баскам Испании и кавказцам, юкагирам, тюркам и пр. [2. С. 4, 79, 84; 3. С. 579–608]. Антропологические исследования тоже оказываются разнообразными. В отдельных работах подтверждены американоидные черты кетов, в других – отрицается связь кетов с американскими индейцами. При анализе соответствия антропологических (краниологических, морфологических и пр.) данных по кетам, выводам лингвистов о сино-тибетском направлении связей в енисейских языках у ученых появилось основание допускать наличие южного компонента. Некоторые ученые сближают кетов с тибетцами. Есть данные о генетических контактах кетов и селькупов, кетов и ненцев. Однако также известна гипотеза, что для кетов не характерно близкое сходство с представителями какого-то одного народа. Анализ новых материалов по антропологии кетов подтверждает автохтонное для территории Сибири происхождение этого народа [4. С. 27–28, 31; 5. С. 23, 25–26].

Возникает вопрос: почему же, несмотря на усилия ученых, кеты и их язык остаются все-таки до конца не изученным и непонятым культурным явлением? Автор при ответе на этот вопрос исходит из двух тезисов.

Тезис 1. Основополагающая и очень понятная причина заключается в том, что кеты (как и многие другие этносы Западной Сибири и Севера) пережили два глобальных периода развития – до прихода русского населения и после начала русской ассимиляции. В соответствии с этим нужно говорить не о кетах вообще, а о двух этносах. Первый этнос – предки современных кетов, их можно условно назвать «исконные» кеты – ранее бесписьменный этнос, традиционная культура которого – рыболовство, охота, собирательство (РОС, присваивающий тип хозяйства). Второй этнос – «современные» кеты – сформировался после прихода русских, втянувших их в хозяйственно-экономические и культурные отношения. Эти этносы – принципиально разные, которые надо всегда

четко разграничивать и к их исследованию подходить с разных позиций, используя разную методологию. Справедливости ради надо подчеркнуть, что и современные кеты должны быть подразделены на разные «подэтноты», так как длительный процесс ассимиляции спровоцировал не мгновенные, а постепенные изменения этнических характеристик. Кеты XVIII в. еще могли сохранять традиционный уклад жизни и язык, кеты XIX, XX, XXI вв. уже утратили этническое своеобразие (частично или полностью).

Согласно известной информации, первые данные о кетах были зафиксированы различными путешественниками и исследователями начиная с XVIII в. Но к этому времени кеты – рыболовы, охотники, собиратели – были уже ассимилированы русскими переселенцами, утратили во многом свои этнические особенности. Можно говорить, что на этом этапе исконные кеты уже почти не существовали. Помимо этого, не все исследователи были профессиональными лингвистами или этнографами. Неудивительно, что при таких обстоятельствах адекватный сбор материалов об исконных кетах был проблематичен. Фактически язык и культуру кетов, носителей традиционной культуры РОС, целенаправленно не изучал никто.

Таким образом, мы не располагаем добротным достоверным фактическим материалом, имеющим отношение к исконным кетам, проживавшим на территории Западной Сибири в дорусский период.

Тезис 2. Первое научное исследование кетского языка осуществлено А.М. Кастреном в 1846–1847 гг. Кеты (современные кеты) в этот период – как говорилось выше – это уже иной этнос и другая культура по сравнению с исконными кетами дорусского этапа. Это этнос, близкий русскому населению (преимущественно), характеристики которого имели отголоски традиционного образа жизни, элементов других культур и языков.

Бесспорно, многие ученые внесли огромный вклад в изучение культуры и языка именно современных кетов. Данная работа продолжается и в настоящее время. Однако проведение исследований в XX–XXI вв. сопряжено с рядом спорных вопросов.

Цель данной статьи – обозначить некоторые проблемы исследования современных кетов и их культуры в XX–XXI вв. Кеты на протяжении нескольких десятилетий относятся к исчезающим малочисленным народностям Сибири и Севера. В качестве отправной

точки проведения исследования современных кетов должно быть осознание того, признается ли этнос полностью исчезнувшим или нет. Если констатируется, что представителей этноса и элементов кетской культуры нет, то изучение этноса должно базироваться не на проведении полевых исследований, а на уже имеющихся архивных, собранных полевых материалах, на опубликованных научных трудах и пр., в том числе и на их тщательном критическом анализе, на археологических материалах. Если допускается, что еще есть носители культуры и языка, то следующими этапами становятся общеизвестные этапы исследования: 1) полевой сбор данных, работа с информантами; 2) теоретическая работа (анализ и обобщение всего накопленного фактического полевого материала и теоретических выводов, полученных ранее).

В данной статье мы исходим из установки, что кеты пока не идентифицированы как полностью исчезнувший этнос. Поэтому можно осуществлять два этапа в их исследовании: «полевой» и «теоретический». Однако при осуществлении этих этапов существуют особенности.

А) Особенности «полевого» этапа. Проблема 1. Некорректная идентификация информанта.

Как говорилось выше, со времени начала изучения кетов этот этнос утратил во многом этнические характеристики. Проблема заключается в том, что непонятно, кого исследователи в настоящее время (равно как и в XIX–XX вв.) считали и считают кетом, и, соответственно, неясно, на каком основании проводится работа с тем или иным информантом. Другими словами, каковы критерии определения истинного представителя кетского этноса – вопрос из вопросов, лежащий в основе проведения указанного этапа исследования. Эти критерии должны обосновываться с определенной научной предпосылкой, готовиться заранее перед полевой работой.

В реальной действительности исследователи не имеют таких критериев (так как в полевых и прочих записях таковые не обнаруживаются). Ученые четко указывают, что предметом исследования являются кеты, что информанты – безусловно, кеты, проживающие в определенных населенных пунктах. В опубликованных трудах можно ознакомиться с зафиксированными данными, результатами уже проведенных исследований (полевых или теоретических) кетов. В отдельных случаях в работах указано, кеты какого временного периода исследуются, что, безусловно, важно в условиях тесного взаимодействия с русской, а особенно, советской культурой. Но на каком основании опрашиваемые информанты идентифицируются именно как «кеты» – истинные носители культуры, а, например, не как «селькупы», – не объясняется.

Не исключаю, что при более внимательном изучении биографии информантов (чьи сведения записывались и записываются исследователями в XX–XXI вв.) обнаружится, что информанты в лучшем случае владеют русским языком и не особо-то владеют кетским, их хозяйственная деятельность схожа с хозяйственной деятельностью русского населения, в целом образ жизни, верования, быт, одежда, пища и т.д. не имеют отношения к традиционной культуре кетов – рыболо-

вов, охотников, собирателей, что вполне понятно. В худшем случае может оказаться, что информанты – это люди с высшим образованием, председатели каких-нибудь общественных организаций, люди, хорошо понимающие цели приезжающих исследователей и политику государства в отношении малых народностей РФ. Очевидно, что такие информанты не могут считаться носителями культуры кетов. В целом картина вырисовывается такая: изучаем «кетов», не понимая четко предмет своего исследования.

Проблема 2. Неверная методика работы с информантами. В случае, если можно найти истинного носителя культуры кетов и провести опрос, получение фактических данных может осложниться использованием не совсем адекватной системы проведения работы с информантом. В частности, при исследовании кетов возникали такие ситуации. Например, во многих опубликованных работах констатируется, что у этого этноса было понятие «год». Однако, по нашему мнению, представители обществ с традиционным укладом не могли оперировать таким понятием, так как их образ жизни и хозяйства не способствовал формированию подобного временного периода [б. С. 23]. Причина того, почему все-таки этим народам приписывается существование «года» в их календарях, заключается в наличии как минимум двух ошибок: 1. Исследователи изучали кетов уже после начала массовой ассимиляции русским населением, когда этнос уже не являлся традиционным и исконная культура была утрачена. И у кетов уже могли быть выработаны многие элементы культуры и понятия, присущие русским (например, понятия «космос», «самолет», «марксизм-ленинизм», в том числе и понятие «год»). Но в этом случае, как упоминалось выше, правильнее было бы говорить не об исконных кетах, а о современных кетах. И понятие «год» правильнее было бы приписать современным кетам, а вовсе не кетам – охотникам, рыболовам, собирателям. Но такая дифференциация не проводится, как правило, никем. 2. Ученые проводили опрос, опираясь на особенности своей культуры и языка, беседуя с информантами не на их языке, а на своем. Эти ошибки являются уже хорошо известными. И это, очевидно, привело к навязыванию своего видения действительности, чего ни в коем случае нельзя допускать, если мы ставим цель описать и исследовать культуру представителя этноса. Таким образом, первый, «полевой», этап исследования почти неизбежно сопряжен с проблемами, вызванными отсутствием критериев идентификации информантов и несовершенством системы работы с информантами.

Б) Особенности теоретического этапа: некорректные обобщения. Данная проблема закономерно вытекает из двух выше описанных проблем. Понятно, что результатом изначально некорректно проведенных полевых исследований являются неверные фактические материалы, которые в свою очередь обуславливают ошибочные и противоречивые логические построения, умозаключения, выводы, гипотезы и пр.

Подобная классическая ситуация упоминается О.С. Ахмановой. По ее словам, утверждалось, что у некоторых народов не было слова «дерево», но были

зафиксированы обозначения каждой отдельной породы дерева (например, в языке индейцев). Однако подобного рода утверждения не всегда отвечают истинному положению вещей. Подобные факты можно проследить до первоначального, совершенно ненадежного источника. Так, например, сведения об отсутствии якобы в языке могикиан слова, посредством которых можно было бы обозначить не какой-нибудь сорт дерева, а дерево вообще, заимствованы Бонфанте у Есперсена. Есперсен же, оказываясь, заимствовал их в свою очередь у одного из первых американских миссионеров, некоего Хеккевельдера, у которого первоначальные исследователи туземных американских языков почерпнули немало материалов. Поскольку материалы Хеккевельдера собирались без какого-либо понятия о методах языкового обследования, они не могли не привести к различным заблуждениям и недоразумениям [7. С. 40].

Можно привести пример спорных теоретических умозаключений, касающихся взаимовлияния кетского и селькупского языков. В языках современных селькупов и кетов наблюдаются соответствия между словами со значениями «весна», «зима». По поводу возникновения этих соответствий существуют разные мнения.

1) Весна. Для обозначения данного понятия селькупы использовали лексему *Ytid* (и *ФВ*), кеты – *yed'*. По мнению Р. Haidu, селькупская лексема является заимствованием из енисейских языков: нен. *jotti*, сельк. *odeD* < кет. *yed* (весна). А. Joki отмечает, что самодийские лексемы со значением «весна» (нен. *djot-ti*, сельк. *odaD*) заимствованы из енисейских языков, причем наблюдается соответствие: сельк. *odaD* – весна, кет. – *yed*, *yed'i*, тиб. – *dryud* [8. С. 261, 265]. Противоположной точки зрения относительно направления заимствования придерживается К. Bouda: Jen. *yed(i)*; kott. *iji* – *Fruhling* (весна) < sam. *ytid* [9. С. 74].

2) Зима. Лексемы со значением «зима» отмечены в языках самодийцев и енисейцев, где сельк. *ka*, *ke*, камасс. *kha* заимствованы из енисейских языков. Е. Lewy отметил также следующие соответствия: кет. *kete* – зима, кот. *keti* – зима, и тиб. *dgun* [8. С. 265, 270]. Некоторые авторы высказывают, однако, противоположное мнение: не самодийский корень заимствован из енисейских, а наоборот [10. С. 91].

Есть третье мнение, заключающееся в том, что самодийские корни со значением «зима» (сельк. *ka*, камасс. *kha*), вероятнее всего, никак не связаны с енисейским корнем **gate* – «зима» [11. С. 144–237].

Видно, что исследование появления календарных названий со значением «весна», «зима» в селькупском и кетском языках приводит к весьма противоречивым выводам. Не исключено, что причиной этого могли стать некорректно собранные лингвистические материалы.

Еще один пример свидетельствует о том, что ранними исследователями нередко допускались неточности при описании сибирских языков. Например, исследователем кетских языков (1721–1723 гг.) Д.Г. Мессершмидтом коттско-ассанские слова записаны ошибочно как койбальские и Ф. Страленбергом, помощником Д.Г. Мессершмидта, как камасинские.

Е.А. Хелимский обнаружил список слов «каннского» языка, который оказался на проверку коттским [2. С. 64, 66]. По каким причинам были допущены неточности, определить невозможно. Но таких ошибок, вероятно, допущено очень много. И их последующий анализ, естественно, приведет неизбежно к неправильным выводам или спорным результатам.

Таким образом, некачественно проведенный полевой этап неизбежно влечет за собой некорректный теоретический этап, характеризующийся ошибочными или спорными научными умозаключениями.

Итак, к числу наиболее явных проблем исследования кетов в XX–XXI вв. можно причислить следующие три проблемы: 1. Некорректная идентификация информанта 2. Неверная методика работы с информантами. 3. Проблема теоретического этапа: некорректные обобщения.

Эти проблемы не являются принципиально новыми, характерными именно для XX–XXI вв. и именно для кетов, но они остаются неизменными и актуальными. Не исключено, что именно они и не позволяют полностью понять этнос «кеты». Эти проблемы требуют обязательного осмысления и решения. В противном случае исследование кетов представляется непродуктивным.

Обозначенные проблемы являются в целом универсальными для изучения всех исчезающих культур и языков Сибири и Севера (а может быть, и в мировом масштабе). Типичны они для исторических, этнографических, лингвистических, антропологических и прочих исследований. Учеными скрупулезно собираются фактические данные в полевых условиях либо обобщаются факты (архивные, неопубликованные или опубликованные), обсуждаются многие вопросы, планируются поездки и беседы, невзирая на то, что информанты либо материалы не имеют отношения ни к культуре, ни к определенному временному этапу ее развития, ни к языку конкретного этноса.

Можно привести ряд примеров. В частности, неверным можно признать процесс сбора материалов с целью выявления территории расселения обских шёшкупов, исследования истории формирования и этнической культуры в период XIX–XX вв. Суть методики сбора этих данных заключалась в следующем: «Собирались устные сообщения информантов (рассказы людей (потомков селькупов) об истории их семей и родственниках, промыслах местного населения, о жизни в д. Иванкино, топонимах). Также фиксировались сообщения местных русских жителей о селькупах. Несмотря на то, что полевые исследования проводились в 2012–2016 гг., у информантов в основном спрашивалось о том, «как было раньше» (в годы их молодости), «что они помнят о прошлом» [12. С. 6, 8]. Понятно, что здесь отсутствуют критерии определения информантов именно как селькупов, устные сообщения непонятных информантов, а вдобавок еще и русских жителей, наверняка содержали много «интересных» фактов.

Немного странными выглядят и выводы выше обозначенной работы: «Установлено, что в XIX в. представители этнографической группы шёшкупов р. Оби проживали в следующих населённых пунктах:

Иванкино... и пр. У шёшкупов был присваивающий тип хозяйства, который уже в конце XIX в. сменился и стал комплексным с элементами производящего хозяйства (распространение животноводства и с начала XX в. – огородничества) [12. С. 10]. Неясно, как подвергшиеся христианству селькупы XIX в., проживавшие в населенных пунктах, могли вместе с тем вести традиционный образ жизни, иметь присваивающий тип хозяйства.

Также неправомерным и непонятным можно считать вопрос: был ли год у кетов (селькупов, хантов и пр.). Мы никогда не сможем ответить на него, пока не будет четко определено: являются ли информанты носителями культуры и языка, какой временной период рассматривается, корректны ли собранные материалы и т.д. И пока никакая четкости нет, результатом может оказаться, что «если предание записано от селькупа и даже по-селькупски, это не предание о селькупах. Возможно – и о кетах, учитывая близость и тесные связи этих народов...» [13. С. 2].

В середине 90-х гг. я, начинающая аспирантка и исследователь селькупских культуры и языка, услышала рассказ селькупа в рабочем поселке Шпалозавод (Томская область) о старом шамане. С восторгом и замиранием сердца я стала записывать эти уникальные свидетельства самобытной селькупской культуры, пока через несколько минут не поняла, что рассказчик – совсем не селькуп, просто пьян и ему захотелось получить немного денег от «ученого» из Томска. Банальное, смешное и печальное событие. И подобные встречаются везде и всюду. Эта бытовая ситуация отражает и символизирует глобальную систему изучения коренных малочисленных народов Сибири на современном этапе.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод: изучение кетов и их культуры (а также и большинства малочисленных исчезающих этносов Сибири) в настоящее время требует существенной корректировки всей системы проведения полевых исследований и работы с информантами, критического переосмысления собранных ранее материалов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дульзон А.П. Гунны и кеты // Известия Сибирского отделения АН СССР. Новосибирск : Наука, 1968. № 11, вып. 3. С. 137–142.
2. Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 2: Кеты. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 312 с.
3. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск : Изд-во ТГУ, 1968. 636 с.
4. Аксянова Г.А. Кеты и их прародина: антропологический ответ // Вестник ТГУ. История. 2013. № 4 (24). С. 27–31.
5. Аксянова Г.А. Происхождение кетов по данным антропологии: история вопроса, новые материалы // Вестник антропологии. 2013. № 1 (123). С. 20–58.
6. Колесникова С.Ю. Универсальная модель календаря в традиционной культуре народов мира : автореф. дис. ... д-ра культурологии. Кемерово, 2004. 23 с.
7. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. М. : Учпедгиз, 1957. 295 с.
8. Топоров В.Н. Библиография по кетскому языку // Кетский сборник. М. : Наука, 1969. С. 243–283.
9. Bouda K. Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. *Anthropos*, 1957. Bd. 52. 134 s.
10. Поляков В.А. Способы лексической номинации в енисейских языках. Новосибирск : Наука, 1987. 117 с.
11. Старостин С.А. Праенисейская реконструкция и внешние связи енисейских языков // Кетский сборник: *Studia Ketica*. Антропология, этнография, мифология, лингвистика. Л. : Наука, 1982. С. 144–237.
12. Сайнакова Н.В. Обские шешкупы: расселение, формирование и этническая культура в XIX–XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2018. 22 с. URL: <http://www.vital.lib.tsu.ru> (дата обращения: 12.01.2020).
13. Напольских В.В. Отзыв официального оппонента на диссертацию Тучковой Натальи Анатольевны «Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных». 2018. С. 2. URL: [http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/DADE322F561DD8BA4725830E00307ED2/\\$file/Тучкова_Н.А._Отзыв_официального_оппонента_В.В.Напольских.pdf](http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/DADE322F561DD8BA4725830E00307ED2/$file/Тучкова_Н.А._Отзыв_официального_оппонента_В.В.Напольских.pdf) (дата обращения: 12.01.2020).

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2020 г.

The Kets and Their Culture. Research Problems in the 20th–21st Centuries (The Statement of the Problem)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 132–136.

DOI: 10.17223/15617793/451/17

Svetlana Yu. Kolesnikova, Siberian State Medical University (Tomsk, Russian Federation). E-mail Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

Keywords: Kets; disappearing culture; research problems.

The Kets are an indigenous people of Siberia whose culture is investigated by many Russian and foreign researchers. One can state now that an authentic view on the Kets' origin and ethnogenesis does not exist. In particular, there are assumptions of linguists and anthropologists concerning the contacts and similarities of the Kets and North American Indians, of the Kets and the Chinese, of the Kets and other peoples of Siberia, etc. The aim of the article is to reveal some problems of the Kets' culture research in the 20th and 21st centuries. The basic sources for this article are published articles by many researchers (linguists, anthropologists, ethnographers, etc.), results of the author's field and theoretical work. Since the beginning of the scientific study of the Kets, this people has lost many ethnic features. One of the main problems of the study of the Kets now (and back in the 19th and 20th centuries) is that it is unclear who the Kets were and are; in other words, what the criteria for determining an authentic representative of the Ket ethnos are. These criteria must be scientifically based and must be prepared before working with informants. The second problem is a wrong methodology of work with representatives of the ethnos. Researchers studied the Kets after the beginning of Russian assimilation when the Kets had cultural concepts typical for the Russian population. It is obvious that these cultural phenomena belonged to the modern Kets rather than to the native ones. Besides, researchers interviewed the Ket people from their own point of view, founded on peculiarities of the Russian culture and language, talked with informants in Russian, etc. This caused the obtrusion of new notions and researchers' worldview, which is inadmissible if we aim to describe and study an original ethnic culture. The third problem consists in the erroneous summarizing of the theoretical stage. It is clear that the primordial incorrect field research determines fallacious conclusions, contradictory outcomes, hypotheses, etc. These three problems are not new and typical for the 20th and 21st centuries and for the Kets exclusively, but they remain relevant and ever-present. The author concludes that the existing situation requires an

integrated rethinking of research methods. Otherwise, the study of the Kets will be unproductive. In particular, today, it is necessary to critically analyse the collected data, to correct methods of field work and of interviewing of informants.

REFERENCES

1. Dul'zon, A.P. (1968) Gunny i kety [The Huns and the Kets]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya AN SSSR*. 11 (3). pp. 137–142.
2. Maloletko, A.M. (2000) *Drevnie narody Sibiri. Etnicheskiy sostav po dannyim toponimiki* [The Ancient Peoples of Siberia. Ethnic Composition According to Toponymy]. Vol. 2: Kety. Tomsk: Tomsk State University.
3. Dul'zon, A.P. (1968) *Ketskiy yazyk* [The Ket Language]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Aksyanova, G.A. (2013) Kets and Their Homeland: An Anthropological Response. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 4 (24). pp. 27–31. (In Russian).
5. Aksyanova, G.A. (2013) The Origin of Kets According to Anthropological Data: the Background and New Materials. *Vestnik antropologii – Bulletin of Anthropology*. 1 (123). pp. 20–58. (In Russian).
6. Kolesnikova, S.Yu. (2004) *Universal'naya model' kalendarya v traditsionnoy kul'ture narodov mira* [Universal Calendar Model in the Traditional Culture of the Peoples of the World]. Abstract of Culturology Dr. Diss. Kemerovo.
7. Akhmanova, O.S. (1957) *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. Moscow: Uchpedgiz.
8. Toporov, V.N. (1969) Bibliografiya po ketskomu yazyku [Bibliography on the Ket Language]. In: Ivanov, V.Vs., Toporov, V.N. & Uspenskiy, B.A. (eds) *Ketskiy sbornik* [The Ket Collection]. Moscow: Nauka. pp. 243–283.
9. Bouda, K. (1957) Die Sprache der Jenissejer. Genealogische und morphologische Untersuchungen. *Anthropos*. 52(1–2). pp. 65–134.
10. Polyakov, V.A. (1987) *Sposoby leksicheskoy nominatsii v eniseyskikh yazykakh* [Ways of Lexical Nomination in the Yenisei Languages]. Novosibirsk: Nauka, 117 c.
11. Starostin, S.A. (1982) Praeniseyskaya rekonstruktsiya i vneshnie svyazi eniseyskikh yazykov [Proto-Yenisei Reconstruction and External Relations of the Yenisei Languages]. In: Alekseenko, E.A. (ed.) *Ketskiy sbornik: Studia Ketica. Antropologiya, etnografiya, mifologiya, lingvistika* [The Ket Collection: Studia Ketica. Anthropology, Ethnography, Mythology, Linguistics]. Leningrad: Nauka. pp. 144–237.
12. Saynakova, N.V. (2018) *Obskie sheshkupy: rasselenie, formirovanie i etnicheskaya kul'tura v XIX–XX vv.* [The Ob Sheshkups: Resettlement, Formation and Ethnic Culture in the 19th – 20th Centuries]. Abstract of History Cand. Diss. Tomsk. [Online] Available from: <http://www.vital.lib.tsu.ru>. (Accessed: 12.01.2020).
13. Napol'skikh, V.V. (2018) *Otzyv ofitsial'nogo opponenta na dissertatsiyu Tuchkovoy Natal'i Anatol'evny "Etnicheskaya istoriya i fol'klor sel'kupov: problema korrelyatsii dannykh"* [Review of the Official Opponent on the Dissertation of Natalia Tuchkova "Selkup Ethnic History and Folklore: The Problem of Data Correlation"]. [Online] Available from: [http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/DADE322F561DD8BA4725830E00307ED2/\\$file/Тучкова_Н.А._Отзыв_официального_оппонента_В.В.Напольских.pdf](http://ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/DADE322F561DD8BA4725830E00307ED2/$file/Тучкова_Н.А._Отзыв_официального_оппонента_В.В.Напольских.pdf) (Accessed: 12.01.2020).

Received: 23 January 2020

Я.В. Мальцев

НЕДОСТАТКИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТЮМЕНСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА ВКП(б) – КПСС В 1945–1952 гг. ГЛАЗАМИ ДЕЛЕГАТОВ ТЮМЕНСКИХ ОБЛАСТНЫХ ПАРТИЙНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ

Рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью Тюменского областного комитета ВКП(б)–КПСС в период от создания Тюменской области до последней партийной конференции тюменской областной парторганизации во время правления И.В. Сталина, затрагивающие начальный период работы обкома, период его функционирования в условиях апогея системы личной власти. По докладам руководителей партийных и советских органов, подведомственных обкому партии, можно увидеть латентное недовольство делегатов партийных конференций методами командно-административного управления, отличающегося директивностью, некомпетентностью, односторонностью взаимодействия.

Ключевые слова: Тюменская область; ВКП(б); КПСС; обком; областной комитет КПСС; сталинский период.

Областные конференции ВКП(б)–КПСС являлись необходимым условием для общения членов и кандидатов в члены партии между собой, призванным способствовать их большему единению, обсуждению стоящих перед партией проблем, а также они должны были обеспечивать обратную связь между вышестоящими и нижестоящими партийными инстанциями, реализуя принцип демократического централизма, провозглашенного в Уставе ВКП(б) [1. С. 97]. Право на созыв партийных конференций на всех уровнях партийной организации закреплялось в Уставе партии [Там же. С. 100–103].

Несмотря на то, что в условиях административно-командной (по меткому выражению Г.Х. Попова) бюрократической системы управления партией и государством, окончательно оформившейся при И.В. Сталине, реализация провозглашенных в Уставе принципов внутривластной демократии становилась невозможной, партийные конференции тем не менее играли свою, пусть незначительную в великом, но значимую в малом, роль в управлении регионом: выбираемые на конференции делегаты не могли реализовать свое право выбора руководящих органов партии (хотя потенциально такая возможность существовала), были вынуждены одобрять вносимые Президиумом конференции предложения, не смели касаться деятельности Политбюро ЦК ВКП(б)–КПСС, однако получали возможность рассказать руководству региональных комитетов партии о волнующих их проблемах, высказаться о минусах в деятельности этих самых комитетов (иногда эти высказывания были достаточно резкими, с развертыванием настоящих дискуссий). Именно эти сохранившиеся возможности партийных конференций и будут рассматриваться в предлагаемой читателю статье.

Автор постарается продемонстрировать на основе анализа выступлений делегатов Тюменских областных партийных конференций, какие проблемы волновали функционеров Тюменской областной парторганизации, какие недостатки видели они в деятельности Тюменского областного комитета партии. Это не только расширит наши представления о прошлом, не только даст возможность лучше понять историю региональной партийной организации, историю ВКП(б)–КПСС и страны в целом, но и отразит некоторый

фрагмент повседневности периода 1945–1952 гг. в Тюменской области, приблизит нас к вечно ускользающему «утраченному времени», будет способствовать рефлексии сталинизма.

Итак, всего в период с 1945 по 1952 г. в Тюменской области было проведено четыре областных партийных конференции: первая – 21–23 декабря 1945 г. [2], вторая – 22–24 декабря 1948 г. [3], третья – 27–29 декабря 1950 [4] и четвертая – 17–19 сентября 1952 г. [5]. Присутствующие делегаты делились на две группы: делегаты с правом решающего голоса, представляющие членов ВКП(б), и делегаты с правом совещательного голоса, представляющие кандидатов в члены ВКП(б) и не имевшие права голоса. Всего, как следует из докладов мандатной комиссии, на всех четырех конференциях побывало: делегатов первой названной группы – 1 151 (219 [6. Л. 11], 295 [3. Л. 145], 302 [7. Л. 128], 335 [8. Л. 161]) чел., делегатов второй группы – 190 (59 [6. Л. 11], 40 [3. Л. 145], 35 [7. Л. 128], 56 [8. Л. 161]) чел. Все делегаты с правом решающего голоса, участники партийных конференций, которые длились по два с половиной дня (как правило, со среды по пятницу), получали возможность высказаться «о наболевшем» в прениях, носивших характер коротких, рассчитанных на пятнадцать минут, докладов.

Структурно эти доклады делились на несколько обязательных частей: 1) вступительная часть, где говорилось об успехах страны, областной парторганизации, дочерней организации выступающего, признавалась справедливость критики Первого секретаря областного комитета ВКП(б) в адрес выступающего и недостаточность самокритики со стороны последнего; 2) часть, посвященная самобичеванию: вскрытию недостатков и причин этих недостатков возглавляемого оратором структурного подразделения партии; 3) критика действий (или бездействия) областного комитета партии, его инструкторов и секретарей; 4) обращения к Первому секретарю обкома партии с просьбами исправить ситуацию, помочь, принять определенные решения, должны способствовать улучшению деятельности организации, представляемой докладчиком; 5) заключительная часть, в которой выступающий заверял в грядущих успехах всех избравших его коммунистов, в активизации борьбы за выполнение пятилетних планов, активном развертывании социа-

листического соревнования, правильности линии обкома партии и удовлетворительности его работы (стандартный штамп), объединяющей и руководящей силе партии Ленина–Сталина и лично товарища Сталина. По существу, все части, кроме третьей и четвертой, посвящавшихся деятельности областного комитета партии, были шаблонны и не представляют большого интереса при рассмотрении функционирования обкома ВКП(б)–КПСС.

Для выступления в прениях необходимо было записываться. Запись и выступление предполагались в обязательном порядке, это было неизбежным, необходимым условием партийной конференции. Председательствующий секретарь напрямую обращался к делегатам с просьбой активнее записываться для выступления в прениях. В то же время окончание прений наступало по первому предложению председателя Президиума конференции (одного из секретарей обкома партии) прекратить прения, что косвенно свидетельствует о театральности самой роли подобных выступлений.

Запись на участие в прениях осуществлялась через подачу в Президиум записок. Разброс между изъявлявшими желание выступить и числом выступивших бывал довольно значительным: в 1945 г. записалось для участия в прениях 79 делегатов, выступило – 43 [2. Л. 297]; в 1948 г. – 66 и 37 делегатов соответственно [3. Л. 178]; в 1950 г. – 41 из 90 записавшихся [4. Л. 219]; в 1952 г. – 26 из 64 [8. Л. 37]. Отметим, что на четвертой партийной конференции обсуждались не только стандартные региональные проблемы, но и изменения к Уставу партии, и проект нового пятилетнего плана, что было вызвано грядущим XIX Съездом ВКП(б) (в связи с этим и срок созыва конференции был несколько нарушен: перенесен на три месяца вперед, хотя обычно они проводились в декабре). В связи с этим прения на последней рассматриваемой конференции делились па три тематических блока и были призваны обсуждать: изменения к Уставу, пожелания к пятилетнему плану, отчетный доклад Первого секретаря областного комитета партии. И если в последнем случае выступили не все желающие, то пожелания относительно Устава ВКП(б) и пятилетнего плана высказали все, кто хотел быть услышанным [9. Л. 111].

Критику в адрес областного комитета партии можно разделить на несколько условных блоков: вопросы, касающиеся взаимодействия областного комитета партии с низовыми партийными организациями, где важное значение приобретали оценки деятельности секретарей и инструкторов обкома ВКП(б); вопросы, относившиеся к работе областного комитета с кадрами; проблемы пропаганды и партийного образования, а также взаимодействие областного комитета с хозяйствующими субъектами. Именно на этих аспектах будет сосредоточено внимание в данной статье.

А) Выступающие на областных партийных конференциях ВКП(б) делегаты достаточно негативно оценивали **взаимодействие областного комитета партии с окружками, горкома и райкома ВКП(б)**. Они отмечали такие недостатки, как недоступность областного руководства для подчиненных; большое количество бумаг, исходящих из центра;

слабый интерес к проблемам на местах; игнорирование хозяйственных инициатив снизу; огульность критики, при которой не учитывались положительные моменты (критика ради критики) и при этом отсутствие значимой помощи (обком писал указания – «что сделать», но отведать на вопрос как сделать» предлагал самостоятельно).

Следуя принципу от общего к частному, следует начать с общей характеристики делопроизводства в областном комитете партии, после чего более подробно остановиться на деятельности Первого секретаря, заведующих отделами и инструкторов обкома ВКП(б).

А.1) О бюрократических недостатках в работе областного комитета ВКП(б) с подчиненными партийными комитетами, о недоступности областных руководителей партии для секретарей окружкомов, горкомов и райкомов стали говорить практически с момента создания обкома – с Первой областной партийной конференции 1945 г. Секретарь Дубровинского райкома ВКП(б) Соколов жаловался в своем выступлении: «Если нужно позвонить в обком партии или Облисполком, не дозвонишься. Дашь телефонограмму – ответа никогда не получишь» [2. Л. 92]. Ему вторил секретарь Нижне-Тавдинского райкома Романов, который, в ответ на критику со стороны заведующего военным отделом областного комитета партии Остроумова, оправдывался, что его Нижне-Тавдинский район «получил грамоту Областного Комитета партии. В 1944 г. район получил 3 премии Областного Комитета партии». Прикрывая своего заведующего отделом, Первый секретарь обкома ВКП(б) Чубаров шутил: «Он забыл о них» [Там же. Л. 14], что является яркой иллюстрацией как качества подготовки руководства обкома ВКП(б) к конференции (непроверенные данные), так и состояния его информированности о деятельности нижестоящих парторганизаций (где-то эти данные собирались, что называется, спустя рукава).

Это состояние хорошо осветил на конференции 1948 г. секретарь Сорокинского РК ВКП(б) Шелковников. Он рассказал, как Первый секретарь областного комитета партии Чубаров 16 декабря 1948 г. послал ему телеграмму, в которой критиковал райком, «что в ряду первичных комсомольских организаций отчетно-выборные собрания проходят плохо, посещаемость комсомольцев плохая, активность низкая». Однако, возражал Шелковников, комсомольские собрания были проведены во всех 74 организациях за 10 дней до получения телеграммы и на этих собраниях выступило около 50% участников. Он отмечал: «Конечно, у нас недостатки есть, но не те, о которых Вы говорите». <...> Вы писали “всем, всем” и по шаблону», т.е. прямо указывает на формализм и директивность в работе обкома партии, безразборность относительно конкретных организаций. Как дополнительный пример такого подхода Шелковников замечал: «Еще Вы указывали, что мы плохо готовимся к проведению комсомольской конференции. По плану обкома в нашем районе конференция проведена 14 числа, а Ваша телеграмма послана 16» [3. Л. 57–58]. Это может указывать либо на длительное прохождение бумаг снизу вверх, а следо-

вательно, на неоперативный характер руководства, либо на сознательное игнорирование разницы между подчиненными организациями. Шаблонность в руководстве обкома отмечает и секретарь Армизонского райкома ВКП(б) Золотухин, бывший делегатом III областной партконференции: «...когда сравниваешь одно решение (обкома. – Я.М.) с другим, то увидишь там шаблон. Вопросы оказания практической помощи, не говоря уж обо всех остальных, в обычных решениях значатся так: поручить облизполкому разрешить претензии такого-то района». В этой связи Золотухин высказывает желание, чтобы «областной комитет партии вопросами отстающих районов занимался оперативно и повседневно» [7. Л. 119].

Уже упоминавшийся выше Шелковников на той же партийной конференции, освещая вопросы оперативности действий обкома партии, указывал, что первый секретарь использует «некоторые факты устаревшие, и не точные». «Это характеризует, что обком партии далек от низов, не знает действительной жизни низовых парторганизаций», – делал вывод Шелковников [3. Л. 58]. Ничего не изменится и спустя два года, к моменту III областной партийной конференции, когда все тот же Шелковников пожалуется, что в своем отчетном докладе первый секретарь партии негативно оценил выполнение плана колхозами Сорokinского района, тогда как на самом деле они полностью рассчитались по основным сельскохозяйственным продуктам и не выполнили план только по индивидуальному сектору [7. Л. 146].

Недостаточную оперативность и осведомленность обкома партии о делах в области упоминал и секретарь Исетского райкома ВКП(б) Щеголев на областной партийной конференции 1950 г. Он видел «один из недостатков в работе обкома – слишком много заседаний. Как ни позвонишь – все заседают. Поток бумаг, решений и телеграмм идет из обкома <...>. Именно это не дает возможности обкому оперативно руководить райкомами и мешает секретарям обкома разговаривать с секретарями райкомов партии» [Там же. Л. 82]. Секретарь Бердюжского райкома ВКП(б), выступавший позже Щеголева, выговаривал Первому секретарю: «...вы т. Афонов очень скромны на звонки и Вас очень трудно поймать по телефону, то совещание, то не отвечает. За этот промежуток времени Вы меня вызывали три раза и разговор вели такой: вы проваливаете сев, поймите ответственность. Я, конечно, и так чувствую, что отвечаю за состояние дел в районе, но мне не понятно чувствует, нет эту ответственность обком, по-моему мало» [Там же. Л. 144]. Свиридов, секретарь Викуловского райкома партии в 1950 г., указывал, что из 76 ответственных работников областного комитета партии за три года работы он знает Горячева, «то есть, когда встречу с ним, то могу безошибочно сказать, что это Горячев, видел Крюкова (председатель облизполкома. – Я.М.), когда его избирали в депутаты, тогда он был и обещал нам часто бывать. А кто же был еще, может быть были один-два человека, я забыл, пусть они поднимут руки. <...> Один из выступавших товарищей обижался, что ему т. Афонов три раза звонил, а мне только один раз т. Афонов звонил и то полминутки» [7. Л. 160–161].

Обилие бумагооборота в областном комитете партии и преобладание бумажного руководства низовыми парторганизациями отмечал в своем выступлении 1948 г. и секретарь Викуловского райкома партии Свиридов: «Обком партии, его руководство пишут большое количество директив, телеграмм и так далее. Например, наш райком партии за год получил 626 решений, указаний и телеграмм. Читайте сами, сколько их падает на день. Для того, чтобы толково разобраться, проанализировать эти директивы, надо одному человеку специально этим заниматься. Мне кажется неправильным, когда в райкомы посылается такое количество директив, телеграмм, причем по поводу и без повода» [3. Л. 100]. Секретарь Ямало-Ненецкого окружкома ВКП(б) Кузнецов отмечал, что в 1952 г. в обком партии было послано 11 докладных, но ни на одну из них окружком ответа не получил. «Может мы просто портим бумагу, так как ни положительного, ни отрицательного ответа не получаем. Обком партии не отвечает на нашу телеграмму. Срыв завоза топлива на Крайний Север заставил нас дать тревожную телеграмму, но обком не ответил на нее». То же самое наблюдалось и в отношении кинообслуживания региона: 14 марта 1952 г. вопрос о финансировании кино был направлен в обком, так как облизполкомом не были предусмотрены расходы на эти цели бюджетом. Однако ответа опять не последовало. Подобная ситуация в течение года повторялась и с другими запросами-инициативами окружкома: о строительстве нефтебазы в Тазовском районе, о закреплении колхозников в колхозных центрах [9. Л. 176–177].

Секретарь Голышмановского райкома ВКП(б) Пенчуков в 1948 г. упрекал сельскохозяйственный отдел обкома партии в медлительности и неоперативности, так как просьбы райкома могли лежать в нем без движения в течение двадцати дней и за их разрешением приходилось обращаться непосредственно к первому секретарю [3. Л. 80]. В этом же году директор Заводоуковского промсовхозкомбината Веровой был вызван в областной комитет партии для доклада о том, какие они берут на себя обязательства по сверхплановому накоплению. Попутно он высказал просьбы о помощи. «Но это так и осталось», – жаловался Веровой [Там же. Л. 81].

Управляющий госрыбтрестом Максютенко в 1948 г. также отмечал невозможность достучаться до верхов: несколько раз по различным поводам он просил аппарат обкома ознакомить Чубарова с документами (например, по дальнейшему развитию промышленности в Заполярье), но эти документы до Чубарова так и не дошли (вероятно, не представляли интереса, так как шли снизу, а не сверху) [Там же. Л. 133]. На той же конференции секретарь Тюменского райкома ВКП(б) Соловова указывала, что «областной комитет партии настоящей, живой связи с округами и районами в своей работе достаточно не организовал, поэтому он и не знает во многих районах, округах настоящего положения дел» [Там же. Л. 172–173].

Важным представляется и замечание секретаря Исетского райкома ВКП(б) Щеголева, который в 1948 г. указывал, что обком партии руководит райко-

мами не систематически, а «рывками, кампанийщиной» [4. Л. 115].

Все вышеописанные свидетельства показывают, что областной комитет партии в своей работе действительно был далек от низов, не знал «действительной жизни низовых парторганизаций» и обращался к ним с высоты своего положения в структуре партии, мало или вовсе не уделяя внимания обратной связи.

А.2) Зато этого внимания желали и требовали секретари окружных, городских и районных комитетов партии, настаивавшие на том (вероятно, затем, чтобы максимально возможно переложить ответственность с себя на начальство, из страха проявить инициативу и ошибиться, а также из-за действительного незнания, вызванного частым отсутствием качественного образования и опыта вообще, как нужно решать экономические проблемы), чтобы руководство областного комитета ВКП(б) больше внимания уделяло работе с низовыми парторганизациями, принимая участие в разрешении их проблем, способствуя передачи руководящего и хозяйственного опыта. Упомянутый выше Шелковников на конференции 1948 г. жаловался, что работники обкома сами не показывали для всей областной парторганизации личного примера, как нужно руководить хозяйственными делами, культурным строительством, как овладеть основами марксизма-ленинизма [3. Л. 58]. «Обком партии, его секретари, в частности т. Горячев, мало интересуются вопросами оказания помощи секретарям, не заботятся о том, чем живет секретарь РК партии, мало интересуются их жизнью и мало проявляют о них заботу», – говорил секретарь Гольшмановского райкома ВКП(б) Шипков [7. Л. 99]. В 1950 г. ту же проблему затронул секретарь Ханты-Мансийского окружкома Иваненков, заметив, что обком вовремя не помогает ни советом, ни инструкцией [Там же. Л. 152] (и это на фоне огромного числа общих решений и директив). А в 1952 г. секретарь Тюменского горкома ВКП(б) Пацко ставил в вину областному комитету партии, что за весь год ни один из заведующих обкома не нашел времени и возможности побывать в горкоме партии с тем, чтобы разобраться в работе, помочь секретарям горкома в улучшении руководства райкомами и первичными парторганизациями. Их примеру следовали и инструктора обкома, которые иногда забегали в горком, чтобы найти отрицательные факты для выступления секретарей обкома, причем о результатах проверки руководителям городского комитета обычно не говорили, считая, по мнению Пацко, что это не входит в обязанности инструктора обкома. «Заведующие отделами обкома и секретари обкома партии должны бывать в горкомах, райкомах, глубоко изучать и хорошо знать жизнь партийных комитетов, всегда держать с ними живую связь, вовремя приходить на помощь», – высказывает пожелания Пацко [9. Л. 169].

В то же время в качестве другой крайности отмечалась тенденция, когда, по замечанию секретаря Исетского райкома ВКП(б) Щеголева на III областной партийной конференции, «весь аппарат обкома партии звонит только первому секретарю райкома, а не разговаривает ни с зав. отделами, ни с другими секре-

тарями <...> зав. отделом обкома никогда не позвонит заведующему отделом райкома партии, чтобы тот дал ему какой-либо материал, а обязательно звонит первому секретарю. А что у первого секретаря энциклопедия?» [7. Л. 82].

А.3) Подобная практика игнорирования значения обратной связи приводила к тому, что областному комитету партии становилось трудно контролировать исполнение своих решений, что отмечалось многими делегатами как негативный фактор, приводило к возникновению в дискурсах партийных, государственных и хозяйствующих деятелей мысли о важности не столько реального исполнения, сколько его бумажного воплощения. Так на конференции 1948 г. председатель Ямало-Ненецкого окрисполкома Броднев подмечал, что аппарат «не контролирует выполнение указаний даже первого секретаря обкома партии. Большинство решений по нашему округу не выполнено» [3. Л. 83]. На это же жаловался уже в 1950 г. секретарь Армизонского райкома ВКП(б) Золотухин: «...хорошие решения обкома партии гибнут в наших областных организациях» в связи с отсутствием контроля за исполнением указаний» [7. Л. 118]. На конференции этого же года секретарь ВЛКСМ Хренов указывал, что обком партии слабо контролирует выполнение принимаемых решений [Там же. Л. 137]. То, что в бюро обкома партии «решений принимается много, а проверка исполнения их не организована», считал недостатком и выступавший после Хренова секретарь Ханты-Мансийского окружкома Иваненко [Там же. Л. 151]. Ничего не изменилось и к IV областной партийной конференции, на которой секретарь Тюменского горкома ВКП(б) Пайко говорил, что обком не следит за выполнением своих решений [9. Л. 170]. А секретарь Тюменского райкома ВКП(б) Лугин на той же конференции добавлял к этому, что очень плохо работают отделы сельского хозяйства, школ, лесной, которые весьма мало проявляют инициативы. Он объясняет это тем, что «очень много секретарей в обкоме партии и они их подменяют». По его мнению, роль отделов необходимо поднять, хотя бы для того, чтобы они осуществляли контроль исполнения партийных решений [Там же. Л. 189].

А.4) Все это усложнялось порождаемыми всевластием и неподконтрольностью членов обкома партии, кумовством и имевшими место преступными деяниями, которые, разумеется, не получали освещения на партийных конференциях, хотя отдельные оговорки и присутствовали. Так, заместитель начальника управления МВД области указывал в 1945 г. на преступность среди руководителей партии и на то, что эти преступления покрываются. «Можно подумать, что законы советской власти пишутся только для беспартийных», – жаловался он [3. Л. 93]. С резкой критикой на областной комитет партии обрушился на Третьей областной партийной конференции секретарь Ишимского райкома ВКП(б) Гайдуня: «...т. Афионов, на мой взгляд, допустил в практике работы обкома партии элементы панибратства. Больше того, в работе членов бюро и секретарей обкома партии, на мой взгляд, не исключены и элементы подхалимства и угодничества» [7. Л. 138].

Б) Вообще, **работа первого секретаря областного комитета партии, остальных секретарей (их было четыре), заведующих отделами и инструкторов обкома ВКП(б)** вызывала неоднократные, повторяющиеся от конференции к конференции нарекания со стороны делегатов областных партийных конференций. Больше всего, как уже говорилось выше, нарекания касались невозможности оперативно решать возникающие вопросы с областным партийным центром: возникали сложности с дозвоном, с ответами на телеграммы. Помимо этого, делегаты жаловались и на плохую посещаемость их районов сотрудниками областного комитета партии, а также на грубость и пренебрежение со стороны руководящих работников обкома к подчиненным.

Б.1) Так, секретарь Викуловского райкома партии Свиридов, выступая на конференции 1948 г., обратился к первому секретарю областного комитета партии: «Вы лично, тов. Чубаров, несколько далековато стоите от секретарей райкомов, больше надо советоваться, больше звонить, к себе вызывать» [3. Л. 100]. Практически то же самое относительно другого первого секретаря отмечал на конференции 1950 г. и секретарь Бердюжского райкома ВКП(б): «...вы, т. Афионов, очень скромны на звонки и Вас очень трудно поймать по телефону, то совещание, то не отвечает» [7. Л. 144]. Неоднократно упоминавшийся Шелковников, секретарь Сорокинского райкома партии, на III партконференции рассказывал про невнимание Первого секретаря обкома к делам подведомственных парторганизаций: «Однажды мне нужно было поговорить с т. Афионовым, <...> я не мог разыскать тов. Афионова по телефону. Я уж передавал и через заведующих отделов и через приемную т. Афионова, но безрезультатно. <...> В течение всего отчетного периода (2 года. — Я.М.) у меня был только один личный разговор с т. Афионовым и еще один телефонный разговор. Но когда к нам в район приехал бывший начальник МГБ т. Шатеркин, т. Афионов нашел время в один день дважды поговорить с ним. Он с ним поговорил, а со мной разговаривать не стал. Мне до слез было обидно и с тех пор я не звоню т. Афионову». Разбирая работу Первого секретаря обкома партии, Шелковников упрекает его: «Ваш метод работы похож на барский» [7. Л. 145–146].

Б.2) Пример первого секретаря областного комитета партии оказывался заразительным и для остальных секретарей обкома, которые часто оставаясь недоступными для подчиненных, допускали в работе грубость и невнимательность. Так, секретарь обкома партии Зенков (коего секретарь Ямало-Ненецкого окружного ВКП(б) Малиновский охарактеризовал «человеком ретивым к власти» [3. Л. 65]), по рассказам Шелковникова, за месяц пребывания в районе не интересовался ничем, кроме цифр о выполнении плана хлебозаготовок, и «даже дал директиву ни о чем больше не разговаривать, кроме хлебозаготовок» [3. Л. 58–59]. На III областной партийной конференции секретарь Бердюжского райкома партии Александров рассказывал: «Тов. Горячев, знакомясь с урожайностью в области в июне должен был быть у нас. <...> Горячев и Николаев, наконец, появились у нас. Зенков

в течении 15 минут информировал, хвалил урожайность Маслянского района. После этого с Горячевым поехали смотреть наш хлеб. Не успели доехать до Пеганово Горячев протянул руку и до свидания, поехал на бюро. Спрашивается, будет ли какая помощь секретарю и бюро райкома партии от такого посещения?» [7. Л. 144]. Секретарь Тазовского райкома ВКП(б) Соловьев в 1950 г. отмечал, что «до районов Крайнего Севера пока добираются рядовые работники, инструкторы обкома, а секретари обкома пока только доезжают до окружного центра. <...> Очевидно, товарищи считают неудобным поехать на оленях по нашей тундре, по чумам. Там ведь на “Победе” не покатаешься. <...> Они не считают своим кровным делом изучать быт местного населения, отсюда факты незнания истинного положения дел. Не случайно т. Зиновьев, секретарь областного комитета партии, требовал открывать в чумах школы. <...> За 20 лет существования Тазовского района, который, кстати, занимает 30% всего округа по экономике и территории, в районе не было ни одного секретаря обкома» [Там же. Л. 206–207].

Не знание подведомственной территории секретарями обкома партии отмечалось и на III областной партконференции, когда секретарь Казанского райкома ВКП(б) Козырев указывал: «...такой секретарь обкома, как т. Игнатов, хотя он работает давно в обкоме, он не знает Казанского района, знает только на карте, в районе он не был ни разу, спрашивается, как можно говорить с секретарем райкома о работе, не зная о районе, зная только через вторых, третьих лиц? <...> Тов. Афионов также Казанки не знает» [Там же. Л. 125–126].

Отмечалось и отсутствие четкого разграничения полномочий между секретарями областного комитета партии. Так, заместитель начальника областного управления сельского хозяйства Козлов на IV партконференции отмечал, что «не разделены ясно функции между секретарями (я имею в виду т. Коновалова и т. Колоскова). В августе месяце т. Колосков предложил мне выделить специалистов для посылки в район, я выделил двух и написал приказ, они получили инструктаж у т. Колоскова. Тов. Коновалов, узнав об этом, отругал меня и предложил их задержать, мотивируя тем, что он руководит сельским хозяйством, а не т. Колосков. Я приказание выполнил. Через два дня т. Колосков узнает об этом, вызывает товарищей и угрожает вызвать на бюро и записать соответствующее возмущение». Вообще, по мнению Козлова, тесно связанному с предыдущей цитатой: «...некоторые ответственные работники обкома на местах допускают грубость и компрометируют руководство облсельхозуправления» [9. Л. 241–242].

О грубости, правда уже заведующих отделами, говорил и секретарь Казанского райкома партии Козырев, отмечая, что заведующий финансово-хозяйственным сектором областного комитета партии Семериков был «груб по отношению к партийным работникам, он не хочет даже выслушать его» [3. Л. 62]. А вот на Четвертой партийной конференции заместитель начальника областного сельскохозяйственного управления Козлов привел пример хамства, касавшийся непосредственно секретарей обкома (по-

путно этот пример показывает и моральные качества областных партийных руководителей): «Я знал т. Коновалова раньше как неплохого работника, однако, став секретарем, он зазнался и по-бюрократически стал относиться к решению ряда вопросов. Для него ничего не составляет собравшихся на совещание в городе Ишиме руководящих работников сельского хозяйства всей восточной части области заставить себя ждать в течение трех часов, потому, что совещание собрали в доме пионеров, куда он не хотел пойти. И для того, чтобы он пришел на совещание, т. Топтыгину потребовался час времени, чтобы его упросить» [9. Л. 241].

Б.3) Не лучше обстояло дело и с инструкторами обкома партии. В 1948 г. секретарь Сорокинского РК ВКП(б) Шелковников указывал, что «инструктора бывают в районе пять-шесть дней, просидят в райкоме, соберут сведения в папку бумаг, расскажешь им о недостатках в районе, они и спешат в обком, чтобы произвести сенсацию» [3. Л. 58]. В 1950 г. об этом же рассказывал и секретарь Тазовского райкома ВКП(б) Соловьев: «К нам в большинстве случаев приезжают внезапно, наскоками целыми бригадами, которые зачастую наберут всевозможные отрицательные факты, <...>, не расскажут нам об этих недостатках и уезжают» [7. Л. 206].

Ту же порочную практику отмечал и секретарь Вагайского райкома ВКП(б) Климович, свидетельствуя, что отделы обкома часто не видно и не слышно, что зачастую они довольствуются получением информации и сбором сводок. Так, отдел партийных, профсоюзных и комсомольских органов, по его мнению, не глубоко вникал в работу партийных организаций, слабо оказывал финансовую помощь на местах. «Инструктора отделов очень редкие гости в район. Если эти инструктора приезжают, то они глубоко не вникают в работу партийных организаций, не учат непосредственно на месте работников», «работники обкома, в особенности инструктора, приезжая стараются побывать только непосредственно в центре, очень боятся выезжать на периферию, в колхозные парторганизации, боятся большого пути» [Там же. Л. 95–96]. Делегат конференции 1952 г. Попова говорила: «Сельхоз отдел обкома партии совершенно не интересуется работой. Тов. Смирнов бывал в районе и не удосужился побеседовать ни со мной, ни с зав. Райсельхозотделом, ни с другим молодым работником – зав. сельхозотделом РК ВКП(б) и за все время своей работы я даже не знала т. Смирнова в лицо» [9. Л. 173]. «Был у нас инструктор обкома партии т. Меньшиков, но он занимался сбором сводок и справок, чтобы набрать побольше недостатков в работе и примеров, а помощи не оказал» [Там же]. На Четвертой партийной конференции секретарь Ханты-Мансийского окружкома Савин докладывал: «Многие товарищи приезжают к нам из обкома ВКП(б), вскрывают недостатки, напишут справки, а вопросы, которые необходимо решить для улучшения работы округа, не решают» [Там же. Л. 216]. На той же конференции председатель колхоза имени Маленкова Нижне-Тавдинского района Тимаков жаловался, что «работники сельхозотдела в колхозах бывают редко, недо-

статочно оказывают практической помощи на местах» [9. Л. 227]. Примерно о том же говорила и Елохина, заведующая постояннодействующими курсами Тобольского рыбтехникума: «Работников обкома видно в Тобольске лишь тогда, когда они выступают на конференциях, пленумах, а действенной помощи от них не чувствуется» [Там же. Л. 235].

Б.4) Отдельной строкой на партийных конференциях, в рассуждениях делегатов о недостатках областного комитета партии, указывалась неспособность его секретарей, заведующих и инструкторов показать личный пример руководства, что-то вовремя посоветовать и даже напротив, в ответственных случаях наблюдалось стремление «умыть руки». При этом руководство областного комитета партии постоянно занималось критикой и выявлением недостатков в работе низовых партийных органов, что скорее подрывало их стремление работать, чем стимулировало (как, вероятно, надеялось областное руководство ВКП(б)).

Так, на III областной партконференции секретарь Казанского райкома партии Козырев указывал: «Нет достаточной передачи передового опыта работы райкомов партии со стороны бюро обкома партии и его отделов. Если проверяется работа райкома партии, то обобщаются больше отрицательные моменты, а о положительном опыте забывают <...> Когда читаешь решение обкома по любому отчету райкома, там видишь только отрицательные стороны, как стандарт. Обычно начинается словами: “Признать работу неудовлетворительной в области сельского хозяйства, промышленности” и т.д. и т.п. А разве нет положительных сторон во внутрипартийной, массовой, хозяйственной работе?» [7. Л. 125–126].

Шелковников, секретарь Сорокинского райкома партии, на Четвертой партконференции указывал: «Нас критикуют за все и хорошее, и плохое не только критикуют но и ругают. <...> Зачем нас так “поддерживать” морально, что начинаем терять уверенность в работе?» – задавался он вопросом. «Мы хорошие руководители в кавычках, вы хорошие руководители без кавычек, тогда разрешите спросить, где же вы были, когда мы плохие руководители проводили в жизнь решение ЦК партии об укрупнении колхозов, вас не было нигде, вас нельзя было разыскать по телефону». [7. Л. 145–146]. Заведующая сельскохозотделом Бердюжского райисполкома Попова жаловалась: «...работа райкома партии была оценена неудовлетворительно. Это значит, оценка была дана всей партийной организации, и коммунисты района наделись, что обком партии после этого вышлет бригаду квалифицированных работников, которые помогут разобраться, как устранить ошибки и недостатки, но этого не последовало» [9. Л. 173].

На подобный же подход к руководству Шелковников жаловался и ранее, в 1950 г., отмечая, что секретари областного комитета партии Игнатов и Арефьев не разговаривают с секретарями райкомов, не передают им опыт работы. Из-за чего могут «в чиновников превратиться» [7. Л. 156]. На этой же конференции мнение Шелковникова поддержал и секретарь Голышмановского райкома ВКП(б) Щип-

ков, указывая, что секретари обкома партии мало заботятся о кадрах, не знают их нужды и запросы [Там же. Л. 99].

В) Делегатами областных партийных конференций ВКП(б) затрагивались вопросы не только взаимоотношений областного комитета партии с низовыми парторганизациями, но и его **руководство деятельностью хозяйствующих субъектов**, влияние отношений областного комитета партии с предприятиями области на деятельность окружных, городских и районных комитетов ВКП(б), прежде всего относительно кадров. Больше всего делегатов конференции не удовлетворяло незнание областным комитетом партии проблем промышленности (связанное с отсутствием обратной связи и директивностью плановой экономики), решение кадровых вопросов предприятий не через отделы кадров окружных, городских или районных комитетов партии, а напрямую, что приводило к потере низовыми парторганизациями авторитета.

В. 1) Критика организации работы областного комитета с хозяйствующими субъектами области началась с 1945 г., когда секретарь Ишимского горкома ВКП(б) Рудаков отметил, что «промышленный отдел Обкома партии по-настоящему работой промышленности Ишима не занимается» [2. Л. 175], а секретарь Тобольского горкома ВКП(б) Харитоненков упрекнул промышленный отдел обкома в неконкретном решении вопросов промышленности, в сведении на нет выработки замши и художественных изделий из кости. «Вместо того, чтобы наладить в городе замшевое и косторезное производство, о чем было специальное решение Правительства СССР, из города вывозят сырье», – отмечал Харитоненков [3. Л. 67–68]. Жаловался он и на то, что обком плохо решал вопросы, связанные с водным транспортом, который не удовлетворял перевозку грузов, отказываясь перевозить не входящее в план. Бездарно, по его мнению, была организована и транспортировка хлеба, когда зерно из Тобольска везли в Тюмень, а уже из Тюмени мука возвращалась в Тобольск и уходила на Север. И это вместо того, чтобы построить мельницу в Тобольске [Там же. Л. 68]. Секретарь Тюменского горкома ВКП(б) Пацко на конференции 1952 г. жаловался, что обком плохо интересовался работой промышленных предприятий, которые находились в городах области [9. Л. 169].

Заместитель начальника областного сельскохозяйственного управления Козлов замечал на той же конференции, что эти проблемы характерны не только для промышленности, но и для учреждений сельского хозяйства: «Тов. Коновалов, как непосредственно ведающий сельским хозяйством, не осуществлял должного руководства управлением сельского хозяйства» [Там же. Л. 241], а ранее, на конференции 1950 г., секретарь Казанского райкома ВКП(б) Козырск скажет, что по вопросам сельского хозяйства помощь оказывается мало: сельскохозяйственный отдел обкома партии не занимается перспективными вопросами – нужна гидроэлектростанция, а ее нет [7. Л. 126–127].

Подобные же проблемы недостаточного руководства затрагивали и руководители других организаций: на Четвертой партконференции управляющий

трестом «Тюменьлес» Никифоров отмечал, что «обком партии не имеет в лесном отделе квалифицированных специалистов, а без этого невозможно квалифицированно руководить лесной промышленностью» [9. Л. 226], секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии Савин на этой же конференции жаловался на плохую организацию снабжения леспромпхозов округа горючим, неправильной постановкой дела механизации рыбной промышленности [Там же. Л. 215], а на конференции 1948 г. свою лепту внес и областной военный комиссар Кириченко: «...военный отдел обкома партии оборонно-массовой работой занимался мало, так как использовался не по назначению» [3. Л. 75–76].

В.2) Нарекания со стороны делегатов вызвали не только недостаточная внимательность, компетентность и квалификация со стороны сотрудников партаппарата обкома, но и сама система плановой централизованной экономики, не учитывающая ни природных особенностей регионов, ни уровня их экономического развития и связанных с этим возможностей, ни их пожеланий. Характеризуя экономическую деятельность обкома на Второй партконференции, секретарь Ялуторовского райкома ВКП(б) Михайлов указывал, что «завоз тракторов и сельхозмашин в область проводится без учета специфических условий района» [Там же. Л. 73]. В 1950 г. Шелковников отметил, что «Обком партии до сего времени (1950 г. – прим. Я.М.) неудовлетворительно решает вопросы, выдвигаемые с места» [7. Л. 146], а секретарь Ханты-Мансийского окружкома Савин на Четвертой партийной конференции указывал, как окружкомом несколько раз ставился вопрос об улучшении планирования, однако этот вопрос остался нерешенным: «Планирование идет без учета трудовых и материальных ресурсов» [9. Л. 216].

В.3) Не лучше обстояли дела с подбором и расстановкой кадров, которым формально должно было уделяться первостепенное значение. Однако на практике кадры самовольно забирались из районов (без учета мнения райкомов) и назначались в них. Так секретарь Тобольского горкома ВКП(б) Харитоненков жаловался: «К нам завозят кадры, которые нам не нужны. Приведу такой факт: в прошлом году посылают к нам директора рыбного техникума. Горком партии три раза ставил вопрос, что не примем этого руководителя потому, что он не обеспечит работу. Но отдел кадров заставил нас принять этого руководителя. Он проворовался, пришлось снимать и отдавать под суд» [3. Л. 69]. О невнимательном отношении обкома ВКП(б) к делу подбора и расстановки кадров рассказывал и секретарь Ялуторовского райкома Михайлов, когда описывал, как районного прокурора Яковлева очень долго не отстраняли от должности, хотя на 1 декабря 1948 г. он имел 200 неразобранных уголовных дел, 300 жалоб и на 1 млн руб. дел на расстратчиков, однако неоднократные проверки деятельности этого прокурора оканчивались ничем. Более того, после снятия его с должности он был переведен в Викуловский район. «Зачем?» – задавался вопросом Михайлов [3. Л. 74–75]. Секретарь Голышмановского райкома ВКП(б) Пенчуков указывал, что по вине не-

которых заведующих отделами, в частности отдела кадров, многие областные руководители не стали считаться с мнением райкомов ВКП(б): подчас и не спрашивая их снимают работников, переводят членов ВКП(б) в другие районы, а областной комитет партии поддерживает их. В других случаях обком утверждает решение хозяйственников о снятии, переводе или назначении подчиненных в другой район через голову райкома или вопреки его желанию [3. Л. 79].

Отрицательно оценивались случаи, когда отдел кадров обкома партии не реагировал на факты нарушения процедуры снятия руководящих работников, утвержденных райкомом и обкомом. Так в мае 1948 г. обком партии утвердил директором судоремонтных мастерских НИРПа Анисимова, а в июле приказом начальника судоходства Карамзина он был отстранен от должности, из чего, по мнению Харитоненкова, выходило, что хозяйственник своим приказом мог снимать руководящих работников, утвержденных горкомом и обкомом партии [Там же. Л. 69], чего быть явно не могло.

Не обошел критикой работу отдела кадров обкома партии и секретарь Викуловского райкома партии Свиридов. В частности коснулся и того, обидного для райкомов партии, факта, что заведующий облОНО «учит зав. райОНО, чтобы райкомов не слушали, что это другая организация, у нас есть облОНО и если мы скажем, то тогда нужно выполнять» [Там же. Л. 101]. О подобном же инциденте рассказывал и Шелковников, отмечавший, что практика, когда областной комитет партии подменял собой районные комитеты, покрывая своей властью их руководящие функции, приводила к подрыву дисциплины, делала возможными такие явления, что начальник областного управления полиграфии писал на имя редактора Сорокинской райгазеты: «Указание райкома ВКП(б) для Вас не является законом» [Там же. Л. 59]. Секретарь Тюменского райкома ВКП(б) Соловова на конференции 1948 г. отмечала следующий негативный, по ее мнению, факт: «...бывший секретарь райкома допускал такие нехорошие вещи как диктаторство, а обком партии, несмотря на сигналы об этом смотрел сквозь пальцы на такое поведение» [Там же. Л. 173]. Такая же ситуация повторялась и на Третьей партийной конференции: секретарь Ишимского райкома ВКП(б) Гайдучени указывал на «отсутствие в аппарате обкома чувства ответственности у руководящих работников, которым поручено дело подбора кадров». Он отмечал, что обком не реагировал на просьбы секретарей райкомов о направлении нужных кадров [7. Л. 140].

В этом ключе секретарь Тазовского райкома ВКП(б) Соловьев в 1950 г. жаловался, что на Север обком партии посылает кадры, которые уже «разложились на юге, они имеют по несколько партийных вызысканий. Они разлагают парторганизацию и разлагают местное коренное население» [Там же. Л. 207]. На Четвертой партийной конференции секретарь Ханты-Мансийского окружкома партии Савин отмечал, что обком партии плохо справлялся с задачей укомплектования кадрами предприятий лесной и рыбной промышленности, МТС и сельскохозяйственных органов. Так из-за плохой, по его мнению, работы заве-

дующего отделом лесной промышленности Брицкого леспромхозы Ханты-Мансийского округа были укомплектованы «неполноценными» (в прошлом осужденными по 58-й статье) кадрами, которые работали инженерами. Поэтому отношение Брицкого к делу организации и функционирования леспромхозов Савин называет «антигосударственным и антиобщественным» [9. Л. 215]. На порочность кадровой политики обкома партии указывал и заместитель начальника областного сельскохозяйственного управления Козлов: «За отчетный период (примерно полтора года. – Я.М.), областной комитет партии, несмотря на неоднократные наши просьбы не оказал нам существенной помощи в укомплектовании аппарата областного управления, а также низовых его органов, облуправлению сельского хозяйства пришлось вариться в собственном соку». Итогом этого, по мнению Козлова, было то, что на протяжении ряда лет 10 МТС не имели директора, а у руководства МТС находился 31 директор без начального образования. Кроме того, в аппарате областного сельскохозяйственного управления не было начальника трудоемких процессов в животноводстве, начальника земельного отдела, начальника отдела технических культур и ряда других [Там же. Л. 241]. Шелковников указывал, что «часто обком партии решает вопросы кадров с большим консерватизмом, без знания людей и конкретной обстановки, в которой люди работают» [7. Л. 147]. А секретарь Голышмановского райкома ВКП(б) на III областной партийной конференции рассказывал о том, как происходило его назначение на новую должность: «Я работал в Сорокинском районе, был послан на работу в Казанский райком партии, даже вызова на бюро обкома не было, просто т. Горячев по телефону сказал – выезжай, принимай и все. Проработал два года, в течение этого времени ни положительных, ни отрицательных сторон отмечено не было, так бесследно все прошло» [Там же. Л. 99–100].

Жаловались делегаты и на то, что, по их мнению, обкомом партии «мало проявляется заботы о материальном положении, основных партийных и советских кадров со стороны обкома и облисполкома, никто не интересуется как живут, в чем нуждаются», – отмечал в 1950 г. секретарь Казанского райкома Козырев [Там же. Л. 125]. Секретарь Голышмановского райкома ВКП(б) Щипков указывал, что секретари обкома партии недостаточно заботятся о кадрах, не знают их нужды и запросы [Там же. Л. 99].

В.4) Отдельного упоминания заслуживают и отношения в триаде областного комитета ВКП(б) – облисполкома – низовых парторганизаций, показывающие квазируководящую роль советских органов и ключевое значение партийного комитета. На IV партконференции секретарь Нижне-Тавдинского райкома партии Григоров отмечал ключевую роль обкома в управлении хозяйством области: «Нужно прямо сказать, что от обкома партии, его секретарей и заведующих отделами можно слышать требования и звонки по телефону по всем вопросам <...>, а от облисполкома этих звонков и требований мы не слышим» [9. Л. 184]. Его поддерживал секретарь Тюменского райкома ВКП(б) Лугин: «Бюро обкома партии само ре-

шает много хозяйственных вопросов, тем самым подменяя облисполком; даже на пленумах обкома партии и то мы больше обсуждаем вопросы хозяйственного порядка, <...> и этим снимает ответственность за решение хозяйственных вопросов с облисполкома» [9. Л. 188]. Впрочем, в ответ на это председатель облисполкома Крюков возражает: «Часто партийные руководители районов, да и заведующие отделов обкома партии, вместо того, чтобы спросить с райисполкома, заставить его обратиться в облисполком, звонят непосредственно секретарю обкома партии» [Там же. Л. 212]. Таким образом можно видеть, что облисполком не только не привык сам решать вопросы, в связи с боязнью ответственности и квазируководящей ролью, но и игнорировался понимающими это работниками, а основная нагрузка, при такой постановке руководства, ложилась на плечи первого секретаря обкома партии, который в этих условиях становился и царем, и Богом и был ответственным абсолютно за все происходящее в регионе.

Г) Еще одной темой, волновавшей делегатов партийных конференций, была **постановка дела пропаганды и агитации**, и при разборе этих вопросов доставалось как инструкторам, так и секретарям областного комитета партии. Так, в 1945 г. секретарь Дубровинского райкома ВКП(б) Соколов критиковал пропагандистов обкома за прижившуюся в их среде практику: «...доедут до Тобольска и дальше им не хочется ехать» [2. Л. 93], а секретарь обкома по пропаганде Зиновьев ставил в вину руководителям областных партийных структур: «...ни члены бюро обкома ВКП(б), ни секретари РК ВКП(б) пока политических докладов не делают» [Там же. Л. 24 об.].

В то же время организация партийной учебы проходила без учета запросов и желаний низовых парторганизаций, директивными методами. Секретарь Сорokinского РК ВКП(б) Шелковников жаловался, что в один год секретарь областного комитета Игнатов, будучи ответственным за партийную учебу в области, решил одновременно взять на учебу и секретаря райкома и секретаря райисполкома, при этом «даже из приличия не позвонил в район, не поинтересовался каково их мнение, кого хочется послать на учебу. Тем самым нарушил указания ЦК о подборе слушателей, не учел и без того тяжелую ситуацию с кадрами в районе» [3. Л. 58]. Тот же самый подход отмечает и секретарь Ямало-Ненецкого окружкома Малиновский, который в своем рассказе о деятельности секретаря обкома ВКП(б) Зенкова, отмечал: «Ему ничего не стоит без всякого согласования с окружкомом, даже не поставив в известность окружком, единолично давать разрешение на выезд работников из округа, даже в том случае, когда не решен вопрос о замене работника», и здесь же: «подбор в партийную школу

тов. Зенков решал сам, не ставя в известность окружной комитет» [3. Л. 65]. На конференции 1950 г. секретарь Казанского райкома партии Козырев в ответ на критику, что секретари райкомов партии, члены бюро очень редко выступают с политическими докладами на селе среди колхозников, контратаковал, указывая, что и члены бюро обкома партии, его секретари и заведующие отделами также мало бывают в районах на пленумах, на бюро райкома и мало учат низовых работников работе, не выступают работники обкома и в печати [7. Л. 125]. На «запущенность организационно-партийной и партийно-политической работы в областной парторганизации» указывали на конференции 1950 г. секретарь Тюменского райкома партии Лугин и секретарь Омутинского райкома ВКП(б) Горелин [Там же. Л. 188]. А делегат от Бердюжского района Попова на Четвертой областной партийной конференции жаловалась: «Была послана агитгруппа, но ни один из агитгруппы не прочитал ни одного доклада в колхозах района» [9. Л. 173].

Секретарь обкома ВЛКСМ Хренов на IV областной конференции отмечал, что «обком партии, его отдел партийных и комсомольских органов постоянно глубоко и всесторонне не интересуются работой обкома и комсомольских организаций. <...>. Часто отдел партийных органов судит о работе обкома комсомола по протоколам и по предоставляемым информации. Работники обкома партии редко бывают на бюро, т. Горячев, как секретарь обкома партии, редко присутствует на пленумах обкома комсомола, ни разу за последние два года не выступал на них» [Там же. Л. 249].

Таким образом, в приведенных выше выступлениях делегатов Тюменских областных партийных конференций 1945–1952 гг. можно видеть, что спикеров волновали вопросы, связанные с негативными сторонами советской централизованной командно-административной системы руководства, опиравшейся на директивность, не учитывающей значение обратной связи, отличавшейся не оперативностью, незнанием подведомственных кадров / организаций / территорий; системы, к которой вышестоящее начальство требовало решение проблем, само не имея представления о том, как их решать и опасаясь брать ответственность на себя не только на уровне действия, но и на уровне высказывания; системы, замкнутой на фигуре первого секретаря областного комитета партии. Именно против этой бюрократической диктатуры направляли острие своей критики выступавшие партийные руководители, что показывало латентное недовольство административных и хозяйствующих субъектов системы самой системой и имплицитно влияло на ее последующее ослабление и разрушение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Устав Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков): официальный текст по состоянию на 10–2 марта 1939 г. // КПСС. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд. М.: Политиздат, 1985. Т. 7. 574 с.
2. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. 124 Тюменский обком КПСС. Оп. 4. Д. 1.
3. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 21. Д. 1.

4. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 5.
5. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 31.
6. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 4. Д. 6.
7. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 54. Д. 6.
8. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 34.
9. ГАСПИТО. Ф. 124. Оп. 72. Д. 37.

Статья представлена научной редакцией «История» 12 августа 2019 г.

Disadvantages in the Activities of the Tyumen Regional Committee of the VKP(b)–CPSU in 1945–1952 Through the Eyes of Delegates of Tyumen Regional Party Conferences

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 137–146.

DOI: 10.17223/15617793/451/18

Yaroslav V. Maltsev, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

Keywords: Tyumen Oblast; VKP(b); CPSU; Obkom; regional committee of CPSU; Stalin era.

The article discusses issues related to the activities of the Tyumen Regional Committee of the VKP(b)–CPSU in the period from the creation of Tyumen Oblast to the last party conference of the Tyumen Regional Party Organization during the rule of Joseph Stalin. The events of that time affected the initial period of work of the regional committee, the period of its functioning in the conditions of the apogee of the system of personal power. The regional conferences of the VKP(b)–CPSU were a prerequisite for communication among members and candidates for membership in the party designed to facilitate their greater unity, their discussion of the problems the party was faced with. The conferences were to provide feedback between higher- and lower-level party bodies realizing the principle of democratic centralism proclaimed in the Charter of the VKP(b). In the period from 1945 to 1952, four regional party conferences were held in Tyumen Oblast: the first on 21–23 December 1945, the second on 22–24 December 1948, the third on 27–29 December 1950, and the fourth on 17–19 September 1952. Criticism of the regional party committee can be divided into several conventional blocks: questions relating to the interaction of the regional committee of the party with grass-roots party organizations, in which the evaluation of the activity of secretaries and instructors of the regional committee of the VKP(b) became important; issues related to the work of the regional committee with the staff; problems of propaganda and party education, as well as interaction of the regional committee with business entities. It is on these aspects that attention is focused in this article. Thus, in the above speeches made by the delegates of the Tyumen regional party conferences of 1945–1952, one can see that the speakers were concerned with the negative aspects of the Soviet centralized command and administrative system of leadership: (1) it was based on authoritarianism and voluntarism that did not take into account the importance of feedback; (2) it was rather slow due to bureaucratic delays and lack of personal interest in the result; (3) the subordinate personnel/organizations/territories were ignorant; (4) the higher authorities required the solution of problems without knowing how to solve them and fearing to bear responsibility not only at the level of action, but also at the level of words; (5) the system was enclosed on the figure of the First Secretary of the regional party committee. It was against this bureaucratic dictatorship that the leading party leaders directed their criticism, which showed the latent discontent of the administrative and economic entities of the system by the system itself and implicitly influenced its subsequent weakening and destruction.

REFERENCES

1. Egorov, A.G. & Bogolyubov, K.M. (eds) (1985) *Ustav Vsesoyuznoy Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov): ofitsial'nyy tekst po sostoyaniyu na 10–2 marta 1939 g.* [The Charter of the All-Union Communist Party (of Bolsheviks): The Official Text as of 10–2 March 1939]. In: *KPSS. Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuza v rezolyutsiyakh i resheniyakh s'ezdov konferentsiy i plenumov TsK (1898–1986)* [CPSU. The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses of Conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1986)]. 9th ed. Vol. 7. Moscow: Politizdat.
2. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. *Tyumenskiy obkom KPSS* [Tyumen Regional Committee of the CPSU]. List 4. File 1. (In Russian).
3. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 21. File 1. (In Russian).
4. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 54. File 5. (In Russian).
5. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 72. File 31. (In Russian).
6. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 4. File 6. (In Russian).
7. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 54. File 6. (In Russian).
8. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 72. File 34. (In Russian).
9. State Archive of the Socio-Political History of Tyumen Oblast (GASPITO). Fund 124. List 72. File 37. (In Russian).

Received: 12 August 2019

В.Я. Мауль

НАРОДНЫЙ «МИФ О ЦАРЕ»: КУЛЬТУРНЫЙ ТРАНСФЕР ОТ «CAESAR» К «ВЕНЕЦИАНСКОМУ САМОЗВАНСТВУ» Е.И. ПУГАЧЕВА

Рассматриваются особенности «культурного трансфера» как познавательного средства для изучения исторического прошлого, в частности народного «мифа о царе». Определяется причинно-следственная цепочка эволюции понятия «Caesar» в российской политической традиции. Показывается, как через различные формы репрезентации власти этот титул подвергся сакрализации: переосмысленный народной культурой в рамках антитезы царей истинных и ложных, культ монарха сформировал устойчивый народный «миф о царе».

Ключевые слова: «культурный трансфер»; Caesar; царь; сакрализация; «миф о царе»; самозванцы; Пугачев; венецианское самозванство.

В отличие от многих историков-русистов, равнодушных к гносеологическим исканиям и предпочитающих эвристическое копание в архивах, меня, помимо того, всегда привлекали различные теоретические изыски. Приходилось где-то что-то подсматривать, кое-что подслушивать, частенько – у историков-всеобщников, социологов, культурологов, филологов, лингвистов, а затем опытным путем примерять работу тех или иных познавательных практик на материалы народных движений в России. Порой результаты получились весьма неожиданными, когда за сообщениями документов вдруг удавалось разглядеть пугачевскую версию «игры в царя», или расшифровать телесный код как культурный маркер первого самозванца, увидеть ритуальный символизм повстанческих действий и мн. др. Благодаря конференции, проведенной в мае 2018 г. на площадке Томского государственного университета, таким открытием для меня стал «культурный трансфер» как особый метод погружения в прошлое. Пришлось потратить некоторые усилия, чтобы разобраться в конструктивных нюансах этого подхода, как оказалось, сравнительно недавно, в середине 1980-х гг., появившегося в литературоведении стараниями Мишеля Эспана и Михаэля Вернера. С тех пор в ходе его «триумфального шествия» «эффективность метода повлекла за собой расширение круга гуманитарных дисциплин», в том числе, за счет истории [1. С. 12].

Основной принцип методологии «культурного трансфера» заключается в отрицании идеи одностороннего влияния, так сказать, передовой культуры на якобы более примитивную культуру. Да и вообще, отношения «донор – реципиент», «центр – периферия» здесь неуместны, а потому неприемлем пресловутый европоцентризм, долго господствовавший на страницах ученых трактатов. Как кажется, в самых тесных отношениях с «культурным трансфером» находится понятие «аккультурация», но они не подменяют друг друга. «Культурный трансфер» делает акцент не просто на переносе неких духовных феноменов или материальных артефактов из одного культурного пространства в другое, но на их семиотической трансформации и семантической интерпретации «принимающей» культурой. Причем обязательна, по крайней мере, возможна обратная связь, когда заимствованное явление, переосмысленное и изменившее свое изначальное качество, возвращается «передаю-

щей» культуре, где также обрастает новыми смыслами и значениями. Как правило, подобный круговорот элементов культуры происходит не напрямую, а через одушевленных или неодушевленных посредников, становящихся промежуточным звеном в динамическом процессе культурных коммуникаций [2–4].

В нашем случае «передающей» культурой будет античное наследие, в древнеримской версии, лежащее в основе всего западноевропейского мира. За исходный познавательный концепт возьмем понятие «Caesar», производное от имени Юлия Цезаря, ставшее обязательной частью титула императоров в Западной Римской империи и Византии. Термин «царь» представляет собой русское сокращение от «цесарь». В древнерусский язык через готское «kaisar», заимствованное всеми славянами, он проник из старославянской литературы и обозначал библейских правителей, римских и византийских императоров. Долгое же время Русь довольствовалась знакомым с эпохи родоплеменной старины словом «князь» и взятым из политического лексикона соседней Хазарии титулом «каган». По крайней мере, именно «каганами» величают русских князей митрополит Илларион в «Слове о Законе и Благодати», составленном в середине XI в. Изредка именованное царем все же применялось по отношению к нашим князьям, но «в виде особого почетного отличия; это не был официальный титул всех киевских князей». «Самое древнее бесспорное использование термина “царь” применительно к русскому князю мы находим в сохранившейся надписи из киевского собора Святой Софии. Она составлена, как было доказано ее публикаторами, в связи со смертью Ярослава Мудрого (1054)» [5. С. 102; 6. С. 513; 7. С. 17]. Однако такое употребление имело окказиальный характер и с помощью цветистой риторики в глазах современников всего лишь подчеркивало репутационный статус князя, как правило, уже умершего.

Ситуация стала меняться в эпоху ордынского владычества и затем избавления русских земель от него, когда из заимствованного термина и употребляемого в адрес чужеземных владетелей титула слово «царь» стало перерастать в местный политический концепт. Среди катализаторов перемен называют четыре ключевых события: 1) подписание православными иерархами в 1439 г. Флорентийской унии, признающей главенство папы римского; 2) падение в 1453 г. Констан-

тинополя – православной столицы мира, Нового Иерусалима и второго Рима – под ударами османских завоевателей, в результате Московское княжество оказалось в роли светского лидера православия, а великому князю отныне приписывались церковные функции византийского императора; 3) окончательное освобождение Руси от власти Орды в 1480 г., превратившее Москву в единственный независимый остров православия в окружающем море иноверческого мира; 4) широкое бытование на Руси эсхатологических ожиданий, связанных с 7000-м годом от Сотворения мира (1492), который представлялся потенциальной датой Конца света.

Неудивительно, что в изменившихся условиях усилиями московских книжников формируется идея мессианского предназначения русских государей и их права на царский титул, которому (в отличие от сугубо светского «цесарь») присваивается сакральное значение. Концептуально завершённый вид этим взглядам придал старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в теории о «Москве – третьем Риме». В ней органично переплелись политические, эсхатологические и хилиастические мотивы: «...если хорошо урядишь свое царство – писал он Василию III, – будешь сыном света и жителем горнего Иерусалима». И далее отчаянно взывал: «...храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится». Практически одновременно в «Сказании о великих князях владимирских» была обоснована царская генеалогия московских государей от римского «кесаря Августа» через его брата Пруса, потомком которого был Рюрик – родоначальник русской правящей династии: «А четвертое колено от великого князя Рюрика – великий князь Владимир, который просветил Русскую землю святым крещением в год 6496 (988). А от великого князя Владимира четвертое колено – правнук его Владимир Всеволодович», получивший царские регалии от византийского императора Константина Мономаха. И «с тех пор и донныне тем венцом царским» венчаются русские правители [8. С. 9–11, 21–22, 399;].

Как не раз отмечалось в литературе, получилась весьма стройная идеологическая схема: «Первый Рим дает Руси первого князя, Рюрика, происходившего от рода императора Августа. Второй Рим, Константинополь, передает на Русь имперские регалии вместе с царским титулом». Тем самым «осуществляется преемственность не только государственной власти, но и ее царского статуса» [9. С. 36], а также обозначаются имперские амбиции Московского государства как противовеса политическому влиянию Священной Римской империи германской нации.

В дальнейшем через различные публичные формы репрезентации сакрально заряженный образ верховной власти стал достоянием народной культуры, но в рамках так называемого мифа о царе оброс дополнительными смыслами и контекстами. В самом общем виде «миф о царе» – это логически не отрефлексируемая совокупность народных социально-политических представлений о царе и царской власти. За-

крепляясь в народной ментальности на подсознательном уровне, они неразрывно увязывались с религиозной «картиной мира». В ней царь представлял ставленником Божиим на земле, гарантом незыблемости установленных свыше справедливых порядков. Поэтому он а priori не мог считаться виновником тягот и страданий народной жизни. Причины этих бедствий находили в непосредственном источнике зла – чиновниках, боярах (дворянах)-изменниках, будто бы скрывавших от царя правду о людских нуждах. Ее нужно было донести до него, например, с помощью мирских челобитных. Но рано или поздно становилось понятно, что правящий царь все знает, но почему-то не наказывает злодеев и не улучшает жизнь своих «сирот». Поскольку сомнения в царе как таковом были немислимы, проблема получала единственное решение через антитезу царей «истинных» и «ложных», причем очевидной была имманентная связь последних с «черным», «колдовским» антимиром. Но если на престоле находится ненастоящий царь (самозванец на троне), где-то должен быть царь «истинный», который предназначен по промыслу Божьему. Его поиск создавал питательную социально-психологическую почву для появления разного рода самозванцев, выдававших себя за «истинных» царей. В результате с XVII в. родился яркий феномен русского самозванчества, практически не знакомый Западной Европе. По образному выражению Н.И. Костомарова, у нас самозванцев «было так много, что их не перечесть, да еще многие в свое время являвшиеся остались до сих пор неизвестными и как бы случайно из мрака архивов открываются на горизонте истории словно астероиды, беспрестанно увеличивающие каталог планет». По подсчетам О.Г. Усенко, «в Российском государстве с 1601 г. по 1800 г. включительно действовали 147 лжемонархов (в XVII в. – 29, в XVIII в. – 118)». В.О. Ключевский имел все основания утверждать, что «у нас с легкой руки первого Лжедмитрия самозванство стало хронической болезнью государства» [10. С. 25; 11. С. 19; 12. С. 26].

Абсолютное большинство из них не смогло обрести себе сторонников, убедить в правомочности притязаний на царский титул. Одним из немногих «успешных» самозванцев был донской казак Емельян Пугачев, под «взятым займы» именем императора Петра III возглавивший мощное народное восстание 1773–1775 гг. Реализуя в поведенческих практиках повстанцев архаичные культурные архетипы, грандиозный бунт «от имени царя» был обречен на пристальное внимание европейцев. Непреходящий интерес вызывала колоритная фигура самозваного «третьего императора», сумевшего поднять и сплотить вокруг себя многотысячные массы. Например, среди англоязычной публики имели хождение фантастические слухи о мятежном атамане. По одним из них, Е.И. Пугачев «был выходцем из состоятельной и влиятельной казачьей семьи и, при покровительстве графа К. Разумовского, учился в Берлине, служил в прусской армии, был пажем при дворе Елизаветы, а затем вошел в ближайшее окружение Петра III». Однако «Пугачев “выказал такой буйный и независимый дух, что его оттуда вытеснили”». После этого он якобы скитался по польским и турецким землям, и, в конце

концов, решил поднять бунт. По другой версии, Пугачев был «по происхождению и по сути своей варваром-казаком», который, тем не менее, «обучился грамоте, посещал “колледж” в Москве и воспитывался графом И. Шуваловым. После смерти своего близкого друга Петра III Пугачев бежал на юг, где выдавал себя за чудом выжившего покойного императора». Французские газеты тиражировали не менее причудливые сплетни, будто Пугачев «торжественно уверял, что как только “революция”, которую он задумал, осуществится, сам он удалится в монастырь, чтобы закончить в мире дни, которые сейчас посвящены войне». Апофеозом западного мифотворчества стал литературный казус «венецианского самозванства» Пугачева, известный по книге «Le faux Pierre III ou la vie et les aventures du rebelle Jemeljan Pugatschew» («Ложный Петр III, или Жизнь и приключения бунтовщика Емельяна Пугачева»). Изданная на французском языке по горячим следам событий (1775), она «приобрела необычайную популярность за границей» и вскоре была переведена на немецкий и итальянский языки [13. С. 268–269; 14. С. 386; 15. С. 213–214].

Однако в гротескном сюжете реальный образ народного «царя-батюшки» не получил адекватного звучания. Вместо него в привычном для европейского романтического вкуса ключе Пугачев, словно какой-нибудь Казанова или Калиостро, представлен в виде бесшабашного авантюриста, которому сам черт не брат. Пресытившись злодейскими «подвигами» в своем отечестве, он решил развлекаться и перенес неутомимую деятельность на европейские подмостки. Там Пугачев назвался венецианским графом Занарди и, благодаря обаянию, вскоре стал всеобщим любимцем. Вместе с соратником по шайке – верным другом Боаспре – он путешествовал по разным странам, плетя изысканные интриги в высшем аристократическом обществе. Находясь в Вене, самозванец положил глаз на прекрасную молодую графиню Л. Чтобы добиться ее благосклонности, он присвоил себе «титул и подделал бумаги, утверждавшие его род и богатство». Ясно, что красавица с отцом попались на заманчивую приманку. «Немецкий Граф пленился таким славным приобретением, а более мнимым богатством», которое мнимый Занарди «обещал будущей своей супруге». После заключения брачных уз, казалось, все складывалось как нельзя лучше, Пугачев «обладал любезною женщиною и был любим». Благодаря влиянию тестя при венском дворе «наш титулованный разбойник» был не прочь сделать дипломатическую карьеру. Однако в сюжетную канву вмешался словно бы неумолимый рок в виде ухудшения отношений Австрии и Венецианской республики. Они с «некоторого времени... спорили о владетельных правах», которые обе стороны «присвоили себе»: «Венецианцы, будучи умны и осматрительны в своих делах, за нужное сочли лучше окончить вражду свою полюбовно, нежели предоставить ее счастью оружия». С этой целью в Вену прибыл венецианский посланник, переговоры с которым позволили урегулировать конфликт. Приглашенный по этому поводу «на обед к принцу Л.», он там узнал о блестящей судьбе своего «соотечественника», чью «особу, заслуги и имя» все восхваляли.

С «некоторым удивлением» дипломат подтвердил, что в Венеции действительно были графы Занарди, «но, – как заметил он, – эта фамилия давно перевелась, и едва ли где осталось их имя, кроме Родословной книги». Слова посланника вызвали переполох в столичном бомонде, и испуганное общественное мнение метнулось от одной крайности к другой: «...в Вене распространилась молва, что Пугачев ничто иное, как разбойник, который принял на себя достоинство Графа, чтоб безопаснее производить свое злодейство». К счастью для себя в тот трагический момент он находился в загородном имении тестя. И прежде, чем в графском замке услышали скандальную новость, самозванца уведомил преданный товарищ Боаспре. «Трудно описать все бешенство старого Графа и его дочери», когда они поняли, что оказались жертвами «самого постыдного обмана». Но Пугачев, «обесчестивши благородную кровь», успел избежать «предстоявшей ему опасности». Вовремя узнав о разоблачении, он был «уже близ границ Польши» вне досягаемости графского гнева. Оставшись безнаказанным, он «вскоре вздумал играть роль в лице покойного Императора Петра III» [16. С. 47–53].

Очередным витком «культурного трансфера» стало появление на свет в 1809 г. русского перевода «Ложного Петра III». Однако это был не точный перевод, «а скорее вольный пересказ, иногда далекий от французского оригинала», и Пугачев здесь выступает «в самом непривлекательном виде». Одновременно в той же типографии был издан не имеющий аналогов краткий экстракт французского романа (не русского перевода) в виде небольшой книжки «Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве». Большой по тем временам тираж каждого из изданий (по 1 800 экз.) быстро разошелся по рукам, иллюстрируя их точное попадание в культурный мейнстрим эпохи. Травестийный образ грозного «набеглого царя» соответствовал интеллектуальным чаяниям дворянского сообщества, и в начале XIX в. еще помнившего о пережитых в годину Пугачевщины ужасах [15. С. 216; 17].

Таким образом, казус «венецианского самозванства» Пугачева показал, что «культурный трансфер» концепта «цесарь» / «царь» затронул разные эшелоны в структуре культуры российского и европейского социума. Сначала произошло его заимствование из западного политического лексикона и усвоение нашей политической элитой. Затем через многочисленные формы репрезентации власти он вошел в народную культуру, где его смысловое содержание и внешние формы подверглись реинтерпретации в свете собственного разума, породив яркий феномен российского самозванчества. Изрядно впечатлив современников, он нашел отражение в западноевропейской культурной рефлексии, и через нее, в свою очередь, оказал воздействие на русскую литературу XIX столетия. Но этим дело не закончилось. Живучесть самозванчества в России как исторического явления и литературного сюжета убеждает, что круговорот рассмотренного концепта продолжается и по сию пору, порождая новые тексты, подтексты и контексты, дальнейшее изучение которых может быть более плодотворным при помощи методологии «культурного трансфера».

ЛИТЕРАТУРА

1. Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. Париж, Самарканд : МИЦАИ, 2013. 312 с.
2. Дмитриева Е.Е. Теория культурного трансфера и компаративный метод в гуманитарных исследованиях : оппозиция или преемственность? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 302–313.
3. Лобачева Д.В. Культурный трансфер: определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2010. Вып. 8 (98). С. 23–27.
4. Эспань М. История цивилизаций как культурный трансфер. М. : Новое литературное обозрение, 2018. 816 с.
5. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 6 : Специальные курсы. М. : Мысль, 1989. 476 с.
6. Водов В.А. Замечания о значении титула «царь» применительно к русским князьям в эпоху до середины XV века // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1 : Киевская и Московская Русь. М. : Языки славянской культуры, 2002. С. 506–542.
7. Горский А.А. Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Царь и царство в русском общественном сознании. М. : ИРИ РАН, 1999. С. 17–37.
8. Памятники общественной мысли Древней Руси. Т. 3 : Московская Русь. М. : РОССПЭН, 2010. 720 с.
9. Пчелов Е.В. Рюрик. М. : Молодая гвардия, 2010. 316 [4] с.
10. Костомаров Н.И. Самозванец лже-царевич Симеон // Исторический вестник. 1880. № 1. С. 1–25.
11. Усенко О.Г. Монархическое самозванчество в России XVII–XVIII веков как фронтир // Границы в пространстве прошлого : социальные, культурные, идейные аспекты. Тверь : Изд-во ТвГУ, 2007. Т. 1. С. 19–28.
12. Ключевский В.О. Сочинения в 9 томах. Т. 3: Курс русской истории. М. : Мысль, 1988. Ч. 3. 414 [1] с.
13. Байер Н.Г., Магаков Г.Ю. «Край благородных дикарей»? Представления британской общественности XVIII в. о юге России и его казачьем населении // Британские исследования. Ростов н/Д : Foundation, 2010. Вып. III. С. 250–274.
14. Шаркова И.С. «La Gazette de France» о Крестьянской войне в России под предводительством Е.И. Пугачева // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков : проблемы, поиски, решения. М. : Наука, 1974. С. 380–389.
15. Шаркова И.С. Первое иностранное сочинение о Е.И. Пугачеве // Вопросы истории. 1975. № 7. С. 213–217.
16. Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве. М. : В вольной Типогр. Федора Любиа, 1809. 80 с.
17. Мауль В.Я. Незамеченный источник по истории Пугачевского бунта («Анекдоты о бунтовщике и самозванце Емельке Пугачеве») // Клио. 2014. № 7 (91). С. 25–30.

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2018 г.

The Folk “Myth of the Tsar”: A Cultural Transfer From a “Caesar” to the “Venetian Imposture” of Yemelyan Pugachev

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 147–151.

DOI: 10.17223/15617793/451/19

Viktor Ya. Maul, Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk Affiliate (Nizhnevartovsk, Russian Federation). E-mail: VYMaul@mail.ru

Keywords: cultural transfer; Caesar; tsar; sacralization; “myth of the Tsar”; impostors; Pugachev; “Venetian impostor”.

The article explores the features of “cultural transfer” as a methodology of scientific research. It is shown that the cognitive concept “cultural transfer” appeared in the 1980s in the works of Michel Espagne and Michael Werner. Later, due to its effectiveness, it became widespread in the humanities, including historical science. The article attempts to identify and test the epistemological possibilities of “cultural transfer” to study some important aspects of the Russian historical past. For this purpose, various links of evolution of the Latin concept “Caesar” in the domestic political tradition are considered. It is shown that in ancient times this concept was borrowed by the Roman neighbours as a designation of the supreme ruler. Later it entered our lexicon and was transformed through the Russian “Caesar” into the actual “Tsar”. In the Russian political tradition, primarily in the Moscow period, through numerous forms of representation, this title was sacralized: the Tsar is the anointed of God on earth; God is the Tsar of heaven, the Tsar is the God of the earth. Reinterpreted by folk culture within the framework of the antithesis of true and false tsars, the cult of the monarch formed a stable folk “myth of the Tsar”. Against the background of the crisis of legitimacy of the authorities of the early 17th century and later, the myth gave rise to a string of impostors of a monarchical type; their total number in the 17th–18th centuries reached almost one and a half hundred. Among the impostors, one of the most famous and successful was Yemelyan Pugachev. Under the name of Peter III, he headed the people’s revolt, largest in Russian history. The colourful figure of the self-proclaimed “third Emperor”, who raised and united many thousands of underclass people around him, aroused the enduring interest of Europeans and, in turn, became the object of mythologization. One of its bright fruits in European literature was the case of the “Venetian impostor” Pugachev. Made famous by the book *False Peter III* in French, this case had an impact on the Russian literature of the early 19th century. In 1809 a Russian translation of this book and a short extract in the form of *Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev* were published in Moscow. It is concluded that the methodology of “cultural transfer” allows a better understanding of the features of the Russian political tradition. In particular, it provides an opportunity to successfully identify and analyse the features of the national “myth of the Tsar”, widespread in the real historical past and in the literary process of our country.

REFERENCES

1. International Institute for Central Asian Studies. (2013) *Cultural Transfers in Central Asia: Before, During and After the Silk Road*. Paris, Samarkand: International Institute for Central Asian Studies. (In Russian).
2. Dmitrieva, E.E. (2011) Teoriya kul'turnogo transfera i komparativnyy metod v gumanitarnykh issledovaniyakh: oppozitsiya ili preemstvennost' [The Theory of Cultural Transfer and the Comparative Method in Humanitarian Research: Opposition or Continuity?]. *Voprosy literatury*. 4. pp. 302–313.
3. Lobacheva, D.V. (2010) Cultural Transfer: Definition, Structure and Function in Literary Interactions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 8 (98). pp. 23–27. (In Russian).
4. Espagne, M. (2018) *Istoriya tsivilizatsiy kak kul'turnyy transfer* [The History of Civilizations as a Cultural Transfer]. Translated from French by M.E. Balakireva, A.V. Golubkov, E.E. Dmitrieva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
5. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya v 9 tomakh* [Works in 9 Volumes]. Vol. 6. Moscow: Mysl'.
6. Vodov, V.A. (2002) Zamechaniya o znachenii titula “tsar” primenitel'no k russkim knyaz'yam v epokhu do serediny XV veka [Remarks on the Meaning of the Title “Tsar” as Applied to Russian Princes Until the Middle of the 15th Century]. In: Litvina A.F. & Uspenskiy, F.B. (eds) *Iz istorii russkoy kul'tury* [From the History of Russian Culture]. Vol. II. Book 1. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. pp. 506–542.

7. Gorskiy, A.A. (1999) Predstavleniya o "tsare" i "tsarstve" v srednevekovoy Rusi (do serediny XVI veka) [Representations of the "Tsar" and "Tsardom" in Medieval Russia (Until the Middle of the 16th Century)]. In: Gorskiy, A.A. (ed.) *Tsar' i tsarstvo v russkom obshchestvennom soznanii* [Tsar and Tsardom in Russian Public Consciousness]. Moscow: Institute of Russian History, RAS. pp. 17–37.
8. Danilevskiy, I.N. (2010) *Pamyatniki obshchestvennoy mysli Drevney Rusi* [Monuments of Social Thought of Ancient Rus]. Vol. 3. Moscow: ROSSPEN.
9. Pchelov, E.V. (2010) *Ryurik* [Rurik]. Moscow: Molodaya gvardiya.
10. Kostomarov, N.I. (1880) Samozvanets Izhe-tsarevich Simeon [The Impostor False Tsarevich Simeon]. *Istoricheskiy vestnik*. 1. pp. 1–25.
11. Usenko, O.G. (2007) Monarkhicheskoe samozvanchestvo v Rossii XVII–XVIII vekov kak frontir [Monarchist Imposture in Russia of the 17th – 18th Centuries as a Frontier]. In: Vinnik, A.V. & Malygin, P.D. (eds) *Granitsy v prostranstve proshlogo: sotsial'nye, kul'turnye, ideynye aspekty* [Borders in the Space of the Past: Social, Cultural, Ideological Aspects]. Vol. 1. Tver: Tver State University. pp. 19–28.
12. Klyuchevskiy, V.O. (1988) *Sochineniya v 9 tomakh* [Works in 9 Volumes]. Vol. 3. Pt. 3. Moscow: Mysl'.
13. Bayer, N.G. & Magakov, G.Yu. (2010) "Kray blagorodnykh dikarey"? Predstavleniya britanskoy obshchestvennosti XVIII v. o yuge Rossii i ego kazach'em naselenii ["The Land of Noble Savages"? Representations of the British Public of the 18th Century About the South of Russia and Its Cossack Population]. In: Uznarodov, I.M. (ed.) *Britanskiye issledovaniya* [British Studies]. Is. 3. Rostov-on-Don: Foundation. pp. 250–274.
14. Sharkova, I.S. (1974) "La Gazette de France" o Krest'yanskoy voynе v Rossii pod predvoditel'stvom E.I. Pugacheva ["La Gazette de France" on the Peasant War in Russia Led by Ye.I. Pugachev]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Krest'yanskiye voyny v Rossii XVII–XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant Wars in Russia of the 17th–18th Centuries: Problems, Searches, Solutions]. Moscow: Nauka. pp. 380–389.
15. Sharkova, I.S. (1975) Pervoe inostrannoe sochinenie o E.I. Pugacheve [The First Foreign Work on Ye.I. Pugachev]. *Voprosy istorii*. 7. pp. 213–217.
16. Anon. (1809) *Anekdoty o buntovshchike i samozvantse Emel'ke Pugacheve* [Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev]. Moscow: V vol'noy Tipogr. Fedora Lyubiya.
17. Maul', V.Ya. (2014) Unnoticed Source on the History of Pugachev's Rebellion ("Anecdotes about the Rebel and Impostor Emelka Pugachev"). *Klio*. 7 (91). pp. 25–30. (In Russian).

Received: 08 November 2018

В.А. Родионов, И.Г. Аюшиева

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТИРЫ МОНГОЛИИ ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 2017 г.

*Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-27-03001 ОГН
«Внешние факторы политического процесса в современной Монголии».*

В статье поднимается вопрос о связи между личностью президента Монголии и динамикой ее внешнеполитической стратегии. Обзор деятельности избранного в 2017 г. президентом Монголии Х. Баттулги демонстрирует определенные изменения во внешней политике страны в отношении с Россией, Китаем и «третьим соседом». Однако в силу конституционного устройства Монголии полномочия президента ограничены парламентом и правительством, что затрудняет процесс принятия решений по важным внешнеполитическим вопросам.

Ключевые слова: Монголия; Россия; Китай; президент; внешняя политика.

Вопрос о связи между внутривнутриполитическими событиями в той или иной стране и ее внешнеполитическими ориентирами является одним из часто задаваемых в среде политологов и международных отношений. В концептуальном плане данный вопрос становится предметом для рассмотрения представителей самых различных направлений теории международных отношений. По мнению классика школы политического реализма Х. Моргантау, внешняя политика любого государства определяется его неизменными национальными интересами, которые не зависят от внутривнутриполитических изменений [1]. Для сторонников неомарксистского подхода внешняя по отношению к государству среда (мир-система) детерминирует его внутреннее развитие [2]. Известный российский политолог В.М. Кулагин, опираясь на либеральный подход, наоборот, уверен в строгой детерминированности внешней политики существующим политическим режимом [3]. В череде ожиданий от исхода президентских выборов в США в 2016 г. не последнее место занимал вопрос о будущем американской внешнеполитической стратегии в случае возможной победы Д. Трампа или Х. Клинтон [4, 5]. Сравнивая президентские сроки В.В. Путина и Д.А. Медведева, эксперты выявляют различия между ними с точки зрения сделанных акцентов во внешней политике России [6, 7].

Монголия, расположенная между Россией и Китаем, уже в силу данного обстоятельства традиционно рассматривается в качестве значимой с геополитической точки зрения страной. С начала XX в., когда монголы при поддержке царской России обрели независимость от Цинского державы, образовался региональный треугольник «Россия–Монголия–Китай» [8, 9]. Именно от характера отношений с двумя великими соседями долгое время зависела судьба монгольской государственности. Если северный сосед (устойчивое монгольское наименование России, монг. «умард хөрш») традиционно выступал в качестве главного союзника и защитника суверенитета и независимости Монголии, то со стороны Китая постоянно исходила угроза самостоятельному существованию монгольского государства. Достаточно напомнить о том, что вплоть до 1946 г. Китайская Республика отказывалась признавать независимость Монгольской Народной

Республики (МНР), считая ее частью своей территории. Только под прямым давлением советского руководства президент Китайской Республики Чан Кайши был вынужден пойти на уступки в этом вопросе, установив дипломатические отношения с МНР. В годы обострения отношений между СССР и КНР Улан-Батор также сделал ставку на всесторонний союз с Москвой, опасаясь ревизионистских настроений Мао Цзэдуна, скептически высказывавшегося по поводу монгольского суверенитета.

С распадом СССР и ослаблением позиций России в регионе радикально изменилась геополитическая обстановка. Улан-Батор нормализовал отношения с Пекином, а также установил тесные связи со странами Запада и его азиатскими союзниками (прежде всего, с Японией и Республикой Корея). Данные обстоятельства стали основанием для принятия новой внешнеполитической стратегии Монголии, в основу которой был положен принцип «многоопорности» (монг. «олон тулгуурт»). Не желая связывать себя союзническими обязательствами с какой-либо великой державой, Монголия сделала ставку на партнерские и сбалансированные отношения с основными игроками – Россией и Китаем как географическими соседями, а также группой внерегиональных стран (США, ЕС, Японией, Республикой Корея, Индией, Турцией), обозначенных как «третий сосед» (монг. «гуравдагч хөрш») [10]. В результате вокруг Монголии возникла конкурентная среда, выраженная в соперничестве великих держав за влияние в регионе и доступе к крупным месторождениям полезных ископаемых страны. В этом плане вопрос о внешнеполитических предпочтениях монгольской правящей элиты стал одним из главных повесток внутривнутриполитического процесса в стране.

Согласно действующей конституции Монголии, страна является парламентской республикой. В статье 20 Конституции прописано, что Великий государственный хурал (ВГХ), т.е. парламент страны, является высшим органом государственной власти [11], уполномоченным назначать и снимать премьер-министра и членов правительства (ст. 35) [Там же].

В то же время фигура президента играет не последнюю роль в политической системе страны. Глава

монгольского государства наделен рядом широких полномочий в сфере внешней политики. Согласно конституции Монголии, президент представляет страну во взаимоотношениях с иностранными государствами и по согласованию с парламентом заключает международные договоры, назначает и отзывает глав монгольских посольств в зарубежных странах, является главнокомандующим вооруженными силами страны, возглавляет Совет национальной безопасности (ст. 33) [11]. Ц. Элбэгдорж, занимавший пост президента в течение двух сроков (2009–2017 гг.), запомнился в первую очередь своими инициативами на внешнеполитическом поле. В частности, в 2012 г. при активном участии монгольского президента страна вступила в ОБСЕ [12] и подключилась к индивидуальной партнерской программе НАТО [13]. По инициативе Ц. Элбэгдоржа в Улан-Баторе, начиная с 2014 г., на регулярной основе стала проводиться международная конференция «Улан-Баторский диалог по вопросам безопасности Северо-Восточной Азии» [14]. Наконец, глава монгольского государства добился создания трехстороннего формата переговоров между главами России, Монголии и Китая по вопросу о развитии экономических коридоров [15]. Как результат, фигура президента Ц. Элбэгдоржа стала устойчиво ассоциироваться с активной внешней политикой Монголии.

В июне 2017 г. во время выборов кандидатами в президенты Монголии являлись выдвиженцы от трех парламентских партий: Халтмаагийн Баттулга от Демократической партии (ДП), Миеэгомбын Энхболд от правящей Монгольской народной партии (МНП) и Сайнхуугийн Ганбаатар от Монгольской народной революционной партии (МНРП). По итогам острой борьбы победу одержал Х. Баттулга [16], ставший президентом страны как минимум до 2021 г.

Согласно широко распространенному мнению, внешнеполитические установки и предпочтение Х. Баттулги, декларированные в ходе избирательной кампании, стали одним из факторов его итоговой победы. Прежде всего, стоит отметить, что главный акцент Х. Баттулги был сделан на резкой критике современных отношений Монголии с Китаем. С одной стороны, КНР в последние годы является ключевым внешнеэкономическим партнером Монголии, занимая первое место во торговом обороте страны (63,9%) и в сфере иностранных инвестиций (около 50%) [17. С. 286]. Тысячи монгольских граждан ежегодно посещают Поднебесную с торговыми, образовательными, медицинскими и иными целями. Между Улан-Батором и Пекином установлены отношения в духе стратегического партнерства. С другой стороны, как в силу исторических причин, так и из-за текущих обстоятельств, в Монголии крайне настороженно относятся к своему южному соседу, опасаясь, прежде всего, односторонней экономической зависимости и этнокультурной ассимиляции [18]. Именно страхи монголов в отношении Китая и китайцев активно были использованы сторонниками Х. Баттулги во время предвыборной агитации.

Во-первых, еще за несколько лет до выдвижения в кандидаты в президенты Монголии Х. Баттулга ак-

тивно критиковал проект строительства железной дороги от крупных месторождений полезных ископаемых страны к границе с Китаем по узкоколейному стандарту. По его мнению, это может привести к углублению сырьевой зависимости монгольской экономики от южного соседа и негативно скажется на национальной безопасности [19]. Во-вторых, в ходе кампании активно использовались «обвинения» главного оппонента, кандидата от МНП М. Энхболда, в симпатиях к Китаю и наличию у него китайских корней [20].

Кроме образа антикитайски настроенного политика Х. Баттулга запомнился как кандидат, наиболее дружелюбно расположенный к России. Хотя нельзя сказать, что кто-либо из кандидатов не декларировал необходимость поддержания и развития дружбы с северным соседом, но именно Х. Баттулга самым активным образом эксплуатировал позитивный среди монгольского населения образ России. По данным социологических опросов монгольского фонда «Сант Марал», Россия с большим отрывом лидирует среди стран, названных наиболее желательными внешними партнерами. Так, в 2016 и 2017 гг. на вопрос «Какая из стран является лучшим партнером для Монголии?» Россию назвали 61,1 и 66,6% соответственно. Для сравнения, у Китая получил 1,6 и 0,6%, США 6,8 и 6,5%, Япония 6,3 и 7,3% соответственно [21].

Во-первых, Х. Баттулга был в числе тех монгольских политиков, которые открыто поддержали воссоединение Крыма с Россией весной 2014 г. [22]. Во-вторых, важной частью его предвыборной программы стал тезис о необходимости увеличения торгово-экономических связей с Россией как условия укрепления национальной безопасности страны [23]. На странице агитационной газеты ДП «Ардчилал» крупным планом была размещена фотография с рукопожатием Х. Баттулги и В.В. Путина. Фактом, символически объединяющим Х. Баттулгу с российским президентом, является его увлечение дзюдо. Также немало важными обстоятельствами, маркирующими Х. Баттулгу в качестве пророссийского политика, многими назывались его владение русским языком и слухи о наличии русской жены.

Со дня избрания Х. Баттулги президентом Монголии и до момента написания данной статьи прошло около года. За это время глава государства успел предпринять ряд шагов в области внешней политики, анализ которых позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Свои первые шаги на международной арене президент Х. Баттулга начал с амбициозной инициативы по активизации торгово-экономических отношений с Россией. В августе 2017 г. во время церемонии открытия чемпионата мира по дзюдо в Будапеште он впервые в качестве президента Монголии встретился с В.В. Путиным и анонсировал свое участие в предстоящем в сентябре 2017 г. «Восточном экономическом форуме» во Владивостоке [24]. В ходе работы данного форума Х. Баттулга предложил российской стороне проект транспортировки монгольского угля в Южную Корею и Японию через дальневосточные морские порты России, а также выразил надежду на подписание

Соглашения о свободной торговле между Монголией и Евразийским экономическим союзом [25]. В июне 2018 г. в Улан-Баторе при поддержке монгольского президента была проведена серия мероприятий «Монголо-российская инициатива-2018» с целью усиления торгово-инвестиционного сотрудничества между двумя странами. Кроме того, с актуальной повестки фактически была снята задача строительства Монголией ГЭС на трансграничной реке Селенге и ее притоках, что в последние годы являлось камнем преткновения в российско-монгольских отношениях. Данные действия главы монгольского государства укрепили многих наблюдателей во мнении о намерениях Х. Баттулги проводить внешнеполитический курс, в значительной степени ориентированный на Россию.

Иначе выглядели в первые месяцы президентства Х. Баттулги отношения с КНР. Имидж политика с антикитайской риторикой явно мешал монгольскому президенту установить рабочий контакт с китайскими партнерами. Более того, вскоре после вступления в должность Х. Баттулга в одном из своих интервью жестко раскритиковал позицию правящей МНП, чье правительство под нажимом китайской стороны отказалось в будущем принимать далай-ламу XIV в Монголии [26. С. 156]. В частности, он заявил, что «вопрос о визитах далай-ламы в Монголию является исключительной прерогативой монгольской стороны, и китайская сторона не должна пытаться оказывать давление на Улан-Батор» [27]. Только в начале июня 2018 г. в рамках саммита ШОС в г. Циндао состоялась первая встреча Х. Баттулги и председателя КНР Си Цзиньпина, на которой стороны обсудили перспективы развития трехсторонних экономических коридоров между Россией, Монголией и Китаем.

Помимо отношений с географическими соседями, не менее внимательно экспертное сообщество следит за подходом нового президента к стратегии «третьего соседа». В этом вопросе Х. Баттулге сложно было избежать сравнений со своим предшественником на данном посту Ц. Элбэгдоржем, заслужившим реноме прозападно ориентированного политика. Яркой чертой первого президентского года Х. Баттулги стал его отказ от активной деятельности в рамках глобальных международных организаций. Так, он проигнорировал очередное заседание Всемирного экономического форума в Давосе в 2018 г., участие в котором было регулярным для Ц. Элбэгдоржа. Также монгольский президент не посетил пленарное заседание 72-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Хотя свое неучастие в данных мероприятиях Х. Баттулга объяснил необходимостью сосредоточиться на внутренних проблемах страны, данный факт можно расценить и как отход от стратегии Ц. Элбэгдоржа, который использовал площадки этих глобальных организаций для позиционирования Монголии в качестве либеральной демократической страны.

Еще одним отступлением от линии Ц. Элбэгдоржа стало фактическое свергивание новой администрацией президента работы по продвижению Закона о придании Монголии статуса постоянного нейтралитета. Проект этого закона, разработанный по инициативе Ц. Элбэгдоржа, предполагал предание Монголии

официального статуса нейтральной страны, не вступающей в какие-либо военно-политические союзы и организации. Данный законопроект вызвал неоднозначную реакцию со стороны России и Китая. В частности, бывший посол России в Монголии В.В. Самойленко в своей статье, посвященной этой теме, подверг сомнению целесообразность принятия такого закона: «Что изменилось в мире и в регионе и поставило под сомнение стратегическую стабильность, обеспечиваемую благоприятными для Монголии интеграционными процессами в Азии? Какие новые угрозы и вызовы увидели в Улан-Баторе, нейтралитет между кем и кем там хотят себе обеспечить?» [28].

Инициативой, формально не связанной с внешней политикой, стала идея Х. Баттулги вернуть закон о смертной казни, отмененной в свое время по инициативе Ц. Элбэгдоржа. Отмена смертной казни считалась одной из главных заслуг прежнего президента и была позитивно отмечена на Западе, рассматривающем этот шаг как важный атрибут демократического развития Монголии. В связи с чем идея Х. Баттулги была расценена западными организациями и экспертами в качестве отхода от демократических ценностей. Так, международная правозащитная организация «Amnesty International» в своем отчете о положении прав граждан в Монголии в 2017 г. отдельно отметила в качестве негативного момента законопроект о восстановлении в стране смертной казни [29].

В целом первый год президентства Х. Баттулги стал не самым результативным с точки зрения развития отношений Монголии с «третьим соседом» и ее позиционирования в качестве «единственной демократии в регионе», о чем так активно заботился Ц. Элбэгдорж.

Наконец, еще одним из потенциальных поворотов во внешнеполитическом курсе Монголии может быть рассмотрена инициатива Х. Баттулги по вопросу о возможном вступлении страны в ШОС. С 2004 г. и по настоящее время Монголия обладает статусом постоянного наблюдателя в этой организации. Россия и Китай, как структурообразующие члены ШОС, традиционно выступают за предоставление Монголии постоянного членства. Однако в самой Монголии на протяжении многих лет вопрос о перспективах смены этого статуса на статус полноправного члена является предметом для острых общественных дискуссий. Например, президент Ц. Элбэгдорж неоднократно подчеркивал необходимость сохранения Монголией статуса постоянного наблюдателя в ШОС. На этом фоне фраза, произнесенная Х. Баттулгой в мае 2018 г. на Монгольском экономическом форуме о «целесообразности повысить статус Монголии в ШОС», прозвучала как гром среди ясного неба и спровоцировала очередную волну споров [30]. Показательна в этом плане реакция представителей западного экспертного сообщества. Немецкий политолог Д. Диркис вместе с монгольским экспертом М. Жаргалсайханом прямым текстом выразили свой скепсис по этому поводу, сославшись на «авторитарный характер» ШОС, членство в которой для Монголии как «единственной демократической страны в регионе» не целесообразно [31]. Сторонники вступления Монголии в ШОС за-

остряют внимание на потенциале экономического сотрудничества страны с членами данной организации, и прежде всего с Россией и Китаем [32, 33].

Таким образом, вышеописанное позволяет сделать вывод о довольно явственной попытке президента Х. Баттулги отойти от внешнеполитической линии своего предшественника на этом посту и наметить новые приоритеты. В то же время не стоит забывать, что Монголия остается парламентской республикой, где основная роль отводится законодательной ветви власти и формируемому ей правительству. Соответственно, глава монгольского государства весьма ограничен в своих полномочиях реализовывать внешнеэкономические задачи, на которых основываются коренные интересы страны. Кроме того, многие внешнеполитические инициативы Х. Баттулги могут разбиться о стену противодействия со стороны оппо-

зиционного ему парламента и правительства. Например, окончательное решение по вопросу о присоединении Монголии к той или иной международной организации (например, ШОС) остается прерогативой парламента. К тому же экономическая модель Монголии, основывающаяся на экспорте полезных ископаемых (главным образом, в Китай), предполагает, прежде всего, тесное сотрудничество с южным соседом и активное привлечение инвесторов из западных стран («третьего соседа») к разработке крупных месторождений угля, меди, золота, железной руды и др. Все это требует от Улан-Батора активного сотрудничества со всеми основными игроками в регионе, не отдавая особого приоритета кому-то одному. Как следствие, кардинальных перемен во внешнеполитической стратегии Монголии с приходом к власти Х. Баттулги вряд ли стоит ожидать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Morgenthau H. Politics among nations. The struggle for power and peace. New York, 1948. 515 p.
2. Валлерстайн И. Мир-системный анализ // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макро социологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н.С. Розова. Новосибирск, 1998. Вып. 1. С. 105–123.
3. Кулагин В.М. Режимный фактор во внешней политике постсоветских государств // Полис. Политические исследования. 2004. № 1. С. 115–124.
4. Тренин Д. На западном направлении: политика РФ после выборов президента США. URL: <http://carnegie.ru/2016/12/07/ru-pub-66357> (дата обращения: 30.06.2018).
5. Урбан М. Как изменится внешняя политика США после выборов? URL: <https://www.bbc.com/russian/features-37897856> (дата обращения: 30.06.2018).
6. Зыгарь М. Медведев и Путин проводят разную внешнюю политику // Русский Newsweek. 21.12.2009.
7. Рцхиладзе Г. Медведев и Путин: конкуренция различных идеологий? URL: <http://politforumi.com/rus/929/medvedevi-da-putini--gansxvavebul-ideologiata> (дата обращения: 30.06.2018).
8. Железняков А.С. Россия в монгольском треугольнике // Политический журнал. 2004. № 8. С. 42–44.
9. Лузянин С.Г. Россия, Монголия, Китай в первой половине XX в. М. : Изд-во Ин-та Дальнего Востока РАН, 2003. 320 с.
10. Монгол улсын гадаад бодлогын үзэл баримтлал (Концепция внешней политики Монголии: принята 10 февраля 2011 года) // Официальный сайт Министерства иностранных дел Монголии. URL: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=25999 (дата обращения: 30.06.2018).
11. Конституция Монголии: принята 13 января 1992 года, вступила в силу 12 февраля 1992 года. URL: <http://worldconstitutions.ru/?p=33> (дата обращения: 30.06.2018).
12. Монголия вступила в ОБСЕ. URL: <http://ru.rfi.fr/v-mire/20121121-mongoliya-vstupila-v-obse> (дата обращения: 30.06.2018).
13. NATO and Mongolia agree programme of cooperation. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85430.htm (дата обращения: 30.06.2018).
14. Ulaanbaatar Dialogue. URL: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue> (дата обращения: 30.06.2018).
15. Ц. Элбэгдорж: «Монголия уделяет особое внимание Программе создания экономического коридора». URL: http://news.mongolnow.com/12_06_a01.html (дата обращения: 30.06.2018).
16. Монгол Улсын Ерөнхийлөгчийн 2017 оны сонгуулийн 2 дахь санал хураалтын дүн (Результаты голосования 2-го тура выборов Президента Монголии 2017 г.). URL: <http://gec.gov.mn/details/2188> (дата обращения: 30.06.2018).
17. Монголын улсын статистикийн эмхтгэл 2017 (Статистический сборник Монголии 2017). Улаанбаатар, 2018. 451 с.
18. Терентьев В.И. Образы Китая и китайцев в национальном самосознании монголов // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 152–157.
19. Төмөр замын дайн (Железнодорожная война) // Өнөөдөр. 26.07.2014.
20. Х. Баттулгын ялалт хийгээд М. Энхболдын ялагдлын шалтгаан (Причины победы Х. Баттулги и поражения М. Энхболда). URL: <http://www.photonews.mn/post/26694.html> (дата обращения: 30.06.2018).
21. Sant Maral Foundation. URL: <http://www.santmaral.mn/en/publications> (дата обращения: 30.06.2018).
22. Халтмаа Баттулга: «Монголия поддерживает итоги референдума в Крыму». URL: <http://www.unuudur.com/?p=28322> (дата обращения: 30.06.2018).
23. Ардчилсан Намаас нэр дэвшигч Х. Баттулгын мөрийн хөтөлбөр (Программа кандидата от Демократической партии Х. Баттулги). URL: <http://gec.gov.mn/details/2137> (дата обращения: 30.06.2018).
24. Владимир Путин встретился с Президентом Монголии Халтмагийн Баттулгой. URL: http://news.mongolnow.com/29_08_a01.html (дата обращения: 30.06.2018).
25. Восточный порт в Приморье уже готов принимать монгольский уголь ИТАР-ТАСС, 05.09.2017. URL: <http://tass.ru/transport/4532128> (дата обращения: 30.06.2018).
26. Родионов В.А. Фактор Далай-ламы XIV в современных монголо-китайских отношениях // Власть. 2017. № 9. С. 153–157.
27. “Х. Баттулга: Би Хятадын эсрэг үзэлтэн биш. Харин...” (Х. Баттулга: Я не против Китая, но...). URL: <http://itoim.mn/index.php/site/news/10541> (дата обращения: 30.06.2018).
28. Самойленко В.В. Нейтралитет: актуальная потребность или рудимент прошлого?. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/neytralitet-aktualnaya-potrebnoost-ili-rudiment-proshlogo/> (дата обращения: 30.06.2018).
29. Report: Mongolia 2017/2018. URL: <https://www.amnesty.org/en/countries/asia-and-the-pacific/mongolia/report-mongolia/> (дата обращения: 30.06.2018).
30. Ерөнхийлөгч Х.Баттулга «ШХАБ-ын хэтийн төлөв: Монгол улсын оролцоо» хэлэлцүүлэгт оролцов Президент Х. Баттулга принял участие в дискуссии «Перспективы ШОС: участие Монголии». URL: <http://montsame.mn/read/91208> (дата обращения: 30.06.2018).
31. Jargalsaikhan M., Dierkes D. Mongolia doesn't need to join the SCO. URL: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2018/mongolia-sco-qingdao-membership/> (дата обращения: 30.06.2018).

32. Ж. Баясах: ШХАБ-д элсэх нь гуравдагч хөршийн бодлогод нөлөөлөхгүй, АНУ дэмжсэн (Ж. Баясах: вступление в ШОС не повлияет на политику третьего соседа и США поддержали нас). URL: <http://itoim.mn/article/3eBBU/13103> (дата обращения: 30.06.2018).
33. Л. Эрдэнэчулуун: Монгол Улс ШХАБ-д элсэх цаг нь болсон (Настало время Монголии вступить в ШОС). URL: <http://gereg.mn/news/22597/> (дата обращения: 30.06.2018).

Статья представлена научной редакцией «История» 8 ноября 2018 г.

Mongolia's Foreign Policy Guidelines After the Presidential Election of 2017

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 152–157.

DOI: 10.17223/15617793/451/20

Vladimir A. Rodionov, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vladimir_198025@mail.ru

Irina G. Ayushieva, Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: aig1973@mail.ru

Keywords: Mongolia; Russia; China; president; foreign policy.

The main aim of the article is to identify the connection between the results of the presidential election in Mongolia held in 2017 and possible changes in its foreign policy. The research sources in the study are Mongolian laws on foreign policy, the materials of the presidential campaign of 2017, official speeches and documents of President Khaltmaagiin Battulga on foreign policy, statistical data on Mongolia, and experts' evaluation of the Mongolian President's foreign policy activities. Located between Russia and China, Mongolia is the object of close attention not only from its geographic neighbours, but also from non-regional states referred to as “the third neighbour”. That is why the foreign policy of Mongolia has traditionally been an important part of its development strategy. One of the main roles in the process of determining Mongolia's foreign policy strategy belongs to the president. Democratic Party candidate Battulga won the 2017 election. All his steps in the field of foreign policy can be divided into three main areas. Firstly, the new president of Mongolia has established himself as a supporter of improving relations with Russia, primarily through the intensification of trade and economic cooperation and active personal diplomacy towards the Russian side. Secondly, Battulga had a difficult time to build cooperation with the southern neighbour of Mongolia for his election campaign was full of criticism of China. Thirdly, Battulga made some correctives in the strategy of relations with “the third neighbour”. For example, he rejected an active participation in global international events (e.g., the World Economic Forum in Davos) and was indifferent to the idea of “permanent neutrality” of Mongolia. Perhaps the most serious foreign policy initiative of the new president of Mongolia was the idea of joining the Shanghai Cooperation Organization as a permanent member. This idea has caused serious political discussions in the country, dividing the expert network into supporters and opponents of the president's initiative. The authors believe that despite certain changes in Mongolia's foreign policy under President Battulga, it is difficult to talk about a radical turn in the foreign policy strategy. Due to political and legal reasons, as well as the external conditions of social and economic development of Mongolia, the president is not able to change the main foundations and principles of foreign policy of the state formed in the post-socialist period.

REFERENCES

1. Morgenthau, H. (1948) *Politics Among Nations. The Struggle for Power and Peace*. New York: Alfred A. Knopf.
2. Wallerstein, I. (1998) Miro-sistemnyy analiz [World-Systems Analysis]. Translated from English. In: Rozov, N.S. (ed.) *Vremya mira. Al'manakh sovremennykh issledovaniy po teoreticheskoy istorii, makrosotsiologii, geopolitike, analizu mirovyykh sistem i tsivilizatsiy* [World Time. Almanac of Modern Research on Theoretical History, Macro-Sociology, Geopolitics, Analysis of World Systems and Civilizations]. Is. 1. Novosibirsk: Sibirskiy khronograf. pp. 105–123.
3. Kulagin, V.M. (2004) Rezhimnyy faktor vo vneshney politike postsovetikh gosudarstv [Regime Factor in the Foreign Policy of Post-Soviet States]. *Polis. Politicheskie issledovaniya – Polis. Political Studies*. 1. pp. 115–124.
4. Trenin, D. (2016) *Na zapadnom napravlenii: politika RF posle vyborov prezidenta SShA* [In the Western Direction: The Policy of the Russian Federation After the US Presidential Election]. [Online] Available from: <http://carnegie.ru/2016/12/07/ru-pub-66357>. (Accessed: 30.06.2018).
5. Urban, M. (2016) *Kak izmenitsya vneshnyaya politika SShA posle vyborov?* [How Will the US Foreign Policy Change After the Election?]. [Online] Available from: <https://www.bbc.com/russian/features-37897856>. (Accessed: 30.06.2018).
6. Zygar', M. (2009) Medvedev i Putin provodyat raznyuyu vneshnyuyu politiku [Medvedev and Putin Pursue Different Foreign Policies]. *Russkiy Newsweek*. 21 December.
7. Rtskhiladze, G. (n.d.) *Medvedev i Putin: konkurensiya razlichnykh ideologiy?* [Medvedev and Putin: A Competition of Different Ideologies?]. [Online] Available from: <http://politforumi.com/rus/929/medvedevi-da-putini-gansxvavebul-ideologiyata>. (Accessed: 30.06.2018).
8. Zheleznyakov, A.S. (2004) Rossiya v mongol'skom treugol'nike [Russia in the Mongolian Triangle]. *Politicheskiy zhurnal*. 8. pp. 42–44.
9. Luzyanin, S.G. (2003) *Rossiya, Mongoliya, Kitay v pervoy polovine XX v.* [Russia, Mongolia, China in the First Half of the Twentieth Century]. Moscow: Institute of the Far East, RAS.
10. Ministry of Foreign Affairs of Mongolia. (2011) *Mongolia's Foreign Policy Concept: Adopted on February 10, 2011*. [Online] Available from: http://www.mfa.gov.mn/?page_id=25999. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
11. Worldconstitutions.ru. (1992) *Konstitutsiya Mongolii: prinyata 13 yanvarya 1992 goda, vstupila v silu 12 fevralya 1992 goda* [Constitution of Mongolia: Adopted on January 13, 1992, Entered Into Force on February 12, 1992]. [Online] Available from: <http://worldconstitutions.ru/?p=33>. (Accessed: 30.06.2018).
12. Ru.rfi.fr. (2012) *Mongoliya vstupila v OBSE* [Mongolia Joined the OSCE]. [Online] Available from: <http://ru.rfi.fr/v-mire/20121121-mongoliya-vstupila-v-obse>. (Accessed: 30.06.2018).
13. NATO. (2012) *NATO and Mongolia agree programme of cooperation*. [Online] Available from: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_85430.htm. (Accessed: 30.06.2018).
14. UN. (2013) *Ulaanbaatar Dialogue*. [Online] Available from: <https://www.un.int/mongolia/mongolia/ulaanbaatar-dialogue>. (Accessed: 30.06.2018).
15. Mongolnow.com. (2017) *Ts. Elbegdorj: “Mongoliya udelyaet osoboe vnimanie Programme sozdaniya ekonomicheskogo koridora”* [Tsakhiagiin Elbegdorj: “Mongolia Pays Special Attention to the Economic Corridor Program”]. [Online] Available from: http://news.mongolnow.com/12_06_a01.html. (Accessed: 30.06.2018).
16. General Election Commission of Mongolia. (2017) *Results of Voting in the 2nd Round of the Mongolia Presidential Election 2017*. [Online] Available from: <http://gec.gov.mn/details/2188>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
17. National Statistics Office of Mongolia. (2018) *Statistical Collection of Mongolia 2017*. Ulaanbaatar: National Statistics Office of Mongolia.
18. Terent'ev, V.I. (2016) Images of China and the Chinese in Mongolian National Mentality. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 406. pp. 152–157. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/406/24
19. *Önөөдөр*. (2014) Төмөр замын дайн [Railway War]. 26 July. (In Mongolian).

20. Photo News. (2017) *Reasons for the Victory of Kh. Battulga and the Defeat of M. Enkhbold*. [Online] Available from: <http://www.photonews.mn/post/26694.html>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
21. *Sant Maral Foundation*. [Online] Available from: <http://www.santmaral.mn/en/publications>. (Accessed: 30.06.2018).
22. Unuudur.com. (2014) *Khaltmaa Battulga: "Mongoliya podderzhivaet itogi referendum v Krymu"* [Khaltmaagiin Battulga: "Mongolia Supports the Results of the Referendum in the Crimea"]. [Online] Available from: <http://www.unuudur.com/?p=28322>. (Accessed: 30.06.2018).
23. Gec.gov.mn. (2017) *Program of the Candidate From the Democratic Party Kh. Battulga*. [Online] Available from: <http://gec.gov.mn/details/2137>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
24. Mongolnow.com. (2017) *Vladimir Putin vstretilsya s Prezidentom Mongolii Khaltmagiyn Battulgoy* [Vladimir Putin Met With President of Mongolia Khaltmaagiin Battulga]. [Online] Available from: http://news.mongolnow.com/29_08_a01.html. (Accessed: 30.06.2018).
25. ITAR-TASS. (2017) *Vostochnyy port v Primor'e uzhe gotov prinitat' mongol'skiy ugol'* [The Eastern Port in Primorye Is Already Ready to Accept Mongolian Coal]. 05 September. [Online] Available from: <http://tass.ru/transport/4532128>. (Accessed: 30.06.2018).
26. Rodionov, V.A. (2017) The Dalai Lama 14th Factor in Contemporary Mongolia-China Relationship. *Vlast' – Authority*. 9. pp. 153–157. (In Russian).
27. Itoim.mn. (2017) *Kh. Battulga: I Am Not Against China, but...* [Online] Available from: [Online] Available from: <http://itoim.mn/index.php/site/news/10541>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
28. Samoylenko, V.V. (2015) *Neytralitet: aktual'naya potrebnost' ili rudiment proshlogo?* [Neutrality: A Current Need or a Rudiment of the Past?]. [Online] Available from: <https://mgimo.ru/about/news/experts/neytralitet-aktualnaya-potrebnost-ili-rudiment-proshlogo/>. (Accessed: 30.06.2018).
29. Amnesty.org. (2018) *Report: Mongolia 2017/2018*. [Online] Available from: <https://www.amnesty.org/en/countries/asia-and-the-pacific/mongolia/report-mongolia/>. (Accessed: 30.06.2018).
30. Montsame.mn. (2018) *President Battulga Took Part in the Discussion "SCO Prospects: Mongolia's Participation"*. [Online] Available from: <http://montsame.mn/read/91208>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
31. Jargalsaikhan, M. & Dierkes, D. (2018) *Mongolia Doesn't Need to Join the SCO*. [Online] Available from: <http://blogs.ubc.ca/mongolia/2018/mongolia-sco-qingdao-membership/>. (Accessed: 30.06.2018).
32. Itoim.mn. (2018) *J. Bayasakh: Joining the SCO Will Not Affect the Policy of the Third Neighbor, and the USA Supported Us*. [Online] Available from: <http://itoim.mn/article/3eBBU/13103>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).
33. Gereg.mn. (2018) *L. Erdenechuluun: It Is Time for Mongolia to Join the SCO*. [Online] Available from: <http://gereg.mn/news/22597/>. (Accessed: 30.06.2018). (In Mongolian).

Received: 08 November 2018

Т.Л. Соколова

АНТИАЛКОГОЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В СССР В ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Анализируются исследования, посвященные антиалкогольной кампании и борьбе с пьянством и алкоголизмом в советском обществе во второй половине 1980-х гг. Рассматривается содержание монографий, диссертационных исследований, научных статей, посвященных антиалкогольной политике, выделяются основные проблемы, затронутые в исследованиях. Сделан вывод, что антиалкогольная кампания второй половины 1980-х гг. в настоящее время остается недостаточно изученной.

Ключевые слова: антиалкогольная кампания; перестройка; СССР; историография.

Одним из критериев цивилизованности общества является рациональная алкогольная политика, учитывающая народные традиции и обычаи потребления алкоголя и активно формирующая негативное отношение к пьянству. Проблема употребления алкогольных напитков всегда была актуальной для значительной части населения России на протяжении многих столетий. Актуальна она, к сожалению, и в настоящее время. В истории Российского государства можно привести ряд примеров, когда государственная политика была нацелена на борьбу с пьянством. Только на протяжении XX столетия в российской истории имели место две широкомасштабные антиалкогольные кампании. Речь идет о кампаниях времен Первой мировой войны и антиалкогольной кампании периода перестройки 1985–1991 гг. В данной статье предпринята попытка провести историографический обзор антиалкогольной кампании времен перестройки советского общества второй половины 1980-х гг.

В 1985 г. советское правительство берет курс на перестройку общества. В само понятие «перестройка» в документах этого времени не вкладывался тот смысл, с которым они стали ассоциироваться позднее [1]. Антиалкогольная кампания стала первой широко-вещательной акцией нового курса, принятого советским руководством в мае 1985 г. Нельзя сказать, что данная кампания принесла исключительно негативные результаты – только за шесть-семь лет кампания сэкономила около миллиона российских жизней. Однако командно-административная по своей природе, эта антиалкогольная акция не могла выполнить главной задачи – стабильно снизить потребление спиртного. Экстремизм же антиалкогольных мероприятий привел к тому, что на этот раз население ответило невиданным по единодушию протестом. И главным в этом сопротивлении был стремительный рост самогеноварения, несмотря на усиление репрессивных мер. Вместе с тем власти не только существенно и за короткий срок снизили потребление спиртных напитков в стране, но впервые собственноручно и притом значительно сократили алкогольную статью доходов бюджета, всегда немалую на протяжении столетий.

Интерес к «алкогольной» проблематике в России периодически то вспыхивает, то затухает. Во многом причиной тому выступает политическая конъюнктура. Но неизменным остается одно – осознание как политической элитой, так и научным сообществом

того неоспоримого факта, что чрезмерное употребление алкоголя несет в себе большое количество негативных социальных, экономических и политико-правовых последствий. В этой связи обращение к последнему «полусухому» закону в СССР представляется важным не только с точки зрения исследовательского интереса, но и в прагматическом плане.

Необходимо отметить тот факт, что и в СССР научной общественностью неоднократно предпринимались попытки обратить внимание властей и общества на проблемы пьянства и алкоголизма. Резкое наступление на алкоголь, предпринятое руководством страны в мае 1985 г., было не случайным. Высшая партийно-государственная элита страны была хорошо информирована о нарастающих губительных последствиях широкого распространения пьянства среди советских граждан.

Исследуемая тема имеет междисциплинарный характер и охватывает теоретические положения отечественной истории, философии, политологии, социологии, психологии, медицины и ряда других наук. В данной статье рассматриваются исследования, авторы которых анализируют антиалкогольную кампанию как комплексное явление, оказавшее в той или иной степени влияние на все сферы жизни советского общества.

Антиалкогольная кампания, начавшаяся с майских постановлений 1985 г., практически сразу же нашла отклик в периодической печати, в научных кругах. Одно за другим появляются исследования, посвященные проблемам алкоголизма во всех его проявлениях. Среди такого рода исследований можно выделить работы Г.Г. Заиграева, В.А. Константиновского «Пьянство: меры борьбы и профилактики» [2], Т.С. Протко «В борьбе за трезвость: Страницы истории» [3], С.Ф. Терехина «В фокусе конкретного факта: Правда и ложь о хмельных напитках» [4] и др. Указанные работы носили конъюнктурный и идеологический характер. Авторы исследований доказывали, что в СССР нет социальных корней для пьянства и алкоголизма, развенчивали мифы об историческом «русском пьянстве», вели пропаганду трезвого образа жизни.

В 1990-е гг. появились первые коллективные работы, в которых была сделана попытка профессионально проанализировать общественно-политическую жизнь страны, систематизировать наиболее важные

события рассматриваемого периода [5–10]. Наиболее заметными исследованиями стали работы историков А.С. Барсенкова [11], М.К. Горшкова [12], В.И. Жукова [13], Р.Г. Пихои [14, 15], В.В. Согрина [16], И.Я. Фроянова [17], в которых в систематизированном виде изложены наиболее важные события общественно-политической жизни страны в исследуемый период. В перечисленных исследованиях антиалкогольной кампании не уделяется особого внимания, она рассматривается в общем контексте перестроечных процессов.

Важно отметить, что проблемам перестройки в целом и отдельным ее сюжетам в частности посвящено значительное количество публикаций, но в 1990-е гг. источниковая база и подходы в исследовании находились в процессе становления ввиду малой временной отдаленности событий и были отягощены проявлениями методологического кризиса общественных наук; при плюрализме подходов часто имелось пристрастное отношение к периоду. Лишь с 2000-х гг. начинается более объективное изучение проблем перестройки.

В последние десятилетия вышло значительное количество как научных, так и научно-популярных трудов, посвященных истории «питейного дела» в России, в которых рассматриваются история спиртных напитков, культура винопития, государственная политика в винной отрасли и многие другие аспекты данной проблемы [18, 19]. Хронологические рамки исследований охватывают период начиная с Древней Руси по настоящее время. Антиалкогольная кампания 1985 г. в указанных исследованиях рассматривается в русле советской антиалкогольной государственной политики как наиболее решительное наступление государства на этот социальный недуг. Авторы перечисляют принятые меры, анализируют в основном экономические и социальные последствия кампании.

Среди исследований, посвященных проблеме алкоголизации населения и борьбы с последней, посвящено исследование А.В. Немцова «Алкогольная история России: Новейший период» [20]. Приоритетным научным направлением А.В. Немцова является эпидемиология алкогольных проблем в России. Немцов является автором трех монографий и более 40 статей на русском и английском языках, посвященных проблеме алкоголизации населения в России и ее последствиям [21]. Монография «Алкогольная история России: Новейший период» является одной из первых попыток в отечественной историографии систематизации и осмысления истории антиалкогольных кампаний в России со второй половины XX в. до начала 2000-х гг. В своем исследовании автор на первое место выдвигает актуальность оценки алкогольной ситуации в стране и размеров человеческих потерь в связи с алкоголем. В книге поэтапно описаны события и явления, связанные с потреблением алкоголя в России на фоне политических и социальных процессов в стране. Особое внимание в исследовании уделено предыстории, истории и последствиям антиалкогольной кампании 1985 г., как наиболее существенной попытке со стороны государства решить этот наболевший вопрос. Автор, являясь практикующим вра-

чом, собрал и обобщил статистические данные, наглядно представляющие динамику алкогольной ситуации в стране: потребление алкоголя на душу населения, смертность населения вследствие употребления алкоголя и т.д. Немцов в своей монографии сосредотачивается прежде всего на анализе проблемы, разработка способов решения алкогольных проблем, даже теоретическая, по мнению автора, выходит далеко за пределы возможностей исследователей, так как решение этих насущных проблем невозможно без решения более широких социально-экономических «болезней» нашей страны. По мнению А.В. Немцова, попытка административно-командного решения алкогольных проблем во второй половине 1980-х гг. привела к провалу кампании.

В изучении антиалкогольных кампаний важное место занимает анализ нормативно-правовой базы. В статье А.В. Гаплыкова проведена попытка рассмотреть историю развития законодательства по борьбе с алкоголизмом в СССР, выделить положительные результаты антиалкогольных кампаний [22]. В монографии А.Г. Кирющенко и Ф.Н. Петровой рассматривается антиалкогольное законодательство в СССР с 1917 по 1991 г., анализируется зарубежный опыт правового регулирования производства, сбыта и потребления алкогольной продукции [23]. Авторы исследования приходят к выводу, что антиалкогольные меры правительства середины 1980-х гг. во многом оказались неэффективными, так как были приняты без подготовки реальной опоры на общественное мнение, без учета возможной реакции на их практическую реализацию.

Среди исследований, посвященных проблеме алкоголизма в России, следует выделить ряд работ, авторы которых стремятся выделить основные тенденции антиалкогольной политики государства, анализируют положительные и негативные последствия антиалкогольной кампании середины 1980-х гг. [24].

В статье А.В. Николаева «Антиалкогольные кампании XX века в России» [25] основное внимание уделяется опыту борьбы с алкоголизмом в первой половине XX в. Антиалкогольная кампания 1985 г. рассматривается как очередная попытка государства решить проблему пьянства, ставшую особенно актуальной начиная с 1970-х гг. В статье перечислены главные направления по борьбе с алкоголизмом и приведены основные результаты. Среди положительных результатов антиалкогольных мероприятий автор выделяет уменьшение количества преступлений на почве пьянства, сокращение продажи спиртных напитков, увеличение продолжительности жизни, снижение производственного травматизма и дорожно-транспортных происшествий. В целом, опираясь на исторический опыт, автор приходит к выводу, что борьба с пьянством и алкоголизмом не должна сводиться к единовременным акциям, а должна представлять собой длительную кропотливую работу, направленную на воспитание здорового образа жизни.

В статье социолога Г.Г. Заиграева рассматривается ситуация с употреблением алкоголя в России в 1990-е гг. Особое внимание автор уделяет причинам алкоголизации населения, среди которых в первую очередь

выделяет ошибочную политику государства по регулированию продажи алкоголя во второй половине XX в. [26]. Рассматривая результаты антиалкогольной кампании 1985–1987 гг., Заиграев приходит к выводу, что при сохранении у населения высокого спроса на спиртные напитки любые насильственные действия, запреты и принуждения с целью преодоления пьянства и утверждения трезвости неизбежно вызывают эффект обратного действия, оборачиваются еще большим обострением алкогольной обстановки. Как следствие, главным итогом кампании стало образование в стране качественно новой алкогольной ситуации, более трудной в плане возможного решения проблемы в будущем.

В 2011 г. в журнале «Вестник архивиста» вышла статья С.В. Богданова, Ю.С. Богдановой и В.П. Пашина «Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР по советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ» [27]. Авторы статьи предприняли попытку сопоставить оценку происшедших в Советском Союзе событий, связанных с реализацией антиалкогольной кампании в СССР в 1985–1987 гг., разведслужбой США и их отражением в различных советских источниках. Основными источниками для написания статьи послужили два рассекреченных доклада ЦРУ, посвященных антиалкогольной кампании середины 1980-х гг.: «Горбачевская кампания против алкоголя» и «Нелегальная экономика при Горбачеве: рост и воздействие». Авторы анализируют данные, приведенные в докладах ЦРУ, и по возможности сопоставляют их со статистическими данными, извлеченными из советских архивов: динамика потребления алкоголя, случаи нарушения трудовой дисциплины, производственные травмы, статистика преступности и многое другое. В результате исследования авторы приходят к выводу, что сопоставление выводов аналитиков ЦРУ и архивных документов советского периода не оставляет сомнений в том, что американская разведслужба в целом в оценках оказалась не далека от реального положения дел, несмотря на строжайшую секретность статистической информации, касающейся, например, преступлений и правонарушений и в СССР.

Среди исследований, посвященных антиалкогольной кампании середины 1980-х гг., можно выделить ряд статей, в которых рассматриваются отдельные сюжеты проблемы. В статье М.Г. Гвоздева уделяется внимание изучению центральных периодических медицинских изданий, теоретическим и идеологическим воззрениям советских медиков в сфере социальной гигиены, проводится анализ деятельности обществ борьбы за трезвость [28].

В отдельную группу исследований следует выделить работы, посвященные особенностям проведения антиалкогольной кампании в отдельно взятых регионах. В статьях Ю.С. Богдановой [29], С.Н. Фокиной [30, 31], Г.С. Шабалина [32], С.Н. Уварова [33], А.С. Ващук, Л.А. Крушановой [34], Г.А. Буданова [35] анализируется региональный вариант реализации кампании по борьбе с пьянством и алкоголизмом в 1985–1987 гг. Авторы называют причины проведения антиалкогольной кампании, раскрывают содержание кампании на материалах исследуемых регионов, подводят итоги и выделяются последствия кампании как для страны в целом, так и для отдельно взятых регионов на примерах Оренбургской, Челябинской и Мурманской, Вологодской областей, Дальневосточного региона. Частично особенности антиалкогольной кампании в отдельно взятом регионе рассматриваются в диссертационных исследованиях, посвященных социальному развитию того или иного региона во второй половине 1980-х гг. [36, 37].

Среди региональных исследований выделяются статьи С.Н. Уварова, в которых рассмотрено влияние антиалкогольной кампании М.С. Горбачева на этнодемографические процессы на материалах Удмуртии [38, 39]. Используя значительный пласт статистического материала, автор приходит к выводу о том, что борьба с пьянством, и особенно с самогонварением, привела к значительному сокращению смертности русских, удмуртов и татар, проживающих в Удмуртии. Сильнее всего она сократилась в сельской местности, и в наибольшей степени – у удмуртов-мужчин. Причиной тому, по мнению автора, послужило резкое сокращение потребления самогона.

Комплексный анализ научной литературы свидетельствует, что в целом антиалкогольная кампания периода перестройки советского общества второй половины 1980-х гг. в настоящее время остается малоизученной. Анализ литературы показывает, что антиалкогольная кампания получила некоторое отражение в ряде исследований, в основном посвященных изменениям в общественно-политической и социальной жизни страны изучаемого периода. Однако целостной концепции влияния антиалкогольной политики на все сферы жизни общества и населения в рассматриваемый период, на наш взгляд, к настоящему времени еще не сложилось. Среди перечисленных работ, в той или иной степени затрагивающих исследуемую проблематику, имеются публикации регионального характера, однако они затрагивают отдельные регионы, не выстраивая целостной картины, и не позволяют провести аналогии с большинством регионов страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова Т.Л. Понятия «перестройка», «демократизация», «гласность» в материалах региональной печати 1985–1991 годов // Вопросы территориального развития. 2015. № 5. URL: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1503>
2. Заиграев Г.Г., Константиновский, В.А. Пьянство: меры борьбы и профилактики. М. : Юрид. лит., 1985. 387 с.
3. Протьюко Т.С. В борьбе за трезвость: Страницы истории. Минск : Наука и техника, 1988. 162 с.
4. Терехин С.Ф. В фокусе конкретного факта: Правда и ложь о хмельных напитках. Минск : Наука и техника, 1988. 116 с.
5. Согрин В.В. Политическая история современной России, 1985–1994: от Горбачева до Ельцина. М. : Прогресс; Академия, 1994. 192 с.
6. Несокрушимая и легендарная в огне политических баталий (1985–1993) / под ред. М. Горшкова, В. Журавлева. М. : Терра, 1994. 465 с.

7. Политическая история: Россия – СССР – Российская Федерация: в 2 т. / под ред. С.В. Кулешова, О.В. Волобуева и др. М. : Terra, 1996. Т. 1. 656 с.; Т. 2. 720 с.
8. Реформирование России: мифы и реальность. М. : Academia, 1994. 384 с.
9. Россия: новый этап либеральных реформ. М. : Наука, 1997. 348 с.
10. Россия у критической черты: возрождение или катастрофа / общ. ред. Г.В. Осипова, В.К. Левашова, В.В. Локосова. М. : Республика, 1997. 425 с.
11. Барсенков А.С. Реформы Горбачева и судьба союзного государства 1985–1991. М. : Изд-во МГУ, 2001. 364 с.
12. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (Социологический анализ). М. : РОССПЭН, 2000. 384 с.
13. Жуков В.И. Реформы в России. 1985–1995 гг. М. : Союз, 1997. 416 с.
14. Пихоя Р. Москва, Кремль. Власть. Две истории одной страны. Россия на изломе тысячелетий 1985–2005. М. : Русь-Олимп; Астрель; АСТ, 2007. 560 с.
15. Пихоя Р.Г. Советский Союз: История власти. 1945–1991. М. : Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
16. Согрин В.В. Политическая история современной России. 1985–2001: от Горбачева до Путина. М. : ИНФРА-М; Весь Мир, 2001. 260 с.
17. Фроянов И.Я. Погружение в бездну. Россия на исходе XX века. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 1999. 800 с.
18. Курукин И.В. Государство кабацкое дело: Очерки питейной политики и традиций России. М. : АСТ; ЛЮКС, 2005. 382 с.
19. Николаев А.В. Русское пьянство: от традиции к политике. Тольятти : Тольяттинский гос. ун-т сервиса, 2007. 151 с.
20. Немцов А.В. Алкогольная история России: Новейший период. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 320 с.
21. Немцов А.В. Смертность до и после антиалкогольной кампании // Демоскоп Weekly. 2013. № 567–568. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0567/tema04.php>
22. Галыков А.В. К истории развития законодательства о борьбе с алкоголизмом в СССР // Советское государство и право. 1989. № 2. С. 117.
23. Кирущенко А.Г., Петрова Ф.Н. Антиалкогольная правовая политика и антиалкогольное законодательство Советского государства: уроки истории и пути совершенствования. СПб. : СПб. ун-т МВД РФ, 1998. 114 с.
24. Магомедов Р.Р., Фокина С.Н. Антиалкогольная кампания М.С. Горбачева: ее положительные и негативные последствия для страны // Российская история в начале XXI века: опыт, проблемы, перспективы : междунар. науч.-практ. конф. Оренбург, 13–14 мая 2014 г. : сб. ст. / науч. ред. Д.А. Сафонов. Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2014. С. 206–208.
25. Николаев А.В. Антиалкогольные кампании XX века в России // Вопросы истории. 2008. № 11. С. 67–78.
26. Заиграев Г.Г. Государственная политика как фактор алкоголизации населения // Социологические исследования. 1997. № 4. С. 109–116.
27. Богданов С.В., Богданова Ю.С., Пашин В.П. Антиалкогольная кампания 1985–1987 гг. в СССР по советским архивным документам и рассекреченным материалам ЦРУ // Вестник архивиста. 2011. № 4. С. 182–194.
28. Гвоздев М.Г. К вопросу об антиалкогольной кампании в период перестройки: медики и общественные организации // Общество: философия, история, культура. 2016. № 10. С. 28–31.
29. Богданова Ю.С. Советская антиалкогольная политика 1980-х гг. (на материалах Челябинской области) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки. 2016. Т. 16, № 2. С. 115–118.
30. Фокина С.Н. Антиалкогольная политика в СССР во второй половине 1980-х гг. и ее реализация (на примере Оренбургской области) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 190–198.
31. Фокина С.Н. Причины введения и основные результаты антиалкогольной кампании Советского государства второй половины 1980-х годов на территории Челябинской области // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2015. Т. 21, № 4. С. 53–56.
32. Шабалин Г.С. Рабочая молодежь Мурманской области и антиалкогольная кампания в период перестройки (1985–1991) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 2. С. 108–114.
33. Уваров С.Н. Причины, проведение и результаты антиалкогольной кампании 1985–1988 гг. на Урале // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета: электронный научный журнал. 2016. № 1 (17). С. 180–189. URL: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016
34. Вашук А.С., Крушанова Л.А. Антиалкогольная политика в СССР в годы перестройки и ее последствия в дальневосточном регионе // Россия и АТР. 2014. № 4 (86). С. 32–44.
35. Буданов Г.А. Из истории борьбы против пьянства и алкоголизма в крае // Вологодское краеведение, его научные и воспитательные задачи. II краеведческая научно-практическая конференция : тез. докл. и сообщений. Вологда, 1989. С. 18–20.
36. Григорьева Л.И. Социальное развитие Иркутской области (вторая половина 80-х гг. – первая половина 90-х гг. XX века). Исторический аспект : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2009. 326 с.
37. Астафьева О.А. Социальная политика в Вологодской области: 1985–1999 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 2005. 243 с.
38. Уваров С.Н. Антиалкогольная кампания М.С. Горбачева в Удмуртии: этнодемографический аспект // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2016. № 3. (19). С. 132–143.
39. Доронина С.А., Уваров С.Н., Фадеев С.В. Снижение смертности населения в результате антиалкогольной кампании М.С. Горбачева (на примере Удмуртии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 11–1 (61). С. 56–58.

Статья представлена научной редакцией «История» 23 января 2020 г.

The Anti-Alcohol Campaign in the USSR in the Perestroika Years: The Historiography of the Problem

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 158–163.

DOI: 10.17223/15617793/451/21

Tatiana L. Sokolova, Vologda Institute of Law and Economics (Vologda, Russian Federation). E-mail: taniavol@yandex.ru

Keywords: The anti-alcohol campaign, perestroika, Soviet historiography.

The problem of alcohol consumption has been relevant for a large part of the population of Russia for many centuries. In the history of the Russian state, one can find some examples when the government policy was aimed at combating alcoholism. This article discusses research in which the authors analyse the anti-alcohol campaign of 1985 as a complex phenomenon that to varying degrees had an impact on all spheres of life of the Soviet society. The author of the article analyses articles and monographs that consider the anti-alcohol campaign of 1985 both on the materials of individual regions and the country as a whole. In the course of the study, the works of Soviet authors were studied, which proved that there were no social roots for drunkenness and alcoholism in the USSR, debunked myths about the historical “Russian drunkenness”, and propagated a sober way of life. The research focuses on both scientific and popular scientific works published in recent decades on the history of the “drinking business” in Russia, which discuss the history of alcoholic drinks, the culture of wine drinking, the state policy in the wine industry and many other aspects of this problem. The 1985 anti-alcohol campaign in these studies is analysed in the mainstream of Soviet anti-alcohol public policy as the nation’s most determined attack against this social ailment. The authors list the measures taken, analyse mainly the economic and social con-

sequences of the campaign. Particular attention is paid to A.V. Nemtsov's monograph *The Alcohol History of Russia: The Newest Period*, which is one of the first attempts in the domestic historiography of systematization and comprehension of the history of anti-alcohol campaigns in Russia from the second half of the twentieth century to the early 2000s. The study stages the events and phenomena associated with the consumption of alcohol in Russia against the background of political and social processes in the country. Nemtsov pays special attention to the prehistory, history and consequences of the 1985 anti-alcohol campaign as the most significant attempt on the part of the state to resolve this painful issue. In this study, the author analyses several dozens of articles on the problems of anti-alcohol legislation, alcohol policy of the state, on the positive and negative consequences of the campaign of the mid-1980s both in the centre and in the regions. The author uses system-structural and historical-comparative methods along with general scientific methods of analysis, synthesis, etc. in the study. As a result, the author came to the following conclusions. Firstly, a comprehensive analysis of scientific literature indicates that, in general, the 1985 anti-alcohol campaign remains poorly understood. Secondly, in the author's opinion, the integral concept of the influence of alcohol policy on all spheres of people's life in the period under review has not yet been developed.

REFERENCES

- Sokolova, T.L. (2015) Meaning of the Terms "Perestroika", "Democratization" and "Glasnost" in Regional Press 1985–1991. *Voprosy territorial'nogo razvitiya – Territorial Development Issues*. 5. [Online] Available from: <http://vtr.isert-ran.ru/article/1503>
- Zaigraev, G.G. & Konstantinovskiy, V.A. (1985) *P'yanstvo: mery bor'by i profilaktiki* [Drunkness: Control and Prevention Measures]. Moscow: Yurid. lit.
- Prot'ko, T.S. (1988) *V bor'be za trezvost': Stranitsy istorii* [In the Struggle for Sobriety: Pages of History]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Terekhin, S.F. (1988) *V fokuse konkretnogo fakta: Pravda i lozh' o khmel'nykh napitkakh* [Focus on a Specific Fact: The Truth and Falsehood of Intoxicating Drinks]. Minsk: Nauka i tekhnika.
- Sogrin, V.V. (1994) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii, 1985–1994: ot Gorbacheva do El'tsina* [The Political History of Modern Russia, 1985–1994: From Gorbachev to Yeltsin]. Moscow: Progress; Akademiya.
- Gorshkov, M. & Zhuravlev, V. (eds) (1994) *Nesokrushimaya i legendarnaya v ogne politicheskikh bataliy (1985–1993)* [The Indestructible and Legendary in the Fire of Political Battles (1985–1993)]. Moscow: Terra.
- Kuleshov, S.V. et al. (eds) (1996) *Politicheskaya istoriya: Rossiya – SSSR – Rossiyskaya Federatsiya: v 2 t.* [Political History: Russia–USSR–Russian Federation: In 2 Volumes]. Moscow: Terra.
- Osipov, G.V. (ed.) (1994) *Reformirovanie Rossii: mify i real'nost'* [Reformation of Russia: Myths and Reality]. Moscow: Academia.
- Simonov, K. et al. (1997) *Rossiya: novyy etap liberal'nykh reform* [Russia: A New Stage of Liberal Reforms]. Moscow: Nauka.
- Osipova, G.V., Levashova, V.K. & Lokosova, V.V. (eds) (1997) *Rossiya u kriticheskoy cherty: vozrozhdenie ili katastrofa* [Russia at a Critical Point: Revival or Catastrophe]. Moscow: Respublika.
- Barsenkov, A.S. (2001) *Reformy Gorbacheva i sud'ba soyuznogo gosudarstva 1985–1991* [Gorbachev's Reforms and the Fate of the Union State 1985–1991]. Moscow: Moscow State University.
- Gorshkov, M.K. (2000) *Rossiyskoe obshchestvo v usloviyakh transformatsii (Sotsiologicheskii analiz)* [Russian Society in the Conditions of Transformation (Sociological Analysis)]. Moscow: ROSSPEN.
- Zhukov, V.I. (1997) *Reformy v Rossii. 1985–1995 gg.* [Reforms in Russia. 1985–1995]. Moscow: Soyuz.
- Pikhoya, R. (2007) *Moskva, Kreml'. Vlast'. Dve istorii odnoy strany. Rossiya na izlome tysyacheletiy 1985–2005* [Moscow, the Kremlin. Power. Two Stories of One Country. Russia at the Turn of the Millennium, 1985–2005]. Moscow: Rus'-Olimp; Astrel'; AST.
- Pikhoya, R.G. (1998) *Sovetskiiy Soyuz: Istoriya vlasti. 1945–1991* [Soviet Union: A History of Power. 1945–1991]. Moscow: Izd-vo RAGS.
- Sogrin, V.V. (2001) *Politicheskaya istoriya sovremennoy Rossii. 1985–2001: ot Gorbacheva do Putina* [The Political History of Modern Russia. 1985–2001: From Gorbachev to Putin]. Moscow: INFRA-M; Ves' Mir.
- Froyanov, I.Ya. (1999) *Pogruzhenie v bezdnu. Rossiya na iskhode XX veka* [Immersion in the Abyss. Russia at the End of the Twentieth Century]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
- Kurukin, I.V. (2005) *Gosudarevo kabatskoe delo: Ocherki piteynoy politiki i traditsiy Rossii* [The Sovereign's Tavern Business: Essays on the Drinking Policy and Traditions of Russia]. Moscow: AST; LYUKS.
- Nikolaev, A.V. (2007) *Russkoe p'yanstvo: ot traditsii k politike* [Russian Drunkness: From Tradition to Politics]. Togliatti: Togliatti State University of Service.
- Nemtsov, A.V. (2009) *Alkogol'naya istoriya Rossii: Noveyshiyy period* [The Alcohol History of Russia: The Latest Period]. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
- Nemtsov, A.V. (2013) Smertnost' do i posle antialkogol'noy kampanii [Mortality Before and After the Anti-Alcohol Campaign]. *Demoskop Weekly*. 567–568. [Online] Available from: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0567/tema04.php>.
- Gaplykov, A.V. (1989) K istorii razvitiya zakonodatel'stva o bor'be s alkogolizmom v SSSR [On the History of the Development of Legislation on the Fight Against Alcoholism in the USSR]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 2.
- Kiryushchenko, A.G. & Petrova, F.N. (1998) *Antialkogol'naya pravovaya politika i antialkogol'noe zakonodatel'stvo Sovetskogo gosudarstva: uroki istorii i puti sovershenstvovaniya* [Anti-Alcohol Legal Policy and Anti-Alcohol Legislation of the Soviet State: Lessons from History and Ways of Improvement]. St. Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation.
- Magomedov, R.R. & Fokina, S.N. (2014) [M.S. Gorbachev's Anti-Alcohol Campaign: Its Positive and Negative Consequences for the Country]. *Rossiyskaya istoriya v nachale XXI veka: opyt, problemy, perspektivy* [Russian History at the Beginning of the 21st Century: Experience, Problems, Prospects]. Proceedings of the International Conference. Orenburg. 13–14 May 2014. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. pp. 206–208. (In Russian).
- Nikolaev, A.V. (2008) Antialkogol'nye kampanii KhKh veka v Rossii [Anti-Alcohol Campaigns of the Twentieth Century in Russia]. *Voprosy istorii*. 11. pp. 67–78.
- Zaigraev, G.G. (1997) Gosudarstvennaya politika kak faktor alkogolizatsii naseleniya [State Policy as a Factor in the Alcoholization of the Population]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 4. pp. 109–116.
- Bogdanov, S.V., Bogdanova, Yu.S. & Pashin, V.P. (2011) Antialkogol'naya kampaniya 1985–1987 gg. v SSSR po sovetskim arkhivnym dokumentam i rasskrechennym materialam TsRU [The Anti-Alcohol Campaign of 1985–1987 in the USSR According to Soviet Archival Documents and Declassified CIA Materials]. *Vestnik arkhivista*. 4. pp. 182–194.
- Gvozdev, M.G. (2016) Concerning the Anti-Alcohol Campaign of Perestroika: Medics and Social Organizations. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 10. pp. 28–31. (In Russian).
- Bogdanova, Yu.S. (2016) Soviet Antialcoholic Policy of the 1980th (Based on Materials of Chelyabinsk Region). *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Sotsial'no-gumanitarnye nauki – Bulletin of the South Ural State University. Humanities and Social Sciences*. 16 (2). pp. 115–118. (In Russian). DOI: 10.14529/ssh160218
- Fokina, S.N. (2016) Soviet anti-alcohol policy in late 1980s and its implementation in Orenburg region. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 1 (17). pp. 190–198. (In Russian).

31. Fokina, S.N. (2015) The Reasons for the Introduction and the Main Results of the Anti-Alcohol Campaign of the Soviet State in the Second Half of 1980s in the Territory of Chelyabinsk Region. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova – Vestnik of Kostroma State University*. 21 (4). pp. 53–56. (In Russian).
32. Shabalin, G.S. (2015) The Young Workers and the Anti-Drinking Campaign of the Perestroika Era (1985-1991) in Murmansk Region. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4 (2). pp. 108–114. (In Russian).
33. Uvarov, S.N. (2016) Causes, Conducting and Results of the Anti-Alcohol Campaign of 1985–1988 in the Urals. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 1 (17). pp. 180–189. [Online] Available from: http://vestospu.ru/archive/2016/articles/20_17_2016. (In Russian).
34. Vashchuk, A.S. & Krushanova, L.A. (2014) Anti-Alcohol Policy in the USSR in the Period of Perestroika and Its Consequences in the Far East. *Rossiia i ATR – Russia and the Pacific*. 4 (86). pp. 32–44. (In Russian).
35. Budanov, G.A. (1989) [From the History of the Struggle Against Drunkenness and Alcoholism in the Region]. *Vologodskoe kraevedenie, ego nauchnye i vospitatel'nye zadachi* [Vologda Local History, Its Scientific and Educational Tasks]. Abstracts of the II Local History Conference. Vologda: [s.n.]. pp. 18–20. (In Russian).
36. Grigor'eva, L.I. (2009) *Sotsial'noe razvitiie Irkutskoy oblasti (vtoraya polovina 80-kh gg. – pervaya polovina 90-kh gg. XX veka). Istoricheskiy aspekt* [Social Development of Irkutsk Oblast (Second Half of the 1980s – First Half of the 1990s). A Historical Aspect]. History Cand. Diss. Irkutsk.
37. Astaf'eva, O.A. (2005) *Sotsial'naya politika v Vologogradskoy oblasti: 1985–1999 gg.* [Social Policy in Volograd Oblast: 1985–1999]. History Cand. Diss. Volograd.
38. Uvarov, S.N. (2016) The Anti-Alcohol Campaign of M. Gorbachev in Udmurtia: Ethnodemographical Aspect. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*. 3. (19). pp. 132–143. (In Russian).
39. Doronina, S.A., Uvarov, S.N. & Fadeev, S.V. (2015) Decrease in Population's Mortality as a Result of M.S. Gorbachev's Anti-Alcohol Campaign (By the Example of Udmurtia). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 11–1 (61). pp. 56–58. (In Russian).

Received: 23 January 2020

Н.В. Трубникова

В ПОИСКАХ НОВОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ: «КРИЗИС ИСТОРИИ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ КОНТЕКСТОВ

Статья посвящена проблеме «кризиса истории», теоретической рамкой которого определяется содержание всех полемики исторической науки последней четверти века. Автор переносит акценты дискуссии с характерных клише, риторических заострений и коммуникативных стратегий исторической науки, сложившихся в XX в. и исчерпавших себя в описании бесчисленных «поворотов» краткосрочных интеллектуальных поветрий, на рассмотрение иных междисциплинарных контекстов, определяющих логику развития современного гуманитарного, и шире, общенаучного знания.

Ключевые понятия: кризис истории; смена парадигм; «движение Анналов»; современная теория социального мира; модели научного объяснения; коммуникативная стратегия; методологический плюрализм.

На рубеже второго и третьего тысячелетий нашей эры теоретическая рамка современных историков прочно устоялась вокруг понятия «кризиса истории», оставаясь непревзойденной по сей день. В историографической традиции, близкой социальной истории в духе французских «Анналов», уже сформированы и почти канонически проговариваются этапы этого сложного пути, пройденного исторической наукой, прежде чем она попала в западню современного «кризиса».

Сначала, на излете 1920-х гг., авангард исторической науки преодолевал «кризис» традиционной, уже институционально сложившейся истории, упрекая предшественников в том, что они не интегрировали в свой исследовательский опыт революционно важные достижения наук о природе, не постигли принципа относительности. Эта критика так называемой позитивистской историографии была не совсем справедливой, ведь исторически невозможно синхронизировать пространство научной информации так, чтобы чужеродные идеи, родившиеся в отнюдь не родственной сфере, стремительно и повсеместно усваивались. Серьезные мировоззренческие сдвиги, как известно, требуют времени и смены научных поколений. Однако запрос на инновацию и междисциплинарность, затмившую прежний культ сурового ученичества и скромной архивной работы (практика, отработанная «методической школой» XIX в. почти до автоматизма), стал базовой ценностью всех коммуникативных стратегий историков последующей эпохи. В наиболее концентрированном виде эта стратегия дискредитации предшественников как «наивных», не осознавших всеобщие закономерности, недостаточно современных смоделирована блестящим полемистом Люсьеном Февром, который вел самые бескомпромиссные «бои за историю» [1].

Социальная история максимально расширила предмет изучения материальной и идейной жизни прошлого, усиливающаяся фрагментация тематического поля вкупе с проведенной Фернаном Броделем декомпозицией исторического времени безудержно размыкала границы исторического исследования. Историки, в силу специфики профессии, если верить доводам Клода Леви-Стросса, замкнутые «в непрозрачности бесформенного описания» и неспособные к теоретизированию, заимствуют и применяют (часто

не вникая в концептуальные нюансы) модели соседних социальных наук, лучше интегрированных в повестку современности. Чаще всего в XX в. объектом подобной «концептуальной контрабанды» для историков выступала теоретическая социология [2], по определению обязанная обеспечивать другие науки базовым пониманием законов социального мира.

В 1970-х гг. социально ориентированная историческая наука постепенно выходит из фазы своего триумфа, погружаясь в лавину широкой междисциплинарной критики. Успешно, на взгляд самих создателей и их многочисленных читателей, адаптируя к истории теоретические модели, созданные в рамках структурной антропологии, культурной антропологии, разных версий социологии, психологии, экономической теории, впоследствии историки были вынуждены вступать в полемику, которая если и не обрушила, то доказала некоторую логическую и эмпирическую ограниченность всех научных метанарративов социальных наук послевоенного времени. К 1990-м гг. процесс безудержного дробления тематического поля истории, достиг, видимо, пределов своего естественного расширения, поскольку почти перестали появляться новые внутридисциплинарные специализации с яркими заголовками и большими амбициями, характерными еще пару десятилетий назад для проектов «Новой истории». Достаточно вспомнить сакраментальное высказывание от Э. Ле Руа Ладюри: «Историк завтрашнего дня будет программистом, или его не будет больше» [3. Р. 13–14].

С 1990-х гг. историки усвоили также значительно более скромную тональность в отношении собственных теоретических заявлений, которые теперь преподносятся, скорее, не как предвидение или обязательный к выполнению план, но как результаты долговременной научной программы. Последним ярким риторическим всплеском стал «Критический поворот», объявленный в обращениях редакции «Анналов» в 1988 г. и 1989 г. в попытке интегрировать наследие «Анналов» до эпохи «Новой истории» в современные методологические поиски [4, 5]. Однако и этот поворот после неожиданного ухода из жизни его идейного вдохновителя Бернара Лепти не привел к существенному обновлению профессиональных практик [6, 7]. С тех пор историки в основном не используют прежнюю «революционную» стратегию выступ-

лений под знаком инновации, теоретической искренности и претензий на всеохватное значение. По иронии судьбы, как прозорливо отметил Жерар Нуарьель, адепты «лингвистического поворота» использовали именно этот тип продвижения в дискуссии, присвоив себе право выступать под лозунгом прогресса и от имени всех теорий, когда-либо повествующих о языке, чтобы «опрокинуть» научные претензии социальной истории [8. Р. 129]. Таким образом, риторический этос, когда-то положенный в основу «золотой легенды об Анналах», в соответствии с которой два революционных профессора преодолевали косность и консерватизм академического истеблишмента, завел саму устоявшуюся традицию социальной истории в явный методологический тупик.

В этих новых условиях менее претенциозная и более сдержанная тональность рассуждений о будущем исторической науки еще не привела к решительному пересмотру основных вех развития научной исторической мысли, последняя из которых и определяется пока непревзойденным «кризисом истории». В настоящее время большинство историков (включая, несомненно, и автора этой статьи), не чуждых обобщениям, встали на путь прагматичного наблюдения, описывая изгибы исследовательских путей современной историографии.

Если проанализировать самым поверхностным образом динамику идейных зигзагов современной историографии, формируется довольно противоречивое представление о том, что, несмотря на неотменный диагноз «кризиса», рассматриваемая сфера почти одновременно переживает лингвистический, герменевтический, антропологический, пространственный, культурный, семиотический, антисемиотический, иконический, переводческий и еще несколько поворотов, каждый из которых, подкрепленный именами корифеев социальной теории, как правило, объявляется последним, и потому наиболее судьбоносным витком развития гуманитарных наук. Однако решающего парадигмального сдвига не происходит, и рефлексия о теоретических основах исторического знания так и ограничивается рамками отдельных, зачастую конкурирующих и несводимых к общему знаменателю методологий исследования, венчаемых короной пресловутого «кризиса».

И лишь малое количество исследователей расценивает сложившуюся историографическую ситуацию скорее как определенную «болезнь роста», которая будет преодолена на основе изучения собственной дисциплинарной памяти и проблем профессиональной идентичности. Например, Жерар Нуарьель анализирует в нашумевшей монографии «О кризисе истории» [Ibid.] основные этапы развития «ремесла историка» как процесс вызревания (в куновском смысле) научной парадигмы в истории (в которой момент «школы Анналов» является выражением ее зрелости, а отнюдь не начала) и приходит к выводу о том, что выход из кризиса может быть достигнута за счет консолидации историков вокруг базовых и самых прагматических оснований «ремесла историка». Эта перспектива складывается из нескольких императивов: перенести дискуссии с рассуждений об эпистемоло-

гических основаниях знания на другие аспекты исследования; развивая междисциплинарность, необходимо доказывать на языке своей науки полезность произведенных заимствований; создавать коллективные проекты, привлекая различных специалистов; создавая новые общности и провозглашая манифесты, четко проговаривать всю последовательность необходимых действий – не только «что делать?», но и «как делать?» [8. Р. 191–202]. Автор снискал много критики в свой адрес, часть которой сводилась к очевидному выводу о том, что призыв сплотиться на основе самых консервативных практик оттолкнет большую часть профессионального сообщества, склонных применять новое, другие рецензенты отмечали слишком «франкоцентричный» характер проведенного рассуждения [9]. Тем не менее такого рода прогнозы допускают, что временный «анабиоз» теоретической рефлексии об историческом познании мог бы закончиться становлением новой макротеории, которая непротиворечиво объединит все разрозненные фрагменты в новое научное, но не догматическое мировоззрение.

В действительности кризис самосознания историки переживают почему-то значительно острее, чем практики других социальных наук. Открытие языковой природы научного дискурса не заставило метаться в тенетах перманентного кризиса несколько десятилетий ни философов, ни социологов, ни экономистов, ни психологов, ни, тем более, лингвистов. Эпистемологию неустранимо двойственной субъективно-объективной природы исторического познания очень педагогично объяснил Поль Рикер [10], однако невосприимчивость к его аргументам, особенно в англо-американской историографии, свидетельствует об избирательных и неполных информационных обменах в современной глобализующейся академической среде, даже если речь идет о признанных корифеях современной гуманитарной мысли.

В науках, имеющих более выраженный теоретический профиль, чем история, современное состояние методологического плюрализма, характерное ныне не только для гуманитарных наук, но и для наук вообще, представляется естественным и не влечет за собой значимой девальвации профессиональных оснований.

Известный социолог современности Жан-Клод Пассерон призывает рассматривать историю (и все социальные науки, имеющие неустранимое историческое измерение) не как кумулятивное знание, но как сосуществование и преемственность многих «теоретических языков описания», в дискурсивном пространстве которых даже самые формализованные доказательства есть все равно акты интерпретации [11. Р. 94].

Однако сама по себе констатация «нормальности» методологического плюрализма современной науки, как правило, не приводит к поиску общей типологической базы и «родового» основания разноречивых исследовательских практик, чаще всего исследователи не считают нужным показывать границы применения, терминологические рамки и дедуктивно-логические предпосылки различных подходов. Даже самые известные историки, имеющие смелость выступать с программными заявлениями, неверно фор-

мулируют свои базовые теоретические основания. Так, Филипп Кэрррд, проводя с позиций постструктурализма литературоведческий анализ текстов французских историков, убедительно показывает, что те совершенно неверно теоретически формулируют, с одной стороны, и воплощают – с другой, нарративную природу исторического сочинения. Литературная модель «вторых Анналов», демонстративно выбравших «неповествовательные» формы истории, фактически лишь заменила, на примере Броделя, «время Короля» на «время Моря». Средиземноморье, как квазиперсонаж, оказался не менее интригующим и драматически действующим персонажем, чем отдельная историческая личность, и фактически история у Броделя, как и современная глобальная история, сохранила свою сознательно отрицаемую повествовательную форму [12. Р. 73–74]. Сочинения Поля Вейна, провозглашающего авторский произвол и приверженность рассказу как неотъемлемой форме исторического повествования, напротив, фактически лишены литературной повествовательности и интриги, ограничиваясь созданием «метаисторических» панорам, сгруппированных вокруг одного предмета рассуждения [Ibid. Р. 100].

Ряд историков, увлеченных постмодернистской перспективой «лингвистического поворота», рассуждающего об «истории как рассказе», призывают коллег, не порвавших с перспективой научности исторического метода, к профессиональной эвтаназии ради ничем не скованного авторского вдохновения и индивидуального самовыражения, фактически подменяя принцип объективности научного познания «принципом удовольствия».

Вышеназванные примеры бессознательного или сознательного искажения теоретических основ исторического исследования затрудняют формирование базового эпистемологического консенсуса, без которого невозможны ни плодотворные научные дискуссии, ни выполнение историками своей «социальной функции», состоящей в работе по гармонизации исторического сознания общества.

Поскольку сложившийся и признанный самоочевидным алгоритм развития доминирующей традиции историописания демонстрирует свою несостоятельность и неизбежное ощущение «замкнутого круга», необходимо сформировать другую перспективу восприятия, исходящую от осознания иных закономерностей произошедшего, положенных в основу другого типологического основания.

Это намерение поддерживается и «онтологическим поворотом» современной социологической мысли, переносящей акценты с нарративной природы исследования на отражение опыта объективно существующей реальности [13]. В теории социального мира создано несколько известных типологий гуманитарной научной мысли (включая, например, многопарадигматическую социологию Джорджа Ритцера [14]), которые выстроены на основе представлений эпистемологии – науки о конкурентном взаимодействии научных парадигм, где решающим аргументом идейного превосходства нередко становятся экстранаучные обстоятельства. Любое научное знание, таким образом, при-

нимает локальный исторический характер, а исследовательские программы базируются на несопоставимых друг с другом теоретических основаниях, имеют свои нормативные логические стандарты, собственные типы научного описания, объяснения и доказательности.

Выдвинем гипотезу о том, что применение такого рода «многопарадигмальных» концепций будет уместным и корректным применительно к практикам социальной истории, интеллектуально привязанной к тем же основным поворотам социальной мысли и академическим контекстам, что и сама социология.

Если посмотреть на историографическое производство, идейно или институционально связанное с «Анналами», в перспективе поиска нового адекватного ранжирования их опыта, не связанного с традиционным проблемно-хронологическим изложением, то среди концепций «парадигмальности» гуманитарной мысли наиболее уместным представляется применение типологии российского методолога И.Ф. Девятко. Она подразделяет все главенствующие направления социологической мысли по типу применяемого научного объяснения как интерпретативную, натуралистическую, функционалистскую и структуралистскую парадигмы [15]. Каждый из этих четырех типов, неизменно возвращающихся в актуальные тренды на новом витке развития в процессе смены идейной конъюнктуры, базируются на общих эпистемах (в понимании Мишеля Фуко), свойственных определенным эпохам, применяются иногда как осознанный теоретический конструкт, а иногда – сугубо интуитивно.

Анализ, проведенный автором данной статьи на материалах французской историографии, позволяет сделать предварительный вывод о поступательно-возвратном характере развития исторической науки, связанной с «Анналами», в которой, на первый взгляд, все рассмотренные конфигурации исторической мысли непротиворечиво соотносятся с предложенной типологией. Историки разделяют общие тенденции развития социальной и гуманитарной мысли, даже если делают это интуитивно. Если идея о диалектическом возвращении каждой из четырех парадигм верна, то коммуникативная стратегия продвижения своего типа исследования под знаком концептуальной новизны и дискредитация оппонентов за консерватизм и отсутствие универсалистских амбиций (проект Люсьена Февра) является архаичным и стереотипом продвижения исследований.

Что же мы наблюдаем? Самым распространенным типом описания и объяснения исторического прошлого является сейчас интерпретативная парадигма, которая основана на изучении одного человека другим, со всем вниманием к уникальным чертам индивидуального опыта. Это тот тип историописания, за который ратовали неокантианцы, пытаясь противостоять наплыву сциентизма, но также он характеризует творчество историков методической школы и Шарля Сеньобоса, надолго ставшего, с легкой руки Люсьена Февра, карикатурным олицетворением традиционной истории. В 1980-х гг. интерпретативная парадигма возвращается в обновленном виде, ассоциируемая с «уликовой парадигмой» Карло Гинзбурга [16], модой

на микроисторию и стили письма, заимствованные из культурной антропологии Клиффорда Гирца [17].

Другой – натуралистический – тип научного объяснения утверждается в историографии в форме социальной истории, начиная с 1910-х гг. В этом типе исторического моделирования ученые стремятся применять в отношении общественной жизни законы «больших чисел», математические способы аргументации, разделяя позитивистское представление о едином научном методе, подчиняющем себе все многообразие объективной реальности. Этот тип научного объяснения характерен для мощной и всецело оправдавшей себя в практике исторических исследований школы квантитативной истории Эрнеста Лабрусса, наиболее последовательно из историков реализовавшего расчеты и прогнозы экономиста и социолога Франсуа Симиана [18]. Но ровно тот же тип научного объяснения, только использующего несколько иные доказательства и рассматривающего более высокий уровень макроисторического обобщения мы можем обнаружить в истории климата, в клиометрике, а в 2010-х гг. в подъеме экологической истории, и даже в истории антропоцена, приобретающей ныне с помощью современных компьютерных технологий невиданный доселе размах исторического синтеза.

Третий тип научного объяснения – функционализм – получил детальную и многообразную концептуализацию усилиями теоретической социологии Толкота Парсонса и его многочисленных последователей и критиков. Функционалистская парадигма историописания, несомненно, доминирующая в практиках социальной истории, тяготеет к «теориям среднего уровня» и описывает отношения социальных групп, достигающих определенного динамического равновесия в отношениях социального порядка, вы-

полнения общественно полезных функций или рудиментарных дисфункций, которые будут преодолены или отвергнуты поступательно развивающимся обществом. Это пример «геоистории» Броделя и «марксистизирующих» историков, фиксирующих взаимосвязи, социально-экономические флуктуации большинства версий национальных историй, базирующихся на модели роста и трансформации государства, но также – современного подъема глобальной и транснациональной истории.

Четвертый тип научного объяснения, применяемый в истории, как и в других гуманитарных науках, базируется на структурализме, в котором всегда исследуются «тайные пружины» социального мира, но за основу выбирается один детерминирующий признак, будь то воспроизводство материальных благ в догматическом марксизме, диктат бессознательного в психоанализе, неизбывные первородные структуры родства в структурной антропологии, дискурсы, обеспечивающие доминирование властных элит или неодолимые принуждения языка в литературной теории. В этом типе научного объяснения предпочитают изучать постоянства, а не трансформации, разрывы, а не преемственности, что, казалось бы, в наименьшей степени подходит для историописания. Однако именно приверженность структурализму привела к успеху большинство проектов «третьих Анналов», от сериальной истории до истории ментальностей и исторической антропологии. В современном варианте структуралистский тип объяснения практикуют в истории все исследователи-постструктуралисты, изучающие дискурсы в любом их выражении.

Сводная таблица четырех научных парадигм на примере французской историографии конца XIX – первых десятилетий XXI вв. приведена ниже.

Таблица 1

Французская историографическая традиция конца XIX – первых десятилетий XXI в. с точки зрения применяемых моделей научного объяснения

Тип научного объяснения	Эпоха 1	Персоналии, Институциональные среды, программы	Эпоха 2	Персоналии, Институциональные среды, программы
Интерпретативная парадигма (человек, изучающий человека, исследование неповторимого и уникального)	Примерно 1870–1910-е гг.	Шарль Сеньобос, методическая школа (историки-позитивисты)	1980–2000-е гг.	«Четвертые Анналы», микроистория, культурная антропология
Натуралистическая парадигма (применение подходов естественных и точных наук), макроистория	1910–1950-е гг.	Франсуа Симиан, Эрнест Лабрусс, экономическая макроистория, квантитативная история, история климата, сериальная история	2000–2010-е гг.	История антропоцена, история эпидемий
Функционализм (теории среднего уровня, изучение общественных функций и дисфункций)	1930–1960-е гг.	Фернан Бродель, Пьер Шоню, «марксистизирующие» историки	2000–2010-е гг.	Глобальная история, транснациональная история, мир-системный анализ
Структурализм (выявление скрытых смыслов и «тайных пружин» социального мира)	1960–1970-е гг.	«Третьи Анналы», история ментальностей, структурная антропология	1990–2000-е гг.	Постструктурализм, исследования дискурсивных практик, историческая нарратология

В логике поступательно-возвратного движения, как показывает практика, совсем не исключающей логики научения, восприимчивости к критике и расширения знания, каждая из четырех парадигм

предлагает оригинальный способ постановки научной гипотезы, собственные модели научного объяснения и способы аргументации, степень формализации применяемой терминологии, от обыденно-

го до высокоспециализированного языка описания. При этом как общие черты «научного проекта» историки-практики сохраняют логико-дедуктивную основу исследований, стремление к корректному и верифицируемому использованию источников. Предложенная гипотеза, несомненно, нуждается в уточнении и «калибровке» границ сочетаемости (гибридизации) разных подходов в рамках одного исследования.

Непреложными основаниями современного исторического исследования являются необходимость рефлексии о родственных и неродственных типах научного объяснения, осознание методологических границ, корректность использования терминологии и таких репрезентаций научных программ, которые сделают возможным участие историков в общей научной дискуссии и послужат основой для новой консолидации профессионального сообщества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Февр Л. Бои за историю / пер. с фр. М. : Наука, 1991.
2. Трубникова Н.В. Междисциплинарный альянс или конфронтация? Дискуссии французских историков и социологов по теории социальных наук // Известия Томского политехнического университета. 2005. Т. 308, № 3. С. 192–196.
3. Le Roy Ladurie E. Le territoire de l'historien. t. 1. Paris : Gallimard, 1973.
4. Histoire et sciences sociales. Un tournant critique ? // Annales HSS. 1988. Vol. 43, is. 2. P. 291–293.
5. Tentons L'Expérience // Annales HSS. 1989. Vol. 44, is. 6. P. 1317–1323.
6. Ваэке, de A. Où est passé le « tournant critique »? // Le Débat. «Commemoration 98». 1999. № 104. P. 162–170.
7. Delacroix C. La falaise et le rivage. Histoire du «tournant critique» // Espaces Temps. «Le temps réfléchi». 1995. № 59/60/61. P. 86–111.
8. Noiriel G. Sur la crise de l'histoire. Paris: Ed. Belin, 1996. Rééd. Folio-histoire, Gallimard, 2005.
9. Fink C. Review. Gerard Noiriel. Sur la «crise» de l'histoire. Paris : Belin. 1996. P. 343 // The American Historical Review. 1998. Vol. 103, № 2. P. 484–485.
10. Trubnikova N.V. Modern historical epistemology through the prism of Paul Ricoeur's transactions // SHS Web of Conferences. – Les Ulis: EDP Sciences, 2016. Vol. 28: Research Paradigms Transformation in Social Sciences (RPTSS 2015). URL: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042>. DOI: 10.1051/shsconf/20162801140.
11. Passeron J.-C. Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel. Paris : Nathan, 1991.
12. Carrard Ph. Le passé mis en texte : poétique de l'historiographie française contemporaine. Paris : A. Colin, 2013.
13. Stones R. Sociology's unspoken weakness: Bringing epistemology back in // Journal of Sociology. 2017. Vol. 53 (4). P. 730–752.
14. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб. : Питер, 2002. 688 с.
15. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М. : РИЦО-TEMPUS/TASIS, 1996.
16. Ginzbourg P. Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire. Paris : Flammarion, 1989.
17. Geertz C. The interpretation of cultures. New York : Basic Books Inc., 1973. Русский перевод: Гирц К. Интерпретация культур. М. : РОССПЭН, 2004.
18. Трубникова Н.В. К.Э. Лабрусс как основоположник французской квантитативной истории // Известия Томского политехнического университета. 2008. Т. 312, № 6. С. 98–102.

Статья представлена научной редакцией «История» 14 января 2020 г.

In Search of a New Perspective: The “Crisis of History” Through the Prism of Contemporary Interdisciplinary Contexts

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 164–169.

DOI: 10.17223/15617793/451/22

Natalia V. Trubnikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation); Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: troub@mail.ru

Keywords: crisis of history; paradigm changing; Annales movement; modern theory of social world; scientific explanation models; communicative strategy; methodological pluralism.

The aim of the article is to revise the content of the “crisis of history” concept, which forms a stable stereotype in modern Western historiography and to offer a fundamentally different explanation for the regularities of historical science evolution. The specific objectives of the study are to comprehend the “crisis of history” notion and its related forecasts; to determine the connection of historiographic interpretations associated with the concept “crisis” and communicative strategies of social history inspired by the Annales movement; to reveal the humanitarian knowledge contexts external to historical science and the nature of their influence on history; to surpass the framework of the “crisis of history” through the searches of a fundamentally different typological foundation for historians. Sources and research materials used in the study are represented by scientific articles and monographs characterizing the situation of the “crisis of history”, modern ways and problems of the social world theory, as well as humanitarian knowledge in general, written in French, English and Russian. The methodological basis of the article are the problem-chronological and typological approaches. The article is devoted to the problem of the “crisis of history”, the theoretical framework of which determines all the controversies of historical science of the last quarter of the century. The author transfers the emphasis of the discussion from the characteristic clichés, catchphrases and communicative strategies of historical science that developed in the 20th century and have exhausted themselves in the description of countless “turns” of short-term intellectual fads to the consideration of other interdisciplinary contexts that determine the logic of modern humanitarian and, wider, general scientific knowledge development. The author's main conclusions are the following. (1) The “crisis of history” remains the main horizon of the theoretical reasoning of historians over the past thirty years. (2) Logically, the “crisis of history” is associated with the communicative strategies of social history, acting under the sign of innovation, interdisciplinarity, and overarching findings (Lucien Febvre's project). (3) A fundamentally different typological basis for the analysis of historical thought, legitimizing the multi-paradigmatic nature of its development, should be applied. (4) The basis of such an analysis, according to the author, is the approach of Inna Devyatko, who simulated the four main types of research explanation in sociological thought: interpretative, naturalistic, functionalist and structuralist. (5) It is shown, by the example of the French historiography of the late 19th – early 21st centuries, that the multi-paradigm approach embraces correctly its main trends and demonstrates a reciprocating rather than cumulative evolution nature.

REFERENCES

1. Febvre, L. (1991) *Boi za istoriyu* [Combat for History]. Translated from French. Moscow: Nauka.
2. Trubnikova, N.V. (2005) Mezhdistsiplinarnyy al'yans ili konfrontatsiya? Diskussii frantsuzskikh istorikov i sotsiologov po teorii sotsial'nykh nauk [An Interdisciplinary Alliance or Confrontation? Discussions of French Historians and Sociologists on the Theory of Social Sciences]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 308 (3). pp. 192–196.
3. Le Roy Ladurie, E. (1973) *Le territoire de l'historien*. Vol. 1. Paris: Gallimard.
4. *Annales HSS*. (1988) Histoire et sciences sociales. Un tournant critique? 43 (2). pp. 291–293.
5. *Annales HSS*. (1989) Tentons L'Expérience. 44 (6). pp. 1317–1323.
6. Bæque, de A. (1999) Où est passé le “tournant critique”? *Le Débat*. “Commemoration 98”. 104. pp. 162–170.
7. Delacroix, C. (1995) La falaise et le rivage. Histoire du “tournant critique”. *Espaces Temps*. “Le temps réfléchi”. 59/60/61. P. 86–111.
8. Noiriel, G. (2005) *Sur la crise de l'histoire*. Rééd. Paris: Folio-histoire, Gallimard.
9. Fink, S. (1998) Review. Gerard Noiriel. Sur la “crise” de l'histoire. Paris: Belin. 1996. P. 343. *The American Historical Review*. 103 (2). pp. 484–485.
10. Trubnikova, N.V. (2016) Modern Historical Epistemology Through the Prism of Paul Ricoeur' Transactions. *SHS Web of Conferences*. 28: RPTSS 2015. [Online] Available from: <http://earchive.tpu.ru/handle/11683/33042>. DOI: 10.1051/shsconf/20162801140
11. Passeron, J.-C. (1991) *Le raisonnement sociologique. L'espace non-poppérien du raisonnement naturel*. Paris: Nathan.
12. Carrard, Ph. (2013) *Le passé mis en texte: poétique de l'historiographie française contemporaine*. Paris: A. Colin.
13. Stones, R. (2017) Sociology's Unspoken Weakness: Bringing Epistemology Back In. *Journal of Sociology*. 53 (4). pp. 730–752.
14. Ritzer, G. (2002) *Sovremennye sotsiologicheskie teorii* [Modern Sociological Theories]. Translated from English by A. Boykov, A. Lisitsyn. 5th ed. St. Petersburg: Piter.
15. Devyatko, I.F. (1996) *Modeli ob"yasneniya i logika sotsiologicheskogo issledovaniya* [Explanation Models and the Logic of Sociological Research]. Moscow: RTsGO-TEMPUS/TASIS.
16. Ginzbourg, P. (1989) *Mythes, emblèmes, traces: morphologie et histoire*. Paris: Flammarion.
17. Geertz, C. (2004) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books Inc.
18. Trubnikova, N.V. (2008) C.E. Labruss as a Founder of French Quantitative History. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*. 312 (6). pp. 98–102. (In Russian).

Received: 14 January 2020

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.022

Ю.А. Сауров, Д.В. Перевощиков, М.П. Уварова

ЯЗЫК ИНВАРИАНТОВ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОСТРОЕНИЯ МЕТОДИКИ В ДИДАКТИКЕ ФИЗИКИ

Рассматривается решение проблемы устойчивости процессов и результатов научно-методической деятельности. Обосновывается эффективность ее теоретического осмысления и практического решения на языке инвариантов. Идея инвариантности позволяет объединить разные по содержанию методические средства (модель урока, схемы научного метода познания и др.) для организации устойчивой образовательной системы. Приводятся примеры проявления языка инвариантов в задании и описании деятельности.

Ключевые слова: методология; инварианты; дидактика физики; методические модели; экспериментирование; моделирование; учебная деятельность.

Постановка проблемы. В современном развивающемся обществе постоянно меняется «мода» на образовательные технологии, методы обучения. Зачастую методические работы обладают лишь «словесной новизной», что тормозит развитие теории и практики обучения. Для поддержания академической устойчивости систем знаний и процедур деятельности требуется развитие инструментария дидактики физики. Поэтому актуальность исследования обусловлена необходимостью решения проблемы устойчивости опыта и устойчивости изменений в современной предметной дидактике.

С нашей точки зрения, теоретическое осмысление и практическое решение обозначенной проблемы эффективно на языке инвариантов. Смысл принципа инвариантности заключается в фиксировании свойств, средств описания, в том числе законов, относительно определенных изменений.

Для человеческого познания характерно структурирование всего под задачу симметрии и инвариантности. В профессиональной деятельности, в научных описаниях это становится правилом. С давних времен инвариантностью любой познавательной деятельности является такое методологическое правило-запрет, как Бритва Оккама «Не изобретай сущности сверх меры».

Несомненно, инварианты относятся к описаниям. В физике, например, это сохранение уравнения второго закона динамики материальной точки при переходе из одной инерциальной системы отсчета в другую. В дидактике физики речь должна идти об инвариантности образований деятельности при ее некотором изменении.

В рамках деятельностной парадигмы (Л.С. Рубинштейн [1], А.Н. Леонтьев [2], В.В. Давыдов [3], Г.П. Щедровицкий [4], В.А. Лекторский [5] и др.) единственным и универсальным объектом является деятельность. Ее фундаментальным свойством является воспроизводимость. Г.П. Щедровицкий писал: «В “массовой деятельности” основным процессом, определяющим характер всех ее структур, является воспроизводство. В него входят все другие социальные процессы, в том числе трансляция и обучение» [6. С. 199]. Воспроизводимость с точки зрения описания – это инвариантность, в смысле «мягкой» модели или

первого приближения в описании. При этом остаются неизменными ценности, цели, функции, структуры, но изменяется материал.

Стихия практики обучения физике не позволяет быстро и устойчиво достигать качественных результатов обучения, воспитания и развития. В иерархически содержательно и процессуально сложной практике постоянно размывается вектор инвариантных методических действий, если в противовес не создается практика постоянного воспроизводства норм физического и методического познания, деятельности. В методике физики как науке возникают разрывы в создании системы теоретического, экспериментального и практического производства инвариантных решений.

В настоящее время доминирующую долю учебников физики занимают издания, вышедшие в свет пятьдесят и более лет назад, например учебники А.В. Перышкина [7], претерпевающие многократные переиздания. Изменения лишь разрушают их стиль, усложняют добавками. Словом, нет методологического единства по многим аспектам в реальной практике обучения. И вместо современных норм деятельности формально усваивается набор информации. Инвариантность как принцип в состоянии упростить сами теоретические решения и их освоение в учении.

Ключевым является вопрос: что не меняется в деятельности? Во-первых, не изменяется структура деятельности. Во-вторых, основное свойство деятельности – воспроизводимость. В-третьих, не изменяется коммуникация, она фундаментальна для деятельности и является инвариантом. А вот мышление, по-видимому, не инвариант, вот почему Г.П. Щедровицкий приложил усилия в построении обобщения –мыследеятельности [4]. Вряд ли факты в дидактике физики являются инвариантными. При изменении цели интерпретации факты меняются, многие из них могут получать противоположный смысл. Таким образом, выделение инвариантов в дидактике физики требует жесткого определения условий преобразования. Многофакторность и рукотворность дидактических событий являются сильным ограничителем для этого языка описания.

Таким образом, научную проблему исследования мы видим в формулировании и конкретизации дидакти-

тического потенциала инвариантов учебной деятельности для оптимизации конструирования содержания и процессов обучения физике.

Методология исследования. Статья носит теоретический и аналитический характер, разработана на стыке нескольких наук: дидактики, методики обучения физике, методологии. Представлены результаты педагогического эксперимента, подтверждающие актуальность поиска инвариантов в методике обучения физике и доказывающие эффективность их использования в практике обучения физике.

Результаты теоретического исследования проблемы: виды методологических инвариантов образовательной деятельности, их теоретические и практические возможности. Наша гипотеза исходит из того, что инвариантные методические решения во все времена определяли стратегию развития самой науки «дидактики физики» и реальной практики физического образования. При выполнении работы мы ориентировались на доказательство предположения, что разработка и внедрение в практику инвариантных методических решений организации деятельности учащихся (а) способствует реализации принципов обучения при осуществлении любой педагогической технологии, (б) может служить основанием для создания непротиворечивой и понятной учителям технологии освоения базовых норм учебной деятельности, (в) способствует осмысленной и структурированной организации учебного процесса, а следовательно, приводит к пониманию и активной деятельности учащихся при обучении.

За последние пять лет в известных базах данных (Scopus, Web of science) практически отсутствуют значимые публикации по теме статьи. Но все же мы считаем, что косвенно подкрепляющими наши поиски являются работы, посвященные истории развития дидактики физики за рубежом, анализу проблем их практики [8]; анализу проблем обучения учителей физики с точки зрения соответствия поставленных целей обучения и реалий практики [9–11]; поискам эффективных методов обучения, основанных на методе научного познания [12–16]; конкретным эффективным методическим решениям [17–20]; способам формирования мышления и мировоззрения при опоре на современные исследования ученых-физиков [21].

Авторский подход в выделении методологических инвариантов следует логике: деятельность – виды образовательной деятельности – виды описаний – виды инвариантов – образцы использования. Результативность теоретического поиска определяется как по чистоте интеллектуальных построений, так и по практической эффективности. К методологическим инвариантам мы относим инварианты знаний и деятельности уровня мегаобобщения: парадигмы, картины мира, языков описания, принципы, фундаментальные модели, законы, системы, взаимодействия, движения. В целом идея инвариантности позволяет объединить разные по содержанию методические средства (модель урока, схемы научного метода познания и др.) для организации устойчивой образовательной системы, а значит, для процессов трансляции и воспроизводства деятельности.

В дидактике физики в содержании опыта выделяют эпистемологические единицы (факт, проблема, гипотеза, модель, «онтологическая картинка», метод), виды знаний (естественно-научные, методические, управленческие), интеллектуальные операции (мышление, понимание, рефлексия, коммуникация, предметная деятельность) и виды теоретических обобщений (понятия, законы, теории, физическая картина мира). На содержание опыта накладываются условия и процессы трансляции и усвоения опыта. Принципиально для целей массового обучения все эти стороны-аспекты нормировать [22]. И уже в этом процессе используется инвариантность как общий принцип. Далее постоянно происходит конкретизация: принцип инвариантности находит выражение в видах инвариантности. Обратимся к устойчивым и продуктивным дидактическим решениям.

Во-первых, язык инвариантности реализуется в выделении *принципов образовательной деятельности*. Более того, всегда было стремление построить системы принципов (И.Я. Лернер [23], В.В. Краевский [24] и др.). Ниже описано, на наш взгляд, построение постнеклассической системы принципов образовательной деятельности.

Дидактика физики в отношении принципов обучения всегда занимала подчиненное положение по отношению к педагогике, она их заимствовала и уточняла под область деятельности. Единственным оригинальным и инструментальным принципом дидактики физики является принцип цикличности [25, 26]. Опыт его построения и использования говорит об эффективности «специализированных» принципов. Не случайно этот принцип активно востребован в конструировании содержания курса физики, учебного процесса [27].

Отсюда следует проблема: чтобы принципы работали, необходимо знать, для чего они построены, как их инструментально использовать, что и в какой области деятельности они дают. Немаловажной с теоретической точки зрения является замкнутость системы принципов. Наконец, сами принципы играют роли методологических ориентировок деятельности, хотя, конечно, имеют только относительную устойчивость. Изменение социальной, культурной и научной практики приводит к изменению системы принципов. Фактически от видения классической парадигмы мы переходим к видению и описаниям неклассической парадигмы. Здесь субъекты или объекты – саморазвивающиеся системы, погруженные не просто в предметную область, а в культуру. Они только относительно и кратковременно статичны и, очевидно, незамкнуты. Все в большей степени мы вынуждены учитывать изменения самих средств, методов, форм, принципов и познания, и обучения. Известный методолог В.С. Степин обращает наше внимание фактически на новые инварианты познавательной деятельности, значение которых при историческом переходе от классической к постнеклассической науке только возрастает. В современном познании необходим более глубокий «уровень рефлексии над деятельностью»; субъект и объект выступают как две необходимые стороны деятельности, где посредником между ними оказываются «сред-

ства и операции деятельности». Субъект не отделяется от мира природы, а находится в нём, и отсюда следуют все особенности описания познания. Расширяется представление о предметах: факт связывается с инвариантным содержанием, теоретические схемы играют роль инвариантов и в целом поиск «устойчивого содержания» особо значим [28. С. 35–45, 157–163, 236, 565]. Все принципы в итоге познавательной практики формулируются исторически на площадке научно-образовательных программ. Принцип – всегда правило-норма, некий инвариант построения деятельности. Формой представления принципа может быть запрет.

Система **общих принципов** задает некую онтологию образовательной реальности, на основе которой можно строить технологии. Очевидно, онтология по определению и предназначению в рамках научной программы – устойчивое образование, всегда инвариант. С нашей точки зрения, такая система принципов может иметь следующий вид:

- Принцип универсума деятельности как парадигма деятельностного видения образовательного мира.
- Принцип единства и генерализации образовательной деятельности (обучения, воспитания, развития).
- Принцип гуманитаризации деятельности [29].
- Принцип ограничения присвоения «опыта рода» в образовании в зависимости от условий его трансляции в коммуникации (принцип доступности).
- Принцип инвариантности содержания образования: а) знания о природе и опыте деятельности, б) опыт репродуктивной деятельности, в) опыт творческой деятельности, г) опыт эмоционально-ценностной деятельности (В.В. Краевский и др.).
- Принцип ведущей роли коллективной образовательной деятельности в обучении.
- Принцип разнообразия и смены видов образовательной деятельности.
- Принцип дополнительности и соответствия в задании и описаниях деятельности.

Частные принципы-правила могут быть заданы следующей системой:

- Принцип ведущих учебных деятельностей в дидактике физики – экспериментирования и моделирования.
- Принцип цикличности для организации освоения научного метода познания «факты, проблема – гипотеза, модель – следствия – эксперимент, практика».
- Принцип различения деятельности с предметами реальности и предметами-описаниями.
- Принцип взаимосогласованности коллективных, групповых и индивидуальных форм обучения.
- Принцип связи теории с практикой.
- Принцип согласования предметных, межпредметных и надпредметных связей.

Система образовательных принципов не может быть закрытой, прежде всего из-за естественно-искусственной природы образовательной деятельности. Отсюда любое историческое изменение требует новых инвариантов деятельности. Но система принципов – устойчивый регулятор образовательной деятельности, инвариант описаний образовательной реальности. Важно и то, что принципы как инварианты деятельности могут регулировать разные аспекты: онтологические представления, структуру и содержание, процессы. В целом поиск

и выбор принципов оправдан теоретической и практической полезностью их использования.

Во-вторых, язык инвариантности реализуется в различных моделях, несущих функции ориентировок деятельности. Итак, теоретически достаточно убедительно раскрывается фундаментальный характер дидактического потенциала языка инвариантности для описания и управления образовательными процессами. И этот язык естественно понятен и технологичен. Приведем четыре примера фундаментальных решений для дидактики физики.

Типичный и важный для понимания процесса познания **первый пример** – методологическая модель мышления (рис. 1, см. подробнее: [26. С. 56 и др.]). В ней инвариантность мыслительной деятельности получает знаковое выражение. Причем норма «объекты – знаки» выделена жестко, универсально для любой мыслительной деятельности. Эта модель в дидактику физики «пришла» из методологии как некое теоретическое обобщение. Ее фундаментальность влияет на многие методические поиски.

Второй пример – дидактическая модель учебной деятельности по освоению научного метода познания в форме «факты – модель – следствия – эксперимент» (В.Г. Разумовский, 1972, 2016 [30]). Вот уже пятьдесят лет в дидактике физики устойчиво существует эта методическая норма. В разное время она успешно использовалась: а) для структурирования содержания физического образования, в частности для задания теории физического явления; б) решения в учебном процессе проблем научной грамотности школьников; в) управления деятельностью по решению школьных учебных задач и др. Наиболее последовательно эта модель учебной деятельности была реализована в учебнике физики нового поколения под редакцией В.Г. Разумовского и В.А. Орлова [31].

Третий пример. В.В. Мултановский, занимаясь проблемой теоретических обобщений, формулирует несколько инвариантов для дидактики физики. Во-первых, на основе историко-логического анализа он предлагает структуру учебной физической теории как системы знаний в форме «основание – ядро – следствия». Во-вторых, выделяет иерархию-систему теоретических обобщений в обучении: понятия, законы, теории, физическая картина мира. В-третьих, разрабатывает глобальное обобщение знаний в так называемой концепции взаимодействий со следующей логической схемой синтеза знаний: а) структурные уровни деления материи (мегамир, макромир, микромир); б) модель пространства (евклидово, однородно, изотропно), времени (однородно, непрерывно, однонаправлено), материи (материальная точка); в) взаимодействие как причина всех явлений и модель взаимодействия (фундаментальная – квантово-релятивистская, как следствие – полевая и дальностное); г) универсальные физические величины как характеристики свойства физического объекта (импульс, энергия, момент импульса, заряд); д) иерархия расстояний, формы движения материи в рассматриваемой пространственной области, их описание фундаментальными физическими теориями. Несомненно, эта схема задает для дидактики физи-

ки методологическую ориентировку в конструировании содержания образования. И она очень общая.

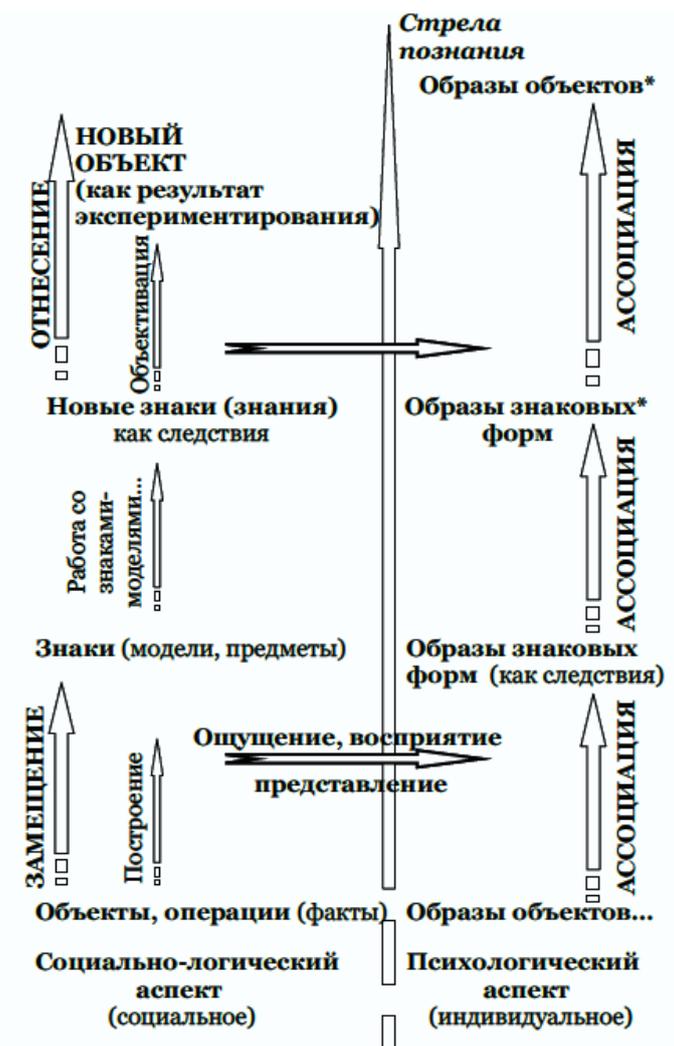


Рис. 1. Методологическая модель мышления

Согласно концепции взаимодействий вся система физических знаний излагается как знания о гравитационном, электромагнитном, сильном и слабом взаимодействиях. Фактически выделяются, задаются фундаментальные явления, а далее строятся их теории. Такая систематизация физических знаний для целей обучения остается во многом революционной, она прямо и косвенно оказывает влияние на учителей, преподавателей, методистов, а также сохраняет новизну и сегодня, что довольно редко для методического знания.

Итак, содержание современной ФКМ предстает следующей структурой:

– **Методы исследования в физике.** Объекты и явления физического мира. Модели физических объектов и явлений.

– **Фундаментальные категории.** Пространство и время. Системы отсчета. Симметрия и инвариантность. Взаимодействие. Универсальные физические величины. Симметрия и законы сохранения.

– **Картины физики.** Механизм взаимодействия на уровне элементарных частиц. Механика Ньютона. Поле на макро- и микроуровне. Гравитационное поле. Движение в микромире. Статистические системы.

Симметрия в мире элементарных частиц. Кварковая модель адронов.

– **Мировоззренческие выводы.** Материальное единство мира. Единство и многообразие в физике. Физика и техника.

Четвертый пример представляет собой методологическую ориентировку учебной деятельности при решении учебных физических задач, причем одинаковую для базовой и старшей школы (Д.В. Перовиков [32–34], М.П. Уварова (Позолотина) [35, 36], Ю.А. Сауров [39]): двухэтапная логика решения всех физических задач (выделение физического явления – > описание физического явления). Приведем варианты реализации схемы на конкретных задачах.

Задача 1. Планета видна на Земле в полночь. Ближе или дальше от Солнца, чем Земля, находится эта планета? Постройте модель события и обоснуйте ответ.

Решение

Выделение объектов и явлений. В задаче названы три астрономических объекта: Земля, Солнце и неизвестная планета. Можно выделить такие физические явления, как гравитационное взаимодействие, движе-

ние по окружности, а также астрономическое явление – движение планет по эллиптическим орбитам.

Описание явления (построение модели явления). Рассмотрим местоположение наблюдателя, находящегося на Земле в полночь (рис. 2). Он видит ту часть Солнечной системы, которая находится за пределами орбиты Земли. Следовательно, неизвестная планета должна находиться дальше от Солнца, чем Земля. Примером реального астрономического объекта в рамках построенной модели может являться планета Марс.

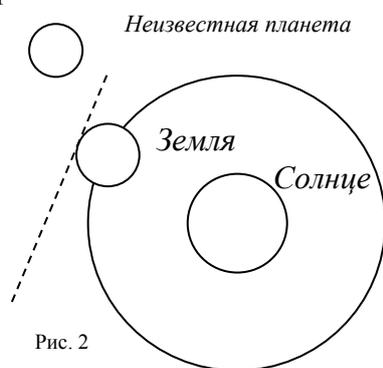


Рис. 2

Рассуждение, согласно данной логике, эффективно также для решения качественных и экспериментальных задач. Приведем пример решения демонстрационной

экспериментальной задачи, с помощью которой учащимся можно показать значение действий по выделению взаимодействующих объектов и задать логику работы с физической задачей.

Задача 2. Расположите пластиковую бутылку горизонтально, поместите в горлышко бумажный шарик, диаметр которого меньше диаметра горлышка, попробуйте задуть шарик в бутылку. Сможете ли вы это сделать? Объясните наблюдаемое явление.

Решение

Выделение объектов и явлений. Предварительно учитель демонстрирует, что шарик свободно проникает в бутылку – он не приклеен, ни к чему не привязан. Так ученики приходят к формулировке предположения о том, что бумажный шарик в бутылку задуть несложно. Учащиеся проводят эксперимент по проверке своих предположений. В результате наблюдается факт, противоречащий прогнозу: как при резком, так и при медленном вдувании воздуха в бутылку, «втягивании» воздуха из бутылки шарик все равно выскакивает наружу. Таким образом, фиксируется новое знание – попаданию шарика в бутылку что-то препятствует. В рамках первоначальных представлений этот факт необъясним. Для понимания явления необходимо выделить взаимодействующие объекты. И на этом этапе ученики догадываются, что есть еще один «невидимый» объект – воздух в бутылке. В итоге учащиеся с помощью учителя приходят к выводу, что в данном явлении взаимодействуют не два, а пять объектов: бутылка, бумажный шарик, воздух наружный и в бутылке, Земля.

Описание (объяснение) явлений. Оговариваем, что действие Земли проявляется в создании однородного гравитационного поля, оно в данном случае постоянно, поэтому нас интересует поведение других объектов. После этого ученики с легкостью формулируют верное объяснение наблюдаемого явления и переходят к решению возникшей задачи: как преодолеть

сопротивление имеющегося в бутылке воздуха и задуть шарик вовнутрь (предлагается использовать дополнительное оборудование). Один из способов решения – сузить поток вдуваемого воздуха с помощью трубки (корпус от ручки, бумажная трубочка и др.) и направить его на шарик.

В результате организованной таким образом мыслительной деятельности с объектами мы задаем ее логику от выделения физических объектов и явлений к их описанию, а также обосновываем необходимость выполнения данных этапов.

Инвариантность структуры и логики решения задачи в довольно широком возрастном и содержательном поле деятельности говорит об устойчивости методического решения. Остается задача исследования (корреляции) инвариантности теоретических норм и инвариантности (устойчивости) практики их реализации.

Обобщение: конструктивное решение различных вопросов методики обучения в разное историческое время связано с поиском инвариантных решений на основе ценностных, целевых, структурных и содержательных подходов.

Результаты. Экспериментально-дидактическое исследование успешности методологических ориентировок учебной деятельности и деятельности преподавания.

Нормирование учебной деятельности. Проблема задания, формирования или освоения и диагностики физического мышления – давняя, известная и достаточно острая проблема теории и практики обучения (К.А. Коханов, 2013 [27]). В наших поисках эффективных методических решений сначала выбрано знаковое физическое мышление, затем оно представлено мыслительной деятельностью, которая нормируется на языке умений (М.П. Уварова (Позолотина), 2014 [38]). Это позволяет задавать конкретные цели обучения, например сформировать умение описывать физическое явление понятиями и законами. Упрощается и построение диагностики результатов обучения – по уровню сформированности мыслительных умений можно судить о результате освоения феномена мышления.

В итоге методом последовательного приближения были сконструированы следующие формулировки устойчивых норм мыслительной деятельности на языке умений – фактически методологические ориентировки учебной деятельности.

Блок «Деятельность моделирования»

Умение выделять изучаемое физическое тело (объект).

Умение выделять изучаемое физическое явление в различных видах деятельности.

Умение выделять и определять физическое явление по рисунку, графику, таблице и другим средствам описания.

Умение строить (выбирать) гипотезы для объяснения физических явлений.

Умение строить (выбирать) модель физического объекта или явления.

Умение переходить от одних средств описания физических явлений к другим.

Блок «Деятельность экспериментирования»

Умение выделять свойства объектов и их описывать физическими величинами.

Умение зафиксировать объекты и явления в изображении – выполнение рисунка-модели, схемы.

Умение реально (или мысленно) подобрать объекты и материалы для организации эксперимента под идею, цель, гипотезу.

Умение проводить и описывать экспериментирование по логике научного метода познания (полно или свернуто).

Построенная на этой основе методика была несколько лет апробирована в ограниченных условиях дистанционного образования в седьмых и девярых классах (2013–2017, Кировская обл.). В целом на абсолютных показателях устойчиво фиксируется освоение норм физического мышления (табл. 1). А в сравнительном педагогическом эксперименте устойчивость факта формирования подтверждается статистически (критерий хи-квадрат): в экспериментальных группах (Э) показатели выше, чем в контрольных (К). Инвариантность языка – умений при решении разных задач – согласуется с устойчивостью усвоения в реальности норм.

Таблица 1

Освоение норм мышления в учебной деятельности

№	Поверяемые знания и умения	Э		К		χ^2	$\chi^2_{кр}$	Значимость различия
		Число	%	Число	%			
1	Умеют выделять физические тела	16	74	68	58	1,19	3,84	–
2	Умеют критически анализировать условие задачи	15	68	41	35	7,96	3,84	+
3	Умеют выделять физические объекты и явления и описывать их физическими величинами	14	64	47	40	5,72	3,84	+
4	Знают, от каких величин зависят гидростатическое давление и сила Архимеда	15	68	47	40	4,94	3,84	+
5	Умеют определять цену деления измерительного прибора и погрешность измерения	11	50	45	38	0,64	3,84	–
6	Умеют работать с графиками	14	64	41	35	5,27	3,84	+
7	Умеют выделять по рисунку физическое явление и описывать его в знаковой форме	10	45	20	15	8,07	3,84	+

Устойчивость нормирования деятельности преподавания экспериментально исследовалось на большом массиве учителей по освоению структуры и содержания методических решений в форме «моделей уроков» (Ю.А. Сауров, [42, 43] и др.). В Кировской области Программа нормирования деятельности преподавания в форме моделей уроков физики была разработана для всех уроков всех классов. И в период дидактического экспериментирования (1985–1995) была реализована в десятках школ. И до настоящего времени уже в реальном процессе практики обучения модели уроков востребованы и сравнительно широко используются при проектировании уроков. Считаем, что устойчивость этих методических решений определяется их инвариантностью относительно учебника, учителя, класса; во-первых, из-за «грубости» модели деятельности преподавания, во-вторых, из-за потенциала и ориентира на творческое изменение модели урока. Интересно, что в эмпирической реальности преподавания методическая рекомендация фактически понимается как социальная норма. В нашем случае, модели уроков теоретически не задавались как жесткие нормы, наоборот, подчеркивалось творческое к ним отношение. И все же, построение деятельности преподавания довольно твердо следовало рекомендации как инвариантной норме (см. табл. 2).

Изменение нормы по разным темам фиксируется в диапазоне 10–25%. Тенденция следования норме, которая в дидактике физике интерпретируется как зако-

номерность, может рассматриваться как проявление инвариантности деятельности. При этом остаются возможности оценивания факторов отклонения как погрешностей изменения, рассмотрения высоких корреляций, например, между знаниями учителей и школьников, так инвариантности реальной деятельности [28].

Обсуждение результатов. В целом, с учетом обзора достижений отечественных и зарубежных специалистов по дидактике физики, научную новизну исследования мы видим в том, что

- сформулирована научная проблема инвариантов как описаний образовательной деятельности и определено ее содержание в дидактике физики;

- выделены теоретические процедуры для определения инвариантов образовательной деятельности при построении системы принципов, моделей-ориентировок для освоения мышления, научного метода познания, физической картины мира, нормирования учебной деятельности экспериментирования и моделирования;

- изучены возможности эмпирического выделения инвариантов по результатам учебной деятельности.

Последовательное использование языка инвариантов как инструмента построения методик, понимания и моделирования реальности с необходимостью ставит вопрос о границах применимости. Универсальных описаний здесь нет. Но для практики обучения инвариантность такой нормы-знания сильно ограничивает консервативные традиции.

Оценка учителями-экспериментаторами структур уроков по электродинамике

Тема	Всего проверено уроков	Нет оценки плана урока	Изменена структура урока	Изменено время этапов урока	Время этапов соответствует модели урока
Электрическое поле	374	50 13%	20 5%	51 14%	243 65%
Законы постоянного тока	242	64 25%	10 4%	15 6%	153 63%
Магнитное поле	204	53 26%	11 5%	39 19%	101 50%
Ток в средах	323	76 24%	33 10%	43 13%	171 53%
Электромагнитная индукция	126	7 6%	6 5%	13 10%	100 80%
Итого	1269	250 19%	80 6%	161 13%	768 61%

Заключение. В построениях теоретического языка описания образовательных явлений деятельность по выделению закономерностей осуществляется плохо, искусственно [7], отсюда и актуальность поиска альтернативных методов. Такие эмпирически фиксируемые и теоретически воспроизводимые качества образовательной деятельности, как устойчивость, известный консерватизм и прагматизм, обосновывают использование соответствующего языка описания – языка инвариантов.

В ходе рефлексивных поисков сформулирован новый метод исследования в дидактике физики, заключающийся в выделении инвариантов в эмпирическом материале образовательной деятельности, в теоретическом построении инвариантов деятельности в форме принципов, моделей, ориентировок, знаний.

Практика раскрывает дидактический потенциал метода инвариантов в понимании эмпирической реальности, в эффективном конструировании новой образовательной реальности. Во-первых, удается найти инвариантные формы содержания образования, например, в виде следующих логических структур: «основание – ядро – следствия», «факты – модель – следствия». Во-вторых, формулируются ориентировки учебной деятельности, например, для успешного решения учебных физических задач: выделение и анализ физического явления – идея или план решения – математическое решение – анализ итогов решения. В-третьих, для успешного освоения мыслительной деятельности (в принципе и иной) инварианты выступают в форме нормирования опыта знаний и умений. И поле такой рациональной работы в дидактике физики велико.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рубинштейн Л.С. Основы общей психологии. СПб., 1999. 720 с.
2. Леонтьев А.Н. Философия психологии М., 1994. 228 с.
3. Давыдов В.В. Теория развивающего обучения. М., 1996. 544 с.
4. Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М., 2005. 800 с.
5. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М., 2001. 256 с.
6. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М., 1997. С. 199.
7. Перышкин А.В. Физика. 7 кл. : учеб. для общеобразоват. учреждений. 2-е изд., стереотип. М. : Дрофа, 2013. 221 с.
8. Otero V.K., Meltzer D.E. 100 years of attempts to transform physics education // *Phys. Teach.* 2016. Т. 54, № 9. P. 523–527. DOI: <http://dx.doi.org/10.1119/1.4967888>
9. Babenko O., Larionov V., Khanchich O. Problem-based learning for technical students on the base TRIZ (theory of inventive problem solving) // *SHS Web of Conferences.* – EDP Sciences. 2016. Т. 29. DOI: 10.1051/shsconf/20162902001
10. Gess-Newsome J. et al. Teacher pedagogical content knowledge, practice, and student achievement // *International Journal of Science Education.* 2017. С. 1–20. DOI: 10.1080/09500693.2016.1265158
11. Shershneva V.A. et al. Contemporary Didactics in Higher Education in Russia // *European journal of contemporary education.* 2016. Т. 17, № 3. P. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357
12. Concaro S. et al. Didactic strategies using simulations for physics teaching // *Current Developments in Technology-Assisted Education.* 2006. Т. 3. P. 2042–2046. URL: https://www.researchgate.net/profile/Sonia_Concaro/publication/237308516_Didactic_strategies_using_simulations_for_Physics_teaching/links/00b4952c70d976b046000000/Didactic-strategies-using-simulations-for-Physics-teaching.pdf
13. Corni F., Michelini M. A didactic proposal about Rutherford backscattering spectrometry with theoretic, experimental, simulation and application activities // *European Journal of Physics.* 2017. Т. 39, № 1. URL: <https://doi.org/10.1088/1361-6404/aa9053>
14. Leonard W.J., Dufresne R.J., Mestre J.P. Using qualitative problem-solving strategies to highlight the role of conceptual knowledge in solving problems // *American Journal of Physics.* 1996. Т. 64. P. 1495–1503. DOI: <https://doi.org/10.1119/1.18409>
15. Michelini M., Santi L., Stefanel A. Teaching modern physics in secondary school // *PoS.* 2015. P. 231. URL: [http://inspirehep.net/record/1487216/files/PoS\(FFP14\)231.pdf](http://inspirehep.net/record/1487216/files/PoS(FFP14)231.pdf)
16. Sadler P.M., Sonnert G. Understanding Misconceptions: Teaching and Learning in Middle School Physical Science // *American Educator.* 2016. Т. 40, № 1. P. 26–32. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1094278.pdf>
17. Mayer V., Varaksina E. A simple demonstration when studying the equivalence principle // *American Journal of Physics.* 2016. Vol. 84, № 6. P. 482–486. DOI: <https://doi.org/10.1119/1.4945606>
18. Mayer V.V., Varaksina E.I. A simple demonstration of Einstein's lift: a body thrown upwards moves rectilinearly and uniformly relative to a free-falling model of the lift // *European Journal of Physics.* 2015. Vol. 36. URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/0143-0807/36/5/055020/meta>
19. Mayer V.V., Varaksina E.I. Lecture demonstrations of relativity of electric and magnetic fields // *European Journal of Physics.* 2016. Vol. 37, № 4. URL: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/0031-9120/49/6/689/meta#artAbst>
20. Mayer V.V., Varaksina E.I. Modern analogue of Ohm's historical experiment // *Physics Education.* 2014. Vol. 50, № 6. P. 689–692. DOI: <https://doi.org/10.1088/0031-9120/49/6/689>

21. Micheline M., Santi L., Stefanel A. Research based proposals to build modern physics way of thinking in secondary students // Kiraly A., Tel T. (eds) *Teaching Physics Innovatively* (Budapest: University of Budapest). 2016. P. 331–350. URL: http://parrise.elte.hu/tpi-15/papers/MichelineM_p.pdf
22. Щедровицкий Г.П. Избранные труды. М., 1995. 800 с.
23. Лернер И.Я. Процесс обучения и его закономерности. М., 1980. 96 с.
24. Краевский В.В. Проблемы научного обоснования обучения: методологический анализ. М., 1977. 264 с.
25. Коханов К.А., Сауров Ю.А. Методология функционирования и развития школьного физического образования. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2012. 326 с. URL: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Metodol_razv_fiz_obraz_compressed.pdf
26. Коханов К.А., Сауров Ю.А. Проблема задания и формирования современной культуры физического мышления. Киров : Тип. «Старая Вятка», 2013. 232 с. URL: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Sovr_kult_mishl_compressed.pdf
27. Сауров Ю.А. Принцип цикличности в методике обучения физике. Киров : Изд-во КИПК и ИРО, 2008. 224 с. URL: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Princip_cycl_compressed.pdf
28. Степин В.С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 744 с.
29. Человек в мире знания: к 80-летию Владислава Александровича Лекторского. М., 2012. С. 104.
30. Разумовский В.Г. Проблемы теории и практики школьного физического образования: избранные научные статьи / сост. Ю.А. Сауров. М., 2016. 196 с.
31. Разумовский В.Г., Орлов В.А., Никифоров Г.Г., Майер В.В., Сауров Ю.А. Физика : учеб. для учащихся 10 кл. общеобразов. учреждений в 2 ч. М., 2010.
32. Перовищиков Д.В. Методические особенности решения физических задач с астрономическим содержанием // Модели и моделирование в методике обучения физике : материалы докл. VII Всерос. науч.-теоретической конф. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 85–88. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27585692>
33. Перовищиков Д.В., Сауров Ю.А. О методике организации познавательной деятельности при изучении астрономии в курсе физики // Вестник ВятГГУ. 2015. № 3. С. 126–131. URL: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Svejie_public/saurov-perevoshnikov-metod-astro.pdf
34. Ковязин Е.И., Перовищиков Д.В., Сауров Ю.А. Освоение идей ФГОС при изучении астрономии в школьном курсе физики // Физика в школе. 2015. № 6. С. 26–30. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24398180>
35. Позолотина М.П. Приемы освоения физического мышления в системе дополнительного дистанционного обучения // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. № 9. С. 49–58. URL: <http://e-koncept.ru/2017/170212.htm>
36. Позолотина М.П. Выделение и трансляция норм физического мышления как способ его формирования при обучении школьников // История исследований научной лаборатории «Модели и моделирование в методике обучения физике» : сб. ст. / сост. К.А. Коханов. Киров : Кировская областная типография, 2017. С. 48–50.
37. Сауров Ю.А., Перовищиков Д.В. Методология познания как инструмент межпредметных связей физики и астрономии // Сибирский учитель. 2016. № 3. С. 26–30. URL: <http://www.sibuch.ru/node/1817>
38. Позолотина М.П. Проблема задания норм физического мышления при дистанционном обучении физике // Вестник ВятГГУ: Педагогика и психология : научный журнал. 2014. № 11. С. 246–250. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22921817>
39. Сауров Ю.А. Физика в 10 классе: Модели уроков : кн. для учителя. М. : Просвещение, 2005. 256 с.
40. Сауров Ю.А. Физика в 11 классе: Модели уроков : кн. для учителя. М. : Просвещение, 2005. 271 с.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 16 октября 2019 г.

The Language of Invariants as a Tool for Constructing Methods in the Didactics of Physics

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 170–178.

DOI: 10.17223/15617793/451/23

Yury A. Saurov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: saurov-ya@yandex.ru,

Denis V. Perevoshchikov, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: pdv31415@gmail.com

Marina P. Uvarova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: mpozolotina@mail.ru

Keywords: methodology; invariants; physics didactics; methodical model; modeling; educational activity.

The article presents the results of a search for ways to rationalize the activities of both creators and consumers of scientific and methodological knowledge. The key task of scientific practice is outlined: the solution of the problem of stability and reproducibility of processes and results of scientific and methodological activities. The authors propose to conceptualize and practically solve it in the language of invariants. The research methods are the historical and methodological analysis of scientific and educational activity, obtaining empirical data and their analysis, theoretical design (modeling) of methodical decisions. It is shown that, in the didactics of physics, in distinguishing methodological invariants, it is effective to use the following logic: activity–types of educational activity–types of descriptions–types of invariants–patterns of use. It is emphasized that the idea of invariance allows combining methodological tools of different content (lesson model, schemes of the scientific method of cognition, structure of solution to an educational physical problem) to organize a stable educational system, and, therefore, to transmit and reproduce activity. The authors prove that the development and implementation of invariant methodological solutions for organizing the activities of students (a) contributes to the implementation of the principles of training in the implementation of any pedagogical technology, (b) can serve as the basis for the creation of a consistent and understandable technology for teachers to master the basic norms of educational activity, (c) contributes to a sensible and structured organization of the educational process and, consequently, leads to students' understanding and activity in training. Examples of the manifestation of the language of invariants are given: the principles of educational activity in the didactics of physics, the didactic model of activity for the development of the scientific method of cognition, typical methodological solutions, etc. In particular, the logic of the implementation of a two-stage logic for solving physical problems is presented. The efficiency of student learning activity and teaching activity standardization has been experimentally proved. The results of the study may be useful to post-graduate students and practicing educators.

REFERENCES

1. Rubinshteyn, L.S. (1999) *Osnovy obshchey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. St. Petersburg: Piter.
2. Leont'ev, A.N. (1994) *Filosofiya psikhologii* [Philosophy of Psychology]. Moscow: Moscow State University.
3. Davydov, V.V. (1996) *Teoriya razvivayushchego obucheniya* [Theory of Developmental Learning]. Moscow: Intor.
4. Shchedrovitskiy, G.P. (2005) *Myshlenie – Ponimanie – Refleksiya* [Thinking – Understanding – Reflection]. Moscow: Nasledie MMK.
5. Lektorskiy, V.A. (2001) *Epistemologiya klassicheskaya i neklassicheskaya* [Epistemology: Classical and Non-Classical]. Moscow: Editorial URSS.
6. Shchedrovitskiy, G.P. (1997) *Filosofiya. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki.

7. Peryshkin, A.V. (2013) *Fizika. 7 kl.* [Physics. Grade 7]. 2nd ed. Moscow: Drofa.
8. Otero, V.K. & Meltzer, D.E. (2016) 100 Years of Attempts to Transform Physics Education. *Phys. Teach.* 54 (9). pp. 523–527. DOI: 10.1119/1.4967888
9. Babenko, O., Larionov, V. & Khanchich, O. (2016) Problem-Based Learning for Technical Students on the Base TRIZ (Theory of Inventive Problem Solving). *SHS Web of Conferences*. 29. DOI: 10.1051/shsconf/201612902001
10. Gess-Newsome, J. et al. (2017) Teacher Pedagogical Content Knowledge, Practice, and Student Achievement. *International Journal of Science Education*. January. pp. 1–20. DOI: 10.1080/09500693.2016.1265158
11. Shershneva, V.A. et al. (2016) Contemporary Didactics in Higher Education in Russia. *European Journal of Contemporary Education*. 17 (3). pp. 357–367. DOI: 10.13187/ejced.2016.17.357
12. Concari, S. et al. (2006) Didactic Strategies Using Simulations for Physics Teaching. *Current Developments in Technology-Assisted Education*. 3. pp. 2042–2046. [Online] Available from: https://www.researchgate.net/profile/Sonia_Concari/publication/237308516_Didactic_strategies_using_simulations_for_Physics_teaching/links/00b4952c70d976b04600000/Didactic-strategies-using-simulations-for-Physics-teaching.pdf.
13. Corni, F. & Michelini, M. (2017) A Didactic Proposal About Rutherford Backscattering Spectrometry With Theoretic, Experimental, Simulation and Application Activities. *European Journal of Physics*. 39 (1). DOI: 10.1088/1361-6404/aa9053
14. Leonard, W.J., Dufresne, R.J. & Mestre, J.P. (1996) Using Qualitative Problem-Solving Strategies to Highlight the Role of Conceptual Knowledge in Solving Problems. *American Journal of Physics*. 64. pp. 1495–1503. DOI: 10.1119/1.18409
15. Michelini, M., Santi, L. & Stefanel, A. (2015) Teaching Modern Physics in Secondary School. *PoS*. [Online] Available from: [http://inspirehep.net/record/1487216/files/PoS\(FFP14\)231.pdf](http://inspirehep.net/record/1487216/files/PoS(FFP14)231.pdf).
16. Sadler, P.M. & Sonnert, G. (2016) Understanding Miskonceptions: Teaching and Learning in Middle School Physical Science. *American Educator*. 40 (1). pp. 26–32. [Online] Available from: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1094278.pdf>.
17. Mayer, V. & Varaksina, E. (2016) A Simple Demonstration When Studying the Equivalence Principle. *American Journal of Physics*. 84 (6). pp. 482–486. DOI: 10.1119/1.4945606
18. Mayer, V.V. & Varaksina, E.I. (2015) A Simple Demonstration of Einstein's Lift: A Body Thrown Upwards Moves Rectilinearly and Uniformly Relative to a Free-Falling Model of the Lift. *European Journal of Physics*. 36. [Online] Available from: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/0143-0807/36/5/055020/meta>.
19. Mayer, V.V. & Varaksina, E.I. (2016) Lecture Demonstrations of Relativity of Electric and Magnetic Fields. *European Journal of Physics*. 37 (4). [Online] Available from: <http://iopscience.iop.org/article/10.1088/0031-9120/49/6/689/meta#artAbst>.
20. Mayer, V.V. & Varaksina, E.I. (2014) Modern Analogue of Ohm's Historical Experiment. *Physics Education*. 50 (6). pp. 689–692. DOI: 10.1088/0031-9120/49/6/689
21. Michelini, M., Santi, L. & Stefanel, A. (2016) Research Based Proposals to Build Modern Physics Way of Thinking in Secondary Students. *Teaching Physics Innovatively*. Conference Proceedings. Budapest: University of Budapest. pp. 331–350. [Online] Available from: http://parrise.elte.hu/tpi-15/papers/MicheliniM_p.pdf.
22. Shchedrovitskiy, G.P. (1995) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow: Shkola kul'turnoy politiki.
23. Lerner, I.Ya. (1980) *Protsess obucheniya i ego zakonornosti* [The Learning Process and Its Laws]. Moscow: Znanie.
24. Kraevskiy, V.V. (1977) *Problemy nauchnogo obosnovaniya obucheniya: metodologicheskii analiz* [Problems of the Scientific Substantiation of Learning: A Methodological Analysis]. Moscow: Pedagogika.
25. Kokhanov, K.A. & Saurov, Yu.A. (2012) *Metodologiya funktsionirovaniya i razvitiya shkol'nogo fizicheskogo obrazovaniya* [Methodology of the Functioning and Development of School Education in Physics]. Kirov: Raduga-PRESS. [Online] Available from: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Metodol_ravz_fiz_obraz_compressed.pdf.
26. Kokhanov, K.A. & Saurov, Yu.A. (2013) *Problema zadaniya i formirovaniya sovremennoy kul'tury fizicheskogo myshleniya* [The Problem of the Task and the Formation of a Modern Culture of Physical Thinking]. Kirov: Tipografiya "Staraya Vyatka". [Online] Available from: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Sovr_kult_mishl_compressed.pdf.
27. Saurov, Yu.A. (2008) *Printsip tsiklichnosti v metodike obucheniya fizike* [The Principle of Cyclicity in the Methodology of Teaching Physics]. Kirov: Izd-vo KIPK i PRO. [Online] Available from: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Mono/Princip_cycl_compressed.pdf.
28. Stepin, V.S. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya.
29. Skvortsov, L.V. (ed.) (2012) *Chelovek v mire znaniya: k 80-letiyu Vladislava Aleksandrovicha Lektorskogo* [Man in the World of Knowledge: On the 80th Anniversary of Vladislav Lektorsky]. Moscow: ROSSPEN.
30. Razumovskiy, V.G. (2016) *Problemy teorii i praktiki shkol'nogo fizicheskogo obrazovaniya: izbrannye nauchnye stat'i* [Problems of the Theory and Practice of School Physical Education: Selected Scientific Articles]. Moscow: Institute for Strategy of Education Development of the Russian Academy of Education.
31. Razumovskiy, V.G. et al. (2010) *Fizika* [Physics]. In 2 Parts. Moscow: Vlados.
32. Perevoshchikov, D.V. (2016) [Methodological Features of Solving Physical Problems With Astronomical Content]. *Modeli i modelirovanie v metodike obucheniya fizike* [Models and Modeling in the Methods of Teaching Physics]. Proceedings of the VII All-Russian Conference. Kirov: Raduga-PRESS. pp. 85–88. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27585692>. (In Russian).
33. Perevoshchikov, D.V. & Saurov, Yu.A. (2015) On the Methodology of Organization of Cognitive Activity in Studying Astronomy Within the Course of Physics. *Vestnik VyatGGU – Herald of Vyatka State University*. 3. pp. 126–131. [Online] Available from: http://www.saurov-ya.ru/Nauka/Svejie_public/saurov-perevoshchikov-metod-astro.pdf. (In Russian).
34. Kovyazin, E.I., Perevoshchikov, D.V. & Saurov, Yu.A. (2015) Familiarization With the Ideas of the Federal State Educational Standard When Studying Astronomy in the Physics School Course. *Fizika v shkole*. 6. pp. 26–30. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24398180>. (In Russian).
35. Pozolotina, M.P. (2017) Methods of Physical Thinking Development in Remote Learning System. *Kontsept*. 9. pp. 49–58. [Online] Available from: <http://e-koncept.ru/2017/170212.htm>. (In Russian).
36. Pozolotina, M.P. (2017) Vydelenie i translyatsiya norm fizicheskogo myshleniya kak sposob ego formirovaniya pri obuchenii shkol'nikov [Detection and Translation of the Norms of Physical Thinking as a Way of Its Formation When Teaching Schoolchildren]. In: Kokhanov, K.A. *Istoriya issledovaniy nauchnoy laboratorii "Modeli i modelirovanie v metodike obucheniya fizike"* [History of Research at the Scientific Laboratory "Models and Modeling in the Methods of Teaching Physics"]. Kirov: Kirovskaya oblastnaya tipografiya. pp. 48–50.
37. Saurov, Yu.A. & Perevoshchikov, D.V. (2016) Metodologiya poznaniya kak instrument mezhpredmetnykh svyazey fiziki i astronomii [The Methodology of Cognition as a Tool of Intersubject Connections of Physics and Astronomy]. *Sibirskiy uchitel'*. 3. pp. 26–30. [Online] Available from: <http://www.sibuch.ru/node/1817>.
38. Pozolotina, M.P. (2014) The Problem of Setting Norms for Physical Thinking in Distance Education Physics. *Vestnik VyatGGU – Herald of Vyatka State University*. 11. pp. 246–250. [Online] Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22921817>. (In Russian).
39. Saurov, Yu.A. (2005) *Fizika v 10 klasse: Modeli urokov: kn. dlya uchitelya* [Physics in Grade 10: Lesson Models: Teacher Book]. Moscow: Prosveshchenie.
40. Saurov, Yu.A. (2005) *Fizika v 11 klasse: Modeli urokov: kn. dlya uchitelya* [Physics in Grade 11: Lesson Models: Teacher Book]. Moscow: Prosveshchenie.

Received: 16 October 2019

И.В. Яковлева, Н.Н. Власюк

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩИЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕЖИМЕ УЧЕБЫ, ТРУДА И ОТДЫХА СТУДЕНТОВ (ЦЕННОСТНЫЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ)

Здоровьесберегающие технологии в высшей школе рассматриваются как общественно значимые категории, представленные двумя воспитательно-образовательными блоками: ценностным, имеющим целью формирование системы ценностей студентов посредством занятий физической культурой с учетом ее взаимосвязи с профессиональным образованием, и деятельностным, предполагающим учебные и самостоятельные занятия в соотношении с учебно-трудовой деятельностью, организацией и проведением физкультурно-спортивных мероприятий.

Ключевые слова: ценностный компонент физической культуры; деятельностный компонент физической культуры; модель здоровья; человеческий капитал; здоровьесберегающие технологии.

Актуальность. Каждый студент испытывает умственное перенапряжение во время интенсивных учебных нагрузок, при этом недостаточная физическая активность в условиях однообразной рабочей позы, слабого двигательного фона и хронического утомления наносит существенный вред здоровью. Физиологи и медицинские работники наблюдают у большинства студентов явления переутомления и перенапряжения нервной системы, снижение сопротивляемости организма к инфекционным заболеваниям. Кроме снижения умственной и физической работоспособности, ухудшения памяти и внимания, наблюдаются нарушение сна, возникновение болей в области сердца и ряд других негативных явлений.

Возрастающие умственные нагрузки в условиях активизации учебной деятельности требуют применения здоровьесберегающих технологий. Наиболее оправданный путь увеличения адаптационных возможностей организма и сохранения работоспособности – создание условий удовлетворения личности в разнообразной двигательной активности и знаниевой подготовке в области физической культуры. Не случайно в педагогике, психологии и философии говорится о физической культуре не только как о самостоятельном социальном феномене, но и как об устойчивом человеческом качестве – культурном капитале (И.В. Палаткин [1], А.Е. Зимбули [2], Н.К. Федорова, В.В. Ковалева [3], С.Л. Маргарян [4], С.В. Шкляров, Е.В. Шестаев [5] и др.). Физическая культура как феномен общей культуры уникальна, поскольку основана на ценностном и деятельностном компонентах и соединяет социальное и биологическое начала в развитии человека.

Цель данной статьи – осмыслить с педагогических позиций разнообразные здоровьесберегающие технологии в режиме учебного процесса, труда и отдыха студентов [6] на основе качественно и осмысленно организованной двигательной активности [7], обогащения специальными знаниями в области физической культуры и спорта [8–10].

Одной из главных задач в этой связи является воспитание у студентов потребности в здоровом образе жизни через осознание здоровья как высшей ценности человеческого бытия, без которого человек не может состояться и реализоваться как личность.

Необходимость исследования в образовательном процессе современных форм и средств физической культуры для решения задач здоровьесбережения требует использования философских, медицинских, педагогических и психологических основ современного научного знания по формированию здоровья человека, в том числе основ возрастного развития человека в условиях интенсивной интеллектуальной нагрузки и особенностей протекания адаптационных процессов. В данных процессах значительное внимание уделяется роли педагога и основным направлениям его физкультурно-педагогической деятельности. В связи с этим предлагаются современные здоровьесберегающие технологии в режиме учебы, труда и отдыха студентов, а также методы контроля и оценки работы как педагога, так и образовательного учреждения с позиции здоровьесбережения.

Согласно современным определениям здоровье – это состояние физического, духовного и социального благополучия. Поэтому дисциплина «Физическая культура и спорт» в настоящее время является обязательной в образовательных программах нефизкультурных вузов очной, заочной, дистанционной и вечерней форм обучения. Возможности данной дисциплины определяются реализацией ценностного и деятельностного компонентов.

Ценностный компонент включает понимание ценностного потенциала физической культуры во взаимосвязи с профессиональным образованием и четким представлением модели здоровья выпускника вуза. В этой связи следует отметить, что общая культура современной личности, ее духовная культура, синтезирует в себе еще и такую ценность, как гуманный образ жизни, требующий от личности определенных поступков. Именно на эту ценность опираются государство и общество как важнейшую характеристику отрефлексированного антропоцентризма.

Стремясь соответствовать требованиям общества, молодые специалисты очень часто достигают желаемых результатов за счет истощения ресурсов собственного здоровья. Сегодня много говорят о стрессогенных профессиях, требующих больших резервов самообладания и саморегуляции. Но реальная ситуация такова, что в высших учебных заведениях нефизкультурного профиля будущих специалистов не обучают выдержке и самообладанию, умению сохранять

профессиональную форму путем применения здоровьесберегающих технологий. Поэтому мы наблюдаем многочисленные «провалы» в их физическом и психическом состоянии. Полезными ценностными ориентирами для здоровья и хорошим примером для окружающих являются социальная зрелость, отсутствие вредных привычек, опрятный внешний вид, позитивный жизненный настрой, высокая работоспособность, целеустремленность, стрессоустойчивость [1, 2].

К ценностному компоненту физической культуры мы также относим знание истории физической культуры и спорта, основ методик самостоятельных занятий физическими упражнениями и спортом, основанных на принципах сознательности и активности, наглядности, систематичности, ступенчатом и волнообразном режиме физической нагрузки, планировании самостоятельных тренировочных занятий в течение учебного (рабочего) дня.

Перевод словосочетания «*здоровьесберегающие технологии*» на английский язык будет выглядеть следующим образом – «*healthy and safety technologies*», оно включает в себя два главных компонента – здоровье и безопасность. Поэтому при обзоре научных зарубежных статей по проблемам здоровьесберегающих технологий в научно-педагогическом сообществе, мы наблюдаем обращение к проблемам безопасности. Во многих исследованиях уделяется внимание проблемам насилия в школах, что приводит к широкому внедрению стратегий школьной безопасности.

Исследования включают, во-первых, оценку степени комплексной безопасности в школах, во-вторых, предложения средств для улучшения систем предотвращения опасностей и комплексной безопасности, в-третьих, определение характеристик культуры безопасности. Применяются следующие инструменты: вопросники и фокус-группа с методологической ориентацией качественного характера. Результаты показывают, что вопросы безопасности сопряжены с высокой степенью ответственности управленческого персонала. Во многих исследованиях рассматриваются проблемы насилия, что приводит к широкому внедрению стратегий школьной безопасности, комплексной безопасности, определению характеристик культуры безопасности [11].

По мнению Т. Смит, безопасность зачастую связывают с проблемами биотерроризма и проблемами ожирения, поскольку они находятся в центре общественного внимания. Эти проблемы влияют на образовательные программы высшей школы (например, делается акцент на общественном здравоохранении, укреплении здоровья населения) [12]. Кроме того, высшие учебные заведения сталкиваются с большим количеством проблем, связанных со здоровьем студентов в кампусе (студенческие общежития, хостелы и др.), чем когда-либо прежде, поэтому основное внимание уделяется снижению риска с помощью таких инициатив, как предупреждение проблем психического здоровья, злоупотребления наркотиками, сексуальных посягательств и возможных террористических актов [13]. Отмечается, что современные программы академического здравоохранения в высших

учебных заведениях включают разнообразные возможные угрозы: виктимизацию учителей, самооценку работы учителя, порчу имущества, физическое насилие, словесные оскорбления, сексуальные домогательства, бесконтактную агрессию и др. [14].

Интересны исследования, направленные на создание дистанционных курсов, связанных с областью здоровья и безопасности, предлагаемые посредством дистанционного обучения, с использованием усовершенствованных технологий обучения, таких как Интернет или компакт-диск. Чаще всего интересующими областями исследования были гигиена труда (73%), профилактика травматизма и борьба с ним (60%), техника безопасности (53%) [15]. В Великобритании, например, работодатель обращает внимание не только на физиологическое здоровье сотрудников, но и на их психическое здоровье. Британское профессионально-техническое образование акцентирует внимание на классификации и оценке психического здоровья, что помогает включать охрану труда как предмет в систему образования.

Деятельностный компонент физической культуры основан на учебных и самостоятельных занятиях по физической культуре в режиме учебно-трудовой деятельности, включающих как малые формы физической культуры в режиме учебного труда студентов, так и использование физических упражнений как средства активного отдыха. Данный компонент формирует четкие установки на рациональный режим, включающий разумное распределение часов, отведенных на сон, прием пищи, правильное чередование интеллектуальных, физических, эмоциональных и других проявлений жизнедеятельности, способствующих всестороннему и гармоничному развитию здорового индивида.

Знакомство с основами частных методик для физического совершенствования человека (на примере фитнеса и его новых видов) также связано с самосовершенствованием и сознательной работой по личностному росту и развитию. Данный процесс заключается в формировании определенных качеств, навыков и свойств личности, основанных на индивидуальных интересах и ценностях, которые способствуют субъективной успешности и освоению новых социальных ролей [6, 16]. Задача оздоровительного активного отдыха в рамках фитнеса – это достижение должного уровня физического состояния для оптимальной физической работоспособности и стабильного здоровья. При этом используются регулируемые нагрузки, не превышающие функциональных возможностей организма, но достаточные для возникновения тренировочного эффекта. Для здоровья «много лучше, если человек правит в себе самом, что ему не надобно одерживать побед над собою» [17. С. 34].

Контроль в процессе самостоятельных занятий физическими упражнениями и спортом продиктован необходимостью оценки состояния организма как во время тренировочного процесса, так и после него. В первую очередь этому содействуют мероприятия врачебного контроля и самоконтроля занимающихся [3, 7]. Для повышения эффективности занятий и во избежание неблагоприятного влияния на организм необ-

ходимо своевременно корректировать физическую нагрузку. Самоконтроль предполагает внимательное отношение к своему здоровью; возможность освоить простейшие методы самонаблюдения; оценивать и анализировать показатели самоконтроля; использовать полученные знания на практике. Мы выделяем основные показатели самоконтроля (самочувствие, работоспособность, аппетит, желание тренироваться и участвовать в соревнованиях), а также такие объективные показатели, как частота сердечных сокращений, артериальное давление, жизненная емкость легких, жизненный индекс, коэффициент восстановления, масса тела, содержание тренировки и как она переносится.

Режим физических нагрузок и режим восстановления представляют единый тренировочный процесс, включающий необходимые средства восстановления работоспособности организма. Понятия «работоспособность», «утомление», «переутомление», «усталость», «патологический стресс», «информационные нагрузки» имеют комплексный характер [1, 8, 18]. Для восстановления израсходованных и создания дополнительных энергетических резервов необходимы как предупреждение переутомления организма в целом и отдельных его систем и органов, так и обеспечение энергетических и пластических потребностей, повышение функциональных возможностей дыхательной и сердечно-сосудистой систем, повышение роста тренированности.

Основными педагогическими средствами восстановления является рациональное планирование процесса физического воспитания; правильное построение физкультурного занятия с использованием средств для снятия утомления; методическая разработка специальных физических упражнений. К психологическим средствам восстановления мы относим психогигиену, психотерапию, музыку и цветомузыку, метод аутогенной психомышечной тренировки. Также существует разнообразный арсенал медико-биологических средств, способствующих решению задач ускорения восстановительных процессов (физио- и гидротерапевтические процедуры, массаж, прием витаминов, использование спортивных кремов, растирок и др.). Современная физиотерапия располагает большим арсеналом природных и искусственных факторов – это разнообразные средства закаливания (ультрафиолетовые излучения, аэроионизация, холодные и тепловые процедуры, морские купания, контрастные ароматические и вибрационные ванны, парная и суховоздушная бани-сауны, массаж и самомассаж и др.), медикаментозные препараты, применяемые под врачебным контролем, а также ряд лекарственных растений, обладающих седативным эффектом. Принципы и условия предупреждения переутомления и хронического утомления основаны на оптимальном сочетании труда и отдыха, культивировании положительных эмоций и отказе от вредных привычек [4, 19].

В период восстановления активно применяются тренажеры, устройства и приспособления в индивидуально-оздоровительных целях. Конструктивно тренажеры делятся на механические, электромеханиче-

ские, электрические и электронные. Использование тренажеров (многофункциональных и монофункциональных) в индивидуальных программах физического совершенствования человека обычно имеет локальное воздействие. Большинство тренажерных залов оснащено именно такими тренажерами. Эти тренажеры стали широко использоваться в оздоровительных целях, особенно для лиц, имеющих заболевания сердечно-сосудистой системы. Они дают большую нагрузку на мышцы, но незначительно увеличивают частоту сердечного-сосудистых сокращений. Применение тренажеров для восстановления работоспособности человека (восстановительного лечения, развития мышц спины, для балансирования внутри вращающегося колеса, для мышечной реабилитации, реабилитации дыхания, самомассажа и др.) имеет позитивный оздоровительный эффект в комплексе с общеразвивающими физическими нагрузками (бег, ходьба, плавание, прыжки, метание и др.) [5, 9].

Каждая профессия предъявляет человеку высокие специфические требования, прежде всего к его физическим и психическим качествам, прикладным навыкам. В то же время доказано явление положительного переноса физических качеств и навыков человека с одного вида двигательной деятельности на другой, обоснован позитивный результат в ситуации переноса в иную сферу деятельности психических качеств и свойств личности, преобразованных должным образом в процессе физкультурной деятельности. Профессионально-прикладная физическая подготовка педагога имеет целью содействие достижению готовности к успешной трудовой деятельности при помощи средств физической культуры. Основы методики профессионально-прикладной подготовки строятся в единстве с общей физической подготовкой, как дополнение применяются специализированные виды физической активности (туризм, лыжные походы, массовые заплывы, гребля на лодках и др.). Педагогический контроль в профессионально-прикладной физической подготовке позволяет определить ограничения при допуске к конкретной профессии по состоянию здоровья.

Здоровьесберегающие технологии также включают основы методики регуляции эмоциональных состояний человека. Влияние эмоций двойко: они или значительно возбуждают нервную систему, когда человек теряет самоконтроль, или же сильно затормаживает ее, что приводит к скованному поведению и мешает свободной жизнедеятельности. Разнообразные методы и средства психологической подготовки (мобилизирующие, корригирующие, релаксирующие, психолого-педагогические, психофизиологические и произвольной саморегуляции) оказывают терапевтическое влияние на индивидуальные особенности и потенциальные возможности личности. Основы психорегуляции (гетерорегуляция, ауторегуляция, приказ, убеждение, рациональное внушение, идеомоторная тренировка и др.) способны повлиять на позитивный эмоциональный подъем, воодушевить, повлиять на внутреннюю собранность и сосредоточенность перед трудными испытаниями. Приподнятое психическое состояние является фактором, усиливающим

жизнедеятельность организма и способствует повышению физических и интеллектуальных результатов.

Спортивно-массовые и оздоровительные мероприятия – это и форма воспитания чувства патриотизма, коллективизма, товарищества и других коммуникативных качеств. Студенты, добровольно выбирая вид спорта, психологически готовы к перенесению максимальных физических нагрузок. Тренировки требуют постоянного самосовершенствования, повышения спортивного мастерства. В ходе тренировок и соревнований они реализуют психофизиологические возможности, проявляя стойкость и волю к победе, у них формируется свое отношение к организации здорового быта и разумного досуга.

Занятия в спортивной секции проводятся в соответствии с планом, в котором отражены время и периодичность тренировок в течение недели, месяца, полугодия, года. Важными условиями эффективности тренировок являются круглогодичность и правильное планирование применяемых средств, объема и интенсивности нагрузок.

В зарубежном опыте работы ключевой вопрос физического воспитания смещается область самоуправления рисками для обеспечения собственного здоровья и безопасности. Например, обучение технике безопасности и гигиене труда часто представляется в качестве основной стратегии физвоспитания для снижения риска несчастных случаев и травм на производстве (Nicole Gerarda Power, & Sumaiya Baqee). В тренинги часто включают предположения о характере риска, здоровья и безопасности, а также предположения о том, как лучше всего быть к ним готовыми. Английская педагогическая общественность считает, что несчастные случаи и болезни на работе могут быть отнесены в основном к человеческим ошибкам или недостатку опыта и знаний. Учебные программы по здоровьесбережению, как правило, предусматривают развитие культуры безопасности для снижения про-

фессионального риска, уделяя особое внимание передаче экспертных знаний о безопасности и гигиене труда студентам с целью изменения их взглядов и поведения [20]. На страницах зарубежных изданий идет активное обсуждение инструментария санитарного просвещения («Национальные стандарты санитарного просвещения», «Инструмент анализа учебных программ по санитарному просвещению и индекс здоровья школы» и др.) и методического обеспечения дополнительной подготовки по включению этих инструментов в учебную программу [21].

Заключение. Здоровье зависит не только от генетических факторов, состояния окружающей среды, медицинского обеспечения, но более всего от организации и образа жизни студентов. Рассматривая здоровьесберегающие технологии в режиме учебы, труда и отдыха студентов, мы разделяем их на две формы реализации в высшей школе – ценностной и деятельностной. Раскрыть социальную значимость физической культуры как общественного явления и основы формирования здорового образа жизни имеет целью ценностная форма [10]. Основанная на понимании определения «человеческий капитал» как совокупность личностных качеств индивидов, которые они могут использовать для получения конкурентных преимуществ на рынке труда (знания, умения и навыки, здоровье, устойчивость к стрессам, приятная внешность, физическая сила, ловкость, выносливость, способность адаптироваться к изменениям и др.) – эта область знания указывает на важность, значимость, пользу, полезность физической культуры и спорта. Разумное распределение времени (сон, прием пищи, правильное чередование физических, интеллектуальных, эмоциональных проявлений) имеет целью сформировать деятельностную форму как результат совершенства, приобретенного в ходе физического развития для успешной профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Физическая культура. Прикладная физическая культура : учеб. пособие / сост. И.В. Палаткин [и др.]. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2018. 240 с.
2. Зимбули А.Е. Здоровье: нравственно-ценностные ракурсы // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2017. № 1 (4). С. 3–17.
3. Яковлева И.В., Федорова Н.К., Ковалева В.В. Создание здоровьесберегающей среды в НГПУ // Двигательная активность в формировании образа жизни и профессионального становления специалиста в области физической культуры и спорта : сб. материалов региональной науч.-практ. конф. с междунар. участием. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2017. С. 171–177.
4. Яковлева И.В., Федорова Н.К., Маргарян С.Л., Струкова С.А. Возможности интегрированного метода исследования волевой саморегуляции студентов НГПУ // Сибирский педагогический журнал. 2016. № 3. С. 98–106.
5. Шкляров С.В., Шестаев Е.В., Чепенко Н.П. Самостоятельные занятия на открытых спортивных площадках с использованием универсального устройства для совершенствования силы: методические рекомендации. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2015. 49 с.
6. Яковлева И.В., Кониболоцкая Е.И., Колосова Т.И., Шигаева Е.А. Исследование самоорганизации здорового образа жизни студентов вуза в ходе фитнес-тренировок // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3. С. 165–170.
7. Покровская Т.Ю., Ларионов И.С. Влияние двигательной активности и самостоятельных занятий на здоровье студентов // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2018. № 2 (9). С. 75–83.
8. Кубиева С.С., Ботагариев Т.А., Жетимеков Е.Т. Физическая подготовленность и физическое развитие студентов вузов различного профиля // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2018. № 2 (9). С. 26–49.
9. Яковлева И.В. Социально-психологическое содержание учебно-физкультурной деятельности студентов НГПУ // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 3. С. 168–174.
10. Яковлева И.В. Философская ориентация в проблеме здоровья человека // Инновационные научные исследования в гуманитарных, естественных, технических и общественных науках. Методология, теория, практика. 4–5 декабря 2014 года, г. Санкт-Петербург. СПб. : Изд-во «КультИнформПресс», 2014. С. 239–241.
11. Matthew J. Cuellar. School Safety Strategies and Their Effects on the Occurrence of School-Based Violence in U.S. High Schools: An Exploratory Study // Journal of School Violence. 2018. Vol. 17, is. 1. P. 28–45.
12. Tara Tietjen-Smith. Issues and Trends in Higher Education Health // Journal Quest. 2016. Vol. 68, is. 3. P. 324–336.

13. Joaquín Gairín & Diego Castro. Safety in schools: an integral approach // *International Journal of Leadership in Education. Theory and Practice*. 2011. Vol. 14, is. 4. P. 457–474.
14. Matthew J. Cuellar. School Safety Strategies and Their Effects on the Occurrence of School-Based Violence in U.S. High Schools: An Exploratory Study // *Journal of School Violence*. 2018. Vol. 17, is. 1. P. 28–45.
15. Virginia Carlson & Debra Kay Olson. Technology-Enhanced Learning / Distance Education: Market Survey of Occupational Health and Safety Professionals // *AHAJ – American Industrial Hygiene Association*. 2001. Vol. 62, is. 3. P. 349–355.
16. Попелухина С.В. Коррекция антропометрических данных у женщин средствами фитнеса // *Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта*. 2018. № 3 (10). С. 55–66.
17. Кант И. Лекции по этике: пер с нем. / общ. ред. А.А. Гусейнова. М.: Республика, 2000. 287 с.
18. Яковлева И.В., Федорова Н.К., Маргарян С.Л., Струкова С.А. О проблемах волевой саморегуляции студентов на занятиях физкультурой в вузе (ценностно-образовательный аспект) // *Философия образования*. 2015. № 2 (59). С. 201–210.
19. Galvan C., Meaney K., Gray V. Examining the reciprocal nature of service-learning for underserved students and preservice teachers // *Journal of Teaching in Physical Education*. 2018. Vol. 37, is. 4. P. 363–372.
20. Nicole Gerarda Powe, PhD & Sumaiya Baqee. Constructing A ‘Culture of Safety’: An Examination of the Assumptions Embedded in Occupational Safety and Health Curricula Delivered to High School Students and Fish Harvesters in Newfoundland and Labrador, Canada // *Journal Policy and Practice in Health and Safety*. 2010. Vol. 8, is. 1. P. 5–23.
21. Brad Davidson, Susan K. Telljohann, Joseph A. Dake & James H. Price. Institutions of Higher Education Pre-Service School Health Education Practices // *American Journal of Health Education*. 2010. Vol. 41, is. 6. P. 329–336.

Статья представлена научной редакцией «Педагогика» 20 мая 2019 г.

Health Care Technologies in Student Life (Value and Activity Aspects)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 179–184.

DOI: 10.17223/15617793/451/24

Irina V. Yakovleva, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: uhova2005@mail.ru

Natalya N. Vlasyuk, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: nnvlasyuk@ngs.ru

Keywords: value aspect of physical education; activity aspect of physical education; health model; human capital; health care technologies.

The aim of this study is to form a holistic view of health care technologies in teachers and students as part of the human culture; to reveal the social significance of these technologies as a social phenomenon and the basis for the formation of a healthy lifestyle, their interconnection with successful professional activities. The study is based on the student model of health. This model takes into account the needs of students in outdoor activities, leisure, the rational use of free time, the development of physical and professional qualities, motor capabilities by means of physical education. The essence of the value potential of physical education, its interconnection with professional activity are considered on the basis of praxeological and axiological approaches. The praxeological approach studies interactions of participants in the educational process; it is interested in both the theoretical foundations of successful action and the principles of rational organization, ways to improve action, techniques of action and counteraction, the use of symbolic information and argumentation, the creation of conditions and developmental environment in an educational institution, and pedagogical support. The axiological approach considers the value potential of physical education. The methodological support of physical education classes, special methods for physical self-improvement, basics of independent exercise and sports, control in independent studies, various means of restoring the body’s health (use of exercise machines and devices in individual wellness programs, holding sports and recreational events, etc.) are analysed. The study refers to foreign experience (China, Germany, the USA, etc.) in the basics of life safety, mental health, risk management skills in the field of health care and safety. The authors conclude that students’ health is a significant category in a social context represented by two aspects: value (for understanding the importance of the interconnection between physical and professional education) and activity (for improving health through training and physical activity in the conditions of student life). Physical education is the basis for the formation of a healthy lifestyle; it is interconnected with successful professional activities.

REFERENCES

1. Palatkin, I.V. et al. (2018) *Fizicheskaya kul'tura. Prikladnaya fizicheskaya kul'tura* [Physical Education. Applied Physical Education]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
2. Zimbuli, A.E. (2017) Zdorov'e: nraivstvenno-tsennostnye rakursy [Health: Moral and Value Perspectives]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta – Health, Physical Culture and Sports*. 1 (4). pp. 3–17.
3. Yakovleva, I.V., Fedorova, N.K. & Kovaleva, V.V. (2017) [Creation of a Health Care Environment in NSPU]. *Dvigatel'naya aktivnost' v formirovaniy obraza zhizni i professional'nogo stanovleniya spetsialista v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta* [Motor Activity in the Formation of Lifestyle and Professional Development of a Specialist in the Field of Physical Culture and Sports]. Conference Proceedings. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University. pp. 171–177. (In Russian).
4. Yakovleva, I.V. et al. (2016) Integration Analysis Potentialities in Studying Volitional Self-Regulation of Students. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 98–106. (In Russian).
5. Shklyarov, S.V., Shestaev, E.V. & Chepenko, N.P. (2015) *Samostoyatel'nye zanyatiya na otkrytykh sportivnykh ploshchadkakh s ispol'zovaniem universal'nogo ustroystva dlya sovershenstvovaniya sily: metodicheskie rekomendatsii* [Self-Study in Open Sports Fields Using a Universal Device for Improving Strength: Guidelines]. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University.
6. Yakovleva, I.V. et al. (2015) Research on Self-Organizing of a Healthy Life by Students During the Fitness Workouts. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 165–170. (In Russian).
7. Pokrovskaya, T.Yu. & Larionov, I.S. (2018) Vliyanie dvigatel'noy aktivnosti i samostoyatel'nykh zanyatiy na zdorov'e studentov [The Effect of Motor Activity and Self-Study on Student Health]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta – Health, Physical Culture and Sports*. 2 (9). pp. 75–83.
8. Kubieva, S.S., Botagariev, T.A. & Zhetimekov, E.T. (2018) Fizicheskaya podgotovlennost' i fizicheskoe razvitie studentov vuzov razlichnogo profilya [Physical Fitness and Physical Development of University Students of Various Profiles]. *Zdorov'e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul'tury i sporta – Health, Physical Culture and Sports*. № 2 (9). pp. 26–49.
9. Yakovleva, I.V. (2014) Socio-Psychological Study of Students' Education and Sport Activities at Novosibirsk State Pedagogical University. *Sibirskiy pedagogicheskiy zhurnal – Siberian Pedagogical Journal*. 3. pp. 168–174. (In Russian).
10. Yakovleva, I.V. (2014) [Philosophical Orientation in the Problem of Human Health]. *Innovatsionnye nauchnye issledovaniya v gumanitarnykh, estestvennykh, tekhnicheskikh i obshchestvennykh naukakh. Metodologiya, teoriya, praktika* [Innovative Research in the Humanities, Natural,

- Technical and Social Sciences. Methodology, Theory, Practice]. Conference Proceedings. St. Peterburg. 4–5 December 2014. St. Petersburg: Izd-vo “Kul’informPress”. pp. 239–241. (In Russian).
11. Cuellar, M.J. (2018) School Safety Strategies and Their Effects on the Occurrence of School-Based Violence in U.S. High Schools: An Exploratory Study. *Journal of School Violence*. 17 (1). pp. 28–45.
 12. Tietjen-Smith, T. (2016) Issues and Trends in Higher Education Health. *Journal Quest*. 68 (3). pp. 324–336.
 13. Gairín, J. & Castro, D. (2011) Safety in Schools: An Integral Approach. *International Journal of Leadership in Education. Theory and Practice*. 14 (4). pp. 457–474.
 14. Cuellar, M.J. (2018) School Safety Strategies and Their Effects on the Occurrence of School-Based Violence in U.S. High Schools: An Exploratory Study. *Journal of School Violence*. 17 (1). pp. 28–45.
 15. Carlson, V. & Olson, D.K. (2001) Technology-Enhanced Learning/Distance Education: Market Survey of Occupational Health and Safety Professionals. *AIHAJ – American Industrial Hygiene Association*. 62 (3). pp. 349–355.
 16. Popelukhina, S.V. (2018) Korrektsiya antropometricheskikh dannyykh u zhenshchin sredstvami fitnesa [Correction of Anthropometric Data by Fitness in Women]. *Zdorov’ e cheloveka, teoriya i metodika fizicheskoy kul’tury i sporta – Health, Physical Culture and Sports*. 3 (10). pp. 55–66.
 17. Kant, I. (2000) *Lektsii po etike* [Lectures on Ethics]. Translated from German. Moscow: Respublika.
 18. Yakovleva, I.V. et al. (2015) About the Problems of Students’ Volitional Self-Regulation at the Physical Culture Classes in the Higher Education Institution (A Value-Educational Aspect). *Filosofiya obrazovaniya – Philosophy of Education*. 2 (59). pp. 201–210.
 19. Galvan, C., Meaney, K. & Gray, V. (2018) Examining the Reciprocal Nature of Service-Learning for Underserved Students and Preservice Teachers. *Journal of Teaching in Physical Education*. 37 (4). pp. 363–372.
 20. Powe, N.G. & Baqee, S. (2010) Constructing A ‘Culture of Safety’: An Examination of the Assumptions Embedded in Occupational Safety and Health Curricula Delivered to High School Students and Fish Harvesters in Newfoundland and Labrador, Canada. *Journal Policy and Practice in Health and Safety*. 8 (1). pp. 5–23.
 21. Davidson, B., Telljohann, S.K., Dake, J.A. & Price, J.H. (2010) Institutions of Higher Education Pre-Service School Health Education Practice. *American Journal of Health Education*. 41 (6). pp. 329–336.

Received: 20 May 2019

ПРАВО

УДК 342.565.2

О.В. Брежнев

РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Анализируются основные тенденции развития института конституционного правосудия в Республике Узбекистан. Эти тенденции, с одной стороны, обусловлены особенностями сохранившейся в этой стране «кельзеновской» модели конституционного правосудия. С другой стороны, они отражают специфику, присущую развитию государственно-правовой системы Узбекистана в целом. Показаны также общие проблемы в сфере конституционного правосудия, характерные для стран, существующих на постсоветском пространстве.

Ключевые слова: конституционное правосудие; развитие; институт; суд; контроль; спор; толкование.

Распад Советского Союза и образование независимых государств на постсоветском пространстве повлекли за собой развитие в этих странах новой организации государственной власти, основанной на принципе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина рассматриваются конституциями соответствующих стран как обязанность государства, обусловленная его предназначением¹. С необходимостью защиты конституционного строя, реализации важнейших правовых ценностей в законодательстве и правоприменительной практике связано появление института конституционного правосудия в большинстве стран СНГ и Балтии [2. С. 1–3].

Конституционное правосудие представляет собой особую юрисдикционную деятельность судебных органов власти, содержанием которой является проверка конституционности законов и иных нормативных правовых актов, правоприменительной практики, разрешение споров о компетенции и реализация иных полномочий, направленных на правовую охрану Конституции. В институциональном отношении не существует единой модели конституционного правосудия: исходя из правовых и исторических особенностей конкретного государства, соответствующая деятельность может осуществляться всеми судами, только высшим судебным органом общей юрисдикции или специализированным судом. Нет и единого подхода к компетенции органа конституционного правосудия: полномочия, которыми наделен соответствующий орган, хотя и схожи в некоторой их части, все же отличаются в отдельных странах [3–5].

Определенный интерес в этой связи представляет анализ развития конституционного правосудия в Республике Узбекистан, поскольку, во-первых, в отличие от некоторых иных государств Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан), в этой стране сохранилась сложившаяся в 90-х гг. прошлого века «кельзеновская» модель конституционного правосудия, предполагающая создание специализированного судебного органа – Конституционного Суда². Во-вторых, организация и деятельность Конституционного Суда Узбекистана обладают значительными особенностями, отличными от органов конституционного контроля других государств. В-третьих, институт конституционного правосудия в Узбекистане за 26 лет своего

существования определенным образом эволюционировал вместе с развитием всей системы органов государственной власти этой страны. Некоторые проблемы, возникающие при осуществлении конституционного правосудия в Узбекистане, характерны не только для этого государства, но и для иных стран, существующих на постсоветском пространстве.

Своего рода «предшественником» Конституционного Суда Узбекистана являлся Комитет конституционного надзора этой Республики, образованный в соответствии с Законом Узбекской ССР от 20 июня 1990 г. № 93-ХП «О конституционном надзоре в Узбекской ССР»³. Данный несудебный орган был наделен полномочиями, преимущественно надзорными, по проверке соответствия Конституции Узбекистана как законопроектов, так и принятых законов, указов Президента Республики, постановлений и распоряжений Совета Министров Узбекистана и других актов. В целом его полномочия в сфере правовой охраны Конституции, так же как и аналогичного органа, который осуществлял деятельность на уровне СССР, сложно назвать эффективными. Заключение Комитета конституционного надзора подлежали обязательному рассмотрению теми государственными органами, которые приняли соответствующие акты, признанные Комитетом неконституционными (ст. 19 и 20 Закона от 20 июня 1990 г.). Именно на данные органы возлагалось устранение обнаруженных Комитетом несоответствий Конституции. Только в том случае, если Комитет приходил к выводу о том, что проверяемым нормативным правовым актом нарушались основные права и свободы человека, закрепленные в Конституции и международных актах, участником которых являлся Узбекистан, заключение Комитета непосредственно влекло за собой утрату юридической силы соответствующим актом (ч. 3 ст. 21 Закона от 20 июня 1990 г.). Подобное регулирование с неизбежностью порождало проблему исполнения решений Комитета. Отметим также, что Верховный Совет Узбекистана был вправе отклонить заключение Комитета двумя третями голосов от общего числа народных депутатов (ч. 3 ст. 19 Закона от 20 июня 1990 г.).

Тем не менее в Узбекистане Комитет конституционного надзора функционировал и после распада СССР [7. С. 52]. Более того, уже после принятия решения о создании Конституционного Суда полномо-

чия этого органа были временно (до избрания его первого состава) возложены на Комитет конституционного надзора. Бывший Председатель Конституционного Суда Узбекистана Б.А. Эшонов, оценивая роль Комитета конституционного надзора, высказал мнение о том, что «это был орган, переходный к конституционному правосудию» [8. С. 89].

В принятом 31 августа 1991 г. Законе Республики Узбекистан «Об основах государственной независимости Республики Узбекистан» впервые было закреплено положение о том, что «система государственных органов Республики Узбекистан строится на основе принципа разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной» (ст. 5). Необходимость обеспечения реализации этого принципа, а также очевидные недостатки правового статуса Комитета конституционного надзора обусловили решение о создании Конституционного Суда Республики Узбекистан.

Действующая Конституция Узбекистана, принятая 8 декабря 1992 г., предусматривала образование Конституционного Суда для «рассмотрения дел о конституционности актов законодательной и исполнительной власти». В Конституции правовому статусу Конституционного Суда специально посвящены ст. 108 и 109. Некоторые изменения в ст. 109 Конституции, направленные на конкретизацию отдельных полномочий Конституционного Суда, были внесены Законом Республики Узбекистан от 24 апреля 2003 г. № 470-II «О внесении изменений и дополнений в Конституцию Республики Узбекистан». Существенные дополнения, связанные с предоставлением Конституционному Суду новых полномочий, предусмотрены Законом Республики Узбекистан от 31 мая 2017 г. № ЗРУ-430 «О внесении изменений в отдельные статьи Конституции Республики Узбекистан (ст. 80, 93, 108 и 109)». Отдельные полномочия Конституционного Суда регламентируются также ст. 83 Конституции (право законодательной инициативы) и ч. 1 ее ст. 95 (согласование роспуска палат Олий Мажлиса – высшего представительного органа власти – Законодательной палаты и Сената).

Первый Закон «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» был принят 6 мая 1993 г. (№ 820-XII; далее – Закон 1993 г.). До избрания первого состава Конституционного Суда (22 декабря 1995 г.) он уже потребовал корректировки, в связи с чем 30 августа 1995 г. был принят новый Закон (№ 103-I; далее – Закон 1995 г.). Конституционная реформа 2017 г., существенно расширившая компетенцию Конституционного Суда, обусловила принятие ныне действующего Конституционного закона от 31 мая 2017 г. № ЗРУ-431 «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» (далее – Закон 2017 г.). Отметим, что данный Закон (ст. 3 и 4) не исключает возможность регламентации некоторых элементов статуса Конституционного Суда, в том числе его полномочий, отдельными законами. Например, в Законе Республики Узбекистан «О прокуратуре» (в ред. Закона от 29 августа 2001 г. № 257-II) предусмотрено полномочие Конституционного Суда по проверке правовых актов Генерального прокурора Республики Узбекистан (ч. 3 ст. 13).

Существенной особенностью законодательства Узбекистана о конституционном правосудии является то, что Закон «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» достаточно лаконичен и регламентирует в основном материально-правовые аспекты статуса этого органа. Что касается процедур конституционного судопроизводства, то они детально урегулированы Регламентом Конституционного Суда, принимаемым самим Судом. Данный вывод согласуется с положением ст. 15 Закона 2017 г. о том, что порядок деятельности Конституционного Суда определяется его Регламентом. Подобный подход, во-первых, отличает регламентацию конституционного правосудия в Узбекистане от аналогичного регулирования в России и других странах: как правило, материально-правовые и процессуальные аспекты статуса органа конституционного контроля урегулированы либо одним законом (Россия) либо разными (Беларусь, Молдова), но при этом Регламент выполняет роль не первичного, а лишь вспомогательного регулятора, дополняющего и конкретизирующего законодательные нормы, устанавливающие порядок осуществления конституционного правосудия. В Узбекистане процессуальные аспекты деятельности Конституционного Суда урегулированы именно его Регламентом: неслучайно Б.А. Эшонов характеризует Регламент как «процессуальный кодекс Суда» [9. С. 90]. Во-вторых, этот подход к регулированию процедур конституционного судопроизводства представляется достаточно уязвимым с точки зрения соответствия принципу разделения властей: будучи судебным органом власти, Конституционный Суд в своей деятельности должен руководствоваться процессуальными нормами, устанавливаемыми законодателем, а не создавать их самостоятельно и изменять по своему усмотрению. Действующий Регламент Конституционного Суда Республики Узбекистан был принят 17 апреля 2015 г.

Характеризуя место Конституционного Суда в системе органов государственной власти Республики Узбекистан, следует отметить, что Закон 1993 г. (ч. 1 ст. 1) характеризовал этот орган как «высший судебный орган конституционного контроля в Республике Узбекистан». Позднее эта формулировка претерпела изменения: узбекский законодатель, как некогда российский, отказался от определения «высший судебный орган» применительно к статусу Конституционного Суда. Закон 2017 г. (ст. 2) определяет Конституционный Суд как «постоянно действующий орган судебной власти по рассмотрению дел о конституционности актов законодательной и исполнительной власти». Как представляется, эта норма не умаляет его статус как органа, оказывающего существенное влияние на законотворчество и правоприменение и, как отмечает У. Базаров, разрешающего споры, хотя и облеченные в правовую форму, но «имеющие явно политическое значение» [10]. Исходя из этого, Конституционный Суд, чьи полномочия, в отличие от других судов, установлены непосредственно Конституцией, можно поставить в один ряд с другими высшими органами государственной власти Узбекистана – Олий Мажлисом, Президентом, Кабинетом министров [11. С. 89].

Отметим, что в соответствии с законодательством Узбекистана полномочиями в сфере конституционного контроля, помимо Конституционного Суда, обладают и иные органы государственной власти и должностные лица. Согласно ст. 26 Закона Республики Узбекистан от 2 сентября 1993 г. № 913-ХП «О государственной власти на местах» Олий Мажлис отменяет решения местных представительных органов власти – областных, районных, городских Кенгашей народных депутатов, противоречащие Конституции и законам Республики Узбекистан, указам, постановлениям и распоряжениям главы государства. Также Президент, Кабинет министров приостанавливают и отменяют акты глав местной представительной и исполнительной власти – хокимов, противоречащие Конституции, законам Республики Узбекистан, указам, постановлениям и распоряжениям Президента, актам Правительства, а также государственным интересам Республики Узбекистан. В соответствии со ст. 20 Закона Республики Узбекистан «О Кабинете Министров Республики Узбекистан» (в ред. Закона от 29 августа 2003 г. № 524-П) Президент вправе отменять постановления, распоряжения Кабинета министров и распоряжения Премьер-министра исходя из ст. 93 Конституции. Кабинет министров Республики Узбекистан имеет право отменять акты министерств, государственных комитетов, ведомств и других органов государственного и хозяйственного управления в случае их противоречия законодательству, а также приостанавливать и отменять решения и распоряжения хокимов областей и г. Ташкент, противоречащие законодательству (ст. 7 и 11 Закона «О Кабинете Министров Республики Узбекистан»).

Определенными полномочиями в рассматриваемой области обладают и органы власти на местах. Кенгаш народных депутатов вправе отменить не соответствующие законодательству Республики Узбекистан решения соответствующего хокима и нижестоящего Кенгаша. Хоким отменяет решения нижестоящих хокимов и вносит представления в Кенгаш народных депутатов об отмене актов нижестоящих Кенгашей, если они противоречат Конституции, законам и актам палат Олий Мажлиса, Президента, Кабинета министров, а также решениям вышестоящего Кенгаша народных депутатов и хокима (ст. 24 и 25 Закона «О государственной власти на местах»).

Верховный Суд Узбекистана осуществляет судебный контроль в отношении ведомственных нормативных правовых актов, в том числе и с точки зрения их соответствия Конституции (п. 1 ч. 1 ст. 27, п. 1 ч. 1 ст. 30, гл. 22 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве).

Конституционный Суд, в отличие от упомянутых органов и должностных лиц, является специальным органом конституционного контроля, решение которого о соответствии Конституции правового акта обладает высшей императивностью и не может быть пересмотрено какими-либо иными органами. Кроме того, по своей правовой природе он ориентирован на разрешение споров о конституционности.

За период деятельности Конституционного Суда Республики Узбекистан **порядок его образования и**

статус его судей претерпели некоторые изменения. Закон 1993 г. (ч. 1 ст. 2) предусматривал, что в состав этого органа входят 11 судей, включая Председателя, заместителя Председателя и секретаря. Закон 1995 г. (ч. 1 ст. 2) сократил количество судей до 7, включая Председателя и заместителя Председателя. Действующий Закон 2017 г. (ч. 3 ст. 5) сохранил эту норму. Порядок избрания судей в своей основе все эти годы оставался неизменным: судьи Конституционного Суда избирались Олий Мажлисом по представлению Президента. Однако конституционная реформа 2003 г., связанная с преобразованием однопалатного парламента в двухпалатный по итогам референдума по данному вопросу, проведенного 27 января 2002 г. (Закон Республики Узбекистан от 24 апреля 2003 г.), привела к определенному уточнению этой процедуры: судьи избираются Сенатом Олий Мажлиса, т.е. его верхней палатой, по представлению Президента (ч. 2 ст. 108 Конституции Республики Узбекистан).

Требования к кандидатам на должности судей Конституционного Суда Узбекистана достаточно специфичны. Кандидатами могут быть граждане, достигшие 35-летнего возраста и *являющиеся специалистами в области политики и права*, т.е. отсутствуют требования об обязательном наличии у них высшего юридического образования и стажа работы по правовой специальности. Такой подход ранее использовался при образовании Комитета конституционного надзора Узбекистана. Сложно отрицать политико-правовую природу деятельности, связанной с правовой охраной Конституции, однако это не умаляет того, что замещение судейской должности требует, прежде всего, высокой квалификации в области права, ибо судьи Конституционного Суда рассматривают в том числе политические вопросы, анализируя исключительно их правовую составляющую и облекая в юридическую форму принимаемые ими решения. Именно поэтому ныне действующая редакция ч. 2 ст. 108 Конституции Республики Узбекистан требует, чтобы все представляемые кандидаты на должности судей Конституционного Суда получили рекомендацию Высшего судейского совета – руководящего органа судейского сообщества. Отметим, что даже в тех странах, где специализированный конституционный контроль осуществляется несудебными органами, требование о высшем юридическом образовании к кандидату в члены соответствующего органа может предъявляться: примером является Конституционный Совет Республики Казахстан (ч. 1 ст. 4 Конституционного закона Республики Казахстан от 29 декабря 1995 г. № 2737 «О Конституционном Совете Республики Казахстан») [11. С. 55].

До вступления в силу Закона от 24 апреля 2003 г. Конституция Республики Узбекистан (ст. 97) содержала норму о том, что Президент, ушедший в отставку по истечении своих полномочий, занимает пожизненно должность члена Конституционного Суда. Подобная норма иногда применяется при образовании несудебных органов конституционного контроля: она предусмотрена в законодательстве Франции и Казахстана применительно к замещению должности члена Конституционного Совета [12. С. 54–55]. После пре-

образования Олий Мажлиса в двухпалатный парламент эта норма была обоснованно изменена: теперь Президент, прекративший исполнение своих полномочий, становится пожизненным членом Сената Олий Мажлиса.

Специфической особенностью образования Конституционного Суда Республики Узбекистан, которая остается неизменной на протяжении всего существования этого органа, является предусмотренное Конституцией (ч. 2 ст. 108) требование о том, что одним из судей должен быть избран представитель Республики Каракалпакстан – особой формы политической автономии, входящей в состав Узбекистана, но при этом обладающей суверенитетом и даже имеющей право на выход из страны (ст. 70 и 74 Конституции Узбекистана). Схожее положение предусмотрено в законодательстве Республики Таджикистан: в состав Конституционного Суда этого государства входит представитель Горно-Бадахшанской автономной области (ч. 1 ст. 89 Конституции Таджикистана) [13. С. 32–33]. Для реализации данного требования предусмотрен порядок выдвижения автономией кандидатов в состав Конституционного Суда [Там же. С. 50]. Отметим, что система органов государственной власти Республики Каракалпакстан включает в себя и Комитет конституционного надзора, действующий в соответствии с законодательством этой Республики (ст. 111, 112 Конституции Каракалпакстана 1993 г.).

Срок полномочий судьи Конституционного Суда Узбекистана составляет 5 лет (ч. 1 ст. 6 Закона 2017 г.). Эта норма также весьма специфична: обеспечивая частую обновляемость состава данного органа, она едва ли может рассматриваться как должная гарантия независимости судей. Более предпочтительно регулирование, предполагающее, что сроки полномочий судей Конституционного Суда существенно превышают сроки полномочий тех органов, правовые акты которых они оценивают на соответствие Конституции. Это ограничивает возможности воздействия данных органов на состав, и, как следствие, на содержание решений Конституционного Суда. Сроки же полномочий Президента Узбекистана, обеих палат Олий Мажлиса, Кабинета министров, Кенгашей народных депутатов и хокимов составляют 5 лет.

Законоположение о сроке полномочий судьи Конституционного Суда в Законе 2017 г. (ч. 2 ст. 6) дополнено нормой о предельном возрасте пребывания в должности судьи, который составляет, «как правило», 70 лет. Но, во-первых, не вполне понятно, в каких случаях допустимы исключения из этого правила. Во-вторых, данная норма не соответствует принципу единства статуса судей, предусмотренному в ч. 2 ст. 60 Закона Республики Узбекистан «О судах» (в ред. Закона от 14 декабря 2000 г. № 162-II). Кроме того, предусмотрена норма о том, что одно и то же лицо не может быть избрано судьей Конституционного Суда более двух раз.

Следует отметить, что Закон 2017 г. предусмотрел определенные, весьма важные гарантии самостоятельности Конституционного Суда как органа государственной власти. В частности, Суд самостоятель-

но на своем заседании избирает Председателя и заместителя Председателя Суда (ч. 4 ст. 5); решения и требования Суда обязательны для всех органов государственной власти, предприятий, учреждений, организаций, граждан (ст. 13); лишение неприкосновенности судьи Конституционного Суда допускается только с согласия Суда⁴ (ч. 1 ст. 21); Председатель Конституционного Суда самостоятельно утверждает структуру и штат аппарата Суда (ч. 2 ст. 35). Законоположения о статусе судей Конституционного Суда, как представляется, следовало бы дополнить нормами об антикоррупционных требованиях, ограничениях и обязанностях.

Действующее законодательство Республики Узбекистан (ст. 4 Закона 2017 г., ст. 2 Регламента Конституционного Суда) предусматривает следующие **полномочия Конституционного Суда**:

1) проверка соответствия Конституции законов Республики Узбекистан и постановлений палат Олий Мажлиса, указов, постановлений и распоряжений Президента, постановлений Правительства, решений местных органов государственной власти, межгосударственных договорных и иных обязательств Республики Узбекистан;

2) проверка соответствия Конституции конституционных законов Республики Узбекистан, законов Республики Узбекистан о ратификации международных договоров – до их подписания Президентом (введено Законом 2017 г.);

3) дача заключения о соответствии Конституции Республики Каракалпакстан Конституции Республики Узбекистан, законов Республики Каракалпакстан – законом Республики Узбекистан;

4) толкование норм Конституции и законов Республики Узбекистан;

5) рассмотрение обращений Верховного Суда Республики Узбекистан, инициированных судами, о соответствии Конституции Республики Узбекистан нормативных правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле (введено Законом 2017 г.);

6) по результатам обобщения практики конституционного судопроизводства ежегодное представление палатам Олий Мажлиса и Президенту Республики Узбекистан информации о состоянии конституционной законности в стране (введено Законом 2017 г.);

7) реализация права законодательной инициативы в Законодательной палате Олий Мажлиса;

8) дача согласия Президенту Республики Узбекистан на принятие решения о роспуске Законодательной палаты, Сената Олий Мажлиса;

9) проверка соответствия Конституции и законам Республики Узбекистан приказов и иных актов Генерального прокурора Республики Узбекистан (за исключением актов индивидуального характера);

10) дача согласия на привлечение к уголовной или административной ответственности, а также заключение под стражу или домашний арест судьи Конституционного Суда;

11) приостановление полномочий судьи Конституционного Суда;

12) принятие Регламента Конституционного Суда, внесение в него изменений и дополнений.

В целом компетенция Конституционного Суда за период его деятельности претерпела определенные изменения, в связи с чем заслуживают внимания некоторые аспекты ее реализации, о которых можно судить на основе анализа не только законодательного регулирования, но и конкретных решений этого органа [15].

Прежде всего, рассмотрим **полномочия Конституционного Суда, связанные с нормоконтролем**. Отметим, что проверяемые нормативные правовые акты оцениваются им с точки зрения их соответствия Конституции. Закон 2017 г. в ч. 2 ст. 8 содержит норму: «Конституционный Суд разрешает дела и дает заключения, руководствуясь исключительно Конституцией Республики Узбекистан». Однако в двух случаях этот Закон все же допускает *некоторое расширение нормативных критериев оценки проверяемых актов*: Конституционный Суд уполномочен давать заключения о соответствии законов Республики Каракалпакстан законам Узбекистана и осуществлять проверку нормативных правовых актов Генерального прокурора на соответствие не только Конституции, но и законам Республики Узбекистан. Кроме того, как показывает анализ практики Конституционного Суда, иногда он квалифицирует несоответствие проверяемого подзаконного акта закону как нарушение соответствующим органом положений ч. 1 ст. 15 Конституции о «безусловном верховенстве Конституции и законов Республики Узбекистан». Примером подобного подхода являются правовые позиции, изложенные в Постановлении Конституционного Суда от 17 июня 1997 г. по делу о проверке конституционности Положения о контрактной форме заключения трудовых договоров с педагогическими работниками, утвержденное Постановлением Кабинета Министров Республики Узбекистан от 24 августа 1992 г. № 394. Отметим, что в данном случае не возникает конкуренции конституционного правосудия с полномочиями других судов, ибо, в отличие от России, в Узбекистане нормативные правовые акты Правительства могут быть оспорены только в Конституционном Суде.

Касаясь вопроса *об объектах контроля*, осуществляемого Конституционным Судом Узбекистана, следует отметить, что к ним относятся, как отмечалось выше, правовые акты высших органов государственной власти, решения местных органов, а также международные договорные обязательства. Однако необходимо обозначить ряд вопросов, возникающих при анализе компетенции Конституционного Суда.

Могут ли быть предметом его проверки лишь нормативные правовые акты соответствующих органов? Законодательство Узбекистана изначально не позволяло четко ответить на этот вопрос. Конституция (п. 1 ч. 1 ст. 109) в редакции до вступления в силу Закона от 24 апреля 2003 г. предусматривала, что Конституционный Суд «определяет соответствие Конституции Республики Узбекистан законов Республики Узбекистан и иных актов, принятых Олий Мажлисом Республики Узбекистан» (курсив мой. – О.Б.), что могло толковаться и как допустимость проверки ненормативных актов. В 2003 г. эта норма была

изменена: теперь она содержит указания на конкретные виды проверяемых актов – постановления палат Олий Мажлиса, указы, постановления и распоряжения Президента и др. Однако данные акты могут иметь как нормативный, так и ненормативный характер. Отметим, что Конституционный Суд Узбекистана на начальном этапе своей деятельности принимал к рассмотрению и обращения о проверке ненормативных актов. Например, Постановлением от 25 февраля 1997 г. он признал неконституционным распоряжение хокима Сурхандарьинской области от 15 августа 1996 г. № 164, которым с целью подготовки и издания цветной книги-альбома «Сурхандарья» предписано Денаускому хлопкоочистительному акционерному обществу выделить 200 тонн ваты «Прима» и отправить их бумажному комбинату Новосибирска. Конституционный Суд постановил, что это распоряжение нарушает право собственности хозяйствующего субъекта и противоречит ст. 54 Конституции Узбекистана.

В настоящее время можно сделать вывод, что предметом проверки в Конституционном Суде Узбекистана могут быть *только нормативные правовые акты*. Во-первых, на это прямо указывает действующий Регламент Конституционного Суда (ст. 71). Во-вторых, Закон «О прокуратуре» (ч. 3 ст. 13), предусматривая полномочие Конституционного Суда по проверке приказов и иных актов Генерального прокурора, содержит специальную оговорку, исключающую возможность рассмотрения принятых им «актов индивидуального характера». В-третьих, в 2017–2018 гг. в Узбекистане проведена судебная реформа, результатом которой среди прочего является создание системы административных судов. К их ведомственности отнесено в том числе рассмотрение дел «об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственного управления, не соответствующих законодательству и нарушающих права и охраняемые законом интересы граждан или юридических лиц» (п. 2 ч. 1 ст. 27, гл. 23 Кодекса Республики Узбекистан об административном судопроизводстве), т.е. проверку ненормативных актов, в форму которых чаще всего облечены соответствующие решения, осуществляемые органами административной юстиции. Наконец, в-четвертых, в Законе 2017 г. появилось хорошо известное российскому законодательству о конституционном правосудии положение о том, что «Конституционный Суд при осуществлении конституционного судопроизводства воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств во всех случаях, когда это входит в компетенцию других судов или иных органов» (ч. 2 ст. 4). А судебный контроль в отношении ненормативных (правоприменительных) актов, как правило, предполагает необходимость установления определенных фактических обстоятельств.

В 2017 г. Конституционный Суд был наделен *полномочием по предварительному нормоконтролю*: он рассматривает дела о соответствии Конституции Республики Узбекистан конституционных законов, законов о ратификации международных договоров до их подписания Президентом. Но как соотносится это полномочие с осуществляемым Судом последующим

контролем в отношении законов и «межгосударственных договорных и иных обязательств Республики Узбекистан»? В этой связи возникает ряд вопросов. Охватывает ли понятие «законы Республики Узбекистан», используемое в п. 1 ч. 1 ст. 109 Конституции для регламентации полномочия Конституционного Суда по осуществлению последующего конституционного контроля, и «конституционные законы», в отношении которых допустим предварительный контроль? На этот вопрос, по-видимому, следует дать отрицательный ответ: по логике правового регулирования в отношении конституционных законов должен осуществляться предварительный контроль, а в отношении обычных законов – последующий. Более сложен другой аспект этой проблемы: как соотносится осуществление последующего контроля в отношении «межгосударственных договорных и иных обязательств Республики Узбекистан» с предварительным контролем в отношении «законов Республики Узбекистан о ратификации международных договоров», особенно с учетом того, что реализация полномочия по предварительному контролю не исключает в дальнейшем и осуществление последующего контроля? Вряд ли проверка конституционности закона о ратификации международного договора может не затрагивать существо самих международно-правовых обязательств, взятых на себя Республикой Узбекистан в соответствии с данным актом. Кроме того, осуществляя последующий контроль, Конституционный Суд будет неизбежно связан теми правовыми позициями, которые были сформулированы при осуществлении предварительного контроля в отношении закона о ратификации соответствующего международного договора. Ответы на эти вопросы предстоит найти в практике конституционного правосудия.

В 2017 г. у Конституционного Суда Узбекистана появилось новое полномочие: рассмотрение обращений Верховного Суда Республики Узбекистан, инициированных судами, о соответствии Конституции нормативных правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле. Речь идет о разновидности конкретного конституционного контроля, основной задачей которого является обеспечение конституционности не только собственно законодательства, но и судебного правоприменения. При этом на Верховный Суд возлагается некая функция «фильтрации» поступающих от судов обращений о проверке конституционности того или иного нормативного акта. Иными словами, он должен предварительно установить, затронута ли в поступившем обращении реальная конституционная проблема. В связи с этим следует отметить, что, во-первых, законодатель должен более четко обозначить, какие именно нормативные правовые акты могут проверяться Конституционным Судом при реализации этого полномочия. По-видимому, речь должна идти либо только о законах (как это предусмотрено, например, в ч. 4 ст. 125 Конституции Российской Федерации применительно к полномочию по проверке конституционности закона, подлежащего применению в конкретном деле), либо о законах *и иных нормативных правовых актах, которые могут проверяться Конституционным Судом* (п. 1 ч. 1

ст. 109 Конституции Узбекистана). Сохранение общей формулировки об осуществлении проверки в отношении «нормативных правовых актов, подлежащих применению в конкретном деле», без ее конкретизации чревато конкуренцией компетенции Конституционного Суда и Верховного Суда, также наделенного, как отмечалось выше, определенными полномочиями в сфере нормоконтроля, которые реализуются посредством административного судопроизводства. Во-вторых, следовало бы законодательно урегулировать правовые последствия решения Конституционного Суда по этой категории дел в части его воздействия на судебное правоприменение.

Отметим также обособленное от иных видов нормоконтроля полномочие Конституционного Суда по даче заключения о соответствии Конституции Республики Каракалпакстан Конституции Узбекистана, законов Республики Каракалпакстан – законам Узбекистана. Законодатель не только обособил данное полномочие, но и предусмотрел, что решение Конституционного Суда в данном случае облекается в особую правовую форму – заключения. По-видимому, оно должно носить преюдициальный характер, т.е. устанавливать конституционность или неконституционность положений этих актов и направляться в Олий Мажлис, уполномоченный устранить обнаруженные нарушения. Иными словами, данное полномочие в силу декларируемого в Конституции Узбекистана суверенитета Республики Каракалпакстан, вероятно, носит *конституционно-надзорный характер*. Оно требует надлежущей законодательной регламентации, тем более что законы Каракалпакстана могут являться предметом рассмотрения и Комитета конституционного надзора этой Республики с точки зрения их соответствия Конституции Каракалпакстана.

Касаясь вопроса о *перечне субъектов, уполномоченных вносить на рассмотрение Конституционного Суда Узбекистана вопросы, относящиеся к его компетенции*, следует отметить, что этот перечень не дифференцируется применительно к каждому конкретному полномочию, как это чаще всего имеет место в законодательстве о конституционном правосудии других стран, и в общем виде предусмотрен в ст. 25 Закона 2017 г. Правом инициировать возбуждение конституционного судопроизводства обладают: палаты Олий Мажлиса; Президент Республики Узбекистан; Кабинет министров; уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека (омбудсмен); Жокаргы Кенес Республики Каракалпакстан; группа депутатов или сенаторов – не менее одной четверти от общего числа соответственно депутатов Законодательной палаты или членов Сената Олий Мажлиса; Верховный Суд; Генеральный прокурор. Отметим, что Кабинет министров и уполномоченный Олий Мажлиса по правам человека были включены в этот перечень Законом 2017 г., чему предшествовало обсуждение необходимости данного решения в научной литературе [16. С. 192].

Вопрос на рассмотрение Конституционного Суда может быть внесен *и по инициативе не менее трех его судей*. Таким образом, Конституционный Суд Узбекистана относится к немногим органам консти-

туционного правосудия, которые вправе самостоятельно инициировать рассмотрение того или иного дела. Более того, как показывает анализ практики Конституционного Суда, абсолютное большинство рассмотренных им дел были возбуждены именно по инициативе судей. Конечно, эта особенность конституционного правосудия в Узбекистане противоречит природе судебной власти, осуществляемой на основе принципа состязательности и равноправия сторон. Данный принцип исходит из того, что суд не вправе самостоятельно возбуждать то или иное дело, что неизбежно вело бы к утрате им статуса независимого арбитра, разрешающего правовой спор, возникший независимо от воли судей. В случае инициирования рассмотрения дела самим судом позиция судебного органа, в том числе с точки зрения ее восприятия обществом, неизбежно ассоциировалась бы с одной из сторон конфликта и вследствие этого утрачивала бы свое авторитетное значение. Интересно отметить в этой связи, что законы 1993 и 1995 гг. не предусматривали состязательность и равноправие сторон в числе принципов конституционного судопроизводства в Узбекистане. И только Закон 2017 г. нормативно его закрепил (ст. 12).

Несмотря на сказанное, анализ практики показывает, что возможность инициирования рассмотрения дела судьями активно используется для реализации Конституционным Судом своей функции по защите прав и свобод граждан [17, 18]. *В Узбекистане нет института конституционной жалобы в традиционном понимании: в числе субъектов, наделенных правом вносить на рассмотрение Суда вопросы, относящиеся к его компетенции, в Законе не упомянуты граждане, группы граждан, общественные объединения, организации.* Но при этом законодательство в принципе не исключает саму возможность обращения граждан в любой государственный орган или к любому должностному лицу, в том числе наделенным правом инициирования рассмотрения дела в Конституционном Суде. Действуя в соответствии с Законом Республики Узбекистан «Об обращениях физических и юридических лиц» (в ред. Закона от 11 сентября 2017 г. № ЗРУ-445), граждане нередко обращаются непосредственно к судьям Конституционного Суда с просьбой о вынесении того или иного вопроса на рассмотрение Суда. При этом, как свидетельствует практика, судьями непосредственно изучаются обращения граждан следующего содержания:

1) о нарушении их прав, свобод и законных интересов, определенных в Конституции Республики Узбекистан, в результате принятия законов или постановлений палат Олий Мажлиса, указов Президента, постановлений Кабинета министров и решений местных органов государственной власти, а также межгосударственными договорами и обязательствами Республики Узбекистан;

2) о несоответствии Конституции Республики Каракалпакстан Конституции Республики Узбекистан, законов Республики Каракалпакстан – законам Республики Узбекистан;

3) о толковании норм Конституции и законов Республики Узбекистан.

По каждому поступившему обращению готовится заключение судьи. В случае одобрения заключения не менее двумя другими судьями соответствующее дело может быть внесено на рассмотрение Конституционного Суда.

Данный механизм многократно использовался для защиты прав конкретных граждан⁵. Вместе с тем он не может рассматриваться как полноценная замена институту конституционной жалобы: не только потому, что возможность для гражданина получить доступ к конституционному правосудию в каждом случае опосредуется волеизъявлением как минимум трех судей Конституционного Суда, но и потому, что эти судьи вправе в любой момент до начала рассмотрения дела отозвать внесенный ими вопрос (ст. 33 Регламента Конституционного Суда). Поэтому проблема предоставления гражданину возможности непосредственно обращаться за защитой своих прав в Конституционный Суд Узбекистана уже давно является предметом обсуждения в научном и судебском сообществе этой страны [20, 21]. Кроме того, не предусмотрен конкретный механизм пересмотра в связи с решением Конституционного Суда правоприменительных актов, ранее принятых на основе неконституционной нормы в отношении гражданина, обратившегося к судьям.

Полномочие Конституционного Суда по толкованию Конституции и законов Республики Узбекистан достаточно часто реализуется на практике (особенно в части толкования законов), что во многом обусловлено сложностями становления национального законодательства. В соответствии с Регламентом Конституционного Суда (ч. 1 ст. 74) основанием для толкования Конституции и законов Республики Узбекистан является «обнаружение в них неясностей, неправильной или противоречивой практики их применения». Но при этом «в процессе официального толкования норм Конституции и законов Республики Узбекистан не допускается внесение в них поправок, изменений, дополнений, направленных на конкретизацию норм».

Предоставление Конституционному Суду полномочия по толкованию законов не выглядит бесспорным. Казалось бы, кто, кроме самого законодателя, может адекватно уяснить и разъяснить волю, выраженную в той или иной норме закона? Не случайно, аутентичное толкование законов осуществляется самим законодательным органом власти. Иной подход приводил бы к умалению самостоятельности законодательной власти, а значит, и к нарушению принципа разделения властей. Но с другой стороны, реализация этого полномочия Конституционным Судом позволяет осуществлять конституционно-правовое истолкование законоположений, т.е. соотносить их содержание с системой конституционных принципов и выраженных в них ценностей. Кроме того, в этом проявляется роль Конституционного Суда и как своего рода экспертного органа, своими решениями устраняющего многочисленные коллизии, встречающиеся в законодательстве Узбекистана.

В качестве примера можно привести принятое Конституционным Судом Решение от 22 апреля

2014 г. по делу о толковании п. 2 ч. 1 ст. 21 Закона Республики Узбекистан от 2 июля 1992 г. № 632-ХП «О гражданстве Республики Узбекистан». Соответствующая норма предусматривает утрату гражданства в том случае, если гражданин Узбекистана, постоянно проживающий за границей, не встал на консульский учет без уважительных причин в течение 5 лет. Однако само понятие «гражданин, постоянно проживающий за границей» определено Положением о паспортной системе в Республике Узбекистан, утвержденным Указом Президента Республики Узбекистан от 5 января 2011 г. «О дополнительных мерах по совершенствованию паспортной системы в Республике Узбекистан», в соответствии с которым таковым является лишь гражданин, выписавшийся из места постоянного жительства в Республике Узбекистан и оформивший разрешение на выезд за границу на постоянное жительство в установленном порядке. В связи с этим на практике появился следующий вопрос: распространяется ли п. 2 ч. 1 ст. 21 Закона «О гражданстве Республики Узбекистан» на тех граждан, которые выехали за границу без соответствующего оформления выписки, без разрешения на выезд за границу на постоянное место жительство и проживающих там в течение 5 лет без постановки на консульский учет? Министерство иностранных дел Узбекистана обратилось с просьбой о толковании соответствующей нормы в Конституционный Суд, который, рассмотрев дело по инициативе трех судей, дал положительный ответ на этот вопрос: принцип единства гражданства (ст. 21 Конституции) должен предполагать и равные основания для его прекращения.

Отметим, что сам Конституционный Суд не интерпретирует свое полномочие по толкованию законов расширительным образом. В Решении от 2 мая 2006 г. по делу о толковании ч. 2 ст. 31 Закона Республики Узбекистан от 14 декабря 2000 г. № 160-П «О нормативно-правовых актах» он специально указал, что данное полномочие Конституционного Суда не распространяется на толкование постановлений палат Олий Мажлиса, ибо «закон – это нормативно-правовой акт, принятый высшим представительным органом государственной власти с соблюдением установленной Конституцией процедуры либо путем проведения референдума», а «законы Республики Узбекистан и постановления палат Олий Мажлиса Республики Узбекистан различаются по установленному Конституцией и законами Республики Узбекистан порядку их принятия и приобретения юридической силы».

Как показывает анализ практики Конституционного Суда Узбекистана, толкование законов может использоваться и как средство преодоления неконституционного понимания соответствующей нормы правоприменительными органами. Регламент Конституционного Суда (ч. 5 ст. 71) позволяет «по итогам рассмотрения дела о проверке конституционности закона Республики Узбекистан... дать официальное толкование нормы данного закона», если Суд «придет к выводу, что сложилась неправильная практика применения данного закона или его части».

Как отмечает У. Базаров, определенной проблемой в Узбекистане является соотношение толкования законов Конституционным Судом и их разъяснения Пленумом Верховного Суда, ибо в законодательстве четко не предусмотрено соотношение их актов по юридической силе. При возникновении противоречий, по его мнению, приоритетом обладают решения Конституционного Суда, т.е. постановления Пленума Верховного Суда должны приводиться в соответствие с ними [10].

Специфика законодательного регулирования статуса органа конституционного правосудия в Узбекистане проявляется и в *отсутствии четкого разграничения между юрисдикционными и неюрисдикционными (в том числе организационными) полномочиями Конституционного Суда*. Следствием этого является использование процессуальной формы, свойственной осуществлению юрисдикционных полномочий, при реализации тех из них, которые по своей правовой природе таковыми не являются. Это касается и такого полномочия Конституционного Суда, как **внесение законопроекта на рассмотрение Законодательной палаты Олий Мажлиса**. Как свидетельствует практика, это полномочие осуществляется чаще всего по инициативе трех судей в связи с обращениями граждан и организаций: по делу определяется судья-докладчик, назначается судебное заседание, на которое приглашаются и заслушиваются представители заинтересованных органов государственной власти. По его итогам принимается решение о возможности внесения законопроекта, к которому (в случае внесения) прилагается его текст. В целом процедура реализации данного полномочия схожа с порядком осуществления Конституционным Судом нормоконтроля. Неслучайно иногда рассмотрение обращения о проверке конституционности того или иного акта или даже о толковании закона завершается принятием Конституционным Судом решения о внесении законопроекта на рассмотрение Законодательной палаты Олий Мажлиса, хотя подобное прямо не предусмотрено законодательством Узбекистана⁶. Это подчеркивает как отсутствие четких законодательных «границ» между различными полномочиями Конституционного Суда, так и экспертный характер данного органа.

Конституционный Суд Узбекистана многократно осуществлял право законодательной инициативы, хотя соответствие подобного полномочия правовой природе органа конституционного правосудия неоспорно: во многих странах конституционные суды, как известно, им не обладают, дабы избежать излишней политизации судебного конституционного контроля и обеспечить независимость этого органа при проверке конституционности законов, принятие которых не может быть инициировано самим Конституционным Судом. В тех странах, где у соответствующих органов есть право законодательной инициативы, они все же придерживаются доктрины «разумной сдержанности» при его реализации. Отметим, что ч. 1 ст. 75 Регламента Конституционного Суда Узбекистана также ограничивает возможность законодательной инициативы Суда «вопросами сво-

его ведения». Но в условиях становления национального законодательства Узбекистана Конституционный Суд осуществляет полномочия, позволяющие ему более активно, чем это допускается для данных органов в других странах, воздействовать на законодательный процесс.

Особый характер носит полномочие Конституционного Суда Узбекистана **по даче согласия Президенту на принятие решения о роспуске Законодательной палаты, Сената Олий Мажлиса**. В данном случае решение Конституционного Суда «запускает» механизм правовой и (или) политической ответственности палат Парламента. Специфика реализации этого полномочия заключается в том, что *оно имеет своей целью установление фактических обстоятельств, касающихся:*

- 1) возникновения в составе Законодательной палаты или Сената непреодолимых разногласий, ставящих под угрозу их нормальное функционирование;
- 2) неоднократного принятия ими решений, противоречащих Конституции Республики Узбекистан;
- 3) возникновения непреодолимых разногласий между Законодательной палатой и Сенатом, ставящих под угрозу нормальное функционирование Олий Мажлиса.

При установлении данных обстоятельств Конституционный Суд принимает решение о даче согласия на роспуск одной или обеих палат Олий Мажлиса. Отметим, что понятие «непреодолимые разногласия», которое предусмотрено в качестве основания для роспуска Парламента, носит в существенной мере оценочный характер, что значительно усиливает дискрецию Конституционного Суда при рассмотрении этой категории дел.

Следует обратить внимание на еще одну важную особенность: Конституция Узбекистана (ч. 1 ст. 95), регламентируя полномочие Президента по роспуску палат Олий Мажлиса, устанавливает, что оно реализуется *по согласованию* с Конституционным Судом. Регламент же Суда (ст. 76) интерпретирует полномочие органа конституционного правосудия как *дачу согласия* Президенту на роспуск Парламента. Между тем, согласование и дача согласия – не тождественные по смыслу понятия. Они отличаются степенью императивности полномочия органа конституционного правосудия: согласование может пониматься как взаимные консультации с целью выявления общего мнения, дача согласия же предполагает установление Конституционным Судом оснований для роспуска палат Олий Мажлиса как обязательное предварительное условие, обеспечивающее законность этого решения Президента. В данном случае требуется толкование соответствующей конституционной нормы.

Специфической особенностью законодательного регулирования конституционного правосудия в Узбекистане является и то, что ряд важных норм, касающихся **юридической силы решений Конституционного Суда**, содержатся не в Конституции и даже не в Законе «О Конституционном Суде Республики Узбекистан», а в других законах. Например, положение о

том, что нормативные правовые акты, признанные Конституционным Судом неконституционными, утрачивают силу, предусмотрено в ч. 2 ст. 35 Закона Республики Узбекистан «О нормативно-правовых актах» (в ред. Закона от 24 декабря 2012 г. № ЗРУ-342). Предпочтительнее, чтобы все нормы, регулирующие общественные отношения, связанные с воздействием решений Конституционного Суда на законодательство и правоприменительную практику в более детализированном виде, содержались в законе, регламентирующем статус органа конституционного правосудия. Это создало бы условия для их единообразного понимания и эффективной реализации.

В заключение следует отметить, что Конституционный Суд Республики Узбекистан в силу объективных потребностей развития законодательства этого государства был создан и последовательно развивается не только как судебный орган конституционного контроля, призванный разрешать конституционные споры, но в не меньшей, а может быть, и в большей – как специфический экспертный орган, осуществляющий, нередко в инициативном порядке, нормативно-интерпретационную и законопроектную деятельность с целью устранения коллизий в законодательстве Узбекистана.

В качестве *основных направлений совершенствования правового регулирования организации и деятельности Конституционного Суда Узбекистана* можно отметить следующие:

- 1) введение обязательных требований о высшем юридическом образовании и стаже работы по правовой специальности для кандидатов на должности судей Конституционного Суда;
- 2) существенное увеличение сроков полномочий судей Конституционного Суда;
- 3) более полное законодательное урегулирование полномочий Конституционного Суда, особенно с учетом необходимости их процессуальной дифференциации;
- 4) переход от регламентной к законодательной форме регулирования процедур конституционного судопроизводства;
- 5) введение полноценного института конституционной жалобы, позволяющего гражданам и их объединениям непосредственно обращаться в Конституционный Суд с целью защиты своих прав;
- 6) исключение возможности возбуждения конституционного судопроизводства по инициативе судей Конституционного Суда;
- 7) более детальная регламентация в Законе «О Конституционном Суде Республики Узбекистан» вопросов юридической силы и особенностей исполнения решений Конституционного Суда;
- 8) дополнительное урегулирование полномочий Конституционного Суда по отношению к нормативным правовым актам высших органов государственной власти Республики Каракалпакстан, особенно с учетом возможного взаимодействия Конституционного Суда Узбекистана и Комитета конституционного надзора Каракалпакстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например: ч. 1 ст. 1 Конституции Республики Казахстан 1995 г., ст. 13 и 14 Конституции Республики Узбекистан 1992 г., ст. 5 Конституции Республики Таджикистан 1994 г. и др. [1. С. 198–199].
- ² По мнению Р.М. Мырзалимова, «торопливая рецепция кельзеновской модели конституционной юстиции в государствах Центральной Азии произошла в условиях недостаточной демократизации общества» [6. С. 10].
- ³ Все сведения о законах Республики Узбекистан и решениях Конституционного Суда Республики Узбекистан приводятся по Национальной базе данных законодательства Республики Узбекистан (<http://www.lex.uz> (дата обращения 20.08.2019)).
- ⁴ Как отмечает Председатель Конституционного Суда Узбекистана Б.Ш. Мирбабаев, до 2002 г. вопрос о лишении неприкосновенности судьи Конституционного Суда решался Олий Мажлисом, а в период между его сессиями – Советом (Кенгашем) Олий Мажлиса, что противоречило принципу разделения властей [14. С. 148].
- ⁵ В.С. Кухливский называет этот механизм «квази-правовой процедурой» рассмотрения жалоб граждан [19. С. 179].
- ⁶ См., например: Решение Конституционного Суда Республики Узбекистан от 14 ноября 2018 г. о внесении в Законодательную палату Олий Мажлиса Республики Узбекистан проекта Закона Республики Узбекистан «О внесении изменений и дополнений в Гражданский процессуальный кодекс Республики Узбекистан, Экономический процессуальный кодекс Республики Узбекистан и Кодекс Республики Узбекистан об административном судопроизводстве».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аничкин Е.С., Ряховская Т.И. Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии: уникальное и универсальное // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 195–203.
2. Конституционное правосудие в странах СНГ и Балтии : сб. нормативных актов / отв. ред. М.А. Митюков. М. : Зерцало, 1998.
3. Клишас А.А. Конституционный контроль и конституционное правосудие в зарубежных странах. Сравнительно-правовое исследование. 2-е изд., доп. М. : Международные отношения, 2015.
4. Кравец И.А. Конституционное правосудие. Теория судебного конституционного права и практика судебного конституционного процесса. М. : Юстициформ, 2017.
5. Витрук Н.В. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. 4-е изд., перераб и доп. М. : Инфра-М, 2012.
6. Мырзалимов Р.М. Органы конституционной юстиции в странах Центральной Азии: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013.
7. Хакимова С. Опорное звено расширения и укрепления суверенитета Узбекистана. Деятельность Комитета конституционного надзора Узбекистана в 1990–1991 годах // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 4. С. 52–55.
8. Эшонов Б. Актуальные проблемы становления и развития конституционного правосудия в Узбекистане // Конституционное правосудие на рубеже веков. М., 2002. С. 89–92.
9. Эшонов Б.А. Независимость и действенность решений Конституционного Суда Республики Узбекистан // Конституционное правосудие. Вып. 3 (13). Ереван, 2001. С. 89–99.
10. Базаров У. Некоторые вопросы совершенствования конституционной юстиции в Республике Узбекистан. URL: <http://www.ksrf.ru/Info/Conferences/Documents/2016Bazarov.docx> (дата обращения: 20.08.2019).
11. Мухамеджанов А.З. Судебно-правовая реформа и развитие конституционного правосудия в Республике Узбекистан // Государство и право. 2018. № 2. С. 84–92.
12. Остапович И.Ю. Конституционный Совет Республики Казахстан: вопросы теории и практики. Посвящается двадцатилетию Конституции Республики Казахстан. Усть-Каменогорск, 2015.
13. Холиков К.Н. Конституционный Суд Республики Таджикистан: статус, организация и деятельность. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009.
14. Мирбабаев Б. Дальнейшая демократизация взаимоотношений Конституционного Суда Республики Узбекистан с другими судами и национальными институтами по правам человека // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2015. Вып. 19. С. 146–152.
15. Мирбабаев Б. Компетенция Конституционного Суда Республики Узбекистан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1999. Вып. 3. С. 83–86.
16. Рашидова С. Взаимодействие судебной и внесудебной систем защиты прав человека в условиях дальнейшей демократизации судебной правовой сферы // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2015. Вып. 19. С. 187–192.
17. Мирбабаев Б. Защита прав и свобод человека Конституционным Судом // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1998. Вып. 2. С. 130–133.
18. Эшонов Б. Конституционный Суд Республики Узбекистан и реализация конституционных прав граждан // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 1998. Вып. 1. С. 89–90.
19. Кухливский В.С. Конституционная жалоба как элемент правозащитного механизма в Российской Федерации и иных государствах-членах СНГ : дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГИМО, 2016.
20. Мирбабаев Б. Судебный контроль за конституционностью нормативных актов, защищающих права и свободы человека // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2006. Вып. 14. С. 58–63.
21. Эшонов Б. Конституционный Суд Республики Узбекистан в государственном механизме защиты прав человека // Вестник Конституционного Суда Республики Узбекистан. 2002. Вып. 6. С. 68–72.

Статья представлена научной редакцией «Право» 30 сентября 2019 г.

The Development of the Institution of Constitutional Justice in the Republic of Uzbekistan: Problems of Theory and Practice
Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 185–195.

DOI: 10.17223/15617793/451/25

Oleg V. Brezhnev, Southwest State University (Kursk, Russian Federation). E-mail: obrezhnev@yandex.ru

Keywords: constitutional justice; development; institute; court; control; dispute; interpretation.

The article is devoted to the analysis of the main trends and features of the development of the institution of constitutional justice in the Republic of Uzbekistan. The aim of this research is to identify both the common features characteristic of the development of this institution in the countries existing in the post-Soviet space and the specifics caused by the peculiarities of the state and legal development of Uzbekistan. In the research, the comparative legal method was used in the analysis of certain elements of the legal status of the Constitutional Court of Uzbekistan (organization, competence, status of judges, legal force of decisions, etc.) in accordance with the laws “On the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan” of 1993, 1995, and 2017, as well as when compared with the development of this institution in the Russian Federation and other CIS countries. In addition, analytical, formal-legal and other methods were applied, which made it possible to formulate the main conclusions. Based on a systematic analysis of the laws of

the Republic of Uzbekistan on constitutional justice, decisions of the Constitutional Court of this country, a study of the works of leading Russian (N.V. Vitruk, A.A. Klishas, I.A. Kravets, M.A. Mityukov, etc.) and Uzbek (U. Bazarov, B.Sh. Mirbabaev, A.Z. Mukhamedzhanov, S. Khakimova, B.A. Eshonov, etc.) researchers in this area identified the main directions for improving the legal regulation of the organization and activities of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan. These include: change of the status of judges of the Constitutional Court (the introduction of mandatory requirements for higher legal education and work experience in a legal speciality, a significant increase in terms of office, etc.); a more complete legislative regulation of the powers of the Constitutional Court, especially taking into account the need for their procedural differentiation; the transition from the regulatory to the legislative form of regulation of constitutional proceedings; the introduction of a full-fledged institution of a constitutional complaint allowing citizens and their associations to apply directly to the Constitutional Court in order to protect their rights; the exclusion of the possibility of initiating constitutional legal proceedings on the initiative of judges of the Constitutional Court and others. The need to implement these measures also follows from the general tasks of the judicial and legal reform in Uzbekistan, which involves strengthening the independence of judges, implementing the principle of competition and equality of parties, further developing the specialization of courts, strengthening professional principles in the administration of justice and ensuring its accessibility to protect the rights of citizens and organizations.

REFERENCES

1. Anichkin, E.S. & Ryakhovskaya, T.I. (2019) Constitutional Law of the Russian Federation and Central Asian Countries: The Unique and the Universal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 440. pp. 195–203. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/440/27
2. Mityukov, M.A. (ed.) (1998) *Konstitutsionnoe pravosudie v stranakh SNG i Baltii: sb. normativnykh aktov* [Constitutional Justice in the CIS and Baltic Countries: Normative Acts]. Moscow: Zertsalo.
3. Klishas, A.A. (2015) *Konstitutsionnyy kontrol' i konstitutsionnoe pravosudie v zarubezhnykh stranakh. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [Constitutional Control and Constitutional Justice in Foreign Countries. Comparative Legal Research]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
4. Kravets, I.A. (2017) *Konstitutsionnoe pravosudie. Teoriya sudebnogo konstitutsionnogo prava i praktika sudebnogo konstitutsionnogo protsess* [Constitutional Justice. The Theory of Judicial Constitutional Law and the Practice of Judicial Constitutional Procedure]. Moscow: Yustitsinform.
5. Vitruk, N.V. (2012) *Konstitutsionnoe pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoe pravo i protsess* [Constitutional Justice. Judicial Constitutional Law and Procedure]. 4th ed. Moscow: Infra-M.
6. Myrzalimov, R.M. (2013) *Organy konstitutsionnoy yustitsii v stranakh Tsentral'noy Azii: problemy teorii i praktiki* [Bodies of Constitutional Justice in the Countries of Central Asia: Problems of Theory and Practice]. Abstract of Law Dr. Diss. Moscow.
7. Khakimova, S. (1999) Opornoe zveno rasshireniya i ukrepleniya suvereniteta Uzbekistana. Deyatel'nost' Komiteta konstitutsionnogo nadzora Uzbekistana v 1990–1991 godakh [Support Link to Expand and Strengthen the Sovereignty of Uzbekistan. The Activities of the Constitutional Supervision Committee of Uzbekistan in 1990–1991]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 4. pp. 52–55.
8. Eshonov, B. (2002) [Topical Issues of the Formation and Development of Constitutional Justice in Uzbekistan]. *Konstitutsionnoe pravosudie na rubezhe vekov* [Constitutional Justice at the Turn of the Century]. Proceedings of the International Conference. Moscow. 1–2 November 2001. Moscow: Norma. pp. 89–92. (In Russian).
9. Eshonov, B.A. (2001) Nezavisimost' i deystvennost' resheniy Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan [Independence and Effectiveness of Decisions of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan]. *Konstitutsionnoe pravosudie*. Erevan. 3 (13). pp. 89–99.
10. Bazarov, U. (2016) *Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya konstitutsionnoy yustitsii v Respublike Uzbekistan* [Some Issues of Improving Constitutional Justice in the Republic of Uzbekistan]. [Online] Available from: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/Documents/2016Bazarov.docx>. (Accessed: 20.08.2019).
11. Mukhamedzhanov, A.Z. (2018) Sudebno-pravovaya reforma i razvitie konstitutsionnogo pravosudiya v Respublike Uzbekistan [Judicial and Legal Reform and the Development of Constitutional Justice in the Republic of Uzbekistan]. *Gosudarstvo i pravo – State and Law*. 2. pp. 84–92.
12. Ostapovich, I.Yu. (2015) *Konstitutsionnyy Sovet Respubliki Kazakhstan: voprosy teorii i praktiki. Posvyashchaetsya dvadtsatiletiyu Konstitutsii Respubliki Kazakhstan* [Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan: Issues of Theory and Practice. To the Twentieth Anniversary of the Constitution of the Republic of Kazakhstan]. Ust-Kamenogorsk: [s.n.].
13. Kholikov, K.N. (2009) *Konstitutsionnyy Sud Respubliki Tadjikistan: status, organizatsiya i deyatel'nost'* [Constitutional Court of the Republic of Tajikistan: Status, Organization and Activities]. Moscow: Moscow State University.
14. Mirbabaev, B. (2015) Dal'neyshaya demokratizatsiya vzaimootnosheniy Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan s drugimi sudami i natsional'nymi institutami po pravam cheloveka [Further Democratization of Relations of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan With Other Courts and National Human Rights Institutions]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 19. pp. 146–152.
15. Mirbabaev, B. (1999) Kompetentsiya Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan [Competence of the Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 3. pp. 83–86.
16. Rashidova, S. (2015) Vzaimodeystvie sudebnoy i vnesudebnoy sistem zashchity prav cheloveka v usloviyakh dal'neyshey demokratizatsii sudebno-pravovoy sfery [Interaction of the Judicial and Extra-Judicial Systems of Protecting Human Rights in the Context of Further Democratization of the Judicial Sphere]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 19. pp. 187–192.
17. Mirbabaev, B. (1998) Zashchita prav i svobod cheloveka Konstitutsionnym Sudom [Protection of Human Rights and Freedoms by the Constitutional Court]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 2. pp. 130–133.
18. Eshonov, B. (1998) Konstitutsionnyy Sud Respubliki Uzbekistan i realizatsiya konstitutsionnykh prav grazhdan [Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan and the Implementation of the Constitutional Rights of Citizens]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 1. pp. 89–90.
19. Kukhlivskiy, V.S. (2016) *Konstitutsionnaya zhaloba kak element pravozashchitnogo mekhanizma v Rossiyskoy Federatsii i inykh gosudarstvakh-chlenakh SNG* [The Constitutional Complaint as an Element of the Human Rights Mechanism in the Russian Federation and Other CIS Member States]. Law Cand. Diss. Moscow.
20. Mirbabaev, B. (2006) Sudebnyy kontrol' za konstitutsionnost'yu normativnykh aktov, zashchishchayushchikh prava i svobody cheloveka [Judicial Control Over the Constitutionality of Normative Acts Protecting Human Rights and Freedoms]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 14. pp. 58–63.
21. Eshonov, B. (2002) Konstitutsionnyy Sud Respubliki Uzbekistan v gosudarstvennom mekhanizme zashchity prav cheloveka [The Constitutional Court of the Republic of Uzbekistan in the State Mechanism for the Protection of Human Rights]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Respubliki Uzbekistan*. 6. pp. 68–72.

Received: 30 September 2019

Е.В. Вавилин, А.В. Чекмарева

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДОБРОСОВЕСТНОГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВ И ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ: МАТЕРИАЛЬНЫЙ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Рассматриваются отдельные проблемы добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей в гражданском праве и процессе. Авторы приходят к следующим выводам: изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны, и необходимо введение принципа добросовестности в процессуальное законодательство.

Ключевые слова: принцип добросовестности; злоупотребление правом; права и обязанности сторон; гражданское право; судебная защита гражданских прав.

Когда господствует добросовестность,
достаточно одного честного слова;
а когда ее нет – клятва бесполезна.

Гийом Рейналь

Основные начала добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей установлены положением ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц.

В последнее десятилетие особое внимание представителей юридической науки было уделено категории «добросовестность». Отсутствие законодательного закрепления определения данного понятия диктовало необходимость его научного осмысления, выявления юридико-технических приемов утверждения принципа добросовестности в законодательстве. Современные разработки доктринальных положений, касающихся добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей, нашли свое воплощение на законодательном уровне. С 2013 г. категория «добросовестность» возведена в основополагающий принцип гражданского права [1]. В соответствии с ч. 3 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Подобные законодательные изменения диктуют необходимость переосмысления категории содержания прав и обязанностей, включая это установление в содержание любого права и обязанности.

Обязанность добросовестного поведения предполагается не только в случае осуществления, но и защиты гражданских прав. В связи с этим следует признать наличие межотраслевого характера реализации принципа добросовестности. Именно судебной форме защиты на сегодняшний день отдается предпочтение участниками гражданских правоотношений. Количество поступающих в суды дел неуклонно возрастает. Так, если в 2007 г. судами общей юрисдикции рассмотрено более 9 млн гражданских дел [2], то в 2018 г. – уже более 17 млн. В 2018 г. арбитражные суды окончили рассмотрение 1,908 млн дел, на 160 тыс. больше, чем годом ранее [3].

В отличие от Гражданского кодекса РФ, процессуальное законодательство не закрепляет добросовест-

ность в качестве принципа, что нельзя признать правильным. Тем не менее законодательно установлена обязанность лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами (ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ч. 2 ст. 41 АПК РФ, ч. 6 ст. 45 КАС РФ).

В словаре русского языка С.И. Ожегова «добросовестный» определяется как честно выполняющий свои обязательства, обязанности [4. С. 145]. Специфической чертой указанной категории является ее оценочный характер, в связи с чем научная разработка понятия и текстуальное раскрытие его содержания поможет правоприменителю сделать верный вывод в ходе оценки доказательств.

Основы категории «добросовестность» относятся к морально-этической сфере. О взаимосвязи и противопоставлении права и морали ведутся научные дискуссии с давних времен. Тем не менее отрицать влияние нравственных основ на формирование современного законодательства, а также правосознания участников правоотношений не представляется возможным. Подтверждением этому является реализация принципов добросовестности, разумности, справедливости как в материальных, так и процессуальных правоотношениях. Действие указанных принципов обеспечивают равные возможности защиты, необходимый баланс прав и обязанностей, сочетание правовых и нравственных основ в процессе регулирования правоотношений. Подобная «морализация» права необходима не только по причине совершенствования правовой системы, но и в связи с упадком нравственных начал в российском обществе, недоверия к любым формам защиты права.

Идея «доброй совести», судов по «доброй совести» (*bonafides, judiciabonaefidei*) была заложена еще в римском праве. «Дурное» осуществление права негативно оценивалось римскими юристами, что повлекло ограничение употребления права «во зло» в Своде Юстиниана, преторских эдиктах.

Современное европейское законодательство в борьбе со злоупотреблением правом опирается на

реализованные в правовых нормах начала добросовестности, разумности, а также справедливости. В Гражданском уложении Германии, в частности, содержатся такие правовые средства, как запрещение использовать субъективное право только во вред другому; запрет реализации права против «добрых нравов» или обязанность исполнения обязательств на основе надежности и доверия с учетом «добрых нравов» [5. С. 309].

В соответствии с Конституцией, а также Гражданским кодексом Греции защита прав и свобод зависит от того, не выходит ли осуществление права за пределы понятий «добрые нравы» и «добрая совесть». Подобные требования добросовестного исполнения прав содержатся также в законодательстве других европейских государств (Португалия, Франция) и обусловлены социально-экономической направленностью правовых механизмов [6. С. 31].

Мусульманское право основывается на вытекающем из исламской религии принципе недопустимости причинения вреда другому при реализации индивидуальных потребностей. Злоупотреблением в этом случае будет признаваться факт нанесения вреда при надлежащем осуществлении права, носящий виновный характер [7. С. 8–9].

Таким образом, проблема добросовестного осуществления прав и исполнения обязанностей является актуальной не только для российского права, но и для зарубежных правовых систем.

В отечественной литературе принцип добросовестности иногда отождествляют с принципом недопустимости злоупотребления правом [8. С. 23], принципом недопустимости недобросовестности [9. С. 418–425]. Некоторые ученые полагают, что проблема злоупотребления правом находится за пределами права [10. С. 426]. В связи с этим возникают вопросы о соотношении понятий «недобросовестность» и «злоупотребление правом».

Так, А.А. Чукреев под принципом добросовестности понимает обязанность участника гражданских правоотношений в процессе реализации своих прав, исполнении обязанностей проявлять необходимую заботливость о соблюдении прав и интересов других участников имущественного оборота. Полагаем, что данное определение указанной обязанности раскрывает лишь один из содержательных компонентов понятия добросовестности. Ученые-процессуалисты рассматривают злоупотребление процессуальным правом как «особую форму гражданского процессуального правонарушения, то есть умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения» [11. С. 10].

Действительно, с одной стороны, злоупотребление, лежит в сфере недобросовестного исполнения прав. Но под понятие недобросовестности также попадают и противоправные деяния (абз. 2 п. 2 ст. 46, п. 3 ст. 565, 580, п. 3 ст. 1078 и п. 4 ст. 1109 ГК РФ, ст. 226 ГПК РФ, ст. 159 ГПК РФ). Таким образом, специфика недобросовестного поведения состоит в том, что оно может быть как правомерным (когда лицо действует в пределах предоставленных законом прав), так и неправомерным (выходя за пределы прав, установленных законом). В ряде норм (например, абз. 3 п. 1 ст. 171, п. 2 ст. 189 ГК РФ) недобросовестность толкуется довольно широко и предполагает наличие у лица знания о том, нарушает ли его действие чьи-либо субъективные права.

Являются ли понятия недобросовестности, злоупотребления правом синонимичными? Существует ли целесообразность разделения указанных понятий, если добросовестность – это реализация своих прав и обязанностей надлежащим образом, избегая злоупотребления правом?

Полагаем, что, возводя добросовестность в основополагающий принцип, законодатель придавал указанному понятию самый широкий смысл. Реализация принципа добросовестности предполагает в первую очередь ориентацию на основные начала справедливости, соблюдение не только норм права, но и морально-этических начал.

В связи с этим нет необходимости излишне теоретизировать понятие добросовестности, принадлежащее в большей части к общелитературному, нежели специально-терминологическому слою лексикона. Является ли целесообразным употребление указанного понятия в тексте закона? Считаем это необходимым, поскольку закрепление требования добросовестного поведения дисциплинирует участников правоотношений, а также дает необходимый юридический инструментарий правоприменителю, возможность обратиться к «генеральному положению в случае обнаружения несправедливости в конкретном казусе» [12. С. 26].

Одна из проблем, исследуемых в рамках обозначенной темы, касается особенностей применения норм гражданского законодательства при рассмотрении и разрешении дела в суде. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 23 июня 2015 г. № 25 [13] рекомендует при оценке действий сторон исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей. При этом необходимо обратить внимание на закрепленную в ч. 5 ст. 10 ГК РФ презумпцию добросовестности, в соответствии с которой добросовестность участников гражданских правоотношений предполагается, пока не доказано обратное. Таким образом, указанная презумпция изменяет общее правило о распределении обязанностей по доказыванию, освобождая одну сторону от доказывания добросовестности своих действий и возлагая бремя доказывания на сторону, которая ссылается на факт недобросовестности противоположной стороны.

Следует также обратить внимание на опровержимый характер презумпции добросовестности и учиты-

вать это при ее применении. Так, при наличии доказательств, свидетельствующих о недобросовестном поведении стороны по делу, эта сторона несет бремя доказывания добросовестности и разумности своих действий. В этой связи показателен следующий пример из судебной практики.

Истец (банк) обратился в суд с иском о признании недействительными договоров купли-продажи долей общества, заключенных компанией с фирмой и гражданином, и о применении последствий недействительности данных сделок. В ходе судебного разбирательства истец ссылался на недобросовестное поведение продавца и покупателя, указывая на факт продажи компанией в преддверии ее банкротства единственного актива (долей общества) за символическую цену – десять тысяч рублей, последующую перепродажу долей и другие обстоятельства. В удовлетворении требований судом первой инстанции было отказано. Апелляционная инстанция оставила в силе решение, указав, что отсутствие добросовестности покупателей при определении ими цены договоров не может являться основанием для признания данных договоров недействительными. Верховный Суд отменил судебные акты, направив дело на новое рассмотрение, поскольку судами не были исследованы обстоятельства, свидетельствующие о недобросовестности сторон, несмотря на то что они имели существенное значение для дела. Кроме того, суды не учли, что истец представил достаточные доказательства недобросовестности продавца и покупателя, которые при заключении оспариваемой сделки действовали с намерением причинить вред истцу. В связи с этим именно на ответчиков переходит бремя доказывания того, что сделка совершена в интересах контрагентов, по справедливой цене, а не для причинения вреда кредиторам путем воспрепятствования обращению взыскания на имущество и имущественные права должника [14].

Стоит отметить, что Пленум Верховного Суда РФ в указанном Постановлении допускает возможность признания поведения стороны недобросовестным не только по заявлению одной из сторон, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Однако процессуальное законодательство не содержит подобного положения, расширяющего роль суда и отчасти ограничивающего действие принципа диспозитивности. Не установлены в процессуальном законодательстве и требования к форме и содержанию заявления стороны о недобросовестном поведении, а также действия суда, которые должны последовать в случае подачи такого заявления. Полагаем, что действия стороны могут быть расценены с позиции ч. 1 ст. 35 ГПК РФ как объяснения, данные в устной или письменной форме. Что касается активной роли суда в этом вопросе, то отчасти это объясняется положением ч. 2 ст. 56 ГПК РФ, в соответствии с которой суд наделен правом выносить на обсуждение обстоятельства, имеющие значение для дела, даже если стороны на какие-либо из них не ссылались. Однако нельзя признать тождественными правомочия «выносить на обсуждение обстоятель-

ства» и «признать поведение недобросовестным по инициативе суда». Очевидно, что Верховный Суд РФ в указанном Постановлении вновь вышел за пределы лишь толкования и разъяснения нормы права, в связи с чем считаем необходимым закрепить право суда признать поведение стороны недобросовестным по своей инициативе в гражданском процессуальном законодательстве.

Итак, последствием установления факта недобросовестного поведения одной из сторон, в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения, будут являться отказ в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применение иных мер, обеспечивающих защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (ст. 10 ГК РФ). А.Н. Кузбагаров полагает, что в случае заявления стороны о недобросовестном поведении в материальных правоотношениях вопрос об отказе в защите права целесообразно решать уже на стадии подготовки гражданского дела к судебному разбирательству [9. С. 419]. Разделяя в целом мнение автора о необходимости повышения культуры участников гражданского оборота, позволим себе не согласиться с указанным предложением, поскольку факты, которые необходимо установить для правильного разрешения дела, носят материально-правовой характер. Для выяснения наличия или их отсутствия требуется тщательное исследование и оценка доказательств, что может быть осуществлено только в ходе судебного разбирательства. В настоящее время вынесение решения об отказе в иске на стадии подготовки дела к судебному разбирательству возможно только в случае заявления ответчиком возражения относительно пропуска истцом без уважительных причин срока исковой давности или срока обращения в суд. Подобное право суда вполне обоснованно, поскольку в данном случае исследуется процессуальный вопрос, который вполне может быть разрешен без исследования фактических обстоятельств дела.

Процедура доказывания факта злоупотребления правом, достаточно сложна в связи с отсутствием четких критериев оценки таких социально-психологических категорий, как вина, умысел. Очевидно, что подобные критерии вряд ли могут быть выработаны и закреплены в процессуальном законодательстве. Процесс оценки доказательств представляет собой особую мыслительную деятельность судьи, сочетающую в себе правовые, психологические и логические аспекты. Судья оценивает доказательства, исходя из своего внутреннего убеждения, на которое могут повлиять различные факторы: характеристика стороны, ее поведение в ходе судебного разбирательства, общественное мнение, чувство ответственности и т.д. [15. С. 107].

Тем не менее в случае выявления отклонения действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения судье необходимо определить, какие юридически значимые обстоятельства необходимо включить в предмет доказывания, разъяснить сторонам, какими доказательствами они могут быть подтверждены ли опровергнуты, на ком лежит бремя дока-

звания. Например, в предмет доказывания могут входить следующие факты: 1) факт наличия права, предусмотренного нормативно-правовым актом или договором; 2) факт реализации права; 3) осуществление конкретного права с целью причинения вреда другому лицу; 4) причинно-следственная связь между реализацией права и причиненным вредом. Представленные доказательства должны проверяться судьей в соответствии с правилами оценки доказательств: относимости, допустимости, достоверности, достаточности.

В ряде случаев избежать злоупотребления правом и, соответственно, связанных с эти проблем доказывания возможно путем совершенствования законодательства. Так, зачастую намеренное увеличение просрочки исполнения происходит в ситуации, когда кредитор несвоевременно подает иск о взыскании неустойки с целью увеличения ее размера [16]. Выходом из подобной ситуации могло бы стать законодательное установление разумного срока обращения в суд с иском к заемщику, нарушившему график платежей – не позднее трех месяцев с момента нарушения заемщиком графика платежей. Необходимо, на наш взгляд, четко определять границы реализации прав на законодательном уровне в тех ситуациях, где это представляется возможным.

Одной из проблем, связанных со злоупотреблением, но не получившей должного внимания в юридической науке, является проблема недобросовестного исполнения обязанности. Подобная ситуация может возникнуть при совпадении прав и обязанностей. Так, ненадлежащее исполнение своих обязанностей опекуном причиняет вред подопечному. Зачастую возможность злоупотребления допускается законодательно, например, в случае выбора обязанным лицом такого способа реализации своих обязанностей, который заведомо не выгоден контрагенту, или в ситуации, когда кредитор не принимает исполнения факultatивного обязательства, вынуждая, таким образом, должника выбрать невыгодный для него вариант обязательства.

Межотраслевой характер проблемы злоупотребления проявляется также в ситуациях, связанных с недобросовестным исполнением должностными лицами своих обязанностей или даже превышением служебных полномочий. Например, в соответствии с ч. 1 ст. 272 ГПК РФ суд при подготовке дела об усыновлении (удочерении) обязывает органы опеки и попечительства представить заключение об обоснованности и о соответствии усыновления интересам ребенка. В современной действительности нередки случаи формального подхода органов опеки и попечительства к составлению такого заключения. Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации отменила решение Камчатского краевого суда об удовлетворении заявления граждан Ислании об удочерении несовершеннолетней девочки. При пересмотре дела судом кассационной инстанции было установлено, что органы опеки и попечительства не приняли меры для установления родственников усыновляемого ребенка. Результаты прокурорской проверки показали, что у девочки имеются тетя и бабушка, которые возражают против ее удоче-

рения иностранными гражданами [17]. Таким образом, судебное решение было вынесено в нарушение п. 4 ст. 124 СК РФ, не допускающей усыновление детей иностранными гражданами или лицами без гражданства в случаях, если имеется возможность передать этих детей на воспитание в семьи граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Российской Федерации, либо на усыновление родственникам детей [18]. В связи с этим судам необходимо реагировать на недобросовестное поведение должных лиц и в случае ненадлежащего исполнения органами опеки и попечительства своих обязанностей выносить в их адрес частные определения, руководствуясь ч. 1 ст. 226 ГПК РФ.

Возможность применения процессуальной ответственности за недобросовестное поведение или злоупотребление правами лицами, участвующими в деле, также предусмотрена в процессуальном законодательстве. Так, ч. 2 ст. 41 АПК РФ закрепляет положение, в соответствии с которым злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные Кодексом неблагоприятные последствия. В соответствии с ч. 1 ст. 116 КАС РФ к лицам, нарушающим установленные в суде правила и препятствующим осуществлению административного судопроизводства, могут быть применены меры процессуального принуждения. Статья 99 ГПК РФ устанавливает возможность взыскания компенсации в пользу другой стороны в случае недобросовестного заявления неосновательного иска, систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. Однако указанная норма редко применяется в судебной практике. Стоит отметить, что последствием недобросовестного исполнения процессуальных обязанностей может являться не только применение мер гражданской процессуальной ответственности, но и мер гражданской процессуальной защиты, например, таких как отказ в удовлетворении заявленных ходатайств, оставление заявления без рассмотрения, отказ в принятии встречного иска.

Однако в некоторых случаях возможны ситуации, когда лицо действует недобросовестно, судья понимает это в ходе судебного разбирательства, однако привлечь к ответственности такое лицо не представляется возможным. Например, если свидетель может быть привлечен к уголовной ответственности за дачу ложных показаний, то ответственность истца или ответчика за дачу ложных объяснений законодательством не предусмотрена. В связи с этим нередки случаи умышленного искажения существовавших в действительности фактов одной из сторон. Так, если истец действует недобросовестно, а ответчик не признает иск, но и не представляет доказательства в свою защиту, решение будет вынесено в пользу истца. Это является своеобразной «санкцией» в виде неблагоприятного последствия за недобросовестное выполнение обязанности по доказыванию. Поскольку суд в гражданском судопроизводстве в настоящее время не собирает доказательства по собственной инициативе, в подобной ситуации, очевидно, что вынесенное решение не будет истинным¹.

Стоит отметить, что даже законодательно установленная ответственность свидетеля за дачу ложных показаний не препятствует их недобросовестному поведению. Анализ практики применения ст. 307 УК РФ (в установлении факта ложных показаний, данных при рассмотрении гражданского дела) свидетельствует о незначительном количестве подобных дел, что обусловлено, на наш взгляд, трудностями доказывания факта лжи [19].

Проблема добросовестной реализации права на представление доказательств и исполнения обязанности доказывания фактических обстоятельств, имеющих значение для дела, тесным образом связана с правилом раскрытия доказательств. Статья 149 ГПК РФ закрепляет перечень действий сторон при подготовке дела к судебному разбирательству, который сводится к передаче друг другу копий доказательств, возражений. При этом никаких последствий уклонения сторон от добросовестного исполнения таких обязанностей закон не предусматривает. Очевидно, что именно на этапе подготовки дела к судебному разбирательству должно осуществляться полноценное раскрытие доказательств в целях правильного определения судьей круга обстоятельств, подлежащих установлению в ходе судебного разбирательства.

Определенный шаг в сторону реализации принципа раскрытия доказательств сделан Федеральным законом от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Там же], вносящим изменения в ст. 56 ГПК РФ в части закрепления обязанности каждого лица, участвующего в деле, раскрыть доказательства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, перед другими лицами, участвующими в деле, в пределах срока, установленного судом. Полагаем, что редакция ст. 65 АПК РФ является более удачной, поскольку предусматривает право лиц, участвующих в деле, в ходе судебного разбирательства ссылаться только на те доказательства, с которыми другие лица были ознакомлены заблаговременно. Кроме того,

АПК РФ допускает возможность привлечения к ответственности за нарушение порядка и срока представления доказательств, состоящую в возложении на лицо, допустившее такое нарушение, судебных расходов независимо от результатов рассмотрения дела.

Подобная санкция, несомненно, побуждает заинтересованное лицо представлять доказательства в срок, что способствует предотвращению недобросовестного поведения и реализации принципа процессуальной экономии.

Итак, рассмотрение отдельных проблем добросовестного поведения сторон в материальных и процессуальных правоотношениях позволяет сделать следующие выводы.

1. Категория «добросовестность» носит межотраслевой характер, являясь значимым началом осуществления прав и исполнения обязанностей, находясь в сфере морально-этических основ правового регулирования.

2. В содержание принципа добросовестности входят следующие составляющие: обязанность совершения действий субъектами правоотношений на основе требований морали и права; учет прав и законных интересов другой стороны; соблюдение баланса общих и индивидуальных интересов; запрет извлечения преимущества из своего недобросовестного поведения.

3. Изменение гражданского законодательства оказало влияние на процессуальное правоприменение, в связи с чем в процессуальном законодательстве должны найти отражение положения, закрепляющие активную роль суда в установлении недобросовестного поведения стороны.

4. Суду необходимо активнее использовать механизмы пресечения злоупотребления процессуальными правами, предусмотренные действующим законодательством. Введение принципа добросовестности в процессуальное законодательство будет способствовать добросовестному осуществлению процессуальных прав, исполнению обязанностей в целях правильного и своевременного разрешения дела.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Полагаем, что принцип «объективной», «судебной истины» утратил свое существование с введением в действие ГПК РФ 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс.
2. Постановление VII Всероссийского съезда судей РФ от 04.12.2008 г. «О состоянии судебной системы Российской Федерации и приоритетных направлениях ее развития и совершенствования» // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей РФ. 2009. № 1.
3. Верховный суд подвел итоги работы судов за 2018 год. URL: <https://pravo.ru/story/209019/> (дата обращения: 01.04.2019).
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1991. С. 145.
5. Жалинский А., Рёрихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 309.
6. Долгих М.Г. Юридическая природа недобросовестной конкуренции // Законодательство. 2003. № 11. С. 31.
7. Ясер Сулейман Хассан Мохаммед. Сущность понятия «злоупотребление правом» в свете положений о незаконности использования права статьи 117 Гражданского кодекса Йемена // Сборник аспирантских научных работ юридического факультета Казанского государственного университета. Казань, 2004. Вып. 5, ч. 2. С. 8–9.
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. М., 2006. С. 24.
9. Кузбагаров А.Н. Добросовестность потребителя: материально- и процессуально-правовые аспекты // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. Науки, 2017. Т. 159. С. 418–425.
10. Громов Н.В. Споры, связанные с применением ст. 10 ГК РФ // Комментарий судебно-арбитражной практики. Вып. 4 / отв. ред. В.Ф. Яковлев. М., 1997. С. 83.
11. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2009. С. 10.

12. Сарбаш С.В. Исполнение обязательств // *Хозяйство и право*. 2009. № 3. С. 26.
13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // *Бюллетень Верховного Суда РФ*. 2015. № 8.
14. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26.06.2015) // СПС КонсультантПлюс.
15. Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе : учеб.-практ. пособие. М., 2010. С. 107.
16. Определение ВАС РФ от 18 января 2008 г. № 18043/07 по делу № А32-4857/2007-17/90 «В передаче дела по иску о взыскании денежной суммы, в том числе основного долга, процентов на сумму займа, пеней, для пересмотра в порядке надзора судебных актов отказано, так как оснований, предусмотренных ст. 304 АПК РФ, для пересмотра в порядке надзора оспариваемых судебных актов не установлено» // СПС КонсультантПлюс.
17. Обзор Верховного суда Российской Федерации практики рассмотрения в 2011 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 мая 2012 года // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7970
18. Обзор практики рассмотрения в 2017 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации. Утверждён Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30.05. 2018. // СПС КонсультантПлюс.
19. Приговоры судов по ст. 307 УК РФ. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/category/1159.html> (дата обращения: 18.06.2019).
20. Федеральный закон от 28.11.2018 № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (вступает в силу с момента создания апелляционных, кассационных судов общей юрисдикции) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 18.06. 2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 24 сентября 2019 г.

Some Problems of Conscientious Implementation of Rights and Fulfilment of Duties: Material and Procedural Aspects

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 196–202.

DOI: 10.17223/15617793/451/26

Evgeny V. Vavilin, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: evavilin@yandex.ru

Anastasiya V. Chekmareva, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

Keywords: principle of good faith; abuse of right; rights and duties of parties; civil law; judicial protection of civil rights.

The article reveals and proposes ways to solve some problems of conscientious implementation of rights and fulfilment of duties in civil law and procedure. The study is based on the analysis of Russian and foreign legal acts, scientific literature, and materials of judicial practice. Methodologically, the research is based on general principles, methods and techniques of scientific knowledge, and on specific legal ones. The initial method was dialectical analysis as a universal method of research. In addition, the following research methods were used: formal legal, legal technical, interpretation of law, a systematic analysis of judicial and law enforcement practice. During the study of some problems of conscientious behaviour of the parties in material and procedural legal relationship, the intersectoral nature of the implementation of the principle of conscientiousness was revealed because the duty of conscientious behaviour is assumed not only in case of implementation, but also in case of protection of civil rights. However, unlike the Civil Code of the Russian Federation, procedural laws do not consolidate conscientiousness as a principle, which cannot be accepted as a correct one. It is not possible to deny the influence of moral principles on the formation of modern legislation as well as the legal awareness of participants in legal relations. A confirmation of this is the implementation of the principles of good faith, reasonableness, justice, both in material and procedural legal relationship. The action of these principles provides equal opportunities for protection, the necessary balance of rights and duties, the combination of legal and moral principles in the regulation of legal relations. The components of conscientious behaviour are revealed: the obligation to carry out actions by the subjects of legal relations based on the requirements of morality and law; account of the rights and legitimate interests of the other party; maintenance of a balance of common and individual interests; the prohibition of taking advantage of unconscientious behaviour. The authors conclude that the change in civil law had an impact on procedural law enforcement, and therefore procedural legislation should reflect positions that reinforce the court's active role in the establishment of the unconscientious behaviour of a party. The introduction of the principle of conscientiousness in the procedural legislation will contribute to the conscientious implementation of procedural rights, the fulfilment of duties for a correct and timely resolution of the case.

REFERENCES

1. Konsul'tantPlyus. (2012) *Federal Law of December 30, 2012, No. 302-FZ "On Amendments to Chapters 1, 2, 3 and 4 of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
2. *Vestnik Vysshey kvalifikatsionnoy kollegii sudey RF*. (2009) Postanovlenie VII Vserossiyskogo s'ezda sudey RF ot 04.12.2008 g. "O sostoyanii sudebnoy sistemy Rossiyskoy Federatsii i prioritnykh napravleniyakh ee razvitiya i sovershenstvovaniya" [Resolution of the VII All-Russian Congress of Judges of the Russian Federation of December 4, 2008, "On the State of the Judicial System of the Russian Federation and Priority Directions for Its Development and Improvement"]. 1.
3. Pravo.ru. (2019) *Verkhovnyy sud podvel itogi raboty sudov za 2018 god* [The Supreme Court Summed up the Results of the Work of the Courts for 2018]. [Online] Available from: <https://pravo.ru/story/209019/>. (Accessed: 01.04.2019).
4. Ozhegov, S.I. (1991) *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Russkiy yazyk. p. 145.
5. Zhalinskiy, A. & Roericht, A. (2001) *Vvedenie v nemetskoe pravo* [Introduction to German Law]. Moscow: Spark.
6. Dolgikh, M.G. (2003) *Yuridicheskaya priroda nedobrosovestnoy konkurentsii* [The Legal Nature of Unfair Competition]. *Zakonodatel'stvo*. 11.
7. Yasser Suleiman Hassan Mohammed. (2004) *Sushchnost' ponyatiya "zloupol'zovanie pravom" v svete polozheniy o nezakonnosti ispol'zovaniya pravom stat'i 117 Grazhdanskogo kodeksa Yemena* [The Essence of the Concept "Abuse of Right" in the Light of the Provisions on the Illegality of the Use of the Right of Article 117 of the Civil Code of Yemen]. In: *Sbornik aspirantskikh nauchnykh rabot yuridicheskogo fakul'teta Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collection of Postgraduate Research Works of the Law Faculty of Kazan State University]. Is. 5. Pt. 2. Kazan: Kazan State University. pp. 8–9.
8. Abova, T.E. & Kabalkin, A.Yu. (eds) (2006) *Kommentariy k Grazhdanskomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyny)* [Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (Article by Article)]. Moscow: Yurayt-izdat.

9. Kuzbagarov, A.N. (2017) Consumer's Fairness: Substantive and Procedural Legal Aspects. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser. Gumanit. Nauki*. 159. pp. 418–425. (In Russian).
10. Gromov, N.V. (1997) Spory, svyazannye s primeneniem st. 10 GK RF [Disputes Related to the Application of Article 10 of the Civil Code of the Russian Federation]. In: Yakovlev, V.F. (ed.) *Kommentariy sudebno-arbitrazhnoy praktiki* [Commentaries of Judicial Arbitration Practice]. Is. 4 Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Yudin, A.V. (2009) *Zloupotrebleniye protsessual'nymi pravami v grazhdanskom sudoproizvodstve* [Abuse of Procedural Rights in Civil Proceedings]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
12. Sarbash, S.V. (2009) Ispolneniye obyazatel'stv [Fulfillment of Obligations]. *Khozyaystvo i pravo*. 3.
13. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF*. (2015) Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 23.06.2015 № 25 "O primeneniі sudami nekotorykh polozheniy razdela I chasti pervoy Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii" [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015, No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation"]. 8.
14. Konsul'tantPlyus. (2015) *Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2015) (Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 26 June 2015)*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
15. Reshetnikova, I.V. (2010) *Dokazyvaniye v grazhdanskom protsesse* [Proving in the Civil Procedure]. Moscow: Yurayt.
16. Konsul'tantPlyus. (2008) *The Determination of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of January 18, 2008, No. 18043/07 in Case No. a32-4857/2007-17/90 "To Deny the Transfer of the Case on the Claim for the Recovery of a Sum of Money, Including the Main Debt, the Interest on the Loan, and the Interest Fine, for a Review in the Exercise of Supervisory Powers of Judicial Acts Since the Grounds Provided for in Article 304 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for a Review of These Judicial Acts Have Not Been Established"*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
17. Supreme Court of the Russian Federation. (2012) *Obzor Verkhovnogo suda Rossiyskoy Federatsii praktiki rassmotreniya v 2011 godu oblastnymi i ravnymi im sudami del ob usynovlenii detey inostrannymi grazhdanami ili litsami bez grazhdanstva, a takzhe grazhdanami Rossiyskoy Federatsii, postoyanno prozhivayushchimi za predelami territorii Rossiyskoy Federatsii. Utverzhden Prezidiumom Verkhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 23 maya 2012 goda* [The Supreme Court of the Russian Federation Review of the 2011 Judicial Practice in Regional and Equal Courts in Cases Regarding the Adoption of Children by Foreign Citizens, Stateless Persons or Citizens of the Russian Federation Permanently Residing Outside the Territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 23, 2012]. [Online] Available from: http://www.vsrfr.ru/Show_pdf.php?Id=7970
18. Konsul'tantPlyus. (2018) *The Supreme Court of the Russian Federation Review of the 2017 Judicial Practice in Regional and Equal Courts in Cases Regarding the Adoption of Children by Foreign Citizens, Stateless Persons or Citizens of the Russian Federation Permanently Residing Outside the Territory of the Russian Federation. Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on May 30, 2018*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
19. Sud-praktika.ru. (n.d.) *Prigovory sudov po st. 307 UK RF* [Sentences of the Courts Under Art. 307 of the Criminal Code]. [Online] Available from: <http://sud-praktika.ru/precedent/category/1159.html>. (Accessed: 18.06.2019).
20. Konsul'tantPlyus. (2018) *Federal Law of 28 November 2018 No. 451-FZ "On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (Comes Into Force From the Moment of the Creation of Appeal Courts of Cassation of General Jurisdiction)*. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).

Received: 24 September 2019

В.В. Груздев

СОГЛАШЕНИЕ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ОПЦИОНА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА

Статья посвящена исследованию типовой конструкции соглашения о предоставлении опциона на заключение договора (опциона на заключение договора), сравнительно недавно закрепленной в отечественном гражданском законодательстве. Приводится общая характеристика данного соглашения, анализируются его условия, устанавливается соотношение с опционным договором (договором с опционной оговоркой). Обоснована необходимость включения в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи, объединяющей нормы о соглашениях, предусматривающих опцион.

Ключевые слова: организационные договоры; организуемые договоры; безотзывная оферта; опцион на заключение договора; опционный договор.

Современный имущественный оборот демонстрирует насущную потребность его участников в автономном регулировании отношений, возникающих в сфере заключения договоров. Речь идет об организационных соглашениях, одной из типовых конструкций которых является опцион на заключение договора.

Соглашения о предоставлении опциона на заключение договора использовались в практике имущественного оборота задолго до включения в Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) норм ст. 492.2 ГК РФ [1. С. 193].

По смыслу п. 1 ст. 492.2 ГК РФ соглашением о предоставлении опциона на заключение договора выступает договор, по которому одна сторона посредством безотзывной оферты предоставляет другой стороне право заключить один или несколько договоров на условиях, предусмотренных предоставленным ей опционом.

Момент достижения рассматриваемого соглашения привязан законом к предоставлению посредством безотзывной оферты права заключить договоры, что свидетельствует о *реальном* характере такого соглашения.

В свете изложенных соображений нельзя согласиться с тем, что «предоставление держателю опциона его контрагентом безотзывной оферты является, по сути, исполнением последним своих обязательств по соглашению о предоставлении опциона на заключение договора» [2. С. 305]. Данный подход необоснованно усложняет рассматриваемую организационную связь и, к тому же, порождает трудно разрешимую проблему допустимости понуждения к направлению безотзывной оферты. Однако на самом деле вся прелесть и одновременно простота ситуации в том, что безотзывная оферта считается сделанной и полученной ее адресатом с момента достижения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора. Держателю опциона остается только решить, воспользоваться ли предоставленной ему возможностью акцептовать такую оферту. «Таким образом, – правильно подчеркивает В.В. Михайлов, – одна сторона соглашения о предоставлении опциона на заключение договора *предоставляет* за плату безотзывную оферту, которая может быть акцептована в порядке, в сроки и на условиях, которые предусмотрены опционом (курсив мой. – В.Г.)» [3].

По общему правилу, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора является *возмездной* сделкой, поскольку держатель опциона за предоставленную ему возможность своим односторонним волеизъявлением породить организуемый (*согласованный*) договор должен внести плату (опционную премию) или совершить другое встречное имущественное предоставление, если только иное не предусмотрено данным соглашением. Соответственно, стороны должны договориться и о *безвозмездности* своего соглашения.

По мнению А.Г. Карапетова, обычно опцион носит односторонний характер в том смысле, что право на акцепт получает только одна из сторон, а другая претерпевает неопределенность, выступая в качестве оферента [4. С. 699].

Действительно, поскольку соглашение о предоставлении опциона влечет возникновение у держателя опциона секундарного правомочия (правообразующей возможности) заключить договор, постольку он не обязан совершать действия по акцепту адресованной ему безотзывной оферты. Между тем за приобретение указанного правомочия держатель опциона по общему правилу должен уплатить опционную премию или совершить иное встречное имущественное предоставление, что свидетельствует о *двусторонне-обязывающем* (синаллагматическом) характере рассматриваемого организационного договора. Нарушение держателем опциона встречной обязанности дает другой стороне основания для отказа от безотзывной оферты в соответствии с п. 2 ст. 328 ГК РФ. Поэтому одностороннюю правовую связь в виде исключения порождает только безвозмездное соглашение о предоставлении опциона на заключение договора.

Г.Н. Орлов указывает: «Правовая неопределенность оферента в части заключения основного договора характеризует соглашение о предоставлении опциона как алеаторную сделку» [5. С. 36].

Ошибочно считать юридическим риском неопределенность в вопросе о том, будет ли акцептована держателем опциона безотзывная оферта. Ведь тогда бы пришлось констатировать, что алеаторным характером обладает любое предложение заключить договор, порождающее состояние зависимости оферента от решения акцептанта, хорошо известное доктрине как связанность лица своим предложением заключить договор.

Кроме того, для констатации алеаторного характера сделки необходимо, чтобы риск несли все ее стороны. Причем этот риск выражается в наступлении неблагоприятных последствий в виде обязанности совершить имущественное предоставление, исполнение встречной обязанности, которое поставлено в зависимость от вероятного обстоятельства. В случае с соглашением о предоставлении опциона на заключение договора подобного, очевидно, не наблюдается.

Существенными условиями соглашения о предоставлении опциона на заключение договора выступают следующие пункты, подлежащие согласованию сторонами для признания такого соглашения заключенным: условие о предмете данного соглашения; иные условия, которые в предусмотренном п. 8 ст. 429.2 ГК РФ законе названы как существенные или необходимые для соглашения данного вида; инициативные условия, о необходимости согласования которых заявит одна из сторон, в том числе размер опционной премии или иное встречное имущественное предоставление за приобретение опциона, а также сроки акцепта безотзывной оферты держателем опциона.

Предметом рассматриваемого соглашения являются действия, которые должны быть совершены сторонами в целях заключения одного или нескольких других организуемых договоров. В частности, согласование предмета соглашения о предоставлении опциона предполагает определение сторонами условий безотзывной оферты, а также порядка, сроков и условий ее акцепта держателем опциона. В результате содержание организуемого договора будет соответствовать условиям, сформулированным в соглашении как условия безотзывной оферты, а процесс заключения данного договора – условиям, сформулированным как порядок, сроки и условия ее акцепта.

В соглашении о предоставлении опциона на заключение договора согласовываются условия оферты, т.е. условия будущего договора, а также порядок, срок и условия акцепта такой оферты (включая обусловленность акцепта наступлением определенного условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон). То есть имеют место *согласованная состоявшаяся оферта* и *согласованный предполагаемый акцепт*, а решение вопроса о заключении договора всецело зависит от воли обладателя правообразующей возможности, что, собственно, наблюдается во всех случаях связанности оферента, возникающей с момента получения оферты ее адресатом.

Таким образом, в соглашении о предоставлении опциона на право заключения договора сторонами по существу согласовываются условия будущего договора (они совпадают с условиями безотзывной оферты) и процесс заключения такого договора в ходе реализации держателем опциона предоставленной ему правообразующей возможности (речь идет о порядке, сроках, условиях акцепта оферты). При этом держатель опциона за возникающую у него правообразующую возможность вносит плату (опционную премию) или совершает другое встречное имущественное предоставление, если только иное не предусмотрено опционом на заключение договора.

Соглашение о предоставлении опциона на заключение договора порождает опцион как правообразующую возможность (вторичное правомочие) держателя опциона акцептовать безотзывную оферту. Реализация означенной возможности приводит к заключению согласованного договора. В.В. Витрянский в этой связи отмечает, что «держатель опциона получает право в течение всего срока, предоставленного для акцепта полученной им от контрагента безотзывной оферты, заключить договор путем акцепта указанной оферты в порядке, в сроки и на условиях, предусмотренных соглашением об опционе» [2. С. 310].

По общему правилу у держателя опциона возникает *безусловная* правообразующая возможность. Вместе с тем в силу абз. 2 п. 1 ст. 429.2 ГК РФ опционом на заключение договора может быть предусмотрено, что акцепт возможен только при наступлении определенного таким опционом условия, в том числе зависящего от воли одной из сторон. В этом случае необходимо вести речь уже об *условной* правообразующей возможности.

В аспекте договорного процесса реализация порождаемой соглашением о предоставлении опциона (организационным договором) правообразующей возможности, как безусловной, так и условной, означает завершение держателем опциона (акцептантом) юридического факта (организуемого договора), образование которого началось в момент заключения сторонами соглашения, свидетельствующего о состоявшихся направлении и получении безотзывной оферты ее адресатом. Но для того, чтобы указанный эффект наступил, правообразующая возможность должна быть реализована в соответствии с согласованными сторонами порядком, сроками и условиями акцепта.

В соответствии с абз. 2 п. 4 ст. 492.2 ГК РФ, *предмет согласованного договора* может быть описан сторонами любым способом, позволяющим его идентифицировать на момент акцепта безотзывной оферты. Как указывает А.Г. Карапетов, в опционе стороны предусматривают некий четкий механизм определения существенного условия, который позволит бесспорно определить содержание такого условия к моменту акцепта [4. С. 705]. При этом вполне применима содержащаяся в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.06.2015 № 4-КГ15-21 правовая позиция о том, что условие об определении предмета договора считается выполненным в случае, когда обе договаривающиеся стороны имеют о данном предмете одинаковое представление и могут его определить.

Организационно-процедурные условия заключенного соглашения о предоставлении опциона на заключение договора образуют порядок, сроки и условия акцепта безотзывной оферты держателем опциона (если срок для акцепта безотзывной оферты не установлен сторонами, этот срок считается равным одному году). Кроме того, организационно-процедурным условием возмездного соглашения выступает размер платы или иное встречное имущественное предоставление держателя опциона, которые соответствуют инициативному существенному условию. Если же ни

одна из сторон не предложила согласовать такое условие на стадии заключения соглашения, держатель опциона должен внести опционную премию в размере, определяемом в соответствии с п. 4 ст. 424 ГК РФ. Наконец, соглашением о предоставлении опциона на заключение договора могут быть установлены имущественные санкции, взыскиваемые с оферента в случае заключения с другим лицом договора вопреки безотзывной оферте, а с держателя опциона – при нарушении обязанности по уплате опционной премии и совершению иного встречного имущественного предоставления, а также согласованных порядка, сроков, условий акцепта.

Организационно-материальными условиями выступают все условия будущего (согласованного) договора, которые по содержанию совпадают с условиями безотзывной оферты, направленной оферентом и полученной акцептантом в момент заключения соглашения о предоставлении опциона на заключение договора.

В целях более полной характеристики рассматриваемого соглашения следует установить его соотношение с *опционным договором*, которому посвящены нормы ст. 492.3 ГК РФ.

Как следует из п. 1 ст. 429.3 ГК РФ, по опционному договору одна сторона на условиях, предусмотренных этим договором, вправе потребовать в установленный договором срок от другой стороны совершения предусмотренных опционным договором действий (в том числе уплатить денежные средства, передать или принять имущество), и при этом, если управомоченная сторона не заявит требование в указанный срок, опционный договор прекращается.

Категорически нельзя согласиться с утверждением о том, что «содержащееся в ст. 429.3 ГК РФ определение опционного договора и предложенное данной статьей его правовое регулирование не позволяют говорить об опционном договоре как о специальной договорной конструкции (в отличие от того же соглашения о предоставлении опциона на заключение договора)» [2. С. 315].

Как известно, по обычному договору у должника есть так называемые дебиторские правомочия, например, исполнить обязательство по уплате денег или передаче ценных бумаг внесением долга в депозит при уклонении кредитора от принятия исполнения или иной просрочки с его стороны (пп. 4 п. 1 ст. 327 ГК РФ). А вот в опционном договоре до момента выбора кредитора (наступления обстоятельств, при которых требование по такому договору считается заявленным) каких-либо дебиторских правомочий у должника не возникает. И если до этого момента исполнение все же последует, на управомоченной стороне будет наблюдаться неосновательное обогащение, если только принятие исполнения нельзя расценить в качестве сделанного в пользу такого исполнения выбора кредитора. В этом смысле опционный

договор предоставляет *опцион на исполнение договора*. То есть возникшее из опционного соглашения правоотношение оказывается в некоем «замороженном» состоянии, и дальнейшая динамика данного правоотношения зависит от усмотрения (воли) стороны, которой причитается определяющее имущественное предоставление¹.

Таким образом, соглашение о предоставлении опциона на заключение договора и опционный договор объединяет то, что динамика договорной связи развивается по усмотрению одной стороны, которая, по общему правилу, за получение такой возможности совершает встречное имущественное предоставление (уплачивает опционную премию)². При этом в обоих случаях вторичное правомочие обладает самостоятельной экономической ценностью: в опционе на заключение договора оно по общему правилу может быть уступлено другому лицу, а в опционном договоре существенным образом сказывается на оценке прав кредитора по такому договору.

Вместе с тем в случае с опционным договором правильно вести речь об *опционной оговорке*, составляющей содержание уже заключенного договора. Дальнейшая динамика *самого* договора с опционной оговоркой зависит от усмотрения держателя опциона, где под опционом необходимо понимать вторичное правомочие как *правопреобразовательную возможность*. При этом ничто не мешает сторонам предусмотреть в качестве опционной оговорки не только «опцион на исполнение договора», но и «опцион на изменение договора» или «опцион на расторжение договора».

Соглашение же о предоставлении опциона на заключение договора порождает опцион как вторичное правомочие в виде *правообразующей возможности*, реализация которой приводит к заключению *другого*, согласованного данным соглашением договора. Именно здесь наблюдается связка «организационный – организуемый договоры», в которой роль организационного договора выполняет соглашение о предоставлении опциона на заключение договора, а организуемого – договор, возникающий вследствие реализации держателем опциона предоставленной ему правообразующей возможности. Поэтому соглашение о предоставлении опциона на заключение договора, как отмечалось ранее, является реальной сделкой, в то время как опционный договор – консенсуальной.

Учитывая изложенное, *de lege ferenda* логично предусмотреть в ГК РФ единую статью, озаглавив ее «Соглашения о предоставлении опциона (опционные договоры)». В эту статью целесообразно включить нормы, посвященные отдельно соглашению о предоставлении опциона на заключение договора, и отдельно соглашению о предоставлении опциона на исполнение, изменение, прекращение договора, т.е. договора с опционной оговоркой.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Опционный договор в таком его понимании представляет собой отдельную разновидность обязательства с обусловленным исполнением, конструкция которого предусмотрена ст. 327.1 ГК РФ.

² Любопытно отметить, что в германской литературе под опционом понимаются все правовые конструкции, которые предоставляют право держателю опциона без содействия другой стороны посредством одностороннего волеизъявления создать или изменить дальнейшие отношения сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Папилин И.И., До М.Ю. Обзор судебной практики применения новых норм ГК РФ об опционе, опционном договоре и абонентском договоре // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 12. С. 193–207.
2. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М. : Статут, 2018. 528 с.
3. Михайлов В.В. Безотзывная оферта // СПС КонсультантПлюс. 2019.
4. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М. : М-Логос, 2017. 1120 с.
5. Орлов Г.Н. Понятие и особенности использования договорной конструкции опциона на заключение договора // Конкурентное право. 2017. № 3. С. 34–36.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 ноября 2019 г.

Agreements on Providing an Option to Conclude a Contract

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 203–206.

DOI: 10.17223/15617793/451/27

Vladislav V. Gruzdev, Novosibirsk State University of Economics and Management (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: gruzvld@rambler.ru

Keywords: organizational contracts; organized contracts; irrevocable offer; option to conclude contract; option agreement.

The study focuses on the regularities of civil and legal regulation of public relations arising in the field of agreements on providing an option to conclude a contract considered in the dogmatic aspect. The aim of the study is to substantiate the idea that the agreement on providing an option to conclude a contract as a standard construct fixed in the positive law is a kind of organizational legal relations that create conditions for further conclusion of contracts for the transfer of property, work, and services. The objectives of the study are: (1) to give a general description of the agreement on providing an option to conclude a contract; (2) to analyse the essential terms of such an agreement; (3) to show the difference between the agreement on providing an option to conclude a contract and the option agreement. The methodological basis of the study is general and specific scientific methods of cognition, including a formal legal one. As a result of the study, the following main conclusions were made. The agreement on providing an option to conclude a contract is a real, bilaterally binding, compensated, as a general rule, organizational contract. The essential terms of this agreement the parties must agree on before concluding it are: the subject matter of the agreement; other terms essential or necessary for agreements of this type as prescribed by Paragraph 8 of Article 429.2 of the Civil Code of the Russian Federation; initiative terms that one of the parties wants to coordinate, including the size of the option premium or other reward for the acquisition of the option; the terms of acceptance of the irrevocable offer by the option holder. The agreement on providing an option to conclude a contract, in contrast to the option agreement enshrined in Article 429.3 of the Civil Code of the Russian Federation, gives rise to an option as a secondary right in the form of a law-making opportunity. Its implementation leads to a conclusion of another agreement agreed upon by this agreement. “Organizational” and “organized” contracts are associated in this case. The former is the agreement on providing an option to conclude a contract, and the latter is the agreement resulting from the implementation by the holder of an option of the provided law-making opportunities. Therefore, the agreement on providing an option to conclude a contract is a direct transaction while the option agreement is an indirect one.

REFERENCES

1. Papilin, I.I. & Do, M.Yu. (2018) *Obzor sudebnoy praktiki primeneniya novykh norm GK RF ob optsiyone, optsiyonnom dogovore i abonentskom dogovore* [A Review of the Judicial Practice of Applying the New Norms of the Civil Code of the Russian Federation on Option, Option Agreement and Subscriber Agreement]. *Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii*. 12. pp. 193–207.
2. Vitryanskiy, V.V. (2018) *Reforma rossiyskogo grazhdanskogo zakonodatel'stva: promezhutochnye itogi* [Reform of Russian Civil Laws: Interim Results]. Moscow: Statut.
3. Mikhaylov, V.V. (2019) *Bezotzyvnaya oferta* [Irrevocable Offer]. Moscow: Konsul'tantPlyus. (In Russian).
4. Karapetov, A.G. (ed.) (2017) *Dogovornoe i obyazatel'stvennoe pravo (obshchaya chast')*: *postateynyy kommentariy k stat'yam 307–453 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii* [Law of Contracts and Obligations (General Part): Article-By-Article Commentary on Articles 307–453 of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow: M-Logos.
5. Orlov, G.N. (2017) Notion and Application Peculiarities of Contractual Structure of Agreement Conclusion Option. *Konkurentnoe pravo – Competition Law*. 3. pp. 34–36. (In Russian).

Received: 13 November 2019

Ф.В. Грушин, А.Н. Сиряков

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ИСПОЛНЕНИЯ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ИСПАНИИ

Исследуются вопросы, связанные с переводом на русский язык и изучением ключевых норм одного из важнейших документов, применяемого при исполнении лишения свободы в Испании – Королевского декрета 190/1996 от 9 февраля «Об утверждении пенитенциарного регламента». Отмечаются сходства и отличия с российским законодательством в указанной сфере с точки зрения юридической техники и содержания регулируемых общественных отношений. Делается вывод о необходимости использования опыта правового регулирования исполнения лишения свободы в процессе реформирования уголовно-исполнительного законодательства России.

Ключевые слова: уголовно-исполнительное законодательство; пенитенциарный регламент; зарубежный опыт; Испания.

Обращение к испанскому опыту правового регулирования исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы представляет определенный интерес по нескольким причинам. Первое. Сходство ряда условий, в которых формировалось и развивалось законодательство двух стран («пограничность» государств по отношению к Центральной Европе, этническая неоднородность народонаселения). Второе. Влияние наших правовых систем на третьи страны. Россия и Испания явились примером при формировании государственности и законодательства целого ряда ныне независимых республик, а широкое использование испанского и русского языков в мире придает доктрине уголовно-исполнительного права России и Испании для русско- и испаноговорящих специалистов не только определенную известность, но и является основой для ее заимствования. Третье. Сохранение в Испании высокого уровня осужденных к лишению свободы (126) по сравнению с другими членами Европейского союза [1]. Четвертое. Наличие «белых пятен» в отечественной специальной литературе при характеристике законодательства и практики его применения по отношению к осужденным в Испании.

В настоящее время облик пенитенциарной системы Испании формируют два основных документа, русский перевод наименований которых является условным и приближенным к российской правовой реальности: Органический закон 1/1979, 26 сентября «Основы исправительных учреждений» (в ред. от 1.07.2003) (*Ley Orgánica 1/1979, de 26 de septiembre, General Penitenciaria*) [2] (далее LOGP) и Королевский декрет 190/1996 от 9 февраля «Об утверждении Пенитенциарного Регламента» (*Real Decreto 190/1996, de 9 de febrero, por el que se aprueba el Reglamento Penitenciario*) [3] (далее RP). Они являются важнейшими источниками современного испанского уголовно-исполнительного права, регулирующими общественные отношения в области исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы. Отметим, что юридическая сила Органического закона близка нашему Федеральному Конституционному закону. Это подчеркивает конституционный характер регулируемых общественных отношений. В Российской Федерации, как известно, сфера исполнения уголовных наказаний регламентирована уголовно-исполнительным кодексом и широким кругом принятых в его развитие подзаконных актов.

RP пришел на смену Пенитенциарному регламенту 1981 года, принятому в развитие положений LOGP, и в настоящее время представляет собой промежуточный результат продолжающейся реформы демократизации испанской пенитенциарной системы [4. С. 78–79]. Это выражается в практическом воплощении в жизнь следующих мероприятий:

- разработка и последовательная реализация индивидуальной программы вмешательства с момента попадания человека в места предварительного заключения вплоть до его освобождения.

- широкое применение механизмов исправления (*tratamiento*), предполагающих активное вовлечение лиц, находящихся в местах принудительного содержания, в воспитательные мероприятия (*actividades*);

- обеспечение открытости пенитенциарного учреждения для родственников спецконтингента и представителей общественности;

- соблюдение прав подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

По своей структуре RP состоит из 325 статей, объединенных в главы (некоторые из них разбиты на части), которые в свою очередь сгруппированы в 12 разделов: раздел I «Общие положения» (гл. 1–4); раздел II «Общая организация» (гл. 1–8); раздел III «Режим в пенитенциарном учреждении» (гл. 1–5); раздел IV «Разделение и классификация» (гл. 1–2); раздел V «Исправление» (гл. 1–5); раздел VI «Разрешения на выезд» (гл. 1–2); раздел VII «Особые формы исполнения наказания» (гл. 1–7); раздел VIII «Условно-досрочное освобождение и пенитенциарные привилегии» (гл. 1–2); раздел IX «Помощь пенитенциарных учреждений» (гл. 1–3); раздел X «Поощрения и взыскания» (гл. 1–3); раздел XI «Организация пенитенциарных учреждений» (гл. 1–2); раздел XII. Хозяйственная и административная система пенитенциарных учреждений» (гл. 1–8).

Особенность RP в том, что его нельзя считать аналогом Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений, воспитательных колоний или следственных изоляторов, действующих в России, как может показаться на первый взгляд. В нем закреплены правовые нормы, которые в российском законодательстве содержатся в нормативно-правовых актах различного уровня: федеральных законах, приказах Минюста и ФСИН России. Например, в RP устанавливается порядок исполнения содержания под стражей, детализируются вопросы конвоирования осуж-

денных и подследственных, устанавливаются организационная модель пенитенциарного учреждения, порядок подготовки к условно-досрочному освобождению и т.д. По своему содержанию, структуре и стилю RP ближе к тексту Минимальных стандартных правил в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [5] и Европейских пенитенциарных правил [6]. Несущественные отличия следует усматривать в разделении структурных единиц документа. Текст RP предваряет преамбула, затем предусматривается следующее построение по нисходящей: раздел, глава, часть, статья, пункт, подпункт; в отечественных актах: часть, раздел, подраздел, глава, параграф, пункт, подпункт [7]. В действующих правовых предписаниях в сфере исполнения лишения свободы обеих стран используются официально-документальный стиль, выраженный в категориях должностования, директивности. Однако изложение норм RP зачастую сопровождается какими-либо разъяснениями либо обоснованиями. Например, если в Приказе Минюста от 16.12.2016 № 295 «Об утверждении Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений» записано: «осужденные обязаны», а далее перечисляются конкретные обязанности, то в RP перечислению обязанностей предшествует следующее пояснение: «заключенный присоединяется к обществу, тесно объединенному в специальные формы, что требует активного сотрудничества и поведения в духе солидарности при выполнении своих обязанностей». В изучаемом нами документе широко представлены нормы-дефиниции (учреждение, центр социальной интеграции, зависимые секции, режим, пенитенциарные привилегии, магазины (экономаты) и др.), присутствует значительное количество отсылочных норм как на статьи самого регламента (ст. 15 ч. 4, ст. 19, ч. 4, ст. 20, ч. 1, ст. 21, 26, 28, 33, ч. 3, ст. 35 ч. 2 и т.д.), конкретные статьи в других документах (ст. 11 ч. 1, ст. 12 ч. 1, ст. 31, 45 ч. 2, ст. 55 ч. 2, ст. 89, 90 ч. 1 и др.), иные нормативно-правовые акты (ст. 3, 51 ч. 1, ст. 266, 282 и др.).

С точки зрения содержания правовых установлений, связанных с осуществлением пенитенциарной деятельности по исполнению лишения свободы, обратим внимание на некоторые, на наш взгляд, важные особенности.

Поступление в учреждение и классификация осужденных.

Интересным представляются основания приема лица в пенитенциарное учреждение, среди которых, помимо приговора, называется решение суда об аресте, постановление о содержании под стражей и добровольная явка в учреждение, когда лицо задерживается на 72 часа, а директором учреждения запрашивается у суда ордер на его арест. Это связано с тем, что пенитенциарные учреждения Испании, наряду с исполнением лишения свободы, выполняют также функции принудительного содержания до вынесения приговора. При поступлении каждый получает гигиенический комплект (*lotes higiénicos*), в который входят предметы и изделия, необходимые для повседневной личной гигиены, презервативы, одежда для личного пользования (нуждающимся) и постельные принад-

лежности. Особенностью также является сокращенный срок нахождения лица (до 5 дней) в одиночной камере приемного отделения с возможностью его продления по соображениям безопасности или санитарным основаниям и уведомлением судьи по надзору.

Спецификой обладает способ определения осужденному конкретного места отбывания наказания, условий содержания и индивидуальной программы исправления. Специалисты, обследовавшие психологические, социальные, уголовные и другие данные лица, содержащегося в карантине, вносят в коллегиальный орган пенитенциарного учреждения – Совет по исправлению (*Junta de Tratamiento*), предложения о первичной классификации осужденного. Это означает, что человека относят к одной из трех степеней (*grados de clasificación*): от третьей, в которую включают наименее опасных преступников, к первой (наиболее опасные или явно не приспособленные к общим правилам упорядоченного общежития люди). В порядке исключения допускается сочетать элементы, характерные для разных классификационных степеней. Совет по исправлению, в свою очередь, вносит представление о первичной классификации в Руководящий центр (*Centro Directivo*), который принимает решение. Распределение осужденных в места отбывания наказания и условия содержания в них находятся в прямой зависимости от классификационной степени. К примеру, первой степени будут соответствовать условия содержания в закрытых учреждениях или отделениях. Впоследствии, каждые шесть месяцев, производится пересмотр первоначальной классификации осужденного и, в зависимости от изменений его личности, связанных с преступной деятельностью, поведения осужденного, участия его в различных мероприятиях, может быть принято решение о регрессе или прогрессе степени, что приводит к соответствующему изменению режима и условий отбывания наказания. Решение этого вопроса выходит за рамки RP и регулируется другими документами. Например, ст. 72 LOGP, 78 и 78-bis Уголовного кодекса содержат дополнительные критерии, необходимые для принятия решения об изменении классификационной степени. На первый взгляд, данная система представляется простой и справедливой, когда специалисты, изучающие осужденного, выносят предложения в полномочные органы на основе как общих критериев, так и индивидуальной программы исправления. Однако ее нельзя считать прогрессивной в классическом понимании этого слова, когда устанавливаются жесткие временные критерии и при наличии других обстоятельств осужденные последовательно улучшают свои условия пребывания в местах лишения свободы. Это вариация прогрессивной системы, получившая наименование принципа научной индивидуализации (*el principio de individualización científica*) исполнения наказания. Научной ее назвали потому, что предложения о классификации формулируют психологи, педагоги, криминологи, социальные работники, медики и другие специалисты, входящие в состав так называемых экспертных групп (*Equipo Técnico*), а индивидуализации – поскольку в ее основе данные о личности, без привязки к необходимым срокам отбы-

тия части наказания и другим формальным признакам. Однако в связи с изменением уголовного закона, когда, например, в отношении осужденных за преступления террористического характера или в составе организованных групп для перехода в третью степень были установлены минимальные сроки отбывания наказания, эта система стала утрачивать научную индивидуализацию [8. С. 314]. Специалистами отмечается и излишний бюрократизм, когда заседания полномочных органов являются всего лишь формальной процедурой, не предполагающей, кроме судебного, административного обжалования [9. С. 12]. В российском законодательстве предусматриваются элементы прогрессивной системы исполнения наказания, поскольку имеется возможность изменения как условий содержания внутри режима, так и самого вида учреждения. Однако отечественная система представляется сложнее, строже и запутаннее. Так, для изменения условий отбывания наказания в лучшую сторону требуется в любом случае пребывание минимального срока в имеющихся условиях (6, 9, 12 месяцев или 10 лет), отсутствие взысканий и добросовестное отношение к труду; при переводе в худшие условия – признание злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Для изменения вида учреждения в сторону смягчения режима требуется наряду с признанием осужденного положительно характеризующимся отбытие 1/2, 1/3, 2/3 срока пребывания в исправительной колонии строгого режима на любых условиях отбывания наказания или 1/2 срока на особом режиме, а также установленного для нахождения в тюрьме или 1/4 срока на облегченных условиях обещания режима. Злостные нарушители отбывания наказания могут быть переведены для отбывания части срока в тюрьму, а из колоний-поселений – в исправительную колонию общего режима. В связи с этим авторы указывают на необходимость поэтапного изменения условий отбывания лишения свободы с учетом последовательности, в которой располагаются виды исправительных учреждений в зависимости от степени изоляции в них осужденных [10. С. 82].

Условия отбывания наказания. RP закрепляет содержание различных условий отбывания наказания в зависимости от режима учреждений: открытый, обычный, закрытый. В учреждениях с открытым режимом устанавливаются условия полусвободы. Например, максимально приближенным к условиям жизни на свободе является отбывание наказания в зависимых секциях (*Unidades Dependientes*), находящихся за пределами учреждений и представляющими собой помещения (квартиры) в обычных жилых домах. Функции пенитенциарной администрации здесь минимальны и состоят исключительно в контроле за осужденными, а вопросы организации занятости, обучение, социальные услуги осужденные решают напрямую с этими учреждениями, а также общественными организациями. Напротив, в специализированных отделениях (*Departamentos Especiales*) закрытых учреждений (самая строгая форма) осужденные проживают в условиях изоляции от общества и ограничения контактов с другими осужденными с ежедневными прогулками не более двух человек од-

новременно продолжительностью три часа, ежедневным обыском камеры и личным обыском. В зависимости от вида учреждения осужденные могут проживать и в общежитиях (*dormitorios colectivos*) – открытых и специальных учреждениях, и в камерах (*celdas*) – все остальные, как правило, оборудованных душем и санузелом, обычно двухместных. Устанавливается возможность свиданий (краткосрочных, близких, с родственниками, адвокатами, представителями власти), телефонных переговоров, переписки, получения посылок и заказов. В отличие от отечественной практики исполнения уголовных наказаний, где вид учреждения и условия содержания в нем определяют не одинаковую периодичность предоставления различных благ, испанское законодательство формулирует преимущественно одинаковые для всех правила. Например, еженедельно осужденный имеет право на два краткосрочных свидания, а ежемесячно – один раз на все остальные. Однако пенитенциарная администрация вправе не разрешить, ограничить или приостановить свидания по соображениям безопасности с обязательным уведомлением судьи по надзору. Телефонные переговоры в количестве не более пяти в неделю продолжительностью до пяти минут каждое предоставляются лицам, чьи родственники проживают в отдаленных местностях, а также в случаях, когда осужденный хочет донести до родственников или адвоката важную информацию. Количество посылок не может превышать две в месяц массой не более пяти килограммов каждая. Ограничений по переписке не устанавливается.

Содержание деятельности пенитенциарного учреждения. В соответствии со ст. 2 RP основная деятельность пенитенциарного учреждения заключается в перевоспитании, социальной реинтеграции осужденных к лишению свободы, мерам безопасности, социальной помощи освобождаемым и их родственникам. Особое внимание при этом уделяется комплексу мероприятий, непосредственно направленных на достижение перевоспитания и социальной реинтеграции осужденных, т.е. лечению (*tratamiento*). В испанской специальной литературе используемый в законодательстве термин *tratamiento* вызвал полемику, ибо лечение, пенитенциарное лечение не в полной мере отвечает предназначению пенитенциарных учреждений [11. С. 143–144], поэтому наиболее всего эта работа соответствует тому, что в российском законодательстве называется исправлением. В частности, в отношении каждого осужденного составляется индивидуальная программа исправления (*el programa individualizado de tratamiento*); для достижения исправления устанавливается свод правил или мер, направленных на обеспечение упорядоченного и спокойного совместного проживания (режим); обеспечивается раздельное содержание осужденных, проводится его классификация. С точки зрения влияния на исправление администрация может предоставить, приостановить или запретить свидания; осуществить контроль за корреспонденцией; разрешить выход за пределы учреждения. Соответственно, RP закрепляет средства исправления (*Elementos del tratamiento*); устанавливает полномочия коллегиального органа –

Совета по исправлению; содержит положения о программах исправления, в том числе специализированных терапевтических программах лечения наркозависимости, о воспитательных мероприятиях, являющихся составной частью исправления (общее образование, профессиональное обучение, социально-культурные и спортивные мероприятия, трудовая занятость в форме непроизводственной деятельности).

Интерес представляет и сформулированная RP возможность как непосредственного, так и опосредованного (через представителей) участия осужденного в организации воспитательных мероприятий в обычном и открытом режимах. Речь идет о создании трех комиссий, избираемых осужденными из числа осужденных для разработки программ и их осуществления в: 1) образовательных, культурных и религиозных сферах; 2) развлекательных и спортивных мероприятий; 3) трудовой деятельности. Как видим, данные комиссии имеют некоторое сходство с известными ранее отечественному законодателю самодеятельными организациями осужденных.

Структура, организация пенитенциарного учреждения и контроль деятельности. Согласно RP учреждение состоит из секций (*unidades*), блоков (*módulos*), отделений (*departamentos*), способствующих распределению и разделению заключенных по полу, возрасту, криминальному прошлому, потребностям в исправлении. В настоящее время предпочтение отдается так называемым многоцелевым учреждениям, внутри которых создаются различные секции, блоки и отделения, функционирующие как места предварительного заключения и учреждения, исполняющие наказания с разными видами режима: для мужчин и женщин, а также женщин, имеющих детей (*Unidades de Madres*) и несовершеннолетних (*Departamentos para Jóvenes*). В исключительных случаях в целях выполнения конкретных программ исправления или предотвращения распада семьи мужчины и женщины могут по взаимному согласию совместно находиться в одном смешанном отделении (*Departamentos Mixtos*). RP также допускает создание так называемых специальных учреждений (больницы, психиатрические центры, центры социальной реабилитации). В науке уголовно-исполнительного права проблема так называемых гибридных учреждений активно обсуждается. Так, проф. В.А. Уткин высказывает мнение о приемлемости таких видов учреждений наряду с традиционными, указывая на преимущества и недостатки таких учреждений [12. С. 109]. Отмечаются фактическое существование изолированных участков в учреждениях уголовно-исполнительной системы России и необходимость продолжения изучения зарубежного опыта.

RP устанавливает основы организации деятельности пенитенциарных учреждений. В учреждениях (за исключением больниц) формируются коллегиальные и единоличные органы управления, среди которых можно назвать руководящий совет, совет по исправлению, экспертные группы, дисциплинарную комиссию, административно-хозяйственный совет, директора, управляющего и начальника дежурной смены.

Основным органом, осуществляющим контроль за пенитенциарной деятельностью, является судья по надзору (*Juez de Vigilancia*), принимающий участие в пенитенциарной деятельности Испании на протяжении 40 лет, являясь фундаментальным элементом демократического правового государства, ответственным за эффективную судебную защиту [13. С. 1]. Правовой статус данного органа закрепляется в трех статьях LOGP, однако RP более чем в 40 статьях детализирует его полномочия. Судья по надзору 1) информируется о контроле за перепиской, приостановлении или ограничении свиданий, ограничении в использовании литературы, применении средств принуждения, переводах осужденных, направлении в зависимые секции, освобождении; 2) принимает решение об условно-досрочном освобождении; 3) одобряет сочетание элементов, характерные для разных классификационных степеней при классификации осужденных, разрешает выезды за пределы учреждений (в отдельных случаях), оспаривает решения коллегиальных органов; 4) принимает жалобы со стороны осужденных. Внимание следует уделить и участию общественности в контроле за деятельностью пенитенциарных учреждений и сотрудничестве в пенитенциарном деле. Например, в рамках специальных форм исполнения наказания создаются центры социальной интеграции (*Centros de Inserción Social*), зависимые секции (*Unidades Dependientes*) и секции за пределами пенитенциарных учреждений (*Unidades Extrapenitenciarias*), в которых активно участвуют представители общества. В регламенте не только содержится широкий круг контактов за пределами учреждений (разрешение на выезд (*permisos de salida*), специальные свидания (*comunicaciones especiales*), предоставление открытого режима (*potenciación del régimen abierto*), исправление вне учреждения (*tratamiento extrapenitenciario*), но и решительно поощряется сотрудничество государственных и частных организаций, занимающихся оказанием помощи заключенным.

Кроме того, особое внимание RP уделит медицинскому обслуживанию, гигиене, питанию лиц, находящихся в пенитенциарных учреждениях, работе магазинов, что свидетельствует о гуманистическом характере испанского пенитенциарного законодательства.

Подводя итог, отметим следующее. 1. Пенитенциарный регламент детализирует положения Органического закона 1979 года, однако содержит значительное количество правовых норм, развиваемых в целом ряде циркуляров, применяемых при осуществлении деятельности, связанной не только с исполнением лишения свободы, но также меры процессуального пресечения в виде заключения под стражу, конвоирования задержанных, заключенных под стражу и осужденных. Наличие широкого круга подзаконных актов не способствует эффективности достижения поставленных перед пенитенциарным законодательством целей. Являясь сходным с российскими правовыми актами в сфере исполнения уголовных наказаний с точки зрения юридической техники документом, Пенитенциарный регламент по стилю и содержанию правовых установлений максимально приближен к международным документам. 2. К существенными

содержательным особенностям Пенитенциарного регламента следует отнести закрепление классификации осужденных, которая определяет конкретный режим отбывания наказания. В документе вместо прогрессивной системы исполнения наказания формулируется идея научной классификации. Она предполагает возможность классификации осужденного в любую из трех степеней (не обязательно последовательно) в зависимости не от каких-либо сроков или формальных требований, а на основе выполнения индивидуальной программы исправления (вмешательства), оцениваемой компетентными специалистами. Однако в чистом виде принцип научной классификации не реализуется ввиду наличия ограничений, закрепленных в уголовном законодательстве. 3. В зависимости от степени классификации, согласно Регламенту, осужденный направляется в открытые, обычные или

закрытые учреждения, в которых устанавливаются стандартные ограничения по месту проживания, количеству свиданий, посылок, телефонных переговоров. Допускается создание многофункциональных учреждений, а также смешанных камер для отбывания наказания осужденными супругами. 4. Пенитенциарный регламент детализирует полномочия судьи по надзору за пенитенциарными учреждениями, демонстрируя его широкое участие в пенитенциарном деле. 5. Опыт правового регулирования исполнения лишения свободы в Испании представляет познавательный и практический интерес. Совершенствуя российское уголовно-исполнительное законодательство целесообразно обратить внимание на необходимость возрождения самостоятельных организаций осужденных, разработку классификации осужденных и индивидуальных программ исправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сводка тюремного мира Института исследований уголовной политики (The World Prison Brief the Institute for Criminal Policy Research). URL : <https://prisonstudies.org/country/spain> (дата обращения: 14.08.2019).
2. Официальный государственный бюллетень. URL : <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23708> (дата обращения: 14.08.2019).
3. Официальный государственный бюллетень. URL : <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1996-3307> (дата обращения: 14.08.2019).
4. Адамес Кастро, Росио Формирование и развитие современного пенитенциарного права (Rocío Adámez Castro Formación y evolución del Derecho Penitenciario Moderno) // Revista de Estudios Penitenciarios. 2015. № 258. P. 49–86. URL : <http://www.derechopenitenciario.com/comun/fichero.asp?id=4212> (дата обращения: 10.09.2019).
5. Управление Организации Объединенных Наций по контролю за наркотиками и преступности. URL : https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf (дата обращения: 14.08.2019).
6. Совет Европы. URL: <https://www.coe.int/en/web/prison/conventions-recommendations#recommendations-bookmark> (дата обращения: 14.08.2019).
7. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов. Письмо Аппарата ГД ФС РФ от 18.11.2003 № вн-2-18/490.
8. Леганес Г., Сантьяго. Пенитенциарная классификация и открытый режим: докторская диссертация. Т. II (Santiago Leganés Gómez Clasificación Penitenciaria y Medio Abierto: Tesis Doctoral. Т. II). Valencia, 2013. 1057 p. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/71009003.pdf> (дата обращения: 13.09.2019).
9. Ньето Г., Анхель Х. Двойная административная инстанция в тюремной классификации (Ángel Juan Nieto García La doble instancia administrativa en la clasificación penitenciaria) // Diario La Ley. 2010. № 7341. Sección Doctrina. URL: <http://aladino.webcindario.com/variados/nieto1.pdf> (дата обращения: 14.08.2019).
10. Середа С.П. Дифференциация и индивидуализация исполнения наказания в виде лишения свободы при изменении вида исправительного учреждения // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2019. Т. 13, № 1. С. 78–84.
11. Галлардо Г., Роза М. Программы и мероприятия пенитенциарного лечения: необходимо привести в соответствие с законом (Rosa M. Gallardo García Los programas y actividades del tratamiento penitenciario: la necesaria adaptación de la norma) // Anuario da Facultade de Dereito da Universidade da Coruña. 2016. Vol. 20. P. 139–160. URL: <http://www.derechopenitenciario.com/doctrina/doctrina-res.asp?buscar=S&prg=3> (дата обращения: 09.09.2019).
12. Уткин В.А., Киселёв М.В., Савушкин С.М. «Гибридные» и «мультирежимные» пенитенциарные учреждения: преимущества и риски // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 103–113.
13. Корона Т., Рубен Д. Обеспечение исполнения уголовных наказаний Судьей по надзору за пенитенциарными учреждениями за 36 лет его действия в испанском законодательстве (Rubén Darío Corona Torres La garantía de ejecución penal a cargo del Juez de Vigilancia Penitenciaria a 36 años de su existencia en la legislación penal Española) // Revista Internacional de Doctrina y Jurisprudencia. 2015. Vol. 11. P. 1–30. URL: <http://www.derechopenitenciario.com/comun/fichero.asp?id=5117> (дата обращения: 10.09.2019).

Статья представлена научной редакцией «Право» 20 сентября 2019 г.

Regulation of Imprisonment in Spain

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 207–212.

DOI: 10.17223/15617793/451/28

Fedor V. Grushin, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: fedor062@yandex.ru

Alexey N. Siryakov, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: 643350@mail.ru

Keywords: penal enforcement legislation; prison rules; foreign experience; Spain.

The article presents studies of one of two main documents on the Spanish prison system, the Decree of 1981. The aim of the article is to acquaint the Russian-speaking reader with the peculiarities of the legal regulation of imprisonment in Spain and to offer acceptable ways to improve the penal laws in Russia. The research methods are statistical, comparative legal, and systematization. The Decree has several chapters: general provisions, general organization, prison regime, separation and classification, prison treatment, permits for departure, special forms of the execution of punishment, parole and prison privileges, assistance to prisons, promotions and penalties, organization of prisons, the economic and administrative system of prisons. The Decree has similarities and differences with Russian laws in terms of legal technique and content of regulated social relations. The important features revealed in the study are as following. (1) Classification into different prison regimes. There are three degrees of prisoner status (1st, 2nd and

3rd) which entail three corresponding prison regimes. In open-regime prisons, conditions of semi-freedom are established. In closed system (the most severe form), convicts live in isolation from society. Prisons set different conditions. (2) Content of the activities of the prison. The Decree is based on the concept of reformation aimed at correctional education so that the observation of the personality of each prisoner should help identify the best individual path for them to be reintegrated in the society. (3) Structure, organization and control of the prison. The prison consists of sections, blocks, departments, that distribute and divide prisoners by sex, age, criminal past, needs for correction. Currently, preference is given to the so-called multi-purpose institutions, within which various sections, units and offices are established that function both as places of pre-trial detention and as institutions for the execution of sentences. The supervisory judge is the main body responsible for supervising over prison activities. The Decree details provisions of the 1979 Organic Law, but has a significant number of references to other acts. The style and content of the Decree are in line with international documents. The penitentiary classification is formulated (the principle of scientific individualization), it differs from the progressive system. The Decree details the powers of the judge in sentence execution, which demonstrates their broad participation in criminal cases. The experience of Spain is of cognitive and practical interest. While improving the Russian penal laws, it is advisable to pay attention to prisoners associations, prison classification and individual correction programs.

REFERENCES

1. World Prison Brief. (2018) *Spain*. [Online] Available from: <https://prisonstudies.org/country/spain>. (Accessed: 14.08.2019).
2. Boletín Oficial del Estado. (1979) *Ley Orgánica 1/1979, de 26 de septiembre, General Penitenciaria*. [Online] Available from: <https://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1979-23708>. (Accessed: 14.08.2019).
3. Boletín Oficial del Estado. (1996) *Real Decreto 190/1996, de 9 de febrero, por el que se aprueba el Reglamento Penitenciario*. [Online] Available from: <http://www.boe.es/buscar/act.php?id=BOE-A-1996-3307>. (Accessed: 14.08.2019).
4. Adames Castro, R. (2015) Formación y evolución del Derecho Penitenciario Moderno. *Revista de Estudios Penitenciarios*. 258. pp. 49–86. [Online] Available from: <http://www.derechopenitenciario.com/comun/fichero.asp?id=4212>. (Accessed: 10.09.2019).
5. UNODC. (2015) *UN Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (Nelson Mandela Rules)*. [Online] Available from: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/Nelson_Mandela_Rules-R-ebook.pdf. (Accessed: 14.08.2019).
6. Council of Europe. (n.d.) *Key Council of Europe Conventions and Recommendations*. [Online] Available from: <https://www.coe.int/en/web/prison/conventions-recommendations#recommendations-bookmark>. (Accessed: 14.08.2019).
7. Apparatus of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation. (2003) *Metodicheskie rekomendatsii po yuridiko-tekhnikeskomu oformleniyu zakonoproektov* [Methodological Recommendations on the Legal and Technical Design of Bills]. Letter No. vn2-18/490 of 18 November 2003. Moscow: Konsul'tantPlyus.
8. Gómez, S.L. (2013) *Clasificación Penitenciaria y Medio Abierto*: Tesis Doctoral. Vol. II. Valencia. [Online] Available from: <https://core.ac.uk/download/pdf/71009003.pdf>. (Accessed: 13.09.2019).
9. García, A.J.N. (2010) La Doble Instancia Administrativa en la Clasificación Penitenciaria. *Diario La Ley*. 7341. Sección Doctrina. [Online] Available from: <http://aladino.webcindario.com/varios/nieto1.pdf>. (Accessed: 14.08.2019).
10. Sereda, S.P. (2019) Differentiation and Individualization of Execution Imprisonment When Changing the Type of Correctional Institution. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie – Bulletin of the Institute: Crime, Punishment, Correction*. 13 (1). pp. 78–84. (In Russian).
11. García, R.M.G. (2016) Los programas y actividades del tratamiento penitenciario: la necesaria adaptación de la norma. *Anuario da Facultade de Dereito da Universidade da Coruña*. 20. pp. 139–160. [Online] Available from: <http://www.derechopenitenciario.com/doctrina/doctrina-res.asp?buscar=S&pg=3>. (Accessed: 09.09.2019).
12. Utkin, V.A., Kiselev, M.V. & Savushkin, S.M. (2018) “Hybrid” and “Multiregime” Penal Institutions: Advantages and Risks. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 29. pp. 103–113. (In Russian). DOI: 10.17223/22253513/29/9
13. Torres, R.D.C. (2015) La garantía de ejecución penal a cargo del Juez de Vigilancia Penitenciaria a 36 años de su existencia en la legislación penal Española. *Revista Internacional de Doctrina y Jurisprudencia*. 11. pp. 1–30. [Online] Available from: <http://www.derechopenitenciario.com/comun/fichero.asp?id=5117>. (Accessed: 10.09.2019).

Received: 20 September 2019

В.В. Кванина

ВЗАИМОСВЯЗЬ ГРАЖДАНСКОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

Исследуется вопрос о возможности применения к обязательствам из возмещения вреда окружающей среде положений гл. 59 ГК РФ. На основе анализа законодательства и судебной практики делается вывод о том, что гражданско-правовые положения о внедоговорной ответственности содержат в себе большой потенциал, позволяющий в определенной мере перенести их и на указанные обязательства. Вместе с тем специфика вреда окружающей среде должна быть закреплена в Федеральном законе «Об охране окружающей среды».

Ключевые слова: внедоговорные обязательства из причинения вреда; вред окружающей среде; гражданско-правовая ответственность; экологическая ответственность.

Бесспорным является утверждение о том, что от состояния окружающей среды зависит настоящее и будущее как человечества, так и планеты Земля в целом. Под окружающей средой понимается совокупность компонентов природной среды (земля, недра, почвы, поверхность и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и др.), природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов (ст. 1 Федерального закона от 10.01.2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», – далее ФЗ № 7). Право на благоприятную окружающую среду, информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением, – конституционное право гражданина (ст. 42 Конституции Российской Федерации). Сохранение благоприятной окружающей среды зависит от многих факторов, в том числе от наличия разработанных эффективных правовых средств привлечения к ответственности лиц, оказывающих на нее негативное воздействие. Результатом негативного воздействия на окружающую среду чаще всего является причинение ей вреда, который, в свою очередь, может повлечь причинение вреда жизни и здоровью граждан.

Как следует из ст. 75 ФЗ № 7, за нарушение законодательства в области охраны окружающей среды причинитель вреда может быть привлечен к имущественной, дисциплинарной, административной и уголовной ответственности. Соответственно, и за причинение вреда окружающей среде, жизни и здоровью гражданина он также может быть привлечен к указанным видам юридической ответственности.

Как отмечают юристы-экологи, в большей степени содержание экологических отношений пересекается с гражданско-правовыми, так как многие природные объекты являются объектами гражданского оборота. В первую очередь здесь идет речь о соотношении гражданско-правовой ответственности и ответственности за вред, причиненный окружающей среде. На взгляд отдельных авторов, гражданско-правовая ответственность играет и должна продолжать играть важнейшую роль в обеспечении стабильности имущественных отношений. При этом гражданско-правовая диспозитивность должна совмещаться с императивностью норм [1. С. 110; 2. С. 471].

Данная позиция поддерживается не всеми юристами. Так, например, высказана точка зрения о том, что многообразие последствий, которые наступают в результате экологических правонарушений, сложная структура экологического вреда, специфические объекты экологических правовых отношений определяют необходимость применения к регулированию отношений по возмещению экологического вреда эколого-правовых норм, а гражданско-правовых – ограничено и субсидиарно [3. С. 13]; гражданское законодательство о деликтных обязательствах не отражает в полной мере специфику вреда, причиненного окружающей среде, правовых последствий его причинения, а также порядка его возмещения [4. С. 66–80].

Наряду с указанными точками зрения отстаивается теория о самостоятельности эколого-правовой ответственности. Основные аргументы данной позиции сводятся к следующему: экологические интересы носят преимущественно публично-правовой характер; природа, как правило, находится в публичной, государственной собственности; жизнь, здоровье – это не только частный, но и публичный интерес [5]; вред окружающей среде причиняется вне рамок гражданского правоотношения [6. С. 55]. Исключение делается для регулирования возмещения вреда имуществу человека, причиненного вследствие загрязнения окружающей среды, – оно должно осуществляться по правилам гражданского законодательства [5].

Не углубляясь в дискуссию о самостоятельности эколого-правовой ответственности, в рамках данной статьи остановимся на отдельных аспектах имущественной ответственности, предусмотренной ст. 75 ФЗ № 7, – насколько полно и корректно положения об ответственности, предусмотренные гражданским законодательством, могут быть перенесены на сферу возмещения экологического вреда.

Согласно ФЗ № 7, вред окружающей среде, вызванный ее загрязнением, истощением, порчей, уничтожением, нерациональным использованием природных ресурсов, деградацией и разрушением естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и иным нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, причиненный юридическим или физическим лицом, подлежит возмещению ими в полном объеме (ст. 77). Кроме того, в полном объеме подлежит воз-

мещению вред, причиненный здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц (ст. 79). Из данных положений закона следует, что речь идет о внедоговорном вреде, ответственность за который предусмотрена гл. 59 ГК РФ. Соответствующий вывод сделан и в п. 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 21), в котором обращено внимание на то, что гражданско-правовая (имущественная) ответственность за вред, причиненный окружающей среде, может возникнуть в результате нарушения договора в сфере природопользования (например, договора аренды лесного участка), а также в результате внедоговорного (деликтного) причинения вреда.

Заметим, что положения ст. 1064 ГК РФ рассчитаны на случаи причинения вреда личности или имуществу гражданина, а также вреда, причиненного имуществу юридического лица. О вреде, причиненном окружающей среде, в ней речь не идет. Тем не менее суды по спорам о возмещении вреда окружающей среде в обоснование привлечения к ответственности в обязательном порядке ссылаются на данную статью (см., например, Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 07.12.2021 г. по делу № 33-23894/2017, Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.03.2018 г. № 09АП-5383/18, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.06.2018 г. № Ф04-1925/18).

Для гражданско-правовой ответственности (договорной и внедоговорной) как вида юридической ответственности характерны следующие признаки: она в основном носит имущественный характер; правонарушитель несет ответственность перед потерпевшим; имеет компенсационный характер; меры гражданско-правовой договорной ответственности могут быть предусмотрены как законом, так и соглашением сторон, меры внедоговорной ответственности – только законом и не могут быть изменены соглашением сторон.

По общим правилам гражданского законодательства иск о причинении вреда может быть предъявлен потерпевшим либо его законным представителем. Согласно же ст. 11, 12 ФЗ № 7, правом на предъявление иска о возмещении вреда, причиненного окружающей среде, наделены граждане (такое право у них возникает независимо от причинения вреда их здоровью), а также общественные объединения и некоммерческие организации в области охраны окружающей среды.

Гражданско-правовая ответственность имеет следующие формы: возмещение убытков, компенсация морального вреда, уплата неустойки, уплата процентов за пользование чужими денежными средствами и др.

Согласно ст. 15 и ст. 393 ГК РФ, в состав убытков входят реальный ущерб и упущенная выгода. Под реальным ущербом понимаются расходы, которые

кредитор произвел или должен будет произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение его имущества; под упущенной выгодой – неполученные кредитором доходы, которые он получил бы с учетом разумных расходов на их получение при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств»).

ФЗ № 7 под вредом окружающей среде понимает негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов (ст. 1). В пункте 1 ст. 77 данного закона к результатам экологического вреда отнесено: загрязнение, истощение, порча, уничтожение, нерациональное использование природных ресурсов, деградация и разрушение естественных экологических систем, природных комплексов и природных ландшафтов и др.

В юридической литературе под экологическим вредом предложено понимать негативное изменение качественных характеристик окружающей среды, ее компонентов или функций, вызванное вмешательством в жизнедеятельность природной системы, оказывающее или способное оказывать воздействие на жизнедеятельность всей экологической системы, а также на физическое и моральное здоровье населения, на социальные, демографические и прочие процессы в обществе, проявляющееся в материальных и (или) нематериальных последствиях, которые могут быть установлены, зафиксированы и оценены [7. С. 92].

Предложены и более детализированные определения экологического вреда: вред, причиненный окружающей среде в результате ее загрязнения; вред, причиненный отдельным компонентам природной среды, возмещаемый в соответствии с утвержденными таксами и методами возмещения вреда; вред, причиненный здоровью и имуществу граждан в результате нарушения законодательства в области охраны окружающей среды; прошлый (накопленный) экологический вред; вред окружающей среде, возникающий из правомерных действий субъекта хозяйственной деятельности (имеющий неделиктный характер) [8].

Таким образом, как в ФЗ № 7, так и в доктрине экологического права, акцент сделан на видах экологического вреда без указания на его экономическую составляющую, которая представлена гражданским законодательством. В восполнение данного пробела в Постановлении Пленума ВС РФ № 21 со ссылкой на ст. 1069, 1085 ГК РФ указывается, что возмещение вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина, осуществляется с учетом утраченного потерпевшим заработка (дохода), который он имел либо определенно мог иметь, а также дополнительно понесенных расходов, вызванных повреждением здоровья, в том числе расходов на лечение, дополнительное питание, приобретение лекарств и др. расходов (п. 34). Определенные разъяснения по исчислению суммы возмещения вреда можно найти, например, в п. 28 Обзора

судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2019 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 17.07.2019 г., где подчеркнуто, что осуществление лицом, причинившим вред окружающей среде, рекультивационных мероприятий, которые в полной мере не привели к восстановлению окружающей среды до состояния, существовавшего до причинения вреда, не освобождает данное лицо от возмещения вреда в полном объеме. При определении размера оставшейся части в денежной форме подлежат учету добросовестно понесенные, обоснованные и разумные затраты причинителя вреда по устранению загрязнения окружающей среды.

В данном пункте Обзора, кроме того, обращено внимание на то, что при определении полного экологического вреда учету подлежат не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые в силу своих особенностей невосполнимы и (или) трудновосполнимы.

Как отмечается в литературе, экологические потери подлежат возмещению в связи с тем, что природные объекты не имеют заранее определенной цены; неблагоприятные экологические последствия могут проявиться не сразу, а спустя продолжительное время; исчисление размера компенсации причиненного окружающей среде вреда, осуществляемое в соответствии с методиками и таксами или на основании подсчета стоимости работ по восстановлению нарушенных свойств объектов окружающей среды, не позволяет оценить истинный масштаб такого вреда, так как в подавляющем большинстве случаев определенная сумма денежного возмещения является условной и не соответствует его реальному объему [9. С. 157].

Заметим, что применение при исчислении причиненного экологического вреда такс и методик (п. 3 ст. 77 ФЗ № 7) не чуждо цивилистике. Например, в отношении компенсации морального вреда неоднократно предпринимались попытки разработки методики расчета размеров компенсации морального вреда.

Гражданским законодательством предусмотрен принцип полного возмещения вреда (п. 1 ст. 15, п. 1 ст. 1064 ГК РФ). ФЗ № 7 также исходит из принципа полного возмещения вреда окружающей среде (ст. 77, 79). Однако фактически в случаях возмещения вреда окружающей среде по утвержденным таксам и методикам, в случае рекультивационных и иных восстановительных работ речь идет о повышенной ответственности. Так, например, в апелляционном определении СК по гражданским делам Оренбургского областного суда от 09.08.2016 г. по делу № 33-6129/2016 суд отметил, что исходя из положений ст. 15, 1064 ГК РФ, ст. 77 ФЗ № 7 возмещение вреда по утвержденным таксам и методикам является повышенной имущественной ответственностью, предусмотренной гражданским законодательством, которая устанавливается с учетом не только материального вреда, но и экологических потерь. При определении экологического вреда в деньгах подлежат учету не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые невосполнимы или трудновосполнимы. Представляется, что в данном случае суд необоснованно сослался на ст. 15, 1064 ГК

РФ, так как в них заложен принцип полного возмещения вреда, но не повышенного. В других судебных актах в качестве обоснования привлечения к повышенной ответственности за вред окружающей среде делается ссылка только на ст. 77 ФЗ № 7 (Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 26.01.2017 г. № 17АП-18895/16; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.08.2018 г. № 09АП-33367/18). Обоснование данной правовой позиции находим также в судебных актах Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

Так, например, Верховный Суд РФ отметил, что Закон не предусматривает оснований для зачета понесенных нарушителем затрат по ликвидации последствий в сумму ущерба, поскольку такая сумма в силу закона определяется самостоятельно по факту затрат именно на восстановление нарушенного состояния, а не непосредственно на ликвидацию последствий нанесенного вреда, либо по установленным законом таксам и методикам исчисления размера вреда. Восстановление нарушенного состояния окружающей среды не тождественно процедуре ликвидации последствий загрязнения окружающей среды. Такое восстановление осуществляется после процедуры ликвидации. Исчисление размера вреда на основании методики исчисления размера вреда является правильным, поскольку рекультивация земель полностью не возмещает вред в смысле п. 1 ст. 1064 ГК РФ и п. 3 ст. 77 ФЗ № 7. При определении экологического вреда в денежном выражении подлежат учету не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые невосполнимы или трудновосполнимы (Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 03.06.2015 г. № 310-ЭС15-1168).

Конституционный Суд РФ, в свою очередь, в обоснование позиции о повышенной имущественной ответственности за вред окружающей среде отметил, что специфической чертой данной ответственности является то, что вред как необходимое условие состава правонарушения причиняется не имуществу конкретного лица, а окружающей среде... При определении полного экологического вреда учету подлежат не только затраты на восстановление нарушенной природной среды, но и экологические потери, которые в силу своих особенностей невосполнимы и (или) трудновосполнимы, в том числе по причине отдаленности во времени последствий правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. Восстановление нарушенного состояния окружающей среды осуществляется после ликвидации последствий загрязнения окружающей среды и не тождественно данной процедуре (Определение Конституционного Суда РФ от 09.02.2016 г. № 225-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Монолит и К” на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 3 статьи 77 и пунктом 1 статьи 78 Федерального закона “Об охране окружающей среды”»).

Применительно к лесному законодательству Конституционный Суд РФ в Постановлении от 02.06.2015 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности

части 2 статьи 99, части 2 статьи 100 Лесного кодекса Российской Федерации и положений постановления Правительства Российской Федерации “Об исчислении размера вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства” в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью “Заполярнефть”» отметил, что отсутствие в системе действующего правового регулирования четкого и непротиворечивого правового механизма возмещения вреда, причиненного лесам вследствие нарушения лесного законодательства, порождает неопределенность в вопросе о соотношении размера подлежащего возмещению вреда, исчисленного в соответствии с таксами и методиками, и понесенными причинителем вреда расходами на устранение своими силами допущенного правонарушения.

Гражданское законодательство наряду с принципом полного возмещения вреда по отдельным видам обязательств и по обязательствам, связанным с определенным родом деятельности, предусматривает ограниченную ответственность (ч. 1 ст. 400 ГК РФ). ФЗ № 7 исключает случаи ограниченной ответственности за вред, причиненный окружающей среде (ст. 77, 79).

В п. 33 и 34 Постановления Пленума ВС РФ № 21 подчеркнута, что положения ФЗ № 7 не предполагают ограничения размера ответственности по обязательствам, возникающим из договоров в сфере природопользования; вред, причиненный окружающей среде, а также здоровью и имуществу граждан негативным воздействием окружающей среды в результате хозяйственной и иной деятельности юридических и физических лиц, подлежит возмещению в полном объеме (п. 1 ст. 77, п. 1 ст. 79 ФЗ № 7).

Наряду с этим, в п. 34 данного Постановления Пленума ВС РФ, а также в п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 49) со ссылкой на п. 3 ст. 1083 ГК РФ разъяснено, что суд вправе уменьшить размер возмещения вреда, причиненного гражданином окружающей среде, с учетом его имущественного положения, кроме случаев, когда он причинен действиями, совершенными умышленно.

Таким образом, Верховный Суд РФ восполнил пробел ФЗ № 7, прибегнув к заимствованию положений ГК РФ об уменьшении размера вреда.

Следующая форма гражданско-правовой ответственности – компенсация морального вреда, под которым понимаются нравственные и физические страдания, причиненные действиями (бездействием), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага (жизнь, здоровье и т.п.) или нарушающими его личные нематериальные права либо нарушающими имущественные права граждан (п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»). В последнем случае моральный вред подлежит компенсации только в случаях, прямо предусмотренных законом. В случаях, пря-

мо предусмотренных законом, компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины (ст. 1100 ГК РФ).

В пункте 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 21 разъяснено, что компенсация морального вреда, причиненного здоровью граждан негативным воздействием окружающей среды, осуществляется независимо от вины, если такой вред причинен юридическими лицами и гражданами, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающей среды (ст. 1100 ГК РФ).

По общему правилу гражданско-правовая ответственность наступает при наличии следующих условий: противоправное поведение, наличие убытков, наличие причинной связи между противоправным поведением и наступившими последствиями, вина должника. В отдельных случаях ответственность наступает независимо от вины (п. 3 ст. 401, 1079 ГК РФ). В пункте 8 Постановления Пленума ВС РФ № 49 в качестве примера привлечения к ответственности за причинение вреда независимо от вины указан владелец нефтепровода, отвечающий за вред окружающей среде вследствие осуществления третьими лицами незаконной врезки в нефтепровод. Необходимо обратить внимание на то, что ст. 1079 ГК РФ посвящена ответственности за причинение вреда источником повышенной опасности окружающим; об окружающей среде в ней речь не идет. Тем не менее на практике данная статья в обязательном порядке применяется судами при обосновании привлечения к ответственности за вред, причиненный окружающей среде (см., например, Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.05.2008 г. № Ф02-1930/08 по делу № А33-3067/2007, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.08.2016 г. № Ф06-11927/16 по делу № А12-56444/2015, Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 07.06.2018 г. № Ф04-1925/18 по делу № А75-12112/2017).

Применительно к окружающей среде к источникам повышенной опасности относят транспортные средства (наезды железнодорожного транспорта на диких животных), промышленные предприятия, загрязняющие природную среду токсичными веществами, аварийно-опасные предприятия, химические вещества, используемые в сельском и лесном хозяйстве для обработки полей и лесов, нефтепродукты, загрязняющие море, почвы, поверхностные и подземные воды [10], линии электропередач (Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 17.08.2016 г. № Ф06-11927/16 по делу № А12-56444/2015).

Вина правонарушителя презюмируется (п. 2 ст. 401, п. 2 ст. 1064 ГК РФ). При этом бремя доказывания факта причинения ущерба возлагается на кредитора. Аналогичный вывод следует и из ст. 77 ФЗ № 7. В то же время данным законом в целях предотвращения негативного воздействия на окружающую среду хозяйственной и (или) деятельности предусмотренны нормативы допустимого воздействия на окружающую среду. За превышение данных нормативов хозяйствующие субъекты подлежат привлечению к ответственности в соответствии с действующим законо-

дательством (ст. 21). Причем причинение вреда окружающей среде в этом случае предполагается. Бремя доказывания обстоятельств, указывающих на возникновение негативных последствий в силу иных факторов и (или) их наступление вне зависимости от допущенного нарушения, возлагается в этом случае уже на ответчика (п. 7 Постановления Пленума ВС РФ № 49). Если же нормативы допустимого воздействия на окружающую среду были соблюдены, то это рассматривается в качестве правомерного поведения, которое не влечет обязанности по возмещению вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан [11]. В этой связи экологическое законодательство не предусматривает возможность привлечения к юридической ответственности за вред, причиненный правомерными действиями в соответствии с п. 3 ст. 1064 ГК РФ. Отношения по загрязнению окружающей среды регулируются посредством предусмотренных экологическим законодательством мер экономического регулирования (платы, страхования), применяемых во взаимосвязи с другими правовыми мерами (экологическое нормирование и др.) [12].

Гражданское законодательство предусматривает два способа возмещения вреда: возмещение в натуре или возмещение причиненных убытков (ст. 1082 ГК РФ). Выбор способа возмещения причиненного вреда осуществляет истец. Согласно же ст. 78 ФЗ № 7 выбор способа причиненного вреда принадлежит суду.

В пункте 35 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 3 за 2018 г., утв. Президиумом Верховного Суда РФ 14.11.2018 г., отмечается, что целью ответственности за причинение вреда окружающей среде является достижение компенсации, восстановление ее нарушенного состояния, в связи с чем истец вправе выбрать способы, предусмотренный ст. 1082 ГК РФ, ст. 78 Закона об охране окружающей среды при обращении за судебной защитой, а суд, с учетом конкретных обстоятельств по делу, оценивая в каждом случае эффективность этих способов, применить тот, который наиболее соответствует этим целям. Определение способа возмещения вреда – в натуре или в денежном выражении – зависит прежде всего от возможности его возмещения в натуре, необходимости оперативно принимаемых мер, их эффективности для восстановления нарушенного состояния окружающей среды. В отсутствие таких обстоятельств суд вправе избрать способ защиты в виде компенсации вреда в денежном выражении (взыскание убытков).

Кроме того, в Постановлении Пленума ВС РФ № 49 разъяснено, что учитывая наличие публичного интереса, суд с учетом позиций лиц, участвующих в деле, и конкретных обстоятельств дела вправе применить такой способ возмещения вреда, который наиболее соответствует целям и задачам природоохранного законодательства (п. 13). В случае если восстановление состояния окружающей среды, существовавшее до причинения вреда, в результате проведения восстановительных работ возможно лишь частично (в

том числе в силу наличия невосполнимых и (или) трудновосполнимых экологических потерь), возмещение вреда в соответствующей оставшейся части осуществляется в денежной форме (п. 17). Возложение обязанности по восстановлению нарушенного состояния окружающей среды зависит от наличия проекта восстановительных работ. При отсутствии такого проекта суд выносит решение о возмещении вреда в денежной форме (п. 18).

Таким образом, Пленумом Верховного Суда РФ в некоторой степени «сглажена» предусмотренная п. 2 ст. 78 ФЗ № 7 исключительная прерогатива суда в принятии решения о возможности применения формы возмещения вреда, причиненного окружающей среде (естественной реституции) [13].

Данная правовая позиция находит поддержку и в юридической литературе, где обращается внимание на то, что поскольку учесть все последствия и определить размер причиненного вреда объектам природы в силу объективных причин практически невозможно, то в связи с этим в качестве приоритета должна применяться натуральная форма возмещения вреда [14. С. 196–198].

Осуществленный анализ гражданского и экологического законодательства, а также правоприменительной практики позволяет прийти к определенным выводам:

- гражданско-правовые положения о внедоговорной ответственности содержат в себе большой потенциал, позволяющий в определенной мере перенести их и на обязательства из причинения вреда окружающей среде;

- вред, причиненный природным объектам, обладает существенной спецификой по сравнению с вредом, причиненным иным объектам гражданского права. При определении экологического вреда подлежат возмещению не только материальные, но и экологические потери;

- положения о возмещении вреда окружающей среде, предусмотренные законодательством об охране окружающей среды, должны иметь приоритет перед положениями гражданского законодательства о внедоговорных обязательствах в части определения вида и размера имущественного вреда, подлежащего взысканию с причинителя вреда, объема его ответственности;

- в ФЗ № 7 должны быть внесены изменения, касающиеся легализации повышенной ответственности за вред окружающей среде;

- соотношение положений об ответственности за вред, причиненный окружающей среде, и положений о гражданско-правовой внедоговорной ответственности свидетельствует об отсутствии у теории эколого-правовой ответственности законодательной перспективы, поскольку ее легализация неизбежно приведет к дублированию положений экологического законодательства и отраслевых законов (ГК РФ, УК РФ, КоАП РФ и др.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Боголюбов С.А. Особенности юридической ответственности в системе экологических правоотношений // Журнал российского права. 2019. № 4. С. 105–119.
2. Берназ Л.П., Жочкина И.Н., Кичигин Н.В. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» (постатейный) / отв. ред. Н.И. Хлуденева. М. : Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018. 528 с.
3. Болтанова Е.С. Возмещение экологического вреда: соотношение норм экологического и гражданского законодательства // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2017. № 8 (191). С. 6–15.
4. Болтанова Е.С., Боголюбов С.А., Бринчук М.М. [и др.] Соотношение норм экологического и гражданского законодательства // Правовое регулирование возмещения экологического вреда : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Кичигин. М. : ИНФРА-М; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. С. 66–80.
5. Бринчук М.М. Эколого-правовая ответственность – самостоятельный вид ответственности // Lex Russica. 2016. № 6. С. 26–47.
6. Бринчук М.М., Боголюбов С.А., Болтанова Е.С. [и др.]. Возмещение экологического вреда – предмет эколого-правовой ответственности // Правовое регулирование возмещения экологического вреда : науч.-практ. пособие / отв. ред. Н.В. Кичигин. М. : ИНФРА-М; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017. 368 с.
7. Юридическая ответственность за экологические правонарушения / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. О.Л. Дубовик. М. : Ин-т государства и права РАН, 2012. 170 с.
8. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде // Lex russica. 2018. № 3. С. 52–67.
9. Хлуденева Н.И. Правовые пределы имущественной ответственности за вред окружающей среды // Журнал российского права. 2019. № 3. С. 152–164.
10. Тихомирова Л.А. Экологическое право : учеб. Специально для системы ГАРАНТ, 2009.
11. Комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / под ред. О.Л. Дубовик // СП ГАРАНТ, 2016.
12. Выпханова Г.В., Жаворонкова Н.Г. Правовое регулирование возмещения вреда окружающей среде в современных реалиях // Экологическое право. 2018. № 5. С. 7–14.
13. Шубин Ю.П. Некоторые аспекты судебной практики по спорам, связанным с возмещением вреда, причиненного окружающей среде // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2018. № 1.
14. Панова Е.А. Юридическая ответственность за нарушение водного законодательства в России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 279 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 13 октября 2019 г.

The Interconnection of Civil and Environmental Laws in the Compensation of Damage to the Environment

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 213–219.

DOI: 10.17223/15617793/451/29

Valentina V. Kvanina, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: vv.kvanina@mail.ru

Keywords: tort; damage to environment; civil liability; environmental responsibility.

The aim of this article is to identify the possibility of transferring civil law provisions on tort liability to relations for compensation for environmental damage. To achieve this aim, the author analysed the norms of civil and environmental laws and judicial practice by using system analysis and synthesis, comparative, and formal legal research methods. The article explores the scientific points of view of environmental lawyers on the possibility of applying tort law obligations to environmental liability. The author shares the view that damage caused to the environment is significantly different from that caused to objects of civil circulation. Not only material, but also environmental losses, which are determined on the basis of appropriate rates and techniques, must be considered, as well as the costs of remediation measures. This is the case of increased property liability for environmental damage. Based on this, the author concludes that it is necessary to fix the corresponding norm on this responsibility in the Federal Law “On Environmental Protection”. At the same time, the author concludes that the main provisions on civil-law tort obligations, as the analysis of law enforcement practice has shown, can be transferred to the sphere of obligations from causing damage to the environment. However, laws on environmental protection in terms of provisions on compensation for environmental damage should take precedence over provisions of civil law on non-contractual obligations. On the example of the correlation of environmental and civil liability for damage, the author concludes that, at the level of legislation, the theory of environmental legal responsibility, which includes property, administrative, disciplinary, criminal liability, is deprived of perspectives. Moreover, the author shares the position of the famous environmental lawyer S.A. Bogolyubov, who rightly notes that well-known legal means of influence are used in the environmental sphere, and the nature of legal sanctions does not have significant qualitative differences conceptually dissociating the methods of coercion into an independent form of legal responsibility in the field of ecology, which adds little to its usefulness, which has sufficient signs of relative “sovereignty”.

REFERENCES

1. Bogolyubov, S.A. (2019) Features of Legal Responsibility in the System of Ecological Relationships. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 4. pp. 105–119. (In Russian).
2. Bernaz, L.P. et al. (2018) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ “Ob okhrane okruzhayushchey sredy” (postateynyy)* [A Scientific and Practical Commentary on Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, “On Environmental Protection” (Article by Article)]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation; Yuridicheskaya Firma Kontrakt.
3. Boltanova, E.S. (2017) Indemnification of Environmental Hazards: Ratio of Environmental and Civil Legislation. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii – Property Relations in the Russian Federation*. 8 (191). pp. 6–15. (In Russian).
4. Boltanova, E.S. et al. (2017) Sootnoshenie norm ekologicheskogo i grazhdanskogo zakonodatel'stva [Correlation of Environmental and Civil Law Norms]. In: Kichigin, N.V. (ed.) *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda* [Legal Regulation of Compensation for Environmental Damage]. Moscow: INFRA-M; Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation. pp. 66–80.
5. Brinchuk, M.M. (2016) Ecological Responsibility as an Independent Type of Responsibility. *Lex Russica*. 6. pp. 26–47. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2016.115.6.026-047

6. Brinchuk, M.M. et al. (2017) Vozmeshchenie ekologicheskogo vreda – predmet ekologo-pravovoy otvetstvennosti [Compensation of Environmental Damage as the Subject of Environmental Legal Responsibility]. In: Kichigin, N.V. (ed.) *Pravovoe regulirovanie vozmeshcheniya ekologicheskogo vreda* [Legal Regulation of Compensation for Environmental Damage]. Moscow: INFRA-M; Institute of Legislation and Comparative Law Under the Government of the Russian Federation.
7. Dubovik, O.L. (ed.) (2012) *Yuridicheskaya otvetstvennost' za ekologicheskie pravonarusheniya* [Legal Liability for Environmental Offenses]. Moscow: Institute of State and Law, RAS.
8. Vypkhanova, G.V. & Zhavoronkova, N.G. (2018) Theoretical and Legal Problems of Compensation for Harm Caused to the Environment. *Lex Russica*. 3. pp. 52–67. (In Russian). DOI: 10.17803/1729-5920.2018.136.3.052-067
9. Khludeneva, N.I. (2019) Legal Limits of Property Liability for Environmental Damage. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*. 3. pp. 152–164. (In Russian). DOI: 10.12737/art_2019_3_14
10. Tikhomirova, L.A. (2009) *Ekologicheskoe pravo* [Environmental Law]. Moscow: Sistema GARANT.
11. Dubovik, O.L. (ed.) (2016) *Kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ "Ob okhrane okruzhayushchey sredy"* [Commentary on Federal Law No. 7-FZ of January 10, 2002, "On Environmental Protection"]. Moscow: Sistema GARANT.
12. Vypkhanova, G.V. & Zhavoronkova, N.G. (2018) The Legal Regulation of Recovery of Damage Caused to the Environment in Modern Realia. *Ekologicheskoe pravo – Environmental Law*. 5. pp. 7–14. (In Russian).
13. Shubin, Yu.P. (2018) Some Aspects of Judicial Practice on the Disputes Connected With Compensation for Harm Caused to the Environment. *Vestnik Sankt-Peterburgskoy yuridicheskoy akademii*. 1. pp. 58–67. (In Russian).
14. Panova, E.A. (2008) *Yuridicheskaya otvetstvennost' za narushenie vodnogo zakonodatel'stva v Rossii* [Legal Responsibility for Violation of Water Law in Russia]. Law Cand. Diss. Moscow.

Received: 26 December 2019

Е.С. Мазур, Р.Л. Ахмедшин, Я.Д. Александрова

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЯТРОГЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Анализируется система типовых данных о ятрогенных преступлениях, составляющих их криминалистическую характеристику. Разнообразие точек зрения оценивается посредством анализа эффективности рекомендаций по расследованию преступлений, основанных на этих точках зрения. Утверждается, что разработка полноструктурных методик расследования преступлений, совершаемых медицинскими работниками в связи с исполнением ими соответствующих профессиональных обязанностей, невозможна без учета содержания криминалистической характеристики ятрогенных преступлений.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; ятрогения; ятрогенные преступления; расследование.

Современные темпы развития медицины позволяют совершенствоваться имеющиеся и разрабатывать новые методы диагностики и лечения, получать новые лекарственные препараты – все это не может не оказывать благотворное влияние на качество оказания медицинской помощи населению и, как следствие, на общий уровень качества жизни лиц, ответственно относящихся к своему здоровью. Однако достижения в области современной медицины могут быть использованы как во благо, так и во вред. Так, в настоящее время можно говорить о совершенствовании механизмов совершения ятрогенных преступлений, связанных с внедрением во врачебную практику новых медицинских технологий и применением лекарственных препаратов нового поколения. Это означает необходимость максимально пристального изучения современной практики расследования ятрогенных преступлений, поиска ключевых проблем совершенствования криминалистической методики расследования ятрогений, в том числе расширения возможностей использования специальных знаний из области медицины в процессе расследования.

Несмотря на то, что в последнее время в криминалистике прослеживается явная тенденция к совершенствованию теоретико-методологической основы и практических рекомендаций из области криминалистической методики расследования отдельных видов и групп преступлений, сложившиеся на сегодняшний день подходы к пониманию структуры криминалистической методики расследования преступлений в сфере медицинской деятельности могут быть охарактеризованы как недостаточно полные и логически незавершенные [1. С. 62]. Использование неточных сведений, закладываемых в основу криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, незнание и непонимание практической значимости криминалистических рекомендаций по совершенствованию расследования ятрогений, неготовность сотрудников следственных органов к реализации научно-криминалистических положений методики расследования названных преступлений в силу невысокого уровня профессиональной компетентности – все перечисленное может быть интерпретировано как следствие недостаточности разработанности (в том числе отсутствия системного единства) комплекса положений, составляющих содержание криминалистической методики расследования ятрогенных преступлений.

Анализ научных публикаций по вопросам структуры криминалистической характеристики ятрогенных преступлений приводит к необходимости обращения к общим положениям о содержании криминалистической характеристики преступления, представленным, в частности, в трудах Р.С. Белкина [2. С. 192]. На наш взгляд, криминалистическая характеристика преступлений нуждается в уточнении перечня ее элементов и их значимости. Опираясь на вышеизложенное, мы полагаем правильным и рациональным включить в содержание криминалистической характеристики ятрогенных преступлений следующие элементы:

- 1) жертва ятрогенного преступления;
- 2) личность преступника;
- 3) действия или бездействия ятрогенного характера со стороны субъекта преступления;
- 4) психическая деятельность субъекта преступления (в частности, мыслительный процесс преступника);
- 5) способ ятрогенного преступления;
- 6) фактически наступившие последствия;
- 7) место преступления;
- 8) время преступления.

Специфика ятрогенных преступлений предопределяет наличие в их криминалистической характеристике элементов, пусть формально традиционных, но имеющих уникальное содержательную наполненность.

Опираясь на труды других авторов, дополним положения о криминалистической характеристике ятрогенных преступлений за счет таких элементов, как:

- 1) общественная опасность и противоправность посягательства (В.Д. Пристанков) [3. С. 26];
- 2) объективные обстоятельства, которые повлияли на оказание ненадлежащей медицинской помощи (Л.А. Сухарникова) [4. С. 59];
- 3) уголовно-релевантная информация (М.М. Яковлев) [5. С. 22];
- 4) специфика механизма оказания медицинской помощи, а также нормативно-правовые акты, регулирующие данный процесс (М.М. Яковлев) [Там же].

Рассмотрим по отдельности элементы криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, их содержание, особенности и роль в развитии ятрогенного процесса.

Объектом ятрогенного посягательства является физическое лицо, которое обратилось в лечебно-профилактическое учреждение либо к отдельному

медицинскому работнику за медицинской помощью. С момента такого обращения между пациентом и лечебно-профилактическим учреждением или медиком возникают определенные правоотношения. Пациент медицинского учреждения обладает некоторым перечнем прав в соответствии с нормативно-правовыми актами в области здравоохранения, разработанными с учетом приоритетного значения конституционного права на оказание медицинской помощи. Не последнее место среди нормативных документов, значимых для расследования ятрогенных преступлений, занимает Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300-1, позволяющий рассматривать пациента как потребителя медицинских услуг.

Если в ходе ненадлежащего оказания медицинских услуг, которые были направлены на улучшение здоровья пациента, его состояние ухудшается либо наступает смерть, необходимо выделить сведения о жертве, значимые для криминалистической характеристики преступления:

1) возраст пациента, характер заболевания, генетические и индивидуальные особенности организма, наличие у пациента вредных привычек и подверженность его вредным воздействиям, а также физиологические особенности (например, беременность);

2) состояние здоровья пациента на момент поступления в медицинское учреждение, степень пораженности организма;

3) соблюдение больным необходимого режима, диеты, добросовестное применение им выписанных лекарственных препаратов;

4) отношение пациента к лечащему врачу, процессу лечения, к факту и объему причиненного ему вреда.

Отмеченные данные о пациенте необходимы для установления наличия признаков совершения ятрогенного посягательства: имеются ли в действиях медицинского работника признаки ненадлежащего выполнения своих профессиональных обязанностей и какова связь между его действиями (бездействием) и последствиями в виде наступления вреда здоровью и жизни; соблюдал ли пациент предписанные ему правила лечения, могли ли его действия (бездействие) усилить или ослабить возможность наступления негативных последствий.

Субъектом ятрогенного преступления является только человек с медицинским или фармацевтическим образованием. Это могут быть врачи, фельдшеры, медицинские сестры, акушерки, провизоры и фармацевты. Важными признаками преступника, которые необходимо включить в криминалистическую характеристику ятрогенного преступления, являются:

1) наличие права на оказание медицинской помощи (имелась ли лицензия на оказание определенного вида медицинской помощи у медицинского работника, не вышел ли субъект за границы своей компетенции);

2) наличие специального образования, необходимого стажа работы по специальности, определенной профессиональной категории;

3) психологическая и физическая устойчивость, адекватное поведение субъекта для оказания меди-

цинской помощи. Раз в 1 год медицинские работники обязаны проходить медицинский осмотр, на основании заключения которого можно делать выводы об устойчивом и адекватном поведении субъекта;

4) наличие вредных привычек, грубость и невнимательность к пациенту, склонность к коррупционному поведению (например, высказывание требований о специальном вознаграждении за оказание им медицинской помощи).

Перечисленные данные значимы для установления степени профессионализма действий субъекта. С их помощью можно более глубоко изучить, надлежащим или ненадлежащим образом выполнялись его обязанности, каков был мотив противоправных действий, а также наличие смягчающих или отягчающих обстоятельств.

В качестве самостоятельного элемента криминалистической характеристики ятрогенных преступлений выделяются следующие действия (бездействие) субъекта:

1) профессиональные действия медицинского работника, которые повлекли развитие ятрогенного процесса.

2) бездействие медика, состоящее в неисполнении своих профессиональных обязанностей: непосещение больного, непроведение врачебного осмотра и т.п.

3) действия медицинского работника, которые направлены на сокрытие преступления.

Действия субъекта обусловлены субъективными и объективными факторами. Их наличие существенным образом влияет на развитие ятрогенного дефекта и, следовательно, ятрогенного процесса. Стоит пояснить эти два термина.

Ятрогенный процесс или врачебный процесс – это само оказание медицинской помощи. Он делится на три стадии:

1) диагностирование – установление состояния здоровья пациента, определение его болезни или травмы;

2) лечение – воздействие на организм пациент с помощью медицинских мероприятий и средств;

3) преемственность – принятие решения о дальнейшем оказании пациенту необходимой медицинской помощи.

Следовательно, ятрогенный процесс начинается сразу после того, как пациент приходит к медицинскому работнику. Выражается это, например, в неправильной постановке диагноза, следовательно, назначении неправильного лечения.

Термин «ятрогенный дефект» синонимичен распространенному в медицинской литературе термину «дефект медицинской помощи», которому даются различные определения. Например, такие как несоблюдение требований медицинской науки; нарушение требований деонтологии, норм медицинской этики, ведомственных инструкций; «некачественное осуществление диагностики, лечения больного, организации медицинской помощи, которое привело или могло привести к отрицательным последствиям в состоянии здоровья больного» [6. С. 138].

Понятия «ятрогенный процесс» и «ятрогенный дефект» тесно связаны между собой. Если представ-

лять ятрогенное преступление как процесс, то при совершении врачебного процесса нарушаются стандарты оказания медицинской помощи, что приводит к ятрогенному дефекту, а впоследствии развивается в ятрогению.

При выполнении медицинским работником своих профессиональных обязанностей важны:

1) действия или бездействия, нарушающие правила оказания медицинской помощи;

2) осознание субъектом все полноты своих действий.

Учитывая значимость оценки особенностей психической деятельности медицинского работника для установления наличия признаков субъективной стороны состава ятрогенного преступления, следует раскрыть содержание данного элемента криминалистической характеристики более подробно. Так, под психической деятельностью субъекта ятрогенного посягательства понимаются психофизические процессы субъекта. Для криминалистической характеристики значимы следующие аспекты этой деятельности:

1) процесс поиска и принятия решений при постановке диагноза, выборе лечения;

2) мотивация принятия решения;

3) отношение субъекта к пациенту, процессу лечения;

4) контроль за результатом лечения, реагирование на изменение состояния пациента;

5) поведение во время экстренных ситуаций.

Благодаря изучению психической деятельности субъекта ятрогенного посягательства, можно выделить основные цели и мотивы, которыми руководствуются субъекты преступления. В основном субъектами движет потребность в признании их профессионализма, лидерства, стремление выделяться среди других работников, а также корыстные цели. Желание превосходства, как над своими коллегами, так и над пациентами, приводит к равнодушию, пренебрежению их интересами, необоснованным надеждам на выздоровление. Такое поведение субъекта приводит к неверно поставленному диагнозу, неправильному выбору лекарственных препаратов и методики лечения, отказу от анализа всех благоприятных и неблагоприятных последствий оказываемой медицинской помощи, игнорированию осмотра пациента, и, как следствие, к наступлению ятрогенного дефекта.

Важным для любого медицинского работника является осознание наличия и характера связи между целью деятельности и результатом своих действий по отношению к пациентам. Благодаря этой связи у него всегда есть возможность оценить эффективность лечения, назначить дополнительные исследования, уточнить диагноз и т.д. К сожалению, корыстные цели или попустительство по отношению к врачебным ошибкам в конкретном лечебно-профилактическом учреждении прерывает эту осознанную связь, что впоследствии может привести к ятрогению.

Огромную роль для понимания специфики психической деятельности субъекта ятрогенного преступления играет его самооценка. Как показывает судебно-следственная практика, очень редки случаи, когда медицинский работник искренне признает

свою вину и, тем более, выражает готовность возместить причиненный вред. Формы самозащиты субъекта различаются в зависимости от его профессиональной категории, опыта работы и т.д. Привлекаемый к уголовной ответственности за совершение ятрогенного преступления медицинский работник может прокомментировать факт наступления неблагоприятных для здоровья пациента последствий, ссылаясь на наличие у последнего специфических генетических особенностей организма, хронических заболеваний, вредных привычек. Кроме того, медицинский работник может указать на отсутствие доступа к необходимому оборудованию для исследования, что помешало предвидеть негативные последствия заболевания и лечения пациента.

Способ совершения ятрогенного посягательства – это совокупность действий, направленных на достижение преступного результата [7. С. 74–77]. Несмотря на то, что данное криминалистическое определение относится к умышленным преступлениям, преступления по неосторожности также охватываются данным понятием, так как субъект хоть и не планировал заранее свои действия, но мог и должен был предвидеть неблагоприятные последствия. Данной позиции придерживается В.Д. Пристанков. В своей работе он приводит яркий пример ятрогенного преступления, совершенного по неосторожности [1. С. 9]. Также об этом подробно пишет Л.В. Сухарникова в своей работе [4. С. 72–75]. Особенностью способа совершения преступления по неосторожности является то, что медицинский сотрудник совершает ятрогенное посягательство при нарушении им стандартов оказания медицинской помощи.

Ятрогенное преступление совершается в процессе профессиональной деятельности медицинского работника, но осознание, что им совершено преступное деяние, приходит после наступления неблагоприятного исхода, который он мог предвидеть, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывал на его предотвращение, или не предвидел возможности его наступления, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предотвратить его, следовательно, в действиях медицинского работника отсутствовал умысел на получение в ходе своих действий преступного результата [6. С. 90].

Действия медицинского работника, которые запускают механизм развития ятрогенного процесса, могут быть выражены в виде повреждения, передозировки, заражения, нарушения восприятия, оставления инородного предмета в организме, патологических состояний. На фоне вышперечисленных ятрогенных дефектов развивается ятрогения [Там же. С. 146–157].

Действия преступного лица, которые в совокупности образуют способ преступления, неизбежно оставляют следы преступления. Следовательно, знания о способе преступления дают возможность определить характер, вид и местонахождение следов преступления, отобразившихся в реальности и организовать их целенаправленный поиск. Имея представление о способе, следователь может определить круг обстоятельств, подлежащих установлению по конкретному делу; средства и приемы, необходимые для обнаружения

доказательств; медицинские документы, содержащие информацию о неосторожном посягательстве; факторы, способствовавшие его совершению или сокрытию; перечень вопросов, которые надлежит поставить перед судебными экспертами; цель, задачи и тактику проведения следственных действий по выявлению и закреплению доказательств по делу [6. С. 91–92].

Фактически наступившие последствия ятрогенного посягательства – это реальные негативные изменения здоровья, а также наступление смерти пациента при ненадлежащем исполнении своих обязанностей медицинским работником. Данные последствия классифицируются:

1) по степени тяжести: нарушение функций организма, утрата трудоспособности, потеря зрения / речи / слуха, психическое расстройство, смерть;

2) по времени проявления: явные и латентные. Явные последствия проявляются практически сразу, а латентные могут проявиться через продолжительное время в форме ятрогенных болезней отдаленного периода (например, сепсис);

3) по степени выраженности: выраженные и слаботемные;

4) по динамике: быстро развивающийся ятрогенный процесс и долговременный.

Благодаря данным о фактически наступивших последствиях, можно сделать выводы о взаимоотношениях между медицинским работником (ЛПУ) и пациентом; об отношении к своим служебным обязанностям и профессиональному долгу; о целях, мотивах совершенного ятрогенного преступления и наличии вины.

Временной фактор криминалистической характеристики ятрогении включает:

1) временной период с момента обращения пациента за медицинской помощью и до наступления неблагоприятных последствий;

2) время выполнения медицинской процедуры, после которой возник ятрогенный дефект;

3) время выявления самим пациентом симптомов ятрогении;

4) время обнаружения врачом ятрогенного дефекта;

5) время, которое было у врача, чтобы обнаружить симптомы ятрогении и предпринять решение для устранения последствий;

6) временной период, в течение которого выполнялись медицинские мероприятия по устранению ятрогенного дефекта, патологии и негативных последствий.

Данная информация позволяет установить временную «цепочку» процесса оказания медицинской помощи и выяснить, в какой момент начал проявляться ятрогенный дефект; определить причины возникновения ятрогенного дефекта, момент развития патологии и неблагоприятных последствий.

В ятрогенных преступлениях время посягательства включает период начиная с момента нарушения медицинским работником своих профессиональных обязанностей, наступление ятрогенного дефекта, а затем проявление ятрогенных патологий и иных неблагоприятных последствий. Иногда процесс развития ятрогенных патологий может оказаться довольно дли-

тельным, что затрудняет установление причинно-следственной связи между элементами преступления.

Разумеется, в каждом случае преступной ятрогении необходимо выяснить временную «цепочку» событий: время обращения пациента в лечебно-профилактическое учреждение или к медицинскому работнику; время проведения медиком лечебной процедуры; время появления у пациента симптомов ятрогении; время их обнаружения; время реагирования медицинского работника.

Место совершения ятрогенного посягательства часто является важным элементом криминалистической характеристики, который определяет поведение виновного или других лиц, связанных с ятрогенией.

Место совершения ятрогении – это реально существующее место, которое использует виновный для достижения преступного результата, оно обладает определенными координатами и влияет на поведение виновного до, во время и после ятрогенного посягательства.

В рамках криминалистической характеристики обстановки ятрогенного преступления выделяются: район совершения преступления; место выполнения им определенных медицинских действий, после которых наступил ятрогенный дефект, и место наступления последствий.

Под районом совершения преступления понимается определенное лечебно-профилактическое учреждение (например, больница, госпиталь, медпункт), в которое обратился пациент за медицинской помощью и где ему был нанесен вред здоровью и жизни. В данном лечебно-профилактическом учреждении медицинский работник непрофессионально выполняет свои обязанности, а затем пытается их скрыть, привлекая порой других работников медицинского учреждения.

Необходимо обратить внимание на то, что для криминалистической характеристики ятрогенных преступлений важное значение имеет характер связей и отношений между медицинским работником и пациентом. В общем виде связь между элементами криминалистической характеристики ятрогенных преступлений может быть представлена следующим образом: пациент → медицинский работник → оказание медицинской помощи → нарушение медиком своих профессиональных обязанностей при осуществлении врачебного процесса → ятрогенный дефект (травма, заражение и т.д.) → ятрогенный процесс (реакция организма на непрофессиональное оказание медицинской помощи – появление симптомов, осложнения) → неблагоприятный исход (причинение вреда здоровью или смерть пациента).

Подводя итоги, отметим, что ятрогения – это медико-правовой термин, обозначающий любые нежелательные или неблагоприятные последствия профилактических, диагностических и терапевтических вмешательств, которые приводят к нарушениям функций организма, инвалидности или смерти [8. С. 56].

Преступление является ятрогенным и влечет за собой уголовную ответственность виновного только в случаях нарушения правил и (или) стандартов оказания медицинской помощи медицинскими работниками в

процессе исполнения своих профессиональных обязанностей, вследствие которого наступают общественно опасные действия (смерть, вред здоровью).

Ятрогенные преступления – невероятно опасное явление современности. Тысячи людей гибнут из-за несоблюдения определенных стандартов и правил медицинскими работниками. По статистическим данным Следственного комитета России, 2017 г. стал рекордным по количеству ятрогенных преступлений: в ведомство поступило 6 050 сообщений о ятрогенных преступлениях. По результатам их рассмотрения возбуждено 1 791 уголовное дело [9].

На основании исследования элементов криминалистической характеристики ятрогенных преступлений, можно сделать следующие выводы:

1) ятрогенные преступления в криминалистическом аспекте являются сложной системой, которая характеризуется наличием определенных элементов, а также связей между ними. Благодаря их установлению следственным органам представляется возможным установить истину, принять верные решения по уголовному делу;

2) ятрогенные преступления являются результатом некачественного выполнения медицинским работником своих профессиональных обязанностей. Нарушение стандартов оказания медицинской помощи приводит к появлению ятрогенного дефекта и ятрогенных последствий;

3) процесс совершения ятрогенных преступлений, влекущих наступление общественно опасных последствий, имеет неоднородный характер. Начинается

данный процесс с факта нарушения субъектом медицинских правил, что влечет в дальнейшем причинение вреда здоровью пациента или наступление его смерти. При расследовании ятрогенных преступлений следует принимать во внимание динамику развития ятрогенного процесса и, по возможности, принимать меры к своевременному предотвращению или пресечению наступления неблагоприятных последствий;

4) криминалистическая характеристика ятрогенных преступлений является теоретической основой для разработки методик расследования ятрогенных, криминалистических программ, алгоритмов производства предварительного следствия и дознания, выработки рекомендаций по решению стратегических задач уголовного преследования и тактики осуществления следственных действий. При этом главным, естественно, является установление истины по делу и привлечение к ответственности преступника, а использование специальных знаний сопряжено с множеством проблем, таких как:

– практические сложности в организации и проведении комиссионной судебно-медицинской экспертизы дефектов оказания медицинской помощи;

– отсутствие у лиц, назначающих судебно-медицинскую экспертизу, базовых знаний в области судебной медицины;

– предоставление на судебно-медицинскую экспертизу недостаточного объема материалов для исследования.

Перечисленные проблемы требуют комплексного подхода для их решения [10. С. 205–206; 11–14].

ЛИТЕРАТУРА

1. Пристансков В.Д. Основы формирования криминалистической теории расследования ятрогенных преступлений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. 2015. Вып. 4. С. 57–70.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. 3. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. Т. 3. 407 с.
3. Пристансков В.Д. Теоретические и методологические проблемы расследования ятрогенных преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2000. 122 с.
4. Сухарникова Л.В. Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. 253 с.
5. Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. 59 с.
6. Пристансков В.Д. Ятрогенные преступления: понятие, подходы к исследованию. СПб., 2005. Т. 1. 329 с.
7. Пашина Г.А., Ившин И.В. Профессиональные преступления медицинских работников против жизни и здоровья. М.: Медицинская книга, 2006. С. 74–77.
8. Автандилов Г.Г. Особенности X пересмотра Международной классификации болезней и применение ее в патологоанатомической практике // Архив патологии. 1998. Вып. 2. С. 56–60.
9. Следственный комитет Российской Федерации. URL: <http://sledcom.ru/news/item/1069831> (дата обращения: 18.05.2017).
10. Мазур Е.С. Проблемы использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершенных медицинскими работниками в процессе своей профессиональной деятельности // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. ст. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. Ч. 78. С. 205–206.
11. Хлапов А.Л., Камаев И.А., Гриб М.Н., Переверзев Е.А. Профессиональные преступления медицинских работников // Юридическое и деонтологическое обеспечение прав российских граждан на охрану здоровья: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Суздаль, 28–29 мая 2008 г. / под ред. член-кор. РАМН, проф. Ю.Д. Сергеева, проф. С.В. Ерофеева. Иваново; Владимир: НАМП, 2008. С. 235–238.
12. Бессонов А.А. Актуальные вопросы разработки методик расследования ятрогенных преступлений // Актуальные проблемы медицины и биологии. 2018. № 2. С. 11–13.
13. Мазур Е.С. Проблемы расследования ятрогенных преступлений и пути их решения // Материалы криминалистических чтений. Барнаул: Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2018. С. 54–56.
14. Проведение процессуальных проверок и расследование ятрогенных преступлений: сб. метод. рекомендаций / под ред. А.М. Багмета. М.: Моск. академия СК России, 2017. 169 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 26 декабря 2019 г.

A Forensic Description of Iatrogenic Crimes

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 220–225.

DOI: 10.17223/15617793/451/30

Ekaterina S. Mazur, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: eksml@mail.ru

Ramil L. Akhmedshin, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: raist@sibmail.com

Yana D. Alexandrova, West Siberian Branch of the Russian State University of Justice (Tomsk, Russian Federation). E-mail: ma-krickaya99@mail.ru

Keywords: forensic description; iatrogenesis; iatrogenic crimes; investigation.

The article reveals a typical set of forensic information relevant to iatrogenic crimes. The result of the study is a systematic presentation of typical models of elements of a forensic description of crimes in question. In the study, the following general scientific methods were used: analysis, synthesis, and a system-structural method. The specific methods were statistical analysis, a comparative historical method, and expert assessment. The developed forensic description will contribute to the solution of the following tasks: (a) optimization of organizing and conducting a forensic medical examination of defects in the provision of medical care; (b) formation of basic knowledge in the field of forensic medicine in persons appointing a forensic medical examination; (c) prevention of provision of an insufficient amount of research materials for a forensic examination. The following conclusions are made in the article. (1) Approaches to the structure of the forensic methodology for investigating crimes in the field of medicine can be described as insufficiently complete and logically incomplete. (2) Having a structure of elements similar to the vast majority of crimes, iatrogenic crimes are characterized by the uniqueness of their content. (3) The central element of the forensic description of iatrogenic crimes is the victim of the crime. (4) The central element of the criminal's personality is professional rather than personal characteristics. (5) Iatrogenic defect as an element of iatrogenic crimes has no analogues in a forensic description. (6) The method of committing iatrogenic encroachment is a set of actions aimed at achieving a criminal result. (7) Time or, rather, the time period as an element of the situation of a forensic description of iatrogenic crimes has a unique content. (8) Unlike other crimes, the stage of the crime includes three substages: diagnosis, which establishes the patient's health status, determines their illness or injury; treatment, which is the impact on the patient's body with the help of medical manipulations and means; continuity, which is the making of a decision on the further provision of necessary medical care to a patient. The above allows solving the following problems: the appointment and commission of a forensic medical examination of defects in the provision of medical care; the lack of basic knowledge in the field of forensic medicine for forensic examiners; provision of an insufficient volume of material for a forensic medical examination.

REFERENCES

1. Pristanskov, V.D. (2015) Background of the developing of the forensic theory of investigation of iatrogenic crimes. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 14 – Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 4. pp. 57–70. (In Russian).
2. Belkin, R.S. (1979) *Kurs sovetskoy kriminalistiki* [The Course of Soviet Forensics]. Vol. 3. Moscow: Academy Ministry of Internal Affairs of the USSR.
3. Pristanskov, V.D. (2000) *Teoreticheskie i metodologicheskie problemy rassledovaniya yatrogennykh prestupleniy* [Theoretical and Methodological Problems of the Investigation of Iatrogenic Crimes]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
4. Sukharnikova, L.V. (2006) *Osobennosti rassledovaniya neostorozhnogo prichineniya vreda zhizni i zdorov'yu grazhdan meditsinskimi rabotnikami v protsesse professional'noy deyatel'nosti* [Features of the Investigation of Negligent Infliction of Harm Harm to Life and Health of Citizens by Medical Workers the Course of Their Professional Activities]. Law Cand. Diss. St. Petersburg.
5. Yakovlev, M.M. (2008) *Problemy teorii i praktiki vyyavleniya i rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s professional'noy deyatel'nosti* [Problems of the Theory and Practice of Detecting and Investigating Crimes Related to Professional Activities]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
6. Pristanskov, V.D. (2005) *Yatrogennyye prestupleniya: ponyatiye, podkhody k issledovaniyu* [Iatrogenic Crimes: Concept, Approaches to Research]. Vol. 1. St. Petersburg: [s.n.].
7. Pashinyan, G.A. & Ivshin, I.V. (2006) *Professional'nye prestupleniya meditsinskikh rabotnikov protiv zhizni i zdorov'ya* [Occupational Crimes of Health Workers Against Life and Health]. Moscow: Meditsinskaya kniga. pp. 74–77.
8. Avtandilov, G.G. (1998) *Osobennosti X peresmotra Mezhdunarodnoy klassifikatsii bolezney i primeneniye ee v patologoanatomicheskoy praktike* [Features of the 10th Revision of the International Classification of Diseases and Its Use in Pathological Practice]. *Arkhiv patologii*. 2. pp. 56–60.
9. Investigative Committee of the Russian Federation. (2016) *V SK Rossii sostoyalas' kollegiya po voprosam rassledovaniya prestupleniy, svyazannykh s nekachestvennym okazaniem meditsinskoy pomoshchi* [A Panel on the Investigation of Crimes Related to Poor-Quality Medical Care Was Held in the Investigative Committee of Russia]. [Online] Available from: <http://sledcom.ru/news/item/1069831>. (Accessed: 18.05.2017).
10. Mazur, E.S. (2018) *Problemy ispol'zovaniya spetsial'nykh znaniy pri rassledovanii prestupleniy, sovershennykh meditsinskimi rabotnikami v protsesse svoey professional'noy deyatel'nosti* [Problems of Using Special Knowledge in the Investigation of Crimes Committed by Medical Workers in the Course of Their Professional Activities]. In: Andreeva, O.I. et al. (eds) *Pravovye problemy ukrepleniya rossiyskoy gosudarstvennosti* [Legal Problems of Strengthening Russian Statehood]. Pt. 78. Tomsk: Tomsk State University. pp. 205–206.
11. Khlapov, A.L. et al. (2008) [Professional Crimes of Medical Workers]. *Yuridicheskoe i deontologicheskoe obespecheniye prav rossiyskikh grazhdan na okhranu zdorov'ya* [Legal and Deontological Support of the Rights of Russian Citizens to Health Protection]. Proceedings of the International Conference. Suzdal. 28–29 May 2008. Ivanovo: Vladimir: NAMP. pp. 235–238. (In Russian).
12. Bessonov, A.A. (2018) Topical Issues of Development of Methods of Investigation of Iatrogenic Crimes. *Aktual'nye problemy meditsiny i biologii – Actual Problems of Medicine and Biology*. 2. pp. 11–13. (In Russian). DOI: 10.24411/2587-4926-2018-10003
13. Mazur, E.S. (2018) *Problemy rassledovaniya yatrogennykh prestupleniy i puti ikh resheniya* [Problems of Investigation of Iatrogenic Crimes and Ways to Solve Them]. In: Kruglikova, O.V. (ed.) *Materialy kriminalisticheskikh chteniy* [Materials of Forensic Readings]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 54–56.
14. Bagmet, A.M. (ed.) (2017) *Provedeniye protsessual'nykh proverok i rassledovanie yatrogennykh prestupleniy: sb. metod. rekomendatsiy* [Conducting Procedural Checks and Investigation of Iatrogenic Crimes: Methodological Recommendations]. Moscow: Moscow Academy of the RF Investigative Committee.

Received: 26 December 2019

А.Б. Смушкин, М.В. Савельева, Н.В. Желоков

ОБ ИННОВАЦИОННОМ ПУТИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

Исследуются проблемы научной действительности российского юридического сообщества, для решения которых предлагается внедрение сервера предпубликаций. Обосновывается необходимость его внедрения, анализируются возможности работы с ним, включая оперативный обмен и оценку научной информации. Рассмотрены основы работы данного сервера, источники финансирования и требования для пользователей, приведен зарубежный опыт, отмечена связь реализации идеи сервера предпубликаций с концепцией «Открытой науки».

Ключевые слова: сервер предпубликаций (препринтов); открытая наука; проблемы научной деятельности; качественный научный контент; инновации.

Современная научная действительность заставляет задуматься о проблеме невозможности объять все современные разработки в рамках даже одной науки. В советский период существовало не очень много криминалистической периодики, отражающей современные воззрения научной мысли. Число вузов с сильными криминалистическими кафедрами можно было практически пересчитать по пальцам, следовательно, и конференции проводились, по сравнению с настоящим временем, не так часто и тщательнее подготавливались (и подход к их организации был основательнее). Занимаясь даже не самой узкой темой, у ученого имелась явная возможность отслеживать все актуальные публикации по интересующей проблеме.

В наше время число публикаций, входящих в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, только по специальности 12.00.12 Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность (юридические науки) насчитывает не один десяток наименований. Наряду с этим российское юридическое сообщество активно стремится опубликоваться в изданиях, входящих в международные базы цитирований Scopus и Web of Science (как отечественных, так и иностранных). А также каждый юридический вуз и факультет считает необходимым провести хотя бы несколько конференций в год. Постоянно издается новая учебная и научная литература. Количество защит диссертаций на кафедрах поставлено в разряд стратегической необходимости. Поле для публикаций, которое предоставляет интернет, вообще безбрежно.

Не добавляет структурированности в познаваемость информации и периодическое реформирование номенклатуры научных специальностей. Так, в мае 2011 г. криминалистика была выделена из специальности 12.00.09 «Уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность» в отдельную специальность 12.00.12 «Криминалистика; судебно-экспертная деятельность; оперативно-розыскная деятельность». В настоящее же время все чаще поднимается вопрос о целесообразности ее возврата в специальность 12.00.09.

Аналогичная картина прослеживается и в других областях научного знания.

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать: научное сообщество захлебывается информацией. Ранее проведенные исследования на необходимые темы упускают уже из виду не только кандидаты, но и доктора наук. Так, авторы в статье одного из московских докторов наук, опубликованной в 2016 г., наткнулись на утверждение о том, что задержание в широком значении не рассматривалось в качестве тактической операции. Между тем в 2005 г. была защищена диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. на тему: «Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений» [1], несколько позже в 2008 г. была опубликована монография на ту же тему [2], в которых в качестве одной из глав рассматривалась тактическая операция по задержанию, (не говоря уже о статьях), основанных на предшествующих работах А.В. Маркса [3. С. 71–73], В.Н. Григорьева [4. С. 97–117] и других. После также выходили публикации на аналогичные темы: Я.М. Мазунина [5. С. 3–4], Е.А. Пидусова [6. С. 37–41], И.И. Усова [7. С. 240–242.] и др.

В данных условиях абсолютно очевидно, что вал информации захлестнет научное сообщество до такой степени, что скоро возникнут проблемы авторства у большинства научных выводов.

Какой же может быть выход из сложившейся ситуации? Не претендуя на лавры таких титанов научной мысли, как Р.С. Белкин, В.В. Степанов, А.Г. Филиппов, А.В. Наумов, А.И. Рарог, Н.Ф. Кузнецова, И.Я. Козаченко и ведущих ученых других специальностей, хотелось бы предложить следующий вариант решения указанной проблемы. Представляется реальным решением проблемы только сервер обязательных предпубликаций (препринтов), на который должны выкладываться тексты перед их официальными публикациями в хоть сколько-нибудь серьезных изданиях. В большинстве случаев перед публикацией в качественных изданиях, в связи с организационными особенностями редакционной политики (очередью), статья «вылеживается» от полугода до года. В случае же реализации этой идеи, еще до официальной публикации автор сможет получить рекомендации от лиц, также занимающихся этой темой, и уточнить авторство выводов.

Сама идея сервера предпубликаций или препринтов, в принципе, не нова. Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.60-2003 определяет препринт как научное издание, содержащее материалы предварительного характера, опубликованные до выхода в свет издания, в котором они могут быть помещены [8]. Однако инновационность нашего предложения сервера предпубликаций, прежде всего, заключается в появлении платформы, позволяющей отслеживать все разработки по определенной проблеме, оперативно вести дискуссии еще до их официальной публикации, оценивать качество работы и предоставлять авторам разумные рекомендации специалистов, как теоретиков, так и практиков.

Подобная идея давно и с успехом реализуется многими иностранными сообществами зарубежом. В европейских и американских условиях активно используются архивы препринтов, например, на сайтах Preprint.org, bioRxiv, arXiv.org, ChemRxiv, emeraldinsight.com.

Эти сайты, как правило, поддерживаются издателем открытого доступа. Публикуемые на бесплатной основе препринты проходят в течение кратчайшего времени рассмотрение модератором с точки зрения соблюдения этических норм и наличия минимального научного содержания. Препринты размещаются на основе открытой лицензии в открытом доступе. Препринтам присваивается индекс DOI в Crossref, что дает возможность их цитирования. При этом большинство журналов не рассматривает публикацию препринта как препятствия публикации итоговой статьи. Препринты в зарубежных условиях, в большинстве случаев, не считаются публикациями.

Между тем, многие из них, на наш взгляд, имеют организационную проблему сохранения не только итогового, но и промежуточных вариантов статьи, что существенно загружает электронное пространство, не отражает итоговую позицию автора, даёт повод раскручивать ветки спора по уже обсужденным проблемам, замечания по которым автор принял к сведению и внес исправления.

В отечественных условиях уже действуют препринты ряда технических и экономических научно-исследовательских институтов (например, препринты Федерального государственного учреждения «Федеральный исследовательский центр Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук», препринты Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, препринты Санкт-Петербургского отделения Математического института им. В.А. Стеклова РАН, препринты Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики», препринты Федерального государственного унитарного предприятия «Российский Федеральный Ядерный Центр – Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики имени академика Е.И. Забабахина» и др.). Однако представляется, что данные препринты все-таки не в полной мере отвечают предлагаемой нами концепции сервера предпубликаций. Как указано в Положении о

препринтах ИПМ им М.В. Келдыша, Онлайнное издание «Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша» зарегистрировано как средство массовой информации. Научное издание «Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша» включено в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ). Индексируются все выпуски издания, начиная с 2003 г. Институт подключен к международной системе библиографических ссылок CrossRef, и все выпуски «Препринтов ИПМ им. М.В. Келдыша», начиная с 2016 г., получают цифровой идентификатор объекта DOI. Научное издание «Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша» 01 декабря 2015 г. включено в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам специальностей [9].

Таким образом, препринты данного института являются просто еще одним изданием, пусть и печатающим статьи более ускоренно, выпускаемым серийно, а не выпусками, имеющим свою онлайн-версию, не исключающим последующую полную или частичную публикацию произведения в ином месте. Да и в рекомендациях автору препринта указано «Препринты ИПМ им. М.В.Келдыша» – рецензируемое серийное непериодическое научное издание. Отдельный препринт является моноизданием, т.е. содержит одно произведение» [10]. Таким образом, препринты ИПМ им. М.В. Келдыша являются не предпубликацией, а обычной публикацией.

Препринты НИУ «Высшей школы экономики» имеют ограниченное число серий (тематических направлений) и не имеют обратной связи. Каждый препринт в обязательном порядке проходит необходимый редакционно-издательский цикл работ (корректур с элементами редактирования, верстка, сверка, выпуск) [11].

К сожалению, на настоящий момент, среди отечественных площадок для препринтов юридическое направление представлено более чем скудно. Фактически, только препринты НИУ «Высшей школы экономики» имеют правовую серию.

Основным направлением сервера предпубликаций должно стать именно оперативное выставление на сайте электронных текстов, отражающих неопубликованные исследования. Представляется, что предпубликацию должны проходить не только технические тексты, но и тексты статей любых, в том числе юридических специальностей.

Основы работы сервера. Для лучшего понимания целей создания сайта предпубликаций, работа по размещению текста на сайте предпубликаций может быть определенным образом структурирована и могла бы включать в себя следующие элементы:

1. Размещение текста статьи на сайте предпубликаций. **Требования к авторам:** автор должен быть зарегистрирован на данном сайте под собственным именем, но может выкладывать текст статьи как под своим именем, так и использовать псевдоним. При этом модератору сайта должно быть известно: кому конкретно принадлежит авторство данного текста в случае использования псевдонима.

2. Обсуждение научных положений, изложенных в начальном варианте статьи (препринте). Обсуждение зарегистрированными пользователями сайта предпубликаций является ограниченным по времени процессом, поскольку организационно оно возможно только до выхода окончательного варианта текста обсуждаемой научной статьи. При этом данный организационный аспект деятельности сайта предпубликаций ни в какой мере не ограничивает возможности открытой научной дискуссии, которая может быть продолжена на страницах научной периодики, если конечный вариант статьи не отразил никаких изменений.

3. Изменение итогового варианта предпринта. Автор имеет возможность прислушиваться к изложенным точкам зрения, обоснованно включать часть дискуссии в рамки своей работы, использовать дополнительную аргументацию для усиления и отстаивания своей точки зрения и т.д. Логично предположить следующее: автор имеет полное право как снять свою работу с публикации, снять псевдоним либо открыть свое настоящее имя, так и предложить научному сообществу конечный вариант измененной статьи, поблагодарив оппонентов за высказанные ими позиции.

4. Размещение информации о публикации конечной версии текста научной работы, статьи со ссылкой на источник. Это позволит отследить судьбу актуальной публикации и увидеть конечный вариант всем интересующимся данной проблемой ученым.

Предпубликации должны проходить не рецензирование определенной редколлегией, и даже не «слепое» рецензирование профессионалами, а публичное открытое рецензирование, при котором любой желающий может оставить инициативную рецензию на сайте. При этом мы все же полагаем необходимой предпубликационную модерацию для проверки этичности, соблюдения законодательства (в первую очередь антиэкстремистского) и минимальной научной составляющей. Подобный же подход необходим и в отношении комментариев к публикациям препринтов и научным дискуссиям. Безусловно, кроме ученых, добросовестно относящихся к научным изысканиям, можно будет столкнуться с откровенным оскорблением и «троллингом»¹. Поэтому представляется, что насущно необходима модерация подобного сайта предпубликаций без затрагивания научных комментариев, но с правом удаления оскорбительных, экстремистских, глупых или издевательских точек зрения. Научные комментарии должны соответствовать стандартам научной дискуссии, высказываться корректно, не допуская оскорбительных, дискриминационных или иных, не соответствующих профессиональному дискурсу оборотов.

Задачами предпубликаций видятся не только оценка качества будущей публикации, получение на нее положительных или отрицательных отзывов, но и повышение качества работы путем учета сделанных замечаний еще до официального издания работы. Косвенными задачами можно назвать защиту авторства идей и поиск соавторов, работающих над смежными вопросами для развития или укрупнения своего направления исследования, презентация собственного направления научной мысли.

Кроме того, предлагаемый сервер предпубликаций мог бы нести, в том числе, и косвенную пользу для издателей при наполнении очередного номера максимально качественным, актуальным и интересным материалом. Многие авторы ведь публикуют качественные, интересные, важные и актуальные статьи в журналах, не имеющих особого использования за пределами своих вузов или вообще в «мусорных» изданиях, находясь в стесненных временных рамках (например, ограниченных сроком гранта, наступлением отчета по науке и др.) из-за необходимости ожидания порядка года в серьезных рецензируемых журналах. Между тем сервер предпубликаций позволил бы редакторам выбирать самые комментируемые, вызывающие научную дискуссию, положительно оцененные читателями препринты и предлагать авторам публикацию в журнале более высокого уровня.

С помощью подобного сервера предпубликаций можно было бы избежать ряда основных проблем современной научной деятельности, к которым можно отнести, во-первых, «задвоение» или даже «затроевание» статей, когда одна и та же статья абсолютно без изменений или с изменениями на считанные пары тройки предложений публикуется в двух (а авторам попадались также работы – в трех и более) изданиях. Вариантом этой проблемы является явное или скрытое самоцитирование. При этом открытое, явное самоцитирование часто осуществляется просто для повышения наукометрических показателей – цитируемости, индекса Хирша. Во-вторых, «продавливание» очередности публикации или публикации статьи, не имеющей особой научной новизны с помощью связей или научного авторитета. В-третьих, агрессивные кричащие названия, не имеющие достаточной для такого названия научной подоплеки, например «Семь смертных грехов криминалистики» [12 С. 277–280]; «Сверхнеобходимость скорейшего сверхперехода к сверхвсеинтегрированности (сверхвсесущности, сверхвсесоциальности) в способе мышления, мировоззрения – и тем самым к сверхвседисциплинарности и сверхвсеметодологичности, к сверхвсековергентности в науке и в подготовке кадров» [13. С. 196–218]. В-четвертых, соавторство со студентом или магистрантом. Конечно, достаточно часто при редактировании научным руководителем статья студента претерпевает изменения, меняющие ее содержание наполовину или больше, но это ведь входит в обязанности научного руководства. Да и в большинстве случаев причина подобного соавторства далеко не соответствует критериям этики научных исследований, а объем проделанной каждым из таких соавторов работ не сопоставим друг с другом (скрытая форма взятки или благодарности, включение маститого ученого в качестве «свадебного генерала» для повышения уровня журнала, в котором статья будет опубликована или ускорения процесса публикации, написание работы на заказ, навязывание себя в соавторы качественной статьи при отсутствии реального научного вклада и т.д.). В-пятых, подмена основоположников какого-либо вопроса, теории или концепции на современников автора, занимающихся этой же проблемой. В-шестых, подмена понятий и выдача акку-

мулированной информации справочного характера за свои научные разработки. Так, например, в пособии кубанских коллег «Технико-криминалистические основы исследования банкнот Банка России» [14] содержится ровно две страницы технико-криминалистического исследования (чуть больше 2% от всего исследования). Все остальное пособие содержит только описание внешнего вида и защитных элементов различных банкнот.

Некоторые авторы также используют некорректные методы набора объема статьи: превращение части статьи практически в библиографию, простое перечисление ученых, ранее занимавшихся вопросом, вместо их группировки и анализа; размашистое, на несколько страниц описание собственных творческих планов или ранее опубликованных своих статей, масштабное цитирование нормативных актов или чужих произведений, изложение на 80% объема научной работы таблиц экспериментов без каких-либо комментариев и анализа, а также ведение заочной научной дискуссии с лицом, которое в дискуссии по тем или иным причинам участия не принимает, с выдвиганием возможных аргументов от имени этого лица. Между тем требования к количеству и качеству публикаций лежат в основе оценки эффективности работы учёных [15. С. 50].

Что касается защиты авторства идей, в гуманитарных дисциплинах, в отличие от технических, проще искать «прямой» плагиат, однако открытое инициативное рецензирование позволит выявить как чужие аргументы и идеи, так и статьи, сделанные путем обычного перевода с иностранных языков и последующего редактирования с присвоением авторства. Между тем, как отмечает В.И. Плещенко, проблема некорректных заимствований в публикациях, написания по заказу текстов научных и квалификационных работ сохраняет свою высокую актуальность. Несмотря на её частое упоминание в СМИ и наличие целого ряда довольно громких разбирательств с участием известных в обществе персон, для большинства современников, имеющих отношение к научно-образовательной сфере, тема плагиата выглядит весьма абстрактно, не выходя за пределы ставших рутинной проверкой работ с помощью специальных программных продуктов [16. С. 62].

Сайт предпубликаций должен иметь открытый доступ и системы поиска по различным критериям – автору, теме, научной области, ключевым словам, времени предпубликации. Обратная связь должна реализовываться путем прямой и непосредственной публикации комментариев на сайте.

Сервер предпубликаций может дать возможность проведения более широких и оперативных научных дискуссий. В настоящее время возможно только оперативное дискутирование в ходе защит диссертаций на соискание ученых степеней кандидата или доктора юридических наук и выступлений на конференциях, круглых столах, а также научных формах и других аналогичных научных мероприятиях либо дискутирование путем публикации в научных журналах. В первом случае имеет место крайне ограниченная аудитория (только присутствующие на конференции или

защите) и результаты дискуссии будут иметь отражение прямое или косвенное только в будущих публикациях этого и иных авторов. Во втором случае с дискутируемым вопросом и аргументами может ознакомиться практически неограниченный круг учёных. Свои аргументы и контраргументы они могут изложить в этом же или иных научных журналах. Однако при отсутствии интереса редколлегии журнала к освещению или даже развитию конкретной научной дискуссии, она будет разворачиваться крайне медленно (от 8 до 12 месяцев между двумя статьями или даже больше). За это время авторы и сами могут по результатам размышлений, экспериментов либо по результатам иных параллельных научных дискуссий или научных открытий третьих лиц изменить свою позицию. Оперативную дискуссию в публикациях фактически может вести только редактор журнала. Прекрасным примером данной работы являются «Заметки на полях» А.Г. Филиппова по некоторым статьям в журнале «Вестник криминалистики».

С учётом скорости первичного анализа статьи с точки зрения минимальной научности и этичности, в случае реализации предлагаемого нами использования сервера предпубликаций, подобные дискуссии могут развернуться в комментариях к препринту статьи и, в свою очередь, крупные блоки своих аргументов, участники дискуссии могут реализовать в отдельные препринты.

В связи с предлагаемой открытостью сайта предпубликаций хотелось бы отметить еще один осложняющий момент: недостаточное внимание к концепции «Открытой науки» в отечественных условиях².

Многие страны, например США [17], Австралия [18], Дания [19], Великобритания [20], на уровне внесения изменения в законодательство подходят к вопросам концепции открытой науки, что позволяет, понеся некоторые затраты на начальных порах, существенно сэкономить и оптимизировать научные разработки, избежать дублирования в дальнейшем.

В российских условиях многие представители научного сообщества склоняются к принятию парадигмы открытой науки [21, 22]. Так, Д.А. Семячкин, М.А. Сергеев, Е.В. Кисляк для построения инфраструктуры открытой науки в России предлагают два сценария: консервативный с сохранением печатных версий и размещением журналов в репозиториях открытого доступа и инновационный – с отказом от печатных версий и созданием полноценных открытых журналов. И репозитории, и журналы открытого доступа в конечном счете призваны обеспечить открытость научных данных и составить основу инфраструктуры открытой науки. Оба сценария могут реализовываться независимо друг от друга с различной степенью участия государства [23. С. 89–94].

Так, в российских условиях журналы, входящие в международные базы цитирования, уже реализуют открытый доступ. Подобной позиции придерживаются и представители научного сообщества некоторых стран СНГ. Так, положительными примерами могут служить Хазарский журнал гуманитарных и социальных наук, серии журналов Сибирского федерального университета (Гуманитарные науки, Биология, Хи-

мия, Техника и технология, Математика и физика), журнал Мир России и др. Однако до конкретных шагов на государственном уровне еще явно далеко. Да и позицию отрицания указанных идей будут занимать коммерческие научные издания, для которых платные публикации, платные подписки и продажа научной и учебной литературы – стабильный источник дохода. Поэтому возможными **источниками финансирования** работы по созданию и продвижению сайта предпубликаций могут выступить организации гранатового проекта либо привлечение спонсорских средств совместно с государственным субсидированием.

Весьма отдаленные попытки реализации концепции открытой науки предпринимают создатели сайта Киберленинка, которые систематизируют современные работы по основным научным направлениям и актуальным тематикам. Однако публикации, выставленные на сайте Киберленинка, охватывают даже не все журналы, рекомендуемые ВАК, не говоря уже о обычных. Следует также отметить проект Минкультуры «Национальная электронная библиотека», фактически представляющий собой перенесенную в цифровую среду «бумажную» библиотеку с ограниченным доступом к источникам, не охватываемым свободной лицензией (без возможности копирования, скачивания на устройство или печати и с ограничением по числу просмотренных в единицу времени документов). При этом, несмотря на государственные дотации у Научной электронной библиотеки, Киберленинка предоставляет более «дружественный» интер-

фейс и большой объем доступных для чтения с мультимедийного устройства, публикаций. Однако оба проекта аккумулируют далеко не все научные публикации. В подобном направлении также развиваются базы РИНЦ и eLibrary.

Между тем, даже при отсутствии согласия Министерства науки и высшего образования, Российской академии наук и иных официальных структур на обязательное использование парадигмы открытой науки, сервер предпубликаций, при его внедрении, хотя бы для журналов, входящих в перечень рекомендуемых ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, будет способствовать реализации открытых публикаций, открытого доступа и открытых обсуждений работ в рамках единого источника, что очень важно для систематизации научной мысли.

Таким образом, представляется, что предлагаемое нами внедрение сервера обязательных предпубликаций (препринтов) позволило бы решить многие проблемы современной науки, существенно повысить ее эффективность, устраняя необходимость изобретать велосипед, повторно проводя одни и те же исследования в разных научных учреждениях. Инновационность идеи должна способствовать как повышению наукометрических показателей российских ученых без их искусственного «раздувания», так и развитию отечественной науки в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹Троллинг – это форма социальной провокации или издевательства либо стиль общения в сетевом сообществе, использующаяся как персонализированными участниками, заинтересованными в большей узнаваемости, публичности, эпатаже.

²Под «открытой наукой» понимается концепция, в соответствии с которой необходимо предоставлять открытый, бесплатный доступ к публикации статей, открытый доступ к результатам научных исследований и открытое, свободное их обсуждение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Смушкин А.Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 243 с.
2. Смушкин А.Б. Задержание в структуре тактической операции при расследовании преступлений. Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «СГАП», 2008, 204 с.
3. Маркс А.В. Разработка тактических операций связанных с задержанием // Актуальные проблемы следственной деятельности : межвуз. сб. науч. тр. Свердловск : Свердл. юрид. ин-т, 1990. С. 71–73.
4. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. М. : Учебно-консультационный центр «ЮрИнфорР», 1999. С. 97–117.
5. Мазунин Я.М. Роль тактической операции «задержание» в расследовании деятельности организованных преступных формирований // Российский следователь. № 11. 2004. С. 2–4.
6. Пидусов Е.А. Задержание лица, заподозренного в совершении преступления, как система деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 1. С. 37–41.
7. Усов И.И. К вопросу о классификации видов задержания // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2009. № 4. С. 240–242.
8. Постановление Госстандарта РФ от 25 ноября 2003 г. № 331. Межгосударственный стандарт ГОСТ 7.60-2003 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Издания. Основные виды. Термины и определения» (введен в действие постановлением Госстандарта РФ от 25 ноября 2003 г. N 331-ст) // Текст ГОСТа приводится по официальному изданию Госстандарта России, ИПК Издательство стандартов, 2004 г.
9. Положение о научном издании «Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша» // Официальный сайт Федерального государственного учреждения «Федеральный исследовательский центр Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук». URL: <http://www.keldysh.ru/e-biblio/regulation.pdf> (дата обращения 25.03.2019).
10. Автору препринта // Официальный сайт Федерального государственного учреждения «Федеральный исследовательский центр Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша Российской академии наук» URL: <http://keldysh.ru/preprints/> (дата обращения 25.03.2019).
11. Как издать препринт // Официальный сайт национального исследовательского университета «Высшая школа экономики». URL: <https://wp.hse.ru/prinprgr/> (дата обращения 25.03.2019).
12. Александров А.С. Семь смертных грехов современной криминалистики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 2 (15). С. 277–280.
13. Горбунов А.П. Сверхнеобходимость скорейшего сверхперехода к сверхсеинтегрированности (сверхвсесоциальности) в способе мышления, мировоззрения – и тем самым к сверхвседисциплинарности и сверхвсесметодологичности, к сверхвсеконвергентности в науке и в подготовке кадров // Вестник Пятигорского государственного университета. 2018. № 1. С. 196–218.

14. Меретуков Г.М., Данильян С.А., Гусев А.В. Технично-криминалистические основы исследования банкнот Банка России. Краснодар, 2009. 86 с.
15. Куликова Е.Ю. Краденая наука: почему плагиат и самоплагиат неприемлемы // Вестник РГМУ. 2016. № 6. С. 50.
16. Плещенко В.И. О плагиате в научных публикациях и выпускных работах // Высшее образование в России. 2018. Т. 27, № 8–9. С. 62.
17. Michael Stebbins / Expanding Public Access to the Results of Federally Funded Research. URL: <http://www.whitehouse.gov/blog/2013/02/22/expanding-public-access-results-federally-funded-research.htm> (дата обращения: 25.03.2019).
18. ARC Open Access Policy Version 2017.1. URL: <https://www.arc.gov.au/policies-strategies/policy/arc-open-access-policy-version-20171> (дата обращения: 25.03.2019).
19. Denmark's National Strategy for Open Access. URL: <https://ufm.dk/en/research-and-innovation/cooperation-between-research-and-innovation/open-access/Publications/denmarks-national-strategy-for-open-access/> (дата обращения: 25.03.2019).
20. UKRI Open Access update. URL: <https://www.ukri.org/news/ukri-open-access-update/> (дата обращения: 25.03.2019).
21. Горбунов-Посадов М.М. Интернет-активность как обязанность ученого. Екатеринбург : Издательские решения. 2017. 63 с.
22. Полилова Т.А. Инфраструктура научных публикаций // Препринты ИПМ им. М.В. Келдыша. 2009. № 15. 30 с. URL: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2009-15>
23. Семячкин Д.А., Сергеев М.А., Кисляк Е.В. Возможные пути развития Открытой науки в России // Научная периодика: проблемы и решения. 2015. Т. 5, № 2. С. 89–94

Статья представлена научной редакцией «Право» 23 сентября 2019 г.

On an Innovative Way to Increase the Effectiveness of Research by the Russian Legal Community

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 226–232.

DOI: 10.17223/15617793/451/31

Aleksandr B. Smushkin, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: skif32@ya.ru

Marina V. Savelieva, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: m300kk64@mail.ru

Nikolai V. Zhelokov, Saratov State Academy of Law (Saratov, Russian Federation). E-mail: zhelokov2007@mail.ru

Keywords: preprint server; open science; problems of research; high-quality academic content; innovation.

The article considers the effectiveness of research in law and ways to increase it. The objectives of the study are to identify problems of research, to determine ways to solve them, to substantiate the use of a pre-print server as an innovative way to solve problems of research efficiency, to analyse the possibilities of using this server in Russia and abroad. Traditionally applied research methods are used in the study: the dialectical cognitive method as a basic method; modelling, analogy, comparative analysis, observation, logical, structural-functional, bibliometric methods as empirical methods. As a result of the study, a server operation algorithm has been developed, which includes: (1) uploading of the text of an article to a preprint site, with an option of using a pseudonym at the request of the author; (2) discussion of the scientific provisions contained in the initial version of the article (preprint), following the rules of correctness; (3) change of the final version of the preprint; with the author's right, after reading the discussion, to withdraw the work from publication, remove their pseudonym, give their real name, offer the academic community the final version of the revised article thanking opponents for their comments; (4) posting of information on the publication of the final version of the text with reference to the source. This will make it possible for all researchers interested in this problem to track the fate of the current publication and see the final version. The analysis of the idea of implementing preprinting in Russia as part of preprint repositories of several higher education and research institutes is an important part of the work. Introduction of preprinting in foreign repositories has been considered. The article highlights the connection between the idea of the implementation of a preprint server and the 'Open Science' concept, substantiates the need for a prompt implementation of the 'Open Science' concept and analyses the attempts of the concept implementation in Russia. The problems of modern Russian legal academic community described in the article can be solved through the introduction of a preprint server, which would allow tracking all new developments on one single resource, estimate their topicality and demand for this kind of information, discuss and comment publications and leave references before the papers are accepted for publication. This will enable the authors to revise their works before publication taking into consideration the comments left on the online resource.

REFERENCES

1. Smushkin, A.B. (2005) *Zaderzhanie v strukture takticheskoy operatsii pri rassledovanii prestupleniy* [Detention in the Structure of a Tactical Operation in the Investigation of Crimes]. Law Cand. Diss. Saratov.
2. Smushkin, A.B. (2008) *Zaderzhanie v strukture takticheskoy operatsii pri rassledovanii prestupleniy* [Detention in the Structure of a Tactical Operation in the Investigation of Crimes]. Saratov: Saratov State Academy of Law.
3. Marks, A.V. (1990) *Razrabotka takticheskikh operatsiy svyazannykh s zaderzhaniami* [Development of Tactical Operations Related to Detention]. In: *Aktual'nye problemy sledstvennoy deyatel'nosti* [Topical Issues of Investigative Activity]. Sverdlovsk: Sverdlovsk Law Institute. pp. 71–73.
4. Grigor'ev, V.N. (1999) *Zaderzhanie podozrevaemogo* [Detention of the Suspect]. Moscow: Uchebno-konsul'tatsionnyy tsentr "YurInfor". pp. 97–117.
5. Mazunin, Ya.M. (2004) *Rol' takticheskoy operatsii "zaderzhanie" v rassledovanii deyatel'nosti organizovannykh prestupnykh formirovaniy* [The Role of the Tactical Operation "Detention" in the Investigation of the Activities of Organized Criminal Groups]. *Rossiyskiy sledovatel' – Russian Investigator*. 11. pp. 2–4.
6. Pidusov, E.A. (2010) *Zaderzhanie litsa, zapodozrennogo v sovershenii prestupleniya, kak sistema deyatel'nosti* [Detention of a Person Suspected of Committing a Crime as a System of Activities]. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*. 1. pp. 37–41.
7. Usov, I.I. (2009) *K voprosu o klassifikatsii vidov zaderzhaniya* [On the Classification of Types of Detention]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 4. pp. 240–242.
8. Gosstandart of Russia. (2004) *Resolution of the State Standard of the Russian Federation of November 25, 2003, No. 331. Interstate Standard GOST 7.60-2003 "System of Standards for Information, Library and Publishing. Editions. Main Types. Terms and Definitions" (Entered Into Force by Resolution of the Gosstandart of the Russian Federation of November 25, 2003, No. 331-st)*. IPK Izdatel'stvo standartov.
9. Keldysh Institute of Applied Mathematics. (n.d.) *Polozhenie o nauchnom izdании "Preprinty IPM im. M.V. Keldysha"* [Regulations on the Scientific Publication "Preprints of Keldysh Institute of Applied Mathematics"]. [Online] Available from: <http://www.keldysh.ru/e-biblio/regulation.pdf>. (Accessed 25.03.2019).
10. Keldysh Institute of Applied Mathematics. (n.d.) *Avtoru preprinta* [To the Author of the Preprint]. [Online] Available from: <http://keldysh.ru/preprints/>. (Accessed 25.03.2019).

11. HSE. (n.d.) *Kak izdat' preprint* [How to Publish a Preprint]. [Online] Available from: <https://wp.hse.ru/prinprpr/>. (Accessed 25.03.2019).
12. Aleksandrov, A.S. (2011) Sem' smertnykh grekhov sovremennoy kriminalistiki [The Seven Deadly Sins of Modern Forensics]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii – Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2 (15). pp. 277–280.
13. Gorbunov, A.P. (2018) The Super-Necessity of the Speedy Super-Transition to the Super-All-Integration (Super-All-Essentiality, Super-All-Sociality) in the Way of Thinking, Worldview – and Thus to Super-All-Disciplinarity and Super-All-Methodology, to Super-Allconvergence in Science and in Staff Training. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta – Pyatigorsk State University Bulletin*. 1. pp. 196–218. (In Russian).
14. Meretukov, G.M., Danil'yan, S.A. & Gusev, A.V. (2009) *Tekhniko-kriminalisticheskie osnovy issledovaniya banknot Banka Rossii* [Technical and Forensic Principles of the Study of Banknotes of the Bank of Russia]. Krasnodar: Kuban State Agrarian University.
15. Kulikova, E.Yu. (2016) Stolen Science: Why Plagiarism and Self-Plagiarism Are Unacceptable. *Vestnik RGMU – Bulletin of RSMU*. 6. (In Russian). DOI: 10.24075/brsmu.2016-06-09
16. Pleshchenko, V.I. (2018) The Problem of Plagiarism in Scientific Publications and Graduation Research Papers. *Vyshee obrazovanie v Rossii – Higher Education in Russia*. 27 (8–9). (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2018-27-8-9-62-70
17. Stebbins, M. (2013) *Expanding Public Access to the Results of Federally Funded Research*. [Online] Available from: <http://www.whitehouse.gov/blog/2013/02/22/expanding-public-access-results-federally-funded-research.htm>. (Accessed: 25.03.2019).
18. Australian Research Council. (2018) *ARC Open Access Policy Version 2017.1*. [Online] Available from: <https://www.arc.gov.au/policies-strategies/policy/arc-open-access-policy-version-2017.1>. (Accessed: 25.03.2019).
19. Ministry of Higher Education and Science. (2018) *Denmark's National Strategy for Open Access*. [Online] Available from: <https://ufm.dk/en/research-and-innovation/cooperation-between-research-and-innovation/open-access/Publications/denmarks-national-strategy-for-open-access/>. (Accessed: 25.03.2019).
20. UK Research and Innovation. (2018) *UKRI Open Access Update*. [Online] Available from: <https://www.ukri.org/news/ukri-open-access-update/>. (Accessed: 25.03.2019).
21. Gorbunov-Posadov, M.M. (2017) *Internet-aktivnost' kak obyazannost' uchenogo* [Internet Activity as a Scholar's Duty]. Yekaterinburg: Izdatel'skie resheniya.
22. Polilova, T.A. (2009) Infrastructure of Scientific Publications. *Preprinty IPM im. M.V. Keldysha – KIAM Preprint*. 15. [Online] Available from: <http://library.keldysh.ru/preprint.asp?id=2009-15>. (In Russian).
23. Semyachkin, D.A., Sergeev, M.A. & Kislyak, E.V. (2015) Possible Ways to Develop Open Science in Russia. *Nauchnaya periodika: problemy i resheniya – Scholarly Communication Review*. 5 (2). pp. 89–94. (In Russian).

Received: 23 September 2019

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБАЛЯН Анна Игоревна – канд. полит. наук, доцент кафедры этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: anna.abalyan@spbu.ru

АГАФОНОВА Марина Павловна – ассистент Высшей школы инженерной педагогики, психологии и прикладной лингвистики Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого. E-mail: m.p.agafonova@yandex.ru

АЛЕКСАНДРОВА Яна Дмитриевна – студент 3-го курса Западно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Томск). E-mail: makrickaya99@mail.ru

АХМЕДШИН Рамиль Линарович – д-р юрид. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: raist@sibmail.com

АЧКАСОВ Валерий Алексеевич – д-р полит. наук, профессор, зав. кафедрой этнополитологии Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: val-achkasov@yandex.ru

АЮШИЕВА Ирина Гармаевна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: aig1973@mail.ru

БАЙДИКОВА Наталия Леонидовна – канд. пед. наук, доцент Института лингвистического и педагогического образования Национального исследовательского университета «МИЭТ» (г. Москва). E-mail: nataleon22@list.ru

БРЕЖНЕВ Олег Викторович – д-р юрид. наук, профессор кафедры финансового права, конституционного, гражданского и административного судопроизводства Юго-Западного государственного университета (г. Курск). E-mail: obrezhnev@yandex.ru

БУЛЛЕР Андреас – PhD, референт министерства по социальным вопросам и интеграции федеральной земли Баден-Вюртемберг (Германия), научный сотрудник Томского государственного университета. E-mail: andreas.buller@gmail.com

БУРНАКОВ Венарий Алексеевич – канд. ист. наук, ст. науч. сотр. Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск). E-mail: venariy@ngs.ru

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич – д-р юрид. наук, проректор по научной работе, зав. кафедрой гражданского права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: evavilin@yandex.ru

ВИРОВЕЦ Софья Владимировна – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы Томского государственного университета. E-mail: lizkakorejkina@gmail.com

ВЛАСЮК Наталья Николаевна – канд. филос. наук, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: nnvlasuk@ngs.ru

ГОЛОВНЕВ Иван Андреевич – канд. ист. наук, науч. сотр. отдела проектных исследований Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук (г. Санкт-Петербург). E-mail: golovnev.ivan@gmail.com

ГРУЗДЕВ Владислав Викторович – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права Новосибирского государственного университета экономики и управления «НИНХ». E-mail: gruzvlad@rambler.ru

ГРУШИН Федор Владимирович – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: fedor062@yandex.ru

ЖЕЛОКОВ Николай Вячеславович – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Саратовской государственной юридической академии. E-mail: zhelokov2007@mail.ru

ИВАНОВА Галина Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: ivanova-kirov@mail.ru

КАПЛУН Марианна Викторовна – канд. филол. наук, ст. науч. сотр. Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (г. Москва). E-mail: tangosha86@mail.ru

КВАНИНА Валентина Вячеславовна – д-р юрид. наук, профессор, зав. кафедрой предпринимательского, конкурентного и экологического права Южно-Уральского государственного университета (национальный исследовательский университет) (г. Челябинск). E-mail: vv.kvanina@mail.ru

КЕЛЛЕР Андрей Викторович – PhD, ст. науч. сотр. Лаборатории эдиционной археографии Уральского федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург). E-mail: keller26000@gmail.com

КОЛЕСНИКОВА Светлана Юрьевна – д-р культурологии, профессор кафедры иностранных языков Сибирского государственного медицинского университета (г. Томск). E-mail: Svetlana_kolesnikova_64@mail.ru

КРУГЛОВА Инна Николаевна – д-р филос. наук, профессор, зав. кафедрой философии Красноярского государственного аграрного университета. E-mail: inna_krug@mail.ru

ЛИНЧЕНКО Андрей Александрович – канд. филос. наук, доцент, науч. сотр. Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент Липецкого государственного технического университета. E-mail: AALinchenko@fa.ru

МАЗУР Екатерина Сергеевна – д-р мед. наук, профессор кафедры криминалистики Томского государственного университета. E-mail: eksm1@mail.ru

МАЛЬЦЕВ Ярослав Владимирович – соискатель кафедры философии Тюменского государственного университета. E-mail: maltsevyaroslav@gmail.com

МАУЛЬ Виктор Яковлевич – д-р ист. наук, профессор Нижневартовского филиала Тюменского индустриального университета. E-mail: VYMaul@mail.ru

МИСЮРОВ Николай Николаевич – д-р филос. наук, профессор кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. E-mail: journalist-omgu@yandex.ru

ПЕРЕВОЩИКОВ Денис Владимирович – ассистент кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: pdv31415@gmail.com

ПОДРЕЗОВ Михаил Владимирович – канд. ист. наук, ст. преподаватель кафедры политологии Томского государственного университета. E-mail: mvpodrezov@gmail.com

ПОЛЯКОВА Наталья Валерьевна – канд. филос. наук, доцент кафедры теории и философии политики Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: belnata70@yandex.ru

РАЗИНА Анастасия Степановна – аспирант кафедры русского языка Томского государственного университета. E-mail: razina-anastasia@yandex.ru

РОДИОНОВ Владимир Александрович – канд. полит. наук, доцент кафедры истории и регионоведения стран Азии Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ). E-mail: vladimir_198025@mail.ru

САВЕЛЬЕВА Марина Владимировна – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: m300kk64@mail.ru

САУРОВ Юрий Аркадьевич – д-р пед. наук, член-корреспондент Российской академии образования, профессор кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: saurov-ya@yandex.ru

СИРЯКОВ Алексей Николаевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовно-исполнительного права Академии права и управления ФСИН России (г. Рязань). E-mail: 643350@mail.ru

СКВОРЦОВА Наталья Сергеевна – ст. преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области политических наук, соискатель кафедры лексикологии английского языка Московского государственного лингвистического университета. E-mail: nskvortsova18@gmail.com

СМЕТАНИНА Зоя Викторовна – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: zoyasmetanina@gmail.com

СМУШКИН Александр Борисович – канд. юрид. наук, доцент кафедры криминалистики Саратовской государственной юридической академии. E-mail: skif32@ya.ru

СОКОЛОВА Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Вологодского института права и экономики ФСИН России. E-mail: taniavol@yandex.ru

СТУРОВА Елена Алексеевна – канд. филол. наук, доцент Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: lena_sturova@mail.ru

ТАЛАЛАЕВА Екатерина Юрьевна – ассистент кафедры философии и методологии науки Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. E-mail: aikatarin@mail.ru

ТРУБНИКОВА Наталья Валерьевна – д-р ист. наук, профессор кафедры востоковедения Томского государственного университета, профессор Отделения социально-гуманитарных наук Томского политехнического университета. E-mail: troub@mail.ru

УВАРОВА Марина Павловна – канд. пед. наук, доцент кафедры физики и методики обучения физике Вятского государственного университета (г. Киров). E-mail: mpozolotina@mail.ru

ЧЕКМАРЕВА Анастасия Валериевна – д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии. E-mail: anastasiya-chekmareva@yandex.ru

ЯКОВЛЕВА Ирина Владимировна – канд. филос. наук, доцент кафедры физического воспитания Новосибирского государственного педагогического университета. E-mail: uhova2005@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2020. № 451. Февраль

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Д.А. Катунин

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 20.02.2019 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 32. Усл. печ. л. 29,7. Тираж 50 экз.
Заказ № 41... Цена свободная.

Дата выхода в свет 20 марта 2020 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Издательство: Издательский Дом Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru